ТУРКМЕНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ТРУДЫ
ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том I

АШХАБАД
1949

ТУРКМЕНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ТРУДЫ

ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Под редакцией начальника ЮТАКЭ профессора
М. Е. МАССОНА

Том I

Издательство Туркменского Филиала Академии Наук СССР
Ашхабад — 1949 год

ЮТАКЭ
1946

М. Е. МАССОН

ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЛЕКСНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ (ЮТАКЭ) 1946 ГОДА

В соответствии с решениями, принятыми на 1-ой Всесоюзной археологической конференции в Москве в феврале 1945 года, Туркменский филиал Академии наук СССР учредил в составе Института истории, языка и литературы Южно-Туркменистанскую археологическую комплексную экспедицию (ЮТАКЭ), деятельность которой рассчитана на несколько лет. Согласно положения, рассматривавшегося в ИИЯЛ ТФАН и ИИМК АН СССР, основной проблематикой ее является участие в разрешении вопросов по установлению периодизации истории Туркмении за все эпохи деятельности здесь человеческого общества, с уделением особого внимания некоторым из них (в частности, парфянской). Целью же является постепенный широкий историко-археологический охват всей территории Южного Туркменистана с учетом, что она составляет часть некогда единой области Хорасана, и изучения на ней по возможности всех категорий памятников материальной культуры прошлого и разнообразных следов былого пребывания человека.

Деятельность подготовительного периода, которой было уделено много внимания, протекала одновременно в Ашхабаде, Самарканде, Киеве и Ленинграде.

Полевые работы начались с 1 сентября 1946 г. и продолжались для основной группы участников до 9 ноября, а для пятого отряда — до 20 ноября.

Состав участников полевых работ в 1946 году был следующий:

Начальник экспедиции — профессор, доктор М. Е. Массон; ученый секретарь Джан Мамед Овезов; кандидаты наук: археолог-искусствовед М. И. Вязьмитина (Киев), археолог С. А. Вязигин (Ашхабад), археолог В. Д. Жуков (Ташкент), историк-этнограф В. Г. Мошкова (Ташкент), архитектор-историк Г. А. Пугаченкова (Ташкент), искусствовед Л. И. Рempель (Самарканд); геолог-консультант В. И. Шумов (Ашхабад), археолог-краевед С. А. Ершов (Ашхабад); археологи-аспиранты: З. А. Альхамова, Е. А. Давидович, В. А. Левина, Б. А. Литвинский (Ташкент, САГУ); шесть коллекторов из числа студентов-археологов САГУ и два коллектора из Ашхабада. К работам было привлечено два топографа, фотограф и 9 человек обслуживающего персонала. Рабочих-землекопов несколько более тысячи рабочих дней. Объем земляных работ составил около 1.200 кубических метров.

Всего работало 5 отрядов: два маршрутных и три стационарных. Последние на городище Ниса были объединены в одном Багирском лагере, размещавшемся в здании старого медресе.

ЮТАКЭ с самого учреждения не обещала «сенсаций», которые зависят от случая. Их не искали, и даже подвижным маршрутным отрядам намечалось не общего характера задание обследовать местность вообще в археологическом отношении, а ставились совершенно конкретные задачи с требованием ответить на них или утвердительно, или отрицательно. Все это нашло отражение в приемах методики полевых исследований.

Большие площади изучались сплошь и последовательно с разбивкой на квадраты в 100×100 *м*², причем для территории обоих городищ Нисы и площади аула Багир были изготовлены и размножены аммиачным способом рабочие планы в масштабе 1 : 1.000 и 1 : 10.000. Раскопки велись поквадратно, а размеры квадратов брались, в зависимости от характера объекта, в 2 х 2 *м*² и 1 х 1 *м*² при высоте снимавшихся последовательно ярусов в 0.5 *м*. Во всех случаях применялся статистический метод охвата массового раскопочного и подъемного материала. Особое внимание уделялось наблюдению над самой землей, и даже завалы изучались как антропогенные культурные слои, с использованием, для уяснения их стратиграфии, индикаторов биологического порядка. Наиболее полезными в этом отношении в условиях Южного Туркменистана оказались сухопутный моллюск *Helicella candaharica* и водолюбивый моллюск — «чернушка» *Melanopsis praemorsa L.* (*var. mengrelica Mouss*), облегчавшие, между прочим, выяснение площадей былых орошенных земель, определение характера погребенных почв и установление уровней былых поверхностей. Распознанию последних способствовали наблюдения над донцами норок жуков *Scarabeus sacer* и *Gymnopleurus*, а из перепончатокрылых над колониями земляных пчел галиктов. Интересные данные удалось почерпнуть и из наблюдений за деятельностью термитов, как разрушителей в далеком прошлом старых штукатурок.

Развернут был и опрос населения, особенно стариков, в части сбора преданий об интересных археологических пунктах, легенд об объектах и сведений о былых археологических находках. Велись наблюдения за нумизматическим материалом, в частности, путем учета монет, носимых в качестве украшений и нашитых на отдельные предметы женских костюмов.

Исключительное внимание уделялось ведению разнообразных полевых записей и фиксации наблюдений, в связи с чем изготовлены были типографским способом специальной формы дневники, поквадратные описи и коллекционные регистрационные книжки. Дневники велись всеми начальниками отрядов, групп и археологами. Поквадратные описи — коллекторами или археологом, если тот копал без коллектора (независимо от наличия дневника). Маркировка материалов производилась по единой разработанной для всех отрядов системе шифров. Записи в коллекционные регистрационные книжки производились под копирку с проставлением полевого определения. Чертежи мелкие помещались в дневники или в поквадратные описи, а крупные — делались на отдельных листах. Соблюдение масштабности являлось обязательным требованием даже при изготовлении схем.

Основными трудностями явились не некоторые хозяйственные неполадки, не климатические условия (хотя в начале сентября на солнце от жары лопнуло два оптических инструмента, а в ноябре сотрудники дрогли от холода), не «тяжелый грунт» (порой с трудом поддававшийся кетменю, кирке-мотыге и лому). Главное заключалось в том, что ЮТАКЭ не получила в наследство сколько-нибудь обоснованной и детализированной по столетиям хронологической шкалы даже для средневекового археологического инвентаря в виде керамики или групп строительного материала. В обиходе на месте бытовали датировки «по традиции», сложившиеся в процессе краеведческой практики, без какого-либо единого научного критерия при установлении возраста объектов. В самой терминологии археологических предметов бытовали определения по династическим или этническим наименованиям («саманиды», «сельджукиды», «узбеки», «монголы» и т. п.). Еще менее отправных данных могла бы почерпнуть ЮТАКЭ по материалам из иранского и афганского Хорасана, для которых, как известно, в зарубежной науке вообще не выработано хронологических критериев для массовых типов археологической керамики.

Столкнувшись с таким положением на самой начальной стадии работ и убедившись не только в нечеткости, но и в сомнительности временных определений местной древней керамики, исходя из которой, до сих пор давались иногда довольно ответственные исторические заключения, ЮТАКЭ, одновременно с разрешением поставленных перед отрядами исторических задач, параллельно приступила к пересмотру указанных представлений. Наряду с выявлением групп археологических объектов различных эпох и стратиграфически уточненных слоев, для получения более полных и узко зажатых во времени комплексов древних бытовых предметов было произведено специальное вскрытие около десятка древних ретирадных ям-бадрабов и четырех мусорных ям. Они содержали в ряде случаев довольно хорошо датируемые даже нумизматическими находками разнообразные, одновременные по происхождению коллекции предметов, в основном глиняной посуды и отчасти стекла. Объекты эти подвергались на месте предварительному изучению, систематизации, определению и размещались в специальном «полевом музее» одной из худжр лагерного медресе. Проконтролированные по ним прежние определения в большинстве случаев оказались дефектными: ряд типов так называемых «сельджукидов», как именовалась мнимая керамика XI—XII вв., пришлось сдвинуть к VIII—X вв.; в группу «сефевидов» (XVI—XVII вв.) ошибочно включались объекты XV века; не соответствовали своему содержанию во времени так называемые «хорезмшахи», причем ЮТАКЭ удалось впервые выявить по Южному Туркменистану настоящую утварь конца XII, начала XIII вв.; полихромная керамика XIV в. считалась принадлежащей к XVII столетию и т. п. Выявление керамических комплексов и уточнение их датировок, которые могут быть положены в основу новой шкалы для определения средневековых археологических объектов не только Южного Туркменистана, но и зарубежной части Хорасана — одно из основных достижений полевых работ ЮТАКЭ 1946 года.

Все отряды хорошо справились со своими задачами. Для маршрутного отряда № 4, возглавлявшегося С. А. Вязигиным и состоявшего из пяти человек, это было выяснение наличия или отсутствия

следов стены, которой, по свидетельству Страбона (I в. н. э.), был обнесен по распоряжению селевкида Сотера I (280—261 г. до н. э.), для защиты от кочевников, плодородный оазис Маргианы и которая имела в окружности якобы до 1.500 стадий (т. е. около 250 *км*). Об остатках каких-то валов к северу от Байрам-Али имелись лишь устные сведения. Отряд установил наличие следов стены Антиоха в двух районах и проследил их к северо-западу от Байрам-Али (в расстоянии от последнего около 30 *км*), примерно, на протяжении 22 километров и к северо-востоку — на протяжении 8 километров. В современном состоянии стена Антиоха представляет собой вал высотой от 1 до 3 метров и носит у населения наименование Хиляки-чиль. Археологический разрез ее показал, что она сделана из пахсы. Из собранного археологического материала заслуживает быть особо отмеченным торс терракотовой фигурки, напоминающей гермафродита, повидимому культового характера, сделанной в традициях эллинистического искусства. В процессе обследования района осмотрено несколько городищ и других археологических объектов, причем установлен большой важности факт, что в средние века орошенные земли простирались вглубь песков много севернее территории, окруженной стеной III в. до н. э.

Для изучения проблемы Так-Языр-Дурун, связанной с выяснением истории заселения Бахарденского района туркменским племенем языр, был поставлен опыт создания смешанного этнографо-археологического отряда, в состав которого входили: этнограф В. Г. Мошкова в качестве начальника и Б. А. Литвинский — в качестве археолога. Опросные сведения, полученные от проживающих в районе карадашлы, потомков древних туркмен-языров, кроме сбора преданий и легенд, выявили впервые, что карадашлы считают своих предков выходцами из засыпанного песками Шахри-Ислама и потому до сих пор возят хоронить своих покойников на старое родовое кладбище у этого городища. Археолого-топографическая разведка главнейших городищ района дала ряд новых археологических наблюдений и позволила, вопреки мнениям В. В. Бартольда и А. А. Марущенко, придти к заключению, что крепость Так была на месте Шахри-Ислама, что само это городище представляет собой остатки города Языр, а что средневековый Дурун был самостоятельным укрепленным пунктом у развилки двух водоотводов (откуда его название, искаженное от Ду-раван) и что ему соответствуют руины современного одноименного городища. Собранный археологический материал уточняет представления о планировке и о времени существования этих городов, из которых Дурун, после замирания Шахри-Ислама, стал играть более видную роль.

В центре внимания ЮТАКЭ 1946 года находились развалины Нисы на землях селения Багир. Изучением городища «Старая Ниса» занимался 1-й отряд, возглавлявшийся С. А. Ершовым и имевший в своем составе трех археологов и одного коллектора. Работы на городище «Новая Ниса» протекали под руководством М. И. Вязьмитиной, являвшейся начальником 2-го отряда, в составе двух археологов и трех коллекторов. Наконец, обследование пригородной части и ближайших окрестностей вел 3-й отряд, состоявший из начальника его В. Д. Жукова, одного археолога и двух коллекторов. Вопросами архитектуры Нисы занималась Г. А. Пугаченкова. В составе Багирской же группы находился искусствовед Л. И. Рempель, рабо-

тавший в основном над специальной темой по древней скульптуре Туркмении.

На городище «Старая Ниса» изучалась одна из башен восточного фаса внешней стены, сложенной из пахсы и сырцового квадратного кирпича. В центральной группе развалин начат сплошной раскоп здания с четырехлопастными колоннами, причем внутри его была вскрыта площадь в 20 х 6 $м^2$, что составляет примерно $^2/_9$ всего помещения. Верхний культурный слой с остатками здания, с 1930 года считавшегося «сасанидским» и датировавшегося III—VII вв., дал материал, относящийся по времени не ранее конца XII — начала XIII вв. Раскопки руин нижерасположенного помещения парфянской эпохи установили наличие нескольких этапов в существовании на этом месте строений, выявив совершенно новые датировки для каждого из них, картину эволюции архитектурного стиля, период запустения городища в послепарфянское время и нового частичного обживания городища в средние века.

На городище «Новая Ниса» производилось поквадратное изучение всей поверхности. Осуществлен археологический разрез городской стены в северо-восточной части города; неподалеку отсюда начат раскоп на месте некрополя парфянской знати; вскрывалась баня начала XIII в. в цитадели. Историко-топографическое изучение пригородной части шло от недавнего прошлого вглубь веков, в связи с чем впервые наметилась история самого селения Багир, выросшего на месте развалин Нисы. Раскапывались остатки прежней стены с западной стороны, наметилась наиболее густо населенная часть пригорода—рабада, опознан мавзолей шейха XI в. Али Абу Даккака, руины средневековой мечети Намазгох (считавшиеся до сих пор развалинами дворца правителей Нисы XVIII в.); отысканы остатки средневековой ханаки Серави.

Собранный за полевой сезон работ археологический материал включает тысячи объектов, весьма разнообразных по своему составу, дающих ряд совершенно целых предметов и большое число таких, по которым восстанавливается их первоначальная форма. Предметы концентрировались в лагере и были систематизированы и размещены в четырех полевых музеях.

Наиболее ранние объекты представлены кремневыми находками с городища Новая Ниса, среди которых, по определению А. П. Окладниковa, имеются отжимник, нуклеусы, нуклевидный скобель, скребки, острие-проколка, пластинки с ретушью. Многочисленные крупные и мелкие отщепы, равно как и нуклеусы, говорят о местном изготовлении этих орудий первобытного человека, в обработке которых налицо следы микролитической традиции. По времени они могут быть отнесены к неолиту или ранней бронзе. К эпохе «бронзы» относятся также некоторые фрагменты керамики анауского типа, встреченные на городище Новая Ниса и к юго-востоку от Багира, неподалеку от места пересечения подъездного пути из этого селения с большой Фирюзинской дорогой.

Составлена интересная коллекция древних строительных материалов разных эпох, начиная с парфянских жженых строительных кирпичей невысокого качества и, в частности, нескольких замковых плит жженого кирпича. Очень интересны встреченные на городище Новая Ниса кирпичеподобные каменные блоки того же периода из зеленоватого песчаника, каменные торовидные базы парфянской эпохи. Собра-

ны облицовочные кирпичные плиты поздне-арсакидского времени, половые шестиугольные глазурованные кирпичи XII—XIV вв., разнообразные образцы глазурованных и неглазурованных архитектурных декораций XIV—XVII вв., среди которых — плитки штампованного орнамента голубой или зеленой поливы и многоцветные майолики.

Заслуживают упоминания коллекции железных наконечников стрел от парфянского времени до XIII в. н. э., бусин, украшений и амулетов, начиная от раковин «каури»; крупных пифосов-хумов дофеодального и феодального времени; каменной посуды из стеатита; средневековой стеклянной утвари и плоского оконного стекла; китайского фарфора XV в. и позднее; набор металлических объектов от деревянной двери начала XIII в. в виде гвоздей, костылей, декоративных набивных украшений, цепи, «накидки»; некоторого количества монет из находок на городище Ниса и др.

Исключительно богато представлена керамика разных эпох, особенно для периодов после арабского завоевания. Выделяется своеобразие стилистически общих комплексов Нисы и Бахарденского района в сравнении с иными известными среднеазиатскими керамическими группами. Среди них четко вырисовываются следующие:

1. Керамика IX—X вв. Группа безглазурной тонкостенной керамики кремовой и особенно серой глины (последняя, видимо, специфична именно для местной керамической продукции — в иных районах Средней Азии она почти не встречается). Значительная поливная группа; полива — близкая к мавераннахрской поташной. Основные виды: а) грубоватая темнозеленая; б) желтовато-коричневая; в) «мраморовидная» с подтеками желтой, зеленой, белой, иногда с подглазурным процарапанным орнаментом. Полихромная орнаментированная керамика (главным образом чаши) розоватой поливы, с росписью зеленым, марганцево-черным, яркожелтым. Преобладающие формы: чаши со скругляющейся во внутрь закраиной и плоским поддоном, глубокие тарелки с аналогичным сечением стенок, кувшины с крутыми плечиками, широкой горловиной и плоским дном. Орнаментация безглазурной керамики — иногда простейшая линейная (концентрическими полосками, зигзагом) и косыми насечками; изредка штампом (например, вереница птичек) и налепом (например, в виде выпуклых цветочков). На полихромной керамике либо отвлеченные, в радиальном от центра расположении узоры, либо зооморфные мотивы (по преимуществу изображения птиц).

2. Керамика XI в. Отмечаются некоторые изменения сечений— в очертаниях профиля, в форме поддона, который уже не просто срезан, но имеет утолщение. Наряду с безглазурной керамикой серой и кремовой глины широко представлены поливные типы. Наблюдается явное совершенствование полив — более блестких и чистых, чем в предыдущей группе. Среди них: 1) «мраморовидная»; 2) зеленая; 3) коричневая с растеками медвяножелтой краски.

3. Керамика XII — начала XIII вв. а) Обширная группа безглазурной керамики, главным образом сероглиняной. Богатство форм, при известном огрублении сечений. Широкое применение и большое разнообразие орнамента. Здесь отмечается техника штампа — вдавленного (особенно характерен мотив в виде латинской буквы S), налепного (в форме особых выпуклых шишечек), реже — рельефного,

выполненного с помощью особых матриц-калыпов, нередко заключающего надписи, мотивы стилизованных цветов и даже зооморфные сюжеты[1]). Часто орнамент процарапанный, подражающий технике и мотивам гравированного металла. Некоторые богато орнаментированные хумы украшаются капельками голубой глазури, как бы в подражание вставкам бирюзы на металлических сосудах. б) Поливная керамика, как правило, без орнаментации; широкое применение голубых и яркозеленых полив. в) Тонкостенные чаши с голубоватой или белой поливой на кашинном черепке (кашин — особая пористая силикатная масса керамического теста).

4. Керамика XIII в. Развитие предшествующих керамических групп. Сероглиняная керамика — преимущественно крупные, тяжеловатые кувшины, горшки, крыночки. Богатая, подражающая металлической, орнаментация — гравированная или налепная (например, в виде колец на петлях). Поливная керамика — яркоголубая и яркозеленая. Совершенствование кашинной керамики, давшей великолепный набор почти цельных чаш, чашечек, блюдец с характерными прямыми стенками и высоким кольцевым поддоном. Появление ажурной орнаментации — в виде залитых глазурью, просвечивающих дырочек-проколов, образующих несложный линейный орнамент.

5. Керамика XIV в. Пока выявлены по преимуществу поливные типы. Широкое распространение получает орнаментированная глазурованная керамика. Изменение сечений чаш, стенки которых становятся округлы. Отмечены сосуды желтоватой глины с голубыми капельками глазури в шахматном расположении. Два основных полихромных типа в два или в три цвета, краски которых мутноваты, расплывчаты: 1) белый фон, роспись лиловато-черной и растекающейся голубой; 2) роспись

---

[1]) Среди отдельных керамических объектов этого рода специального внимания заслуживает безглазурный сосуд с выпуклым туловом и широкой горловиной, украшенный отштампованными в матрицах орнаментами. Последние расположены концентрическими полосами и заключают: мотив звериного гона—изображение псов, мчащихся за львами и зайцами; вьющийся побег со стилизованнымы цветами лотоса; две надписи — вверху и внизу, выполненные одна куфой, другая почерком насх, но обе содержащие одно и то же благопожелание: «богатство, счастье, могущество, долголетие и благоденствие (да будут с вами)!» Форма сосуда, техника изготовления, орнамент, эпиграфические особенности, равно как и сама формула надписи позволяют датировать кувшин XII столетием. Любопытно, что на плоскости поддона также содержится орнамент: изображение хищной птицы, терзающей утку. Таким образом этот изысканный сосуд, помимо выполнения утилитарной функции, был предметом эстетического любования. Сосуды, близкие к описанному по технике и орнаментации, содержатся в некоторых мировых коллекциях; таков, например, кувшин со звериным гоном и надписями из Метрополитен—Музея, опубликованный в Survey of Persian Art. Однако, до сих пор уточнения по месту изготовления и даже находки они не имели. Между тем, некоторые данные говорят в пользу их южно-туркменистанского происхождения. В Ашхабадском музее хранится немало объектов подобной керамики, причем преимущественным местом их обнаружения является Мерв или Мервский район. Здесь особенно интересен вскрытый при закладке шурфа у мавзолея Мухаммада ханапья (XII в.) кувшин, орнаментация (звериный гон, побег с лотосами) и надписи которого представляют почти прямую реплику описанного сосуда из Нисы. Если добавить к этому, что в Мерве, обширное керамическое производство которого отмечено советскими археологами, нередко встречаются матрицы для нанесения подобных отштампованных орнаментов, то есть все основания считать Мерв возможным центром производства этой группы орнаментированной безглазурной керамики, откуда наиболее раскошные экземпляры могли вывозиться и в другие города — в частности, в Нису.

лиловато-черной краской под голубой глазурью. Орнамент отвлеченный, обычно в центральной композиции; иногда — имитация надписей, абсолютно нечитаемых. Для голубой группы характерна на дне динамическая фигура (типа свастики), образованная четырьмя, шестью или бо́льшим числом стилизованных рыбок — мотив, характерный для так называемой «султанабадской» посуды XIV в. и известный для Самарканда этой же эпохи.

6. Керамика XV—XVI вв. В эволюции ее отмечается по крайней мере три этапа: первая половина XV-столетия, вторая его половина и XVI-й век. Керамика эта, как установлено для тех же эпох в отношении керамики Мавераннахра, отмечена радикальным изменением стиля в сравнении с предшествующим периодом, оригинальностью форм и росписей, при известной стилистической связи с китайскими фарфорами эпохи Минг. Она изготовлена на кашинном черепке, очень тонка и легка. Роспись нанесена кобальтом; к концу XV в. отмечается введение в окраску различных светлокоричневых оттенков. Орнаментация свободно-живописная — преобладают растительные сюжеты, нередки изображения животных и птиц, часто на поверхности чаш и блюд развертывается целый пейзаж.

Обильная керамика последующих столетий пока еще хронологически недостаточно уточнена для того, чтобы дать ей четкую классификацию.

Весь описанный материал для Нисы и Бахарденского района массовый, буквально попираемый ногами. Наличие бракованных экземпляров — несомненный показатель местного его изготовления. В общем он не похож ни на мавераннахрский, ни на хорезмийский керамический материал: это, безусловно, местная керамика, имевшая притом, судя по сравнительным данным из Мервского района, локальный характер.

Среди керамических объектов привозного происхождения следует отметить некоторое число находок люстра. Таковы обнаруженные в кладке стен средневековой бани фрагменты чашки чудесного золотистого люстра с надписями, стилизованным растительным орнаментом и головкой мужчины с удлиненным разрезом глаз и небольшой бородой — по типу близкие к прославленным образцам рейского керамического производства XII— начала XIII столетия. В Новой Нисе встречены и менее совершенные образцы люстровой керамики, может быть принадлежавшие продукции каких-то провинциальных мастерских. В раскопках у северо-западного участка стены Новой Нисы обнаружено несколько фрагментов той тонкой полихромной керамики, которую именуют «миная»; среди них особенно интересен черепок с золотыми голубками по белому фону. Специальный интерес составляют люстровые изразцы, принадлежавшие, видимо, облицовке какого-то богатого здания: две восьмиконечные звезды и вписывающаяся между ними крестовина. Последняя — яркосинего цвета; слегка выпуклая орнаментация отвлеченного характера нанесена белым ангобом и надглазурным золотом. Что касается звезд, то одна из них заключает изображение старца с цветком в руке и с «жестом рассуждения», вторая — юношу, сидящего под сенью дерев, на берегу бассейна; по контуру их обрамляют стихи, прославляющие любовь и красавицу. Рисунок очень

тонок, несколько перенасыщен; основные цвета — белый фон, росписи золотистокоричневого оттенка, с мазками синей и бирюзовоголубой краски; поверхность мягко переливает радужными оттенками. Стилистический анализ, сближающий эти звезды с серией люстровых изразцов из Дамгана, датируемых 1267 г., так называемого «кашанского типа», позволяет отнести их также ко второй половине XIII в., хотя характер расцветки и орнаментации крестовины имеет аналогии еще в облицовках некоторых шах-зиндинских мавзолеев XIV столетия. Во всяком случае, примечателен самый факт употребления в Нисе для облицовки какого-то парадного здания этих роскошных люстровых изразцов в эпоху Хулагидов.

XIV же веком может быть датирован необыкновенно изящный кувшин, найденный в цитадели Новой Нисы, тонкого кашинного черепка, с бирюзовой поливой и росписью в виде отдельных сочных черных штрихов, принадлежащий к той, пока еще окончательно не определенной по месту изготовления, керамической группе так называемых «вераминов», одним из пунктов изготовления которой, возможно, была Ниса.

Особую группу явно привозных изделий составляет китайский фарфор. Следует прежде всего отметить находки в Шахри-Исламе (средневековый Языр) фрагментов бледнозеленого селадона (XI—XIII вв.). Но особенно значительную группу дала Новая Ниса, на территории которой (преимущественно в так называемом Тимуридском квартале шахристана) собрано было большое количество фрагментов тонкого фарфора двух видов — белого, с просвечивающим ажурным подглазурным узором, и фарфора типа «кобальт». Преимущественная датировка — XV столетие, подтверждение чему дают не только стилевые аналогии, но и находка в комплексе других фрагментов донца чашечки с маркой императора Ченг-Хоа из династии Минг (1465—1487).

Среди памятников искусства, изучавшихся экспедицией, уникальной является роспись на стенах резервуаров бани начала XIII в. На лучшем образце она представляет собой панно геометрического узора, выполненного по яркокрасному фону белой краской и обрамленного рамой желтого фона с черными рисунками цветочного орнамента и арабскими надписями с благопожеланиями.

Чрезвычайно важно открытие пехлевийской надписи в несколько строк на хуме конца II—III вв. н. э. в Старой Нисе. Принципиально интересно обнаружение на бронзовом сосуде XII в. из Новой Нисы фрагмента льняной ткани; железных криц сыродутной плавки на городищах Старая Ниса, Новая Ниса и Шахри-Ислам (Языр), свидетельствующих не только о существовании местного железного производства, но и о близости месторождений железной руды; стеклянных шлаков, подтверждающих местное происхождение многочисленных предметов стеклянной утвари из числа археологических находок.

Не говоря о прочих многочисленных установленных новых фактах и сделанных частных археологических наблюдениях, в итоге исследовательских полевых работ ЮТАКЭ первого года можно наметить следующие существенные выводы:

1. Парфянский город Ниса погребен под позднейшими наслоениями городища «Новая Ниса», в котором, исключая цитадель, на период до арабского завоевания приходится многометровая толща (до 7 мет-

ров), в два раза и более превышающая мощь культурных слоев, накопившихся со второй половины VII века.

2. Выяснена общая канва по истории Нисы, начиная от парфянского времени до русского завоевания.

3. Установлено резкое отличие всего комплекса разных категорий местных памятников материальной культуры прошлого всех исторических эпох, от таковых же Мавераннахра, Тохаристана, Хорезма и лежащих к югу и юго-западу областей Ирана.

4. При широком охвате всех памятников материальной культуры прошлого Южного Туркменистана уже сейчас выявляется два крупных культурно-исторических района: восточный, с центром в Мервском оазисе, тяготеющем к Тохаристану, и западный, менее от него зависящий и составляющий свой особый культурный круг.

За время полевой деятельности экспедиция провела и научно-агитационную массовую работу, прежде всего, по линии I-й научной конференции ЮТАКЭ, в порядке выездной сессии в Ашхабад с публичными выступлениями на трех заседаниях по археологической тематике Туркменской ССР. По окончании раскопок в Туркменском филиале Академии наук СССР состоялся публичный отчет начальника ЮТАКЭ о результатах полевых работ экспедиции.

В Багире по городищу, раскопочным площадкам и по полевым музеям в сентябре и октябре проводились экскурсии организованных групп трудящихся и школьников Ашхабада. В прессе помещались информации о ходе работ, а сами они были засняты на кинопленку, причем часть материалов была включена в № 67 Союзного журнала «Кинохроника».

Попутно с работами в местных архивах, музеях и других научных организациях, коллектив научных работников ЮТАКЭ, включавший специалистов разных отраслей знания, осуществил в Ашхабаде консультационную работу, по линии Музея истории революции, Краеведческого музея Туркмении, Управления по делам архитектуры. В Музее краеведения З. А. Альхамова и Е. А. Давидович произвели определение восточных монет нумизматического фонда. М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова давали консультации по вопросам охраны, ремонта и изучения мечети Анау, инструктировали Московскую архитектурную группу по вопросам, связанным с проведением обмерных работ на некоторых архитектурных памятниках Ташаузского округа.

Результаты научно-исследовательских полевых работ 1946 года и планы на 1947 год были заслушаны в Ленинграде на заседаниях Ученого Совета ЮТАКЭ в составе председателя, академика В. В. Струве, заместителя председателя, члена-корреспондента АН СССР А. Ю. Якубовского, членов — академика И. Ю. Крачковского, членов-корреспондентов А. А. Фреймана, Н. В. Пигулевской, докторов наук В. А. Крачковской, М. И. Артамонова, С. Н. Замятнина. Заседания протекали в расширенном составе с привлечением специалистов Института Востоковедения, Института истории, Института этнографии, Ленинградского отделения Института истории материальной культуры, Института языка и мышления, Государственного Эрмитажа, Исторического факультета ЛГУ, Русского музея и Управления по делам архитектуры. Работы получили положи-

тельную оценку. Были утверждены планы нового года, одобренные в Москве Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР.

Последовавшая камеральная обработка материала заключалась в химических анализах, изготовлении шлифов для микроскопического изучения, в реставрации некоторых объектов, описании добытых материалов, составлении подробной картотеки (с описанием и чертежами) по керамическим комплексам, изготовлении архитектурных и археологических чертежей, рисунков, фото, планов и т. п. В архиве ЮТАКЭ сосредоточено десять полевых дневников и несколько тетрадей поквадратных описей. Подготовлена серия научно-исследовательских работ, часть которых составляет содержание настоящего тома «Трудов ЮТАКЭ».

В связи с определившимся масштабом работ и их союзной значимостью, ЮТАКЭ с 1947 года включена в состав организаций, непосредственно состоящих при Президиуме Туркменского филиала Академии наук СССР.

М. Е. МАССОН

ГОРОДИЩА НИСЫ В СЕЛЕНИИ БАГИР И ИХ ИЗУЧЕНИЕ

1. НАИМЕНОВАНИЕ

По имени своей кормилицы Нисы Дионис назвал наш город Нисой, а область Нисайей.
Арриан. V, I.

Расположенные в 18 *км* к северо-западу от Ашхабада, на землях утопающего в приветливой зеленой куще селения Багир два городища, именуемые теперь Койне-Нусай (=Старая Ниса) и Тязе-Нусай (=Новая Ниса[1]), сохранили в своем названии отголосок тысячелетия назад отзвучавшей человеческой речи давно исчезнувших поколений.

Подлинное значение наименования города Нисы было прочно забыто уже в средние века и, проживший в нем свыше месяца в 559 г. х. (=1163/4 г. н. э.), знаменитый автор «Книги родословий», уроженец Мерва, Сам'ани, зафиксировал в своем словаре явно надуманную этимологию этого слова от арабского «ниса», что значит «женщины». «Я слышал», — пишет Сам'ани, — «что этот город был назван так в начале ислама. Когда (арабы) хотели взять его, мужчин в нем не было и с воинами сражались женщины. Когда арабы узнали об этом, то воздержались от битвы... И он назван Ниса потому, что женщины сражались вместо мужчин. А Аллах знает лучше», оговаривает свое сообщение осторожный автор, видимо сам не убежденный в безусловной правоте приводимого им объяснения. Вслед за ним то же повторил автор XIII века, Якут[2]).

Древние греки, сталкиваясь на Востоке в тогдашней топонимике с примерно так звучащими терминами, легко связывали их с мифами о Дионисе и об его победном шествии по земле до отдаленных окраин, во время которого он основывал якобы города, получавшие эти наименования. Об этом довольно подробно говорится между прочим у Арриана в «Анабасисе Александра» при описании занятия македонским царем города Нисы в Индии, между реками Кофеном и Индом[3]). Так как по сказанию недоношенный в чреве своей злополучной матери, Семелы, младенец Дионис, после вторичного появления на свет из бедра своего отца, Зевса, по воле последнего отнесен был Гермесом на воспитание к нимфам в Нису (откуда, якобы и самое имя бога), то уже в древности этот пункт помещали в разных местах, где желали видеть былую колыбель Диониса, хотя преимущественно «священной Нисой» считалась область, находившаяся в пограничной с Египтом Эфиопии[4]). Греко-римские авторы упоминают немало Ниса и Несайей в Средней Азии, Индии, Персии, на Кавказе, в Малой Азии, на

островах Эгейского моря, на самом Балканском полуострове, причем, словно отражая какие-то нюансы, второй звук передается в греческих текстах, то как üpsilon, то как eta, то как jota, а для обозначения парфянского города Парфавниса у Исидора Харакского употреблена jota[5]). Ряд пунктов, носивших название Ниса, известен для средних веков в Фарсе, Кермане, Хамадане и Хорасане[6]). Для последнего в русских источниках XVII века, в связи с посольством 1613 года к шаху Аббасу, дошла до нас транскрипция «Нисай», близкая к нынешнему народному произношению[7]). В современной географической номенклатуре название Нусай известно в качестве наименования нескольких селений в Южном Таджикистане[8]), в Афганском Туркестане (в частности против Кала-и-Хумба), в Персидском Хорасане[9]). Из опроса местных жителей во время полевых работ ЮТАКЭ 1946 г. выяснилось, что в южной части Туркменской ССР, кроме Багирского Нусая, есть и другие и что этот термин как бы прилагается к древним руинам относительно крупных городов, с мощными крепостными стенами, в отличие от развалин менее значительных пунктов, именуемых «хароба».

С точки зрения современной иранской филологии, как любезно указал нам А. А. Фрейман, «Нисайя» древнеперсидских клинописных памятников и текстов Авесты, обозначает собственно «место, где осели на жительство», «поселенье» или, как отметил еще покойный Х. Бартоломэ, «Niederlassung», соответствующее польскому «осада», т. е. вид оседлого поселения. При таком понимании становится легко объяснимо широкое распространение этого термина на Среднем Востоке, откуда он мог быть занесен в области, занятые греками, если только в них аналогичные названия не произошли от другого, но близкого по звуковому составу корня. Проставляемое в греческих текстах ударенье на первой гласной в названиях Нисай восточных областей, вероятно, явилось результатом стремления сблизить их с представлениями о Нисе древне-греческих мифов.

Фиксация внимания на устанавливаемом факте относительно широкого распространения этого названия в географической номенклатуре древности, средних веков и даже нового времени, позволяет теперь, в несколько ином аспекте рассмотреть высказывания о приурочивании к округу Багирской Нисы сведений Авесты о Нисайе, как области, через которую лежал путь иранских племен при их передвижении на юго-запад, и о местонахождении Нисейской равнины или Нисейских полей, где водились прославленные в древности «нисейские лошади».

Наиболее широко распространенной точкой зрения с XIX века является идентификация созданной для иранцев Ахурамаздой области Нисайи с округом Нишапуром (в основном по созвучию этих слов), что в свое время было поддержано авторитетом К. Риттера, не скрывавшего, однако, некоторых географических противоречий при таком отождествлении[10]). С другой стороны, в прошлом же столетии высказана была иная точка зрения, которой придерживался, между прочим, знаменитый исследователь Авесты де Гарле и, согласно которой эту страну помещали в долине Мургаба южнее Мерва, почему на многих исторических картах, отображающих географо-топографическую обстановку Ахеменидского государства, Nisaea отмечается в верхнем течении этой реки. Сторонники такой гипотезы видят подтверждение её в свидетельстве Птоломея, который свою Нисею помещает именно в

Маргиане[11]), причем, однако, не учитывается, что он говорит не об области, а о городе, и что вообще сведения, приводимые этим автором, далеко не безупречны (например, помещение города Мараканда не в Согдиане, а в Бактрии и др.). Не менее популярны продолжающиеся до настоящего времени неоднократные попытки, начиная с Н. В. Ханыкова, признать Нисею зендских текстов за область города Ниса средневековых арабских авторов, т. е. считать за неё прилегающую к северному склону Копет-Дага[12]) узкую полосу оазисов Этека (или Атека).

К этой же категории следует отнести и высказывания в пользу сближения Авестийской Нисайи с Парфянской Ниса[13]), против чего предостерегал уже более ста лет назад И. Г. Дройзен[14]). Наконец, известны еще более решительные смещения в противоположном северном направлении этой «пятой обители» иранцев, местоположение которой указывалось или в Зерафшанской долине или даже к северу от неё в горном районе Джизака, известном прекрасными пастбищами для скота[15]).

Для подкрепления большинства этих положений и устранения явных противоречий с имеющимися по данному вопросу краткими сведениями древних источников, сторонники их вынуждены прибегать к известному насилию над сохранившимися текстами, делая произвольные перестановки и замены слов (например: «Нисайим, между которой и Бахди лежит Моуру»,— вместо «Нисайи, между Моуру и Бахди»); вводя неизвестные добавочные пункты (например, мнимый, никогда в действительности не существовавший «Нижний Бахди», от которого будто бы получил свое названье Балханский залив Каспийского моря); внося невероятную путаницу общей необоснованной ревизией более или менее сложившихся конкретных представлений по Средней Азии (когда Моуру вместо Мерва объясняется Маргеланом, под Бахди вместо Балха подразумевается долина Зерафшана или под Сугуда — бассейн реки Сох в Фергане и т. п.).

Между тем, в тексте Видэвдата, фаргард 1-й, говорится четко следующее: «Пятая обитель изобилия, которую я Ахура Мазда создал, была Нисайим (винительный падеж от Нисайя), между Моуру и Бахди. Затем пришел Ахара-Майниу и породил там окаянные сомнения». Слова «между Моуру и Бахди» обозначают район между областями Мерва и Балха и заставляют приурочивать упомянутую Нисаю к округам Меймене и Андхоя с достаточной культурной зоной орошения, составлявшим в средние века область Гузган или Гузгана (в арабской транскрипции Джузджан) с несколькими городами. Нахождение именно здесь Авестийской Нисайи логично увязывается с тем, что следующей за ней по порядку созданной Ахура Маздой «шестой страной благословения» в Видэвдате называется Харайва, т. е. Ариана или область Герата, прилегающая к Гузгану своей северо-восточной границей.

Исходя из изложенного, нельзя не признать, что для отнесения указанной в тексте Авесты Нисайи к областям юго-западной части Туркменской ССР, нет никаких реальных оснований.

Что же касается «Нисейской равнины» (Педион Нисайон), прославленного в античное время «луга, кормящего лошадей», («Леймов иппоботос»), и разводившихся знаменитых в древности «нисейских коней», то в истолковании сведений о них, исходившем до сих пор часто из предвзятости, будто все приводимые древними источниками данные

об этих объектах приурочиваются к одному району, в свете новых представлений есть возможность кое-что уточнить и устранить ряд противоречий, унаследованных еще от XIX века.

Путаница с Нисайей Авесты приводит к тому, что некоторые современные специалисты-исследователи, считая «Нисаю» греческих авторов или Nisiaea римских за «родину знаменитых коней древности», помещают её в Нишапурской равнине. Это подкрепляется также соображеньем, что такой район должен быть одновременно и «родиной» ценнейшей кормовой травы люцерны, каковою, мол, античные авторы единогласно считали Мидию, почему это бобово-мотыльковое растение именовалось в Европе Medica herba — Мидийская трава[16]). При этом упускается из вида во-первых — что сведения древних европейских авторов односторонни и неточны; во-вторых — что по одному иностранному названию нельзя устанавливать родину того или иного вида[17]); в-третьих, что люцерна произрастала в ту же эпоху не только в Мидии, но и в других странах (например, в Средней Азии) и, по данным китайских авторов, во II в. до н. э. культивировалась даже в такой отсталой по сравнению с Согдианой области, как Фергана; в-четвертых — что не всякое хорошее пастбище должно обязательно быть одновременно родиной того или иного вида кормового растения или какой-либо породы домашних животных; в-пятых — что Нишапурская долина никакого отношения к Мидии не имеет, и, наконец, в-шестых, — что сведения Геродота о Нисейской равнине действительно относятся к Мидии, а не к Хорасану.

«Нисайскими — писал он — называются лошади вот почему: есть в Мидии обширная равнина, по имени Нисайя; на этой равнине и водятся величественные лошади»[18]). Несомненно, этот же район имеет в виду Страбон, не называя его по имени, когда говорит о «луге, кормящем лошадей» на дороге из Персиды и Вавилона до Каспийских ворот[19]). Вполне вероятно, что это Nissa одного из организаторов ассирийского государства Тиглат Паласcара IV (середина VIII в. до н. э.) и Мидийская область Нисайя, где, по данным Бехистунской надписи, имел свою резиденцию лже-Бардия или лже-Смердис, самозванец Гаумата, убитый Дарием в конце VI в. до н. э. в упоминаемом Бехистунской надписью замке Сикаяуватиш или в иной транскрипции Сикаяхвант[20]).

В прошлом столетии многие исследователи помещали эту ахеменидскую Нисаю к западу и юго-западу от Тегерана, что нашло отражение в исторических картах Киперта, подписью в соответствующем месте «Nisaei campi». К. Абих указывал её в юго-западной Мидии между Керманшахом и Исфаханом[21]). Е. Бретшнейдер считал, что Нисайя греческих и римских авторов идентична Нисайе зендских текстов и соответствует району Нишапура[22]). А. Д. Калмыков помещал Мидийскую Нисайю севернее Хамадана, исходя из показания Якута, что одноименный округ Ниса, по его свидетельству, раньше принадлежащий Хамадану, затем вместе с Селфанрудом и Хараканом отошел к Казвину. Место гибели Гауматы А. Д. Калмыков отождествлял[23]) с городом Сагсабад (Сугзиабад старых русских карт). Незадолго до того И. Маркварт из сопоставления сведений древних авторов о Мидийской Нисайе с данными арабских источников о «луге крепости (Марджал-Кала) и просто о луге (ал-Мардж), где в эпоху халифов паслись арабские табуны, пришел к заключению, что обе местности могут быть отождествлены и что Нисайя находилась, таким образом, к

западу от Бисутуна (в 5Г фарсахе от Хамадана, что соответствует семи дням пути от древней Экбатаны, указанным Диодором в качестве расстояния до Нисайи[24]). Е. Херцфельд пытается еще более точно определить местоположение «Нисейской равнины», как Харунабад-Махидашт, западнее Бисутуна[25]). Но как бы уточненно ни локализировать эту Нисейю[26]), несомненно, что она находилась именно в Мидии и что к ней относятся также сведения Арриана о равнине, назначенной для царских лошадей, которых при ахеменидах насчитывалось будто бы около 150.000, но большая часть их была расхищена, почему Александр Македонский застал здесь немного более 50.000 голов[27]). При всем том вполне возможно, что самое сообщение Арриана и Диодора о посещении Александром «Нисайской равнины», восходящее к одному источнику, было сочинено позднее под влиянием сведений Геродота.

С другой стороны среднеазиатские иппологи, исходя из факта наличия на территории современной южной части Туркменской ССР прекрасных пород аргамака, сведения о которых уводят вглубь столетий, считали их исторически автохтонными, все данные о нисейских лошадях относили к местным предкам туркменского конного поголовья, а самую Нисайю помещали между Мервом и Балхом, считая, что отсюда ежегодно ахеменидские цари получали до 20.000 ремонтных коней[28]). В своем интуитивном увлечении и преувеличении они были в основном правы, хотя 20.000 жеребят в действительности отправлялись в Персию ежегодно для празднества Митры из Сиспиритиды в Армении[29]).

Сведения античных авторов о былой парфянской Нисайе на территории современного Туркменистана уже давно обратили на себя внимание. Больше ста лет назад И. Г. Дройзен, разбирая не совсем отчетливый текст Плиния (VI, 25, § 113) о знаменитой парфянской стране Нисайе (regio Nisaea), где был город Александрополь, отмечал, что эту Nisiaea не следует смешивать с теперешним Нишапуром, и сопоставлял её с областью Нисы средневековых мусульманских писателей[30]). Эту же Нисайю упоминает в нескольких местах Страбон, говоря о безводной пустыне, через которую происходили вторжения кочевников в Гирканию, Нисайю и равнины парфян, а также сообщая, что Нисайя принадлежит Гиркании, хотя некоторые признают за первой самостоятельное существование. Некоторые авторы считали, что через эту Нисайю протекала река Ох, но хорошо знавший страну и написавший в свое время историю парфян Аполлодор часто упоминал эту реку (т. е. Теджен), по свидетельству Страбона, по той причине, что «она ближе прочих к Парфии»[31]).

Здесь на парфянских равнинах водились те прославленные парфянские лошади, которые составили славу парфянской кавалерии и, как ахеменидские, тоже были нисайскими, так как одним из главных районов их разведения, наряду с Мидией и Арменией, являлась одноименная Нисайя, вытянутая вдоль северного склона Копет-Дага. В силу этого обстоятельства, к каждому отдельному сообщению древних авторов о нисейских лошадях надо подходить критически в смысле отнесения данных к тому или иному району. Как нам кажется, некоторые исторические сведения о нисайских и парфянских лошадях должны быть прилагаемы к предкам современных туркменских аргамаков, не забывая при этом, что по традиции европейские авторы второй половины III в. и

позднее, когда Арсакидская Парфия уже перестала существовать и уступила место Сасанидскому Ирану, многих прекрасных лошадей персидской кавалерии называли «парфянскими» и «нисайскими». Так, Марк Аврелий Проб, командовавший римскими войсками на Востоке и провозглашенный ими в 276 году императором, получил однажды в виде добычи «парфянского коня», который по показанию бывшего владельца, мог проходить по 100 миллиария (около 150 *км*) в сутки в продолжении 8—10 дней. Конь, доставшийся Пробу невольно заставляет вспомнить показания английских эмиссаров прошлого столетия о случаях, когда одна туркменская лошадь шла одиннадцать дней подряд, делая по 120 верст в сутки, а другая, находившаяся под седлом одного популярного тогда аламанщика, покрыла расстояние в 750 верст в течение шести дней. Известны проходы и в 150 верст в сутки.

Небезынтересна в этом отношении характеристика масти парфянских лошадей, данная одним древним автором: «Nisa omnes equos flavos habet»[32]), т. е. «Ниса всех лошадей имеет желтоватых (или золотистых)», что вызывает представление об исключительно эффектных текинских лошадях с золотистым отливом, которые теперь, впрочем, не составляют большинства в конском поголовье Туркмении и процент которых с годами заметно уменьшается. Наряду с этим одну из особенностей нисайских лошадей составляли белые особи. Известен случай, когда Митре Вардан I (41/2—45 г. н. э.) посвятил белую лошадь из Нисы[33]). Небезынтересно отметить, что в Апокалипсисе Иоанна, написанном в конце I в. н. э. до заключения соглашения между Артабаном IV и Римом в 88 г. и отражавшем антипатриотические надежды автора при ожидавшемся столкновении двух тогдашних могущественнейших государств, Парфия олицетворена в виде всадника с луком на белом коне в сопровождении парфянских вассальных владетелей, а Рим — в виде всадника на рыжем коне с большим мечом, причем на его стороне поставлены тысяченачальники.

Такие особи не обязательно альбиносы, а, может быть, резко выраженные светловолосые встречаются среди общего поголовья туркменских аргамаков и кое-какие из них даже заслужили крупную известность. Таким был, например, белый, как снег, жеребец Тыкма Сердара, доставшийся М. Д. Скобелеву, получивший кличку «Геок-Тепе» и сделавший однажды в 1882 году с вечера до утра под седлом русского генерала 120 верст, причем от сопровождавшей его сотни казаков уже на 70-ой версте при нем остался один урядник. Как любезно сообщил мне Д. А. Овезов, в народном туркменском эпосе богатыри-герои являются часто обладателями прекрасных скакунов светло-соловой масти «гыйр». Владельцем «гыйрат» был и легендарный Гороглы. Лошади, даже приближающиеся к этой мести, до недавнего времени особенно ценились туркменами, тонкими любителями хороших скакунов.

Пристальное рассмотрение показаний письменных источников, в сопоставлении с наблюдаемыми в натуре фактами, дает основание остановиться на следующих выводах. Древние авторы не очень отчетливо представляли, где была родина хорошо знакомых им, статных, крупных, быстроаллюрных нисайских лошадей и которая из известных им Нисайя с большим правом могла претендовать на это. Особенно хорошо известная неуверенность чувствуется в тексте Страбона:

«некоторые утверждают, что здесь (в Мидийской Нисайе, М. М.) родина нисайских лошадей;... по мнению других, родина этих лошадей — Армения» (XI, 13, 7), а несколько ниже, в разделе об Армении у этого же автора говорится, что «нисейские лошади... воспитываются и здесь» на прекрасных пастбищах, не уступающих мидийским (XI, 14, 9). Совершенно очевидно, что в горных условиях Мидии и Армении могли быть выведены в древности породы быстроаллюрных коней, но они скорее приближались бы к типу более низкорослой, цепкой на ходу, устойчивой на кручах горной локайской лошади. И, наоборот, описываемый древними вид нисайских лошадей, необычайно рослых, на высоких ногах, легких, исключительной резвости, со способностью к пробегам на большие дистанции (до полутораста километров) должен был выработаться в условиях исключительно просторных равнин, каковым требованиям в большей мере удовлетворяет Парфянская Нисайя. Думается, что бывшие парфянские равнины вдоль северных склонов Копет-Дага и обширные пространства по полубезводной пустыне Кара-Кум, отделявшей оазисы Хорасана от культурных земель Хорезма, и есть та географическая среда, которая в известной мере обусловила сложенье породы нисайских коней. Их потомками являются современные породы туркменских лошадей, сохранившиеся на своей исконной родине Туркмении и выродившиеся в других местах с иными условиями внешней природной обстановки и резко изменившимися на протяжении истории условиями социального порядка.

II. НАУЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОЛОЖЕНИИ ГОРОДА НИСА

„Nesa—ville . . . au désert de Kirac—entre Khorassan et Caresm". La Grande Encyclopédie, t. XXII, 1780.

Положение хорасанского города Ниса европейцам было достаточно хорошо известно еще в XVII веке, когда он был живым организмом со значительным населением. В России московский посольский приказ, снаряжая к шаху Аббасу дворянина Михаила Тихонова и подъячего Алексея Бухарова, запротоколировал показания казанцев Прокофия Враскова и Богдана Износкова о лучшем пути из России через Хиву. Мешхед в столицу Персии: «А ходу от Юргенчи до Казыпунстоши 3 дня с гонцом, а с Казыпунстоши в кызылбашской в первой в Нисей город; а ходу три дня с гонцом; а с Нисая в Мешеть (т. е. Мешхед)»[34]). Когда это русское посольство с «объявительной грамотой о вступлении царя Михаила Федоровича на всероссийский престол», покинув весной 1614 года Дурун («первый шахов город Дрюнь»), прибыло в «Нисай город», то оно было встречено здесь персидским правителем Али-Ханом, а затем в Абиверде (Баворть) подчиненными этого хана «Чимшит султаном» (т. е. Джамшид-султаном[35]).

Сведения авторов XVII века о местонахождении Нисы отличались уже некоторой исторической перспективой, о чем можно судить по данным, сообщаемым известным ориенталистом д'Эрбело (1625—1695) в его «Bibliothéque Orientale», где приведено, что город этот находится в Хорасане, указывается, что он

вместе с Бавердом был районом, где в свое время обосновались сельджуки, и повествуется о нескольких авторах, носивших прозвище «Несеви» по имени самого города, в том числе об Имамеал Хафедэ, уроженце этого города и составителе «Каталога имен обманщиков, самозванцев и плагиаторов»[36]).

В XVIII веке французская Энциклопедия сообщала для широкого круга читателей даже уточненные данные географических координат этого персидского города и пустыни «Сігае», между Хорасаном и Хорезмом, с явной, однако, опечаткой, в цифре широты — 48°, вместо 38°[37]).

На географических картах второй четверти XIX века Ниса, как город, уже в действительности не существовавшая, отмечается довольно точно, как, например, на большой карте Средней Азии, составленной Арроусмитом[38]). Несколько позднее, несмотря на участившиеся посещения северного Хорасана разными европейцами, преимущественно военными агентами крупных держав, в показаниях Нисы наблюдается определенная путаница, примером чего может служить маршрутная карта английского капитана Г. Непира, побывавшего в областях к северу от Копет-Дага в 1874 году. В ней особо показаны Асхабад, Кеши и Багир и дальше к северо-западу нанесены Эррик-Кала, «Нисса» и Безмеин[39]). На русских картах того времени, лучше откорректированных по натуре, благодаря многочисленным смелым рекогносцировкам, как правило проставляется «живой» Багир и не фиксируется мертвый скелет былой Нисы[40]).

Большие нечеткости наблюдаются в представлении о городе Нисе в Парфиене, Парфавнисе Исидора Харакского (I в. н. э.). Специалисты прошлого столетия с большим разнобоем решали вопрос о его былом местонахождении, то полагая его на месте города Сари, древней столицы Мазандерана, к югу от Амоля[41]), то принимая его за Задракарту, самый крупный город Гиркании при Александре Македонском[42]), то отожествляя его с Гекатомпилом, стовратным городом греческих авторов, одной из ранних арсакидских столиц, ни точное положение, ни местное наименованье которой неизвестны[43]). Не отдавая ни одному из этих истолкований преимущества, К. Риттер высказывался в том смысле, что на парфянскую Нису в угоду династии Арсакидов перенесли название Нисайи-Нишапура, по отношению которой первая была много западнее. Между тем, уже со второго десятилетия XIX века в печати стали появляться прошедшие мимо специалистов-историков высказывания в пользу отождествления резиденции первых правителей из династии Арсакидов с Нисой, превратившейся к этому времени в жалкую деревушку[43]).

Несколько позднее русский подполковник И. Ф. Бларамберг, участник похода персов на Герат 1837—1838 г. г. (который принадлежал тогда особому, независимому от афганцев, владетелю), в своем «Статистическом обозрении Персии», составленном в 1841 г., в отношении развалин города «Нисы», снова высказал предположение, что их можно отнести к Nisaea Parthania (Nisa) с погребениями царей[44]). Но и это прошло как-то незамеченным современниками, продолжавшими высказывать новые или повторять старые гипотезы. При этом из-за редакционной нечеткости часто при отождествлении «древней Нисы» с каким-либо пунктом остается неясным, подразумевает ли тот или иной

автор под этим термином парфянскую столицу или тот город, который застали арабы и который процветал после арабского завоевания [45]).

Во всяком случае Г. Раулинсон считал, что знаменитая парфянская столица Ниса была расположена по северному склону Хорасанских гор, доминируя над долиной Ох и может быть соответствовала Нисайе Вендидада[46]). В 70-х же годах Н. В. Ханыков, обратив особое внимание на тождество Нисы арабских географов с зендской Нисайей, собирался сделать в этом отношении специальное изыскание, но кажется, не осуществил своего намерения [47]).

Хотя, вскоре же после 1881 года получилась легкая возможность обследовать городища селенья Багир и в печати стали появляться новые высказывания о них местных деятелей, тем не менее в науке продолжали держаться по традиции старые представления. А. К. Марков еще в 1892 году считал, опираясь на А. Форбигера и Г. Говорта [48]), что Ниса, упомянутая в форме Nica на драхме арсакида Фраата I (176—171 г. до н. э.), есть якобы сокращение имени города Нисайи, «вероятно теперешнего Герата» [49]).

Еще дольше разной степени искаженности, неверные представления о местонахождении парфянской Нисы и даже Нисы раннего мусульманского периода удержались в западно-европейской науке. Английский ориенталист Гюи Ле-Стрендж (1905 г.) считал, что Ниса соответствует провизорно современному Мухаммет Абаду, главному городу в Дерегазе[50]).

В вышедшем в 1924 году в Бомбее труде ученого парса Ф. Парука по сасанидской нумизматике, Ниса показана на карте, примерно, в 30 английских милях к юго-востоку от Нишапура[51]).

III. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НИСЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ

„Только земля, если тронуть ее недра, может дать ответ, что именно тут было и в какую эпоху!"
Э. Ухтомский (о Нисе), 1889

А. Изучение за дореволюционное время

Если первое правильное отождествление городищ у селения Багир с Парфянской Нисой было сделано почти интуитивно свыше ста лет назад, то все последующее изучение самих объектов, целиком уже не случайно связанное с деятельностью русских исследователей, стало возможным только с присоединением Этека к России и может быть расчленено на несколько этапов.

Первый из них характеризуется проявлением непосредственного живого интереса к ним со стороны местных деятелей, в частности, генерала А. В. Комарова, обратившего внимание на Багирскую старину еще до того, как он стал начальником Закаспийской области. На заседании Кавказского общества истории и археологии в Тифлисе 11 июня 1882 года он, на основании первых личных впечатлений, за-

явил, что «Нису вернее приписать персианам позднейшего времени, столетия два или три тому назад, но никак не древним грекам»[53]).

Вопреки распространенному и даже высказывавшемуся в печати ошибочному мнению, будто о расположении древней парфянской столицы там же, где позднее была средневековая Ниса, впервые высказался В. В. Бартольд[54]), на месте эта точка зрения разделялась и считалась подкрепленной археологическими данными уже в 80-х годах прошлого столетия. Тот же А. В. Комаров, после более пристального ознакомления с древностями Багира и концентрации у него оттуда разнообразных археологических и нумизматических объектов, вскоре же отметил разницу в составе находок городищ Старой и Новой Нисы, причем сами эти термины впервые были введены им в научный обиход. На Старой Нисе были обнаружены, между прочим, «сердоликовые украшения» (вероятно, резные печати. — М. М.) с изображениями крылатых коров, горбатых зебу и др. Не встретив на этом городище предметов, которые могли бы быть отнесены по его терминологии к «мусульманскому быту», А. В. Комаров в своем докладе в Петербурге на заседании Восточного отделения русского археологического общества 25 февраля 1888 года высказывался в том смысле, что Старая Ниса была разрушена до арабского завоевания и что жили там огнепоклонники. На одном из бугров, у самого города, по его мнению, был расположен некогда пирей, а несколько в стороне якобы видны были остатки «фундаментов, разделенных на клетки и служивших основанием зданий, приспособленных к огнепоклонническому культу». Докладчик особо отмечал находившийся около курган, как интересный объект для археологических раскопок. С Новой Нисы поступал тогда более поздний материал, в частности, прочитанные В. Г. Тизенгаузеном местные монеты феодального чекана, что и заставило А. В. Комарова относить это городище к периоду после арабского завоевания[55]). Эта датировка роковым образом делала Новую Нису в глазах многих менее интересным объектом в научном отношении.

Заброшенное, без единого дерева, давно вымершее городище ее только в середине у ключа, выбивавшегося из-под стены древней цитадели, было оживлено плохеньким, одиноким, бедным, глинобитным туркменским жилищем, стоявшим между гряд капусты. Окруженная разрушившимися стенами, Новая Ниса не сохранила до того времени никаких зданий. Лишь предворотные укрепленные полубашни, развалины бани у источника и руины близ Кизляр-бурчи, у северного фаса имели возвышающиеся над поверхностью земли стены из жженого кирпича. Зато всхолмленный микрорельеф позволял легко угадывать, где прах руин хранит под собой остатки нижних частей былых зданий, сложенных из старинного, хорошего качества плоскоплиточного, квадратного жженого кирпича, который интенсивно добывался много лет подряд багирцами на продажу, в связи с большим спросом на него со стороны военного инженерного ведомства, отстраивавшего европейскую часть тогдашнего Ашхабада. Этот промысел не затронул Старой Нисы, поскольку там жженый кирпич встречался очень редко.

Но оба городища влекли к себе любознательных приезжих, и их сплошь и рядом посещали как русские путешествовавшие туристы, так и проезжавшие через область иностранцы, увозившие с собой подобранные на поверхности фрагменты старой утвари[56]). Нису знали, как до-

стопримечательность, и непосещение ее в силу каких-либо причин заносилось в путевые записки[57]).

Уступка Персией России, по конвенции от 27 мая 1893 года, Фирюзы в обмен на селение Хисар в Атекском приставстве имела своим последствием переселение из нее в Багир фирюзинских жителей — курдов и персов, некоторые из которых самовольно стали возделывать отдельные участки в восточной части Новой Нисы. Происшедший к этому времени отъезд из края А. В. Комарова, замена его А. Н. Куропаткиным, не в пример своему предшественнику мало интересовавшемуся археологией, наконец, несколько безразличная оценка Нисы, сделанная в 1896 году представителем императорской Археологической комиссии, проф. В. А. Жуковским, который в отчете о своей научной командировке отметил только, что «в обеих Нисах никаких памятников не сохранилось: это груды развалин, кучи мусора и кирпича»[58]), — все вместе сказалось на появлении известного равнодушия к развалинам одного из ранних парфянских городов и наступлении нового этапа общественного полузабвения интереснейшего в действительности археологического объекта по Средней Азии. Показательно, что о Нисе ничего не говорится в специальном историко-археологическом путеводителе по Средней Азии Д. И. Эварницкого, вышедшем в Ташкенте в 1893 году[59]).

В растущих год от году количествах стала развозиться на поля окрестными жителями селитроносная земля верхних культурных слоев цитадели Новой Нисы, причем разрушались целые горизонты со всеми заключенными в них памятниками материальной культуры. Остальная площадь городища запахивалась все больше и больше, навсегда утрачивая свой археологический микрорельеф. Только отсутствие селитроносности и воды спасало от подобной участи Старую Нису, которая, однако, была превращена в мишень артиллерийского полигона. Одновременно Новая Ниса использовалась во время маневров для обучения солдат, как надо брать штурмом кручи ее полуоплывших огромных стен.

С отъездом из Ашхабада А. В. Комарова и Н. П. Линевича, увезших с собой свои археологические и нумизматические коллекции, резко сократился спрос на предметы старины. Сложившийся с 1899 года Ашхабадский музей до самой революции не сумел создать сколько-нибудь серьезного археологического отдела. Возникший же в июне 1901 года по инициативе инспектора Ашхабадской гимназии В. Д. Дейнеко[60]) Закаспийский кружок любителей археологии и истории Востока, получив утверждение устава с большим запозданием 22 марта 1903 года, однако не мог развернуть активной исследовательской работы и почти бесследно замер, наконец, за выездом из области большинства членов-учредителей, ничего существенного не сделав для изучения Нисы. Между тем, при земляных работах постоянно делались интересные открытия и находки, бесследно проходившие для науки. Из опросных сведений, собранных ЮТАКЭ 1946 года у багирских стариков, выяснилось, что нередко бывали случаи обнаружения различных старинных монет, в том числе золотых. Жители усвоили даже определения их по своеобразной «народной шкале», причем нам говорили, что встречались монетные кружки с изображением Даки Юнус'а (как при-

нято в Средней Азии и Персии именовать чекан, предшествующий арабскому завоеванию и имеющий человеческие изображения)[61]) и особенно, якобы, часто Султан-Суюна (т. е. сельджукида Синджара), под которыми, возможно, следует понимать ранне-средневековый куфический чекан, известный в долине Зерафшана под термином «синджари».

Насколько широко распространилось в эту пору полузабвение Нисы, можно судить еще и потому, что ее почти перестали упоминать в прессе, в путевых очерках, в специальных путеводителях. В выдержавшем на протяжении с 1900 по 1909 г.г. три издания путеводителя по Туркестану И. И. Гейера о Багире (ошибочно названном везде «Богар»), говорится лишь, что это место охоты в окрестностях Ашхабада[62]). Ничего нет о Нисе в выпущенном в 1912 году в Ашхабаде Правлением Средне-Азиатской железной дороги «Иллюстрированном путеводителе» по этой дороге[63]). Характерно, что даже в пограничных очерках хорошо знавшего Среднюю Азию Д. И. Логофета, вообще падкого в увлечении экзотикой до всякой местной старины, Ниса ни разу нигде не фигурирует[64]). Показательно также, что работавшая в Туркестане в 1903, 1904—1905 годах американская экспедиция Р. Помпелли как-то стороной прошла мимо городищ Нисы. И совершенным исключением являлись такие лица, как А. А. Семенов, зафиксировавший некоторые свои впечатления о посещении Багирских городищ в одной из статей и сообщивший их в 1905 году, кроме того, В. В. Бартольду, за два года до этого опубликовавшему одиннадцать строк о средневековой Нисе по данным письменных источников[65]). При полном равнодушии к самому памятнику местной администрации, в 1911 году проживавшие в Багире персы заняли под пашню чуть ли не половину городища Новая Ниса, причем на дневную поверхность оказались выковырянными массы фрагментов былой утвари.

Некоторый перелом начал намечаться незадолго перед первой мировой войной. С 1912 года Б. Н. Литвинов стал энергично ратовать за восстановление заглохшего Закаспийского археологического кружка[66]). В вышедшем солидном и весьма популярном географическом описании «Туркестанского края» В. И. Масальского Ниса уже упоминается, хотя ей посвящено всего три с половиной строки[67]). В следующем году В. В. Бартольд в своем труде по истории ирригации Туркестана дал в объеме двух с небольшим страниц, остающийся до сих пор самым подробным, краткий свод некоторых сведений о прошлом Нисы[68]). Наконец, возродившийся в том же году, при активном содействии Н. К. Калмыкова Закаспийский кружок любителей археологии и истории Востока, приняв меры к предварительному учету через статистический комитет областного правления интересных в историческом отношении памятников, опубликовал в 1915 году составленный Э. Э. Тейле их список, куда вошло краткое упоминание, однако, лишь одного городища «Новая Ниса» и при этом анонимно[69]). Такое небрежное отношение, как результат недооценки научной значимости объекта, вызвало резкое осуждение со стороны А. А. Семенова, высказанное им в библиографической заметке на страницах Туркестанских ведомостей в 1916 году[70]), но никаких практических мероприятий по изучению или охране городищ Нисы до самой Революции осуществлено так и не было.

Б. Изучение за время советской власти

Благодаря специфическим условиям гражданской войны и иностранной интервенции в первые годы Революции, в Туркмении, в отличие от других областей Средней Азии, широкое краеведческое движение развернулось с некоторым опозданием и отмечается уже после того, как в Ташкенте декретами ЦИК'а и СНК Туркреспублики создан был специальный орган по делам музеев и охраны памятников старины искусства и природы, получивший с 23 мая 1921 года наименование Туркомстариса. При его попытке спланировать научно-исследовательскую работу по археологическому изучению Средней Азии на ближайшие несколько лет В. В. Бартольд выступил в 1922 году на первом публичном заседании Научного общества при гуманитарных факультетах Туркестанского государственного университета с развернутой программой ближайших задач в изучении Туркестана и перечислением конкретных тем и объектов исследования. В их число Ниса не входила[71]). Тем не менее, при составлении первого же списка важнейших историко-археологических объектов, бравшихся на учет по всей Средней Азии, Ниса была в него включена и принятие ее на государственную охрану было закреплено постановлением ЦИК и СНК Туркреспублики от 27 марта 1923 г., за № 58.

Хотя уже попытка В. В. Бартольда выбрать из письменных источников разрозненные сведения по истории этого пункта ясно показала, что сколько-нибудь цельное представление об его прошлом можно будет получить только после соответствующих археологических изысканий, тем не менее, Туркомстарис, позднее переименованный в Средазкомстарис, в течение многих лет проявлял большую осторожность в части раскопок. Сознавая всю необходимость их проведения систематически и в крупных масштабах, Средазкомстарис воздерживался от раскопок, учитывая отсутствие на месте достаточно квалифицированных специалистов, владеющих новой методикой производства работ. Им был проведен декрет от 31 мая 1921 года, запрещавший самовольные раскопки, без особого на то его разрешения, а неоднократные попытки местных деятелей провести таковые на территории Багира в поисках царских парфянских захоронений никогда не встречали у него поддержки. В частности, это имело место в 1925 году, когда сотрудники Ашхабадского музея О. Э. Визель и В. Д. Городецкий, производя поверхностные раскопки в Нисе, обнаружили, как им казалось, «могилы парфянских царей»[72]), что в дальнейшем не подтвердилось.

После организации в 1926 г. в Ашхабаде Археологического кружка начался более или менее систематический сбор подъемного керамического материала с разных пунктов, в том числе и с городища Новая Ниса[73]). В результате в Ашхабадском музее скопилась небольшая коллекция, заключавшая в себе некоторое количество фрагментов керамики XVI в. с клеймами в виде подражаний китайским иероглифам, каковые видел и датировал в 1929 г. М. Е. Массон при проезде в Сумбарскую археологическую экспедицию. В том же году Нису посетили в июне — профессор-искусствовед Б. П. Денике, сделавший для Музея Восточных культур сбор подъемной керамики[74]), а в сентябре комиссия Средазкомстариса в составе профессора А. Э. Шмидта,

профессора А. А. Семенова и архитектора А. П. Удаленкова. А. А. Семенов, совместно с А. Э. Шмидтом и сотрудниками Ашхабадского музея, снова осматривал Нису в июне следующего года и в результате своих наблюдений двух последних лет пришел к неверным историко-топографическим заключениям, будто древний город находился к северо-западу от линии Новая Ниса и Старая Ниса, между ними и горами, причем обе крепости охраняли, якобы, как и в Анау, подступы со стороны равнины. Находящаяся к западу в предгорьях территория, обнесенная оплывшей стеной (по неверным обмерам площадью 32 х 50 сажен), на основании слов местного жителя, была ошибочно принята за крепость Нисы позднейшего времени, а руины здания из камня и кирпича внутри ее — за остатки дворца начальника крепости или последнего персидского правителя. Неподалеку отсюда, на краю культурной полосы был отмечен безымянный мавзолей с датой ремонта в 1899/1900 г.[75]). В заключении было высказано пожелание о подробной топографической съемке городищ и о производстве разведочных археологических работ на них.

Реализовать эти предложения Средазкомстарису уже не пришлось, так как он был ликвидирован в 1928 году, как орган среднеазиатского масштаба с тем, что функции его перейдут к республиканскому комстарису. Взамен последнего при Туркменкульте (Научно-исследовательский институт Туркменской культуры) в мае того же года было организовано Бюро по охране памятников старины и искусства, обеспечившее взятие на учет по республике 183 объектов, но на первых порах не уделившее специального внимания Нисе[76]). Почти одновременно в составе Туркменкульта была учреждена секция археологии, руководство которой было возложено на А. А. Марущенко. Последней пришлось сыграть видную роль в наступившем новом периоде размежеванной по национальным республикам научно-исследовательской работе в области археологии.

В нем получило дальнейшее развитие краеведческое движение. Уже в 1929 году в Археологический кружок влилось несколько новых активных членов, в том числе С. А. Ершов. Один из них, Робинзон, доставил в том же году среди прочих подъемных материалов с Нисы два фрагмента, определенные, как относящиеся к первой культуре Анау[77]). Тогда же О. Э. Визель и С. А. Ершов произвели внутри Старой Нисы вскрытие нескольких мусульманских погребений, без выясненной их датировки.

В следующем 1930 году П. П. Архангельский сделал небольшой сбор подъемной керамики на городище Новая Ниса, поступившей в Самаркандский музей. Но большее значение имели раскопочные работы, проводившиеся на обоих городищах Нисы экспедицией Наркомпроса РСФСР и Туркменкульта под руководством А. С. Башкирова, при участии А. А. Марущенко, положившие начало многолетнему археологическому изучению этих объектов. Несмотря на значительный объем земляных вскрытий, благодаря принятому методу исследования кессонами и преимущественно разной глубины залегания траншеями, иногда почти поверхностными, они, захватив обширную площадь, нигде не были доведены до конца, но все же дали довольно значительный и разнообразный вещевой материал, оставшийся, однако,

даже без нормальной полевой обработки и документации. Отсутствие документации находок, указаний мест и условий их лежания в земле, чертежей археологических разрезов и планов раскопок, которые бы составлялись в процессе производства работ, а также дневников, записей, хотя бы ежегодных отчетов и, наконец, научных публикаций о раскопках — все это делает очень затруднительным составление хронологического обзора разведочных работ на Нисе за время с 1930 года по 1938 год и установление прогрессивного развития исследовательской мысли по мере хода раскопок и накопления новых фактических наблюдений[78]).

По словам А. А. Марущенко, А. С. Башкиров произвел в июле месяце раскопки в верхней части городища Новой Нисы, вскрыл только «сильно перемешанный культурный слой мусульманской эпохи XIII и XVIII вв.» и на этом приостановил работу. Сам А. А. Марущенко вместе с С. А. Ершовым копал 20 дней на городище Старая Ниса, причем место раскопок определено было находкой на одном из холмов близ западной стены городища сегментовидного кирпича от ствола колонны и фрагментов орнаментированных терракотовых плит «фриза». В верхнем культурном слое были встречены нижние части стен из сырцового кирпича (32 x 32 x 7 *см*^{3}), ошибочно приписанные зданию сасанидской эпохи III—VII вв., на основании керамики, якобы близкой к встречающейся на городище Старого Мерва «Гяур-Кала». В нижнем культурном слое обнаружены остатки стен из более крупного сырцового кирпича (от 39 x 39 x 14 *см*^{3} до 42 x 42 x 14 *см*^{3}) и двух четырехлопастных колонн из жженого кирпича, а также многочисленные фрагменты терракотовых плит «фриза», напоминающие «эллинистические образцы». Помещение было отнесено к парфянскому времени и датировано III в до н. э. — III в. н. э. Одновременно у юго-восточного угла городища был расчищен якобы ввод древнего кяриза, снабжавшего городище водой. Основным достижением раскопок в Нисе считалось получение разнообразной керамики, на которую в дальнейшем проектировали датировки глиняной археологической утвари и других уже исследованных пунктов[79]). Главные исторические выводы, к которым привели работы первого полевого сезона, заключались в том, что основание городища Старая Ниса было отнесено, примерно, к 250 году до н. э., а конец его существования определялся серединой VII в. — моментом арабского завоевания. Новая Ниса считалась основанной в VII в., а последний этап ее жизни относился, как и раньше, к началу XVIII столетия[80]).

Намеченные на 1931 год раскопки в Старой Нисе вскрыли в августе месяце некоторые части здания, откапывавшегося в 1930 году и из-за нехватки рабочих-землекопов были вскоре приостановлены.

Созданный в 1933 году Междуведомственный Комитет по охране памятников старины и искусства (МКОПМКИ) под председательством А. П. Фитуни наметил продолжение раскопок Старой Нисы, в которых предполагалось также неосуществившееся участие Государственного Эрмитажа.

Весной 1934 года «к западу от Багира обнаруживаются следы вала (типа вала Гилякин Чильбурч в Старом Мерве), очевидно, ограничивающего пригородные земли мусульманской Нисы». Осенью с августа

и по октябрь включительно на Старой Нисе работала совместная экспедиция МКОПМКИ и ТГНИИ, возглавлявшаяся Г. И. Карповым, при заместителе по научной части А. А. Марущенко, с участием С. А. Ершова. С городища снимается инструментальный план в масштабе 1 : 1 000 и уточняется его топография, причем центром городища признается возвышенная западная часть с предполагаемым комплексом дворца—мавзолея—храма; в северной части отмечаются развалины крупного здания непосредственного характера (?); в восточной — складов[81]). Производителем работ делались в чем-то сопоставления Старой Нисы, с одной стороны, с доисторическим городищем Намазгатепе и, с другой, с Самаркандским городищем «Афрасиаб» и улавливались при этом какие-то глубокие местные традиции.

Экспедиция изучала «водопровод» и хаузы и выясняла план здания на холме, где велись раскопки в 1930 и 1931 г.г. При новых расчистках считалось установленным, что «сасанидское» здание верхнего культурного слоя состояло из коридора, по сторонам которого располагалось 8 комнат[82]).

В отношении здания с четырехлопастными колоннами высказано соображение, что оно было построено «на цоколе высотою 3 метра, позднее было окружено с трех сторон платформами с различного характера постройками, имело один выход с востока и три — с запада и представляло собой по первоначальному предположению либо храм, либо склеп»[83]). Находка фрагментов, якобы, от двух мужских глиняных раскрашенных статуй (туловище без головы, кисти левой руки, ноги и головы), которые, как сперва полагали, имели до 2.5 *м* высоты[84]), дали основание предположить вначале, что они стояли на специальных пьедесталах на некотором расстоянии от здания, а позднее, что они разбились при падении, может быть от землетрясения, с высоты якобы бывшей над залом верхней галлереи[85]).

В прядях волос были усмотрены бараньи рога, подобные легендарным рогам Александра Македонского[86]). Статуи (обе предполагаемые) были признаны портретными изображениями арсакидских царей Фриапата (191—176) и Фраата I (176—171 г.г.) на основании сближения с их бюстами на монетах; самое здание определено, как «наус или родовая усыпальница арсакидов», получило наименование «мавзолея Аршака и Тиридата», сопоставлялось с ранними ахеменидскими гробницами и рассматривалось А. А. Марущенко, как прототип центрических мусульманских мавзолеев Средней Азии[87]). Считалось, что выяснение плана зданий, открытых на холме в 1930—1931 г.г., закончено, установлен внутренний диаметр в 16.8 *м* (sic!) прямоугольного помещения с четырехлопастными колоннами, была осуществлена рекогносцировочная раскопка другого холма, где стояла палатка экспедиции, и проведена шурфовка различных точек внутри городища и в его ближайших окрестностях, результаты чего отражения в письменном виде не получили[88]). При ликвидации полевых работ на городище оставлены нанятые по линии МКОПМКИ два сторожа, а наиболее ответственные участки раскопок были перекрыты толем для предохранения от зимнего ненастья. Намечалось, но осталось невыполненным тщательное изучение собранных материалов, которые были помещены в Ашхабадском музее и среди которых особый интерес представляла терракотовая плита с головой льва. По заключению производителя работ,

не подкрепленному никакими конкретными указаниями, археологические находки 1934 года на Нисе «намечают связь с культурой Греко-Бактрии (находки на Аму-Дарье, на Афрасиабе) и сарматских кочевников Казахстана, Кубани и Причерноморья»[89]).

С весны 1935 года вновь ожидалось участие по договоренности Эрмитажа в раскопочных работах на Нисе, каковые Туркменский Государственный научно-исследовательский институт и МКОПМКИ начали с мая месяца в прошлогоднем составе основных работников (А. А. Марущенко и С. А. Ершов). Прежними методами вскрывалась возвышенная часть городища, где установлено наличие как бы башенной постройки и остатки лестницы из сырцового кирпича. Наверху найдены были мелкие фрагменты статуи, которая по предположению, ничем не обоснованному, украшала некогда вершину башни. Остатки сооружения были признаны зороастрийским храмом огня[90]). В противоположном направлении от помещения с четырехлопастными колоннами на пониженной площадке пересекающимися траншеями были нащупаны остатки нескольких помещений, в двух метрах вскрыты кирпичные базы колонн, а в одной из комнат обнаружено несколько глиняных корчаг-хумов. Весь комплекс помещений был признан дворцом, якобы с двумя залами, из которых одна именовалась «залом советов» (хотя, судя по рельефу и его сечению, представляла собой двор), а вторая являет собой, повидимому, небольшую экседру. В жилых помещениях, из которых ни одно не раскопано, руководитель работ предложил видеть мужскую и женскую половины. Панель одного из коридорообразных помещений была покрыта краской и штукатуркой с черной каймой. Были сделаны какие-то наблюдения, позволившие А. А. Марущенко придти к заключению, что XVI век для городища Старая Ниса был временем крупных хищнических раскопок.

На городище Новая Ниса был заложен глубокий разведочный шурф, причем на глубине 3 *м* от современного уровня почвы обнаружены были две перламутровые бляхи с изображением кентавра, фрагменты костяной пластинки с вырезанной на ней какой-то сценой с участием двух человеческих фигур в «башлыках»-кирбасиях («типа ахеменидских барельефов», как казалось исследователю), каменная, стеатитовая ваза-курильница или жертвенный столик, и другие объекты — явно парфянского времени. Стратиграфия культурных слоев в шурфе установлена не была, но сделанная находка дала основание для условного заключения: «Если находки не являются принесенными на Новое городище (т. е. Новую Нису. — М. М.) со Старого (т. е. Старой Нисы. — М. М.) в эпоху XVI в., то возможно экспедицией открыто место македонской Александрии, указания на основание которой здесь имеются»[91]). Так как на самом деле никаких указаний на наличие здесь Александрии нет, очевидно, имеется в виду глухое упоминание Плинием (VI, 25) где-то в парфянской Нисайе Александрополя, получившего наименование от основателя, под которым предполагается Александр Македонский.

Осенью некоторые археологические находки демонстрировались в Эрмитаже, в связи с происходившим в Ленинграде III Международным Конгрессом по иранскому искусству и археологии, на одном из секционных заседаний которого, под председательством автора данной статьи, А. А. Марущенко сделал краткий доклад о раскопках Ни-

сы и демонстрировал предполагаемую схему реконструкции плана центральных зданий на городище Старая Ниса. Хотя доклад не был представлен в письменном виде и потому не мог быть опубликован в трудах Конгреса, тем не менее присутствие на нем специалистов из различных стран обеспечило известный резонанс за границей, что нашло отражение в некоторых зарубежных работах[92]).

В 1935 году охрана памятников, в том числе и Багирских городищ, перешла в сектор Истории материальной культуры ТГНИИ.

Работам 1936 года предшествовало случайное обнаружение туркменами в промоине у стены восточного фаса городища Новая Ниса бронзового светильника с завитыми ручками и головой козлоподобного демона, который нашедший сперва пытался продать Е. Г. Сукачеву, а затем уступил его в Ашхабадский музей. Промоина вызвала к себе интерес, так как она прошла через древние погребения, почему при возобновлении раскопочных работ, которые длились с конца мая до начала июля и которые проводил один А. А. Марущенко, здесь была произведена расширенная расчистка, вскрывшая якобы погребение в астодане. Последний напоминал собою, по словам производителя работ, «сагану». Внутри находились лежащие в беспорядке кости неполного скелета, повидимому, в свое время прикрытые тканью с нашитыми на ней золотыми нитями и мелкими золотыми бляшками, в виде листа аканта и других форм. При погребении обнаружилась медная парфянская монета, определенная А. Н. Зографом, как халк Орода I (37—38/37 г. до н. э.). Астодан считался окруженным сырцовой стеной, покрытой красной лощеной штукатуркой с декоративными черными полуколонками, увенчанными капителями в виде прямоугольных терракотовых плиток с изображением ионических волют.

В северном углу крепости встречены были погребения с трупоположением в сырцовых гробницах, условно отнесенных к эллинистической эпохе.

Со всего городища снят инструментальный топографический план в масштабе 1 : 1.000, установлена общая мощность культурных наслоений в 15 *м*, заключающая в себе якобы только семь культурных слоев. Из них три «доисторических», приходящихся по классификации производителя работ на первую, третью и шестую стадию культуры Анау, а остальные четыре — на эллинистический, парфянский, «хорезмшахский» (конца XII, начала XIII вв.) и «сефевидский» (XVI—XVII вв.), что не подтвердилось при работах ЮТАКЭ 1946 г. По заключению А. А. Марущенко, город VIII—XII вв. находился вне городища Новая Ниса к северо-западу от нее (очевидно, подразумевалось к СВ. — М. М.).

На территории Старой Нисы в юго-западной части предполагаемого храма огня обнаружено крупное помещение из сырцового кирпича с круглым внутренним планом диаметром в 17 *м*. Вход внутрь найден не был. Помещение было сочтено за поздний парфянский мавзолей, при чем допускалось перекрытие его куполом.

В северной части городища в развалинах как бы хозяйственных сооружений из сырцового кирпича, частично исследовавшихся в 1935 году, вскрывались траншеями новые помещения с каменным полом и, как казалось исследователю, с плоским потолком. Хотя полного раскопа произведено не было, тем не менее было высказано предположение,

что в них не было никаких дверей и окон, что они представляли глухие кладовые, может быть частично и сокровищницы «сейфы» (так как, кроме раздавленных хумов, здесь были встречены кусочки кожи, следы истлевшей ткани и золотые нитки) и что доступ в них был сверху через отверстия в крышах с помощью переносных лестниц[93]).

На этом было закончено предварительное археологическое изучение Нисы Археологическим кабинетом ТГНИИ, который стал готовиться к раскопкам на «Гяур-Кале» в Старом Мерве, хотя не было получено решений даже по ряду ставившихся вопросов. В частности, это касается ахеменидской эпохи в жизни города, каковая проблема (не без влияния предвзятого отождествления Нисайи Авесты с районом Ашхабада — Багира) предусматривалась, как одна из двух основных целей раскопок с 1934 года, когда заранее намечалось «получение материала для выделения и характеристики руководящих комплексов основных культур домусульманской эпохи: Ахеменидской, Парфянской и Сасанидской»[94]). «Тип ахеменидских барельефов» усматривался А. А. Марущенко в упоминавшейся резной костяной пластинке. Исследователем допускалось, что Старая Ниса возникла еще в ахеменидское время, а намек на ахеменидскую архитектуру С. А. Ершов видел в четырехлопастных, как бы слитых из четырех стволов колоннах «мавзолея», которые, по данным ЮТАКЭ 1946 года, могли появиться на самом деле здесь не ранее конца I или II вв. н. э. Не был решен и вопрос о месте самого парфянского города Ниса, который, по мнению С. А. Ершова, «очевидно, располагался вокруг крепости» Старой Нисы, подтверждение чему он усматривал в собранном здесь подъемном археологическом материале.

1936 год явился вместе с тем и последним в сборах археологических материалов (преимущественно керамики) с городища Ниса, которые с 1927 года в течение нескольких лет осуществлял врач и любитель археологии Е. Г. Сукачев. У него составилась хорошая коллекция предметов керамики «мусульманского периода», относившихся ашхабадскими специалистами, по принятой в Туркмении с начала 30-х годов шкале, к эпохам «сельджуков и хорезмшахов» (XI — начало XIII в.)[95]) и в значительной части передатированных после работ ЮТАКЭ 1946 г., как принадлежавших в действительности IX—X вв.

Прекращение раскопок одновременно сопровождалось ослаблением охраны городищ, когда единственный сторож был закреплен за Старой Нисой. Между тем, при интенсивном разносе на поля селитроносной земли из цитадели Новой Нисы попрежнему обнаруживались в немалом числе интересные археологические объекты, в частности, остатки бани. Вызванный в мае 1939 года из Ташкента через СНК Туркмении профессор М. Е. Массон был привлечен к разрешению вопроса о срочных и реальных мероприятиях в части охраны городища. Он ознакомился на месте с положением дела, установил на территории цитадели, примерно в 6 гектар в числе выковырянных из земли объектов, наличие фрагментов XVI—XV, XIV и XIII вв., из чего можно было заключить, что вышележащие, более молодые культурные слои, в ряде площадей уже утрачены и что пока относительно меньше затронуты более древние нижние пласты, и составил подробное мотивированное письменное заключение для представления в высшие правительствен-

ные органы. Одновременно, при докладе в ТГНИИ, им был поставлен вопрос о немедленном установлении археологического надзора за производимыми багирскими колхозниками земляными работами, мобилизовав для этого сотрудников сектора археологии, изыскав такие формы кооперирования с колхозниками селения Багир, чтобы беспорядочное ковырянье котлованов в цитадели превращать, где это нужно, в раскоп, под руководством специалистов, отдавая на удобрение только отработанную землю отвалов[96]). Попутно отмечалось крупное союзное значение этого археологического объекта, заслуживающего быть объявленным государственным культурно-историческим заповедником. К тому времени в Америке были опубликованы в первом томе Survey of Persian Art (1939) некоторые подробности о результатах раскопок Нисы, и издатель предложил считать, без достаточных к тому оснований, помещение с четырехлопастными колоннами не мавзолеем, а храмом, посвященным богу солнца и богине луны[97]).

Несмотря на несовершенство с точки зрения методики ведения раскопок и освоения сделанных открытий, исследования Нисы 1930 года и следующих лет дали немалый конкретный материал для получения представлений о содержании до того весьма загадочных городищ. Самая постановка таких многолетних работ оказалась возможной и реально осуществленной в результате крупных достижений Партии и Советской власти в развитии культуры былых окраин царской России, в частности, Туркменистана, превратившейся в одну из Советских Социалистических Республик СССР. Полученные при археологических раскопках на Нисе вещевые материалы обогатили в известной мере научные представления о до сих пор мало известной культуре Парфии. В этом большая заслуга перед советской исторической наукой всех туркменистанских научных организаций, участвовавших в археологических исследованиях обоих городищ на землях селения Багир.

Разразившаяся в середине 1941 года Отечественная война затормозила на несколько лет нормальное развитие археологического изучения Туркмении. Но вскоре же, после надлома бешеного натиска фашистов под Сталинградом, в 1943 году академик В. В. Струве и доктор археологии М. Е. Массон представили в Президиум Академии наук СССР развернутый план историко-археологических исследований в Южной Туркмении, посвященных разрешению Парфянской проблемы, где первое место занимали раскопки Нисы. Академия наук СССР реагировала на это в 1944 году внесением этой темы в программу послевоенных работ. Наконец, в начале 1945 года, за несколько месяцев до окончательного разгрома фашистской Германии, созванным в Москве I-м Всесоюзным Археологическим совещанием был принят общесоюзный перспективный план археологических исследований СССР, куда была включена Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция, видное место в плане работ которой отведено изучению Нисы.

IV. ПРОШЛОЕ НИСЫ В СВЕТЕ РАБОТ ЮТАКЭ 1946 ГОДА

„Умей из груды безобразной
Картину стройную создать
И положить на слепок грязный
Живого творчества печать".

И. С. Никитин.

В первый сезон полевых работ ЮТАКЭ 1946 года главное внимание было уделено изучению городищ Нисы, характеризовавшихся в свое время В. А. Жуковским, как «груды развалин, кучи мусора и кирпича, занесенные и заносимые пылью», где никаких памятников (подразумевается — на поверхности) не сохранилось[98]). Широкий охват и комплексное изучение всей площади земель современного аула Багир в сопоставлении с весьма отрывочными данными письменных источников дали экспедиции возможность впервые выяснить общую канву прошлого Нисы на протяжении двух с лишним тысячелетий. Полученные результаты при всей их неполноте особенно важны, если принять во внимание, что истории данного пункта нет ни на восточных, ни на западных языках, а для ряда столетий отсутствуют даже какие бы то ни было письменные сведения об этом городе.

Находки ЮТАКЭ на «Новой Нисе» вместе с многочисленными крупными и мелкими отщепами кремня, кремневых отжимников, нуклеусов, скребков и других орудий, несущих следы микролитической техники обработки, а также обнаружение фрагментов керамики анауского типа на цитадели этого городища и среди полей к северо-востоку от Багира (неподалеку от места пересечения подъездного пути из этого селения с большой Фирюзинской дорогой), убедительно говорят о том, что богатый водой оазис привлекал к себе внимание человека уже в глубокой древности. Однако, о доисторическом поселении здесь более определенных археологических данных еще получить не удалось. Можно лишь предполагать, что оно размещалось в нижней части Новой Нисы, где жизнь продолжалась, вероятно, и во времена ахеменидов.

По записанному в средние века преданию, создание искусственной земляной платформы, на которой затем располагался шахристан Нисы, связывалось со временами легендарного Гистаспа. По словам Несеви, когда в ту пору Ниса, находившаяся на естественной возвышенности на месте позднейшей цитадели, стала как бы пограничным укреплением, заграждавшим Иран от набегов с севера, то жителей заставили сносить к подножью крепости землю, и таким образом увеличить ее площадь[99]), доведя до размеров городища Новой Нисы. Очень возможно, что это как-то отражает деятельность исторического Гистаспа, бывшего отцом ахеменидского царя Дария и много лет состоявшего наместником Парфии и Гиркании[100]), где ему в конце первой четверти VI в. до н. э. пришлось даже усмирять восстание, поднятое в пользу лже-Кшатриты. Неправильная конфигурация самого городища Новая Ниса как-будто намекает, что этот город сложился здесь в доэллинистическую пору, поскольку для последней типичен более или менее правильный геометрический план возникавших тогда городских поселений.

Вопрос об отождествлении упоминаемого Плинием Александрополя в Парфянской Нисее со Старой или Новой Нисой пока остается

открытым. Впрочем, в самом таком предположении нет ничего невероятного, если следовать мнению, впервые высказанному И. Г. Дройзеном, что Александр Македонский в 330 г. до н. э. прошел из Гирканни в Арию не южным Хорасаном, а северным путем, описанным позднее Исидором Харакским[101]).

Археологически четко пока прослеживается лишь парфянская Ниса, в отношении которой в европейской литературе сложилась традиция считать ее одной из двух ранних столиц Парфянского государства Арсакидов. Первой якобы является Астака или Арсака (у Исидора Харакского — Асаак), по мнению некоторых исследователей, находившаяся на месте Хабушана или Кучана в области Комисена, соответствующей средневековому Кумису с городами Дамган и Семнан[102]). Однако, во-первых, по данным Исидора Харакского, Асаак находился в области Аставена, тогда как в Комисене, по его словам, не было ни одного города; во-вторых, отождествление Кучана с Асаакой ничем не доказано и неизвестно даже, чтобы в Кучане находились остатки городища столь большой древности; в-третьих, Астака (как и Ниса) нигде в источниках не фигурирует в качестве столицы, т. е. официально признанного главного города государства. Указание Исидора Харакского, что в Асааке Арсак был провозглашен первым царем, не дает оснований считать Асааку первой столицей. По Бейхаки, после страшного разгрома газневидских войск под Денданканом, в том месте, где произошло это событие, сельджукские войска тогда же разбили палатку, поставили трон и тут же провозгласили Тогрула эмиром, отчего городок Денданкан не стал столицей сельджукидов.

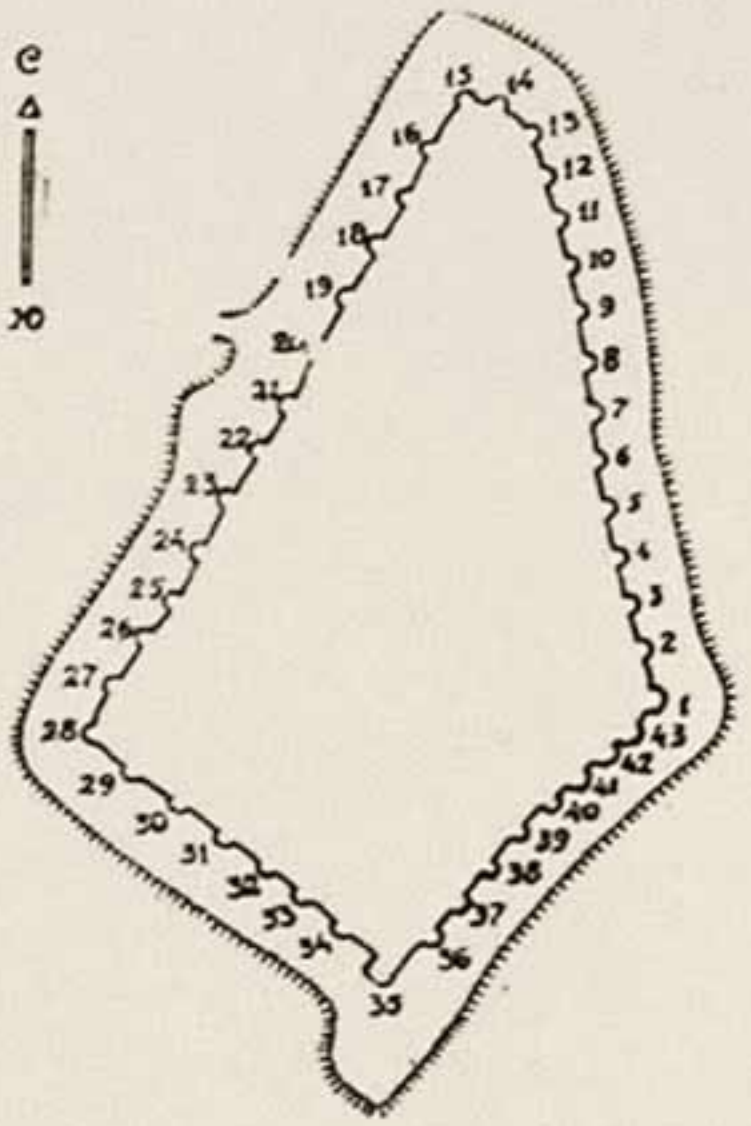


Рис. 1. Старая Ниса. Схема расположения башен (составила В. А. Левина).

Как известно, Арсак I погиб в борьбе с селевкидами вскоре же после поднятого против них восстания в Парфии и ему не пришлось быть царем, хотя впоследствии он считался как бы родоначальником династии арсакидов и как таковой изображался на реверсах серебряных монет. После некоторых неудач брату его Тиридату (часто именуемому в текстах как Арсак, равносильно титулу «цезарь» римских императоров) удалось собрать значительное войско, одержать победу над селевкидами, убить их наместника Парфии, отнять Гирканию и, как писал Трог Помпей, построить крепости, в том числе Дару, и организовать относительно небольшое самостоятельное Парфянское царство, первым царем которого он был провозглашен в городе Астаке. Столицей им был избран Гекатомпил, находившийся где-то неподалеку от

границ Гиркании и Каспийских ворот и остававшийся главным городом государства включительно до Митридата I (174—136 г. до н. э.), который явился подлинным создателем мощного Парфянского государства, выступавшего на Востоке соперником Рима. Начиная с Фраата II

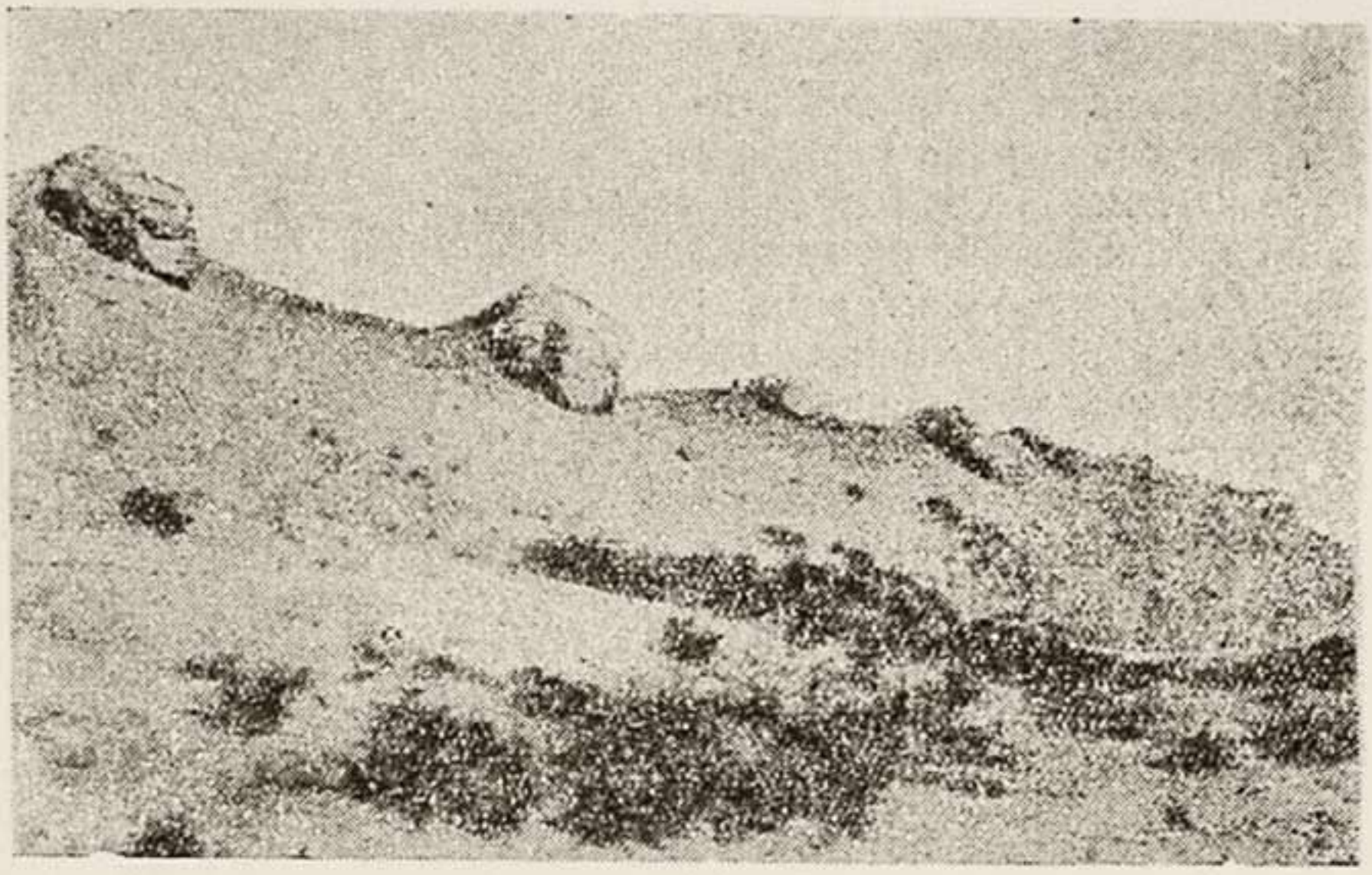


Рис. 2. Восточный фас крепостных стен Старой Нисы.

(136—127 г. до н. э.) и до Орода I (56—37 г. до н. э.) столицей Парфии считалась Экбатаны (древняя столица Мидии). Только при Ороде I, в пору апогея парфянского могущества и блестящих побед над римскими войсками, она была перенесена на левый берег Тигра в лежавшее напротив Селевкии селение Ктесифон, которое служило до того военным лагерем и обязано было своим новым положением, а также окружением стенами, по словам Аммиана Марцеллина, Пакору, сыну и соправителю Орода I. В середине I в. н. э. при Вологасе была попытка перенести столицу в отстроенный на правом берегу Ефрата новый город Вологасокерт, куда предполагалось перетянуть мировую торговлю из Пальмиры. Но это кончилось неудачей, и царский золотой трон арсакидов попрежнему оставался в Ктесифоне, откуда его похитил Траян в 116 году.

Арсакидские государи отнюдь не всегда проживали в столице, но имели некоторые обычные сезонные резиденции. По данным Страбона, таковыми в летнее время служили «знаменитые древнею славой» Экбатаны и Гиркания. Известно, что парфянские цари в первых веках н. э. зиму иногда проводили, кроме Ктесифона, в Селевкии и Вавилоне, а весну — в Рагах и Гекатомпиле, от чего эти пункты не становились столицами. При всем том нет никаких известий, что парфянские арсакиды когда-либо, в какое-нибудь время года резидировали в Нисе, хотя вполне вероятно, что иногда они и посещали этот город в области, которую они имели основание считать колыбелью свое-

го могущества. Кроме того, в начале I века н. э. здесь, по показанию Исидора Харакского, находились гробницы парфянских царей очевидно из числа первых членов династии, возможно, начиная с Арса-

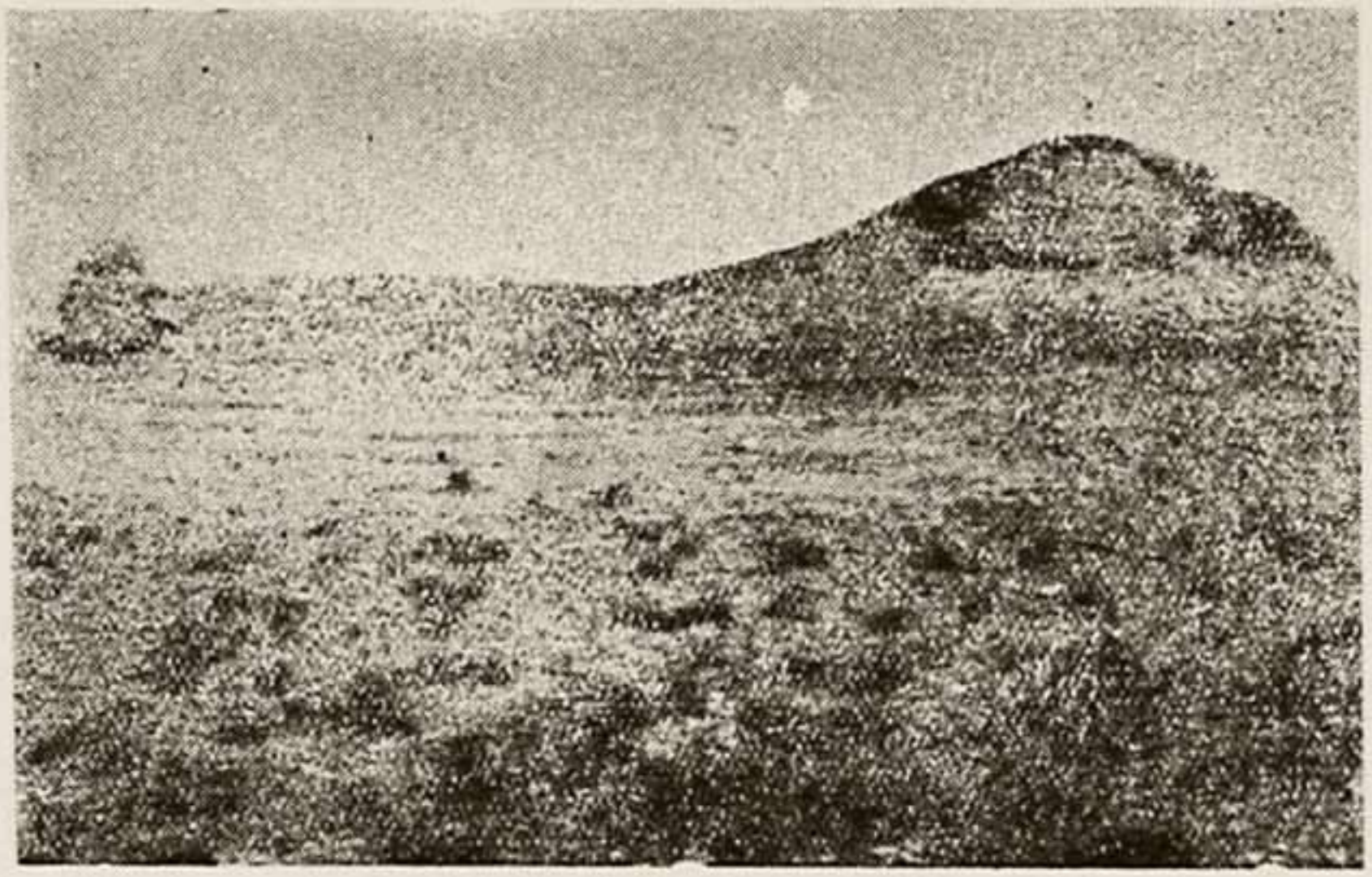


Рис. 3. Восточный фас крепостной стены Старой Нисы. Справа угловая башня № 1.

ка. Культ могил предков мог привлекать сюда царствующего государя для совершения поминальных обрядов. Неизвестно, на протяжении какого времени Ниса продолжала выполнять роль единственного традиционного царского некрополя. Во всяком случае, впоследствии парфянских царей предавали захоронению в Арбелах (километрах в 70 восточнее Ниневии). Захвативший этот город в 217 году римский император Каракалла в порядке мести имел возможность осквернить там погребения парфянских царей, могилы которых были вскрыты, а прах и кости из них выкинуты.

Как бы то ни было, но в свете археологического изучения Ниса при парфянах вырисовывается теперь довольно значительным городом рабовладельческого общества. Как устанавливается с непреложной очевидностью, городище Новая Ниса, имеющее площадь до 28 гектар, представляло в парфянское время ядро античного города, уже обнесенное стеной из крупных квадратных сырцовых кирпичей до 40 *см* в стороне и до 15 *см* толщиной. Судя по археологическому инвентарю, добытому из культурных слоев Новой Нисы, верхушка общества этого северного парфянского города к I в. до н. э. была уже в известной мере эллинизирована, и в ее обиходе имелось немало предметов, экспортированных из восточных эллинистических стран (например, бронзовый светильник с головой фавна, датируемый погребением с монетой Орода I), наряду с объектами, привезенными из Индии (например, крупная раковина Triton variegatus Lam., найденная еще в 1936 году и водящаяся в Индийском и Тихом океанах[103]).

Вместе с тем, по данным изучения в 1946 году остатков вала к югу от Новой Нисы, выясняется, что парфянская Ниса, подобно Термезу кушанского времени[104]), имела окружение внешней стеной, общее протяжение которой, за отсутствием достаточных следов, точно установить нельзя, но которая, возможно, отчасти совпадала кое-где с позднейшими границами средневекового города.

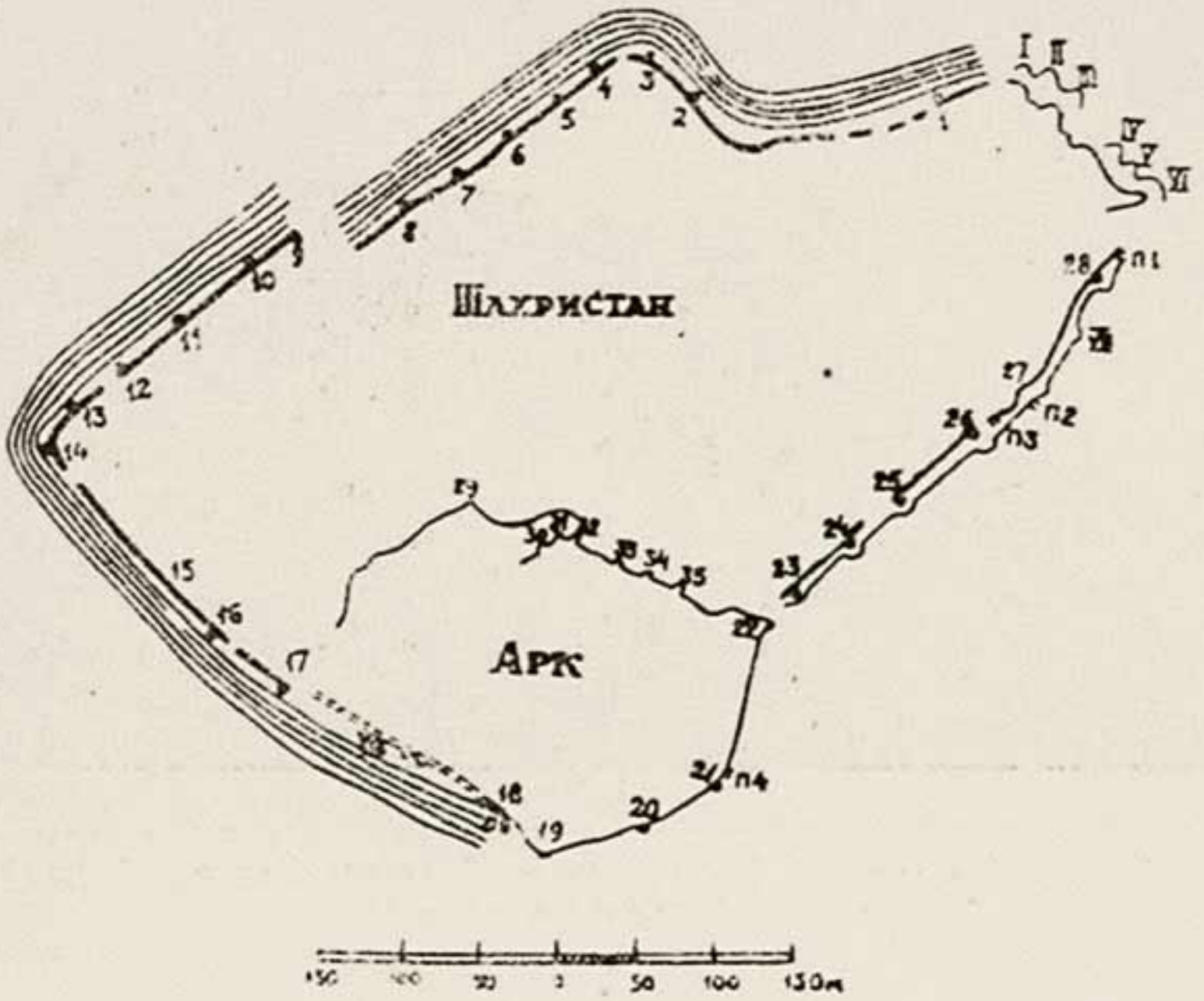


Рис. 4. Схема расположения башен и помещений в стене городища Новая Ниса (составила З. Альхамова).

В парфянской Нисе I в. до н. э. уже имелись достаточно зажиточные семьи местной знати, о чем свидетельствует изучавшийся вторым отрядом некрополь в южной части городища, давший в давно разграбленных могилах находки мелких золотых украшений. Есть основание полагать, что в городе была развита торговля с денежным расчетом, поскольку известны парфянские моменты II в. до н. э., упоминающие в легенде наименование Нисы в форме NICA или ΝΙΣΑΚ [105]). Весьма вероятно, что к чекану Нисы принадлежат и те парфянские монеты, которые несут на себе изображение сокращенного символа в виде N или NI, и которые в прежнее время расшифровывались как битые в городе Ниносе. С таким символом известны драхмы чекана Орода I (57—38/7 г. до н. э.), его сына Пакора, Готарза (40/1—57 г. н. э.) и Вологаза II (77/8—146/7 г. н. э.)[106]).

Расположенное к юго-востоку от Новой Нисы и имеющее площадь несколько более 20 гектар, городище «Старая Ниса» стратиграфически в 1946 году было опознано несколько иначе, чем это определялось предшествующими исследователями. Верхний культурный слой с остатками архитектурного сооружения оказался относящимся не к III—VIII вв. н. э., а к значительно более позднему времени. Изучение на небольшой площади непотревоженных остатков так называемого с 1930 года «са-

санидского здания» показало, что оно, судя по сырцовому кирпичу и фрагментам керамики, принадлежит в действительности к периоду после арабского завоевания и появилось здесь не ранее конца XII — начала XIII вв. Не было встречено также никаких убедительных данных для отнесения некоторых нижележащих архитектурных памятни-

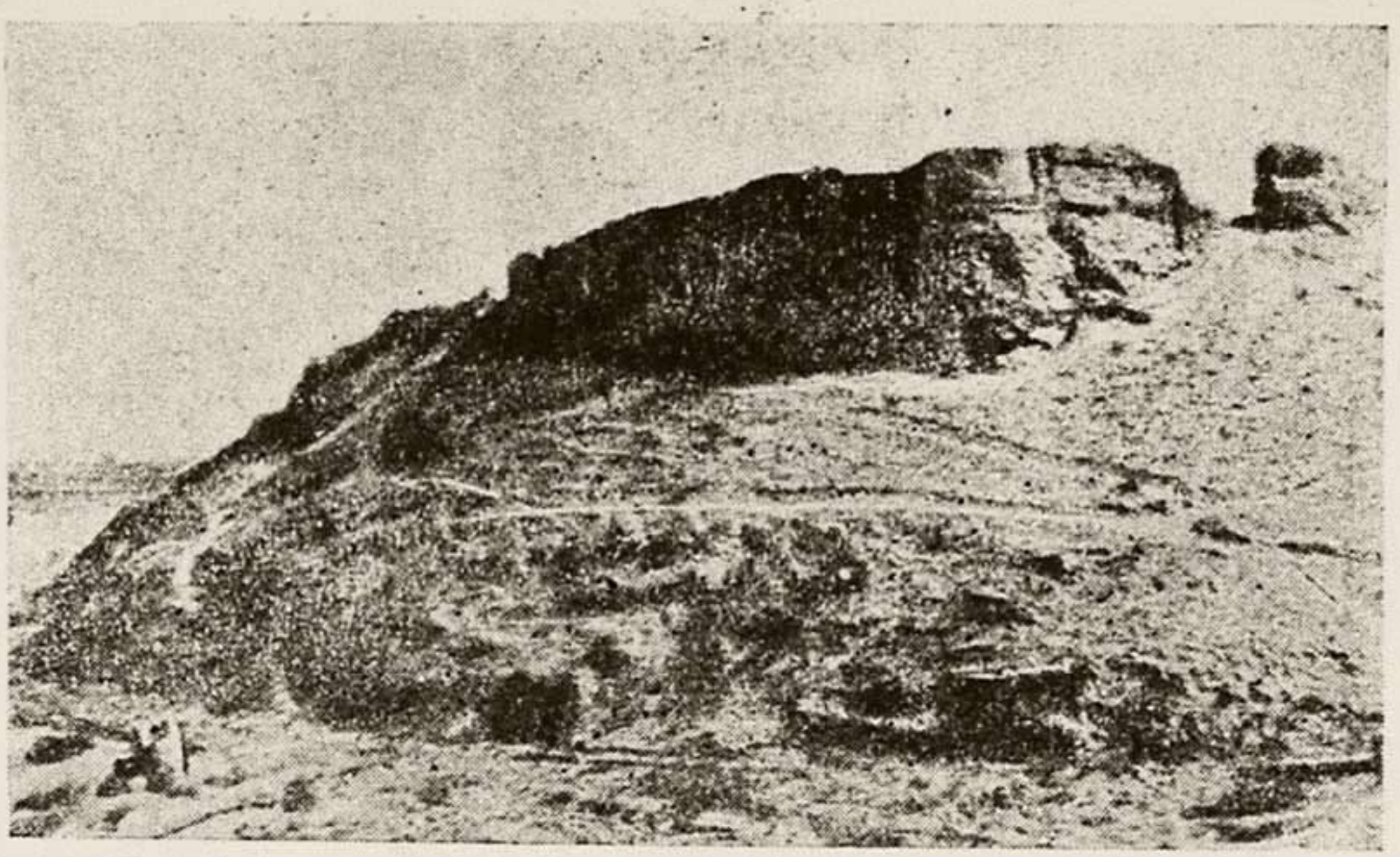


Рис. 5. Новая Ниса. Часть городской стены.

ков к эпохе ахеменидов, как это определялось при предшествующих раскопках. В частности, не подтвердилось мнение С. А. Ершова, будто четырехлопастные колонны могут быть датированы серединой первого тысячелетия до н. э. Вскрытие установило, что возведенные на кирпичном фундаменте, куда в качестве простого строительного материала попали лекальные жженые кирпичи от полуколонн и колонн, видимо из уже разрушившегося ко времени их постройки здания, упомянутые четырехлопастные столбы, как это доказано Г. А. Пугаченковой, были сооружены не ранее I в. н. э.

Предварительное изучение внешних крепостных стен Старой Нисы и остатков ранее вскрытых сооружений в средней их части, получение новых археологических данных на раскапываемой площади большого квадратного зала с колоннами, архитектурный анализ баз и других деталей позволяют теперь совершенно по-новому представить прошлое этого сложного архитектурного комплекса за время парфянского владычества.

Повидимому, Старая Ниса представляет собой городище особого типа, к которому в какой-то мере приложим древний среднеазиатский термин «курук» — «заповеданное», «запрещенное»[107]). Как своего рода «курук» парфянских царей, включавший не одни их могилы, но также храмы, дворцовые сооружения, жилые и хозяйственные помещения,

«Старая Ниса» складывалась на протяжении ряда столетий и пережила несколько периодов своего строительства, из которых пока могут быть намечены основные четыре.

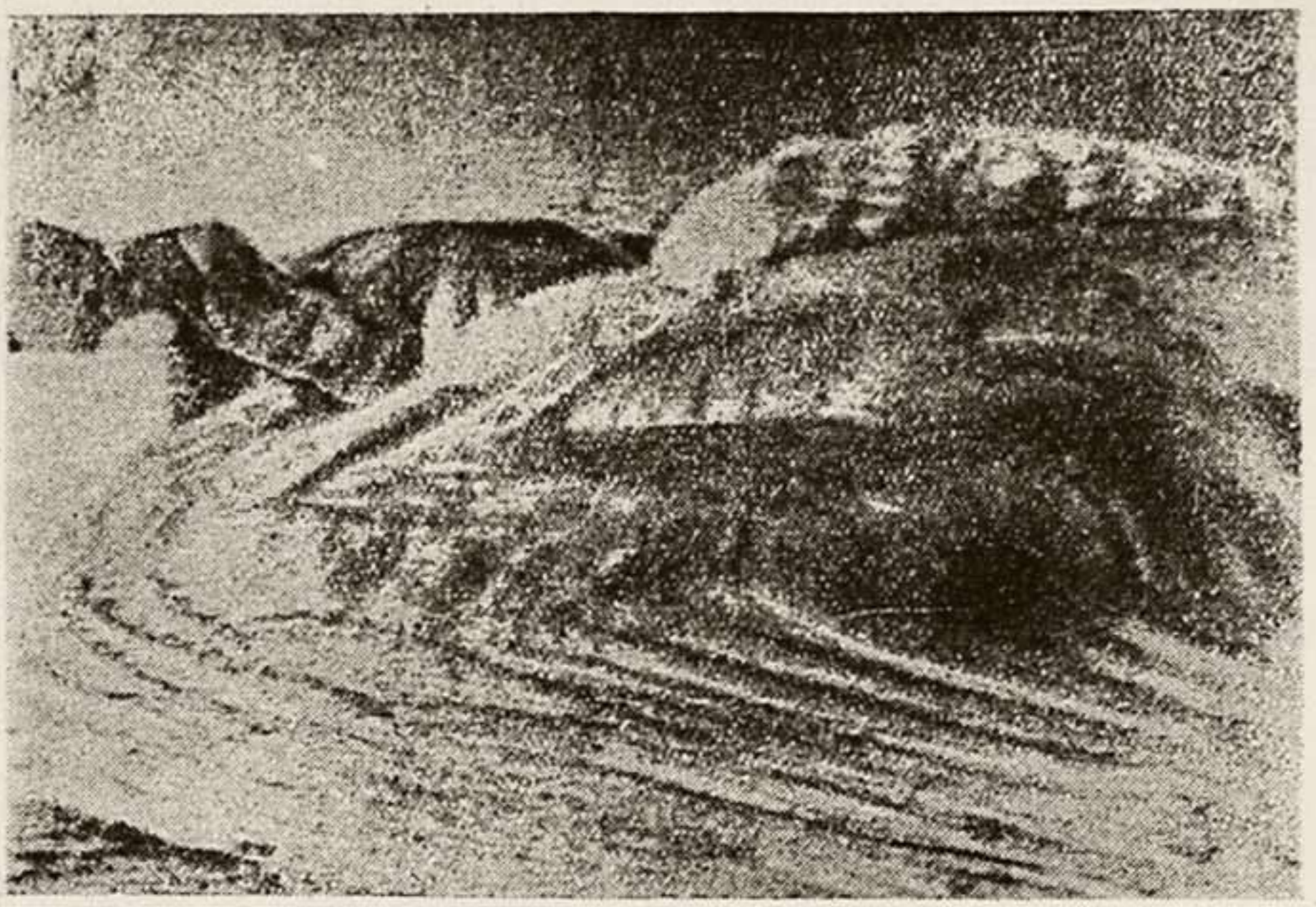


Рис. 6. Крепостная стена Старой Нисы. Башня № 1.

Их выделение заставило, между прочим, уточнить самое понятие термина Парфия, в отношении которого в научной литературе наблюдается большая путаница, приводящая часто к неправильному восприятию исторических текстов, а отсюда к ошибочным выводам[108]).

Собственно Парфия (иначе Парфиена) очень небольшая область. По Исидору Характскому (около начала н. э.), от границ Астабены до Нисы было 6 схойн или, считая в схойне этого автора по 5 *км*, 30 *км*. Проходивший через нее отрезок большой торговой дороги имел всего 25 схойн или 125 *км*, после чего вступали в область Апавархтикену, примерно несколько восточнее современного Гяурса. Именно об этой Парфии и писал Страбон, когда сообщал, что она невелика, лесиста, гориста и бедна, и что страна не могла прокормить проходившие через нее войска ахеменидских царей даже короткое время, почему им приходилось миновать ее беглым маршем[109]). В более расширенном смысле под термином «Парфия» понимали иногда территорию от земель ариев (по Теджену) до Гиркании (области по Гургену). Так бывало возможно и при Ахеменидах[110]) и, во всяком случае, при Арсакидах. Страбон, вслед за описанием небольшой, бедной Парфии прежней поры приводит, что «в наше время (т. е. во второй половине I в. до н. э. и не позднее самого начала н. э.) она (т. е. Парфия) увеличилась, так как в состав Парфиены входят теперь Комисена и Хорана, а также почти все пространство до Каспийских ворот, Раг и Тапир, принадлежавшее некогда Мидии». Плиний Старший (I в. н. э.) в своей «Естественной истории» писал, что на востоке Пар-

фия граничит с ариями, на западе с мидянами, на севере с гиркан-цами; что она окружена со всех сторон пустынями и что потусторонние парфяне (очевидно, к северу от Копет-Дага. — М. М.) кочевники. Несколько ниже он расхваливает Хоару, как прекраснейшее место Парфии[111]).

Наконец, термины Парфия и парфяне (Аньси у китайцев) употребляются в греко-римских первоисточниках для обозначения государства Арсакидов в целом и его жителей (в большинстве потомков населения ахеменидского Ирана), в частности, когда речь идет о парфянской международной торговле, о многочисленных парфянских городах (в то время как на территории собственно Парфии известно только два города, не считая Нисы) и т. п.

В письменных источниках не сохранилось описания культа мертвых у жителей древней Парфии, равно как у кочевников даев вообще и, в частности, у племени парнов, из которого происходили Арсак и Тиридат. Едва ли однако к концу III в. до н. э. он не был довольно примитивен, но несомненно, что появление новой династии не могло не сказаться на его осложнении из политических соображений в отношении самих покойных ее членов. Неизвестно, как и где были преданы погребению первые Арсакиды, но очевидно, что полудиким, хотя и доблестным варварам, только что сумевшим отстоять от Селевкидов независимость захваченного ими небольшого владения, главными областями которого являлись Парфия и Гиркания, на первых порах борьбы с колеблющимся успехом было не до создания пышного некрополя-курука, хотя уже Тиридат в числе прочих отстроенных им крепостей мог возвести и укрепления Старой Нисы. На «варварскую» эпоху их появления намекает фигура площади городища, имеющего форму вытянутого с севера на юг неправильного пятиугольника. Сами внешние стены крепостного типа вероятно не сразу при сооружении получили тот профиль и облик, которые в какой-то мере сохраняют в себе дошедшие до нас их остатки. Пространство внутри их до конца оставалось большей частью незастроенным. Основные сооружения расположены примерно в середине свободного пространства крепости ближе к западной части. Следы ворот отме-

Рис. 7. Старая Иса. Расчистка башни № 1.

чаются в северо-западном фасе, обращенном к городищу «Новая Иса». Шурф, заложенный в 1946 году много западнее помещения с четырехлопастными колоннами, дает основание предполагать, что дорога от упомянутых ворот вела к небольшой площади, на которую и был выведен главный фасад раскапывавшегося дворцового зала. Наоборот, наблюдения над шурфами прежних раскопок намекают на то, что восточный фас главного комплекса сооружений выходил на внутренний двор, где был хауз. В одном из шурфов, неподалеку от восточной стены крепости, между ней и хаузом, на метровой глубине оказался отвал костей домашних животных и парфянской керамики. К северу от главного комплекса зданий, на некотором расстоянии находится группа руин менее значительных сооружений, как полагают, хозяйственного назначения.

Оба комплекса сложились не по заранее задуманному единому плану и, кроме того, как показывают наблюдения, даже отдельные сооружения подвергались разным переделкам, реконструкциям, закладкам и другим изменениям, не говоря о ремонтах.

Самыми ранними, могущими уже быть более или менее точно датированными, объектами архитектуры являются встреченные здесь в большом количестве еще при прежних раскопках терракотовые зубцы, плитки с изображением розетт и пальметт, а также профилированные «метопы» с рельефными изображениями горита с коротким луком всадника, палицы, месяца, львиной морды, фигуры, напоминающей «селевкидский якорь» и розетки из четырех сердечкообразных лепестков. Мнимый якорь похож на эмблему культа Атергатис. Львиная голова—символ льва-стража. Остальные фигуры, помещенные все между прорезей в виде боевых концов парфянских копий или стрел разных типов, известны по изображениям на реверсах медных монет чекана династии Арсакидов и могут быть отнесены к категории культово-династических эмблем. Архитектурный и стилевой анализ позволил Г. А. Пугаченковой датировать их скорее всего II в. до н. э. Судя по отдельным находкам, в это же примерно время на Старой Нисе существовало здание с кирпичными колоннами небольшого диаметра (35—40 *см*). В облицовке отдельных элементов (пилястр с каннелюрами, входных проемов) здесь тогда применялись каменные плиты. На Новой Нисе эпохиально синхронно здание, оформленное полуколоннами в стиле особой азиатской «праионики» с терракотовыми плоскоплиточными капителями.

К этому времени арсакидская Парфия заметно окрепла, чему способствовали смуты в государстве Селевкидов. Используя обстановку, создатель парфянского могущества, уже вполне эллинизированный государь, именующий себя на монетах «филэллином», Митридат I(174-136 г. до н. э.) постепенно присоединил между 150-140 г. г. к своим владениям Атропатену (Азербайджан), Мидию, Эламаиду, часть Месопотамии с Вавилонией, подчинил Персиду, Армению и в момент разгрома Греко-Бактрийского царства как будто на время присоединил Маргиану. Создав таким образом значительное государство, принявший титул «царя царей», Митридат I имел больше всего оснований, как никто из его предшественников, обратить внимание на старинный некрополь членов своей династии и позаботиться об его благоустройстве. Весьма

вероятно, что именно со временем его правления следует связывать появление сооружений, декорации которых и принадлежат упоминавшиеся плитки и «метопы». Едва ли не Митридат I вообще явился подлинным оформителем нисийского «курука», сложившегося как-то до него. Немного времени спустя, в 129 г. до н э., все сирийские солдаты гарнизонов, стоявших в неожиданно захваченных парфянских городах, были перебиты, и соперничество Селевкидов оказалось сломленным навсегда. Но вскоре же появился еще более опасный враг в лице Рима, борьбой с которым наполнена почти сплошь вся последующая история Парфии.

Эпоха, наступившая лет через сто после Митридата I и приходящаяся на середину I в. до н. э., не могла не найти отражения в культурных остатках Нисы. Это была пора правления Орода I (56-37 г. до н. э.), когда в 55 году, после разгрома армии Красса, 10.000 пленных римских солдат на несколько десятков лет были размещенны на поселение в Маргиане; когда у парфянского царя искали военной помощи Брут и Кассий; когда состоявший на службе Орода I римский полководец Лабиен покорял Парфии Сирию и часть Малой Азии, а царевич и соправитель Пакор дошел до финикийского побережья и с отрядом в 800 человек присоединил Палестину. Парфия явилась на время обладательницей значительной части земель древне-персидского царства и переживала апогей небывалого блеска.

В Новой Нисе, как отмечалось, к этой поре относятся некоторые богатые захоронения некрополя парфянской знати, одно из которых датируется медной монетой Орода I. Раскопки 1946 года вскрыли здесь смежный коридорообразный проход, перекрытый особым плоским клинчатым сырцовым сводом и покрытый целиком, включая и пол, густой красной штукатуркой. В Старой Нисе с этим периодом можно связать расширение парадного комплекса и, может быть, появление раскапывавшегося в 1946 г. здания дворцового типа.

Конец I в. до н. э. сопровождался закатом филэллинского периода в культурной жизни Парфии. После бесславного отречения Орода I в результате ряда военных поражений, наступили годы больших династических смут, разжигавшихся извне Римом, который постоянно оказывал поддержку своим ставленникам из числа парфянских царевичей, получавших, в качестве политических заложников, воспитание в Италии. В результате кровавых распрей к концу первого десятилетия I в. н. э. династия прямых потомков Арсака и Тиридата фактически прервалась за неимением наследников, и знать, в порядке национальной реакции против ставленников из Рима, возвела на престол под именем Артабана III правителя Мидии и зятя покойного царя, Фраата IV. С этих пор Парфия вступила в полосу нового периода своей культурной жизни, прошедшей под эгидой антиэллинской реакции в смысле торжества местных культурных традиций, хотя цари долго продолжали именовать себя филэллинами.

Национальная реакция определила собой всю политику Артабана III(10-40 г. н. э.), на монетах которого хотя и сохранились греческие буквы, но появились уже «ваварские» легенды. На востоке с конца 1 века у Парфии оказался опасный соперник в виде вновь сложившегося мощного государства кушан, и их «царь царей» Кадфиз I нанес пар-

фянам в Афганистане ряд поражений. Чтобы дать отпор кушанам, Вардан I (41/42-45 г. н. э.), оставив осаду Селевкии, перенес свой лагерь на поля Бактрии и сумел покорить ряд «народов» «до реки Синда,

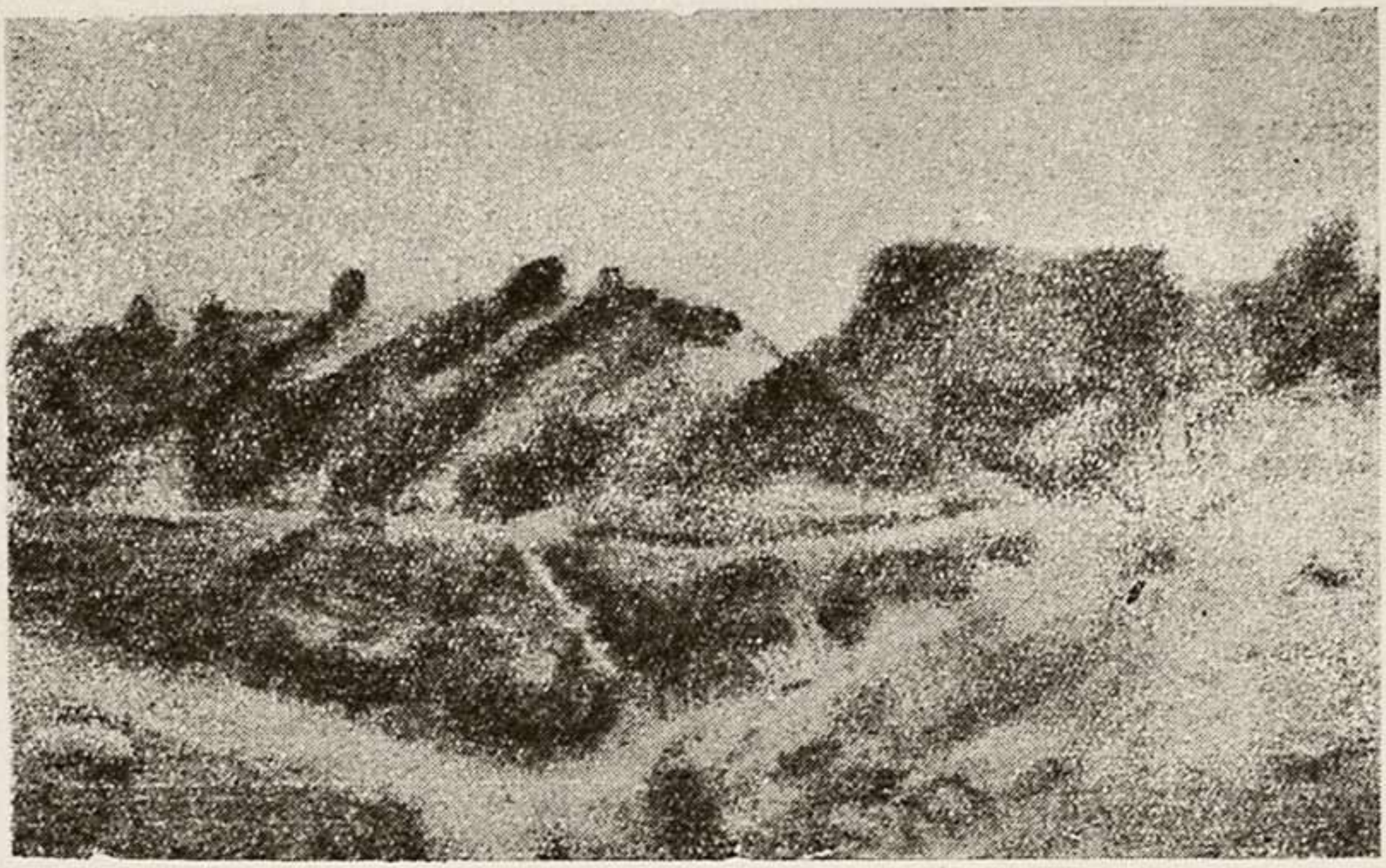


Рис. 8. Новая Ниса. Средняя часть крепостной стены северо-западного фасада.

на границе Дахов и Ариев». Там были поставлены монументы с обозначением, что дальше этого никто из Арсакидов до Вардана I не доходил, каковыми словами Тацита отчасти уточняется предельная восточная граница Парфии[112]).

Наиболее видной фигурой среди представителей антиэллинской реакции был Вологаз I (55-77/8 г. н. э.), с которого греческие надписи на монетах начали заменяться парфянскими, написанными арамейским алфавитом. Это национальное течение на протяжении I и II вв. н. э. даже нашло отражение в замене некоторых греческих названий местными, когда между прочим Александрия Арахозская была переименована в Пайчите (т. е. Панджвей арабских авторов). Внутри Парфии происходит процесс распада, и в некоторых областях вспыхивают восстания. Одно из них, начавшееся в 59 году в Гиркании, привело два года спустя к признанию ее автономии.

Вместе с тем, при Вологазе I Арсакиды занимали престолы Армении, Грузии, Атропатены, Гиркании и одного из владений в Индии (Гандофар и др.). Парфяне до конца I в. н. э. старались поддерживать хорошие отношения с Римом может быть отчасти из опасения своего восточного соседа, Кушанского государства, где на престоле восседали

тогда такие видные представители, как Кадфиз II и Канишка. Чаяния некоторых неримского происхождения римских подданных, нашедшие отражение в содержании сложившегося в 80-х годах Апокалипсиса и

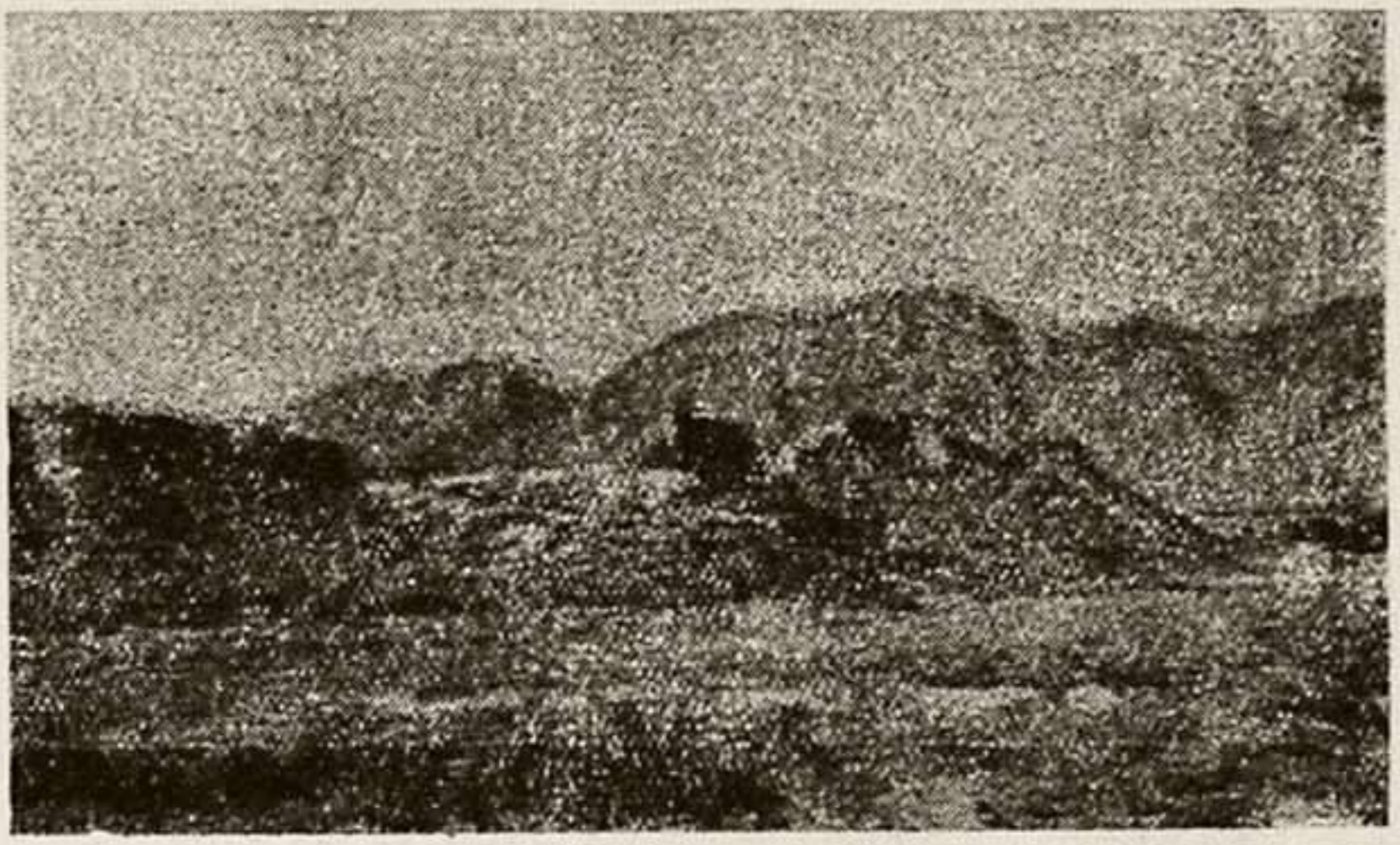


Рис. 9. Новая Ниса. Крепостная стена западного отрезка в северо-западном фасе.

сводившиеся к надежде на разгром парфянами римских войс на Востоке, оказались тщетными.

Ярким следом антиэллинской реакции на Старой Нисе является упоминавшийся дворцовый зал с его типичным для парфянской эпохи планом, с его четырехлопастными колоннами, с красно-черно-белой гаммой штукатурок, с мощными раскрепованными пилонами, оформлявшими входы главного фасада, наконец с характерно-местными приемами строительной техники. К моменту их появления некоторые сооружения II в. до н. э. окончательно пришли в упадок, и остатки их декораций, в виде фрагментов «метоп», рельефных плиток, лекальных кирпичей употреблялись в забутовках фундаментов и выкладке вырубленных в толще сырцовых стен зала дворца гнезд для кирпичных полуколонок. Некоторые, более целые, как например терракотовые аканты, вторично использовались в декоре новых помещений. Возможно к этой эпохе относится и появление в главном зале дворца глиняных статуй, выполненных в манере кушанских скульптур, но с волосами и глазами, трактованными в духе римского искусства первых веков н. э., в частности, с пластическим изображением зрачка и радужной оболочки. Возможно, тогда же появилось здесь загадочное сооружение с круглым внутренним планом до 17 метров в диаметре.

Во II в. н. э., вскоре после захвата Траяном в 116 году Ктесифона со 122 до 162 года длился сорокалетний мир с Римом, не прошедший совсем бесследно в культурном отношении. В Западной Парфии наблюдается вторая волна эллинизма, на этот раз из императорского Рима. Однако, в 162 году назревает новое столкновение с Римом из-за Армении, и с тех пор до конца государства Арсакидов тянется почти непре-

рывная борьба с переменным успехом этих двух мощных государств Востока и Запада, во время которой упорство со стороны парфян крепнет все больше и больше, и римляне при Гелиогабале (218–222), понеся два тяжелых поражения, вынуждены были на мир с уплатой Парфии контрибуции в 5.000.000 динаров. Артабан V (208–224), выигравший борьбу за Армению и за Месопотамию, одержавший ряд успехов с помощью арабов, оказался вместе с тем последним арсакидским государем парфянского царства, безрезультатно пытавшимся спасти династию. Вероятно именно при нем или при одном из его предшественников, были произведены реставрационные работы на Нисийском куруке, когда в дворцовом зале была подновлена и якобы частично «переодета», как полагает Л. И. Ремпель, раскрашенная статуя. При новой реконструкции в зале были заложены кирпичом два из трех прежде парадных входов. Бедность истощенной войнами государственной казны сказалась в том, что вывалившиеся из гнезд части кирпичных полуколонок парадного зала были реставрированы и глиной и алебастром, а недостающие части терракотовых акантов заменены сделанными из сырой глины. Все это неплохой показатель агонии не только династии, но всего организма рабовладельческого Парфянского государства, сходившего с мировой сцены одновременно с таковым же государством «Великих Кушан». На территории Новой Нисы ко II в. н. э. и началу III в. н. э., может быть, относятся сводчатые погребальные камеры, выстланные большими хрупкими кирпичными плитами.

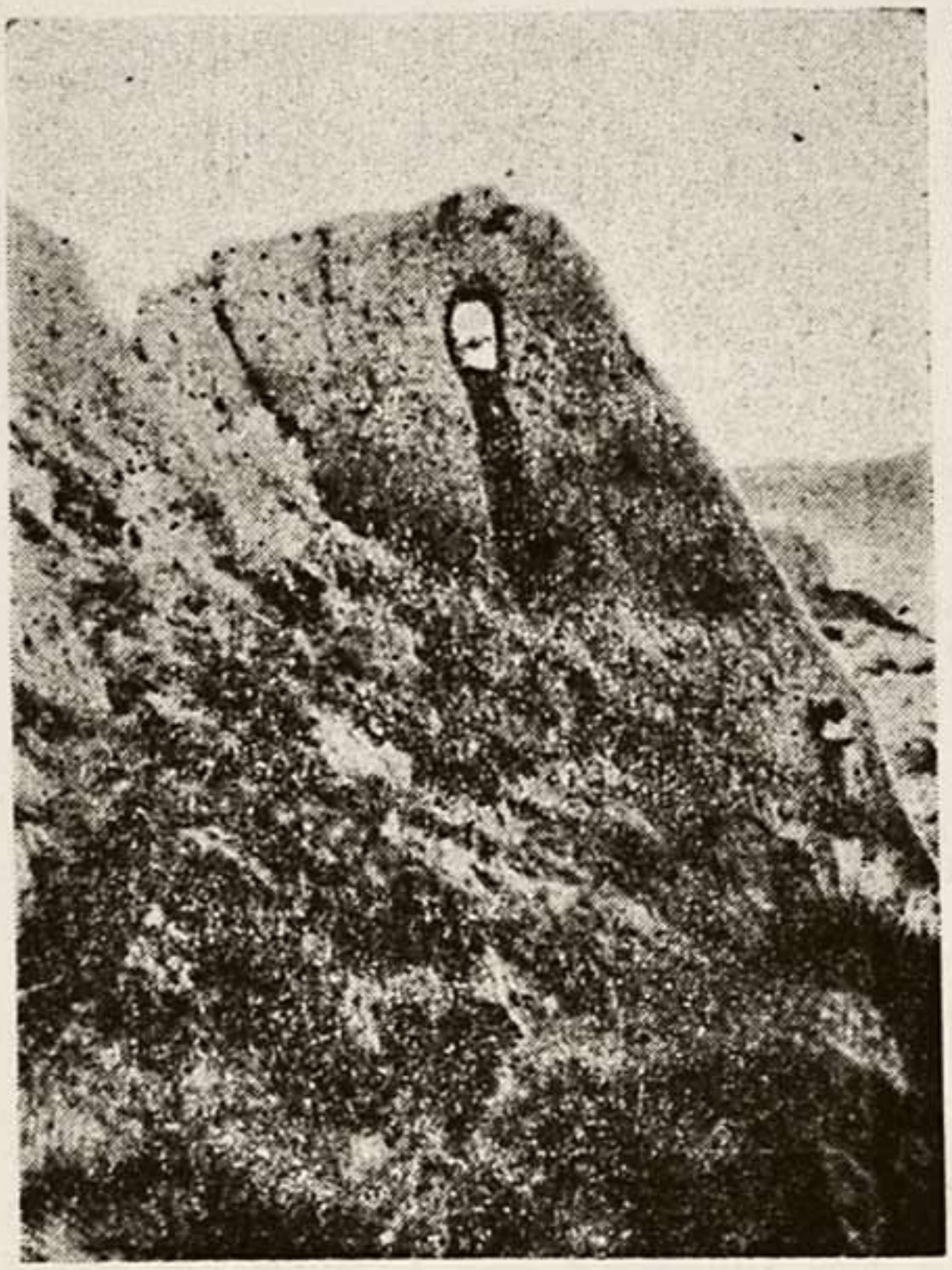


Рис. 10. Новая Ниса. Одна из башен северо-западного фаса крепости.

В начале III в. н. э. непосредственно под властью парфянского царя оставались земли только коренной Парфии, а большая часть остальных областей управлялась окрепшими наследственными самостоятельными правителями. Один из них, резидировавший в Персиде, по имени Арташир, потомок Сасана, сумел поднять восстание против Артабана V, потерявшего в апреле 224 года (по другим данным, в 226 г.) и престол и жизнь. По преданию, Арташир топтал ногами голову своего государя, и едва ли, по завоевании Хорасана, он позволил поддерживать курук свергнутой династии в Нисе в пору вероятно нечетко воспринимавшегося современниками наступления на Среднем Востоке

периода кризиса рабовладельческого общества. По археологическим данным, Старая Ниса оказалась не только заброшенной, но подвергалась хищническому разрушению, может быть в погоне за строительным материалом. Люди, и отчасти землетрясения превратили былой царский курук в руину, обжитую частично вновь и ненадолго, как отмечалось выше, лишь несколько столетий спустя после арабского завоевания.

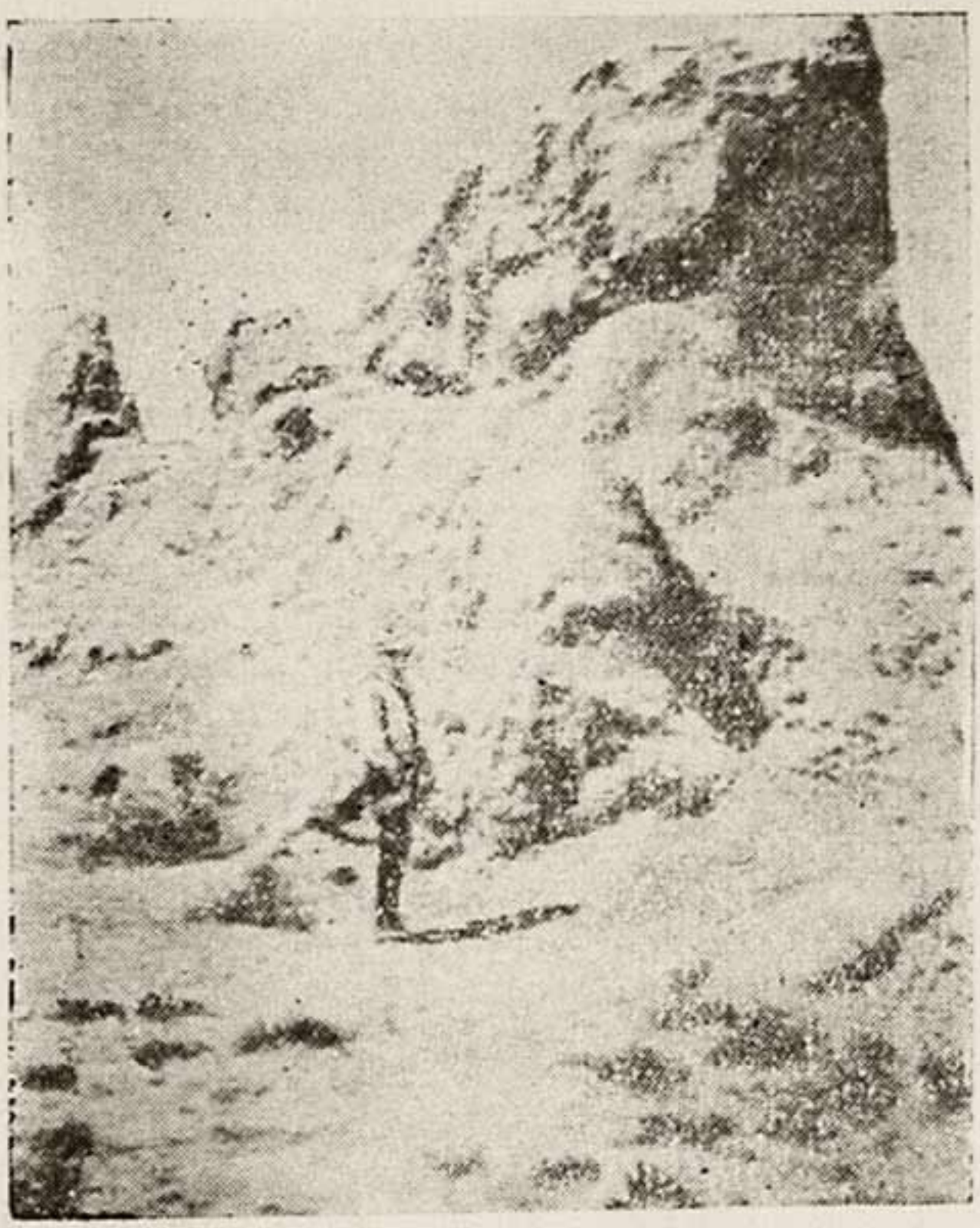


Рис. 11. Новая Ниса. Крепостная стена у места производства расчистки.

Из отдельных наблюдений историко-культурного порядка над археологическими слоями и объектами парфянского периода заслуживают упоминания находки в 1946 году на обоих городищах Нисы ракушек-каури. Этот моллюск Индийского океана, из семейства ужовок (Cypraea), в парфянскую эпоху был уже очевидно широко распространен среди тогдашнего местного населения Южной Туркмении из-за связанных с ним магико-религиозных представлений, так как ракушка служила эротическим символом плодородия[113]).

Архитектурные сооружения Нисы парфянского времени сделаны из крупного квадратного сырцового кирпича с частичным применением для декора жженых кирпичей, иногда фигурных и реже камня (каменные базы из зеленоватого песчаника мелового периода; плиты для пилястр с каннелюрами и др.). Очень интересно обнаружение полихромных глиняных архитектурных и скульптурных фрагментов и отчасти расписных штукатурок (цвета: зеленовато-лазуревый, малиново-красный, киноварный, черный, желтый, коричнево-малиновый), а также обилие золотых чешуек при наличии больших поверхностей стен без украшений. Золотые чешуйки заставляют вспомнить упоминаемый Полибием (IIв.) парфянский храм с позолоченными колоннами в Экбатане и описанный Филостратом (II-III в.в. н. э.) парфянский дворец с портиками, блистающими серебром, пологами, шитыми золотом, и листами чистого золота, выложенными в стены подобно картинам. Нечто подобное имело, должно быть, место и в Нисе, где ткани отчасти заменялись вероятно теми коврами — tapes, которые, по Плинию, парфяне окрашивали отличным от галльского способом.

В архитектуре Нисы отмечаются стилистические связи с парфянскими комплексами Ашура, Ниппура, Варки, Кухи-ходжа и др. Вместе с тем она отлична от архитектуры Хатры, в которой запечатлены в большой мере влияния римской архитектуры. Заслуживают внимания каменные торовидные базы, иногда на ступенчатом основании, обнаруженные на всей заселенной площади древней Нисы. Аналогичные базы известны из западной Парфии, но также широко распространены в индо-буддийской архитектуре II в. до н. э. —II в. н. э., а равно и среди памятников кушанского времени из Термезского и Шахрисябзского районов.

При значительных толщах вскрытых в 1946 году парфянских слоев, встреченные в них керамические фрагменты бытовой утвари очень малочислены, что объясняется в основном характером изучавшихся объектов: опустошенный дворцовый зал, разграбленные могильные камеры, оплывшие городские стены. Дать классификацию парфянской бытовой керамики в настоящее время трудно из-за недостаточного количества последней. За сезон работ 1946 года удалось установить некоторые особенности керамического теста очень хорошей отмучки с преобладанием

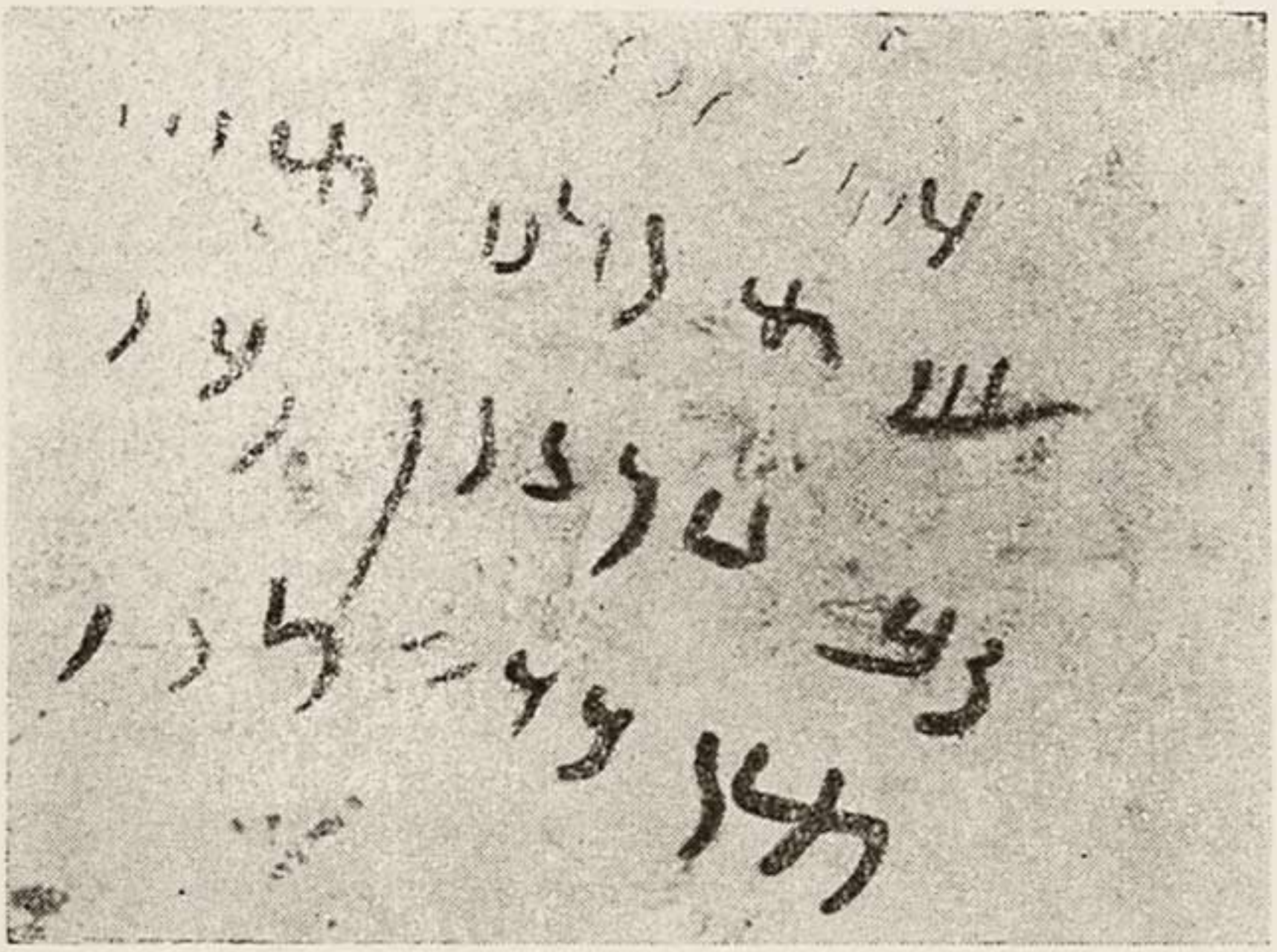


Рис. 12. Пехлевийская надпись на хуме.

розовых или красных, изредка серо-черных глин. Иногда налицо лощение поверхности. Выявлены формы закраин плоскодонных чаш и кувшинчиков—слегка утолщенных к краю и иногда отогнутых наружу. Реставрируемая форма чаш из археологических слоев близка по типу сечений к чашам так называемой IV-й культуры Анау, а бокалообразный сосуд из Новой Нисы имеет некоторые аналогии в кушанской керамике Термеза. Довольно отчетливо выявляется яйцевидный тип парфянских хумов, среди которых один, выкопанный в 1946 году в Старой

Нисе, имеет сделанную тушью старо-пехлевийскую надпись, определяемую А. А. Фрейманом по палеографическим признакам как восходящую к «предсасанидской эпохе». Археологически хум относится к последнему периоду жизни Нисийского курука, т. е. к концу II — началу III вв. н. э.

В свое время В. В. Бартольд писал: «Совершенно неизвестно, сопровождались ли войны (парфян с греко-бактрийцами и индо-скифами. М. М.) мирным культурным обменом, в частности, подражали ли Арсакиды греко-буддийской культуре своих восточных соседей»[114]). Теперь, после работ ЮТАКЭ можно определенно говорить, что хотя в целом выявленный работами Термезской археологической комплексной экспедиции 1936-1938 г. г. Тохаристанский комплекс памятников кушанского времени отличен от изучаемого теперь парфянского из Нисы, но несомненно наличие в них и некоторой общности. В частности, это прослеживается сейчас на упомянутой глиняной статуе из дворца в Старой Нисе, выполненной в духе кушано-буддийского искусства. В целом опыт работ первого года ЮТАКЭ показал, что на городищах Нисы имеются исключительно мощные и разнообразные культурные слои парфянского времени, достигающие нескольких метров толщины и заключающие в себе многообразный и многообещающий материал. Вместе с тем, комплексное изучение ЮТАКЭ уже открытых парфянских памятников путем сопоставления данных письменных источников, историко-культурных и археологических впервые положило начало установлению периодизации до сих пор темного отрезка времени чуть ли не в полтысячелетия, приходящегося на пору существования государства парфянских Арсакидов.

Падение парфянского государства знаменовало конец расцвета рабовладельческого общества на среднем Востоке. В период его кризиса, сопровождавшегося для Хорасана извне новыми волнами «варварских» нашествий, а внутри вспышками революционных движений, Ниса вступала, как город нового государственного образования — Сасанидского Ирана, будучи присоединена к нему после захвата Хорасана самим основателем династии, Арташиром I (224-240), сумевшим отвоевать у кушан и Маргиану. При оставлении прежнего государственного устройства с делением на восемнадцать сатрапий, но с устранением династий наследственных правителей отдельных областей, Сасаниды с самого начала взяли резкий курс против всего иноземного с упором на поддержание своего местного как в области быта, общественного порядка, так и в религии. Для Нисы, как пункта, слишком тесно связанного с ненавистной свергнутой династией, члены которой почти до самого конца, даже в период антиэллинской реакции упорно титуловали себя «филэллинами», наступила эпоха совершенно иного положения. Новая пора, с ее идеологической борьбой затронула, видимо, не один «курук» с арсакидскими могилами на Старой Нисе, но как-то неблагоприятно сказалась и на самом городе. Быть может на нем тяжело отразилось и появление на границах Ирана хионитов, и охватившее в III в. Персию социальное движение манихеян, с трудом подавленное правящими классами. Учение казненного в 276 году Мани, направленное против знатных и богатых, как «царства диавола», получило в IV веке широкое распространение среди рабов и крестьян, а последователи

его встречались в большом числе не только в Хорасане, но и в соседних с ним областях Средней Азии.

Налицо ряд признаков, что Ниса нелегко перенесла первые столетия переходной эпохи кризиса. Об этом наглядно свидетельствуют руины зданий парфянского времени не только на Старой, но и на Новой Нисе, затянутые внутри многослойными отложениями мелко отмученной земли, годами скапливавшимися в них в пору, когда они, лишенные кровель, опустели и были предоставлены самим себе. В некоторых помещениях можно насчитать от семидесяти до ста таких тоненьких прослоек, для появления которых нужны были десятки лет заброшенного состояния зданий. Последние, судя по некоторым наблюдениям на Старой Нисе, иногда нелегко реагировали на нередкие здесь подземные толчки, и может быть с упоминанием Егише Вардапетом страшным хорасанским землетрясением 454 года следует связать отрыв от основной кладки и отход наружу четырех уступчатых пилонов, пристроенных к главному фасаду раскапывавшегося в 1946 году дворцового зала, а также частичное обрушение мощных четырехлопастных столбов. О некоторой прерывистости в развитии жизни на Новой Нисе говорит и отсутствие выразительного мощного культурного слоя, содержавшего

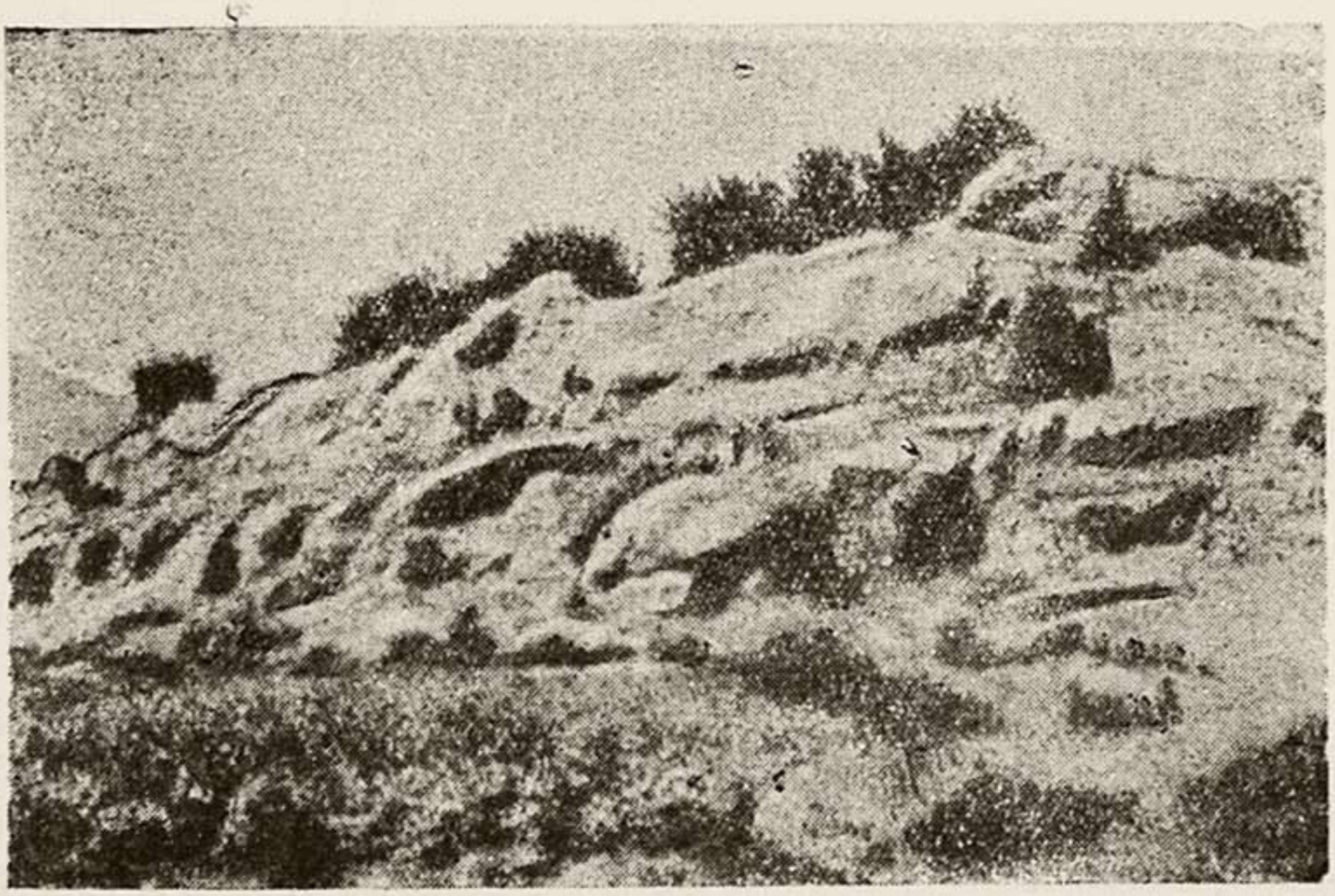


Рис. 13. Новая Ниса. Участок городской стены восточного фаса.

бы в себе достаточно обильные материальные остатки времени Сасанидов. Вместе с тем местная средневековая историческая традиция считала, что Ниса была отстроена (вернее было бы сказать—воссоздана на месте развалин старой) только во второй половине V века при Фирузе

(459—484). Как известно, этот Сасанид нанес тяжелое поражение кидаритам, проживавшим в областях к северу от Гюргена, вынудив одних из них уйти в Индию, других—подчиниться эфталитам. В результате Фирузу удалось присоединить к своим владениям некоторые территории у северо-восточных пределов персидского государства, которым он уделял много внимания. По данным Табари видно, что он заботился об укреплении здесь границы, поддерживая построенную предшественниками крепость «Шахристани Иездигерд», а в стране Сул (Дахистан) с этой же целью возвел ряд каменных сооружений. Очевидно, он не мог не оценить при этом удачного положения Нисы, издревле служившей пограничной с пустыней крепостью. По словам Казвини, город Ниса якобы даже назывался одно время «Шахри Фируз» по имени его основателя. В числе нумизматических объектов сасанидского чекана имеется несколько монет, несущих на реверсе так называемые «монетные знаки» в виде двух букв пехлевийского алфавита Ni. При попытках рассматривать эти буквы как своего рода монограмму с обозначением места выпуска монеты, было предложено расшифровать их как сокращенное наименование города Нишапура, а позднее еще Нисибина, Нисы или Нии в Седжистане[115]). Поскольку буквы Ni не встречаются на монетах других сасанидских государей, правивших и до и после Фируза, а в исключительно обильной вообще эмиссии последнего представлены всего несколькими экземплярами, последние следует считать продукцией эпизодического чекана, а сами буквенные знаки естественнее всего раскрыть как монограммное обозначение Нисы, связав выпуск этих монетных кружков с желанием запечатлеть немаловажный факт восстановления города из руин.

Как он после того перенес последовавшее за убийством Фируза в 484 году грозное вторжение в Иран эфталитов—неизвестно. Попадающаяся в разных местах керамика, действительно могущая быть отнесенной к VI-VII вв., свидетельствует, что в последнюю пору перед арабским завоеванием, приходящуюся, после коммунистического движения маздакитов с начала VI в., на ранний период сложения феодальных отношений и отмечаемую появлением совершенно нового, не освященного Авестой, сословия дехкан, Ниса существовала как город. По письменным источникам известно, что в VII веке она служила резиденцией местных полусамостоятельных феодальных владетелей, носивших титул «абраз»[116]).

Присоединение Нисы к арабскому халифату произошло в 651 году когда наместник Басры, Абдаллах ибн Амир, после захвата Нишапура, направил во владение абраза отряд под начальством Абдаллаха ибн Хазима ас Сулами. Тот сумел занять находившийся в одном из Нисийских рустаков замок Хумрандиз (позднее известный как крепость Харандиз, родина Несеви), после чего владетель Нисы, очевидно почувствовав бесполезность сопротивления завоевателям, явился к главе арабского отряда и заключил с ним соглашение. По нему арабы обязывались не убивать и не брать в плен его подданных, за что он в свою очередь должен был выплачивать харадж в размере 300.000 дирхемов. Прибывший вслед за этим к Ибн Хазиму Бахман, азим Абиверда, заключил с арабами такой же мир уже на менее выгодных условиях, поскольку ему пришлось согласиться на харадж в размере 400.000 дир-

хемов[117]). По одному из вариантов повествований Табари, Ибн-Амир, овладев после осады Нишапура одной его половиной, столкнулся с таким положением, что другая половина его (очевидно области), равно как и половина Нисы и Туса, оставались в руках Кенары, с которым арабский полководец вынужден был заключить мир, обеспечивавшийся выдачей в заложники сына и племянника этого владетеля[118]).

А. А. Марущенко, в результате нескольких лет работ в Багире пришел к заключению, что Новая Ниса за период после арабского завоевания содержит только два культурных слоя: конца XII—начала XIII вв. или «хорезмшахский» по его терминологии, и «сефевидский»—с XVI по XVIII столетие. Кроме того, он отмечал, что в IX-X вв. город располагался к востоку от городища Новая Ниса. Работами ЮТАКЭ 1946 года установлено, что прошлое города Нисы после VII века имеет значительно более сложную историю своего развития, запечатленную в его культурных наслоениях до начала XIX в. включительно.

После вхождения в состав арабского халифата Ниса разумеется не могла оказаться изолированной от жизни всего Хорасана, переживая с ним вместе и временную задержку в дальнейшем развитии феодализма, сопровождавшуюся рецидивом рабства, и полосу восстаний против завоевателей, а в середине VIII столетия начавшееся с Мерва движение против Омейядов, возглавленное Абу Муслимом. Известны даже имена трех наиболее влиятельных нисийцев, которые одними из первых «облачились в черное», т. е. открыто заявили себя сторонниками Аббасидов[119]).

С первой четверти IX века, когда наступил третий период ранней поры феодализма, Ниса входила в состав владения Тахиридов, позднее Саффаридов (с 873 г.), затем Саманидов и, наконец, Газневидов. Она занимала видное место среди других городов Хорасана в смысле экономическом, что усматривается из данных годовой подати, поступавшей в казну Абдаллаха ибн Тахира в 827 г., когда налог с нее исчислялся в 893.400 дирхемов, а недоимки составляли 160.331, 13/16 дирхема, т. е. около 1/6 всей суммы, в то время как для Туса они составляли почти 20% суммы налога, для Абиверда—несколько менее 50%, а для Серахса около 70%. Вместе с тем заслуживает внимания, что годовая подать Нисы в ту пору превзошла таковую же с Абиверда почти на 2/7, с Туса почти на 1/5, с Кухистана почти на 1/8. Крупный Мерв выплачивал едва на 1/3 больше Нисы, и только богатейший Нишапур давал казне свыше четырех миллионов дирхемов, т. е. в 4 раза больше Нисы[120]). При Абдаллахе ибн Тахире (830—844) в области Ниса появились рабат Шахрастана и рабат Ферава (по другому чтению Афрава, правильнее—Фарау). Положение последнего на месте современного городища Парау, а не на месте Кизыл-Арвата, как считал В. В. Бартольд, было указано нами еще в 1929 году[121]).

Одной из «сокровищниц» или «житниц» Нишапура Ниса оставалась и при саманидах (X в. с 903 г.), когда Макдиси (конец X в.) называл ее, Тус и Абиверд самыми богатыми городами в собственно Хорасане[122]). Подобно тому, как южная граница собственно Парфиены Исидора Харакского, находилась от города Парфавниса в 30 *км* (6 схойн), средневековая область Нисы, по данным Истахри, включала несколько обширных и плодородных селений, располагавшихся

южнее ее среди гор[123]). В ее состав входили города Исфинакан и ас-Сурмакан или Джармукан[124]), и два упомянутые выше рабата, иногда именуемые городками: Фарава или Фарау в предгорьях Копет-Дага близ Кизыл-Арвата и Шахрастана в 6 *км* от Нисы. Самый город Ниса располагается в местности обильной садами и водой, причем последняя текла и по улицам и во дворах, но при большом количестве была дурного качества. Согласно Худуд ал-Алем, климат считался плохим[125]), вопреки явно неверному утверждению Макдиси, рекомендовавшему Нису, как здоровый город. В нем славились прекрасные плоды и овощи, в частности баклажаны. Из Нисы вывозили шелк-сырец, шелковые одежды, кунджутное семя, кунджутное масло, хлопковые одежды и какую-то специальную одежду «занбафт», меха лисиц, ловчих хищных птиц. Отмечается, между прочим, что хлеб в Нисе был чистым. По словам Макдиси, язык Нисы превосходен и близок к нишапурскому, а жители ее принадлежат к одному религиозному толку, имеют «литературу, происхождение и генеалогию, храбрость и недоступность».

В конце X в. Ниса описывается как обширный и красивый город — балад, по величине равный Серахсу, который в свою очередь соответствовал по размерам половине Мерва того времени. Последний не был тогда в блестящем состоянии: цитадель стояла разрушенной, внутри ее площади были разбиты бахчи и огороды, а почти треть рабада была заброшенной, напоминая развалины старинного города. Тем не менее, Мерв признавался «процветающим». Серахс, с которым сопоставляется по площади Ниса, считался большим и населенным баладом. Между тем, его мадина или шахристан в ту пору находились в упадке, хотя в нем оставалась соборная мечеть и было несколько лавок. Более древний город напоминал собою холм и полнокровно жил только рабад, где концентрировались главные базары. Ближайший сосед и соперник Нисы, Абиверд (ныне развалины городища Пештаг близ Каахка), который Макдиси понравился больше Нисы из-за богатства, плодородия и лучшего базара, имел разрушенные стены.

Нечто подобное переживала и Ниса, в которой арабские авторы неспроста не указывают деления на арк-цитадель, внутренний город или мадина и пригород-рабад.

Как показали археологические наблюдения 1946 года, крепостные стены городища Новая Ниса в X веке были в заброшенном состоянии и в их толще даже устраивались жилые помещения, выходившие наружу. В одном из таких помещений над входом вторым отрядом ЮТАКЭ было обнаружено вырезанное в глине барельефное изображение птицы. Бедность содержания культурного слоя IX-X вв. внутри самого городища показывает, что былой внутренний город или шахристан был тогда слабо обжит и находился как бы в некотором запустении. Как и в Серахсе, пульс городской жизни бил в основном в пригороде рабаде и главным образом на территории современного урочища Сардава, прилегающего с восточной стороны Новой Нисы, где по археологическим данным и находился главный базар.

По письменным источникам базар этот располагался рядами, т. е. каждое производство и каждый вид торговли группировались вместе, образуя особые ряды, как это имело место и во многих других феодальных городах Среднего Востока. На нисийских базарах можно было по

словам Макдиси, встретить ценные и редкие вещи. Наряду с этим он упоминает о наличии вражды или распри, несомненно на почве конкуренции, между «Главой базара» (Рас-ас-сук) и аль-хана, т. е. части

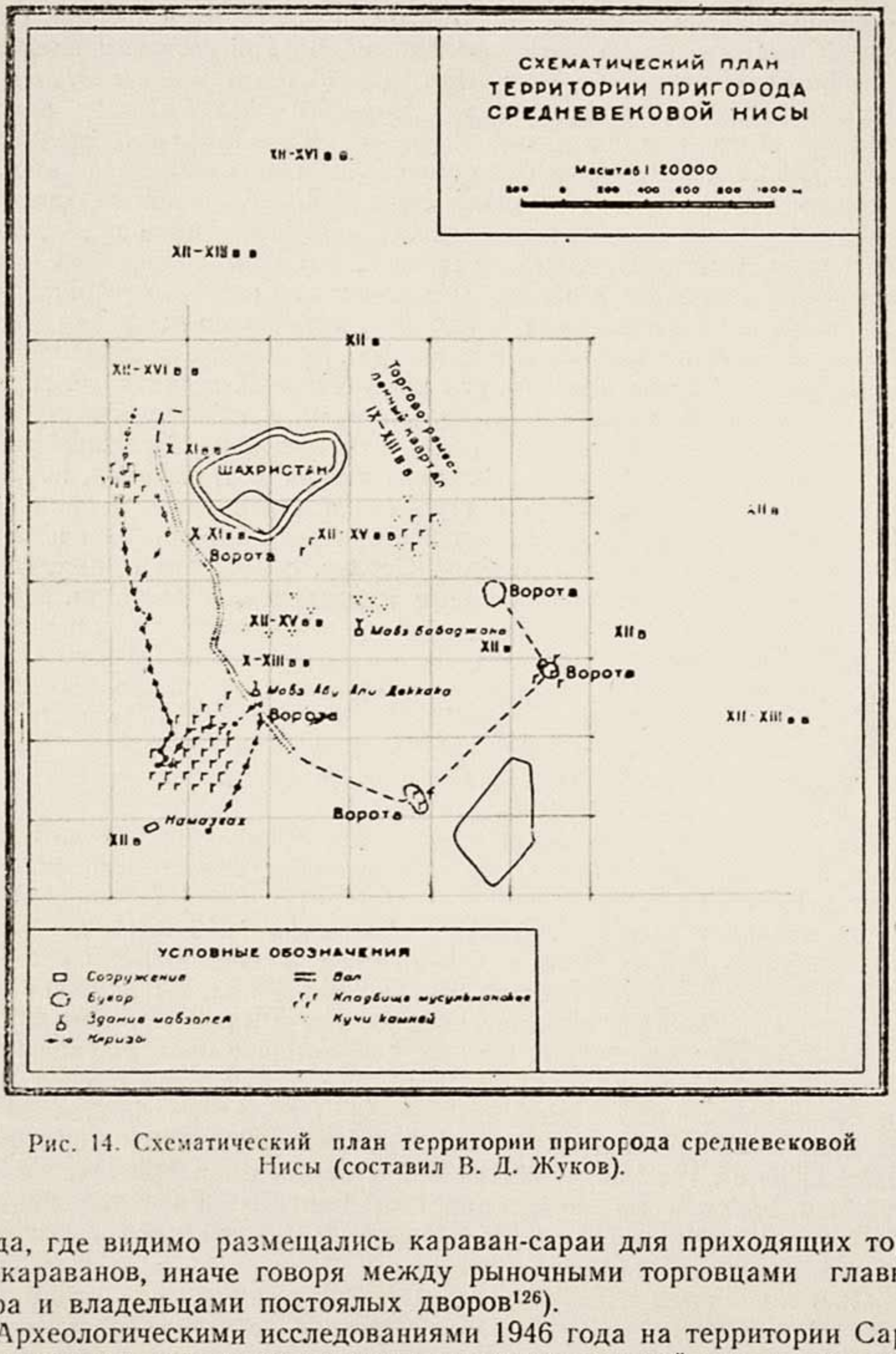


Рис. 14. Схематический план территории пригорода средневековой Нисы (составил В. Д. Жуков).

города, где видимо размещались караван-сараи для приходящих торговых караванов, иначе говоря между рыночными торговцами главного базара и владельцами постоялых дворов[126]).

Археологическими исследованиями 1946 года на территории Сардова установлено наличие остатков керамических печей для изготовления неглазурованной и глазурованной посуды, а также глиняных сосудов

особого обжига, служивших тарой для драгоценных жидкостей, душистых масел и ртути, и известных под названием «симоб-кузача» (т. е. ртутных кувшинчиков). Кроме того, тут же встречены железные крицы сыродутной плавки из кузниц железных дел мастеров. шлаки и другие остатки производства медников, а также стеклянные шлаки и брак стеклодувных мастерских, свидетельствующие о наличии здесь в X веке соответствующих мелких ремесленных и одновременно торговых предприятий. Археологическая домашняя утварь из Сардовы, состоявшая по находкам 1946 года из керамики, стекла, бронзы и различных украшений из резной кости и цветных камней, говорит о зажиточности ее владельцев. Вероятно где-то в районе Сардовы находилась в X веке и соборная мечеть, которая по показанию Макдиси, отличалась изяществом.

Рис. 15. Дно чашки IX-X вв.

Что касается всей остальной территории тогдашней Нисы, то она определяется пока приблизительно. В. В. Бартольд считал, что город был обнесен внешней стеной с десятью воротами, скрытыми за деревьями[127]). Соответствующее место из текста Макдиси С. Волин переводил в том смысле, что в Нисе было «семьдесят улиц, которые скрыты за деревьями»[128]). Макдиси действительно упоминает в ней десять «даруб», которые разрывают кущу среди деревьев или вернее древесных насаждений[129]). Упомянутый им термин употреблен, по-видимому, в значении улицы-прохода, поскольку именно большие городские уличные магистрали скорее чем ворота, могут как бы раздвинуть сплошную чащу густых городских древонасаждений («деревья переплетаются друг с другом»), тем более, что автор во всех других описаниях для обозначения городских ворот прибегает к обычному термину «баб». Должно быть в баладе Нисы X века общую планировку определяли указанные десять больших уличных артерий, которые, отходя к окраинам, могли у границ рабада упираться в городские ворота. Самое число их по тому времени не так уж велико, если вспомнить, что пригород тогдашнего Нишапура был окружен стеной с несколькими десятками ворот.

Видимые остатки стены рабада, прослеженные с юго-западной и западной стороны от городища Новой Нисы, имеют около двух километров протяжения. Судя по археологическим наблюдениям, окружность его былой площади была не менее 8 *км*, причем с восточной стороны тер-

ритория кладбища Челык находилась уже вне его. При всем том былая площадь поливных культурных земель средневековой Нисы была значительно больше территории ее рабада, о чем говорят находки в окрестностях Багира в верхнем культурном слое фрагментов средневековой керамики вместе с ракушками пресноводного моллюска Melanopsis praemorsa (или «чернушки»), попадавшего на былые поля в процессе их искусственного орошения с помощью каналов.

Рис. 16. Фрагмент чашки с изображением птички. IX-X вв.

Из бедствий, разразившихся над Нисой, заслуживает быть отмеченным упоминаемое Ибн ал Асиром и Гардизи сильное землетрясение в месяце зуль-хидджа 331 г. х. (6-VIII—3-IX 943 г. н. э.), когда многие селения были разрушены и погибло свыше 5000 человек. Из событий же начала последнего десятилетия X века, когда в пору распада государства Саманидов Ниса и Абиверд находились во власти Абу Али, интересен факт передачи бухарским эмиром Нухом за оказанные ему услуги хорезмшаху, потомку былых древних правителей Хорезма — Абиверда, и эмиру Гурганджа (Ургенча) — Нисы. Очевидно, этот саманид таким вознаграждением хотел создать Абу Али новых врагов, хотя тот, уступив Нису, отказался наотрез допустить представителей хорезмшаха в Абиверд. Объяснение легкости, с которой он расставался с Нисой, можно найти в словах Макдиси, отмечавшего незадолго перед этим, что область Нису уже опустошили междоусобия и что ее полями (в переводе С. Волина — «поместьями») завладели выходцы из Хорезма, «которые много читают коран, дважды повторяют азан и (одновременно) воюют с мусульманами»[130]).

Тем временем обе части Хорезма были в 996 году объединены Мамуном, унаследовавшим от свергнутого правителя Кята и самый титул—хорезмшахов. Под властью его и его преемников Ниса находилась два с небольшим десятилетия, хотя большая часть Хорасана принадлежала тогда Газневиду Себуктегину, признанному саманидским правителем его наместником еще в 994 году в награду за подавление восстаний, как в этой области, так и в Мавераннахре.

При кратковременном владычестве хорезмшахов в Нисе разыгрался один из эпизодов отчаянной борьбы за власть последнего саманида Мунтасира. Когда он был вынужден после ряда неудач, искать пристанища в Хорасане и прибыл в 1004 году в Абиверд, правитель Нисы,

Абу Наср ибн Махмуд, перешел на его сторону и открыто нарушил верность хорезмшаху, заставив имама читать в мечети хутбу с именем Мунтасира. Испугавшись последствий такой измены своего правителя, группа нисийских горожан известила о происходящем хорезмшаха, и тот выслал против сторонников Мунтасира отряд под командой Абу-л Фадла хаджиба. Сражение произошло южнее Нисы, в хабушанской волости Устува, где войско злополучного саманида было разбито, и он бежал в Серахс, а затем вернулся в Бухару[131]). Так кончилась его неудачная попытка утвердиться в Нисе и Абиверде.

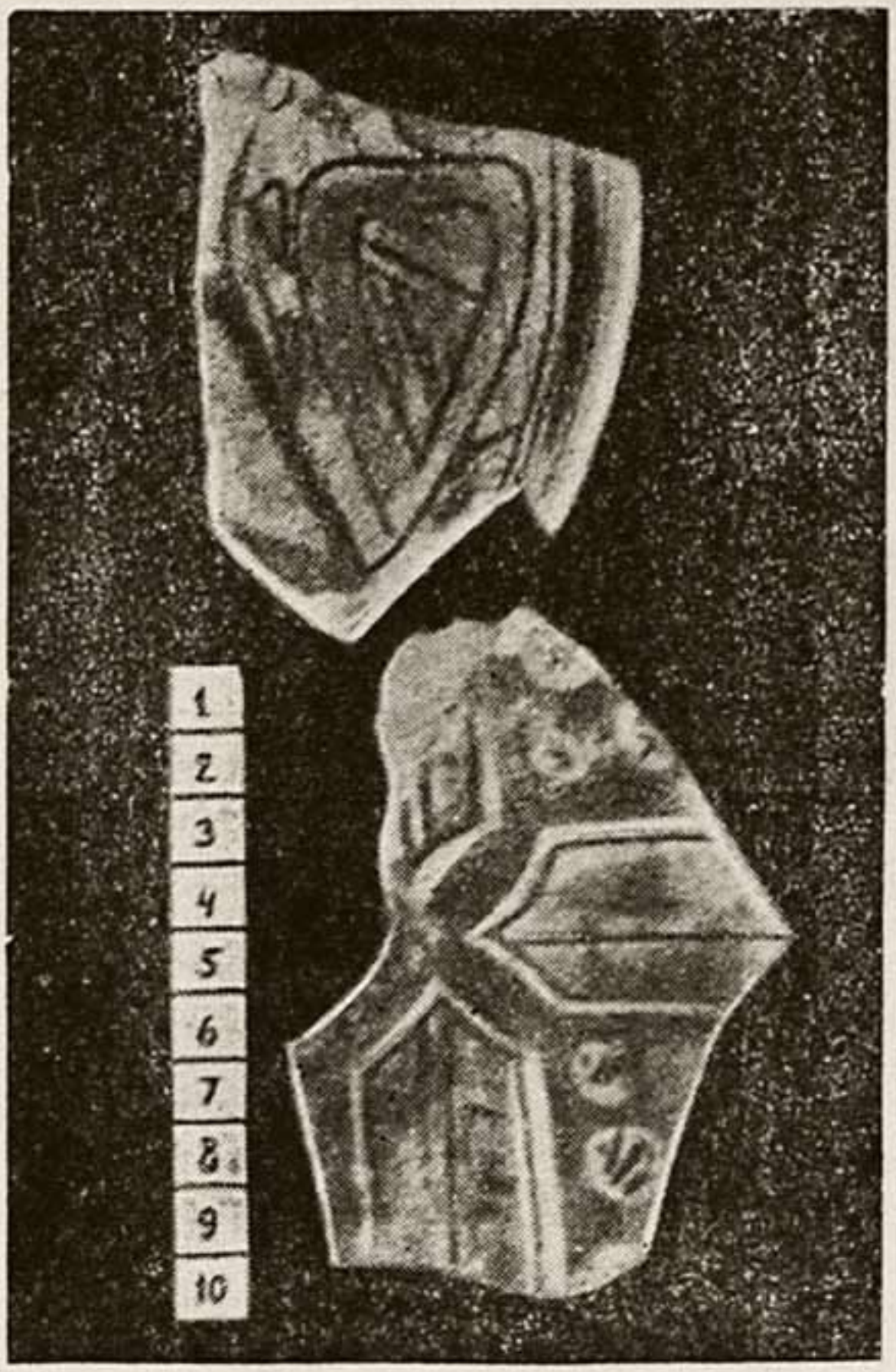


Рис. 17. Фрагменты керамики IX—X вв.

Два года спустя, при налете на Хорасан караханидского отряда под начальством Сюбаш-тегина, последний после схватки в районе Серахса с предводителем тюрок-гузов Мухас ибн Таком прошел через Нису на Сумбар и Джурджан, а на обратном пути отправил из Нисы часть имущества на сохранение хорезмшаху Абу-л Хусейну Али, что было весьма предусмотрительно, так как самому караханидскому военачальнику с трудом удалось после всяких бедствий вернуться в Мавераннахр к Илекхану[132]).

В последовавшей во втором десятилетии XI века борьбе между хорезмшахом Мамуном и газневидским правительством, первый по ультиматуму везира Мейменди при султане Махмуде ввел хутбу на его имя сперва в Нисе и Фарау, а затем и в других городах, кроме Гурганджа и Кята[133]). После же смерти Мамуна в 1017 году и последовавшего вскоре же победоносного похода Махмуда на Хорезм, Ниса вошла в состав газневидских владений вместе с остальными землями, принадлежавшими хорезмшахам в Хорасане, причем такое положение de jure продолжалось до 1035 года, когда Ниса окончательно была уступлена туркменам—сельджукам.

В биографии шейха Абу Саида Мехнейского содержится указание, что в первых десятилетиях XI века в Нисе имелась ханака Серави, где проживал тогда шейх Ахмед Наср, скончавшийся в 424 г. х. (1032/3 г. н. э.). Строителем ее считался Абу Али Даккак (сукновал)[134]), а расположена была ханака в верхней части города на окраине клад-

бища, где находились могилы местных шейхов и суфиев. Число погребенных здесь чтимых «пиров» доходило иногда до четырехсот, почему суфии даже называли Нису «Шам-и Кучак», т. е. «Малым Дамаском» (или Малой Сирией), где на кладбище также покоились останки в свое время прославленных шейхов[135]). ЮТАКЭ удалось обнаружить мет-

Рис. 18. Сероглиняный кувшин IX—X вв.

рах в 300 западнее Новой Нисы, за пределами ее внешней стены, на занятых пустырями склонах предгорий и как бы „на горе“ по отношению к городу и, во всяком случае, в „верхней части“ его группу руин древних сооружений. Среди них имеются: вытянутое в плане (42 на 53 шагов) здание с внутренним двором и худжрами, как бы предназначавшимися для ханаки; следы расположенного рядом хауза; южнее большое число могильных насыпей и несколько крупных прямоугольных возвышений, видимо принадлежавших дахма особо известных покойников. Характер комплекса, встречающиеся здесь старинные жженые кирпичи разных размеров и фрагменты керамики дали основание видеть в этой группе руин остатки ханаки Серави, быть может функционировавшей с перерывом в течение долгого времени и последний раз еще в XVII столетии.

Вместе с тем, впервые удалось установить, что имя Абу Али Даккака еще бытует у современного туркменского населения. По показанию меджаура Алты Хадим углы и ряда опрошенных стариков—багирцев, именно он погребен в считавшемся А. А. Семеновым безымянном восьмигранном мавзолее, остатки которого еще в прошлом столетии откопали туркмены и который находится несколько более 700 метров к югу от городища Новая Ниса. Расположенный непосредственно у былой внешней городской стены, и одновременно на краю обширного пригородного древнего кладбища „Ших-Алю“, этот мавзолей, капитально отремонтированный, согласно надписи на нем, на грани XIX—XX вв. (1317 г. х.), сделан из древнего

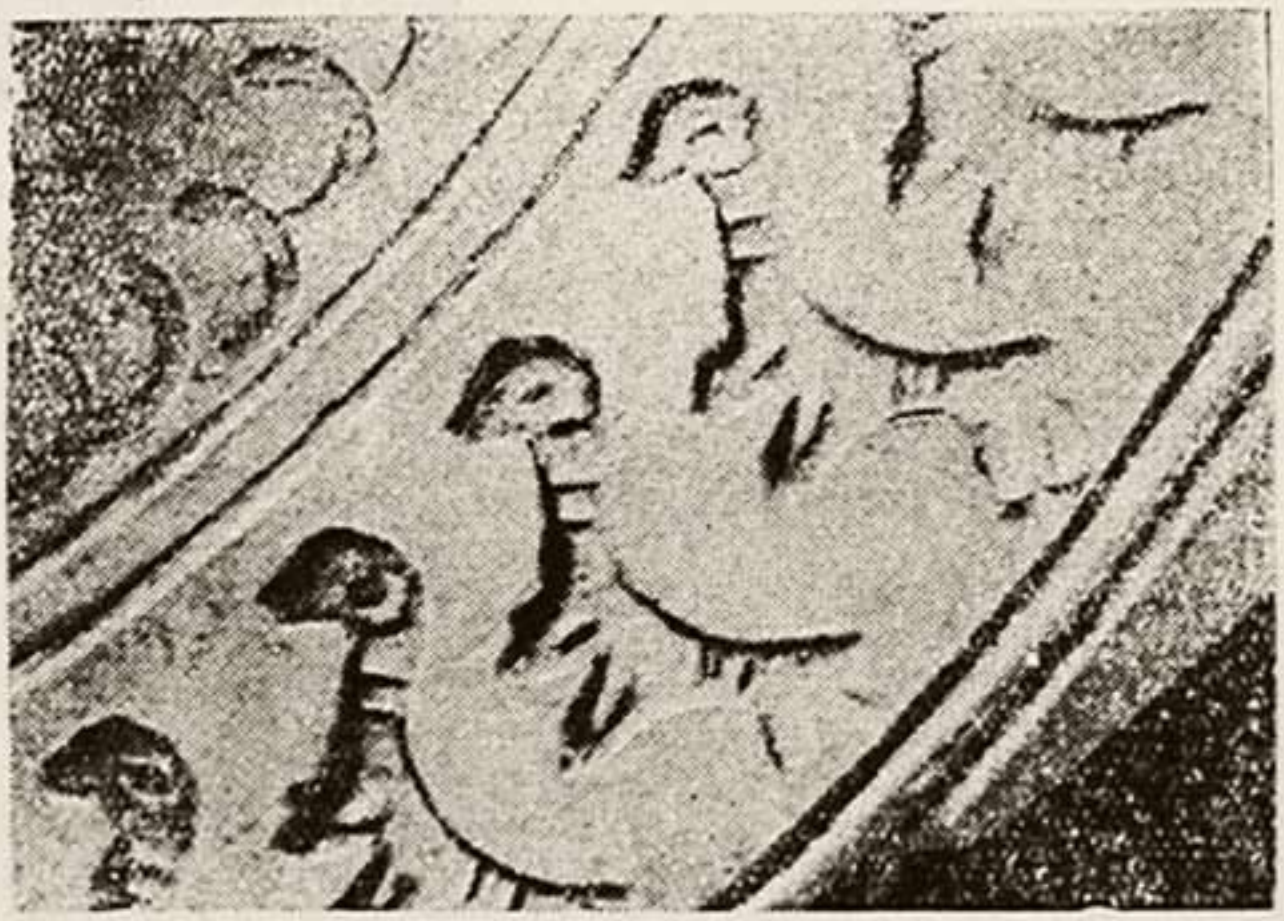


Рис. 19. Штампованная орнаментация на кувшине IX—X вв.

жженого кирпича, как бы врос в землю чуть ли не на два метра а с чет накопления вокруг него позднейших погребений и, повидиому, основанием своим восходит к средневековью. Намек на это ают находимые в прилежащих культурных слоях фрагменты средневековой керамики и фигурные облицовочные кирпичики — „бантики", характерные для культуры XI—XII вв. [136]).

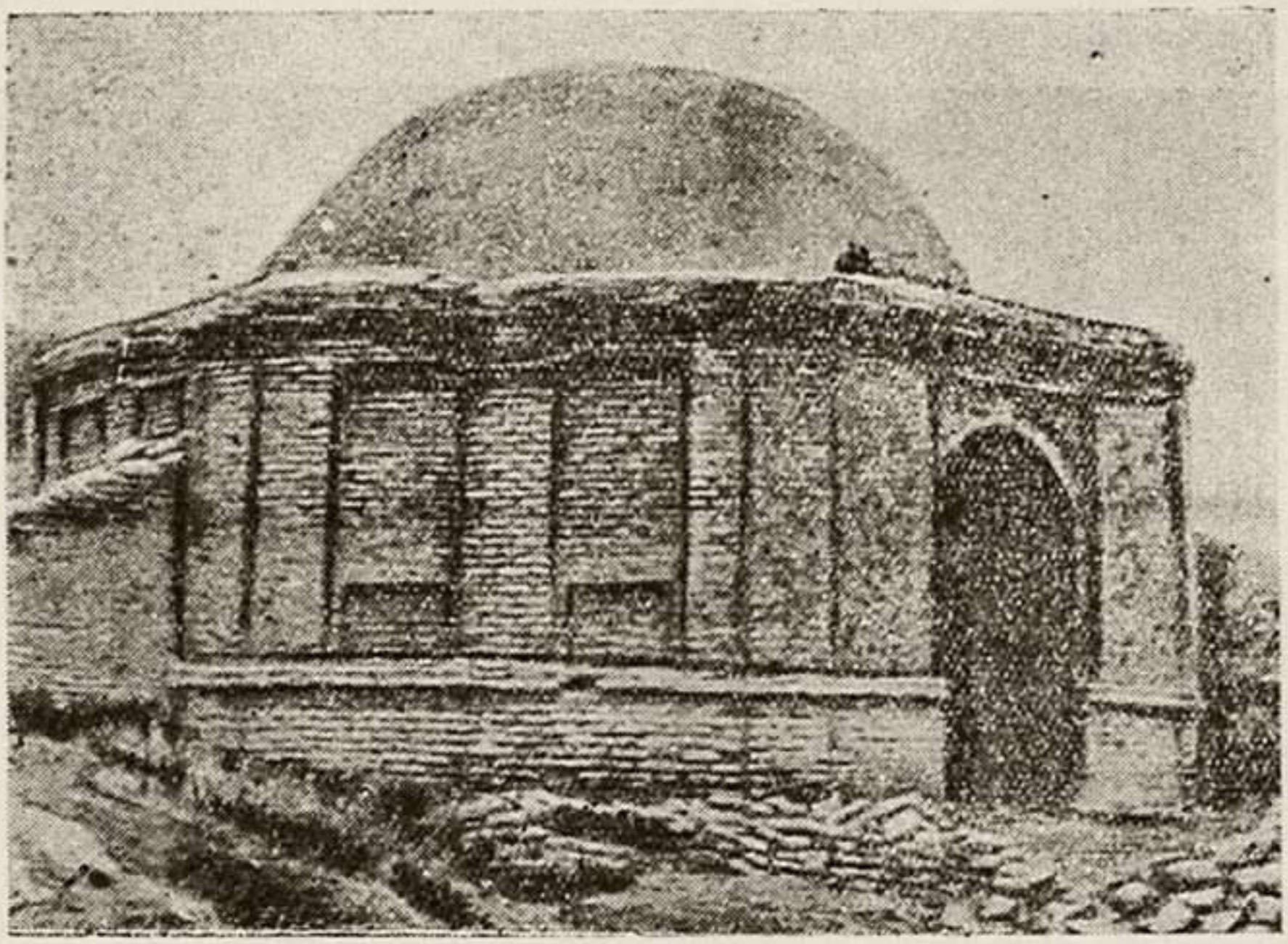


Рис. 20. Мазар Абу Али Даккака.

Первый период средней поры феодализма для Хорасана может быть с большим правом назван сельджукским, причем Ниса в самом начале оказалась одной из тех территорий, где как-то подготовлялись события, имевшие впоследствии большое значение.

Уже в 1025 году с разрешения султана Махмуда сюда, а равно в области Абиверда, Фарау и Серахса из-за Аму-Дарьи перекочевало некоторое количество туркмен, причем два года спустя жители Нисы и двух близлежащих пунктов принесли государю жалобу на утеснения, испытываемые ими со стороны пришельцев. Так как эмир Туса, несмотря на строгий приказ, не сумел «навести порядок», в 1028 году из Газны выступил сам султан с большим войском, нанес туркменам сильное поражение под Фарау и вынудил их откочевать в Балхан и Дахистан.

В неоднократных столкновениях между туркменами и газневидскими войсками при сыне Махмуда, Масуде (1030—1041), правительство Газны в случае победы применяло жестокие меры в отношении побежденных (отрубание рук и ног, массовое убийство предводителей). Однако успех бывал далеко не всегда на стороне газневидской армии.

В 1031 году она довольно безуспешно сражалась с противником под Фарау, а затем, когда из Туса высланы были в Нису новые войска

с приданными к ним слонами и они подошли в Сепанданкану, то после первого неудачного для туркмен сражения, будущий основатель мощного государства Сельджукидов, Давуд или Чагрыбек в двухдневном бою разбил своих врагов, и те вынуждены были к позорному бегству[137]).

На протяжении 1034 и 1035 г.г. наблюдается значительный наплыв в северном Хорасане туркмен из Хорезма, причем только в Нису прибыло до 10.000 всадников, которых тут очень недружественно встретили

Рис. 21. Сероглиняная керамика XII—XIII вв. из комплекса бадраба № 3.

и хорезмийцы и сельджуки и другие туркмены, уже прежде проживавшие здесь. В письме, поданном наместнику Хорасана, Сури, за подписью трех братьев-предводителей Ябгу, Тогрула и Давуда, вновь прибывшие просили отвести им Нису и Фараву. Ответом из Газны явилась высылка войск, которые были разбиты между Фарау и Шахрастаной, в результате чего по договору, заключенному в Нишапуре в августе 1035 года, туркмены получили даже больше, чем просили в начале. Ниса досталась Тогрулу, Фарау получил Ябгу, а Дахистан отошел к Давуду, но все трое остались жить в Нисе[138]). К полученным при этом титулам «дихканов» и соответствующим атрибутам вожди туркмен относились без всякого почтения, так как известно, что на тайных собраниях присланные из Газны двурогие шапки — знак власти наместника-велия — пренебрежительно бросались ими под ноги[139]).

Скрытая и открытая борьба продолжалась во всем Хорасане. Туркмены неожиданно нападали на войска, захватывали на время отдельные города (даже Нишапур в 1038 г.), а иногда полностью покида-

ли те или иные районы, куда направлялись крупные силы газневидских войск. Так, например, в 1038 году Масуд не застал никаких врагов ни в Нисе, ни в Баверде, а в конце 1039 года, при его приближении к Нисе, туркмены снялись с мест, отправили обозы в Балханские

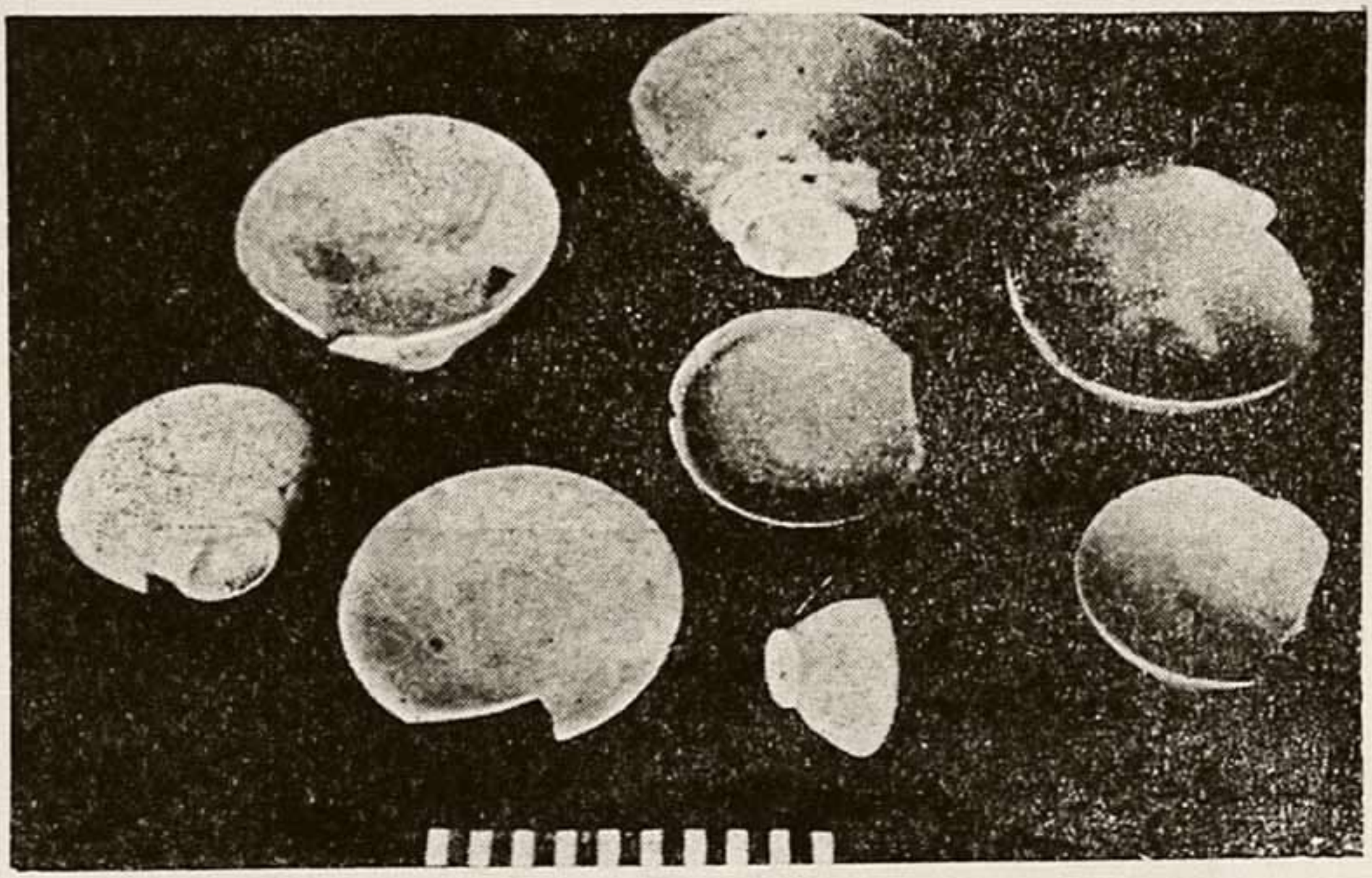


Рис. 22. Поливные чаши XII—XIII вв. из комплекса бадраба № 3.

горы, а военные силы начали концентрировать у Фарау. Столкновения однако не произошло. Газневидский государь прожил несколько дней в Нисе, предаваясь наслаждениям, а затем отступил в Нишапур.

Битва при Денданкане в мае 1040 года положила конец этой борьбе: Хорасан был потерян для газневидов навсегда, и Тогрул тут же на поле битвы провозгласил себя эмиром Хорасана, остававшегося главным ядром государства Сельджукидов, тогда как остальные области составляли уделы разных членов династии.

В политической жизни нового государственного образования Ниса не играла особой роли, оставаясь вместе с тем важным пунктом в экономическом отношении. Она была связана, по Якуту, оживленными торговыми дорогами с рядом пунктов, причем до Мерва из нее считалось пять дней пути, до Абиверда—1 день, а до Нишапура—6—7 дней. Повидимому, Ниса не разделила печальной судьбы Серахса, с которым ее сравнивали по размерам в X веке и который к середине XI в. был совершенно разорен в результате борьбы между газневидами и гузами, а затем, едва оправившись, пострадал в 1096 году от войск Арслан Аргуна, которые разрушили его крепость. Поэтому нет оснований верить Идриси (середина XII в.), будто Ниса равнялась половине Серахса[140]). Возможно, что это результат какого-то недоразумения, так как весь текст Идриси о Нисе несет явные следы заимствований у авторов X века.

Доподлинно известно, что в эпоху так называемой «гузской смуты», когда одно время гузами был захвачен в плен почти на три года султан Синджар и начало которой совпало, по показанию современников, с исполнением столетия со дня смерти шейха Абу Саида Мехни (умершего в 440 г. х., т. е. с 540 г. х.—1145/6 г. н. э.[141]), Ниса не была непосредственно задета ею в течение свыше тридцати лет. По этому поводу существовало поверье, что когда страну постигали несчастья и смуты, бедствие прекращалось, как только доходило до Нисы, и это тогда объясняли заступничеством погребенных на кладбищах города бесчисленных святых—пиров.

Еще при жизни сельджукского султана Синджара со стороны усиливавшегося Хорезма стал проявляться большой интерес к Хорасану и в частности к области Нисы. Когда Синджар находился в плену у гузов, хорезмшах Атсыз в 1156 году двинулся на Хорасан. Уже в городке Шахрастана хорезмшах узнал, что Синджару удалось благополучно

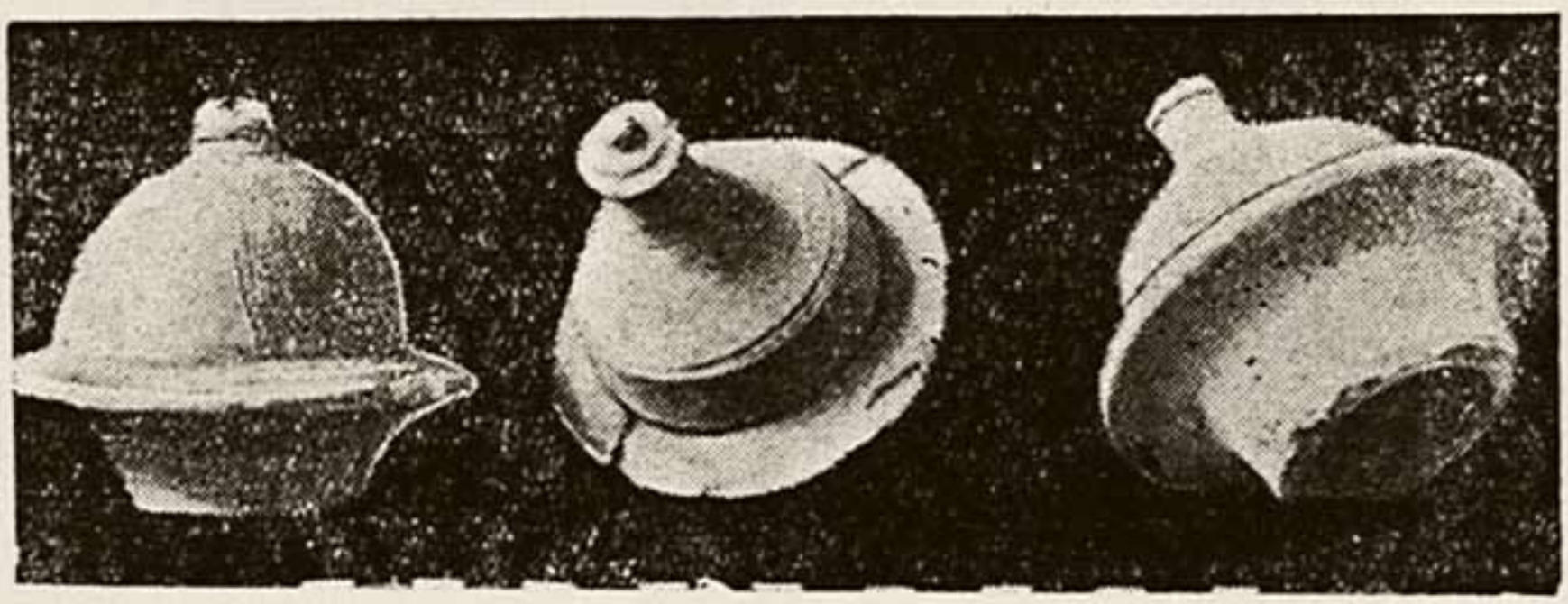


Рис. 23. Сероглиняные крышки XII—XIII вв. из комплекса бадраба № 3.

убежать от гузов и, остановившись в Нисе, Атсыз вступил в переписку с гузами и бывшим правителем Мавераннахра, бежавшим от кара-китаев Махмуд-ханом. Последний был избран предводителем части сельджукского войска после пленения Синджара. Через три с небольшим месяца старый хорезмшах скончался в Хабушане, и хорезмийцы очистили занятые хорасанские земли, поскольку наследнику престола надо было обеспечить себе положение прежде всего в самом Хорезме.

Со смертью в следующем году Синджара, официально его наследником считался караханид Махмуд хан, приходившийся одновременно родственником покойному сельджукскому султану. В стране же фактически хозяйничали гузы, которые вместе с тем добились того, что Махмуд, вообще не доверявший им, отпустил однако своего сына Джелал-ад-дина к ним в качестве их предводителя в мае 1159 г. После того сам Махмуд хан рискнул покинуть свое убежище в Джурджане, прибыл к пределу Нисы и Абиверда и передал на правах икта Нису местному эмиру Омару ибн Хамзе ан Несеви. Сам султан прожил здесь до середины мая, а новый правитель сумел повести дело так, что защитил город и область на некоторое время от всяких военных действий. Им началась своего рода. династия местных наследственных правите-

лей Нисы, представители которой владели с перерывами областью несколько десятков лет.

Когда власть в Нишапуре оказалась в руках бывшего раба — мамлюка Синджара, Муайид ад доуле Ай Аба, тот вытеснил неспокойных гузов из ряда мест и на долгое время подчинил себе Нису, Шахрастану, Абиверд и другие пункты, не желая отказываться от захваченных областей в пользу Махмуд хана, от притязаний которого он откупился

Рис. 24. Налепное украшение, подражающее орнаментации на металле. Фрагмент кувшина из комплекса XII—XIII вв. бадраба № 3.

деньгами. Наряду с этим, в процессе соперничества за власть в Хорасане ему пришлось выдержать борьбу за Нису с Хорезмом. В 1164/5 г. войска его, осаждавшие безуспешно этот город, вынуждены были при приближении армии хорезмшаха Иль Арслана отступить, а некоторое время спустя, при новом возвращении в Хорезм Иль Арслана, владетель Нисы даже признал власть последнего и установил произнесение в мечетях хутбы с его именем.

Рис. 25. Фрагмент сероглиняной керамики XII—XIII вв. из бадраба № 3.

После того Ниса побывала под верховной властью сына Муайид ад доуле, Тугай-шаха (1174–1185), который после похода Текеша на Хорасан 1182 г. владел городом на правах его вассала. Одно время Нису

подчинил себе Султан-шах, злополучный брат Текеша изгнанный им из Хорезма еще в 1172 году, но оперировавший в Хорасане до своей смерти в 1193 году. Текеш несколько раз пытался захватить Нису силой, но не смог и ограничился под конец заключением договора с ее правителем Имад-ед-дином Мухаммедом, сыном Омара ибн Хамза ан-Несеви, который должен был участвовать после того во многих походах своего сюзерена.

Имад-ад-дин скончался в середине 1202 года, а через полгода умер его старший сын и наследник, отравивший своего отца, Насир-ад-дин Саид. Вслед затем хорезмшах Мухаммед овладел казной Имад-ад-дина, его младших детей переселил в Хорезм, в Нису назначил хорезмского правителя, а сильную крепость Новой Нисы велел разрушить якобы до основания. По Несеви, «она была срыта, площадь ее вскопана лопатами, так что вся земля ее была сравнена и на ней был сделан посев в знак презрения»[142]). Это было одним из мероприятий которыми хорезмшах думал предотвратить возможность измены со стороны жителей Нисы в начавшейся борьбе его с Гуридами, когда на протяжении первого десятилетия ему приходилось дважды (в 1203 и 1208 г.) восстанавливать свою власть в Хорасане и во второй раз не без труда удалось справиться с восставшими в Герате и Нишапуре.

Ниса на протяжении XI—XII вв. сложилась в значительный и довольно цветущий город, представлявшийся соблазнительной добычей для всех тех, кто пытался владеть в Хорасане. Бывшие рабаты Шахрастана и Фарау давно превратились в городки, хотя первый находился у начала Каракумской пустыни, в 1220 году пески уже подходили к нему вплотную, садов у него не было, а пашни располагались далеко. Несмотря на это, в расстоянии одного дневного перехода от Шахрастаны по дороге в Хорезм тогда было большое многолюдное селение Каук, которое считалось «концом предела» области Нисы с северной стороны[143]). Не выяснена пока отчасти судьба упоминаемых в X веке городов Исфинакана и Джермукана, но зато в письменных источниках отмечается, что в области было немало цветущих селений, из которых некоторые известны по имени. Самани называет среди них Балуз примерно в трех фарсахах от Нисы[144]), Шармагул или по персидски Джамгул — в 4 фарсахах от Нисы; Тафтазан — крупное селение в горах Копет-Дага; Симанан в окрестностях Нисы с большим одноименным каналом; Райан, название которого в арабизированной форме передавали как Разан и даже Рабан[145]). У Якута, кроме того, встречаются названия селений Миназ и Фархадан, причем о последнем сам автор оговаривается: «я думаю это одно из селений Нисы в Хорасане»[146]). Мухаммед ибн ал Мунаввар Мехни приводит еще наи-

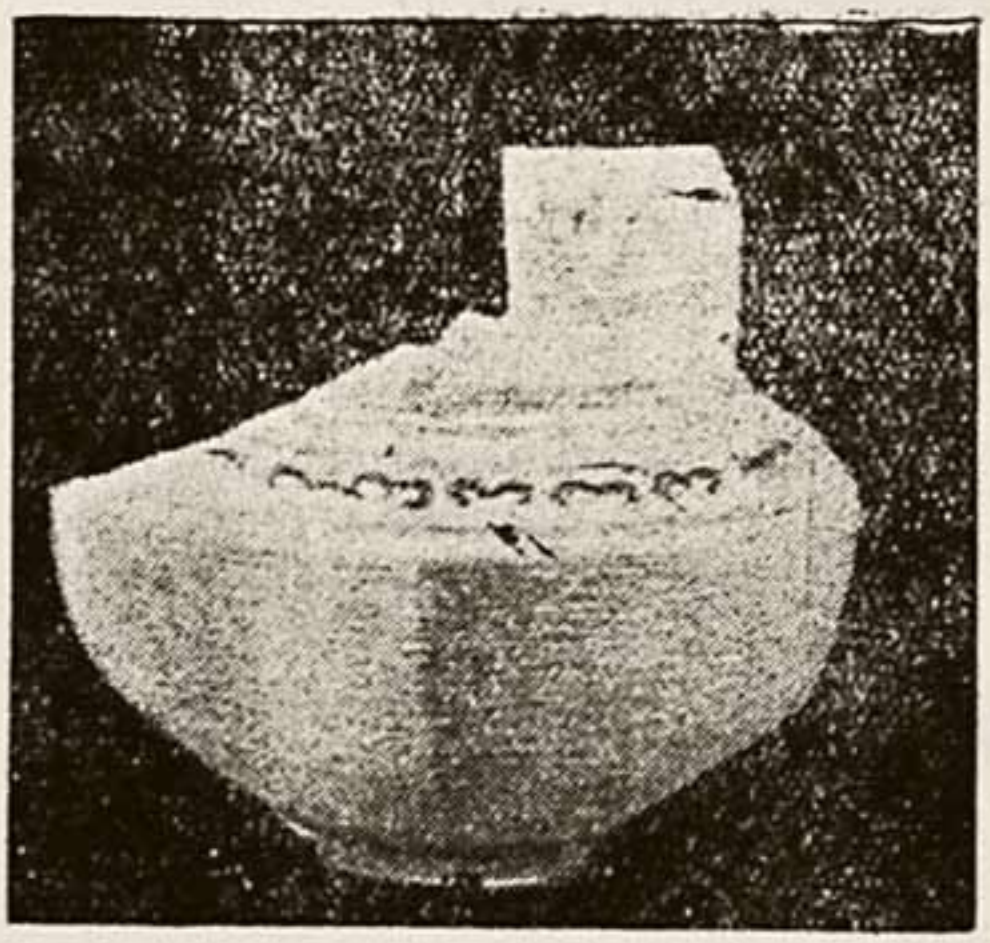


Рис. 26. Сероглиняный кувшин начала XIII в. из завала бани в цитадели Новой Нисы.

менования селений: Андарман на краю города Нисы, Яйсеме в 2 фарсахах к северо-западу от Нисы[147]). Башхон — в вилайете Нисы[148]) и Радан, севернее и северо-западнее Нисы (очевидно Райан-Разан Саманн)[149]). Наконец Несеви сообщает название селения Джуванменда, крупного селения Нашджувана, имевшего окружение рвом и стеной с башнями, и бывшей его родиной неприступной крепости Харандиз, «где подскользнулись бы даже муравьи, если бы они поднимались, и куда не могли бы забраться птицы, если бы они полстели»[150]).

Сама Ниса имела также до 1202 г. сильную крепость, в каковую, как показали археологические наблюдения, была превращена территория бывшего античного города и ранне-средневекового шахристана. Находившаяся в X веке в заброшенном состоянии, она в неспокойное

Рис. 27. Сосуд с штампованной орнаментацией XII века.

время феодальных междоусобий рассматриваемого отрезка времени была вновь укреплена. Несеви называл ее «одной из удивительнейших крепостей, построенных на холмах» по неприступности, размерам и вместительности. Последнее ее качество описывалось им с понятным для средневекового автора преувеличением, будто «не было никого из жителей города, был ли он богатым или бедным, у кого бы не имелось в ней дома». Внутри ее находился кремль правителя, значительно возвышавшийся над остальной крепостью. Проточная вода поступала со стороны кремля, откуда растекалась по более низким частям территории, где колодцы достигали глубины до семидесяти локтей[151]).

Значительная густота населения в крепости Нисы за период, непосредственно предшествующий монгольскому завоеванию, равно как и факт разрушения крепостных стен по распоряжению хорезмшаха Му-

хаммеда, наглядно подтверждены археологическим изучением в 1946 г. Даже на месте срытых гребней мощных стен кое-где обнаружены следы жилой застройки XII — первой четверти XIII в., причем одна мусорная яма оказалась выдолбленной в самой кладке основания крепости. Яма заключала в себе, помимо разнообразного домашнего инвентаря (керамика, стекло и пр.), набор железных предметов от двери (гвозди, накидную цепочку, декоративные бляшки и накладку) и медные монеты, чеканенные в Нисе с именем хорезмшаха Мухаммеда. Несомненно

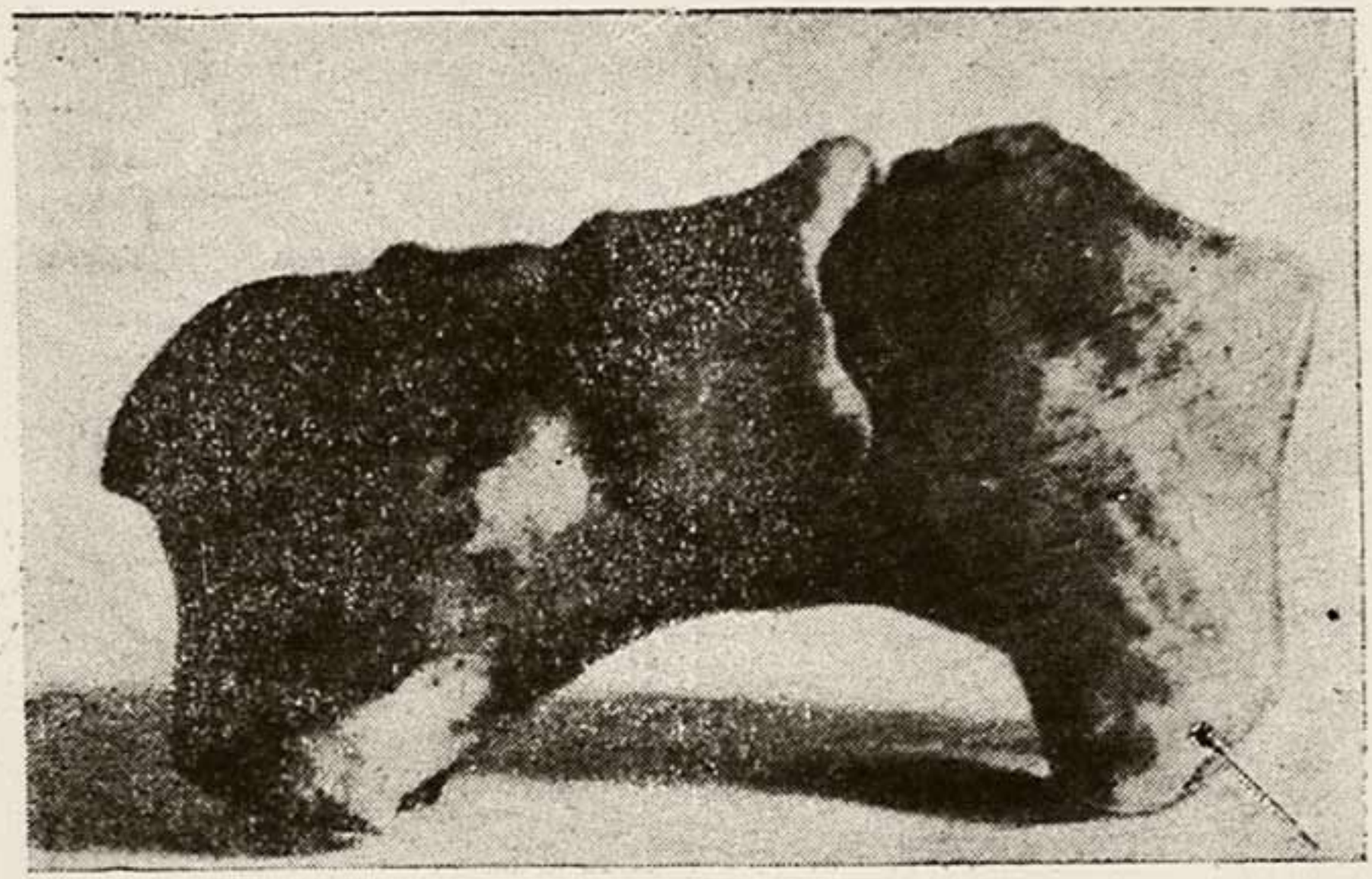


Рис. 28. Фигурка коня зеленой поливы. Комплекс первых десятилетий XIII в. Мусорная яма в городской стене Новой Нисы.

захват под жилье узкой полосы у самого обрыва холма крепости был возможен только после разрушения его стен, а выдалбливание мусорной ямы в исключительно прочной кирпичной кладке является дополнительным показателем ограниченности в то время свободных участков внутри плотно обжитого тогда городища. О зажиточности и известном культурном уровне обитателей крепости свидетельствуют обнаруженные ЮТАКЭ многочисленные фрагменты их бытового инвентаря, среди которого имелись различные украшения, изящных форм бронзовая и стеклянная посуда и глиняная глазурованная утварь, в том числе расписная с позолотой типа так называемой «миная». К этому же времени относится существование в пределах кремля богатой бани, среди частично раскапывавшихся в 1946 году руин которой встречены были прекрасные образцы настенных полихромных росписей, покрывавших бока небольших резервуаров.

Вместе с тем, изучение площади и укреплений Новой Нисы показало, что приказ хорезмшаха о разрушении крепости до основания буквально и полностью выполнен не был, так как на ряде участков налицо сохранившиеся крупные отрезки крепостной стены, произведенные кладкой, предшествующей XI—XII вв. Совершенно несомненно, что пресловутое перепахивание крепости и произ-

водство на выравненной площади посева имели больше символическое значение, коснувшись только какой-то части ее территории.

Судя по археологическим данным, город XI—XII вв. не уступал по своим размерам Нисе X столетия и даже занимал большую площадь. Разбросанные ныне в большом количестве среди багирских бахчей и полей кладки и кучи камней являются остатками усадебных богатых домов, которые в предшествующий монгольскому завоеванию период особенно густо располагались к юго, юго-востоку и востоку от Новой Нисы, тогда как базары находились, как и раньше, на территории урочища Сардова. Остатки одиночных богатых усадеб этого времени установлены в 1 *км* к северу и в 2—2.5 *км,* к востоку и юго—востоку от Новой Нисы. Руины этих усадеб дали ЮТАКЭ интересный археологический материал в виде изящных стеклянных бокалов, тонких штампованных неглазурованных сосудов, богато украшенных хумов и других предметов. Обильная орнаментация таких предметов повседневного обихода, как хумы, выполненная штампом, налепом, инкрустацией глазками голубой глазури, является показателем широкого спроса на художественную керамику в быту. Особо заслуживает быть упомянутым неглазурованный сосуд с оттиснутым по тулову изображением гона зверей, арабскими надписями с благопожеланиями и на дне орла, схватившего какую-то птицу. Поскольку подобные сосуды довольно обычны среди находок из Мерва и прилежащих к нему округов, можно считать привезенным оттуда и упомянутый сосуд из Нисы.

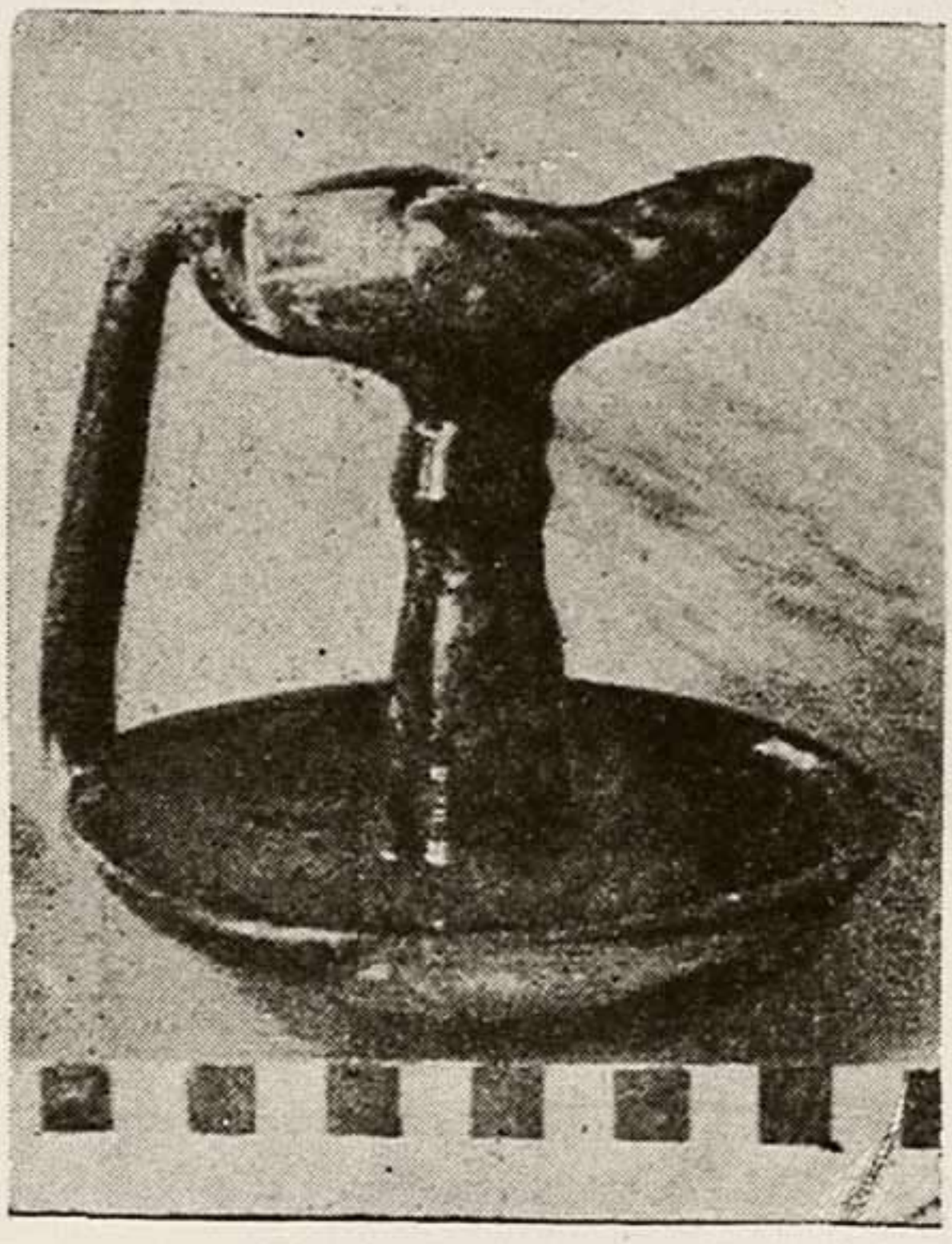


Рис. 29. Чираг зеленой поливы. Комплекс первых десятилетий XIII в. Мусорная яма в городской стене Новой Нисы.

Из проживавших в Нисе в эту пору лиц, оставивших после себя след в литературе, заслуживает упоминания ее наиб Мухаммед ибн Ахмед ан Несеви, написавший историю султана Джелал-ад-Дина Мангуберти, а также Баха-ад-дин Мухаммед ибн Муайяд ал Багдади. Последний долго жил в Нисе, пока хорезмшах Текеш не приблизил его к себе и не сделал главой канцелярии (диван-ал-инша). Находясь в этой должности, он составил дошедший до нас интересный сборник

исторических документов, написанных им самим на протяжении 1182 и 1184 г. г.

Вместе с тем, современники далеко не в радужных тонах рисуют условия жизни в Нисе. Якут писал, что из-за вредных испарений мало кто из жителей в летнее время оставался здоров; что в городе очень распространены язва (имеется в виду «пендинка») и ришта[152]). Сам Несеви отмечает, что Ниса вообще сильно заражена, в ней изнуряющая жара, много различных болезней и большая смертность: «люди там постоянно жалуются (на нездоровье) и постоянно плачут там утратившие близких». Именно эти дурные качества Нисы послужили к тому, что хорезмшах Мухаммед избрал её местом ссылки для лиц, от которых хотел избавиться по возможности скорее и без больших усилий. По свидетельству Несеви, тюрк мог прожить в Нисе „только кратчайшее время и тягчайшей жизнью“[153]).

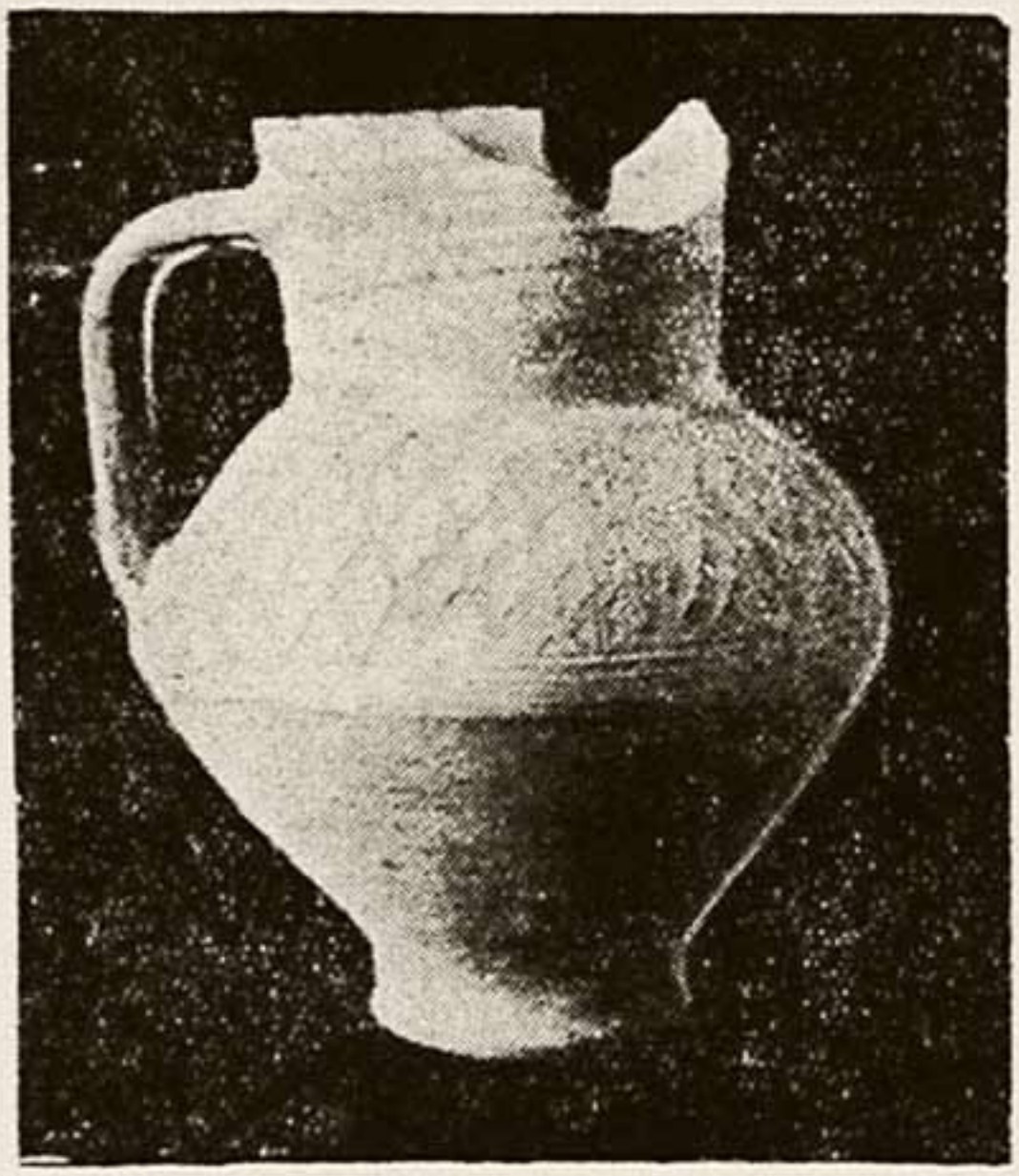


Рис. 30. Сероглиняный кувшин первых десятилетий XIII в. Мусорная яма в городской стене Новой Нисы.

Когда Султан Мухаммед собирался в 1217 году в поход на Ирак, он принял меры к изоляции из Мавераннахра казавшихся ему опасными лиц. В числе тех, кого переселили на жительство в Нису, были самаркандские шейх-ул-исламы Джелал-ад-дин, его сын

Рис. 31. Сосуды первых десятилетий XIII в. Мусорная яма в городской стене Новой Нисы.

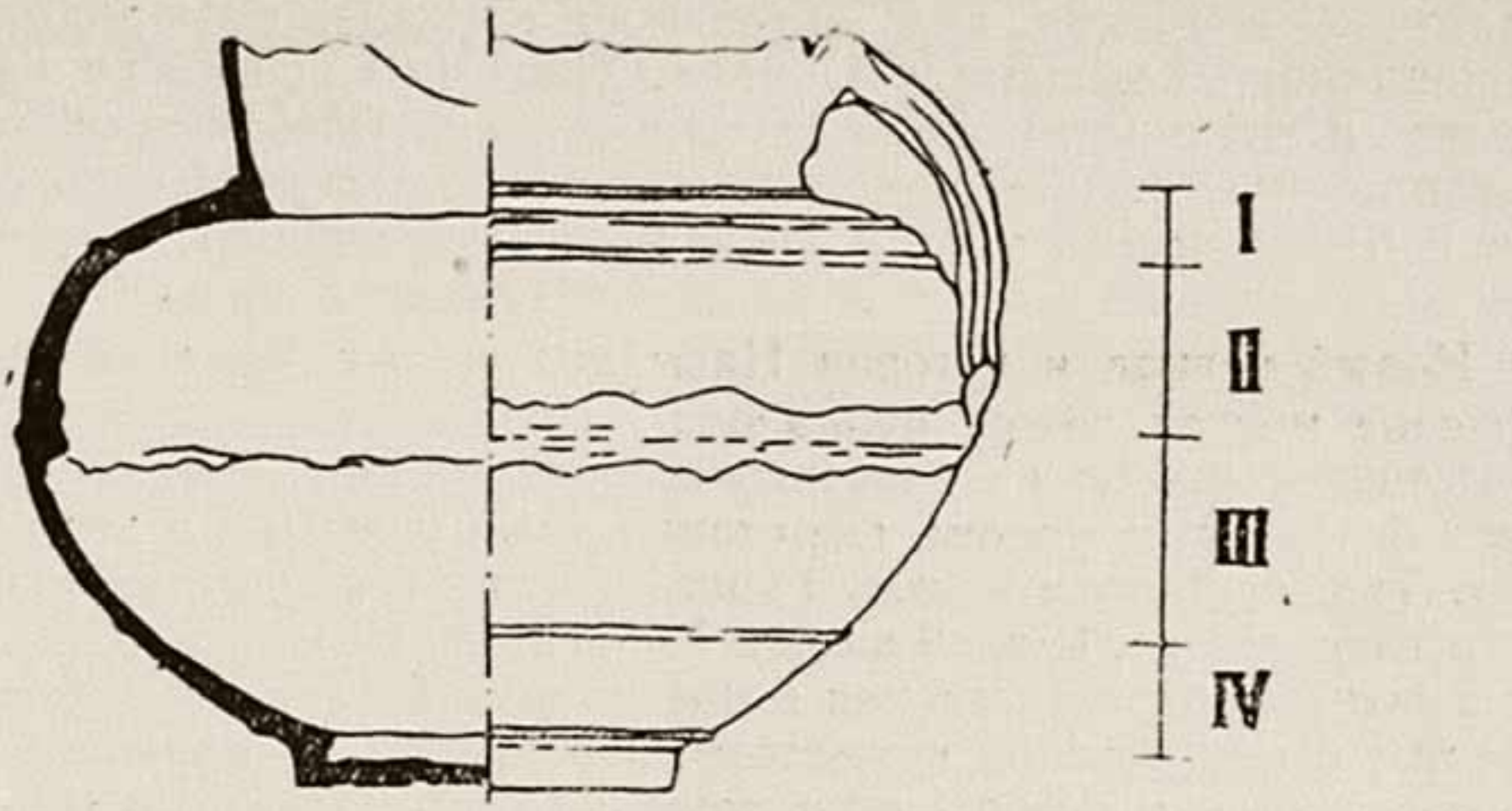


Рис. 32. Новая Ниса. Безглазурный кувшин XII в.

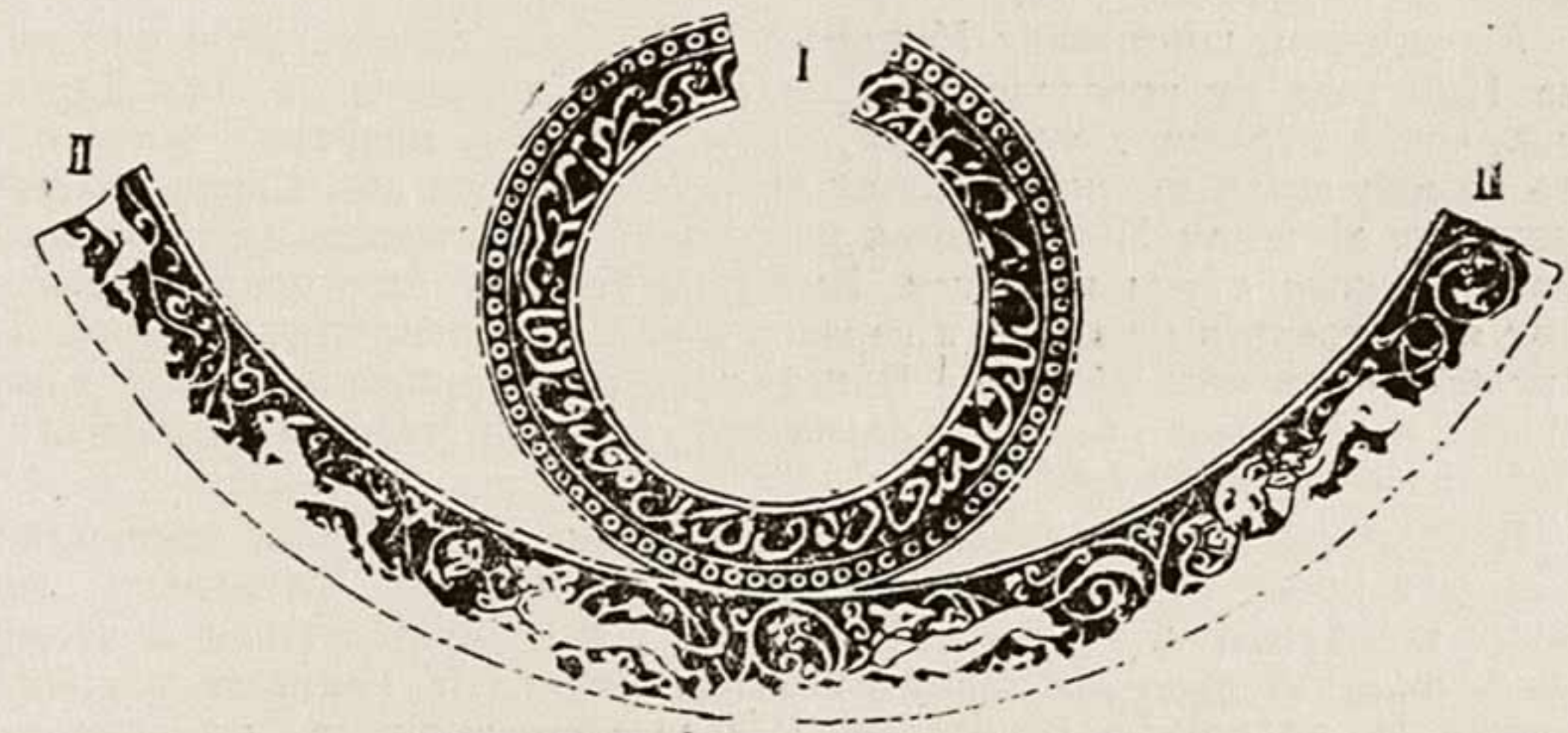


Рис. 33. Безглазурный кувшин XII в.

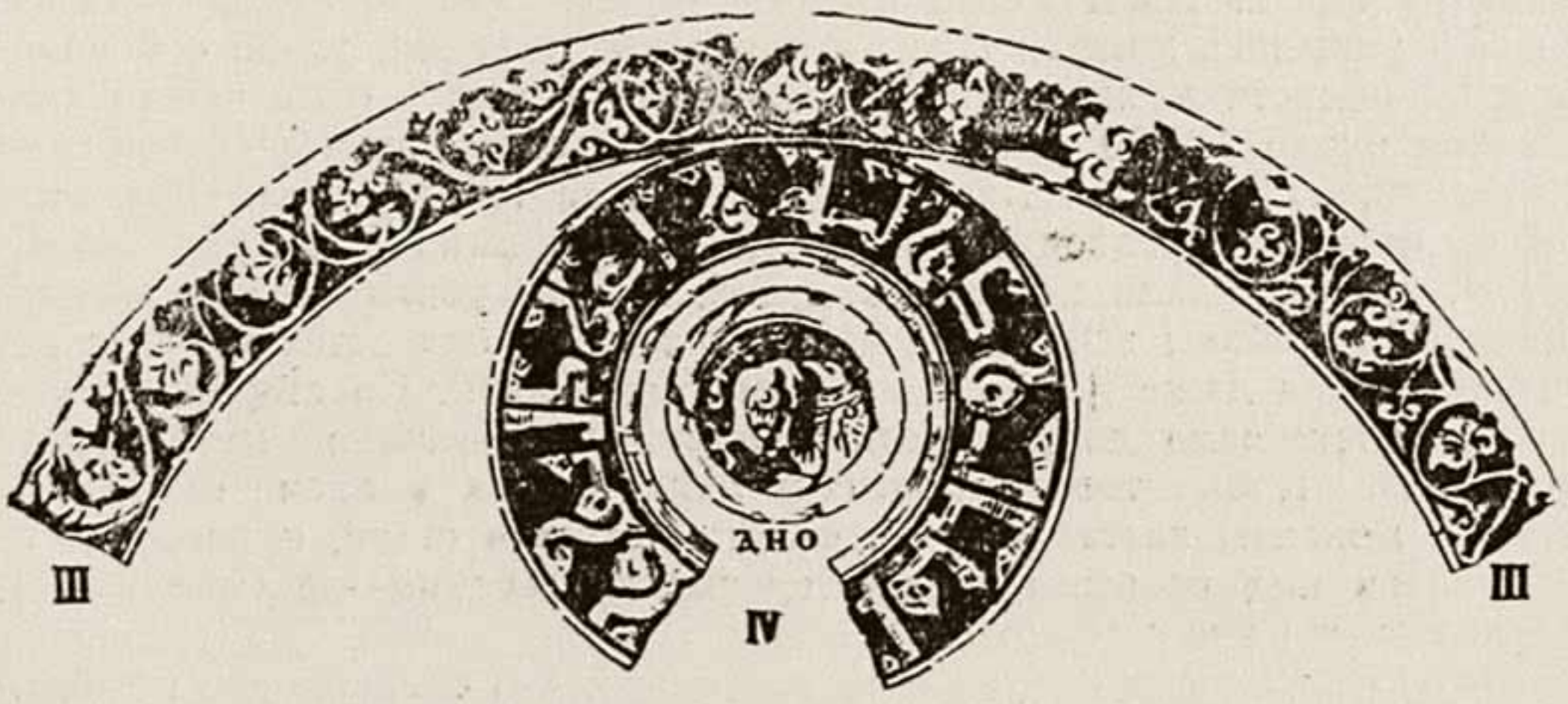


Рис. 34. Безглазурный кувшин XII в.

Шемс-ад-дин и его брат Авхад-ад-дин, а также бывший отрарский владетель и вассал кара-китайского гурхана, двоюродный брат самаркандского караханида Османа, Тадж-ад-дин Бильгя хан. Из них вскоре изгнанником умер Авхад-ад-дин. Бильгя хан прожил там благополучно свыше года, снискал себе популярность среди горожан и был коварно убит в Нисе по распоряжению хорезмшаха, должно быть видевшего в нем слишком опасного врага[154]).

Новый период в истории Нисы наступил с момента появления в Хорасане монгол. Неожиданно она оказалась первым городом страны, испытавшим ужасы их завоевания, хотя многие считали ее более или менее безопасным местом, где стоило даже укрыться в эту неспокойную пору. Так, например, векиль Гурганджа, блестящей столицы Хорезмийского государства, Шихаб-ад-дин Хиваки, считавшийся энциклопедистом в различных областях знания и преподававший в пяти медресе, получив известие о монгольском нашествии, перебрался со своим сыном сейидом Тадж-ад-дином и несколькими другими хорезмийцами в Нису. Туда же он перевез собранную им при шафиитской джума-мечети прекрасную библиотеку рукописей [155]).

Между тем, хорезмшах Мухаммед, убегая из Нишапура в мае месяце 1220 года от преследования со стороны перешедших Аму-Дарью монгольских отрядов Джэбэ, Субудея и Тогучара, направил через одного из нисийских эмиров, Беха-ад-дина Мухаммеда ибн Сахля, предупреждение жителям Нисы, что он разрешает восстановить разрушенные по его приказу стены крепости. Вместе с тем, он советовал покинуть город и укрепиться на время в горах и в песках. Возможно, что хорезмшаху было известно данное Чингиз-ханом распоряжение всем трем нойонам в основном стараться захватить государя Хорезма и не отвлекаться на осады городов.

В соответствии с полученным извещением, везир Нисы, ташкентец по своему происхождению, Захир-ад-дин Масуд ибн Мунаввар аш Шаши, приступил к укреплению города, всячески привлекая к этому людей, включительно до принудительных работ. За краткостью срока возобновить полностью капитальные фортификационные сооружения крепости было невозможно, почему ограничились возведением по всему периметру Новой Нисы менее мощной стены, «вроде стены садов». За ней и укрылись жители Нисы и окрестных селений, узнав о появлении в их области монгольских войск численностью в один туман (номинально около 10.000 человек) под начальством зятя Чингиз-хана Тогучар-нойона и эмира Бурка-нойона. Когда мимо города проходил один из отрядов, предводителем которого был эмир Эль-Куш, защитники Нисы обстреляли монгол из луков, причем убили их начальника. В наказание нойоны вскоре же начали осаду города, длившуюся с непрерывавшимся даже ночью боем пятнадцать дней. Со стороны осаждавших действовало до двадцати манджаников—машин метательной артиллерии. Кроме того, используя захваченных в плен окрестных жителей, монголы заставляли их делать бреши в стене, к которым те подгонялись под особыми охранительными навесами—джамалун [156]), с накинутыми на них мокрыми кожами.

Когда стена была повреждена настолько, что осажденные не были в состоянии ее починить, монголы ночью атаковали крепость, заняли

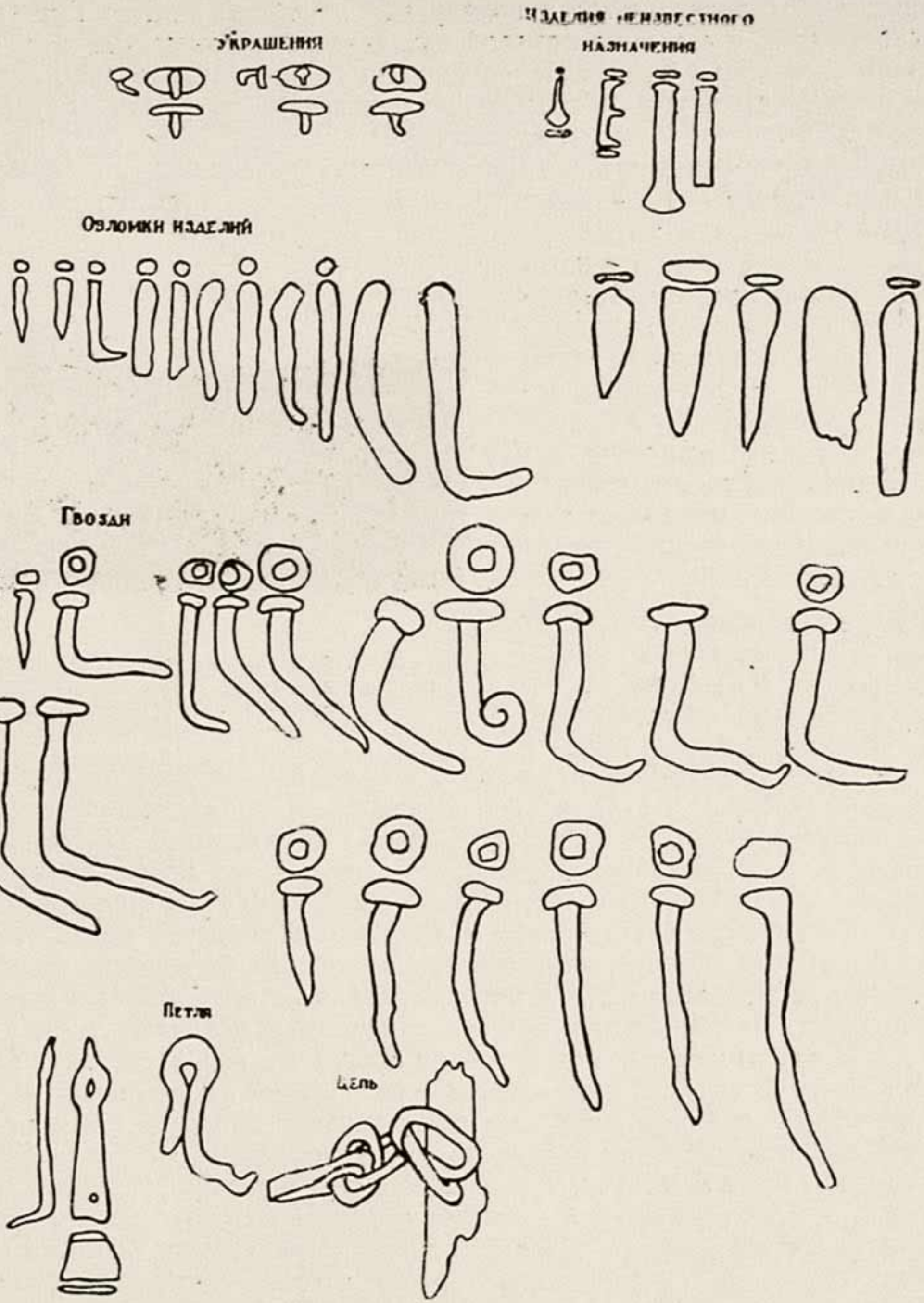


Рис. 35. Набор железных предметов от деревянной двери. Комплекс первых десятилетий XIII в. Мусорная яма в городской стене Новой Нисы.

ее стену и вынудили защитников попрятаться в домах. Днем монголы опустились со стен и погнали всех жителей взятого города, включая детей и женщин, в поле за садами, где им было приказано связать друг друга. После того они были перебиты на месте в числе якобы до 70.000

человек [157]). Многих женщин подвергали насилию. Векиля Гурганджа Шихаб-ад-дина и его сына привели связанными к монгольским нойонам и убили у них на глазах. Их сокровища были разграблены, а книги привезенной столичной библиотеки разошлись по рукам случайных лиц. [158]).

Разгромив и разграбив город, монголы рассеялись по области и занялись разбоем и массовым угоном скота. На третий день после падения Нисы один из их отрядов оказался под стенами неприступной крепости Харандиз, где в то время находился Несеви и бывший везир хорезмшаха, Низам-ад-дин ас-Самани. Убедившись в бесполезности осады, монголы ограничились получением выкупа и покинули крепость, где разразившаяся чума унесла массу жертв[159]).

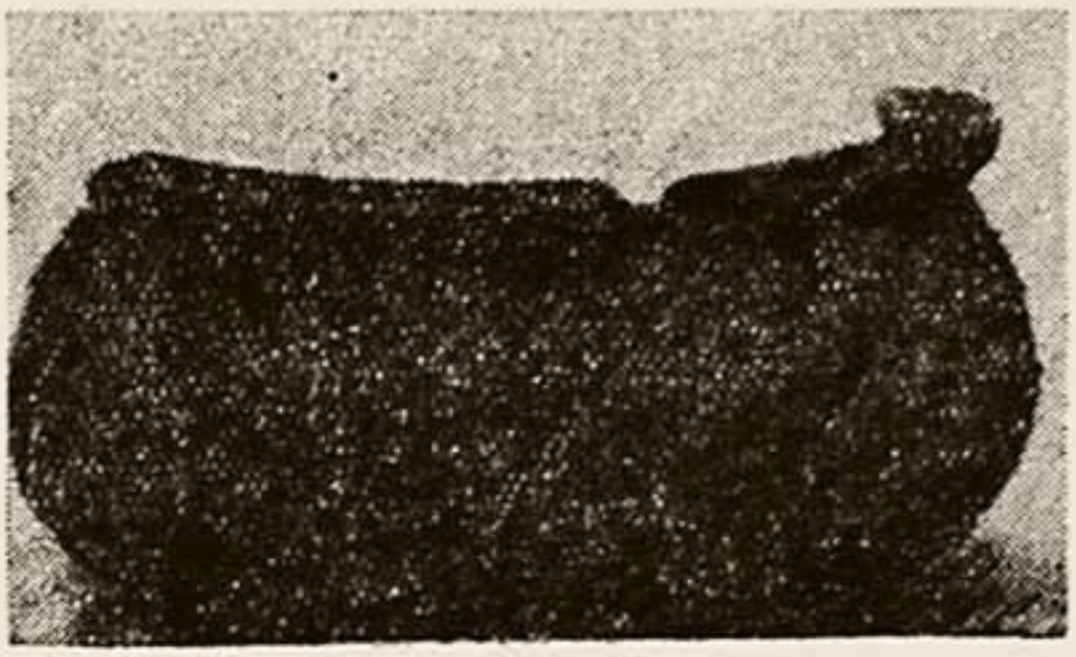


Рис. 36. Стеатитовый горшок из комплекса первых десятилетий XIII в. Мусорная яма в городской стене Новой Нисы.

Вскоре монголы отошли от Нисы, и она на время оказалась как бы в стороне от непосредственных событий войны. Тогучар был убит в ноябре около Нишапура, после чего его воины предали разграблению Себзевар. Нойоны Джэбэ и Субудей нанесли поражение отряду партизанившего эмира и хаджиба султана Мухаммеда, Бадр-ад-дина Инанджхана в верховьях Гургана и Атрека, и тот бежал в пески нисийского округа [160]). Используя переходный момент, в Нисе появились члены устраненной хорезмшахом Мухаммедом династии потомственных правителей этой области, проживавшие до того на положении пленников в течение девятнадцати лет в Хорезме. Один из них, сын Имад-ад-дина Мухаммеда, Ихтияр-ад-дин Зенги, самовольно захватил в свои руки власть в опустошенном городе, чему никто не препятствовал. Из осторожности он выпускал грамоты и ассигнования за подписью прежних должностных лиц хорезмийского чиновничьего аппарата. Злополучный хорезмшах в декабре месяце скончался на одном из островов Каспийского моря близ Абескуна. Его наследникам было не до Нисы.

Узнав о составившемся заговоре вельмож на свою жизнь, старший сын султана Мухаммеда, Джелал-ад-дин Мангуберти, бежал в конце января 1221 года из Хорезма в Хорасан в сопровождении доблестного ходжендского коменданта Тимур Мелика [161]). Через три дня покинули Хорезм и два другие его брата—претендент на престол Озлагшах и Акшах. Чтобы захватить царевичей, Чингиз-хан распорядился выставить наблюдательные отряды от Шахрастаны до пределов Мерва. На границе пустыни у Нисы был расположен монгольский отряд в 700 всадников, на которых неожиданно напал со своим воинами Джелал-ад-дин. Сражение кончилось полным разгромом монголов, большая часть которых была перебита. Немногие из них, спрятавшиеся в подземные каналы, были схвачены крестьянами и приведены в Нису, где им от-

рубили головы. Сам Джелал-ад-дин со своими спутниками, немного передохнув в Харандизе, на свежих, захваченных у монголов конях, поспешно двинулся в Нишапур.

Правитель Нисы, Ихтияр-ад-дин Зенги, узнав из донесения раиса селения Джуванменда, что монгол разбил Джелал-ад-дин, тотчас послал ему лошадей и навьюченных разным добром мулов в знак выражения верноподданнических чувств. Но так как эти «дары» запоздали, их оставили в Харандизе, куда, через три дня после того прибыли также бежавшие из Хорезма царевичи Озлагшах и Акшах. Предназначавшиеся Джалал-ад-дину кони и мулы были вручены им, и те в благодарность назначили самозванному владетелю Нисы некоторые местности сверх той области, которую он уже имел в руках. Этим как-то узаконивалось несколько сомнительное общественное положение Ихтияр-ад-дина. Еще больше этому способствовало получение грамот из Нишапура от Джелал-ад-дина с утверждением его правителем того, чем он уже завладел и обещанием за дальнейшую верную службу новых прибавок.

В то же время Ихтияр-ад-дин оказал поддержку таившемуся в песках эмиру Бедр-ад-дину Инандж-хану, пребывание которого выдал монголам раис крупного нисийского селения Нашджувана. Бадр-ад-дин разбил монголов, после чего правитель Нисы по его предложению овладел Нашджуваном, убил предателя раиса, а его селение присоединил к своим владениям. Некоторое время спустя он вынужден был не без горечи отдать Бадр-ад-дину весь харадж за 1221 год для поддержания его отряда и борьбы против завоевателя. Вскоре после этого Ихтияр-ад-дин скончался, и ему в том же 1221 году наследовал его брат Нусрет-ад-дин Хамза ибн Мухаммед, к которому перешел на службу Несеви в качестве наиба, т. е. заместителя [162]). Это было тогда, когда войска Тули, сына Чингиз-хана, наводнили Хорасан, неся с собою смерть, разгром и разрушение, которые Нисы уже коснулись в малой мере.

Повидимому, местный правитель старался как-то приспособиться к сложной политической обстановке, не дававшей никакой уверенности в завтрашнем дне. В основном, однако, им велась антимонгольская линия поведения, с признанием в качестве законной власти Джелал-ад-дина Мангуберти, который в конце 1221 года вынужден был бежать в Индию. В Нисе проводился ремонт укреплений. Кладбище (мазар), на котором был погребен упоминавшийся имам и мударрис Шихаб-ад-дин, получило тогда название «Мил-Джафна», в чем быть может содержится намек на башенную форму усыпальницы, отстроенной над могилой этого лица. Несеви, используя свое служебное положение наиба, употреблял немало стараний, чтобы скупить хотя бы наиболее ценные рукописи эвакуированной из столицы и расхищенной после взятия Нисы монголами библиотеки. Это ему в известной мере и удалось, хотя он в 1222 году некоторое время отсутствовал, принимая участие в битве с монголами в Джурджане на стороне Инандж-хана, переходил даже на службу к испехбеду Имам-ад-доуля и вернулся в свою родовую крепость—поместье Харандиз только «когда дороги стали безопасными».

В стране царила анархия. В конце лета 1222 года монголы подавили восстание в Мерве и жестоко расправились с населением. Однако вско-

ре же после их ухода, город был частично восстановлен, и в нем объявился в качестве правителя какой-то сын эмира, Арслан. Немного спустя из Нисы прибыл в Мерв туркмен Тадж-ад-дин Омар ибн Масуд, который захватил власть в свои руки, овладел затем Хорасаном и Абивердом, стал совершать налеты на монгольские обозы в Мерверуде, Талькане, Пянджде хе и под конец своего шестимесячного правления даже осадил Нису. Здесь его войска подверглись неожиданному нападению со стороны Языра, поддержанному вылазкой из крепости, причем сам Тадж-ад-дин был убит. Так в начале 1223 года Нусрет-ад-дину удалось успешно отстоять самостоятельность своего небольшого владения.

Однако общая ситуация становилась все сложнее. В Нишапуре, Себзеваре, Исфераине и других местах власть захватывали разные авантюристы. Вновь восставший Мерв в 1223 год после двух разграблений был окончательно разрушен монголами. Пользуясь отсутствием скрывавшегося в Индии Джелал-ад-дина Мангуберти, его брат, Гияс-ад- дин Пиршах, базируясь на Ирак, пытался распространить свою власть на другие бывшие владения своего отца хорезмшаха Мухаммеда, и в некоторых местах Хорасана, где еще не упрочились монголы, хутба читалась с его именем. Единственным владением, где из некоторых расчетов номинально признавались верховные права Джелал-ад-дина, была Ниса. Гияс-ад-дин не хотел мириться с таким положением и направил в 1224 году против тамошнего правителя Нусрет-ад-дина войска под начальством Туглука ибн Инандж-хана. Нусрет-ад-дин в свою очередь послал Несеви к Гияс-ад-дину с некоей суммой денег, которой думал откупиться от предстоящих военных действий. Надежды эти не оправдались. Хотя Джелал-ад-дин уже оставил Индию, его эмиссар отправленный в Хорасан, был встречен Несеви в Джурджане и в Ираке вместо Гияс-ад-дина была признана власть Мангуберти, реальной помощи Нисе оказать было еще невозможно. Через несколько месяцев осады город был взят, а его правитель Нусрет-ад-дин был убит. В числе пострадавших сторонников Джелал-ад-дина оказался и отсутствовавший Несеви: захваченные в Нисе его слуги были убиты, дом его разгромлен, а имущество разграблено, причем исчезли и последние рукописи упоминавшейся выше столичной библиотеки. «Из всего, что я там (в Нисе) покинул,—писал Несеви,—я жалел только о книгах» [163]).

Торжество победителей было очень кратковременным, и в Нису вскоре же правительством Джелал-ад-дина был назначен в качестве везира местный уроженец Дия-ал-Мульк, происходивший из здешних раисов. Сверх доходов и «кормления» по новой должности, ему был выделен икта (удел) с доходом в 10.000 динаров. Не сумев обеспечить своевременного поступления в султанское казначейство налогов, он был смещен по проискам своего соперника Несеви, к которому заочно и перешло ненадолго везирство в этом владении. Послав сюда своих доверенных лиц, он сам оставался при ставке последнего хорезмшаха [164]).

В 1228 году монголы при Угедее осуществили повторное крупное вторжение в пределы Ирана, а в 1231 году бесславно погиб их упорный противник Мангуберти. Хорасан стал управляться монгольскими наместниками, хотя некоторые владетели (например, гератские Курты с 1245 г.) сумели обеспечить себе известную долю самостоятельности,

Люстровый изразец XIII в.

что было обусловлено неурядицами внутри самой монгольской империи, возникшими после смерти хакана Угедея в 1241 году.

Новый этап в жизни Нисы наступил с момента возникновения государства персидских монголов или альханов. Когда «великий хакан» Мангу направил в Персию своего брата Хулагу для закрепления прежде завоеванных стран и покорения новых земель, истерзанный смутами Хорасан относительно миролюбиво встретил завоевателей. Уже несколько лет состоявший здешним наместником Битыкчи эмир Аргун-ага из рода Ойрат со свитой хорасанских вельмож и садров выехал в 1255 году навстречу Хулагу и изъявил ему в Кеше полную покорность, хотя и был вскоре же отставлен от должности и отправлен в ставку Менгу. Полусамостоятельный правитель Герата, малик Шемс-ад-дин, опередил его и представился брату хакана еще в Самаркандском Канигиле [165]).

Из письменных источников не видно, чтобы Ниса играла сколько-нибудь видную роль в государстве Хулагидов. В этом отношении ее удельный вес и роль были несравненно больше на третьем этапе рассматриваемого периода, когда она вошла в состав сложившегося во время распадения державы ильханов (с 30-х годов XIV в.) владения, повидимому, туркменского племени чунгурбани, во главе которого находился тогда Аргун-шах. Резиденцией своей он избрал значительно укрепленный Келат, а власть его постепенно распространилась на Тус, Кучан, Нису, Абиверд и мервский оазис с главным тогда населенным пунктом Махан, на месте современного Мары. В связи с этим Хамдаллах Казвини в своем труде „Нузхат ал Кулуб", составлявшемся в 1340 году, опустил Нису при описании Хорасана, упомянув только Нисийские горы, в которых брал начало Атрек, и подчинявшиеся тогда Персии нисийские селения Тафтазан и Фарау. В соседнем Себзаваре почти одновременно (736 г. х. = 1335/6 г. н. э.) образовалось владение сербедаров, возникшее в результате крупного демократического движения народных масс, включая и рабов.

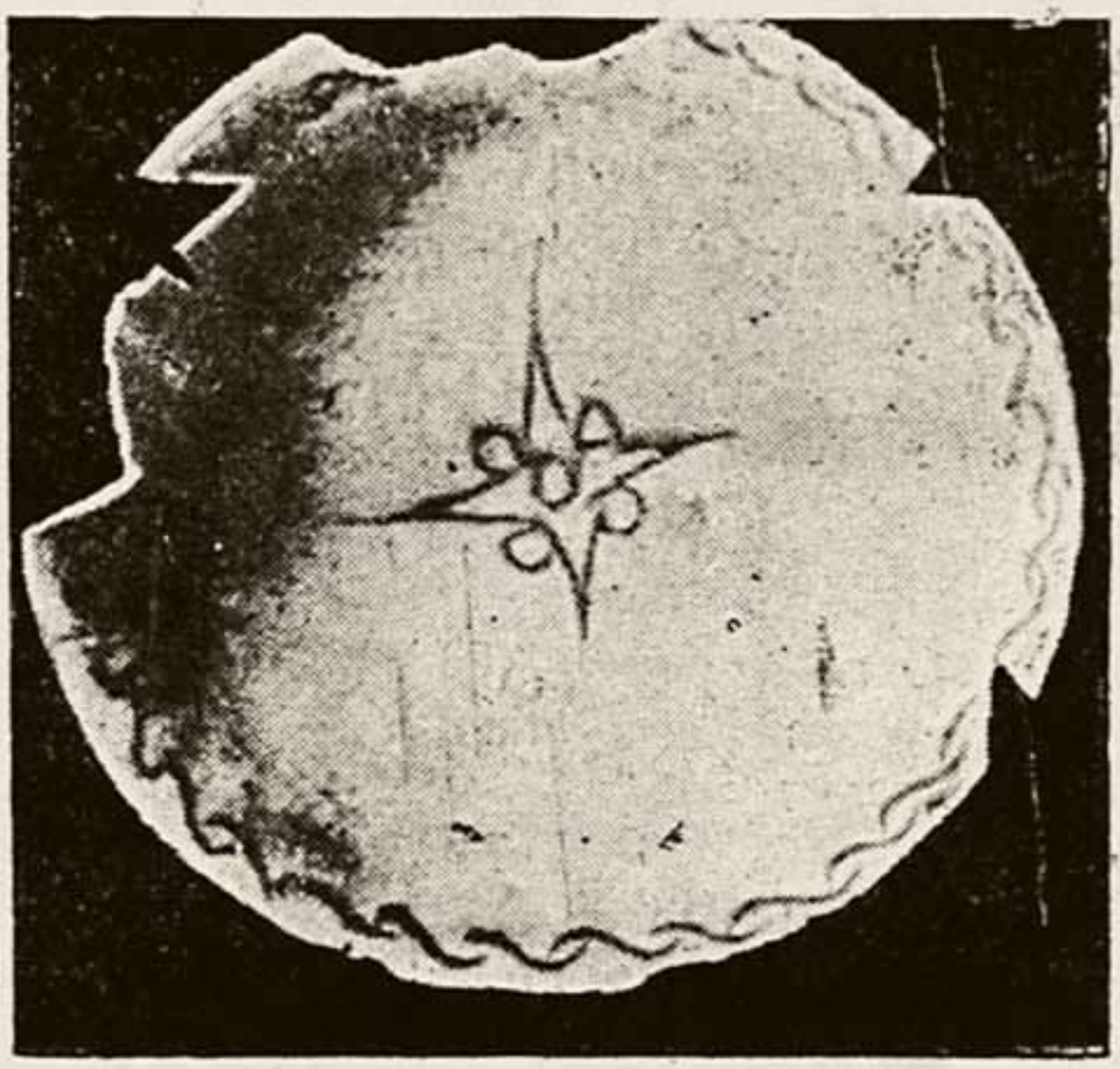


Рис. 37. Тарелка XIV в.

После Аргуна владения его перешли к двум сыновьям: Мухаммедбеку и Алибеку. По имени последнего северные округи Хорасана еще в начале XV века именовались «Хорасаном Алибека», хотя власть его просуществовала только до прихода сюда Тимура в 1382 году [166]).

О самом городе эпохи монгольского владычества ЮТАКЭ удалось получить ряд археологических наблюдений. Неизвестна судьба его ук-

реплений после 1224 года, но находки различных остатков материальной культуры показывают, что город к середине XIII века во всяком случае уже оправился от событий, пронесшихся над ним в первые годы после появления монгол в Хорасане. Ко второй половине XIII века

Рис. 38. Деталь люстрового изразца XIII в.

относятся обнаруженные среди руин богатого дома в цитадели прекрасные расписные люстровые изразцы типа так называемой кашанской школы, в форме крестов и восьмилучевых звезд, с изображением в одном случае старца, в другом—юноши у пруда, в окружении бордюра, заполненного персидскими стихами. М. М. Дьяконов и Л. Т. Гюзальян сближают их по типу с аналогичными изразцами из Дамгана, имеющими дату 1267 года. Концом XIII—первой половиной XIV веков датируется найденная третьим отрядом ЮТАКЭ на кладбище Челык изразцовая рельефная квадратная плитка сине-зеленой поливы с арабской надписью почерка насх, заключающая только одно слово—„ахмар", т. е. буквально „красный". К этому же времени относятся собранные экспедицией на городище Новой Нисы другие разно-

Рис. 39. Плитка сине-зеленой поливы XIV в. с кладбища Челык.

Люстровый изразец XIII в.

образные фрагменты архитектурные керамических облицовок. Особенно интересно обнаружение в нескольких местах шестиугольных правильной формы и вытянутых кирпичных плиток голубой поливы, употреблявшихся для выстилки полов в парадных и интимных покоях домов зажиточных горожан. Монеты хулагидского чекана не представляют редкости среди нумизматических находок, сделанных на городище Новой Нисы, причем экспедиции удалось зарегистрировать целый клад серебряных монетных кружков чекана Улджейту (1304—1316 г.г.), выбитых в различных городах [167]).

Судя по многочисленным разнообразным археологическим находкам, Ниса особенно интенсивно жила в XIV веке, в пору распада монгольского государства Хулагидов и вхождения в состав самостоятельного местного туркменского владения Аргун-шаха и его преемников. Тогда очень густо были заселены цитадель и кала, и Новая Ниса несомненно представляла собой ядро

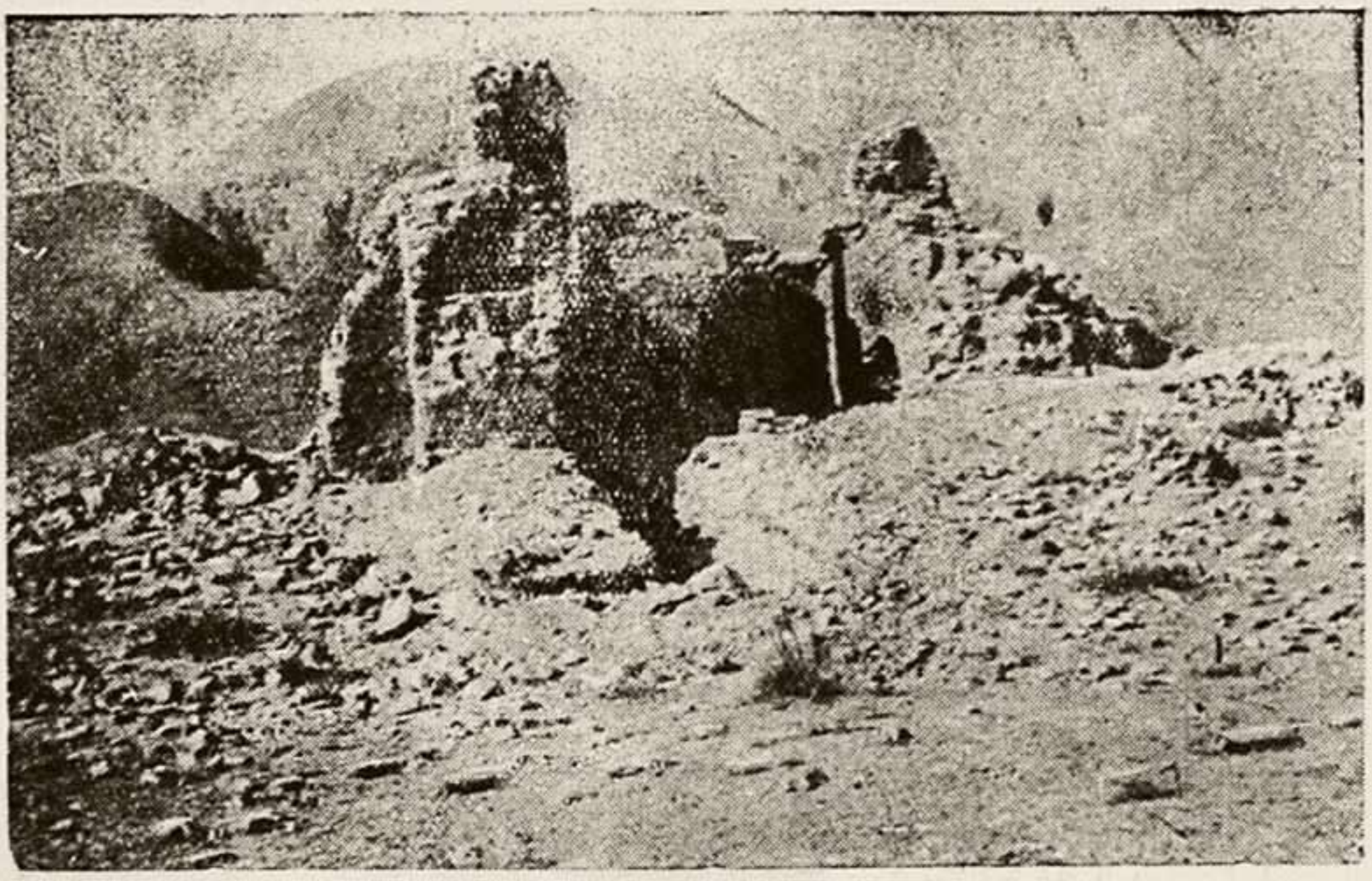


Рис. 40. Намазгох.

города. Но последний занимал также значительную часть прилежащей территории. Фрагменты поливной керамики XIV века встречаются даже на окраинах современного селения Багир, отмечая собой границы былых усадеб. Особенно много попадается типичной керамики XIV в. с голубой глазурью и лиловато-черной подглазурной росписью. В некоторых местах найдены целые комплексы ее, в частности на месте руин ханаки Серави, о которой говорилось выше, и которая очевидно интенсивно жила в эту эпоху. Наряду с этой массовой керамикой (судя по обнаруженным фрагментам брака—местного изготовления), на территории Новой Нисы отмечена «роскошная» тонкостенная посуда на кашинной основе, так называемого типа

«в е р а м и н». Из архитектурных памятников этого времени на поверхности уцелели руины здания, находящиеся в 1.5 *км* к западу от городища Старой Нисы. Как отмечалось выше, вопреки прежним представлениям, вошедшим в обиход с 1926 года, будто это памятник светского зодчества XVII столетия, работами ЮТАКЭ установлено, что здесь, в западном конце старинного кладбища Ших Алю, на некогда обнесенном стеной участке, площадью около одного гектара, находятся развалины загородной мечети Намазгох, отстроенной в XIV веке и с тех пор подвергавшейся неоднократным ремонтам.

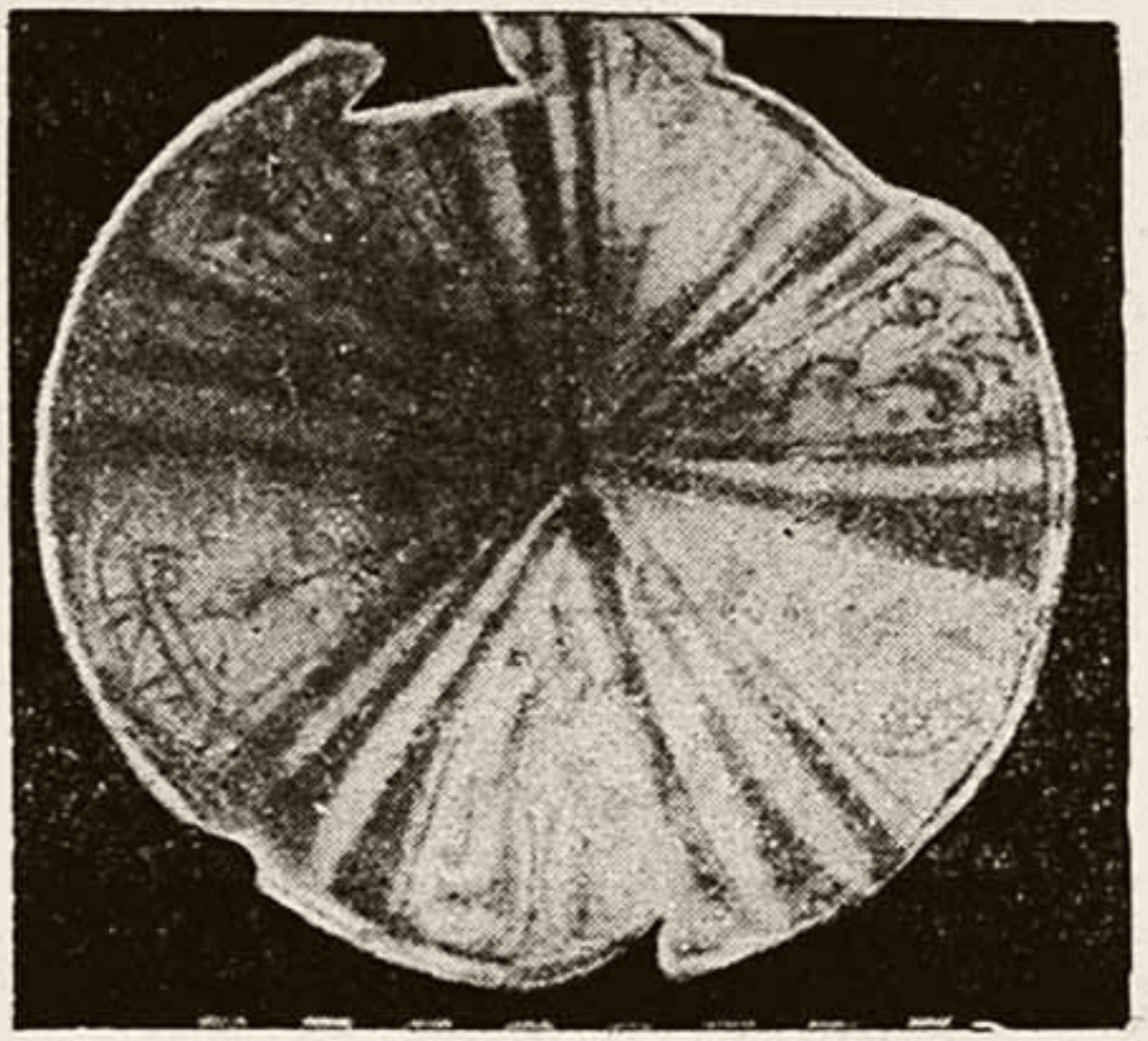


Рис. 41. Чаша XIV в.

Последний период эпохи расцвета феодализма в развитии Нисы наступил с момента вхождения ее в состав огромного государства Тимура, который еще до взятия Герата весной 1381 г. пытался заставить Алибека открыто признать свое подчинение ему путем личной явки в ставку, от чего этот хорасанский правитель всячески уклонялся. Вот почему, заняв Герат, Тимур стал собираться в поход на Нису и Келат, но испугавшийся Алибек поспешил навстречу его уже выступившей армии, близ мазара Абу Муслима Мервези свершил публичный обряд «целования ковра», на котором восседал мировой завоеватель, и после переговоров сумел отклонить от себя угрозу военного столкновения с могучим врагом.

Воспользовавшись этим, он заключил договор с правителем Мазандерана, эмиром Вали, и их войска совместно напали на Себзавар. Тамошний правитель, имам себердаров, Али Муайяд, обратился за помощью к Тимуру и тот в свою очередь, зимой подступил к резиденции Алибека, Келату. Осада затянулась до лета 1382 года, когда Тимур отдал приказ починить стену старой крепости Кахках. Там он оставил значительный отряд с Шейх Али

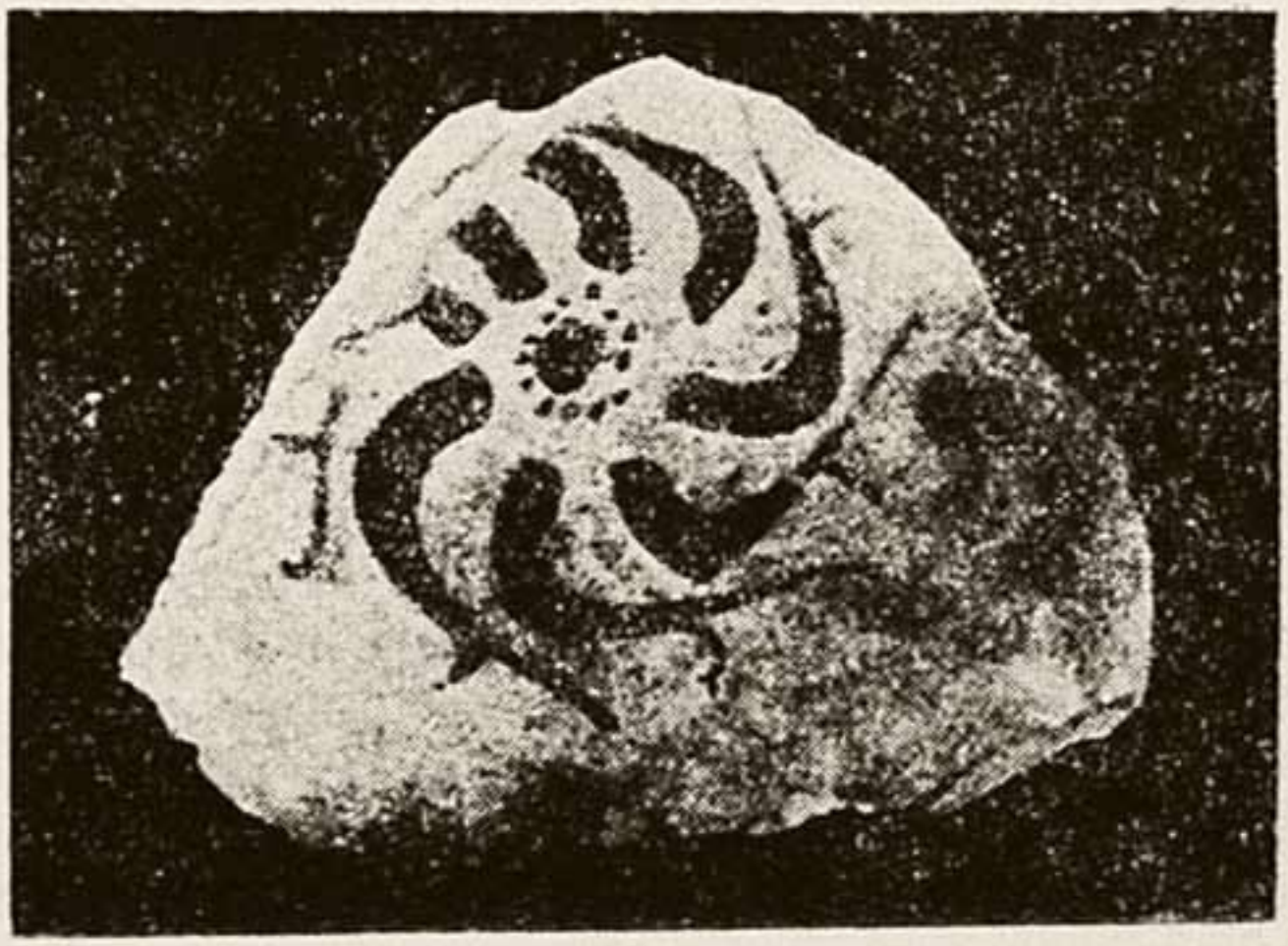
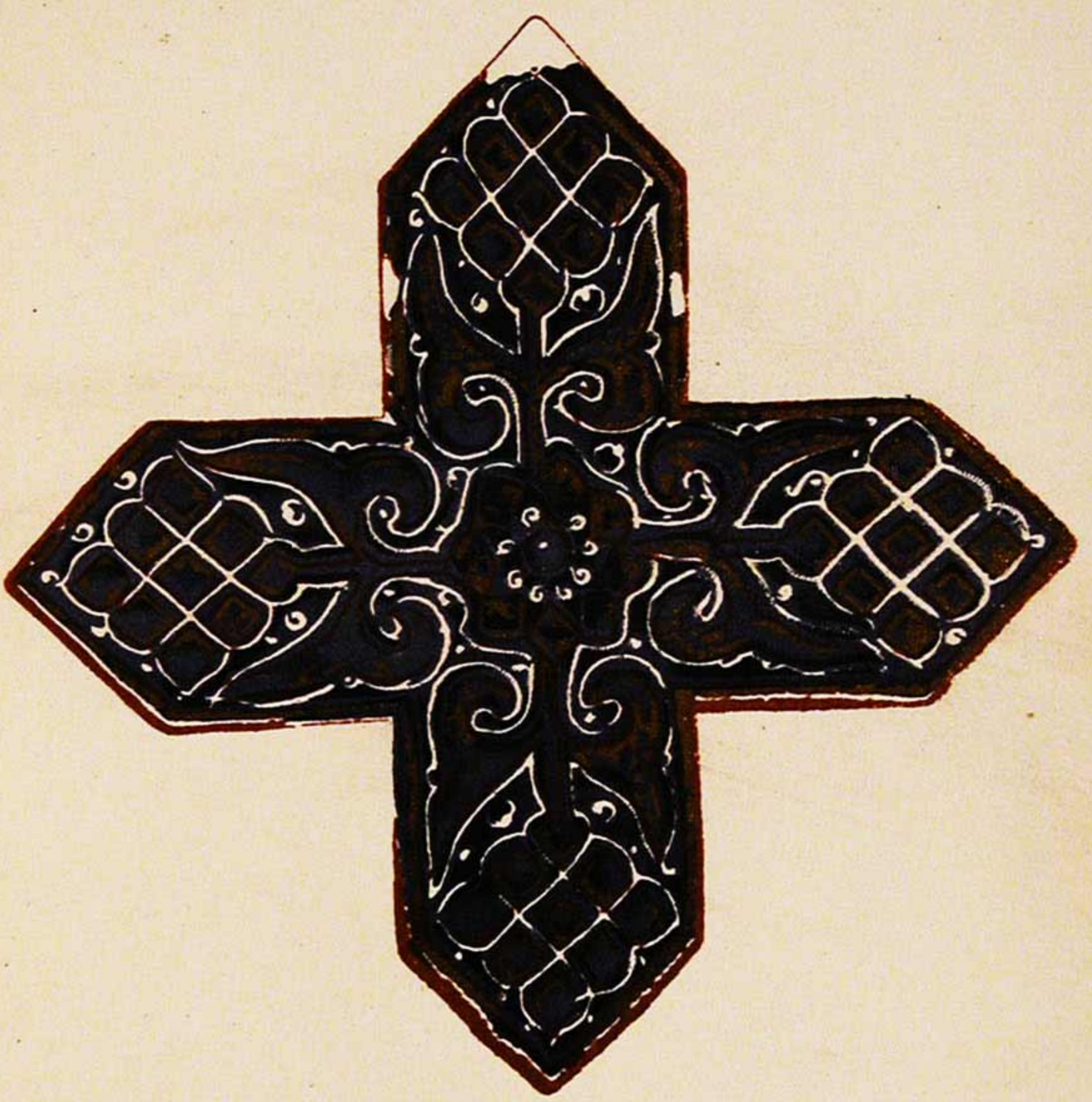


Рис. 42. Фрагмент чаши XIV в.



Изразец панели XIII в.

бахадуром во главе, чтобы он вел наблюдение за Келатом, и сковывавл бы силы Алибека, а сам выступил против эмира Вали, вскоре поспешившего, до столкновения, выразить ему свою покорность. Тем временем Шейх Али бахадур имел военные столкновения с келатскими войсками, вступил в переговоры с Алибеком и убедил его явиться с повинной к Тимуру. Тот принял сдавшегося Алибека и отправил его вместе с родичами в Самарканд. Отсюда Алибека перевезли в заточение в Андижан, где он несколько позднее был казнен. Так область Ниса, вместе с некоторыми другими владениями Аргуншаха, с 1382 года оказалась, сравнительно безболезненно для населения, покоренной Тимуром[168]).

Его армии пришлось пройти через Нису еще два года спустя, когда она направлялась против мятежно настроенного упоминавшегося выше правителя Мазандерана и части Хорасана, эмира Вали. На этот раз на границе округов Нисы и Дуруна в урочище Гавкуриш произошло столкновение авангарда одного из тимуровских отрядов с караульной заставой войск эмира Вали, после чего с боем был занят Дурун, и армия завершила поход завоеванием Мазандерана.

После смерти Тимура Ниса одно время, с 1406 по 1409 г.г., входила в состав владения, образованного из областей «Хорасана Алибека и Хорасана Али Муайяда» и выделенного Шахрухом несовершеннолетнему Улугбеку [169]).

Рис. 43. Кувшин XIV в.

В государстве Шахруха Ниса продолжала оставаться главным городом многолюдного округа, расположенного между округами Абиверда и Дуруна. К городу причислялось 13 кварталов и некоторое количество деревень. К нему же в административном отношении непосредственно относилось 11 близлежащих селений. Все остальные земли округа делились на пять районов—булюков: Раигох (с 4 селениями), Манга (с 9 селениями), Кубрур (с 2 селениями), Джампуль (с 13 селениями), Шусбаи (с 5 селениями). В трех первых булюках имелось по многу деревень [170]). Большая часть территории булюков была в горах, а Шусбаи находился прямо к югу от Нисы.

При всем том, Ниса в государстве Тимуридов не играла сколько-нибудь видной политической роли. Благодаря своему положению у края пустыни, округ во второй половине XV столетия иногда считался неблагополучным в смысле налетов на него узбеков, и време-

нами здесь подолгу держались войска для охраны границы, как это имело место, например при Абу-л Касим Бабуре в зиму с 1456 на 1457 г.[171]).

С Нисой связано было начало карьеры Султан-Хусейна, который впервые ее захватил на короткий срок, вместе с Абивердом, в 1458 г.[172]), а затем вторично десять лет спустя[173]). На Нису пытались опираться в конце XV века восставшие против него два сына: Мухаммед Хусейн Мирза, правитель Нисы и Абиверда и Мухаммед или Абуль-Мухсин Мирза, правитель Мерва. Последний бежал сюда в 1498 г., как только прослышал о выступлении отца к Мургабу, и битва произошла при Хальва-Чашме, по дороге из Фирюзы в Буджнурд[174]). Когда же в 1500 г. закончилось примирением восстание, поднятое Мухаммед Хусейном Мирзой в 1499 г., то за последним сохранилось наместничество в Джурджане, а область Нисы с Абивердом, Дуруном, Языром и другими дана была в управление Мухаммед Мухсин Мирзе [175]).

Наблюдения ЮТАКЭ 1946 года показали, что в XV веке Новая Ниса была довольно густо населена, причем наиболее богатый археологический материал давал участок к северо-востоку от цитадели, где очевидно размещался квартал с домами очень зажиточных горожан того времени. Здесь встречены в изобилии фрагменты высокохудожественной кашинной керамики XV—начала XVI вв. нескольких типов, отличных от близких к ним Мавераннахрских. Обращает внимание обилие зооморфных элементов, причем на нисийской керамической утвари попадаются изображения различных животных и птиц, до фантастического феникса включительно. Поражает обилие привозного китайского фарфора, чисто белого и белого с синим, среди которого встречаются предметы с клеймами императорского завода. В числе собранных экспедицией объектов посуды XV века имеются и почти цельные предметы, дающие возможность судить об их форме.

Кроме крепости, фрагменты керамики XV века обнаружены в нескольких пунктах на территории Багира, давая тем основание считать, что в то время обжита была как-то также и территория былого пригорода-рабада.

Уже после окончания работ третьего отряда ЮТАКЭ автору этой статьи удалось обнаружить метрах в 350 к юго-востоку от ворот городища Новой Нисы, на кладбище Бавельмес-аулие или Баба Алимес, внутри помещения одноименного мазара, великолепную резную плиту от торца роскошного прямоугольного намогильника XV в. Сделанная, из черноватого камня, она сплошь покрыта двухпланной резьбой, а в середине, в обрамлении пятилопастной даури-пая, содержит шесть строк арабской эпитафии с несколько поврежденным текстом. Из нее явствует, что намогильник этот был поставлен над местом погребения некоей женщины ал-Джалилы, дочери покойного духовного лица сейид Ахада, сына эмира Мухаммеда Салами (т. е. багдадца по происхождению), и что кончина ее последовала в раджабе 820 г. х. или между 14 августа и 13 сентября 1417 г. К этому же намогильнику относится находящаяся рядом, разбитая на две части столбообразная чираг-хана, вытесанная из такого же камня и имевшая высоту свыше 2 *м*. Основание ее почти треугольное в плане, со слегка срезанными двумя уголками. Верхняя часть представляет восьмигранный ствол, увенчанный

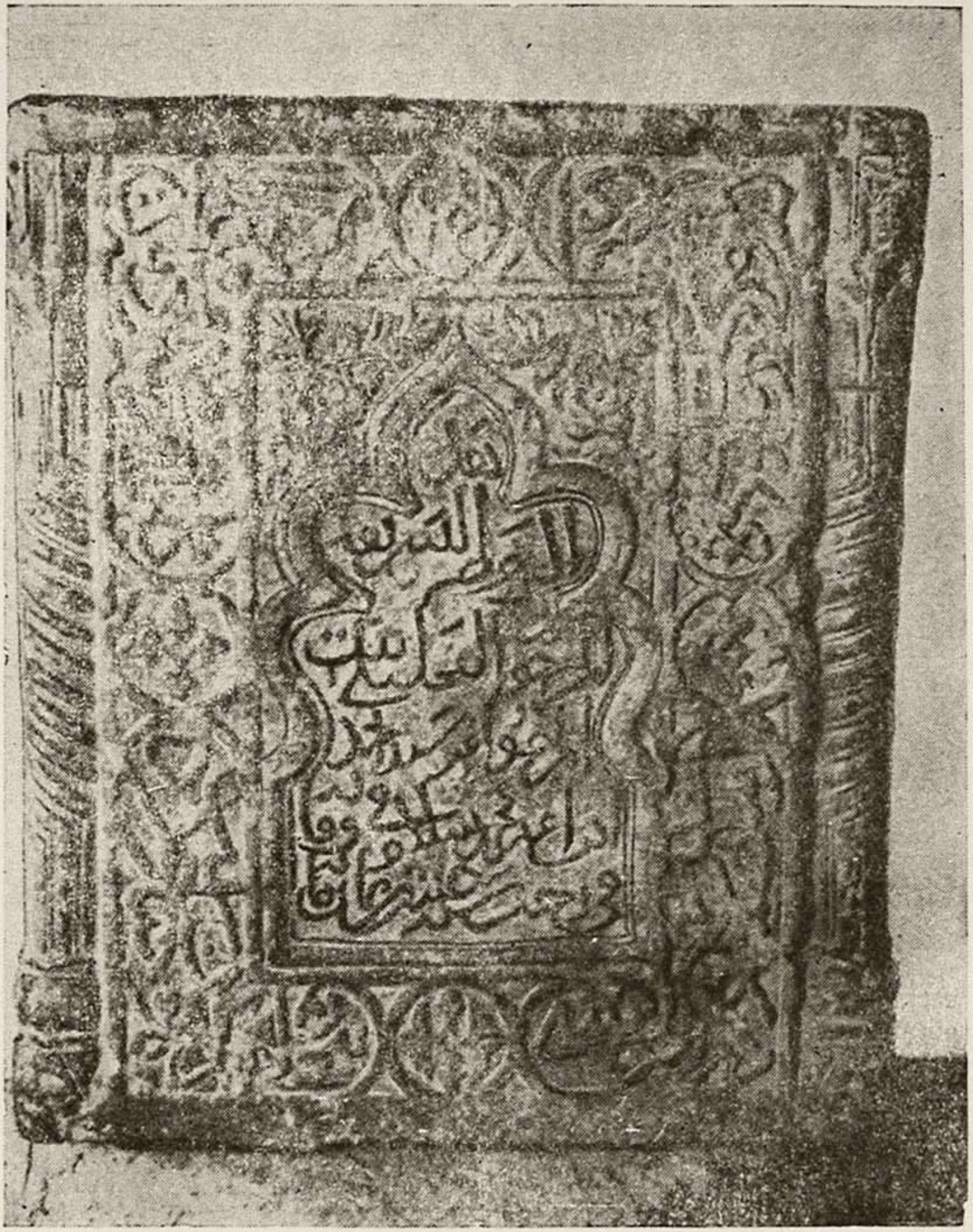


Рис. 44. Надгробная плита ал-Джалилы.

купольной скуфьей и покрытый вырезанными надписями религиозных текстов и благочестивых восклицаний. Четыре грани сплошь покрыты сложным растительным орнаментом, выполненным изящной трехпланной резьбой. В целом открытый памятник принадлежит к категории

высокохудожественных намогильников, изготовленных далеко незаурядным мастером своего времени. Своим появлением он подтверждает наличие в Нисе XV века лиц с определенными эстетическими запросами. Ярким показателем этого служит также возведение в 1456 г. в близлежащем городке области Нисы мечети-мавзолея Джемаль ул-Хакк вад-дина (мечеть Анау), не уступающей лучшим образцам монументального зодчества XV в. Герата и Самарканда.

С момента начала вторжения узбеков в Хорасан в конце первого десятилетия XVI века в истории Нисы наступает новая пора позднего феодализма, характеризующаяся его разложением. В политическом отношении вслед за победой персов над Шейбани ханом область Нисы отошла к государству Сефевидов, но после смерти шаха Исмаила (последовавшей в начале 1524 г.), в связи с усилившимися набегами узбеков на пограничные владения, персы вынуждены были мало по малу очистить всю северную предгорную полосу Копет-Дага. Она отошла под названием области «Таубуйя» (т. е. как бы подола гор; то же, что по-туркменски—Этек) к правителям хорезмской узбекской династии, причем Ниса, вместе с Багабадом, Абивердом и другими областями досталась сыновьям Аминек-хана, а Дурун и соседние области—Мухаммед Гази султану и его родичам. Одновременно, начиная с 1513 года, на протяжении свыше четверти века на восточные области Хорасана через разные промежутки следуют налеты бухарского хана Убайдуллы, вызвавшие ответные походы шаха Тахмаспа. Когда он в четвертый раз вторгся с этой целью зимой 1536/7 г. в Хорасан, то его войска в Нисе и Абиверде испытали немало лишений, и враги персов очень надеялись, что это ослабит их боеспособность[176]). Одним из последствий этого похода явилось закрепление в 1538 г. Тахмаспом Нисы, Абиверда и зависящих от них местностей за узбекским царевичем, считавшимся потомком Джучи, сына Чингиз-хана, Дин Мухаммед ханом, который отныне признавался вассалом шаха, но уже до того сумел создать себе здесь достаточно прочное положение. В действительности власть персов над Нисой на протяжении свыше полустолетия была номинальной, хотя Искандер Мунши пишет, что будто бы только «благодаря шахской милости» Дин Мухаммед и его брат Али Султан, или Олюм хан, «получили полную власть» в своих провинциях [177]). Опираясь на туркмен, в частности на проживавшее по Узбою племя адаклы-хызыр, которым было обещано в случае победы полное уравнение в правах с узбеками и тарханство (т. е. освобождение от податей), Дин Мухаммед с их помощью между прочим сумел в 1539 г. прогнать из Хорезма бухарцев, вторгшихся туда под начальством Убайдуллы хана [178]).

Ниса представляла собою в XVI веке сильную крепость, и из нее, как из опорного пункта, иногда начинались набеги на Персию, как это имело место, например, при Джелаль хане, сыне Дин Мухаммеда. С другой стороны и область Ниса представляла собой «лакомый кусок» для соседей, которые были непрочь поживиться за ее счет, в связи с чем состоялся налет на нее, организованный в 1561/2 г. правителем Герата, Казаком. Направленный сюда и на Абиверд с «большим войском» его брат Хусейн Куль бек, «опустошив те места и захватив много овец и имущества, вернулся по окончании набега в Герат», потеряв при этом однако до тысячи лошадей [179]).

Чираг-хана намогильного сооружения ал-Джалилы.

В восьмидесятых годах XVI века Дурун, Ниса, Багабад, Абиверд и Мерв были объединены в руках Нур-Мухаммеда (или Нурум хана), сына одной мервской куртизанки и якобы внука Дин Мухаммеда, хотя его ханское происхождение от чингизидов в свое время считалось сомнительным. Во всяком случае, узбекские владетели Хорезма не признавали его своим родственником. Он опирался в основном на узбеков-найманов и проживавших в округах Нисы и Багабада саинхановских туркмен, из которых и набирал себе войско. В 1589 году ему удалось разбить персов и избежать столкновения с бухарскими войсками Абдул Мумина, сына Абдулла хана, со стороны которого можно было опасаться захвата хорасанских земель. Два года спустя хорезмский хан Хаджи Мухаммед (или Хаджим) совершил поход на Нису, но вынужден был вернуться назад из-за вторжения в свои владения Абдулла хана. Однако, в 1592 г. он сумел захватить Дурун, Нису и Багабад, являвшиеся основными владениями Нур Мухаммеда. Тот, думая вернуть их себе с помощью войск Абдулла хана ценой уступки последнему Мерва, сильно просчитался, так как бухарский хан, ограничившись одним занятием этого города, отступил затем в Бухару в связи с появлением в Хорасане шахской армии и лишь пообещал на следующий год взять Нису и Дурун, чтобы передать их ему. В ответе Нур Мухаммеду Абдулла хан ссылался на свою неподготовленность к встрече с объединенными силами персов и хорезмских правителей, особенно принимая во внимание возможность того, что срок осады обоих пунктов может затянуться. Это лишний раз подчеркивает, что крепость Ниса в то время находилась в хорошем состоянии и считалась очень сильной. Разочарованный Нур Мухаммед, прослышавший о намерении Абдул Мумина захватить его в плен, предусмотрительно покинул ставку бухарского хана и направился в Абиверд.

В 1593 г. войска Абдул Мумина захватили все владения Нур Мухаммеда, вынужденного бежать к своему недавнему противнику Хаджи Мухаммеду в Хорезм, а оттуда вместе с ним, после завоевания страны Абдулла ханом в Персию. Правителем вошедших на некоторое время в состав бухарского государства Нисы и Абиверда в качестве наместника был назначен Суюнудж Мухаммед бий, известный под именем Суюнудж-туркмена.

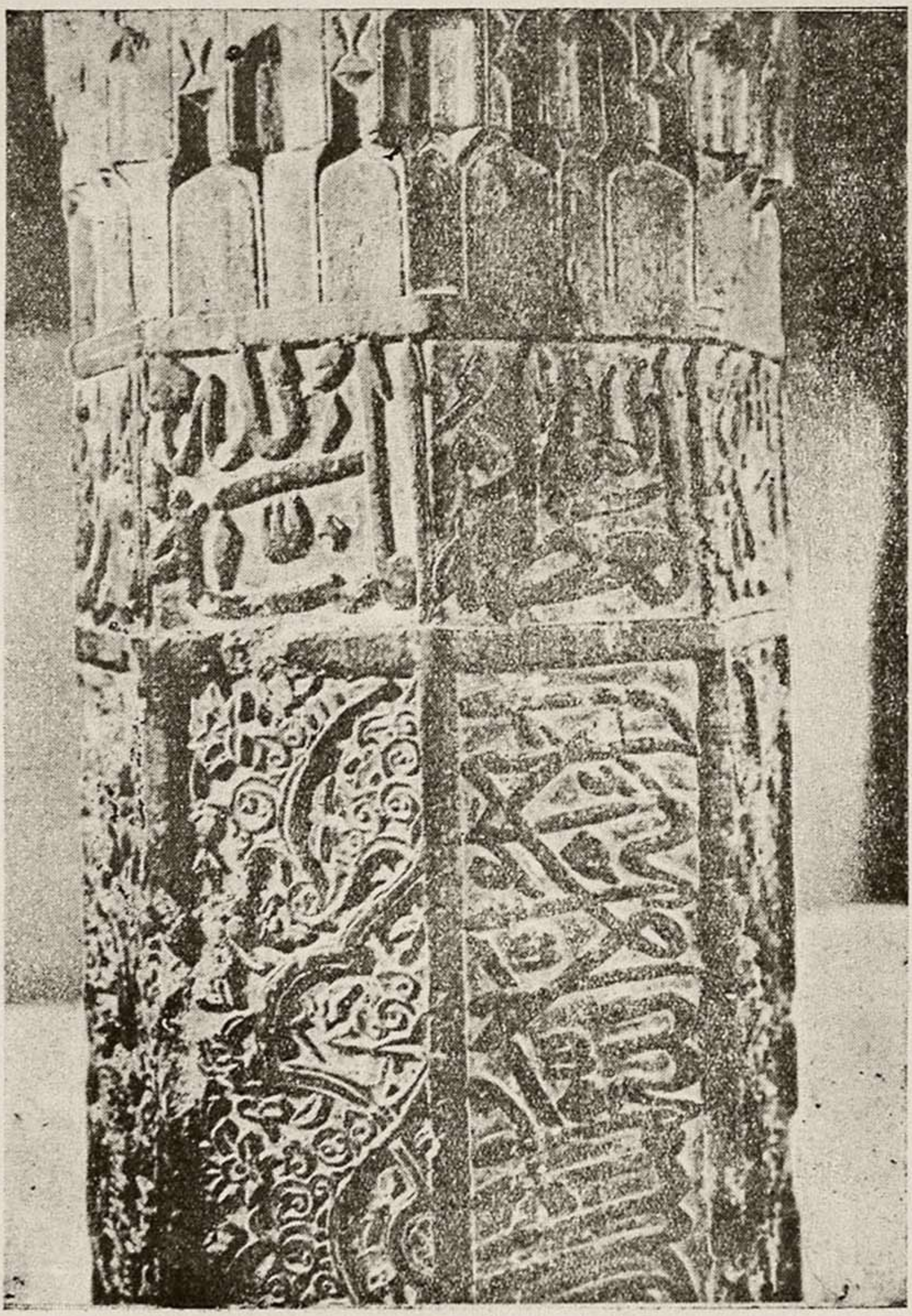
После смерти в конце 1597 года Абдулла хана[180]) шах Аббас двинулся следующей весной на Хорасан. Персы пленили правителя Багабада, юного племянника скончавшегося бухарского хана, Мухаммед Ибрагим султана, овладели областями Нисы, Абиверда, Мерва и передали несколько лет находившемуся при шахском дворе на положении изгнанника прежнему владетелю Нур Мухаммеду. Он, однако, вскоре им изменил, и в самом начале XVII столетия шах Аббас вынужден был двинуться против него на Хорасан. Покинув Мерв и Абиверд, Нур Мухаммед ринулся в Нису и Багабад, поскольку те, по мнению персидского историка, были хорошо укреплены. Шах осадил Абиверд, а астрабадскому правителю Хусейну-хану каджару велел овладеть Нисой. В войске Нур Мухаммеда под влиянием его неудач началось разложение. Около 5000 человек из числа джелаиров, али-эли и салихани, «которые имели свои юрты в области Нисы, Дуруна и Багабада и до этого служили ему в той самой Нисе, ушли от него и разбрелись по своим жилищам» [181]). На протяжении всей своей политической карьеры дву-

рушничавший Нур Мухаммед, в последнее время больше притеснявший узбеков, которые дали ему возможность стать ханом, покровительствовавший, по словам Абул-Гази, туркменам и «сартам» [182]), изменивший персидскому правительству, хотя именно ему он был обязан возвращением власти, теперь с позором бежал из Нисы и кончил жизнь жалким персидским пенсионером в Ширазе. Войска Хусейн хана овладели Нисой, которая с тех пор вместе с Багабадом и Абивердом перешла в управление персидского наместника Мулькаш-султана. Это произошло, повидимому, во второй половине 1601 года и не позднее начала 1602 г., с какового момента для Нисы наступает новый этап в ее истории [183]).

С тех пор «Таубуйя» долгое время принадлежала Персии. Дурун считался «первым шаховым городом» на дороге из Хорезма в Хорасан в 1614 г., когда через него проходило русское посольство к Аббасу в составе Михаила Тихонова и Алексея Бухарова. Несмотря на пышную встречу и угощение, тамошний правитель, титулованный «воеводой», не предоставил посольству просимых подвод, ссылаясь на их отсутствие в этом пункте, находящемся на далекой окраине персидского государства. По сравнению с Дуруном Ниса была, повидимому, более значительным и экономически более мощным городом, поскольку тамошний правитель — «боярин» Алей (Али хан) для встречи Тихонова и Бухарова отрядил 500 человек, т. е. в полтора раза больше, чем дурунский правитель и, дав погостить посольству с 20 по 25 июля, сумел предоставить ему двадцать одну подводу[184]). В Абиверде встречу посольству организовал тамошний правитель «воевода» Джемшид султан, приравнивавшийся по титулу к правителю Дуруна и, возможно, подчинявшийся старшему по рангу Али-хану, резидировавшему в Нисе.

Персидское правительство в первой половине XVII столетия было более или менее уверено в прочности сделанного завоевания этого района и в возможности обеспечить его защиту опорой на подчиненные кизил-башским эмирам гарнизоны крепости Багабада, Нисы и Дуруна, поскольку здесь не устраивались пограничные поселения курдов и тюрок-каджаров (кизил-башей), как это мы видим выполненным при шахе Аббасе в Мерве и по Атреку. Вместе с тем Ниса и Дурун являлись иногда плацдармом той политики, которую вело персидское правительство в отношении Хорезма. Так, после похода на Кандагар, шах Аббас, отпуская поздней осенью 1622 г. находившегося при его дворе узбекского царевича Исфендиара, рекомендовал ему начать свою деятельность по подготовке захвата Хорезмского престола с Нисы и Дуруна. Тот, действительно, отсюда проводил все подготовительные организационные мероприятия, вступая в сношения и с Ургенчем и с балханскими туркменами, на помощь которых имел основания рассчитывать, и наконец успешно завершил начатое дело, став ханом Хорезма в 1623 г.

Смерть Шаха Аббаса, последовавшая 27 января 1628 года, породила у Исфендиара надежду на возможность расширения границ своих владений за счет персидского государства, путем присоединения бывших владений Нур Мухаммед хана от Мерва до Дуруна. Осуществленное в результате этого вторжение хорезмских отрядов в Хорасан вызвало здесь большое смятение. В то время, как Исфендиар с главны-



Деталь чираг-ханы XV в.

ми силами направился на Мерв, кое-кто из знатных лиц Нисы и Дуруна вступил в сношения с командовавшим отдельным отрядом братом хивинского хана Абул-Гази, обещая ему сдать оба пункта. Комендант Дуруна, устрашенный наметившимся союзом дурунской аристократии с хорезмскими завоевателями, малодушно покинул свою крепость без сопротивления. Так же поступил молодой и неопытный правитель Нисы, Мухибб Али султан, сын Бекеш хана, устаджлю, получивший этот пост за заслуги своего отца. Захватив так легко оба эти города, Абул-Гази двинулся в Абиверд, но, не сумев его взять и прослышав о движении шахских войск, опустошил область и с награбленным скотом вернулся в Нису. Здесь он убедил городские власти защищать от персидских войск их крепость, которая, как писали тогда, «по свой неприступности и укреплениям известна повсюду», а сам перебрался в Дурун, где и получил извещение о тяжелом поражении, понесенном Исфендиар-ханом под Мервом. Отступая в Хорезм, Абул-Гази, кроме награбленной добычи, захватил с собой для переселения многих жителей Дуруна (включая и округ), но, будучи настигнут и разбит персидскими войсками в песках, в 25 фарсахах от Дуруна, вынужден был бросить все и бежать.

При создавшейся ситуации в Нисе наступило «большое разочарование в узбекских султанах». Большинство оставшихся в крепости узбеков, видя перелом в настроении и усиление влияния группы с персидской ориентацией, сочло за лучшее покинуть Нису. Прибывший глава персидского карательного отряда, назир Заман-бек, направил «значительным лицам и населению» Нисы соответствующее воззвание. Партия сторонников шаха казнила несколько человек по обвинению в подстрекательстве к мятежу и сдала крепость Заман-беку, принявшему меры к ее еще большему укреплению. В состав гарнизона вошли опытные стражи и хорошо знающие свое дело стрелки. По полученному от шаха Сефи приказу с бывшего правителя Нисы, Мухибб-Али султана и коменданта Дуруна за сдачу врагу городов без попытки оказать сопротивление, содрали живьем кожу, тела их повесили на воротах нисийской крепости, а вместо них назначили новых правителей. В назидание многие лица за верность шахскому правительству были пожалованы денежными вознаграждениями и поместьями, их же противники понесли различные наказания. Все это произошло в 1629 году[185]).

Время правления Абул-Гази хана хивинского (1645—1663 г.г.) было более или менее благополучным для Нисы и городов Таубуйя, в смысле резкого сокращения грабительских налетов на них со стороны его подданных. Но от них продолжали страдать проживавшие здесь туркмены племен али-эли, эмрели, теке и иомут. Вместе с тем, в середине XVII столетия калмыки «взяли верх над некоторыми туркменскими улусами», почему оказались в соседстве с персидской пограничной полосой, в частности у Нисы и Абиверда. Все это привело к тому, что при нашествии калмыков в 1656 г.[186]) одна часть из них, по наущению туркмен, двинулась в сторону Дуруна, но была неожиданно атакована дурунским правителем, Сефикули ханом, во главе воинов племени чемшкезек и, за исключением трех человек, полностью порублена шашками.

С конца XVII столетия в жизни Хорасана, как в Хорезме и Мавераннахре, начинает ощущаться политический, экономический и социальный кризис, окончательно разразившийся в XVIII столетии. В Персии в это время находился на престоле последний сефевид, ничтожный Султан Хусейн (1694—1722), совершенно подпавший под влияние духовенства. Страна испытывала всяческие бедствия, справиться с которыми центральное шахское правительство не могло. В Кандагаре восставшие в 1700 г. гильзаи наносили персам в течение нескольких лет поражение за поражением, а затем в соединении с другими афганскими племенами вторглись в самую Персию. Курды опустошали Хамадан; войска Маскатского имама — побережье Персидского залива; узбеки и туркмены — Хорасан.

В Хорезме, с пресечением в конце XVII столетия прежней династии узбекских ханов, вскоре наступает положение, когда страна оказывается разделенной на уделы между главарями отдельных родов, становящимися постепенно наследственными хакимами своих владений. Появление на престоле быстро меняющихся ханов, провозглашаемых и устраняемых временщиками-инаками по своему произволу, подрывает авторитет центральной власти. На престоле не могли удержаться даже такие энергичные лица, как правивший Хорезмом в начале XVII века туркмен Муса хан, считавшийся, как и предшествовавший ему брат Ниязхан, потомком Джучи, сына Чингиз-хана, и сумевший подчинить себе жителей крепостей и городов всей полосы Таубуйя от Мерва до Астрабада. Вместе с остальными пунктами, Ниса уплачивала ему ежегодно джазие, т. е. подушную подать, накладываемую обычно на немусульман и, во всяком случае, на неправоверных. Из этого следует заключить, что основную массу местного городского населения составляли тогда шииты, считавшиеся в сунитском Хорезме за иноверцев.

В таком же положении оказались иранцы и туркмены Нисы и в остальных областях к северу от Копет-Дага, также по Гюргену и Атреку в пору правления хорезмского хана Ширгази (1715—1727), когда на короткий срок наметилось было восстановление могущества Хорезма. Впрочем, набеги узбеков на Хорасан в эту пору не имели особых успехов, и Ширгази пытался даже установить с ним сколько-нибудь нормальные торговые отношения. Это оказалось невозможным из-за царившей тогда здесь анархии.

Захват Исфахана в 1722 г. главой коалиции афганских племен Махмудом и провозглашение его государем Ирана самим отрекшимся от престола сефевидским шахом Хусейном положили начало смутной поре владычества афганцев, приведшей Персию к полному разорению. В это время многие города Хорасана оказались захваченными разными враждовавшими между собой предводителями племен, воинских отрядов и даже шаек. К числу таких предводителей принадлежал и будущий завоеватель, уроженец Дерегеза, Надир из туркменского племени афшаров, центром которых был Абиверд. По образному выражению современного персидского историка, в эту пору относительно богатая «красавица Ниса... каждый день была в объятьях чьего-либо желания».

В борьбе со своим сильным соперником в Хорасане, захватив-

шим Мешхед меликом Махмудом сеистанским, Надир в первые годы своей политической карьеры несколько раз оперировал в области Нисы. Так, в наказание за измену афшаров племени кундузлю, он в течение трех месяцев осаждал их крепость Багваде, находившуюся в трех фарсахах от Нисы, как мне кажется, на месте современного Ашхабада. После взятия ее он казнил пять человек главарей, а остальных заставил расселиться по остальным крепостям.

Вторично в область Нисы Надира привело столкновение с проживавшими в пределах ее и Дуруна племенами али-эли, эмрели, теке и иомут, во главе которых стоял правитель Дуруна, Саид султан. Когда они захватили Нису, то достаточно было в ее пределах появиться Надиру с отрядом отборных всадников, чтобы Саид-султан поспешил к Багваде и оттуда явился с выражением раскаяния и покорности. Последняя, впрочем, была нарушена тотчас, как Надир потерпел поражение от Махмуда сеистанского, и те же туркмены в союзе с вновь изменившими афшарами даже безуспешно пытались занять Абиверд. Некоторое время спустя, чтобы наказать туркмен Нисы и Дуруна за заключенный против него союз с меликом Махмудом, Надир, пройдя форсированным маршем в один день 20 фарсахов (около 120 *км*; по другим данным —25 фарсахов), отделяющих Абиверд от Багабада (на месте развалин городища Анау), напал на своих врагов в Багабаде, подверг их избиению и грабежу, а затем, собрав жителей Нисы, рекомендовал им перейти на его сторону. Этого он, повидимому, добился, чему обязан был в основном своим дальнейшим блестящим успехом. Во всяком случае, когда зимой 1727/8 г. Надиру пришлось на пути из гор Балхан пропустить через Нису на Мешхед главный обоз своей армии, никаких эксцессов со стороны населения не упоминается, хотя сюда едва ли не дошла уже тогда молва о тяжелом поражении в Кярменхане, нанесенном курдами одному из его отрядов[187]). Вместе с тем, он старался оградить Нису от набегов хорезмских туркмен. Так, в наказание за причиненные ими грабежи и ущерб в окрестностях Нисы, в то время, когда они останавливались на жительство у Теджена, он двинулся в феврале 1731 года за ними вдогонку, разбил, имущество разграбил, мужчин перебил, женщин взял в плен, а жилища сжег. Уделяя немало внимания северо-восточным областям Хорасана, Надир летом 1731 г. (за год до свержения им же возведенного шаха Тахмаспа) лично объезжал Атек и, в том числе, Нису. В ней и в Дуруне им держались постоянные пограничные гарнизоны[188]).

Три года спустя после того, как Надир в 1736 г. сделался шахом Персии, пользуясь тем, что он находился в Индийском походе, хивинский хан Ильбарс с узбеками и туркменами совершил поход на Хорасан. Во время его хивинский отряд в три тысячи человек, направленный против Нисы, Дуруна и Абиверда, потерпел поражение под крепостью Кахлан между Абивердом и Нисой[189]).

В описании последующих событий правления Надир-шаха среди его военных частей часто упоминаются отряды из жителей Нисы, Дуруна и Абиверда, принимавшие участие в далеких военных операциях от Мавераннахра до Малой Азии и лестно характеризуемые эпитетом «храбрецы»[190]). Однако даже вхождение Хорасана в состав нового мо-

гущественного государства Надир-шаха только на время задержало процесс дальнейшего углубления кризиса.

События, последовавшие за убийством в 1747 г. Надир-шаха, характеризуют собой последующее развитие переживаемого страной кризиса XVIII века. Неудачная попытка Ганб хана (1747—1757) восстановить значение ханской власти в Хиве; создание самостоятельного афганского государства Ахмед-шаха (в 1747—1773 г. г.) из племени абдал; приход к власти в Персии предводителя зендов Керим-хана (1760—1779), ставшего векилем, т. е. поверенным при номинальном шахе Исламе III; сопровождавшийся чуть ли не миллионом жертв ужасающий разгром китайцами калмыцкого государства (1758 г.), которому был, между прочим, с XVII в. подчинен Мангышлак, — все это не прошло бесследно для Нисы. Объединивший после тридцати лет «смуты» почти все земли Персидского государства Керим хан не мог распространить свою власть на Хорасан, большая часть которого почти до самого конца XVIII столетия фактически была подчинена Афганистану. Номинально Хорасан считался владением внука Надир-шаха, Шахруха, но даже в Мешхеде чеканили монеты с именами афганских государей Ахмед-хана, а затем его сына Тимура (1773—1793). Только с 1796 г. Ага Мухаммед, основатель династии шахов каджаров, вступил в Хорасан, занял часть его территории, захватил и убил Шахруха и положил начало тому, что эта страна оказалась поделенной с тех пор между Афганистаном и Персией.

Наиболее характерным явлением рассматриваемой эпохи было усиление передвижений племен, отмечаемое по всей Средней Азии и нашедшее отражение между прочим в резком изменении за XVIII век топонимической номенклатуры, как показателя происшедших тогда, но нечетко и далеко не полностью запечатленных письменными источниками, этнических перегруппировок. Этим процессом, проходившим очень болезненно и сопровождавшимся разорением культурных земель, были захвачены и большие и малые народности. Движутся из Ферганы в Семиречье киргизы. Бросая насиженные места, узбеки и таджики долины Зерафшана устремляются на север и доходят до Ташкента и Ферганы. Самарканд и Шахрисябз остаются в течение нескольких лет совершенно без населения. Казахи попадают в Мавераннахр, вторгаются в Хиву, очень активно действуют на Мангышлаке, и в 1767 г. их хан Нурали заставляет тамошних туркмен признать власть сперва свою, а через несколько лет своего сына Пир-Али[191]). Массовый переход туркмен с Мангышлака в Хорезм в третьей четверти XVIII века имел и обратный отлив, так как страна, уже до того сильно поплатившаяся за сопротивление Надир-шаху (когда, между прочим, было уведено до 400 узбеков), теперь находилась в состоянии полного разорения. Большинство городов и селений пришло в запустение. Пашни покрылись зарослями чингиля и колючки. В Хорезме распространился страшный голод, во время которого ели не только «запрещенных» (харам) для мусульман кошек, собак и ослов, но наблюдались и случаи людоедства. Несчастные родители продавали детей в рабство. К этим бедствиям присоединились эпидемии холеры и чумы. Смертность достигала катастрофических размеров. Узбеки и сарты в значительной части бежали в Бухару и отча-

сти в Арал. Даже столица на некоторое время оказалась брошенной населением. Среди полуразрушенных зданий, занятых дикими зверями, появились поросли гребенщика-тамарикса и сорных трав. В Хиве оставалось, по одним сведениям, 40 бедных семейств, по другим— 15 дворов, а на пятничный намаз собиралось три-четыре человека[192]).

По народному преданию, наступательное движение теке со стороны Балхан на Ахал связывается с именем Кеймир Кера, якобы современника Надир-шаха, но намного пережившего его. До того западная часть Ахала до Дуруна была занята в основном туркменскими племенами имрели и карадашлы (потомками языров), а далее на юго-восток, около современных Янги-кала, Худмана, близ Геоктепе и Асхабада располагались главным образом али-эли[193]). Под давлением теке уже в конце XVIII века основная масса карадашлы перешла отсюда в Хиву.

К началу XIX столетия в Дуруне, Нисе и Абиверде продолжали еще оставаться али-эли и имрели, но значительная часть селений принадлежала текинцам. Им самим нелегко жилось в новых районах, покинутых старыми насельниками, и, в связи с нарушением нормального водопользования, места, обильные поверхностно текущими водами, начинали приходить в запущенное состояние заболачивания[194]). Особенно текинцы страдали от грабительских иомутских налетов из Хивы, некоторые из которых, как например осенью 1804 г., были очень чувствительными и в смысле людских потерь и по размерам захваченной у них добычи. Чаще, однако, такого рода набеги совершались туркменами совместно с хивинцами против Персии. Они вызывали со стороны последней попытки карательных экспедиций, порой довольно значительных, как это было, между прочим, в 1809 г., когда в отместку за нападение тедженских туркмен «на места, по которым проходили мусульмане», правитель Хорасана шах-заде Мухаммед Вали мирза организовал в июле месяце крупный поход. Он захватил с собою хорасанских эмиров, «подверг грабежу и расхищению» все земли от Теджена до Нисы, перебил массу туркмен и увел до 100.000 баранов[195]).

В 1817 г. на Хорасан было организовано одновременное нападение войск афганского эмира и хивинского хана, причем некоторые ханы мелких владений, из которых состоял тогда Хорасан, примкнули к союзникам, а часть заняла выжидательную позицию. После ликвидации этого вторжения командующий персидскими войсками шах-заде Хасан Али мирза повез в своей свите на поклон к шаху многих местных ханов, вождей, старейшин и правителей городов. В их числе приводятся также знатные лица племени имрели и али-эли Дуруна и Нисы, но не упоминаются совершенно теке, ставшие уже фактическими хозяевами в этих районах, так как большинство имрели уже перешло в Меана и Чача, а али-эли стали перебираться частью в Персию и Чинаран, частью в Казир (около Нухура).

Примерно около этого же времени теке заняли город Нису, не входивший уже тогда в состав персидского государства и управлявшийся «мятежным» туркменским владетелем, признававшим некоторую свою зависимость от правителя города Абиверда. В письменных ис-

точниках об этом пока не встречено никаких известий. В опубликованном по этому поводу показании мусульмански образованного текинца Муллы Дурды из Кешей, данному им в 1914 г., в качестве даты события указан 1131 г. х. или 1719/20 г., каковой с тех пор вошел в обиход ашхабадских краеведов, считавших на этом основании, что жизнь на городище Новая Ниса прекратилась в начале XVIII века[196]). Между тем, это, равно как и сообщение Муллы Дурды, будто теке пришли в Нису из Чарджуя, находится в противоречии с историческими указаниями, данными археологических наблюдений на Новой Нисе и с собранными по линии ЮТАКЭ опросными сведениями у стариков-багирцев. По мнению местных текинцев, Ниса была занята их предками никак не более ста-ста двадцати лет тому назад. Опрошенный нами проживающий в Багире курд Мулла Ажнур 82-х лет, попавший в пределы Ахала вскоре же после геок-тепинского дела, сообщил, что ему было 12 лет, когда в возрасте 110 лет умер его дядя, побывавший в Персии при шахе Насреддине (1848—1896 г.). Там дядя встретил одного перса, который, узнав, что он из Ахала, расспрашивал его, цел еще или разрушен Нусай. На этом основании Ажнур, не знающий точной даты захвата Нисы текинцами, делал весьма логичный вывод, что он произошел сравнительно недавно, раз его дядя мог встретиться с жителем Нисы, видевшим ее во второй половине XVIII в. еще обитаемой и в целом виде.

Очень интересные детали о последних днях жизни города Нисы сохранились в преданиях, собранных при работах ЮТАКЭ 1946 года при посредстве Д. М. Овезова у старика-текинца, жителя аула Багир, Чапик Мергеня, который считает себе 90 лет, поскольку он был участником обороны Геок-Тепе (1881 г.) в возрасте двадцати с небольшим лет. По его словам, Нисой в последние годы существования города управлял полунезависимый владетель Джафар-хан. Сидя за крепкими стенами неприступной крепости, он жил в свое удовольствие, предаваясь разным излишествам. Вымогая из жителей чрезмерные налоги и требуя к себе постоянно всех сколь-нибудь привлекательных женщин, жестокий хан возбудил против себя всех жителей Нисы. Особенно возмутило их происшествие, когда правитель позволил себе ударить в живот одну беременную женщину. Чаша их терпения переполнилась, и проживавшие в Нисе в числе подданных Джафар-хана сунниты-махтумы обратились за помощью к державшимся еще в песках теке. Те быстро откликнулись, небольшим отрядом появились под самыми воротами крепости, затеяли перепалку и притворно бежали в пески. За ними вдогонку, используя легкий успех, выехал сам Джафар-хан с сыном и с придворными воинами, не знавшими в своей сытой жизни боя и развратившимися от безделья. Мнимые беглецы заманили их в засаду в одном дне пути от Нисы и всех перебили. На месте сражения теперь имеются два бугра, под которыми считаются похороненными последний хан Нисы и его наследник. Урочище это называется до сих пор Джафар-бейги (возвышенность Джафара).

Покончив с ханом и его войсками, текинцы возвратились к Нисе, но ворваться туда не смогли, так как запертые ворота, сделанные из толстых, распиленных пополам деревьев, оказались очень крепкими. Жители просили три дня срока, после какового обещали добровольно открыть

крепость, что действительно и выполнили. Ниса сделалась добычей ее освободителей от Джафар-хана.

Завоеватели не сумели обеспечить дальнейшее существование города, который быстро оказался покинутым жителями. Одни из них ушли в Иран. Махтумы разошлись по Ахалу: часть поселилась в Махтумкала близ Ашхабада, а другая перебралась в Анау, куда увезены были и замечательные крепостные ворота, состоявшие из двух полотнищ. Опустели и окрестности Нисы, причем в разных местах появились заросли камыша и их обитатели—кабаны. Последние больше встречались в районе давно заброшенного городища Старая Ниса.

С двадцатых годов XIX века Ниса не упоминается в качестве объекта при постоянно продолжавшихся набегах из Хивы на Хорасан. По данным русской современной литературы, город Ниса в это время находился в развалинах. Тоже подтверждается в составленном в 1831/2 г. персидском географо-библиографическом лексиконе, автор которого Хаджи Зейн-ал-Абдин Ш и р в а н и, путешествовавший по разным странам, в том числе и по северному Хорасану, пишет о Нисе, как находящейся в руках туркмен и лежащей в развалинах[197]).

От Нисы последних рассмотренных эпох дошли до нас величественные даже в руинах остатки ее мощных крепостных стен со следами бесчисленных разновременных надстроек, ремонтов и заделок брешей на отдельных участках то пахсой, то комьями земли, то кирпичом, то камнями, свидетельствующих о беспокойной жизни города на протяжении XVI—XVIII столетий. Об этом говорят также найденные в большом количестве в верхних культурных слоях раскопов и прямо на поверхности каменные ядра разных размеров как камнеметной, так и порохострельной артиллерии. От ворот, на которых ради устрашения когда-то подолгу висели труппы не одних комендантов Нисы и Дуруна, но и многих других оставшихся безвестными лиц, уцелели основания устоев внутреннего квадратного помещения, сложенные из жженого кирпича, да гигантский жерновоподобный камень, с отверстием в котором, вращалась пятка огромных деревянных полотнищ. Вдоль внешнего периметра городища легко прослеживаются оплывы почти сорока башен-бурджей. Прежде число их вероятно доходило до полусотни, не считая тех, что были расположены на внутренней стене калы.

На огромной площади нарушенные и разнесенные на удобрение верхние культурные слои городища новой Нисы в 1946 году кое-где дали керамику XVI века, среди которой особенно хороша посуда первой половины этого столетия, подражающая по манере и мотивам росписи китайским фарфорам типа «кобальт». Экспедиции удалось собрать также коллекцию облицовочных изразцовых кирпичиков преимущественно голубой поливы, с типичными для XVII в. парными выемками на длинных боковых сторонах. Находки этих изразцов являются показателями возведения в Нисе в XVII столетии архитектурных сооружений с изразцовыми декорациями. На территории так называемого «тимуридского квартала» в южной части Новой Нисы над слоями XV—XVI веков установлены многочисленные остатки более поздних построек со стремлением к известному архитектурному их оформлению (алебастровые тяги, сталактиты, роспись). При регистрации нумизма-

тических объектов среди украшений багирских женщин и просто на руках у населения выяснилось, что находки на Новой Нисе монет, чеканенных с именем шаха Аббаса (1587—1628) не представляют особой редкости[198]). Но сколько-нибудь цельного комплекса предметов, относящихся к последней поре существования Нисы, в 1946 году пока еще получить не удалось. Тем не менее, на основании имеющихся материалов можно отметить, что во второй половине XVI— первой половине XVII вв. встречается еще довольно высокохудожественная керамическая посуда, (например, с надглазурной росписью красным ангобом). Для более же позднего времени характерно резкое огрубление техники и материала керамики: полива становится грубой, черепок массивен, цвета грязны, орнаментация почти исчезает.

Прекрасные земли опустевшей Нисы не могли не привлечь к себе внимания текинцев, окончательно вытеснивших из района имрели и али-эли. Здесь появились выходцы из Алтыяба и Дашаяка, которые расположились на площади восточной части окраины былого пригорода, положив тем самым начало селению Багир примерно, повидимому, в конце первой половины XIX века. Позднее, при его дальнейшем росте, территория первоначального поселения получила название Нижнего Багира (или Ашаки Багир), в отличие от западной и выше по течению воды расположенной площади новоселов, именуемой теперь Верхним Багиром, а прежде Юкаркы Дашкала. Писаной истории селения нет, и все приведенные здесь сведения собраны были автором совместно с Д. М. Овезовым опросным путем у стариков-багирцев.

О происхождении самого названия у местных жителей нет единого мнения. Большинство считает, что Багир — собственное имя хана неизвестной национальности, который был, по одному варианту, правителем, по другому — основателем поселения. Старики утверждали, что раньше даже существовал в местной топонимике термин Багир-кала. Высказывается также предположение, что этимологически слово «Багир» есть искажение в местном произношении персидского «бадж-гирд», служащего для обозначения урочищ с просачивающейся на поверхность подпочвенной водой (от «бадж» — «просачивание воды»).

Приходившие на поселение устраивались на житье в сооружавшихся ими кала, т. е. обнесенных толстой глинобитной стеной прямоугольных в плане укрепленных усадьбах, с одними воротами и обычно со снабженными бойницами башнями-бурджами по углам. В каждой кале жило по нескольку семей, причем главным считался чаще старший по возрасту, а в некоторых случаях хозяин-строитель калы. На полях, расположенных вдали от калы, устраивали динги, которые представляли собою здесь круглые в плане, сложенные из пахсы двухъярусные башни, с небольшим входным отверстием внизу. В них прятались при неожиданном появлении врагов, заваливая изнутри входной пролаз камнями и землей[199]). Распределение по кала в известной мере соответствовало размещению населения по кварталам-махалля средневековых городов[200]).

В Багире селились теке, преимущественно из группы бекаур, а именно: шаили, хан. келеу, чалширган, узюнлар. Значительно меньшую часть составляли люди группы чаргана из числа талапли, кузи, кулокчи и каракчи. Старшиной в самом начале единогласно признавал-

ся Аннахаль из рода талапли, который, однако, не считался ханом, не собирал налогов и не судил. При надобности судейского решения обращались к казию, проживавшему в местечке Миршельтек, в 12 *км* к северо-западу от Багира. Сыновья Аннахаля именовались уже ханами, причем один из них, Пулат хан, с чьим именем связана Кизылча кала в Нижнем Багире, был убит в 1881 году в Геок-Тепе.

Осевшие в Багире туркмены на первых порах отчасти потеряли свою независимость, так как иранские пограничные власти, подчиненные правителям Кучана, собирали с них налог, обычно в виде лошадей [201]). Кроме того, солдаты стоявшего в Фирюзе гарнизона систематически совершали на селение грабительские налеты, сопровождавшиеся нередко обидным для теке глумлением. Так, угоняя отобранных коров, захватчики кричали, чтобы к их набегу на будущий год скорее бы выращивали телят. С годами, однако, своеволия фирюзинцев становились все реже, так как число жителей Багира увеличилось, а главное у них появилось мало-помалу достаточное количество огнестрельного оружия,

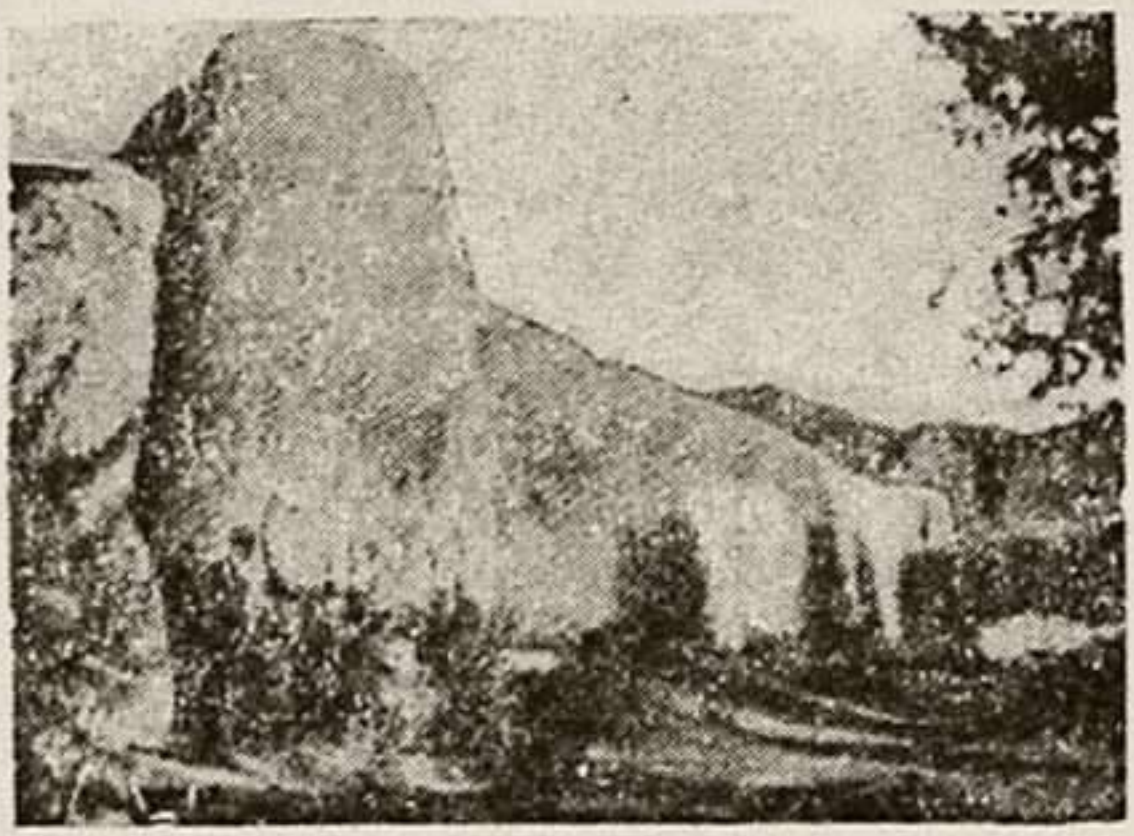


Рис. 45. Туг-кала.

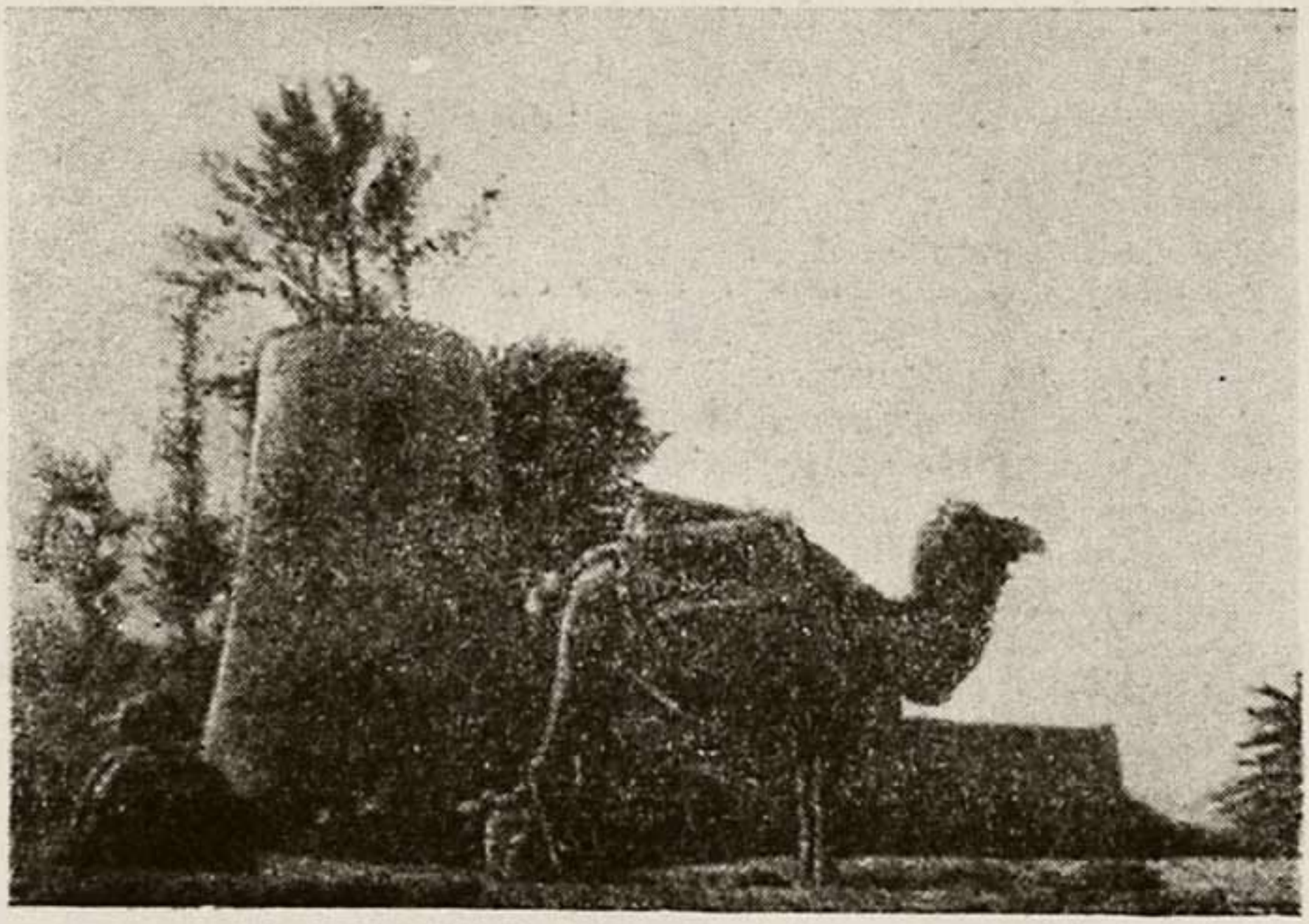


Рис. 46. Куль-Мергень кала.

обращению с которым была обучена вся багирская молодежь. Незадолго до вторжения в Туркмению русских войск Багир настолько окреп. что перестал платить правителям Фирюзы какие бы то ни было налоги и сделался совершенно самостоятельным.

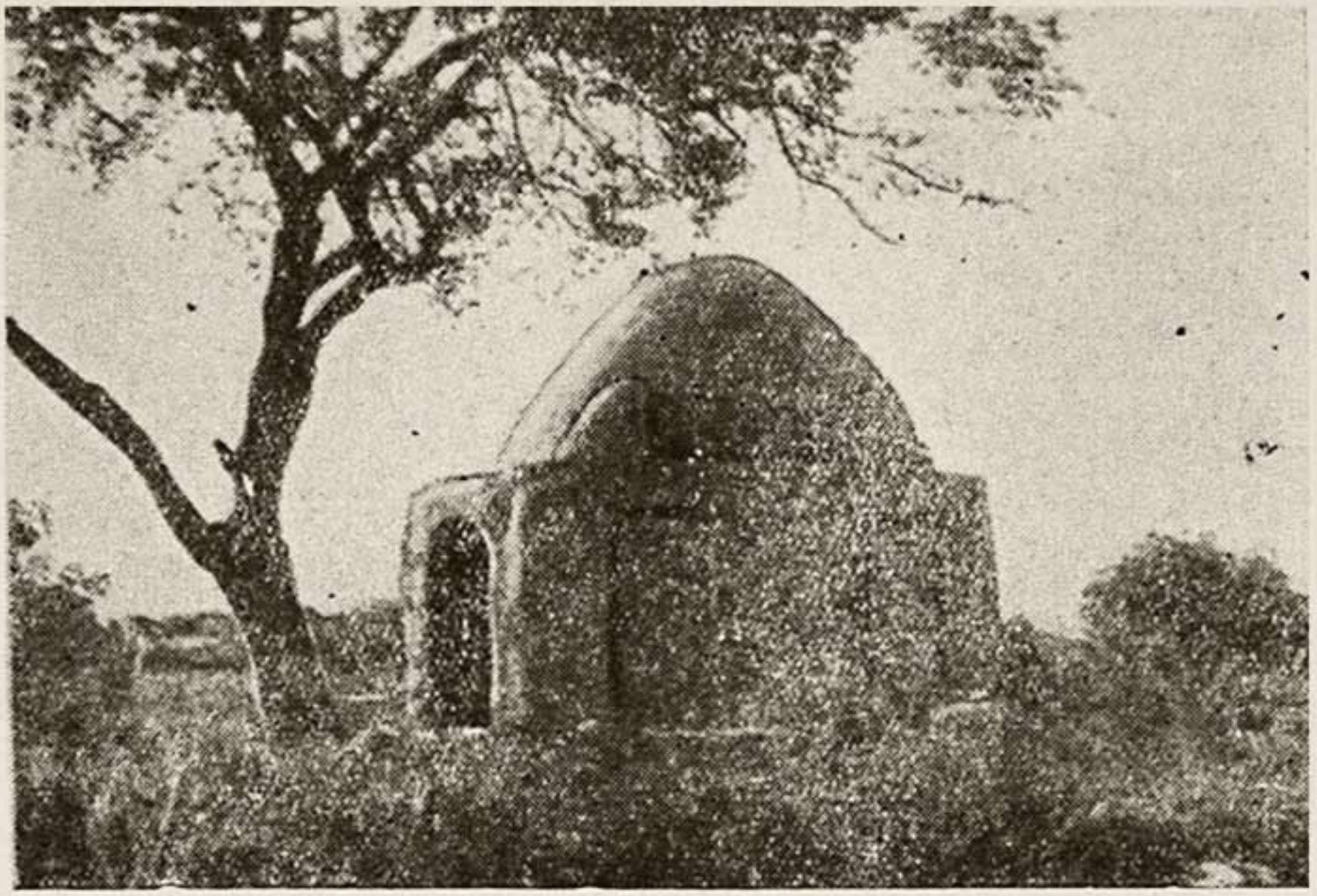


Рис. 47. Мазар Баба-джан.

В селении была одна действующая мечеть. Что касается Намазгоха, то старинное здание тамошней мечети оставалось стоять разрушенным. При праздновании курбана туда никто не ходил. Ее посещали только эпизодически в случае какого-нибудь бедствия, например, при засухе. Тогда в назначенный день (обычно в среду или в пятницу) на могиле Ших Алю резали барана, отправлялись затем на Намазгох, приготовляли там пищу «худай йоли» и после совершения моления раздавали ее бедным.

Новая Ниса не заселялась. В ней не было ни строений, ни деревьев. Зато на поверхности имелось много развалин разных строений, в том числе сделанная из жженого кирпича баня близ источника у подножья древней скалы. Жженый кирпич был в изобилии в Кизлар бурче, где, по преданию, жила некогда дочь Багир-хана с ее придворными девушками. Если приходилось брать кирпич, то при этом иногда встречались разные старинные вещи, даже золотые. Один курд в Персии якобы кому-то как-то сказал, что в 20—30 шагах от крепостных ворот зарыт богатый клад, но его так и не нашли.

* * *

В 1880—1881 годах немало багирских храбрецов принимало участие в обороне Геок-Тепе. После 1881 года Багир вошел в состав Асхабадского уезда на положении аула, в котором насчитывалось немного более трехсот человек взрослых мужчин и женщин [202]).

Такова в общих чертах схема исторического развития Нисы, как она рисуется в результате первого года полевых работ ЮТАКЭ.

В свое время В. В. Бартольд справедливо констатировал, что написать историю какого-нибудь другого среднеазиатского города, кроме Мерва, Бухары и Самарканда, невозможно за отсутствием достаточного количества нужных материалов в письменных источниках[203]). Положение с последними остается в данный момент таким же, каким его характеризовал упомянутый русский историк-ориенталист. В отношении Нисы оно усугубляется еще тем, что помимо полного отсутствия каких бы то ни было сведений о городе за много столетий, как это отмечалось уже выше, те упоминания его, которые встречаются в исторических сочинениях, обычно случайны, попутны, отрывочны и не заключают в себе ни сколько-нибудь содержательных хотя бы внешних описаний, ни сообщений существенных для историка данных документального порядка об экономике, социальных отношениях, классовой борьбе и т. д. В подавляющем большинстве случаев это лишь краткие упоминания самого названия пункта в связи с тем или иным военным событием: походом, набегом, сражением. Археологическое исследование в известной мере помогает восполнить некоторые лакуны. В этом отношении вполне оправдало себя осуществленное ЮТАКЭ в 1946 году комплексное изучение городищ Нисы тремя отрядами экспедиции, с определенным охватом за все эпохи и всех категорий памятников материальной культуры прошлого на их территории, с привлечением к их научному освоению историков-археологов, ориенталистов, историков культуры, искусствоведов и с использованием в качестве консультантов представителей геологических и биологических дисциплин. Только благодаря этому за короткий сравнительно срок удалось провести массовый сбор новых археологических наблюдений и вещевых материалов. С их помощью явилась возможность как-то насытить некоторыми конкретными историческими данными отдельные эпохи, восстановить, хотя и не полно, прошлое Нисы за двадцать с лишним столетий ее существования, преимущественно (из-за специфичности самого основного археологического источника) в аспекте историко-топографическом и отчасти историко-культурном, а, вместе с тем, наметить предварительную схему периодизации в историческом развитии этого города с установлением целых новых, до сих пор неизвестных этапов в его былом бытии и с уточнением ранее известных исторических моментов.

Разумеется, это результаты только первой стадии работ ЮТАКЭ, четко выяснившей при этом подлинную содержательность культурных наслоений Нисы, особенно для познания парфянского времени, на долю какового в городище Новая Ниса приходятся хотя и нелегко доступные, но зато многометровые толщи. Уже разработанная по Нисе периодизация, которая будет в дальнейшем корректироваться и уточняться, не только облегчает изучение прошлого Ашхабадского района в целом, но поможет также в широком археологическом обследовании всего Южного Туркменистана, предусмотренного пятилетним планом работ ЮТАКЭ. Несомненно также, что выявленная уже канва периодизации прошлого Нисы вместе с тем отражает как-то и весь общий ход исторического развития Хорасана.

Есть все основания думать, что Ниса явилась, кроме того, неплохой

школой для коллектива научных сотрудников ЮТАКЭ при ознакомлении с очень специфической археологией Южного Туркменистана, и что работы ЮТАКЭ положили начало внедрению новых традиций и приемов методики крупных археологических исследований на территории Туркменской ССР во славу Советской исторической науки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. У А. А. Семенова приведено ошибочное наименование Нуса. См. его Мусульманский мистик и искатель бога. Ашхабад, 1905, стр. 15, прим. 25.

2. Сам'ани. Китаб ал ансаб. Материалы по истории туркмен и Туркмении (в дальнейшем — МИТТ). М.-Л. 1939, т. I, стр. 342; Jacut, IV, 776. Данные Якута о Нисе пропущены в упомянутых МИТТ.

3. Арриан, Анабасис Александра, V, I и V, 2. Рационалистически настроенный Арриан отмечает по этому поводу, что не может разобраться, что был это за Дионис, основатель Индийской Нисы, когда и зачем он воевал с индусами.

4. Геродот, II, 146 и III, 97. См. также комментарий Ф. Г. Мищенко к его переводу Геродота, стр. 522.

5. Многие из этих пунктов были более или менее локализованы уже в конце прошлого столетия. См. U. Kiepert, Atlas antiques, 1892. Возможно, что название сербского города Ниш также восходит к древнему наименованию «Ниса».

6. Jacut, IV, 778. Якут приводит огласовку Наса, указывая для первого гласного звука фатху, причем эта книжная форма арабской передачи названия вошла в европейскую научную литературу (см. статью Минорского, Nasa. Enzyklopaedie des Islam, III, 1934, 904). В русской литературе это наименование чаще употребляется в форме Неса. Как показал проделанный нами анализ данного термина, правильнее писать Нися, каковая транскрипция подтверждается также нумизматическими объектами, где при указании в легенде места чекана Нисы первая гласная обозначена двумя подстрочными точками именно как «яй». Возможно, что с этим термином связано название двух средневековых ферганских областей: Верхняя Нисья (Сох, Риштан, Хоканд и др.) и Нижняя Нисья (Маргелан, Андукан и др.)

7. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией т. II. СПб. 1892, стр. 280 и след. (о посольстве Михаила Тихонова и Алексея Бухарова). Кроме того, Н. И. Веселовский. Передовые калмыки на пути к Волге. ЗВО, том III, в. IV. СПб. 1889, стр. 366 (Показанье казанцев Прокофия Враскова и Богдана Износкова о лучшем пути для русского посольства 1613 г.)

8. А. З. Розенфельд любезно указала мне два кишлака Нусай: в сельсовете Гандара Бальджуанского района и в сельсовете Сангвар одноименного района. Это же название, передаваемое, как Несай, присвоено группе ледников Дарваза на северном склоне Мазарского хребта в бассейне Арзынга.

9. Развалины города Ниса указывают, между прочим, в 30 км. к югу от советской границы, где несколько лет назад туркмены нашли, как любезно сообщил нам В. И. Рожков, несколько монет и небольшое изображенье зайца из золота, величиною со спичечную коробочку.

10. К. Риттер. Азия, 44. Его же «Землеведение», V, 449, VII, 279; в переводе Н. В. Ханыкова, стр. 65 и сл.

11. Claudii Ptolemaei, Geographiae libri octo, ed. F. G. Wilberg-Essendiae, 1838—1845; перевод данных о Маргиане С. А. Вязигина см. Известия Туркменского филиала Академии Наук СССР, 1946, № 1, стр. 9.

12. Н. В. Ханыков. Иран К. Риттера. СПб. 1874, стр. 460, примечание.

13. Последние по времени появления такого рода домыслы содержатся в комментарии к хрестоматии «Древние авторы о Средней Азии», под редакцией Л. В. Баженова. Ташкент, 1940, стр. 146, прим. 6.

14. И. Г. Дройзен. История эллинизма, том III (перевод) М. 1893, стр. 347.

15. А. П. Чайковский. Родина народов арийской расы. М. 1914, стр. 111, прим. 2, начинающееся на стр. 110.

16. См., например, В. О. Винтт. Лошади древнего Востока. Сборник ВНИИК «Конские породы Средней Азии». М. 1937, стр. 18.

17. Исходя только из названия, родиной американской, южно-мексиканской кукурузы, именуемой на мусульманском востоке «Меккской джугарой» — Макка-джавари, а в Европе—«турецкое зерно», «турецкая пшеница», можно было бы признавать Мекку или Турцию.

18. Геродот, VII, 40.

19. Страбон, XI, 13, 7.

20. Б. А. Тураев. История Древнего Востока, т. II. Л. 1935, стр. 127. E. Herzfeld, Iran in the Ancient East. London — New-York, 1941, стр. 205—206.

21. K. Abicht. Arrian's Anabasis. Lpz. 1871, s. 182.

22. E. Bretschneider. Notices of the Mediaeval Geography and History of Central and Western Asia. London, 1876, p. 197—198.

23. А. (Д.) Калмыков. Сагсабад. ЗВО, т. XVII, вып. IV. СПб. 1907, стр. 0173—0174.

24. J. Marquart. Untersuchungen zur Geschichte Eran. Heft II, Lpz., 1905, s. 160.

25. E. Herzfeld. Avesticshe. Topographie. Archaeologische Mitteilungenaus Iran, B. III, H. 2, 1930, June. Berlin, 1930, s. 77.

26. В. В. Бартольд в свое время не мог отдать предпочтение какой-либо одной из двух гипотез Маркварта и Калмыкова о местонахождении мидийской Нисайи. См. В. В. Бартольд, по поводу статьи А. Д. Калмыкова. ЗВО, т. XVII, в. IV, стр. 0174—0176.

27. Арриан, VII, 13. Ср. Страбон, XI, 13, 7. Последний говорит, что там паслось царское стадо в 50.000 кобыл.

28. В. П. Колосовский. Лошади Туркестана. Ташкент, 1910, стр. 8, стр. 10.

29. Страбон, XI, 14, 9.

30. И. Г. Дройзен, цит. соч., т. III, стр. 347.

31. Страбон, XI, 7, 2; 7, 3; 8, 3.

32. W. Rieddeway. The Origin and Influence of the Thoroughbored Horse, 1905, p. 190.

33. G. M. Unvala. Observations on the Religion of the Parthians. Bombay. 1925, p. 17.

34. Н. И. Веселовский, цит. соч., стр. 366 «И тою дорогою ехати мочно и безстрашно, только беречись надо на станех одних облавников колматцких людей».

35. Памятники дипломатических и торговых сношений... цит. соч. Ср. В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб. (1914), стр. 44.

36. D'Herbelot. Bibliotheque Orientale ou Dictionnaire Universel. Maestricht, 1776, p. 665. Сведения автора отчасти не утратили своего значения и до сих пор, так как они почерпнуты из восточных рукописей французской королевской библиотеки, многие из которых остаются неизданными до настоящего времени.

37. Diderot et d'Alambert. Encyclopedie ou dictionnaire raisonnée des scienses, des arts et des metiers. T. XXII. Berne — Lausanne, 1780, p. 365. В специальной европейской научной литературе первой четверти XIX века бытовали путанные представления о Нисе, при чем, базируясь на почерпнутом из античного источника указании, что через Нисай протекала река Ох, и принимая последнюю за Аму-Дарью, полагали, что город Ниса лежал на одном из ее берегов. См. Г. Друвильд. Путешествие в Персию в 1812 и 1813 годах, ч. II, М. 1826, стр. 19.

38. Уменьшением с нее является карта, приложенная к описанию путешествия А. Борнса в Бухару в 1831—1833 г. г.

39. Extracts from a Diary of a Tour in Khorassan... by captin G. C. Napier. Journal; of the r. Geographical Socity, v. XLVI, 1876, Journay on the Turcoman Frontier of Persia. Proceeding of the Royal Geographcal Society, V. XX, 1876.

40. См., например, карту юго-западной части, Закаспийского края и северо-восточной части Персии (в масштабе 50 в. в дюйме), приложенную к работам И. Г. Петрусевича в Записках Кавказского отдела РГО, кн. XI, в. 1. Тифлис, 1880.

41. Hammer. Fundgruben des Orient. Bd. III, s. 319, 327. Основанием для вывода послужило упоминание в Нисе Исидором Харакским «царских гробниц», которые естественнее всего казалось видеть в столице.

42. D'Anville. Arrian. Exped. Al. III,23,II,25,I.

43. Mannert. Geographie der Griechen und Romer, V, 2, s. 108.

44. J. M. Kinnir. A. Geographical Memoir of the Persian Empire. London, 1813, p, 1746. Русское анонимное сочинение «Подробное описание Персии и государств

Кабула, Сеидстана, Синда, Бальха, Белудшистана, земли Хорассана, также Грузии и персидских провинций, присоединенных к России», ч. 1, М. 1829, стр. 71. Данные установлены разысканиями Б. А. Литвинского в ленинградских книгохранилищах.

45. И. Ф. Бларамберг. Статистическое обозрение Персии. ЗРГО, кн. VII. СПб. 1853. стр. 318. (На это предложение первым обратил внимание Б. А. Литвинский.)

46. См., например, И. Г. Петрусевич. Юго-восточное прибрежие Каспийского моря и дороги от него в Мерв. ЗКОРГО, кн. XI, в. 1. Тифлис, 1850, стр. 198. Автор писал, что развалины древнего города Нисы лежат на месте Ашхабада или неподалеку от него.

47. См. выступленье H. Rawlinson'a 24 января 1876 г. в Королевском Географическом обществе по докладу о поездке Napier'a в Хорасан. Proceedings... цит. соч., p. 179. В ряде других работ Г. Раулинсон отмечает город Нисайю на месте Нишапура; например, на карте, приложенной ко второму тому History of Herodotus. London, 1880 и в др.

48. К. Риттер. Иран. цит. соч., стр. 460, примечание Н. В. Ханыкова.

49. A. Forbiger. Handbuch der alten Geographie aus den Quellen bearbeitet. Bd. II. Hamburg, 1877, s. 586. H. Howorth. The Eastern Capital of Seleucidae Num. Cron., 1888, p. 293—299.

50. А. К. Марков. Неизданные арсакидские монеты. ЗВО, т. VI. СПб. 1892, стр.. 276; отд. от. стр. 12.

51. G. le Strange. The Lands of the Eastern Caliphate, Cambridge, 1905, p. 394, 2.

52. F. D. Paruck. Sasanian Coins. Bombay. 1924. Историческая карта в части отображения Средней Азии вообще исключительно порочна. Так, Абиверд показан в горах у истоков Атрека; Согдиана—на левом берегу Аму-Дарьи западнее Хорезма и Каракумов; Мараканда—на правом берегу Зерафшана; Александрия Эсхата, приблизительно в 30 английских милях южнее берега Сыр-Дарьи и т. д.

53. См. Туркестанские ведомости, 1882, 3 августа, № 30 в разделе «Известия и заметки».

54. Ср., напр. С. А. Ершов, Археология в ТССР за 20 лет. Известия Туркменского филиала Академии Наук СССР. Ашхабад, 1944, № 2—3, стр. 31.

55. Закаспийская область в археологическом отношении. (Из доклада А. В. Комарова). Новости и биржевая газета, 1888, 2 марта, № 62. Перепечатка в газете Туркестанские ведомости, 1888, № 24.

56. См., например, Э. Ухтомский. От Калмыцкой степи до Бухары. СПб. 1891, стр. 74—76. Посещение им Нисы относится к 1889 году.

57. См., например, От Парижа до пределов Индии. Закаспийская железная дорога, русские среднеазиатские владенья и краткий очерк Индии. М. 1890, стр. 335.

58. Отчет Археологической комиссии за 1896 год. СПб. 1898, стр. 105.

59. Д. И. Эварницкий. Путеводитель по Средней Азии от Баку до Ташкента в археологическом и историческом отношениях. Ташкент, 1893.

60. У А. А. Семенова ошибочно сказано, будто бы Закаспийский кружок любителей археологии был заложен заботами и интересом генерала А. А. Боголюбова, причем, год спустя после его ухода в 1903 году был утвержден устав этого общества. См. его Библиографическую заметку, Туркестанские ведомости, 1916, 31 марта № 52. У Б. Н. Литвинова приведено, будто кружок основан по инициативе генерала Д. И. Субботича. См. Б. Л. Нечто археологическое, Туркестанские ведомости, 1912, 22 июля, № 164. В действительности Боголюбов, покинувший навсегда Ашхабад в апреле 1900 года, никакого отношения к возникновению кружка не имел, а генерал Д. И. Субботич только поддерживал инициативу местных энтузиастов. С. А. Ершов ошибочно считал датой учреждения этого общества 1911 год. См. Туркменоведение, 1931, № 1—2, стр. 77.

61. О том, что подразумевается под монетами «Даки Юнуси» см. М. Е. Массон. Монетные находки в Средней Азии, 1917—1927 г.г. Известия Средазкомстариса в. III, 1928, стр. 282.

62. И. И. Гейер. Путеводитель по Туркестану. Ташкент, 1901, стр. 97; Его же. Туркестан. Ташкент. 1909, стр. 174; Его же. Весь Русский Туркестан, 1909, стр. 181.

63. Иллюстрированный путеводитель по Средне-Азиатской железной дороге Ташкент 1909, стр. 181.

64. Ср. например, его На границах Средней Азии, кн. I. Персидская граница СПб. 1909, где при описании окрестностей Ашхабада говорится только об Анау.

65. В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб. 1903, стр. 61. Упоминания города также на стр. 60—70; А. А. Семенов, Мусульманский мистик и искатель бога X—XI вв. Асхабад, 1905, стр. 13, прим. 25. Автор отметил наличие на Новой Нисе фрагментов фарфоровой посуды, а с западной стороны этой крепости, вне ее стен, ряд старых могил, которые он приписал кладбищу шейхов-суфиев средневековой Нисы.

66. См. например, его статьи в Туркестанских ведомостях за подписью Б. Л., 1912, 22 июля, № 164 и 19 августа, № 176. Автор предлагал оберегать памятники старины, производить «нехитрые раскопки» в близких к Асхабаду пунктах или, наконец, хотя бы наведываться изредка в мечеть Анау и крепость Нису, так как эти два пункта особенно требуют наблюдения. Старую Нису Б. Н. Литвинов считал «самым старым холмом, самым интересным, быть может, в области».

67. В. И. Масальский. Туркестанский край. Россия, т. XIX. СПб. 1913, стр. 627.

68. В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб. (1914), стр. 37—39 и 44.

69. «Древний холм (крепость) в 12 верстах от Асхабада в ауле Багир; стены глинобитные и из сырцового кирпича». Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока, в. 1. Асхабад, 1915, стр. 40.

70. Антиквариий. В Закаспийском кружке любителей археологии. Туркестанские ведомости, 1916, 31 марта, № 52. Перепечатка в «Протоколах заседаний...» этого кружка. В. II. Асхабад, 1916, стр. 16—21.

71. В. В. Бартольд. Ближайшие задачи изучения Туркестана. Наука и просвещение. Ташкент, 1922, № 2, стр. 1—10.

72. Глубина великих культур. Журнал «Семь дней». Ташкент, 1927, № 17. В. Д. Городецкий копал на площади, примыкающей к Старой Нисе с ЮЮВ.

73. С. (А.) Ершов. От случая к плану. Туркменоведение, 1931, № 1—2, стр. 77.

74. Б. П. Денике. Экспедиция Музея Восточных культур в Термез. Сборник «Культура Востока», (в 1.) М. 1927, стр. 18.

75. А. А. Семенов. По Закаспийским развалинам. Известия Средазкомстариса, в. III. Ташкент, 1928, стр. 65—67. Исследования ЮТАКЭ 1946 года установили, что в действительности здесь налицо остатки древней загородной мечети Намазгох. Результаты осмотра Нисы Комиссией Средазкомстариса отражены также в статье И. И. Умнякова. Археологические и ремонтно-реставрационные работы Средазкомстариса в 1927 году. Известия Средазкомстариса, в. III, цит. соч., стр. 267.

76. Туркменоведение, 1928, № 78—8, Приложение, стр. 2—3; Известия Средазкомстариса, в. III. цит. соч., стр. 273.

77. Туркменоведение. 1929, № 4, стр. 46.

78. В основу положены две краткие информации А. А. Марущенко итогового порядка, написанные в 1935 г.; его же единственный полевой отчет на двух страницах о работе кабинета археологии ТГИИ за 1-ю половину 1936 г., отрывочные информации прессы, и воспоминания самих участников работ. Чтобы как-то, пока не поздно, зафиксировать, где, когда и что копалось или было найдено, по линии ЮТАКЭ С. А. Ершову было поручено в 1946 году составить краткий сводный отчет о раскопках на Старой Нисе с 1930 г. по 1935 г., каковой им и представлен в 1947 г. объемом в 16 страниц машинописи, с приложением нескольких десятков фотографий.

79. С. А. Ершов. Итоги трех лет. Туркменоведение, 1931, № 7—9, стр. 55. Как установлено работами ЮТАКЭ 1946 г., сложившаяся в Туркменистане шкала для датировки керамики периода после арабского завоевания была мало обоснована и страдала грубыми неточностями с ошибками в два и более столетий.

80. А. А. Марущенко. Предварительные итоги о результатах работ по раскопкам Старой Нессы. Предварительные итоги экспедиционных работ в Туркмении за 1934 г. АН СССР. Совет по изучению природных ресурсов. М. 1935, стр. 149.

81. А. А. Марущенко. Археологические открытия последних лет в Туркменистане. Известия Туркменского Государственного научно-исследовательского института, 1935, № 1 (сентябрь), стр. 16.

82. Итоги раскопок Старой Нисы. «Туркменская, Искра», 1934, 12 ноября, № 261.
83. Город двух тысячелетий. «Правда,» 1934, 20 ноября, № 319.
84. Ценная находка на раскопках Нессы. «Туркменская Искра», 1934, 21 октября. № 244. Позднее А. А. Марущенко считал, что они изображены были в сидячих позах.
85. В литературе зафиксирован еще и третий вариант предполагавшегося положения статуй, которые будто бы располагались друг против друга внутри помещения между колоннами и являли собой фигуры сидящих воинов. Советская археология, II, М.—Л. 1937, тср. 209.
86. Новые находки на развалинах Нисы. «Туркменская Искра», 1934, 1 ноября, № 253. Ср. СОНАТ. Ташкент, 1934; № 9, стр. 102.
87. А. А. Марущенко. Археологические открытия..., цит. соч., стр. 16; его же мнение, высказанное в 1935 году, см. В. Чепелев. Об античной стадии в истории искусства народов СССР. М.—Л. 1941, стр. 82—83. Анализ Л. И. Ремпелем фрагментов глиняных статуй Старой Нисы, произведенный во время работ ЮТАКЭ 1946 г. привел его к возможной датировке их концом II—началом III в. н. э.
88. А. А. Марущенко. Предварительные итоги... цит. соч. стр. 151.
89. А. А. Марущенко. Предварительные итоги... цит. соч., стр. 150.
90. Новые находки на развалинах Несы. «Туркменская Искра,» 1935, 8 мая, № 104.
91. А. А. Марущенко. Археологические открытия..., цит. соч., стр. 16—17. Информации о раскопках на Нисе в 1935 году печатались в различных газетах, краткий перечень которых см. М. З. Паничкина. Обзор археологических находок по газетным сообщениям. Советская археология, т. III. М.—Л. 1937, стр. 270. Зарубежный отклик на них см. M. I. Rostovtzeff. Dura and Problems of Parthian Art. Jale Classical Studies. London, 1935, p. 158. О построении «на западной окраине современного аула Багир города Александрии (Ниса)» см. также Г. И. Карпов. Очерки по истории Туркмении и туркменского народа. Ашхабад, 1940, стр. 5.
92. См., напр., Ph. Ackerman. L'exposition d'art iranien à Leningrad. Syria, XVII. Paris, 1936, p. 49. O. Reuter. Parthian Architecture. SPA, v. IV, 1938, p. 444; рисунки некоторых терракотовых плиток из Нисы, не совсем верно передающие оригиналы. ibid., p. 442. На русском языке экспонаты из раскопок Нисы и доклад о них отражены в Советской археологии, II. М—Л. 1937, стр. 109—110; Академия Архитектуры, 6. М., 1935, стр. 33; Искусство, 1936 г. № 1, стр. 25—28.
93. А. А. Марущенко. Краткий отчет о работе кабинета археологии ТГИИ за первую половину 1936 года.
94. А. А. Марущенко. Предварительные итоги... цит. соч., стр. 150.
95. А. А. Марущенко. Археологические открытия... цит. соч., стр. 14—15.
96. Заключение М. Е. Массона по вопросу о мероприятиях в части охраны городища «Новая Ниса».
97. См. добавление от издателя в цит. выше статье O. Reuter, Parthian Architecture, p .444.
98. ОАК за 1896 год. СПб. 1898, стр. 105.
99. Несеви. МИТТ, т. I, стр. 472. По бытующим среди туркмен легендам, основателем Нисы считается то Александр Македонский, то эпический богатырь Рустам, то его сын.
100. Б. А. Тураев. История древнего Востока, т. II. Л. 1935, стр. 131.
101. И. Г. Дройзен. История эллинизма, т. 1. М. 1891, стр. 65, примечание 5.
102. В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб. 1903, стр. 59.
103. Определение любезно сделано в 1947 г. по просьбе ЮТАКЭ профессором Зоологического Музея АН СССР в Ленинграде В. И. Жадиным.
104. Труды Термезской археологической комплексной экспедиции, т. 1, Ташкент, 1941, стр. 89.
105. А. К. Марков. Неизданные арсакидские монеты. ЗВО, т, VI, СПб. 1892, стр. 276.
106. См., напр., A. Markoff. Les monnaies des rois parthes. Sec. fac. Paris. 1877, p. 43, 57.
107. По словам Б. Я. Владимирцева, у монгол это слово (произносимое как «хуриг») обозначает «запретное», особенно жилище правителя. В средние века кладбище с могилами Чингис-хана и его потомков именовалось «великим куруком». В Средней Азии в монгольскую эпоху термином «курук» обозначалось все то, куда был закрыт доступ посторонним: участки земли, дворец государя, его гарем, а словом «ку-

рукчи» называли стражей ханских кладбищ и часовых у входа в ханский гарем. Самый ранний пример употребления этого слова заключен в дополнениях к труду Наршахи по истории Бухары, где говорится об устройстве в 1068 г. караханидом Шемс-ал-мульком к югу от этого города особого царского имения-курука с дворцом, голубятней, садом, пастбищем для лошадей и парком для диких зверей. См. также В. В. Бартольд. К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов. ЗВО, т. XXV, II. 1921, стр. 62—63.

108. Ср. напр. высказывание В. В. Бартольда о Хорасане и Парфии: «Воды в Хорасане теперь если не меньше, то во всяком случае не больше, чем было в древности; между тем Хорасан теперь считается одной из лучших областей Персии, тогда как при Ахеменидах соответствующая область, Парфия, принадлежала к числу самых бедных». ЗВО, т. XVII. СПб. 1906, стр. 092. Ошибка заключается в том, что В. В. Бартольд счел маленькую Парфию времен Ахеменидов соответствующей территории всего большого Хорасана, незначительную часть которого и наиболее бедную она на самом деле представляет.

109. Страбон, XI, 9, 1.

110. Ср., напр., Геродот, III, 93, где говорится, что парфяне, хорасмии, согды и ареи составляли шестнадцатый податной округ и платили, очевидно, по бедности, всего 300 талантов.

111. Плиний, VI, 25 и 43.

112. Тацит, Annales, XI, 8 и 10.

113. В большом количестве встречаемые среди археологических объектов на территории древней Нисы, ракушки-каури охотно носятся современными жительницами Багира из туркмен в качестве украшения и амулета-оберега, хотя как-будто первоначальный смысл их, как знаков женщины и плодородия, уже забыт. Во всяком случае, опрашиваемые нами старухи, называвшие ракушку термином «илян келлясы» (голова змеи), отзывались на этот предмет полным неведением и указывали лишь, что она служит хорошим тумаром для всех ее носящих. Мальчикам ракушку теперь нашивают на тюбитейку; девочкам — вешают на шею. Считается, что постоянное ношение ее с детства обеспечивает благополучие на всю жизнь. Каури, поступающие из древних слоев Нисы, бывают целые, лишь с одним просверленным отверстием, сделанным в качестве проушинки для ношения, или со спиленной «спинкой» ракушки, обнажающей ее внутреннее строение.

114. В. В. Бартольд. Восточно-иранский вопрос. Известия РАИМК. П. II. 1922, стр. 369.

115. J. de Morgan. Contridutions a l'etude des ateliers monetaires sous la dynastie des rois Sassanides de Perse. Revue Numismatique, 1913, p. 359. D. J. Paruck. Sasanian coins. Bombay, 1924, p. 166.

116. Ибн Хордадбех, BCA, VI, текст, стр. 39; перевод стр. 28. Де Гуйе, со ссылкой на Нольдеке, предлагает видеть в этом собственное имя, соответствующее иранскому bazar или wazar, т. е. кабан. Jbid., стр. 28, прим. 2. Маркварт считал, что в списке Ибн Хордадбеха, наряду с титулами, были и собственные имена правителей и родовые имена династий.

117. Белазури. МИТТ, 1, стр. 66—67.

118. Табари. МИТТ, 1, стр. 98.

119. По Табари это были: Асид ибн Абдаллах, Мукамиль ибн Хаким и Ибн Газван.

120. Ибн Хордадбех, цит. соч., стр. текста 35—36.

121. М. Е. Массон. Силуэты Сумбарского района. Историко-археологический очерк. Туркменоведение. 1931, № 3—4, стр. 54.

122. Макдиси. BCA, III, стр. 300. Собственно Хорасан включал в себя Этек, Нишапур, Тус, Мешхед, Себзевар, Туршиз, его столицей был Нишапур. Под термином Хорасан в расширенном понимании подразумевались кроме того также области Мерва, Балха, Герата и тогда столицей считался Мерв, где одно время была резиденция наместников халифа. Мавераннахр иногда бывал подчинен Хорасану, но не входил в его состав. Вместе Хорасан и Мавераннахр именовались иногда «областью ал-Машрик».

123. Истахри BCA, 1, стр. 273. Макдиси. BCA, III, стр. 51 и 320.

124. Поскольку в Худуд ал-Алем говорится, что верхнее течение Атрека проходит через область Джармукан, упомянутую между Аставой и Гургеном, можно думать, что одноименный город Джармукан находился к юго-западу от Нисы (Ху-

дуд-ал-Алем, 11 а). По одному из вариантов текста Макдиси, от Нисы до Джармукана считали 3 дня пути (Макдиси, цит. соч., стр. 352, примечание «г»).

125. Худуд ал-Алем, 19 б.

126. Макдиси, цит. соч., стр. 336. В МИТТ, т. 1, стр. 205 это место текста переводится, как указывающее на наличие якобы религиозной вражды между жителями ал-Хана (без попытки расшифровать этот термин) и «началом базара» (?).

127. В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб. (1914), стр. 38.

128. МИТТ, 1, стр. 201.

129. Макдиси. BGA, III, 320.

130. Макдиси. BGA, III, стр. 320.

131. Утби. МИТТ, I, стр. 295. Ср. также В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб. 1900, стр. 283.

132. Утби, там же, стр. 227.

133. В. В. Бартольд. Туркестан..., стр. 292 и 507.

134. По зафиксированному в литературе преданию, Абу Али Даккак, придя в Нису́, не нашел места для совершения должным образом зиарата могилам тамошних шейхов. Во сне ему явился пророк Мухаммед, приказал выстроить для суфиев ханаку и указал точно место для нее, обведя его чертой. Проснувшись, Абу Али поспешил на указанное место и, в соответствии с обнаруженными там линиями, построил стены ханаки. А. А. Семенов. По закаспийским развалинам, цит. соч., стр. 68, прим. 15.

135. В. В. Бартольд. К истории орошения..., цит. соч., стр. 39. В тексте Якута упомянуто двое прогребенных в Нисе лиц, оказавших разные услуги исламу и в прошлом связанных с Дамаском. Якут, IV, стр. 777.

136. О подлинном происхождении Али Абу Даккака современные жители Багира совершенно не осведомлены, и о нем передают лишь в разных вариантах легенду, впервые записанную ЮТАКЭ со слов колхозника Султана Мухаммеда. По ее сюжету, Али Абу Даккак был уже великаном и силачом в возрасте семи лет, когда его, единственного сына бедной вдовы, заметил в Медине хазрет Али. Собираясь отправиться в Хорасан, он уговорил отпустить с ним мальчика на борьбу с неверными. Во время пребывания в Нисе, когда арабы были на молитве в загородной мечети Намазгох, неверные напали на них и перебили почти всех. Волею Аллаха хазрет Али был окутан облаком, которое и скрыло его на время от врагов до окончания совершения намаза, после чего он, крикнув отроку Али Абу Даккаку, чтобы тот сидел, спрятавшись в помещении, ринулся избивать неверных. Мальчик, выглянув из комнаты, заметил, что множество врагов нападает на его господина, выскочил из своего убежища ему на помощь и был убит. Хазрет Али, расправившись с неверными, велел поставить над местом погребения своего молодого воина большое надмогильное сооружение и возвести гумбез.

Когда при встрече в Медине с матерью Али Абу Даккака хазрет Али поведал ей правду, та захотела проверить все сказанное и увидеть могилу сына. Чудесный конь Дуль-дуль быстро примчал ее в Нису. Остановившись у могилы, вдова позвала сына словами: «О, Али!» и из-под земли ей ответило 72.000 голосов (по другим вариантам ответный отзвук раздался из шестидесяти мест). Шейхи растолковали, что с именем Али шахидами стало уже много десятков тысяч мусульман и предложили матери назвать сына полностью. Когда та позвала — «О, Али Абу Даккак!», на ее призыв откликнулся один голос ее покойного мальчика, который поведал, что он попал в рай и что ему там хорошо. Мать, удостоверившись в наличии неплохого мавзолея, вернулась благополучно в Медину, а у могилы ее сына стали совершаться чудеса. Авлия, по уверению стариков, «помогает» от разных недугов и «способствует» рождению детей. Просящие об этом туркменки вешают в изголовье его намогильника маленькую копию лука, если хотят иметь сына, или подобие игрушечной люльки, если хотят иметь дочь. Около могилы росли еще недавно восемь крупных побегов давно погибшего от старости дерева «севут», также считавшегося священным.

137. Гардизи. МИТТ, 1, стр. 231.

138. В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, цит. соч., стр. 25—26.

139. Бейхаки. МИТТ, 1, стр. 256.

140. Идриси. Geographie d'Edrisi. T. II, Paris, 1940, p. 185.

141. Мухаммед ибн ал-Мунаввар Мехни. МИТТ, стр. 347.

142. Мухаммед ан Несеви. МИТТ, 1, стр. 472.

143. Якут, л. 328 и 343. МИТТ, 1, стр. 434 и 426.

144. Балуз или Фаруз, по мнению В. Томашека и В. В. Бартольда, находился на месте современной Фирюзы. Селение Балуз пропущено в перечне Якута, приведенном в МИТТ, 1. О нем см. Якут, I, 840 и III, 840.

145. Самани. МИТТ, 1, стр. 327, 329, 332, 333, 335, 336.

146. Якут. МИТТ, 1, стр. 429, 435.

147. По Нафахат ал Унс, Басма, отождествляемое с современным Безмеином. А. А. Семенов. По закаспийским развалинам... цит. соч., стр. 15.

148. С. Волин сближает его по одному из вариантов транскрипции с Нашджуваном, упоминаемым Несеви.

149. Мухаммед ибн ал Мунаввар Мехни. МИТТ, 1, стр. 343—344.

150. Несеви. МИТТ, 1, стр. 470.

151. Несеви. МИТТ, 1, стр. 472.

152. Якут. Сведения Якута о Нисе пропущены С. М. Богдановой-Березовской в переводе выдержек из его текста, приведенных в МИТТ, 1.

153. Несеви. МИТТ, 1, стр. 469.

154. Несеви. МИТТ, 1, стр. 469 и 470. См. также В. В. Бартольд. Туркестан..., цит. соч., стр. 391 и 407.

155. В. В. Бартольд. Туркестан..., цит. соч., стр. 463.

156. По мнению С. Волина, значение термина джамалун неизвестно; первоначально — это «спина осла» (МИТТ, 1, стр. 473, прим. 3). В переводе соответствующего текста Несеви он пишет о прикрытии работавших под стенами пленных палатками вроде таранов. В примечании 1, на стр. 475 С. Волин слово джамалун переводит просто как таран. В действительности, джамалун — это особый двускатный деревянный подвижной охранительный навес, употреблявшийся при осадных работах под стенами. Иногда к его двускатной крыше подвешивался таран. Снаружи навес покрывался мокрыми кожами, кошмами или мешковиной для защиты от бросаемого осажденными огня или зажигательных стрел. Поскольку наспех восстановленные в 1220 году вокруг Нисы укрепления представляли нечто «вроде стен садов», может быть, и не было надобности в применении специальных таранов, и для пробивки бреши ограничились применением одних упомянутых навесов.

157. Цифру эту нельзя считать преувеличенной, если принять во внимание размеры окруженного стенами пространства крепости Нисы, а также последующие события этого года и ближайших двух-трех лет, когда Ниса отнюдь не представляла собою заброшенного и опустевшего города, а при осадах имела достаточное количество защитников для обороны.

158. Несеви. МИТТ, 1, стр. 472—473, где переведены все подробности, исключая судьбы книг.

159. В МИТТ, 1, на стр. 39 осада Харандиза ошибочно отнесена к событиям 1221 года.

160. Г. Говорт. Чингиз-хан. Ташкент, 1911, стр. 53.

161. В переводе С. Волина — Дамар Мелик. МИТТ, 1, стр. 476.

162. В МИТТ, 1, на стр. 39 при изложении биографии Несеви вкралась хронологическая путаница, и сражение Инанч-хана с монголами при Нисе отнесено ко времени правления Нусрет-ад-дина, тогда как это было еще при его брате Ихтияр-ад-дине.

163. В. В. Бартольд. Туркестан..., цит. соч., стр. 463. Это место, как и многое другое из текста Несеви, не попало в МИТТ, 1.

164. МИТТ, 1, стр. 484.

165. Рашид-ад-дин. Сборник летописей, III. Институт Востоковедения АН СССР. М.-Л. 1946, стр. 25.

166. В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана..., цит. соч., стр. 63. Его же. Очерк истории туркменского народа..., цит. соч., стр. 42.

167. Клад этот был обнаружен нашитым в качестве украшения на груди одной из туркменок, постоянной жительницы аула Багир. После обработки его З. А. Альхамовой установлено, что он содержит ряд до сих пор неизвестных в науке по местам и датам их чекана экземпляров.

168. Низам-ад-дин Шами. МИТТ, 1, стр. 520—523. Дата казни приведена у Шереф-ад-дина.

169. В. В. Бартольд. Улугбек и его время. ЗАН, VIII серия по ист.-фил. отд., т. XIII, № 5, II. 1918, стр. 59.

170. Хафизи-Абру. МИТТ, 1, стр. 528—529.

171. Абд-ар-Реззак. МИТТ, 1, стр. 534.

172. В. В. Бартольд. Мир-Али-Шир и политическая жизнь. Сборник АН «Мир-Али-Шир». Л. 1928, стр. 120.

173. Мирхонд. МИТТ, I, стр. 540.

174. Хасан бек Румлю. МИТТ, II, стр. 53.

175. Хондемир. МИТТ, II, стр. 39—40.

176. Хасан бек Румлю. МИТТ, II, стр. 59.

177. Искандер Мунши. МИТТ, II, стр. 65.

178. Убайдулла хан, потрясенный понесенным поражением, скончался в зулькаде 946 г. х. — марте или апреле 1540 г. В МИТТ ошибочно указан 1539 г. МИТТ, II, стр. 66.

179. Хасан бек Румлю. МИТТ, II, стр. 64.

180. В МИТТ, II, стр. 90, как и в труде Лен Пуля, Мусульманские династии, стр. 230, ошибочно указана дата смерти Абдулла-хана под 1598 годом. На самом деле он скончался в 1006 г. х., но в год курицы, т. е. в конце 1597 г.; известие же об его смерти дошло до Ирана в начале 1598 г.

181. Искандер Мунши. МИТТ, II, стр. 99.

182. Абул Гази. Histoire des Mogols et des Tatares. L. Texte. St. Petersburg, 1871, p. 272. Под сартами в северных областях Хорасана, преимущественно в Атеке, по нашему мнению, в то время подразумевались подвергшиеся постепенному отуречиванию осёдлые потомки древнего парфянского населения, подобно тому, как этот этнический термин в Хорезме служил тогда же для обозначения отуреченных потомков древних хорезмийцев, а в Мавераннахре — согдийцев. Этой теме автором посвящается специальная работа.

183. В. В. Бартольд относит уничтожение власти Нур Мухаммеда к 1600 г. См. его Очерк истории туркменского народа, цит. соч., стр. 52. Дата уточняется на основании показания Искандера Мунши, что в этом году по случаю победы Шаха Аббаса в Мерве «впервые за восемьдесят лет» после смерти Исмаила была прочитана хутба с именем персидского шаха (МИТТ, II, стр. 100). Исмаил умер в конце месяца сафара 930 г. х. (начало января 1524 г.). Прибавив к этой дате восемьдесят лет, будем иметь 1010 г. х. (2.VI. 1601—20.VI. 1602 г.). В самом утверждении, будто хутба с именем шаха до этого никогда не читалась в Мерве, Искандер Мунши ошибается, так как имя Аббаса было провозглашено в Мерве еще в 1598 г., когда этот город перешел во владение Мухаммеда, ознаменовавшего восстановление своей власти вместе с хутбой на имя сюзерена еще и выпуском монеты с полной титулатурой и наименованием этого города. Не настаиваем на безусловно точном установлении года этого события, поскольку Искандер Мунши, хотя и был историком, но мог, указывая промежуток в восемьдесят лет, округлить эту цифру.

184. Посольство Михаила Никитовича Тихонова. Труды Восточного отдела РАО, т. XXI. СПб. 1892, стр. 280 и сл. Прикомандированный к посольству Али ханом есаул, не без его, видимо, тайного наущения, сбежал со всеми подводами в первую же ночь.

185. В МИИТ, II, стр. 102 и след. в тексте Искандера Мунши при переводе даты хиджры 1038 г. указан 1628 г. н. э. Поскольку 1038 г. х. начинался 31 августа 1628 г. и кончился 20 августа 1629 г., а у Абул Гази в качестве даты описываемых событий отмечается год змеи, то время, когда они действительно происходили, может быть уточнено, а именно 1629 г., причем финал последовал до осени. Исфендиар хан, свалив всю вину за происшедшее на Абул Гази, отправил его как бы заложником с посольством и подарками в Персию, причем этот узбекский царевич представился шаху в Хамадане в месяце джумада II 1039 г. х., т. е. в январе—феврале 1630 года, после чего прожил в Исфахане, в крепости Табарек десять с лишним лет.

186. Искандер Мунши датой налета калмыков одновременно на Астрабад и Дурун указывает 1068 г. или 1657/8 г. н. э. (МИТТ, II, стр. 113). По данным автора анонимного сочинения «Хульд-барин», это имело место в 1067 г. х., в год обезьяны, т. е. в 1656 г. См. В. В. Бартольд. Очерк истории..., цит. соч., стр. 57.

187. МИТТ, II, стр. 120, 121, 123, 124, 131.

188. МИТТ, II, стр. 133, 134, 135.

189. МИТТ, II, стр. 139—140 (Мехди хан); стр. 157 (Мухаммед Казим); 333 (Мунис).

190. МИТТ, II, стр. 167, 174, 182.

191. S. G. Gmelin. Reise durch Russland zur Untersuchung der drei Naturreiche. St. P., 1786, IV, 55—56.

192. Мунис. МИТТ, II, стр. 337 и 344. Известный перелом в жизни Хорезма наметился около 1770 г.

193. П. М. Лессар. Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах. СПб. 1884, стр. 4.

194. Мунис, поясняя, что термин «ахал» по-туркменски обозначает сырые (зейкеш) и изобилующие водой земли, говорит при описании событий самого начала XIX века, что это географическое наименование относится к округам Нисы и Баверда, где большинство мест заболочено и удобно для посевов риса, почему вероятно область и получила такое наименование. МИТТ, II, стр. 359.

195. Мухаммед Хасан хан. МИТТ, II, стр. 207. Мирза Мухаммед Ташхан. МИТТ, II, стр. 207.

196. А. А. Семенов. Некоторые данные к истории мечети Анау. Изв. ТОРГО, т. XVII, стр. 212.

197. Известия Средазкомстариса, в. III. Ташкент, 1928, стр. 64.

198. В процессе опроса населения попутно удалось установить, что на территории Багира вообще довольно часто находили различные монеты, в том числе и золотые. Среди последних жители особо отмечали монеты Даки-Юнуса с изображением головы государя, повидимому, относя в эту группу кружки византийского чекана. Средневековые золотые монеты с куфическими надписями багирцы приписывают султану Суюну, т. е. Санджару.

199. О широком распространении в Ахале дингов и об их использовании см. П. М. Лессар. Предварительный отчет о геологических исследованиях на сухих руслах Аму-Дарьи. ИРГО, 1882, т. XVIII, в. 2, стр. 125.

200. В 1946 г. ЮТАКЭ выяснены следующие названия багирских кала: Шейли кала, Дашкала, Ишан кала около медресе, Тугкала, Шехмалаларнынг каласы, Клыч Мурад кала, Кульмерген кала, Кухне кала, Ораз ишан кала (около томатного завода), Кизылча кала, Тимурнинг каласы, Коурма кала, Оманнанг кала, Ой кала, Язмача кала, Ак Мамед кала, Карахан кала. Более поздние по времени появления калы меньших размеров, стены их тоньше, угловые башни или отсутствуют, или, утратив первоначальное назначение, превратились в декоративный пережиток, выполняя отчасти роль контрфорса.

201. Старики-багирцы рассказывают, между прочим, что примерно в 70-х годах правитель Кучана, Абыл Есен хан, с помощью туркмен, разбил войска своего отца эмира Суюна, после чего, собрав около сорока старшин теке, в том числе и из Багира, отправился с ними ко двору шаха Наср-ед-дина. Молодой человек рассчитывал расположить в свою пользу шаха, наглядно продемонстрировав, как ему удалось установить хорошие отношения с туркменами, и таким образом получить утверждение в звании эмира Кучана. Тем временем эмир Суюн проинформировал шаха в том смысле, что все направляющиеся к нему под видом старшин теке на самом деле простые разбойники, и при их появлении в столице они были схвачены и казнены.

202. Специальное историко-этнографическое изучение Багира не входит в задачи ЮТАКЭ и прошлое этого селения изучалось только в самых общих чертах в предварительном порядке, в основном для уточнения момента гибели Нисы, а также истории разрушения ее памятников, что и удалось разрешить в процессе работ 1946 года.

203. В. В. Бартольд. Ближайшие задачи изучения Туркестана. Наука и просвещение. Ташкент, 1922 (1923), № 2, стр. 9.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА К ИСТОРИИ НИСЫ*

РОДОВОЕ ОБЩЕСТВО

Со II-го тысячелетия до н. э.

Возможное поселение в южной и северо-западной части территории городища Новой Нисы.

---

* Поскольку Ниса не играла видной политической роли в средневековом Хорасане и бывала обычно лишь главным городом одноименной области, ее административным и экономическим центром, количество могущих быть непосредственно извлеченных из письменных источников или установленных путем специального исследования точно датированных событий ее истории пока очень невелико, почему приходится ценить буквально каждое упоминание или выявленный путем археологического наблюдения такого рода факт, сколько-нибудь точно определяемые во времени.

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Конец VI — начало V в. до н. э.

По преданию, создание крепости Новой Нисы при Гистаспе.

Конец 3-й четверти IV в. до н. э.

Устройство Александрополя.

Парфянское время (город Парфавниса)

I период. С середины III в. до н. э. до 1-й трети II в. до н. э. включительно.

Сложение государства парфянских Арсакидов.

Первые погребения парфянских царей в Нисе.

II период. Со 2-й трети II в. до н. э. до 1-го десятилетия I в. н. э. включительно.

Филэллинский период

1-й этап. Постепенный рост военной мощи Парфии (с Митридата I).

Оформление некрополя парфянских царей на городище СтараяНиса. Здание с кирпичными колоннами; каменная облицовка пилястр с канелюрами; терракотовые зубцы, плитки с пальметой и розеттой; профилированные «метопы» с разными изображениями.

На городище Новая Ниса сооружение с полуколоннами и пранонническими плоско-плиточными капителями.

2-й этап. Кратковременный апогей внешнего блеска (при Ороде I).

Расцвет города на месте городища Новая Ниса. В восточной его части захоронения знати в камерах с коридорообразными проходами. На городище Старая Ниса появление некоторых дворцовых сооружений.

3-й этап. Энергичное вмешательство Рима во внутренние дела Парфии.

Приход в упадок некоторых зданий на городище Старая Ниса.

III период. С начала 2-го десятилетия 1 в. н. э. до 162 г.

Антиэллинская реакция и расцвет собственной парфянской культуры.

Окончательное сложение комплекса парадных зданий на городище Старая Ниса; появление четырехлопастных колонн.

1-й этап — до 60-х годов 1 в. н. э.

Начало соперничества с государством «Великих Кушан».

2-й этап — с признания в 61-м году автономии Гиркании и отпадения других восточных областей до 122 г.

3-й этап — с 122 г. до 162 г.

Сорокалетний мир с Римом.

IV период. С 162 г. до 224 г.

Разложение централизованного рабовладельческого государства.

Реставрационные работы по поддержанию отдельных сооружений комплекса зданий на городище Старая Ниса. Сводчатые погребальные камеры, выстланные хрупкими кирпичными плитами на городище Новая Ниса.

КРИЗИС РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Со 2-й четверти III в. н. э. до начала VI в. включительно.

1-й этап. Захирение города Ниса.

Руины заброшенных зданий парфянского времени на Старой и Новой Нисах, затянутые внутри многослойными натечными отложениями мелкоотмученной земли.

454 г. 30.VII. Сильное землетрясение в Хорасане, ощущавшееся в Нишапуре.

Наличие признаков разрушения некоторых уже стоявших в заброшенном состоянии зданий Старой Нисы.

2-й этап. Восстановление города Нисы во 2-й половине V в. при Фирузе (459—498).

Серебряные монеты чекана Фируза с проставлением символа «NI», обозначающего сокращенное название Нисы.

ФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

(Сложение)

I период. С начала VI — до середины VII в.

Ниса под владычеством местной династии Абразов.

Ядром города является цитадель и шахристан в пределах городища Новая Ниса.

II период. С середины VII — до первой четверти IX в.

651 г. Присоединение Нисы к арабскому халифату.

III период. С первой четверти IX — до конца X в.

Шахристан, расположенный в пределах городища Новая Ниса, находится в забросе. Жизнь города в основном концентрируется к ЮВ от шахристана. Базары располагаются на урочище Сардова. Широкое развитие ремесел и торговли.

827 г. Годовая подать Нисы исчисляется суммой в 893.400 дирхемов при наличии недоимки в 160.331 и 13/16 дирхема.

943 г. Сильное землетрясение в Нисе.

X в. 80-е г.г. Описание Нисы у Макдиси.

IV период. С конца X — до конца первой трети XI в. включительно.

Функционирование популярной в эту эпоху ханаки Серави к западу от городища Новая Ниса. Мазар ее основателя Абу Али Даккака.

1004 г. Переход правителя Нисы на сторону саманида Мунтасира.

1006 г. Проход через Нису караханидских войск под начальством Сюбаштегина.

1027 г. Отправка жителями Нисы газневидскому султану Махмуду жалобы на туркмен.

1032/3 г. Смерть шейха Ахмеда Насра, проживавшего в нисийской ханаке Серави.

СРЕДНЯЯ ПОРА ФЕОДАЛИЗМА

(Расцвет)

I период. С 1035 г. по 1182 г.

Интенсивный рост города. Заново обживается шахристан, превращающийся в крепость; расширяется территория, занимаемая пригородными усадьбами богачей. Дальнейшее широкое развитие ремесленного производства и торговли.

1035 г. Битва Сельджуков с войсками Газневидов между Фарау и Шахрастаной.

Переход Нисы во владение Тогрула.

1039 г. Кратковременное занятие Нисы газневидским султаном Махмудом.

1156 г. Кратковременное занятие Нисы хорезмшахом Атсызом.

1159 г. Передача караханидом Махмуд-ханом Нисы на правах икта эмиру Омару ибн Хамза ан Несеви.

1164 г. В Нисе свыше месяца прожил Самани, автор «Книги родословий».

II период. С 1182 г. до 1220 г.

Густая застройка территории крепости-шахристана жилыми домами зажиточных горожан. Наличие в цитадели богатой бани, отделанной росписью.

1182 г. Туган шах владеет Нисой на правах вассала хорезмшаха Текеша.

1202 г. Разрушение стен крепости Нисы по распоряжению хорезмшаха Мухаммеда.

1217 г. Ссылка в Нису на жительство самаркандских шейх-уль-исламов и владетеля Отрара.

III период. С 1220 г. до 1382 г.

1-й этап. Постепенный упадок города.

1220 г. Спешная починка жителями Нисы крепостных стен. Взятие города монголами и массовое избиение жителей. Историк Шихаб-ад-дин Мухаммед ан-Несеви выдерживает осаду монголами в своем родовом замке Харандиз. Захват власти в Нисе Ихтир-ад-дином-Занги.

1221 г. Стычка на границах Нисы Джелал-ад-дина Мангуберти с отрядом монголов. Переход власти в Нисе к Нусрет-ад-дину Хамзе.

1222 г. Возвращение Несеви в Нису. Начало осады Нисы выходцем из нее, мервским правителем, туркменом Тадж-ад-дином Омари.

1223 г. Убийство Тадж-ад-дина Омари и снятие осады Нисы.

1224 г. Взятие Нисы Туглуком ибн Инанч ханом и убийство Нусрет-ад-дина Хамзы.

2-й этап.

Ниса оправляется постепенно от событий монгольского завоевания. Появление в цитадели богатого здания с люстровыми изразцами типа так называемой «кашанской школы».

1255 г. Выражение правителем Нисы вместе с другими вельможами Хорасана покорности Хулагу-хану в городе Кеше.

3-й этап.

Интенсивная жизнь города на всех его былых площадях. Функционирование ханаки Серави. Возведение здания загородной мечети Намазгох. Архитектурные сооружения, облицованные резными глазурованными плитками. Местное производство роскошной кашинной посуды типа «верамин».

30-е г. XIV в. Вхождение Нисы в состав государства Аргун-шаха.

IV период. С 1382 г. до 1507 г.

Центральная часть города располагается на городище Новая Ниса (бывший шахристан, ныне хисар). Наличие здесь к СВ от калы квартала богачей. Обжита также площадь былого пригорода. Великолепный резной каменный намогильник ал-Джалили, дочери сейида Ахада, умершей в 1417 г. Широкое употребление привозного китайского фарфора. Изготовление высокохудожественной кашинной утвари.

1-й этап.

1382 г. Вхождение Нисы в состав государства Тимура.

1384 г. Продвижение через Нису армии Тимура.

2-й этап.

1406—1409 г. Вхождение Нисы в состав владения, выделенного Улугбеку Шахрухом.

2-е десятилетие XV в. — Сведения о городе и области Ниса в географическом сочинении Хафизи Абру.

3-й этап.

Зима

1456—1457 г. Постой в Нисе крупного гарнизона войск Абул-Касим Бабура.

1458 г. Первый захват Нисы Султан-Хусейном.

1498 г. Бегство в Нису Мухаммед Мухсина Мирзы.

1500 г. Передача Нисы в управление Мухаммеду Мухсину Мирзе.

ПОЗДНЯЯ ПОРА ФЕОДАЛИЗМА

(Разложение)

Ниса — сильная крепость. Следы разновременных ремонтов и заделок брешей стен городища Новой Нисы. Обилие на поверхности и в верхних культурных слоях каменных ядер. Остатки крепостных ворот из жженого кирпича. Руины зданий XVII—XVIII в.в. на территории бывшего богатого квартала XV в. к СВ от калы. Постепенное сокращение площади обжитого пригорода. Изразцовые кирпичи XVII в. от наружных декоративных облицовок.

Для первой половины XVI в. наличие хорошей местной керамики типа «кобальт»; для XVII в.—довольно художественная посуда, близкая к типам сефевидского Ирана; для более позднего времени характерно огрубение техники и материала керамики, исчезновение орнаментации, грязные цвета.

I период. С 1507 г. до 1601 г. (?).

1501 г. Вхождение Нисы в состав государства шаха Исмаила.

Около

1524 г. Переход Нисы под власть хорезмских узбекских правителей.

Зима

1536—1537 г. Проход через Нису войск шаха Тахмаспа.

1537 г. Закрепление Тахмаспом Нисы за Дин-Мухаммед ханом.

1561/2 г. Налет на Нису из Герата Хусейна Кули бека.

1591 г. Поход на Нису хорезмского хана Хаджи Мухаммеда.

1592 г. Захват Нисы Хаджи Мухаммедом.

1593 г. Вхождение Нисы в состав Бухарского узбекского государства.

1598 г. Занятие Нисы войсками шаха Аббаса и передача ее в управление Нур-Мухаммеда.

II период. С 1601 г. (?) до конца XVII в.

Около

1601 г. Занятие Нисы персидскими войсками и вхождение ее в состав государства Сефевидов.

1614 г. Проход через Нису русского посольства Михаила Тихонова и Алексея Бухарова.

1622 г. Подготовка Исфендиаром захвата Хорезма и Нисы.

1629 г. Занятие Нисы отрядом Абул Гази. Сдача Нисы жителями города войскам назира Замана.

III период. С конца XVII в. до 1-й четверти XIX в. включительно.

(Эпоха кризиса)

20-е годы. Признание жителями Нисы власти Надира.

1731 г. Инспекторский проезд через Нису Надира.

1817 г. Сопровождение знатными лицами от имрели и алиэли из Дуруна и Нисы Хасана Али мирзы при аудиенции у шаха.

Конец 2-го десятилетия XIX в. Захват Нисы текинцами.

20-е годы. Упоминание Нисы как города, лежащего в развалинах.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

наследственных правителей Хамзаидов из местной знати, владевших Нисой с 1159 г. по 1202 г. и с 1220 г. до 1224 г.

Хамза

↓

Эмир Омар ибн Хамза ан Несеви

↓

Имад ад-дин Мухаммед † в средине 1201 г.

↓

Насир-ад-дин Саид † в конце 1201 или начале 1202 г.

↓

Ихтияр-ад-дин Зенги 1220—1221

↓

Нусрет-ад-дин Хамза 1221—1224

(Некоторыми авторами называется двоюродным братом Ихтияр-ад-дина Зенги).

С. А. ЕРШОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ СТАРАЯ НИСА В 1946 ГОДУ

Отряд № 1 ЮТАКЭ был укомплектован научными сотрудниками 1 сентября. В состав отряда вошли: начальник отряда — археолог Ершов С. А., археологи Литвинский Б. А., Левина В. А. и коллектор Массон В. М. В ходе работ к отряду дополнительно была прикомандирована археолог Давидович Е. А.

В сезоне 1946 г. объектом для изучения была выделена крепость «Старая Ниса», расположенная на южной окраине аула Багир.

Перед отрядом были поставлены следующие задачи: 1. Дать общее обследование и описание крепостных стен. 2. Произвести археологическое вскрытие одной из башен. 3. Произвести раскопки в нетронутой части здания № 1.

9 сентября отряд прибыл к месту работ, в этот же день окончательно были выбраны рабочие площадки.

Первая площадка (раскоп № 2) была избрана на башне около места предполагаемых юго-восточных ворот. По её месторасположению очевидно, что в прошлом эта башня играла большую роль в обороне крепости. Находясь на стыке двух стен, она далеко выступает и своими фасами фланкирует три стороны: северную, восточную и южную. С южной стороны она защищала подступы к так называемым «центральным» юго-восточным воротам, а с северо-восточной — выход водного источника. По сохранности башня выглядит значительно лучше других. С внешней восточной стороны у нее хорошо видна кладка из сырцовых кирпичей, уложенных на чистом глиняном растворе. Кладка с восточной стороны видна на высоту 4 *м*. Размеры кирпича в кладке башни $40 \times 40 \times 14$, $41 \times 41 \times 14$ и $42 \times 42 \times 16$ *см*.

С южной стороны башня имеет плохую сохранность. В этом месте стена имеет большие обвалы, в результате которых обнажилась внутренняя кладка, выполненная в порядке чередования пахсы и сырцового кирпича. Наличие этих данных дает нам некоторое основание говорить, что башня, в свое время, с трех сторон до самого верха была снаружи выложена сырцовым кирпичом. На самой вершине у башни поверхность ровная и каких-либо следов помещений не видно.

Вторая площадка (раскоп № 1) намечена в северо-западной части здания «Мавзолея». Поверхность этой площадки, если не считать довольно большого холма, образовавшегося от выброса сюда земли из раскопа 1934 г., выглядела ровной и была покрыта травой.

Наблюдение за производством работ на раскопе № 2 было поручено археологу В. А. Левиной, а раскоп № 1 был поручен археологу

Б. А. Литвинскому и несколько позже Е. А. Давидович при коллекторе В. М. Массон.

Перед началом производства земляных работ обе площадки были фотофиксированы, разбиты на квадраты размером 2 × 2 *м* и прониве-лированы. Площадка № 1 составила 240 *кв. м*, а № 2 — 320 *кв. м*. Все земляные работы производились поквадратно и ярусами, при глубине каждого яруса: на раскопе № 2 (башня) в 1 *м*, а на раскопе № 1 (здание «Мавзолея») — 0.50 *м*.

На раскопе № 2 земля сбрасывалась под откос, к подножию холма, а из раскопа № 1 — выносилась на носилках за 30—35 *м* на территорию предполагаемого внутреннего дворика, находящегося с северо-западной стороны здания. Перед тем, как засыпать этот участок землей, в центре двора закладывался контрольный шурф, размером 1.5 × 2 *м* (1.5 *м* — с юго-востока на северо-запад, а 2 *м* — с юго-запада на северо-восток). Дерновый слой, покрывающий поверхность шурфа, оказался толщиной в 16 *см* и был густо переплетен корнями растений, встречались редко мелкие камни и весь слой имел серый цвет. Под дерновым слоем следовал, так называемый погребенный слой, который имел уже другую окраску — желтоватую. По своей структуре слой этот близок к почвенному. Мелких камней в нем больше, корни растений мельче и их меньше, чем в предыдущем слое. Его толщина 0.30 *см*.

Ниже погребенного слоя следует натечный слой, толщиной 0.44 *м*. С верхней границы этого слоя заметен процесс кристаллизации гипса, который виден в свежем обрезе на стенках шурфа в виде беловатых полос, оставляемых от лопаты или кирки. Этот слой имеет коричневый цвет.

Во втором натечном слое кристаллизация значительно увеличивается. Почва очень мелкая, в руке, при сжатии, легко распыляется. Толщина слоя 40 *см*. При дальнейшем углублении этот слой становится более твердым, кристаллы гипса встречаются уже гнездами и в виде отдельных пластинок.

На этом шурф был закончен, полагая, что достигли материка.

Отсутствие следов какой-либо кладки, ровная поверхность всего участка, дают основание говорить, что эта часть крепости была свободна от застроек и являлась как бы двором.

К числу немногих археологических находок в контрольном шурфе принадлежат 6 фрагментов красноглиняной неполивной керамики, несколько тонких кусочков алебастровой штукатурки и один обломок железной поделки. Один из фрагментов керамики имеет процарапанный орнамент (в виде тамги?), остальные — с заглаженной поверхностью. Обломок железной поделки сильно окислен, с одной стороны имеет утолщение подобно лезвию ножа.

Площадка № 2 (башня и стена). С целью выявления устройства и архитектурного облика башни и крепостной стены на территории изучаемого объекта, был сделан разрез и две расчистки. Одна из них с частичными врезами в склон, а другая расчистка у основания башни. Кроме того, был сделан раскоп на верху башни.

Зачистка № 1, шириной в 1 *м*, заложенная с внешней юго-восточной стороны и спущенная от стены башни по откосу до её основания, показала, что покрывающий верхний слой имеет толщину от 20 *см*, в средней части, и до 40 *см* на более крутом спуске к основанию башни. В этом

же срезе очень хорошо видны целые кирпичи, сползающие по крутому склону вниз.

В разрезе, в самом его начале, хорошо видны три наслоения. Первый верхний слой состоит, как уже выше сказано, из супеси и продуктов разрушения, второй из завала средней плотности с наличием в нем разной величины обломков от кирпича-сырца и желтого надувного песка и третий слой исключительно из обломков кирпича-сырца разной величины.

В этом месте все три наслоения имеют мощность 1.75 *м*. Образованию столь значительной толщины слоя здесь способствовала имеющаяся вокруг башни площадка шириной в 1 *м* 0.5 *см* (2.5 кирпича).

В нижней части разреза, выходящего на уровень естественного холма, отмечается уже четыре слоя, из которых два нижних слоя состоят из однородной массы обломков кирпича-сырца и другого строительного мусора, причем самый нижний слой очень уплотненный, а последующие—средней плотности. Третий снизу слой состоит из мелких обломков того же кирпича-сырца, но обкатанной формы и довольно рыхлый и, наконец, четвертый слой, покрывающий сверху весь разрез, по своему содержанию одинаков и формирование его из продуктов разрушений относится уже к наиболее поздней эпохе, включительно до наших дней.

Из только что приведенного описания разреза можно установить, что башня № 1 имеет четыре периода разрушения. В первый период разрушения была засыпана верхняя площадка башни, в завале которой отмечаются целые и довольно крупных размеров обломки кирпича-сырца. Поверхность всего склона к этому времени еще продолжала оставаться в хорошем состоянии, что в свою очередь способствовало задержанию на верхней площадке упавшей части башни. К этому же периоду, видимо, относится и второй слой, закрывающий собой первый, в результате чего верхняя площадка была снивелирована с уклоном в 45°. Второй, третий и четвертый периоды устанавливаются по нижней площадке, образованию которой немало способствовала уже снивелированная верхняя площадка. При последующих разрушениях падающие со стены башни обломки и целые кирпичи уже не задерживались на верхней площадке, а скатывались вниз к подошве башни, где и образовали отмеченные три наслоения.

При расчистке верхней площадки в точке стыка вершины склона со стеной башни особенно обратили на себя внимание часто встречающиеся клинообразной формы вертикальные межкирпичные швы, не заполненные глиняным раствором. При более детальном их осмотре оказалось, что сам кирпич был изготовлен не прямоугольной формы, а с несколько скошенными боковыми стенками. М. Е. Массон высказал предположение, что изготовление такого кирпича вызвано, очевидно, более удобным сниманием с него формы, чем с кирпича, имеющего прямые стороны. Вертикальные межкирпичные швы не заполнялись вследствие того, что глиняный раствор, как это было установлено, клался только в горизонтальных плоскостях, в вертикальные же швы этот раствор попадал в незначительном количестве под тяжестью последующего ряда.

В 4.5 метрах на юг от зачистки № 1, с целью выяснения характера склона была сделана вторая зачистка шириной в 1.0 *м*, также проко-

панная до подошвы башни. Разрез сделан в виде уступов с врезом в склон на глубину, в среднем, до одного метра. Сделанный разрез показал из каких строительных материалов был возведен откос стены и, во-вторых, выяснил технику приемов кладки.

Основным строительным материалом при сооружении склона являлся кирпич-сырец отмеченной формы и глина-пахса. Укладка кирпича производилась на чистом глиняном растворе. Вначале на сниве-лированную поверхность холма уложен был в несколько рядов кирпич-сырец, затем следовал слой из глины-пахсы и т. д. Такая очередность в кладке продолжалась до самого верха склона. Горизонтальные и вертикальные межкирпичные швы различны и варьируют от 1 до 5—7 *см*. Аналогичную технику кладки и тот же строительный материал мы имеем возможность наблюдать и в других башнях, расположенных по восточной стене крепости.

Таким образом, полученные данные дают основание говорить, что изучаемая нами башня и пристроенный к ней откос, являются постройками одного времени.

Основная стена башни и откос имеют разные углы уклона — стена — 70°, а откос 60°. Делалось это, очевидно, в целях более эффективной защиты крепости. Создавая несколько смягченный откос, строители имели в виду дать защитникам крепости лучшие условия обстрела противника, чем, скажем, со стены, имеющей уклон до 70°.

Для выяснения структуры естественного холма в конце разреза № 2 у основания склона башни был сделан врез в материковый грунт длиной 3.20 *м* и глубиной в 1.35 *м*. Этот врез показал, что в обнаженной части грунт холма состоит из послойного образования галечника и глины с наличием в этих слоях большого количества гипсовых выходов, что особенно отмечается в первых двух верхних слоях.

Разрез № 3, с южной стороны башни № 1, сделанный в 5 метрах от разреза № 2, по существу явился основным раскопом всей площадки. Ширина разреза 2 *м*. Заложен он на гребне крепостной стены с учетом возможности захватить при углублении с внешней стороны место стыка башни со стеной. Для выяснения конструкции стены этот же разрез был продолжен и внутри крепости. Таким образом, разрезом № 3 к разрешению ставились два основных вопроса — во-первых установить конструкцию крепостной стены (материал, технику кладки, ее толщину и т. д.) и во-вторых выяснить южную внешнюю сторону башни и её связь со стеной .

Вследствие выдувания с поверхности разрушающихся частей стены, дернового слоя в этой части не сохранилось. При снятии первого яруса и удалении слоя толщиной в 0.75 *м*, состоящего из обломков строительного материала, обнажилась кладка стены из сырцового кирпича. Эта кладка была прослежена до глубины 4.5 *м* (5-й ярус). Здесь же был обнаружен и стык башни со стеной. В основании у башни обнаружены три щели, из которых одна имеет вполне законченный вид, как бы в виде стрелы. У остальных двух верх не сохранился. До половины пятого яруса стена сильно разрушена, все же уступы кирпичной кладки создают уклон, близкий к уклону стены башни. В начале седьмого яруса обнажившаяся кладка с пологим уклоном резко обрывается и стена в этом месте идет почти отвесно.

Разрез № 3 с юго-восточной стороны башни доведен до начала

склона естественного холма. Произведенное в конце разреза углубление на 0.6 *м* и расчищенное в длину до 3 *м* показало, что склон естественного холма перед возведением на нем сооружения был обработан в виде горизонтальных уступов, на которые вначале клался толстый слой глины, а затем сырцовый кирпич. На протяжении 3 метров расчисткой обнажены были два таких уступа.

Совершенно по иному выглядит стена с внутренней стороны крепости. Кирпичная кладка здесь прослеживается только в верхней части и лишь на два ряда. В остальной своей части до самого основания она состоит из пахсы.

Основным строительным материалом при сооружении стены, как это установлено разрезом, являлась глина-пахса, сырцовый кирпич применялся лишь в верхней части стены и для облицовки внешней стороны. Стена с платформой дают высоту до 9 *м* при толщине в верхней части 2 *м*, а в основании до 14 *м*.

Из наблюдений за строительным материалом установлено, что кирпич-сырец изготовлялся трех сортов: с примесью мелкорубленной соломы (саман), из чистой глины и из мелко-раздробленного сырцового кирпича. Последний сорт кирпича не имеет такой прочности, как предыдущие — он очень рыхл и при раскопках очень трудно отделим от пахсы. Таким же путем приготовлялась и пахса. Разница лишь в том, что в один из сортов пахсы вместо соломы добавлялась мелкая галька.

Заложенный на верхней площадке башни раскоп вскрыл лишь одно помещение, у которого северо-восточная, северо-западная и юго-западная стенки сохранились на незначительную высоту. Юго-восточная стена оказалась смытой до основания.

Сохранившиеся стены возведены из того же кирпича-сырца, что и юго-восточная внешняя стена башни. В северо-западной стене имеется дверной проем, шириной 1.75 *м*.

Внутри помещения, в западном и южном углах отмечаются следы костра, а вдоль предполагаемой юго-восточной стены в беспорядке разбросаны камни разных размеров. На этих камнях имеются следы как бы очажков, где приготовлялась пища. Принадлежат ли эти кострища и следы очагов одному и тому же периоду, что и сооружение, утвердительно пока сказать нельзя. Вообще верхняя часть башни вследствие плохой сохранности остается пока мало понятной.

Как завершающий этап на раскопе № 2 была произведена полная расчистка от покрывающего верхнего слоя всей юго-восточной части искусственно сооруженного склона, до самого его основания. Этой расчисткой с юго-восточной стороны по фасу, у самого основания, в склоне, были обнаружены так же, как и у южной стены, почти десятисантиметровой ширины щели. Располагаются они друг от друга на одинаковых расстояниях и, очевидно, имели назначение декоративного оформления башни, будучи оформлены как ложные стреловидные бойницы.

Выше уже говорилось, что покрывающий верхний слой на юго-восточной стороне склона башенного сооружения незначителен, но в разрезе № 3, особенно начиная с четвертого яруса, были встречены довольно мощные кирпичные завалы, состоящие из плотно слежавшихся кусков сырцового кирпича и булыжника, иногда засыпанного сверху желтым надувным песком, а иногда толстыми наслоениями из мелко обкатанных глиняных кусков. Таких завалов по профилю разреза № 3

можно видеть три — первый завал, задержавшийся на площадке стены, второй у основания, а третий, наиболее мощный, уже на краю склона холма.

При расчистке верхних слоев и завалов было найдено несколько косточек мелких животных, птиц и большое количество отдельных фрагментов керамики. Найденная при земляных работах на башне № 1 керамика, хорошего качества, была изготовлена на гончарном круге из хорошо отмученной глины. В изломе черепок плотный и, как видно, хорошо

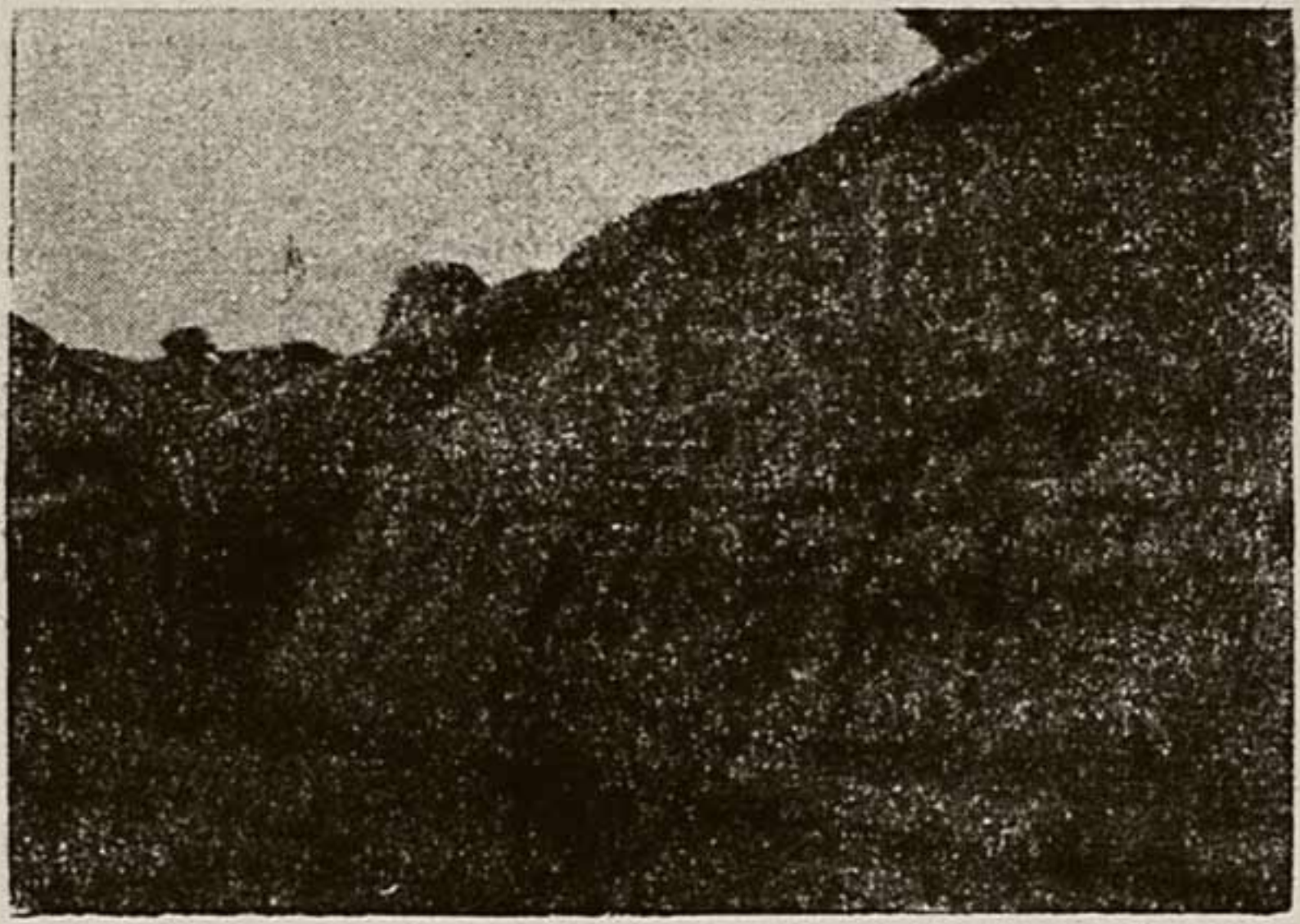


Рис. 1. Археологическая площадка у раскопа башни № 1 крепостной стены Старой Нисы.

обожженный на огне. По своему внешнему облику керамика может быть разделена на четыре группы: к первой группе принадлежит вся неполивная красноглиняная керамика, ко второй — поливная, к третьей — керамика, покрытая ангобом и к четвертой — керамика, имеющая красное и черное лощение. В особую группу здесь выделяется керамика грубой работы; сделана она из зернистого серого теста, на стенках ее имеются следы обгара (сажи), в изломе очень хрупкая. Встречается она чаще всего на месте какого-либо кострища или очага и служила, очевидно, только для варки пищи.

Из общей массы керамики, найденной на вскрытой территории башни № 1, большинство принадлежит к третьей группе, т. е. ангобированной. На черепках этой группы имеются следы серого, красного, и коричневого (почти черного) ангоба.

Особо следует отметить небольшую чашечку, найденную в оплыве разреза № 3, почти около юго-юго-западной стены башни. Чашечка эта имеет форму пиалы с выгнутым наружу тонким бортиком, дно плоское с небольшой выпуклостью с внутренней стороны.

Часть керамики принадлежит к парфянскому времени II—III в.в. до н. э., а некоторая к I—II в.в. н. э.; очевидно, поскольку вся опреде-

ляемая керамика имеет непосредственную связь с крепостными сооружениями, то и само сооружение можно отнести к этому же периоду.

В разрезе № 3, кроме керамического материала, было найдено пять железных предметов: две подковы разных размеров, один трехгранный черенковый наконечник стрелы и два округлых продолговатых предмета. Найдены они во втором завале, почти на самой платформе в одном метре от юго-юго-западной стены башни. К какому времени они принадлежат, определить трудно.

Площадка № 1 (здание «Мавзолея»). Раскопами прошлых лет у здания № 1 «Мавзолея» с внутренней стороны были затронуты южная, юго-западная и частично центральная части. Совершенно невыясненными оставались восточная, северная и северо-западная стороны, а равно и примыкающая к ним центральная часть здания. На этой территории, не прорезанной траншеями и кессонами прежних лет, М. Е. Массоном было предложено произвести раскопки. На площади 68 *кв. м* произведено было углубление на 3.5 *м*, а на остальной (116 *кв. м*), в среднем до одного метра. Раскопками 1946 года у здания № 1 «Мавзолея» были обнажены: с внешней стороны — юго-западная часть пилона-столба, оформлявшего собой вход и северный угол здания, а также полностью расчищен крайний северный вход, ведущий во внутрь помещения. С внутренней стороны помещения были обнажены северо-восточная стена на 6 *м*, а северо-западная на 12 *м*. Кроме того, в юго-западной части раскопа, была полностью расчищена одна комната, относящаяся к верхнему зданию. Земляные работы были начаты с расчистки северного пилона, уже обозначившегося, но нерасчищенного еще при раскопках прошлых лет. Произведенной расчисткой установлено, что пилон-столб сильно пострадал от времени и не сохранил своей первоначальной формы. Сложен он из кирпича-сырца впритык к стене здания. В основании, почти у пола, у него уцелели лишь три выступа со следами на них алебастровой побелки. Из наблюдений по профилю раскопа выяснилось, что общее падение кирпичей, лежащих под значительным углом к плоскости пилона, идет с востока на запад. Такой же наклон имеет и вся сохранившаяся его часть. Таким образом, полученные данные дают нам некоторое основание говорить, что разрушение пилона произошло сразу, а не постепенно и, очевидно, высказанное ранее предположение, что здание погибло от землетрясения, находит себе подтверждение и теперь.

При расчистке пилона в дерновом слое и в завалах было сделано небольшое количество находок, состоящих из отдельных фрагментов красноглиняных неполивных и поливных сосудов, обломков жженого лекального кирпича и «метопок» и несколько косточек животных. Из числа всех находок привлекают внимание следующие два предмета: 1) небольшая раковина, найденная под дерновым слоем кв. Д — 10, которая по определению М. Е. Массона принадлежит к семейству ужовок. У раковинки в передней её части имеется искусственно просверленное отверстие, указывающее на то, что она висела на шнурке и, очевидно, служила в качестве амулета и 2) фрагмент чашки темнозеленой поливы, по времени относящийся в XII—XIII вв. н. э. Найден он был на полу, недалеко от пилона. Сделанная находка является весьма

важным фактом, на основании которого можно высказать предположение, что в средневековый период изучаемое здание, очевидно, имело лучшую сохранность, чем теперь.

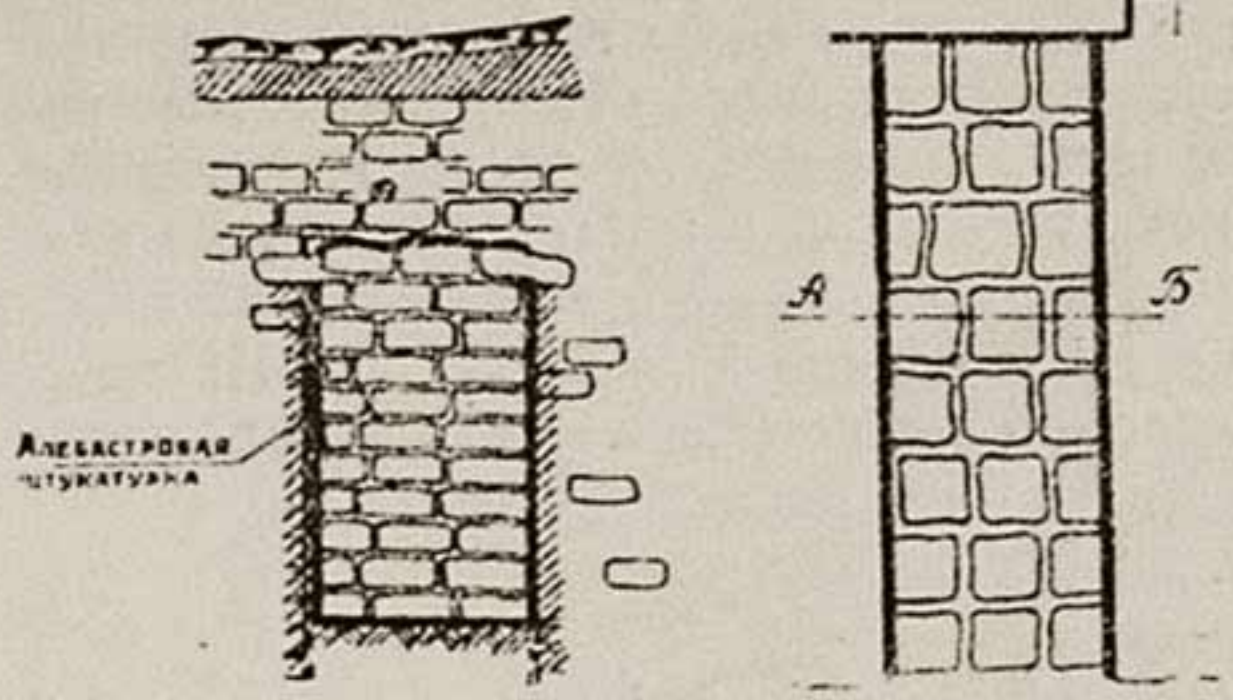


Рис. 2. План и разрез прохода в Квадратный зал (составили Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович).

После окончания расчистки с юго-западной стороны пилона и уборки земляной насыпи от раскопок прошлых лет земляные работы сразу же были развернуты на всей площади, предназначенной к раскопкам в 1946 году на здании „Мавзолея".

В первую очередь был вскрыт обнаруженный раскопками прошлых лет, искусственно заложенный вход, ведущий во внутрь здания „Мавзолея". Размеры кирпича в закладке 40 × 40 × 14 *см*. Ширина обнаженного входа 1.30 *м*, а длина 4 *м*. Стены в проходе сохранились на высоту 3.65 *м*. С внешней стороны, по углам, вход был оформлен массивными пилонами-столбами, с лицевой стороны которых имеется по пять зубчатых уступов. С внутренней стороны помещения углы этого входа оформлены полуколоннами. Пилоны, стены прохода и полуколонны имеют на себе следы алебастровой побелки.

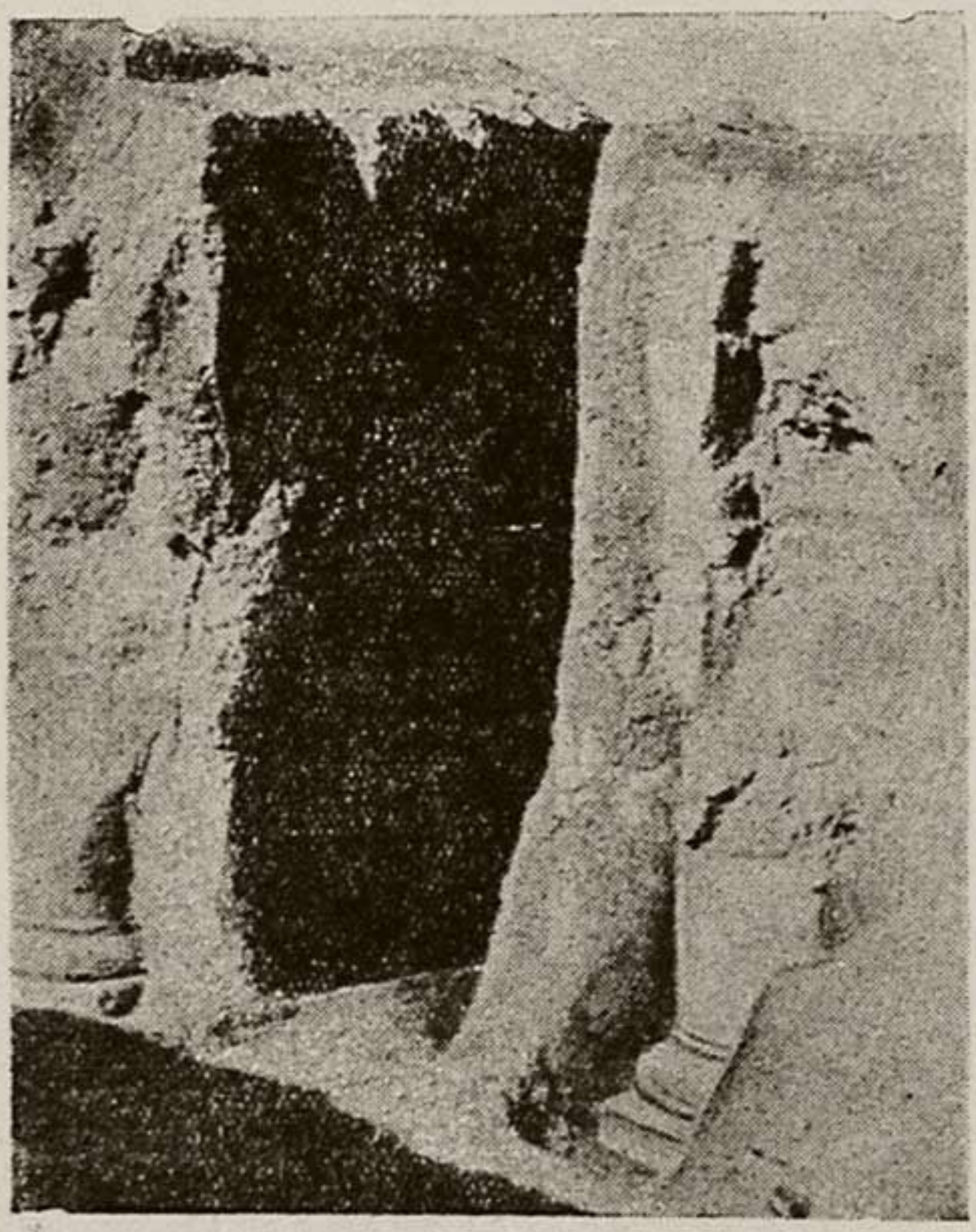


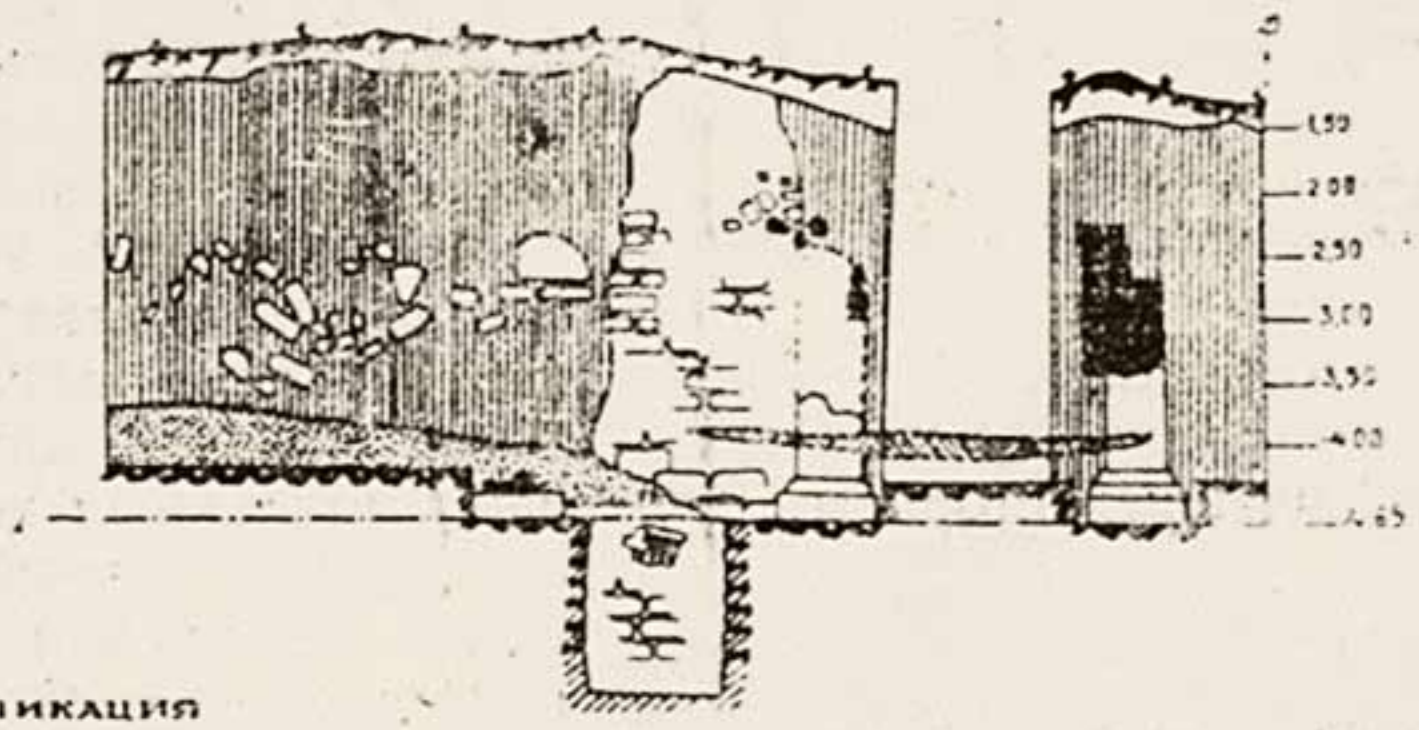
Рис. 3. Остатки полуколонн и расчищенный проход в Квадратный зал.

При расчистке входа с конца IV яруса (1.90 *м*) квадрата Ж—11 и по линии квадратов 3—11 и 1—12 в швах кирпичной кладки очень часто попадали фрагменты алебастровой побелки, алебастровые плитки (цемянка), мелкие кусочки архитектурных или скульптурных деталей, сделанных из зеленой необожженной глины с ярко-красной окраской, косточки мелких животных, обломки жженого кирпича и фрагменты неполивной керамики. Кусочки архитектурных или

скульптурных деталей с лицевой стороны имеют тонкую глубокую резьбу и напоминают собой как бы плиссировку.

На вскрытой площади внутренней части здания «Мавзолея» дерновый слой в среднем имеет 25—30 *см* толщины. Характерно, что в местах наиболее пониженных, где скопление воды было большим, этот слой не увеличивался, а понижался. Например: наибольшая толщина дернового слоя в 35—40 *см* отмечена на стене «Красного коридора», как на участке более возвышенном, тогда как в местах более пониженных он имел от 20 до 25 *см*.

За дерновым слоем с конца IV и начала V ярусов (I—III яруса «воздушные») на всей раскапываемой площадке следует завал, состо-



Экспликация

Указанная экспликация дана к рис. № 4, 5, 6, 12.

Рис. 4. Профиль западной стены раскопа № 1 (составили Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович).

ящий преимущественно из крупных и мелких обломков сырцового кирпича, кусков глиняной штукатурки и другого строительного материала. Судя по размерам, завальный кирпич относится к парфянской эпохе. Кроме сырцового кирпича, в завалах изредка попадали отдельные кусочки алебастровой штукатурки, цемянки и лишь в отдельных случаях обломки жженого кирпича. Завал характеризуется однородностью и плотностью. Толща его прослеживается до половины VI, а местами и VII ярусов.

С VI яруса (2.60 *м*) на всей площади раскопа завал из обломков сырцового кирпича усложнился включением большого количества обломков алебастровой цемянки и штукатурки, жженого лекального кирпича. Вместо обломков сырцового кирпича чаще стали попадаться целые кирпичи, размером 40 × 40 × 12—14, 41 × 41 × 14 *см*. Прежняя плотность завала на VI и части VII ярусов еще продолжала сохраняться, но по мере углубления плотность постепенно уменьшалась и на глубине VIII яруса слой стал рыхлым.

Особо сложными оказались завалы в квадратах К — 9, 10, 11, 13, И — 10, 11 и Л — 9. Так, на глубине VII и VIII ярусов, квадрата К — 13 было найдено в фрагментарном состоянии большое количество глиняной, с саманом, расписной штукатурки, имеющей в основном пять цветов: бордово-коричневый, желтый, черный, яркомалиновый и белый. Фрагменты расписной штукатурки лежат на ребре, а в некоторых случаях росписью вниз, некоторые фрагменты имеют размер до 6 *см*. Аналогичные фрагменты штукатурки с росписью встречались и при раскопках 1934 года, но с внешней юго-восточной стороны здания. В юго-западной части этого же квадрата и на той же глубине среди расписной штукатурки встречались мелкие золотые чешуйки. Все это залегало в беспорядке и в таком фрагментарном состоянии, что определить рисунок штукатурки и назначение золотых чешуек не представляется возможным. Обнаруженная расписная глиняная штукатурка, нужно полагать, принадлежит к стенной росписи и упала она, судя по месту расположения, очевидно, с северо-западной стены. Что же касается золотых чешуек, если учесть скученность их залегания, то можно лишь высказать предположение, что они в свое время являлись частями одного целого листа, занимавшего какое-то место среди стенной росписи. В квадратах К — 9 (с V по VIII ярус) и Л — 9 (VIII ярус) среди завала из сырцового кирпича встречено большое количество бесформенных фрагментов из зеленой необожженной глины. Отдельные небольшие кусочки глины имеют раскраску светлорозового, яркозеленого и красного цвета. Ввиду плохой сохранности, а также из-за отсутствия скрепляющих глину составов, был сохранен скрепляющий их останец в квадрате Л — IX.

В квадратах И — 10, 11 и К — 10, 11 на глубине VIII яруса распо-

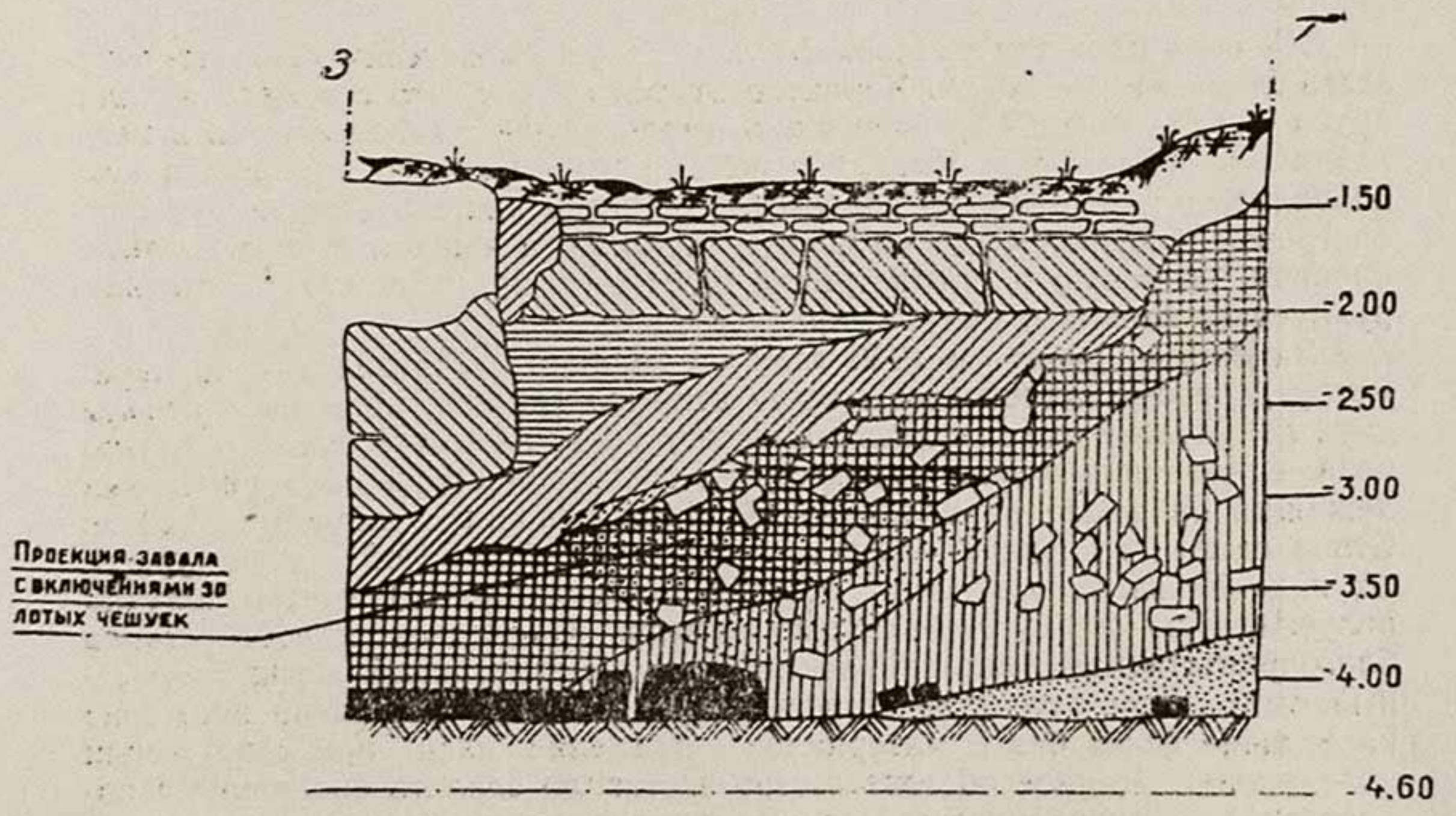


Рис. 5. Профиль южной стены раскопа № 1 (составили Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович).

мерам занимал почти всю центральную часть раскопа. У границы VIII яруса, под зольным слоем, залегала тонкой прослойкой алебастровая штукатурка, лицевой стороной вниз. Наличие большого количества штукатурки и характер её залегания говорят за то, что она упала, очевидно, с потолка. Упавшая штукатурка и располагающийся над ней зольный слой являются следами одного из первых периодов разрушения здания.

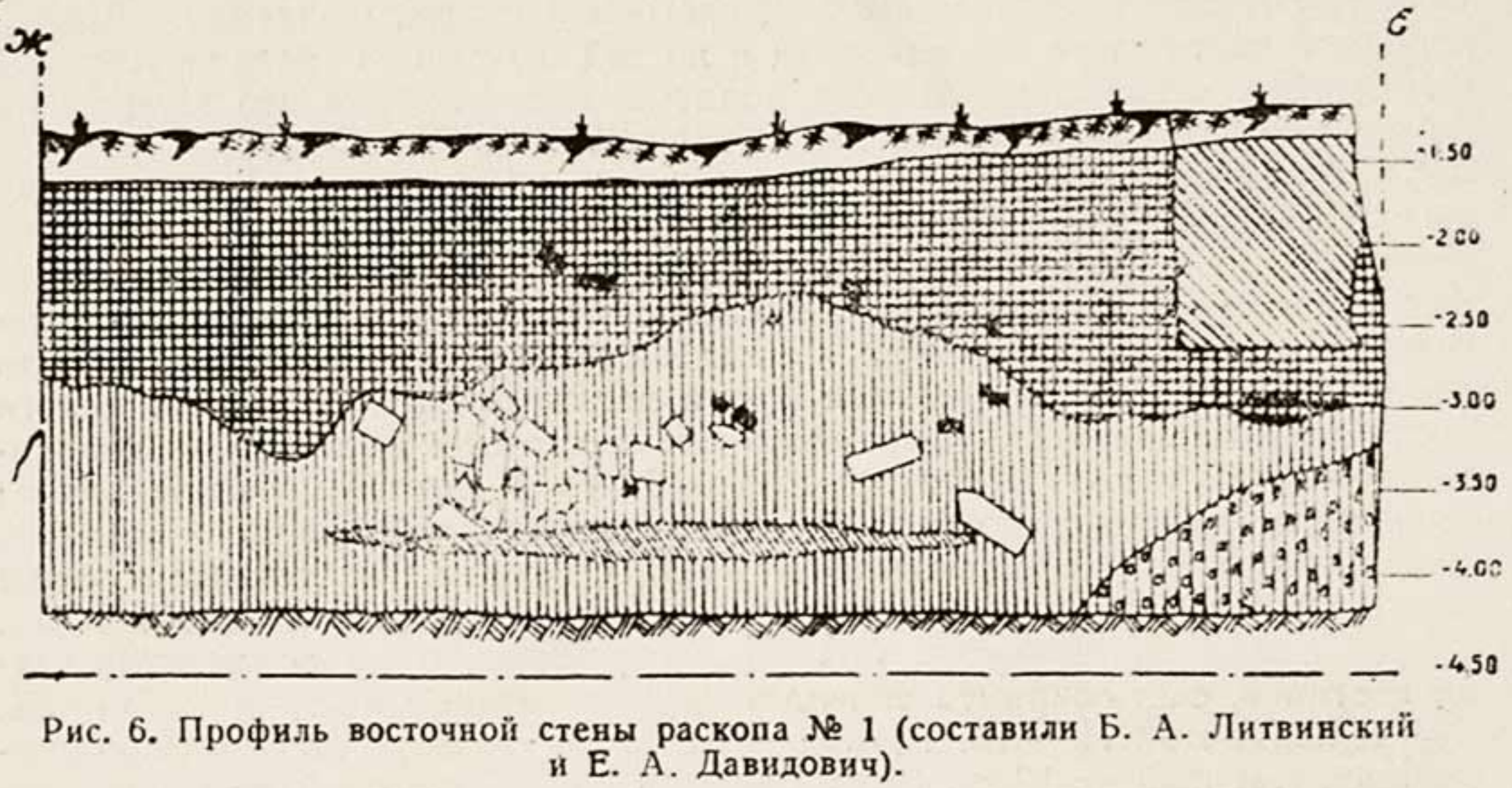


Рис. 6. Профиль восточной стены раскопа № 1 (составили Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович).

На всей площади раскопа № 2 IX ярус раскопками был затронут всего лишь на 15—20 *см*. Характеризуется он тем, что с самого начала яруса завал перешел в совершенно рыхлый слой с включениями в него различных перегноев. Наряду с обломками сырцового кирпича, в нем появились в значительном количестве обломки жженого кирпича и алебастровой щебенки. Судя по форме, обломки, а часто и целые жженые кирпичи, а также и алебастровая щебенка, принадлежат к остаткам рухнувших колонн и полуколонн.

За время работ в 1946 году в здании «Мавзолея» по периметру северо-западной стены было открыто три полуколонны; стволы двух полуколонн сохранились на высоту 70—80 *см*, а у одной — только база. Кроме полуколонн вдоль северо-восточной стены обнаружен был лежащий на земле параллельно ей ствол колонны, длиной в 3.20 *м*. Ствол сделан из глины — сырца, покрыт алебастровой штукатуркой. От падения он не разбился, а несколько сплющился, отчего получил полуовальную форму и несколько вмятин. Очевидно, целости ствола благоприятствовал лежащий на полу 20 сантиметровый мягкий гумусный слой. При расчистке полуколонн, нами было обращено внимание на отличие форм баз и материалов, применявшихся при сооружении полуколонн. Данное обстоятельство заставило сделать сравнение с колоннами и полуколоннами, открытыми при раскопках прошлых лет.

Всего, в двух частично раскопанных зданиях, было выявлено 9 колонн и 10 полуколонн. Из этого числа 3 колонны и 9 полуколонн

принадлежат к зданию «Мавзолея», а остальные 6 колонн и одна полуколонна к зданию «Дворца».

Базы и стволы колонн «Дворца» сложены из специально приготовленного жженого кирпича на алебастровом растворе. У четырех колонн сохранились только базы, а у одной из этого помещения, на два кирпичных ряда ствол.

Совершенно по иному выглядят колонны и полуколонны, принадлежащие к зданию «Мавзолея». Прежде всего, возводились они из разных материалов, жженого, ранее использовавшегося кирпича и глины. С наружной стороны помещений для баз, кроме указанных материалов, также применялся камень-песчаник зеленоватого цвета.

Различен у колонн и их диаметр. Так, у четырехлопастной колонны, каждая лопасть имеет диаметр от 75 *см*, круглые колонны в зале «Дворца» — до 64 *см*. Весьма интересно устройство полуколонн, оформлявших периметр стен «Мавзолея». Они заключали в футляре, в виде пополам разрезанного и внутри полого столба, ствол и капитель. Футляр и базы возводились из жженого кирпича, а некоторые из глины сырца. Несмотря на имеющуюся разность в материалах и размерах, базы у полуколонн (а особенно валики окаймляющие стволы колонн) у всех однотипны и по своей форме приближаются к тосканскому ордеру.

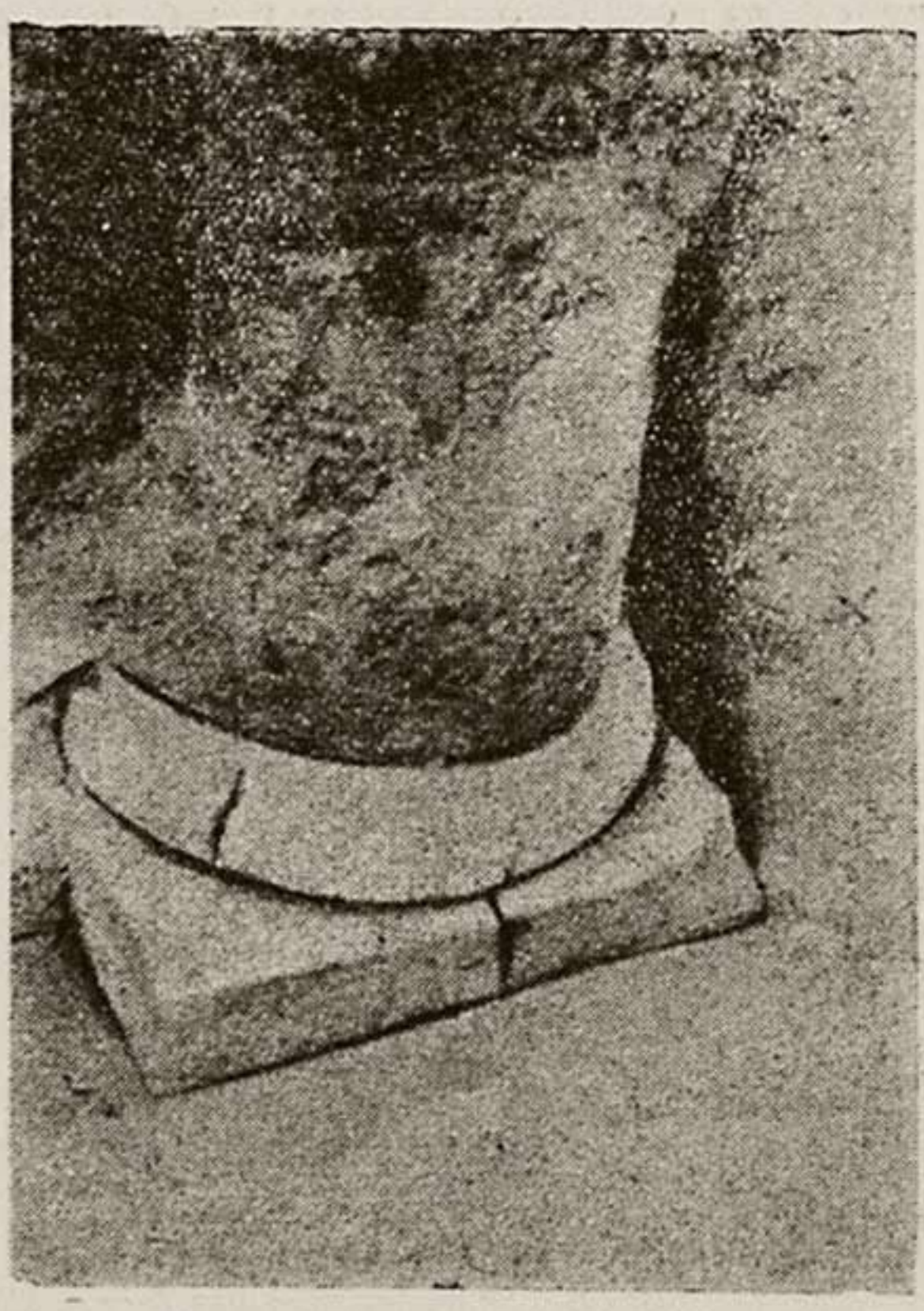


Рис. 7. База полуколонны Квадратного зала.

Раскопами 1946 года у здания „Мавзолея“ также был вскрыт с внутренней стороны северный его угол, который, как оказалось, оформлен не под прямым угол, как это показано предположительно на планах прошлых лет, а двумя выступами. До пола угол не расчищался, вследствие наличия здесь завала, состоящего из зеленой глины с раскраской.

В юго-западной части раскопа полностью была вскрыта одна комната, принадлежащая к верхнему „сасанидскому“ зданию, её размеры: ширина 2.20 *м*, предполагаемая длина 6 *м*. В кладке стен кирпич-сырец, размером 20×30×6 и 31×31×7 *см*. Толщина стен 75—70 *см*. В стенах кирпичная кладка сохранилась на незначительную высоту: в юго-восточной стене на 7 рядов, в северо-восточной и юго-западной по одному ряду, ниже кирпича идет выкладка из

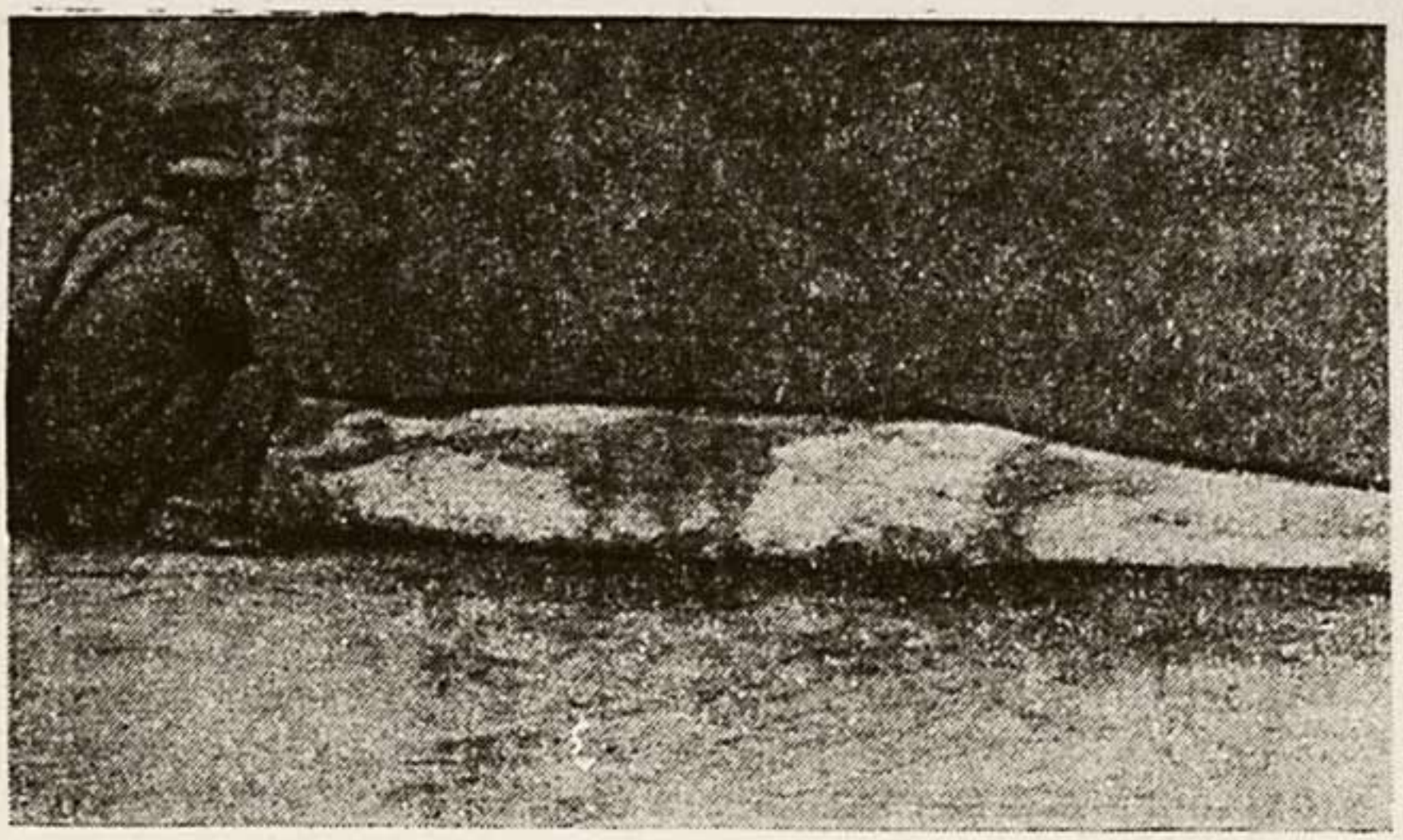


Рис. 8. Рухнувшая колонна.

пахсовых блоков, размером 45—50×50—55 *см.* В северо-западной части кирпичной кладки не обнаружено, очевидно, здесь в какой-то мере была использована стена старого здания парфянской эпохи. В юго-восточной стене имеется дверной проем шириной до 1 метра. Пола в комнате не обнаружено. Внутри комнаты сразу же под дерновым слоем на глубину до 1.90 *м* следует рыхлый завал, состоящий из обломков сырцового кирпича, глиняной

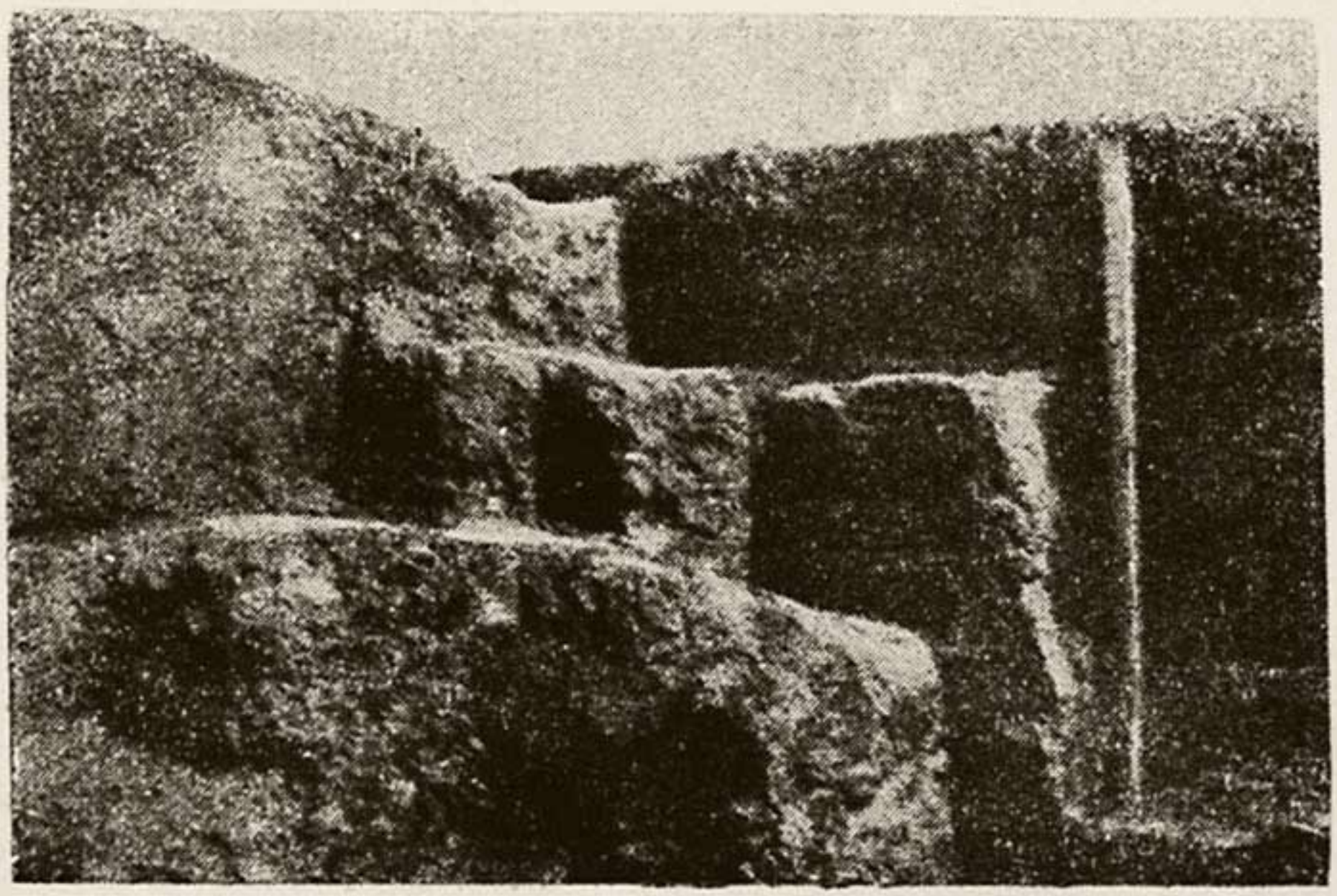


Рис. 9. Уступчатое оформление угла зала.

промазки и штукатурки; завал на значительной части комнаты довольно рыхлый и лишь в северо-западной части он становится более плотным. При разборке завала, прямых следов, указывавших на рухнувшее перекрытие, обнаружено не было. На глубине 1.90 *м* под завалом в дверном проеме комнаты обнаружена плетеная цыновка; она покрывает собой пространство в ширину несколько меньше, чем стена, а в длину имеет 1.80 *м*. Под цыновкой, параллельно ей, следует прослойка толщиной до 3 *см* типа натека (в разрезе очень хорошо видно тонкое послойное образование, как результат действия воды с отложением илистых частиц). По расположению цыновки мы видим, что по длине она занимает дверной проем и часть стены, следовательно, постелена была здесь уже в более позднее время, очевидно тогда, когда здание уже находилось в разрушенном состоянии.

При расчистке в комнате завалов было найдено незначительное количество фрагментов нехарактерной, красноглиняной неполивной посуды и несколько фрагментов с темнозеленой поливой домонгольского периода.

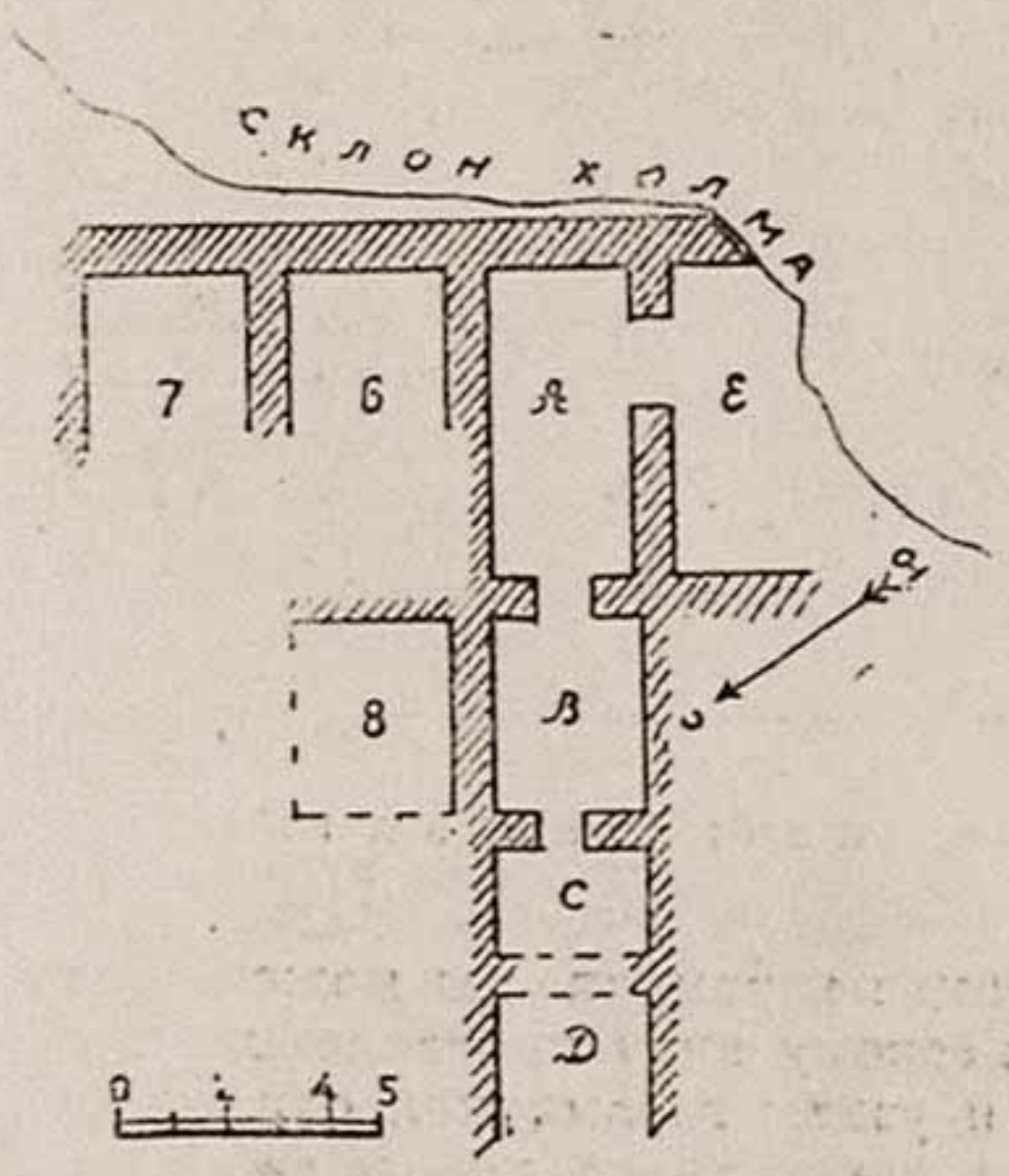


Рис. 10. Предполагаемая планировка верхнего средневекового здания (составил С. А. Ершов).

Сопоставляя раскопанную нами в 1946 году комнату с комнатами, вскрытыми ранее, видно, что она имеет с ними полную аналогию и безусловно принадлежит к одному и тому же зданию. За это же говорят: однородность материалов, техника приемов кладки, одинаковые размеры кирпича, одинаковая планировка и другие данные.

Наличие внутри комнаты поливной керамики XII-XIII веков заставляет отнести время разрушения (а возможно и постройки) верхнего здания, возведенного над парфянским, не к сасанидской эпохе, а к раннему средневековью. Что же касается необнаружения при раскопках ни ранее, ни теперь следов рухнувших перекрытий и полов, то эти обстоятельства приводят к мысли, что здание в свое время до конца не было достроено и на какой-то части заброшено.

Возле северо-западной стены между полуколоннами закладывали контрольный шурф, размером 1 × 1 *м*, который и был доведен до материка. Его глубина от уровня раскопанной части помещения оказалась 2.45 *м*. На всю глубину шурфа шла выкладка из сырцового кирпича тех же размеров, что и в самом здании. На глубине 30 *см* под полом были найдены две каменные архитектурные детали — одна плитка с каннелюрами, а вторая в виде как бы тавровой балки. На самом дне шурфа, под кирпичной кладкой, найден один фрагмент стенки толстостенного красноглиняного сосуда со следами темнокрасной росписи.

На этом раскопочные работы в сезоне 1946 г. в крепости «Старая Ниса» были закончены.

Произведенные раскопки в крепости «Старая Ниса» дали небольшое количество находок, среди которых большинство составляет глиняная посуда, представленная почти исключительно фрагментами. Основная масса керамики принадлежит к разряду неполивной посуды, но в большинстве своем имеет: серый, красный и темнокоричневый ангоб; изредка попадались черепки с красным и черным лощением. Посуда ремесленной работы и, как видно по черепку, приготовлялась из хорошо отмученной глины и при хорошем обжиге.

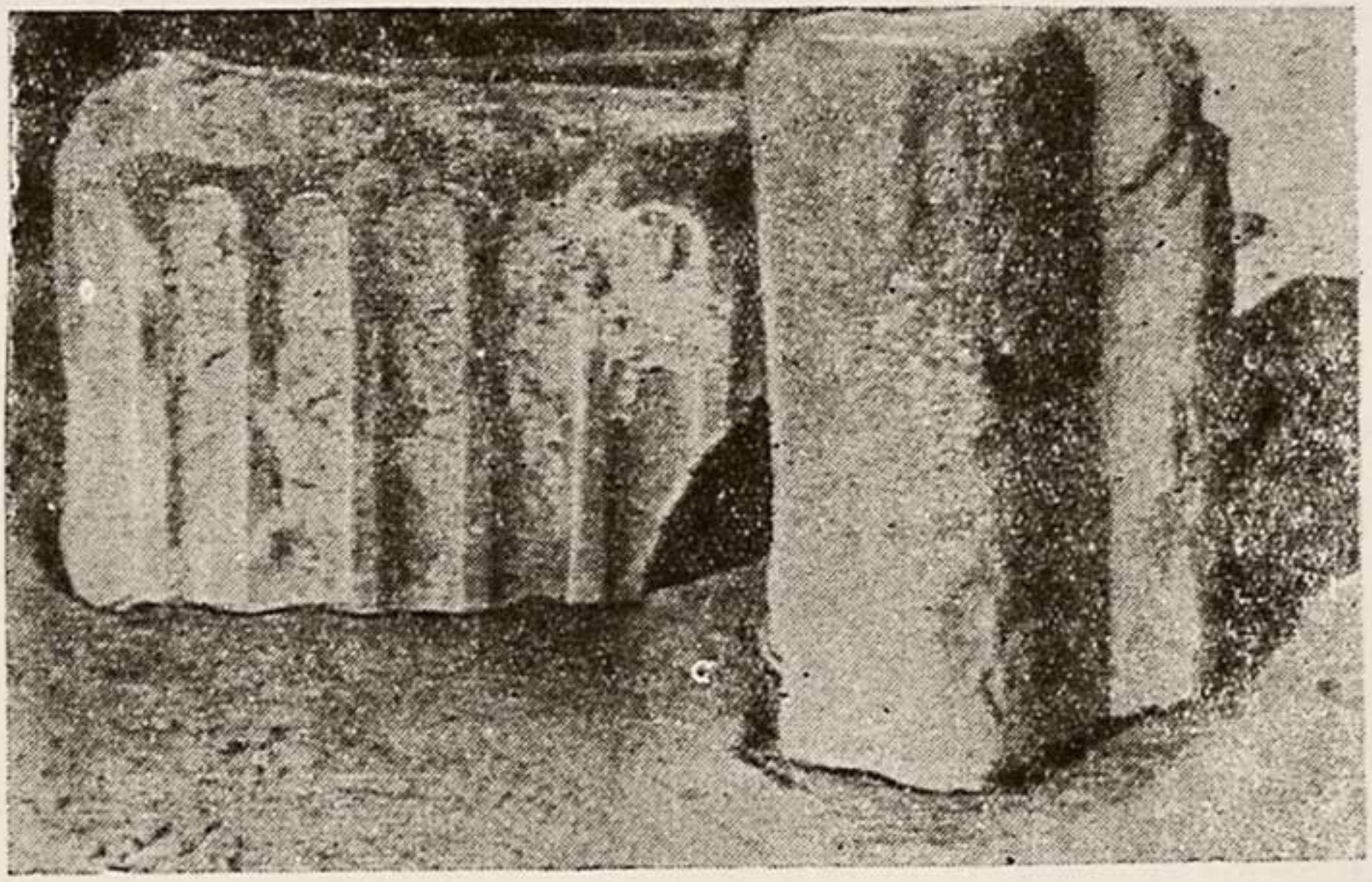


Рис. 11. Каменные архитектурные детали, извлеченные из под пола.

Из полученной в фрагментарном виде керамики мы можем пока выделить лишь три вида посуды. К первому виду принадлежат крупные толстостенные сосуды с широким и узким горлышком, служившие, очевидно, для подноса и хранения воды, затем тонкостенные чашечки в виде пиал и, наконец, сосуды грубой домашней работы в виде котлов, служившие, по всей вероятности, для приготовления пищи.

Поливная керамика была получена также весьма в ограниченном количестве и в фрагментарном виде. Встречалась она, кроме двух черепков, исключительно в верхних слоях раскопок (III—V яруса). Большая часть этой керамики имеет темнозеленую поливу, без какого-либо орнамента; как единицы имеются черепки с синей, бледноголубой и белой поливой. По времени поливная керамика может быть отнесена и к XII—XIII вв. н. э.

В конце работ, в одной из комнат хозяйственного назначения здания «Дворца», раскопанной в 1935 году, по моему указанию был откопан один хум, больших размеров: высотой 1.20 *м*, с диаметром горлышка — 0.35 *м*, днища — 0.17 *м*. Хум стоял в западном углу ком-

наты вкопанным, очевидно для устойчивости, в пол на глубину 10 *см*. В прошлом при раскопках этот хум не расчищался, а поэтому для стратиграфического изучения образования слоев в хуме, вокруг него была расчищена площадка размером 0.50 *м*. При одновременном снятии вокруг хума и в хуме слоев, было установлено, что под верхней рыхлой массой земли следовал сразу же слой, состоящий из большого количества обломков сырцового кирпича. Вся эта масса обломков, очевидно, попала в хум при обвале перекрытия и части стен. Об этом же

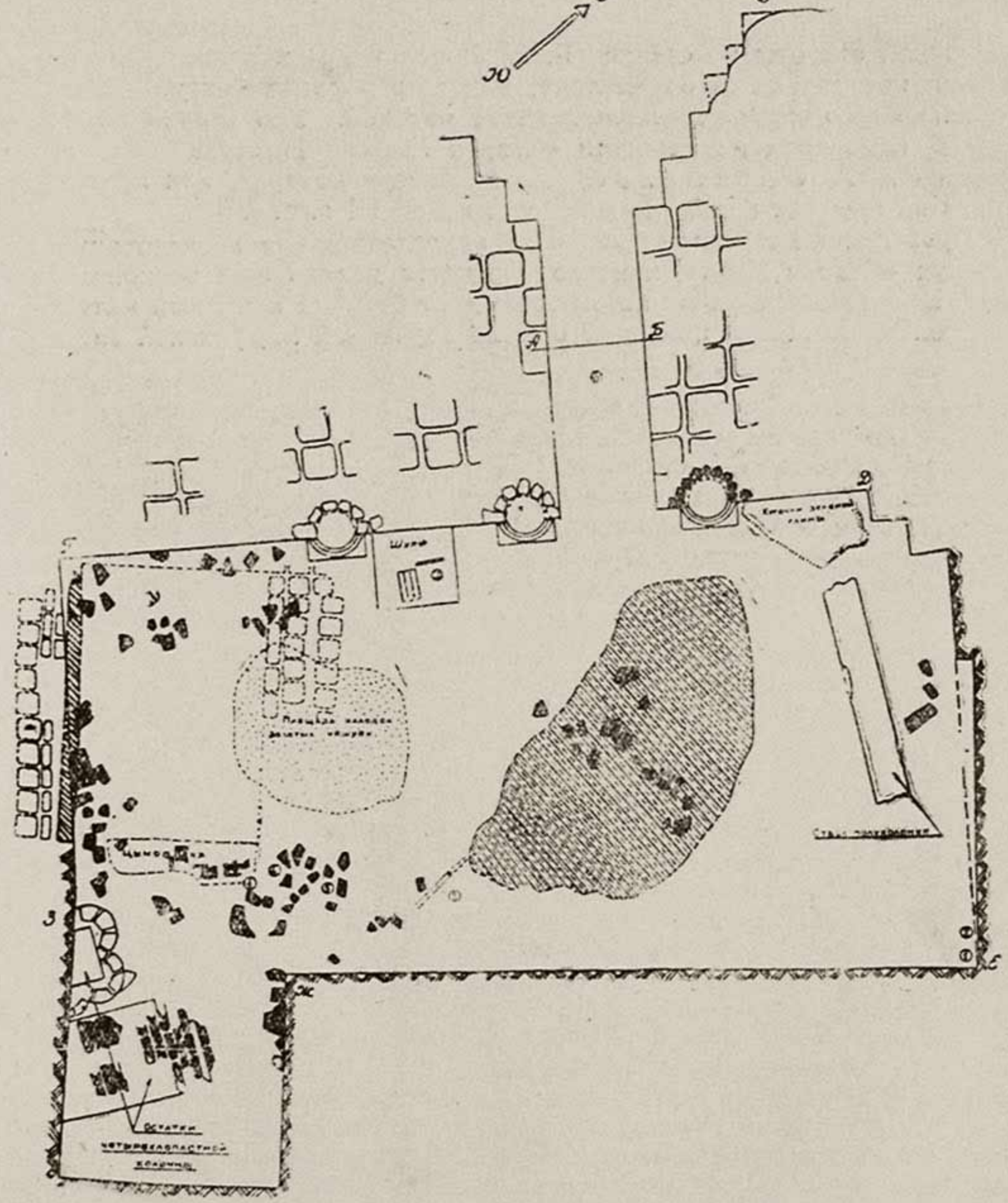


Рис. 12. План раскопа (составили Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович).

свидетельствует наличие в нижней части завала большого количества алебастровой штукатурки. Мощность слоя около 0.80 *м*.

При разборке завала в нем были найдены: камень-булыжник черного цвета, несколько фрагментов неполивной красноглиняной керамики, мелкие кусочки древесного угля и несколько косточек животных.

Нижний слой мощностью в 30 *см* носит иной характер в виде натека. В срезе и этого слоя прекрасно видны прослойки, образовавшиеся от проникновения, после разрушения здания, воды. На три четверти глубины он оказался засыпанным костями животных. В этом же слое был найден хорошо сохранившийся череп козла.

Расчищенный хум оказался весьма ценным приобретением. На нем с наружной стороны на стенке Б. А. Литвинский усмотрел следы надписи, которая была определена, как ранне-пехлевийская. Надпись выполнена по ангобу темнокоричневой краской. Это вторая по счету надпись, найденная на крепости «Старая Ниса». Позднее она была признана А. А. Фрейманом, по характеру почерка, как принадлежащая ко времени более раннему, чем конец III в. н. э.

Проведенные в сезоне 1946 года археологические исследования на крепости «Старая Ниса», конечно, являются далеко еще неокончательными. Продолжение работ несомненно даст богатый и ценный материал к восполнению наших познаний о мало изученной парфянской эпохе.

В. А. ЛЕВИНА

СТЕНА И БАШНЯ „СТАРОЙ НИСЫ“

(Археологическое вскрытие 1946 г.)

Письменные данные о крепости «Старая Ниса» очень скудны, а в этих, имеющихся в нашем распоряжении, сведениях нет даже и краткого описания её крепостной стены. В некоторых случаях только фиксируется состояние большой деформации этих сооружений[1]).

Раскопочные работы, развернутые в период 1930—1936 г.г. на «Старой Нисе», никак не коснулись ее крепостных стен, если не считать шурфа на СВ фасе крепости, который очевидно не дал результатов, так как в известной нам литературе этот факт никак не отмечен, — сведения же о нем почерпнуты из устного сообщения археолога С. А. Ершова.

Дальнейшего развития изучение сооружений не получило, и стена не была объектом археологического вскрытия[2]).

Крепость «Старая Ниса», которая находится несколько ближе к Ашхабаду, резко выделяется на фоне зелени и синего неба, контрастируя своим угрюмым, пустынным видом с сельским пейзажем, окружающим ее. Массивные оплывы ее стен и башен находятся на холме и господствуют над окружающей местностью.

Несомненно, что башни крепости когда-то были прекрасными обсервационными пунктами. Даже в руинном состоянии сооружения подавляют своим величием и колоссальностью. Крутой холм, увенчанный стенами и башнями, которые в настоящее время сохранились на высоту 10—15 метров, а когда-то были значительно выше, конечно производил впечатление неприступности. Стены крепости «Старая Ниса» имеют протяженность несколько более полутора километров. Крепость в плане представляет собой сильно вытянутый с северо-востока на юго-запад пятиугольник. Ее северо-восточный конец имеет округлые очертания, а южный в виде отростка выдается из контура крепости. Расстояние по её длинной оси более 600 метров, а по короткой около 400.

Крепость в сторону степи обращена двумя фасами, северо-восточным и восточным. Место их смыкания закреплено башней № 1, далеко выступающей вперед. Эта сторона крепости напоминает распростертую птицу, на концах крыльев которой тоже находятся узлы обороны. На северном конце — это ансамбль из трех сомкнутых башен[3]), а на юге башня № 35 — башня-великан, которую не без основания можно назвать бастионом. Очевидно, противника ждали не только из степи, но и из культурной полосы предгорий и максимально укрепили всю восточную сторону. Здесь же мы видим и кирпичную кладку, в то время как со стороны города она не прослеживается. Фасы, обращенные к городу,

может быть и не были сооружены из кирпича; шурф, прорезавший толщу северо-западной стены, не дает и намека на кирпичную кладку, возможно, что эта сторона была возведена только из пахсы.

Башни в количестве 43-х располагаются на стене с промежутками в 20—35 метров, образуя ясно заметные выступы по периметру крепости. На западном, юго-западном и северном склонах как башня, так и стена представляют собой оплывы мягких очертаний с одернованными склонами.

С юго-восточной и восточной сторон постоянно дующие ветры обнажили остатки кирпичной кладки башен. Башни имеют различные размеры; есть очень крупные, которые по преимуществу располагаются на стыках стен и на углах. Малые башни расположены между ними; их размеры, приблизительно устанавливаемые при обследовании, равны 4—5 *м*. Размеры куртин варьируют в пределах от 25 до 35 *м*, тогда как по правилам античной фортификации полагается сто локтей (около 46 метров[4]), чтобы не создавать слишком большого угла при обстреливании их. Размеры больших башен 7—10 *м*. Исключениями являются башни № 35 и № 1, размеры которых колоссальны. Выступающая часть башни № 35 достигает 30-ти метровой ширины. Башня № 1, в сохранившейся верхней части, имеет 13 *м* ширины, но несомненно, что она была шире.

Материалом для возведения этих башен служили пахса и сырцовый кирпич. Употребление пахсы чаще всего зафиксировано в нижних частях башен. В теле некоторых из них прослеживается ряд отверстий, может быть, балочных гнезд[5]).

Большой интерес с точки зрения фортификации представляют собой башни №№ 1, 13, 14, 15 и 35. Башня № 1 значительно возвышается над стеной, которая представляет собой оплывший вал с гребнем шириной от 1.5 до 2 *м*. С внешней стороны башня сохранила кирпичную кладку на высоту 4 *м*. Кладка сделана из кирпича-сырца размерами 40×40×14; 38×38×12; 41×41×16 *см* и имеет уклон около 70°. Вершина башни представляет собой довольно значительную площадку; здесь в стенках старого окопа видны следы кирпичной кладки. Эта башня оформляет угол смыкающихся стен. Длинный фронт стены на востоке оформлен башнями меньших размеров, находящихся на расстоянии 30—35 *м* друг от друга и заканчивается на поворотах башнями №№ 13, 14, 15 на северо-востоке и башней № 35 на юге. Башни №№ 13, 14, 15 почти смыкаются друг с другом, представляя собой оборону поворота стены. Башня № 35 значительно выступает из тела крепости. На обширной площадке её верхней части намечаются следы провалов прямоугольных очертаний. Возможно, что это обвалившиеся караульные помещения. Археологическое вскрытие этой башни даст интересный материал к истории крепости.

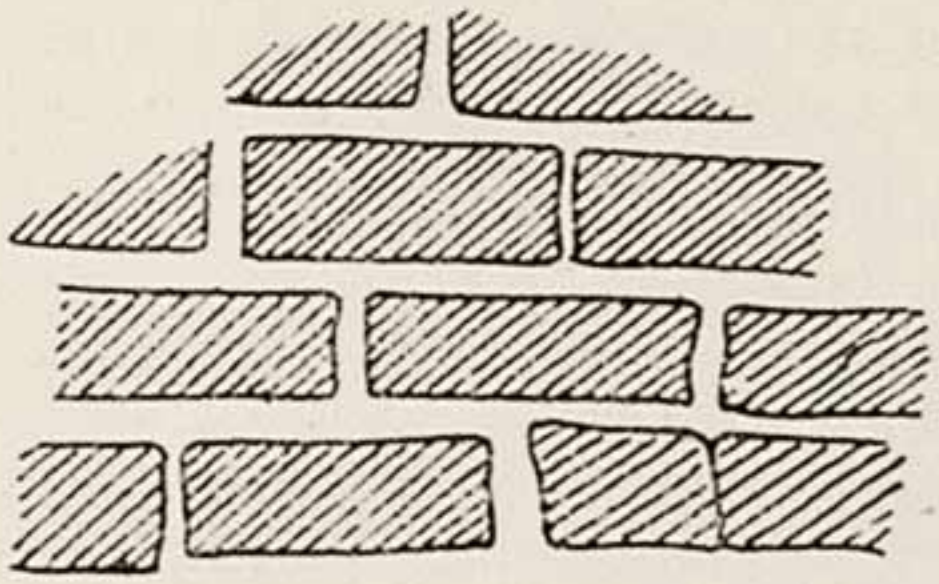


Рис. 1. Характер кирпичной кладки башни № 1.

Небезынтересно отметить, что северо-западные и юго-западные фа-

сы крепости имеют ясно выраженный профиль, где, несмотря на мягкие линии оплыва, можно установить стену и башни, от основания которых, начиная с башни № 15, идет значительный выступ, как бы платформа для них. Можно предположить, что эта платформа имела целью выравнивание холма, чтобы создать основание для сооружения стены. Возможно, что она использовалась и в целях усиления обороны стен.

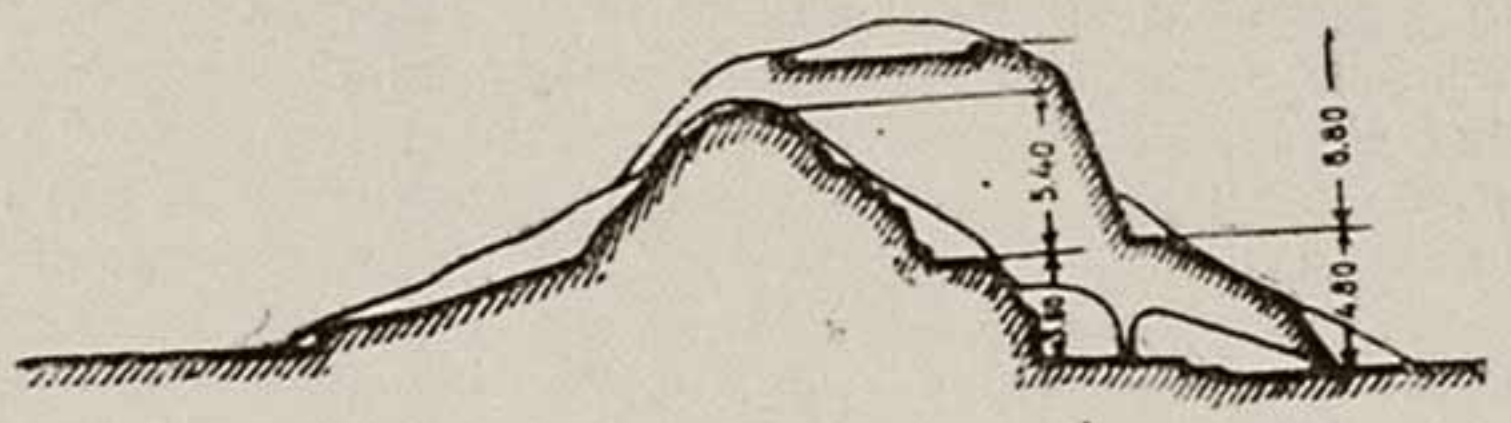


Рис. 2. Профиль стены и башни (составила В. А. Левина).

Важным моментом при изучении крепости являются места ворот. В данном объекте археолог С. А. Ершов, начальник отряда № 1, предполагает наличие трех ворот — одни на восточном фасе и двое на стороне, обращенной к городу[6]). Но представляется мало вероятным, чтобы защитники крепости захотели ослабить фронт, направленный к врагу, поместив в нем ворота. Ворота, как известно, самые слабые места при обороне. Н. И. Репников, описывая предвратные сооружения Эски-Кермена (V в. н. э.), отмечает, что ворота в момент осады закрывались. Промежутки между входными преградами забивались землей. Таким образом, если ворота не нужны, а вредны во время осады, то надобность трех ворот, одни из которых, якобы, направлены в сторону предгорий, откуда мог появиться враг, для «Старой Нисы» отпадает. Вылазки же могли осуществляться и через проходы-калитки, которые специально для этой цели и делались возле башен. Логичнее было бы предположить одни или двое ворот в фасах крепости, обращенных к городу. На этой стороне между башнями №№ 19—20 и №№ 29—30 прослеживается вдоль стен нечто вроде пандусов — отлогих скатов, по которым и сейчас можно взбираться без особого труда. Древними полиоркетиками при устройстве крепостей рекомендуется расположение подходов вдоль стен[7]), так как в этих случаях враг попадает под усиленный обстрел со стен еще до приближения к воротам. Это условие имеется налицо в даном случае. Башня № 35, расположенная невдалеке, создает дополнительную охрану входа.

Выбор места для археологического вскрытия стены был обусловлен необходимостью выяснить характер башни и стены и назначение помещений, находившихся в ней. По мысли начальника экспедиции нужно было провести тщательное обследование этого фортификационного сооружения парфянской эпохи, чтобы выявить его основные элементы, возможные способы обороны и архитектурный облик.

Одновременное обследование стены и архитектурного комплекса даст возможность ввести в научный обиход новый материал по вопросам истории Нисы и парфянской культуры. Для археологического вскрытия были выбраны площадки в месте смыкания башни со стеной и на её вершине. Башня № 1 имела сохранившуюся на большом про-

тяжении кирпичную кладку своей передней стены и казалась наиболее сохранной. Таким образом, выбранная площадка давала возможность разрешения интересующих нас вопросов. После этого приступили к разбивке на квадраты и нивелировке территории, предназначенной к археологическому вскрытию.

Необходимо было получить какую-то последовательную картину разрушения и обвалов стены и башни, и это мог дать только стратиграфический разрез всех наслоений, образовавших огромный оплыв от гребня стены до склонов естественного холма. Вскрытие производилось поквадратными выемками, при высоте яруса в один метр, со строгой фиксацией всех находок и наблюдений при съёмке слоя. Нашей задачей было получение разрезов и чтение земли, которая залегала в раскопе и нарушалась по мере проведения работ. Фиксация этого была возможна при том методе поярусной и поквадратной съёмки земли, который неуклонно проводился на всех площадках.

Работы по археологическому вскрытию данного объекта были начаты проведением в сезон 1946 года. Они дали возможность выявить ряд интересных моментов технического и декоративного характера, относящихся к конструкциям и внешнему виду стены и башни. Раскоп шириной от 1.5 до 2 *м*, заложенный с гребня стены по обе стороны её в направлении с запада на восток, в результате произведенных работ выявил данные, на основании которых можно говорить о профиле сте-

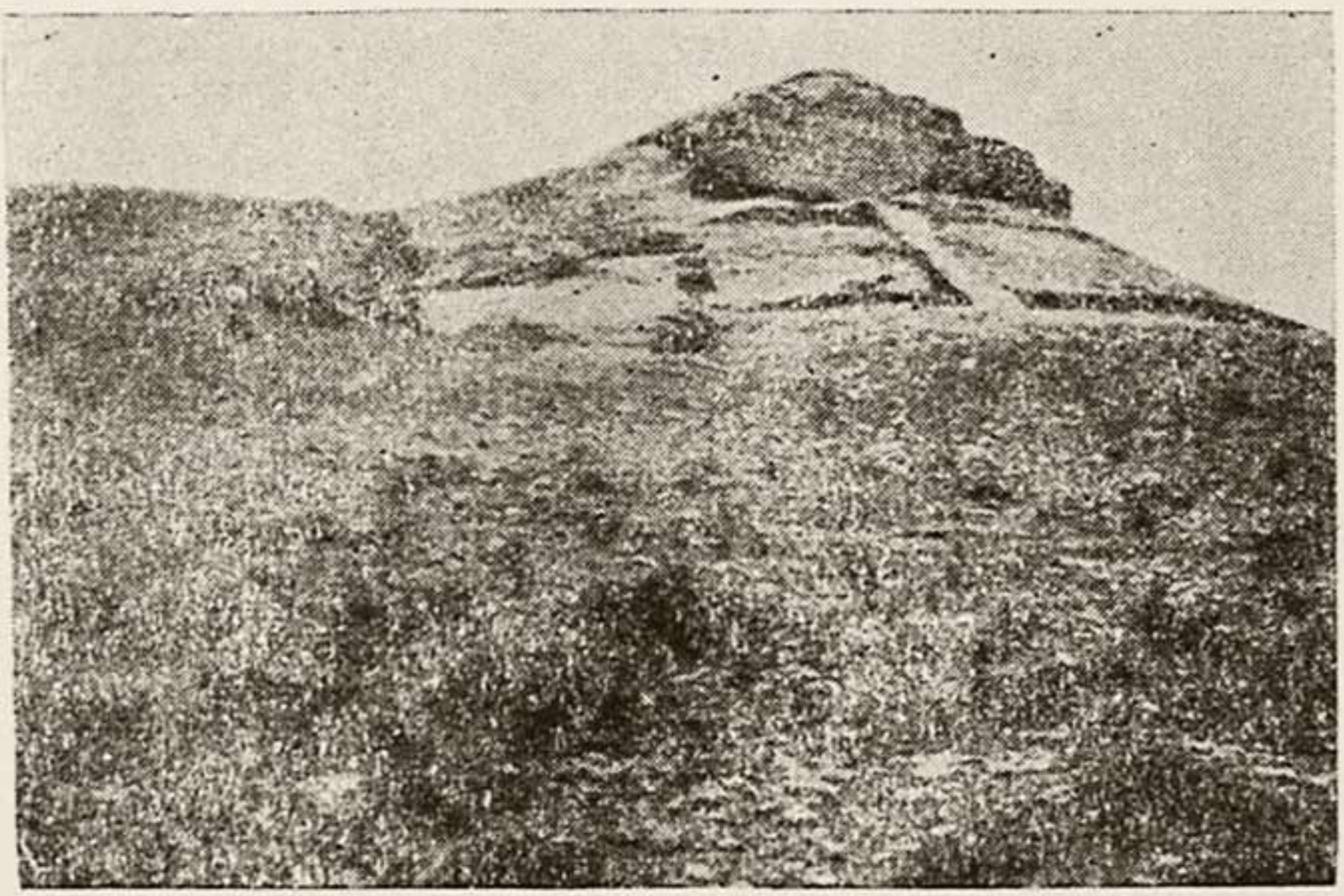


Рис. 3. Общий вид раскопа.

ны, о её высоте и ширине, об использовании холма, о помещениях на башне и т. д.

Прежде всего необходимо остановиться на устройстве юго-восточной стены в той части, которая была выявлена во время вскрытия. Раскопки показали, что стена стоит на высокой платформе, сложенной

из кирпича-сырца и пахсы. Ширина её от линии стены более 3 *м*, а высота 3.5 *м*. Эта платформа выравнивает крутой склон холма и создает площадку для возведения самой стены. Поверхность вершины холма внутри крепостных стен, смыкаясь с этой платформой, дает уровень, от которого начинается искусственное сооружение. Высота

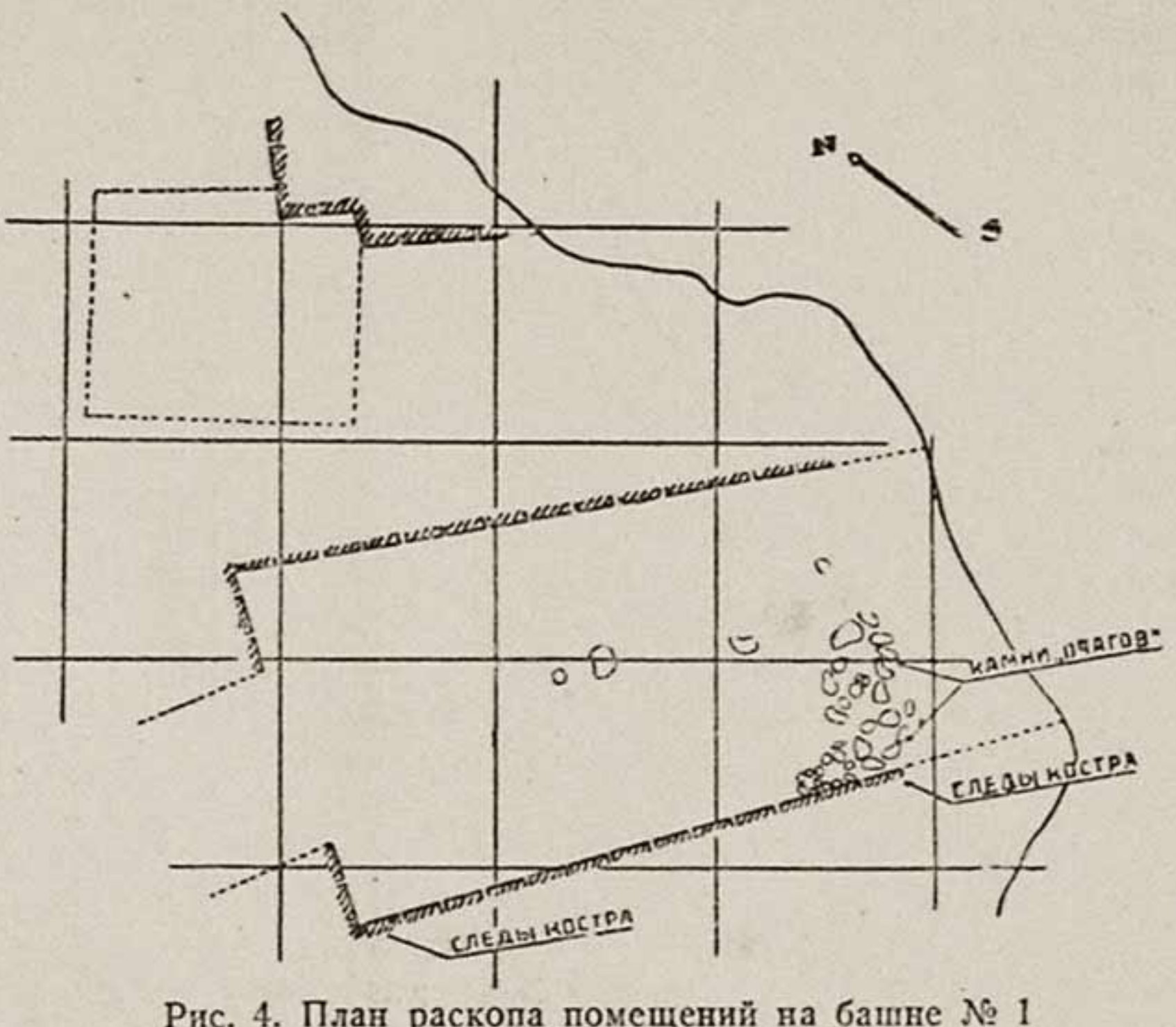


Рис. 4. План раскопа помещений на башне № 1
(составил Б. А. Литвинский).

стены внутри крепости таким образом ниже, чем снаружи. Этот прием нивелировки холма с помощью искусственной кладки очень древен[8]). Стена, сохранившаяся на высоту 4.5 *м*, имеет ширину в верхней части около двух метров, а в нижней до 10 *м*. Большая толщина стен в нижней части объясняется возможностью противопоставить массу её ударной силе таранов и необходимостью равномерного распределения нагрузки на грунт и подпорную платформу, обусловленную материалом. Ширина верхней части стены должна была обеспечить свободу передвижения бойцов. Внешняя часть стены облицована кирпичом-сырцом, внутренняя же сторона сложена из пахсы; очевидно, она составляла ядро постройки. С высоты шести метров сохранился горизонтальный ряд кирпичной кладки; возможно, что не сохранившаяся часть стены возводилась только из кирпича. Линии стены не отвесны и имеют уклон около 70°, образованный с помощью небольших отступов в процессе кладки, что соответствовало требованиям полиоркетики, преследовавшим цель затруднить эскаладирование стены и обеспечить хороший обстрел противника[9]). Эти отступы выравнивались при помощи глиняной смазки. К стене примыкала башня (раскоп обнажил место их смыкания), кладка которой не имеет конструктивной связи со стеной; она отделена от нее довольно широким швом, который не всегда

является свидетельством разновременности возведения сооружений, а говорит о традиционном приеме предохранения куртин от деформации при оседании почвы под более тяжелой башней[10]).

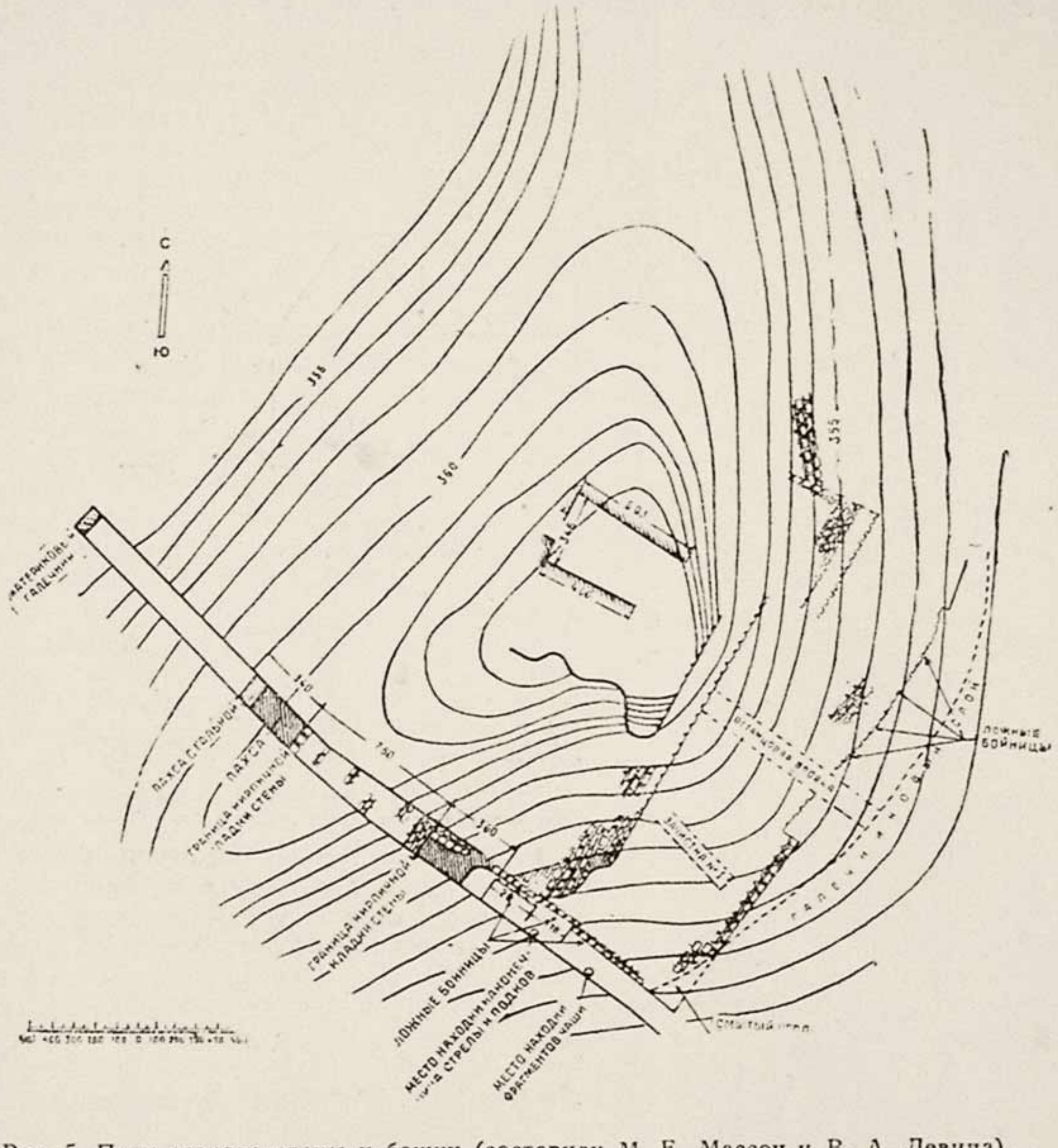


Рис. 5. План раскопа стены и башни (составили М. Е. Массон и В. А. Левина).

Башня сохранилась в очень небольшой части на высоту до 4.5 *м*. Её юго-западный угол смыт почти до основания платформы. Разрушение шло по наклонной плоскости с вершины башни, которая, очевидно, не имела перекрытия и подвергалась воздействию атмосферных факторов прежде всего. Падение верхней части повлекло за собой сбвал искусственного цоколя башни. Эта цокольная часть в настоящее время имеет вид крутого склона, на котором очень легко опознается

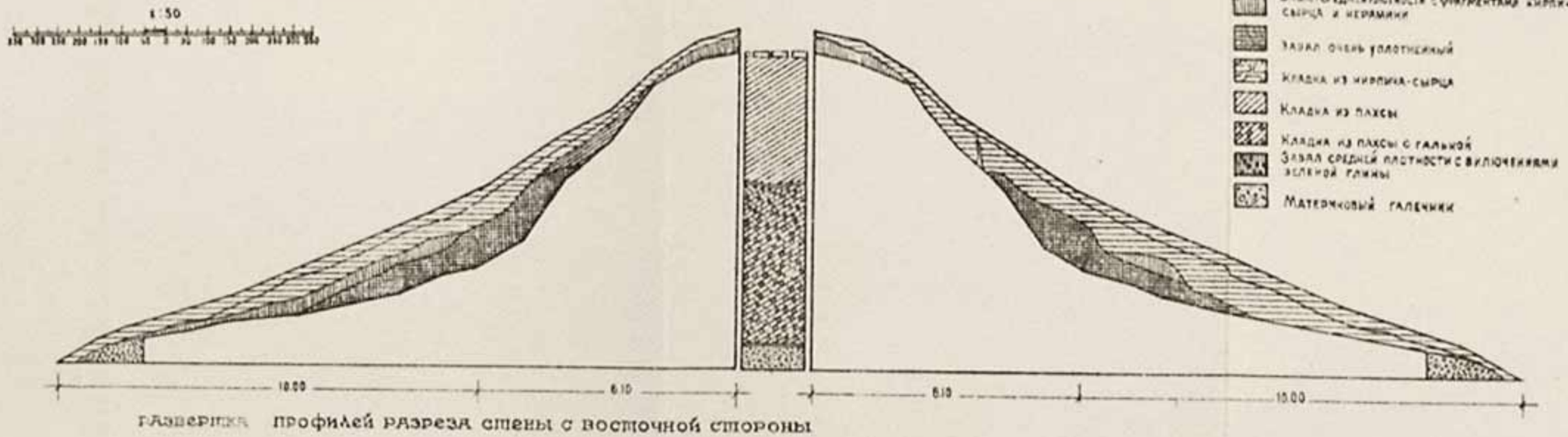
кирпичная кладка из кирпича-сырца того же размера, что на фасадной стене башни и на куртинах. На вершине башни вскрыто помещение 3.45 × 6 *м* (в сохранившейся части), которое в плане имеет трапециевидную конфигурацию.

В восточной части границы помещения не прослеживаются, — настолько далеко пошел процесс разрушения. Почти у края сохранившейся стены башни, в пределах этого помещения лежали кучи камней различного размера, предназначенных, вероятно, для метательных орудий. Назначение этого помещения и время его сооружения можно будет определить при дальнейших раскопках. Сейчас только можно предположить, что это было помещение для охраны и боеприпасов, так как для установки орудий-камнеметов здесь слишком мало места. Может быть, они и были установлены в боковых помещениях (наличие которых проблематично), а вернее всего на верхней площадке башни, где была полная возможность развернуть их действие[11]). В нижней части своей башня представляла собой монолит, который составлялся из кирпичной кладки и пахсы, как это стало очевидно при раскопках помещения и очистке разрушенного угла. Этот факт не противоречит правилам древней фортификации[12]). Правда, подъем линии обороны лишал крепость настильного фланкирования, что восполнялось взаимной обороной башен. Основание башни дает прямую линию на всем протяжении фасада и довольно четко выраженный прямой угол с северной стороны. Стоит она, как показала частичная зачистка, на юго-восточном фасе, на пахсово-кирпичной платформе, которая покоится уже непосредственно на склоне холма. Естественный склон обработан в виде горизонтальных уступов, на которые со слоем смазки клались кирпичи, создающие горизонтальную поверхность, приподнятую до верхней площадки холма, о чем уже говорилось выше. Строительным материалом, использованным при постройке, послужила глина, распространенная повсеместно и легко подвергающаяся обработке, благодаря

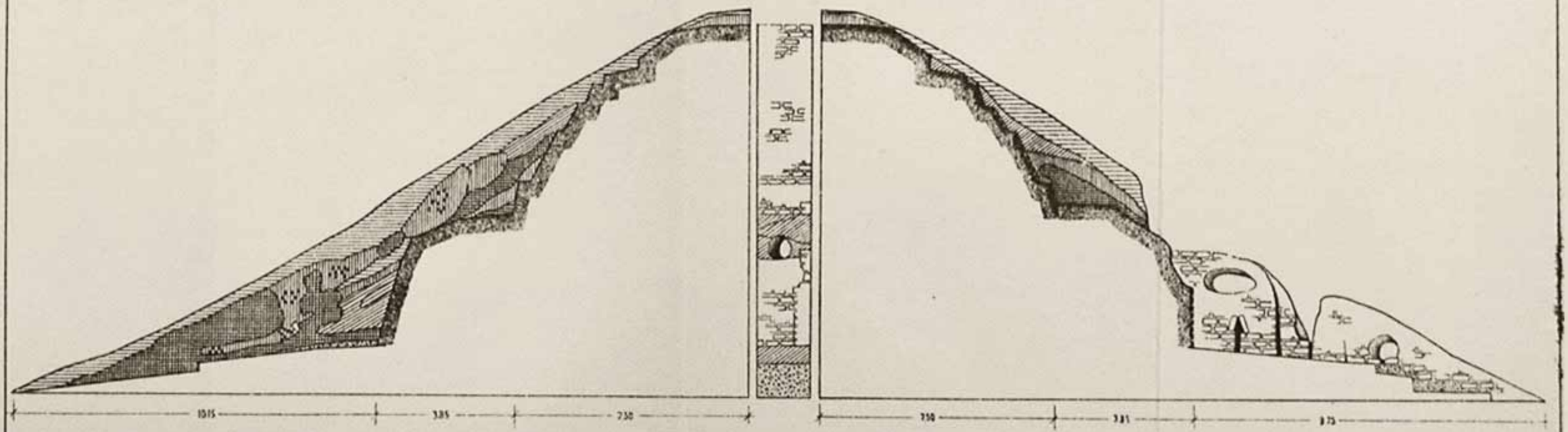
Рис. 6. Стреловидная прорезь в кладке стены.

Крепость Стара Ниса

Развертка профилей разреза стены с западной стороны



Развертка профилей разреза стены с восточной стороны



Експлікация

- Дерновый слой
- Сутесь и продукты разрушения
- Линзы из мелко-разрушенного сырцового кирпича
- Завал средней плотности с фрагментами кирпича сырца и керамики
- Завал очень уплотненный
- Кладка из кирпича-сырца
- Кладка из пахсы
- Кладка из пахсы с галькой
- Завал средней плотности с включениями зеленой глины
- Материковый галечник

своим пластическим качествам. Глина, тщательно обработанная и смешанная с рубленой соломой, служила для изготовления кирпичей солнечной сушки, которые делались довольно крупных размеров. Варианты размеров очевидно являются следствием сушки и степени заполнения формы сырой массой, а, может быть, и размерами самой формы. Иногда в массе кирпичей встречаются фрагменты красноглиняной керамики и мелкая галька, очевидно использованные в качестве шамота. Пахса, являющаяся основным компонентом в сооружении, как выяснило предварительное обследование, различна по своему механическому составу. Ряды её чередуются в какой-то последовательности, которая вероятно диктовалась наличием того или иного материала на строительной площадке. Возведение стен — дело трудоемкое и требующее большого промежутка времени для своего осуществления. Бертье-Делагард установил несколько периодов возведения стен Херсонеса по наличию различного строительного материала.

В стенах Старой Нисы встречается пахса с галькой, пахса только из глины однородной и хорошо обработанной, пахса комковатой структуры, видимо, сделанная из разрушенных сырцовых кирпичей или из старой пахсы. В ней тоже встречаются черепки неполивной красноглиняной посуды. Глина того же состава, что и для кирпичей, шла на обмазку стен[13]) и в качестве связи при перевязке швов. Интересно наблюдение С. А. Ершова, что вертикальные швы не заполнены целиком раствором, и это наводит на мысль, что раствор клался только на горизонтальных плоскостях и под тяжестью следующего ряда излишек вдавливался в вертикальные швы. В результате наблюдений над характером кладки выяснилось, что осуществлялась только вертикальная перевязка, а горизонтальные ряды её не имеют, если не считать небольших передвижек кирпича вследствие вариации его размеров. Осуществлена и нивелировка горизонтальных рядов, так что можно говорить об относительной тщательности кладки. Поверхности стен и башен покрыты слоем обмазки-штукатурки, что удалось выяснить при вскрытии нижних частей стены и основания. Сохранившийся кусок башни уже потерял такой предохранительный слой. Платформа башни, очищенная до площадки естественного склона, у самого основания имеет 4 щели, назначение которых пока определить затруднительно. Известно, что для осушки массива сооружений применялись дренажные устройства, что могло иметь место и здесь. Определить эти щели как бойницы нельзя, так как тогда надо предположить внутри платформы наличие пространства, которое ослабило бы её оборонные и конструктивные качества. На боковом фасаде башни, обращенном на юг, таких щелей имеется четыре, причем одна из них, оказавшись в благоприятных условиях, сохранилась полностью и представляет собой стреловидное отверстие, выполненное в кирпичной кладке. Наконечник стрелы-щели образован двумя положенными углом кирпичами[15]). На переднем фасаде сохранились лишь нижние части щелей, но надо полагать, что и они имели аналогичный вид. В верхней полуразрушенной части платформы было обнаружено балочное гнездо прямоугольного сечения, размером 20×13 *см*. В верхней и нижней частях его были прослойки гальки, может быть, для дренажа. середина же гнезда заполнена деревянной балкой, обратившейся в

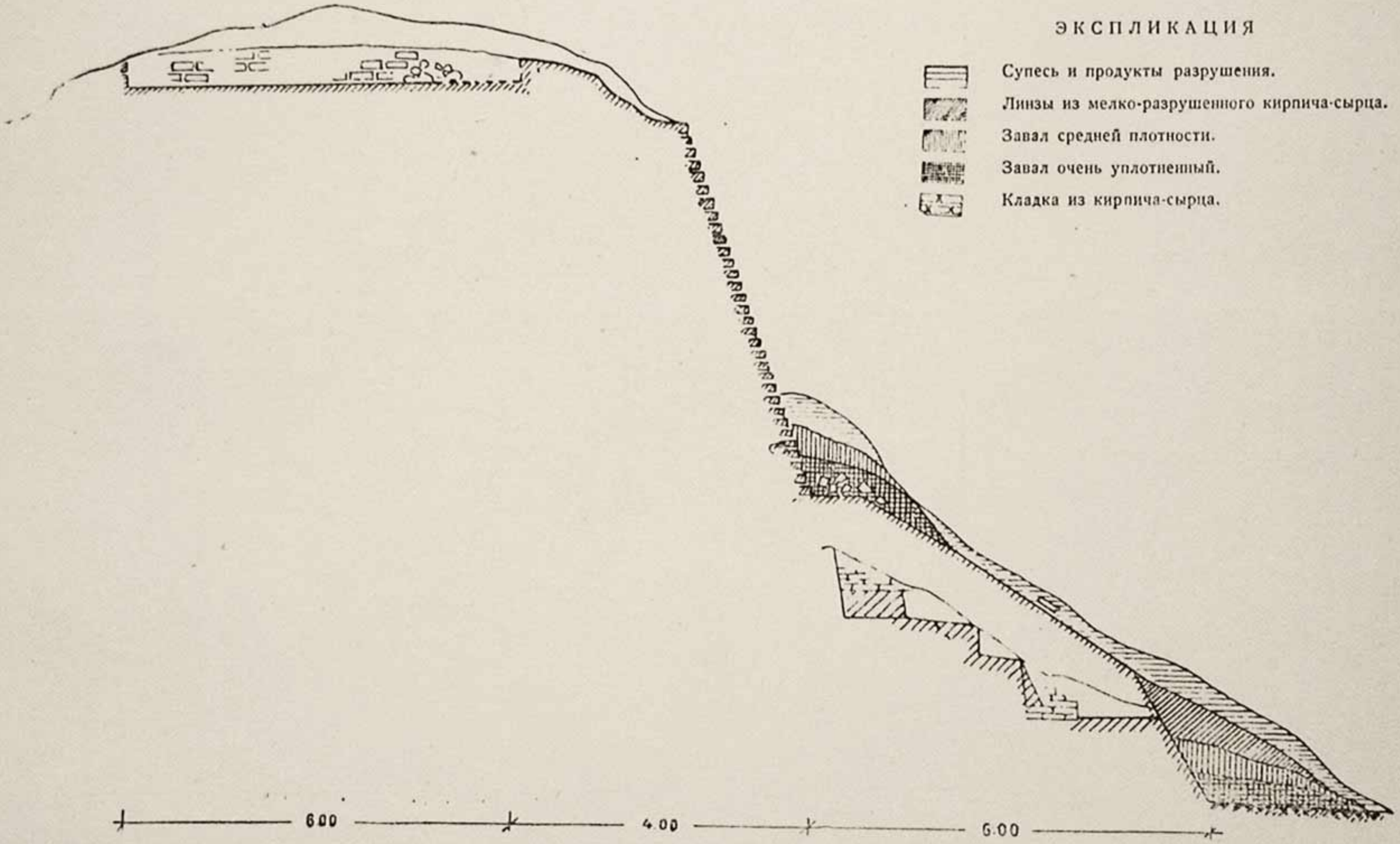


Рис. 7. Профиль башни № 1.

труху. Вероятно, дерево употреблялось здесь по традиции в качестве арматуры для устойчивости сооружения.

Вскрытие стены и башни дало возможность выявить характер наслоений. Этот стратиграфический разрез позволяет с определенностью сказать о нескольких, по меньшей мере четырех, периодах крупных разрушений, которые образовали плотные толщи слежавшихся кусков кирпича-

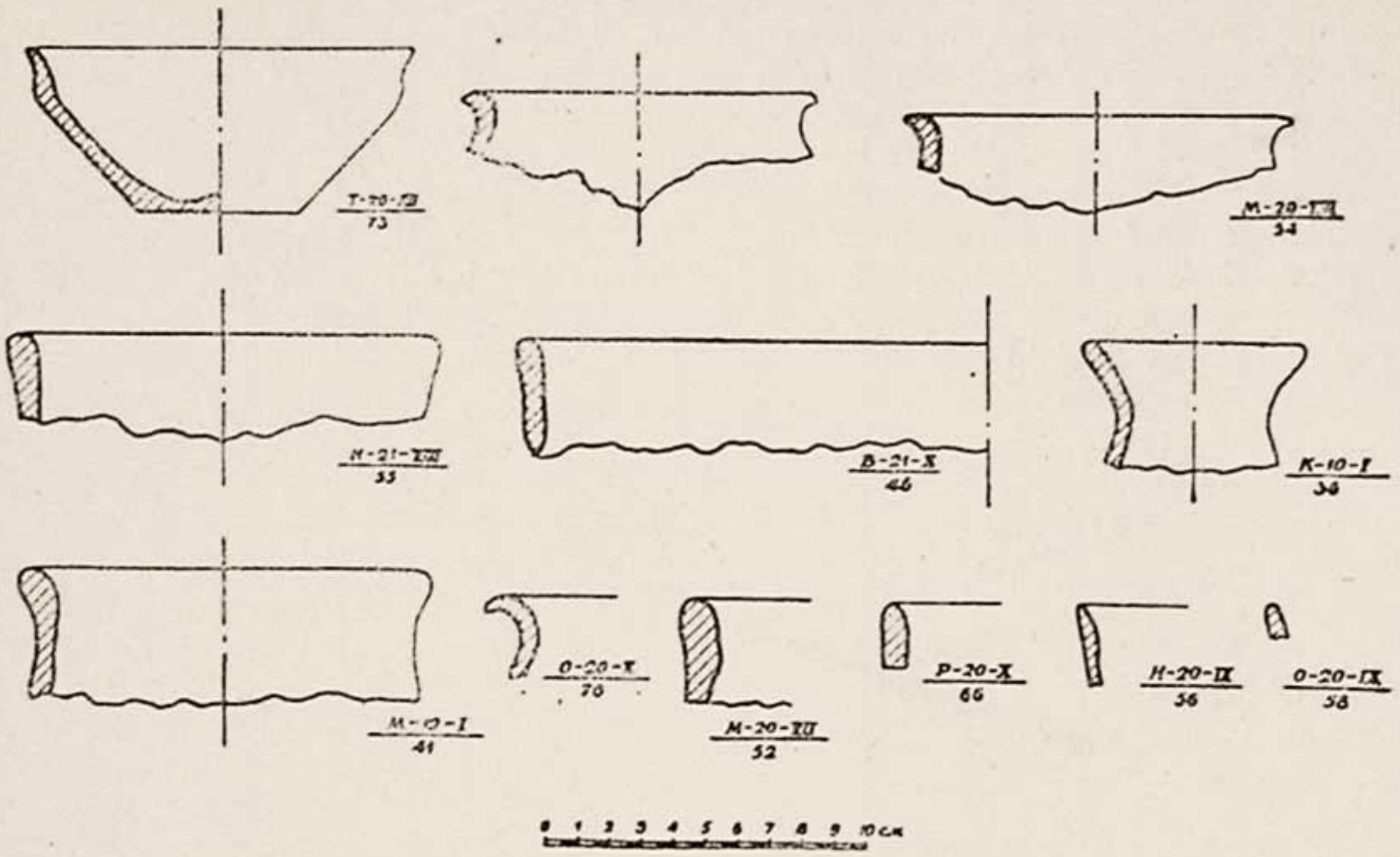


Рис. 8. Парфянская керамика из раскопа.

сырца и булыжника, перемежающихся тонкими наслоениями мелко обкатанного материала, накоплявшегося в промежутке последующих более постепенных разрушений. Глинистые натеки, обволакивающие эти завалы, и встречающиеся массы рыхлой переработанной земли говорят о действии весенних и осенних вод, которые играли активную роль в процессе начавшегося разрушения. Завалы включают кости мелких животных и большое количество керамики преимущественно в фрагментарном состоянии. Преобладающее количество черепков сделано из красной и желто-красной глины с примесью мельчайших блесток слюды. Глина хорошо отмучена и однородна. Черепок плотный хорошо обожженный. Роспись и полива на фрагментах из завалов с внешней стороны раскопа отсутствуют и в малом количестве обнаружены в завалах внутри крепости. Поливные фрагменты, встреченные во внутреннем разрезе (ярус X), за исключением фрагментов кашинного блюда, сделаны из желто-серой глины и покрыты зеленой и желтовато-коричневой глухой поливой плохого качества. Эти фрагменты найдены сразу под дерновым слоем на галечнике холма и очевидно занесены случайно в более позднее время, может быть даже в XV—XVII в.в. Один фрагмент поливной керамики, определенный М. Е. Массоном

как относящийся к XI—XII в.в., найден в оплыве X яруса внешнего разреза стены. Он является свидетельством того, что стена к этому времени уже была в состоянии разрушения. Большое количество фрагментов несет следы белого, красного, коричневого и черного ангоба. Немногие имеют лощеную поверхность. Все они, как поливные, так и неполивные, исполнены на гончарном круге. Измельченность керамического материала не позволяет сделать заключения о формах сосудов (удавалось установить толщину черепка и диаметр верхней части). Исключение представляет только чаша, найденная в оплыве XII яруса внешнего разреза, почти у основания стены. Сделана она в форме пиалы с выгнутым бортиком. Дно её плоское с небольшой выпуклостью с внутренней стороны. Стенки сосуда утолщаются при переходе к дну. Фрагменты таких доньев встречались в раскопе стены неоднократно. В большом числе были найдены венчики сосудов, которые можно было подразделить на несколько групп. Наиболее часто встречающейся формой можно считать прямой венчик с закругленным краем и венчик слегка утолщенный. Толщина фрагментов различна и варьирует в пределах от 2 *см* до 0.3 *см*, причем чаще всего фигурирует толщина в 0.5—0.7 *см*. Значительно реже встречаются фрагменты с толщиной стенок в 0.3—0.2 *см*. Следовательно здесь мы имеем дело с посудой бытового характера, употреблявшейся повседневно. Однако она отличается черепком хорошего качества и тщательно отделанной поверхностью. В особую группу можно выделить черепки грубо зернистого серого теста со следами сажи на них; очевидно эти сосуды служили для приготовления пищи.

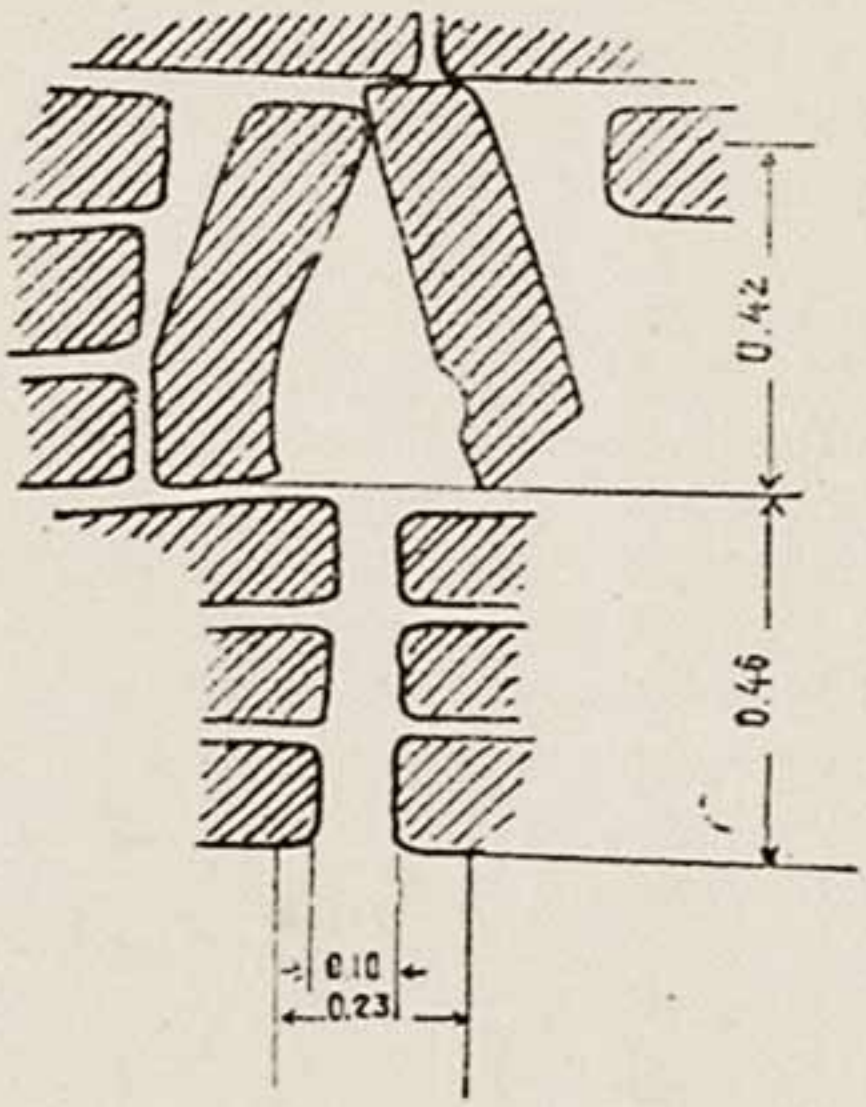


Рис. 9. Ложная бойница.

Керамическая масса, способы обработки поверхностей, формы венчиков позволяют с определенностью отнести некоторое количество фрагментов к первым векам до и после н. э.[16]).

Правда, керамический материал еще малочисленен и фрагментарен, чтобы делать выводы, но так как он связан с кладкой, его можно отнести ко времени возведения крепости, т. е. к ранне-парфянскому периоду III—II века до нашей эры. Кроме керамического материала, найдены были три металлических предмета из сильно разложившегося железа: две подковы и трехгранная черешковая стрела. Говорить о датировке этих предметов трудно. Находились они в одном из первых обвалов стены близко от ее основания. Может быть, они были сделаны из широко известного в парфянскую эпоху маргианского железа[17]). Но этот вопрос можно решить только при химическом анализе и сопоставлении такого же рода находок внутри архитектурного комплекса.

Накопленные в процессе раскопок наблюдения и сопоставления с

данными литературного характера позволяют сделать некоторые предварительные заключения о виде крепости и о её оборонительных качествах.

Рельеф холма, выбранный для её сооружения, был умело использован в целях обороны. Стена была поставлена в таких точках, что казалась его естественным продолжением. Это обстоятельство делало крепость совершенно неприступной, так как враг должен был одолеть крутизну естественного склона, чтобы приблизиться с целями штурма или подкопа к стене, которая сама имела высоту не менее 15-ти метров, не считая 3-х метровой высоты платформы. Таким образом, осажденные имели время, чтобы встретить противника усиленным огнем еще до приближения к стене. Подвозка стенобитных орудий могла осуществляться только при условии создания насыпи с нормальным уклоном.

Короткие куртины обеспечены защитой башен с вооруженными стрелками. Эти башни, несмотря на относительно малые размеры, не могут считаться контрфорсами, как можно было бы предположить, так как вряд ли было необходимо закрепление такой толстой стены как наша. Частота башен при коротких куртинах является недостатком и свидетельствует о некоторой архаичности приемов обороны. Угловые точки крепости закреплены более мощными сооружениями, которые могли принять на себя защиту фасов крепости при помощи древней артиллерии, дававшей очень небольшие дистанции полета снарядов (250—500 *м*) при всей её громоздкости[18]), но все же достаточные при малой протяженности фасов. Нельзя не отметить, что в плане не акцентированы места ворот, как это можно наблюдать в античных крепостях (Херсонес, Эски-Кермен, Мессена). Может быть, здесь имеет место какой-то иной прием обороны ворот, отражающий местные традиции. Стена крепости и в разрушенном состоянии имеет более 10 *м* высоты. Принимая во внимание массу оплыва, составленного продуктами разрушения стены и башни, нужно дополнить высоту еще метров на 5. Таким образом, уровень пола комнаты на башне окажется ниже уровня верхней площадки стены. Помещение это, очевидно, соответствовало какому-то нижнему ярусу башни, если она была многоярусной. Если же башня имела только верхний ярус обороны, а низ её был монолитен, существование комнаты на этом уровне можно объяснить только возникновением ее на развалинах стен. Возможно, что по времени она соответствует зданию из верхних слоев на территории крепости. Высота башни несомненно превышала высоту стены. Это вызывалось и необходимостью наблюдений за окрестностями и возможностью обстрела врага на дальних расстояниях с незащищенных сторон.

Крепостные сооружения древнего мира и античности отличались суровостью и простотой своего архитектурного облика. Декоративные элементы почти отсутствовали. Это диктовалось и функциональным назначением крепости, призванной устрашать и подавлять врага, даже и своим внешним видом.

Гладкие наклонные стены крепости «Старая Ниса» сверху, вероятно, увенчивались зубчатым парапетом — мотив очень распространенный в Средней Азии в дофеодальную эпоху. Примером этого могут служить: замок Ак-Тепе близ Ташкента, древние здания Тараза. Нашло

это свое отражение и на предметах изобразительного искусства — подобное венчание мы видим на замке, изображенном на так называемом Аниковском блюде, на стенке сосуда с Афросиаба из собрания Б. Н. Каст а льского[19]). Непосредственно территория «Старой Нисы» дала целый ряд архитектурных деталей этого рода со стреловидными прорезями (метопы, зубцы из собрания Ашхабадского музея). Кроме того, в Ашхабадском музее хранится ритуальный предмет из стеатита, верх которого оформлен зубцами. Уступчатые зубцы со стреловидными прорезями неоднократно фигурируют и в декоре памятников западной Прафии[20]). Таким образом, исходя из вышеизложенного, предположение о зубчатом венчании нашей крепости имеет под собой достаточно реальную почву. Платформа, на которой стоит башня «Старой Нисы», оформлена тоже стреловидными отверстиями, определенными как дренажные, но, возможно, что эти правильно чередующиеся щели имели и чисто декоративное назначение. В укреплениях Истахра стреловидные отверстия в нижней части здания, расположенные в шахматном порядке, играли роль бойниц. Тоже отмечено С. П. Т о л с т о в ы м в укреплениях Хорезма I—III в.в. нашей эры[21]). Художественная интерпретация стрелы, столь распространенная в парфянский период, очевидно, отражает в искусстве то высокое мастерство парфян-оружейников и стрелков, которое прославило их за пределами страны[22]).

Исследуемая нами стена не имеет себе прямых аналогий ни в Средней Азии (Тали-Барзу, Ак-Тепе), ни в Иране. Некоторые совпадения дают стены Дура-Европос парфянского времени и внешние стены города Беграма в Афганистане, относящиеся к этому же периоду[23]).

Влияние античности сказывается в применении канонов полиоркетики при строительстве, но они уже претерпели известные изменения на местной почве — глина как строительный материал вызвала к жизни иные пропорции и иной профиль стен и башен. Архитектурные же детали её отражают целиком какой-то глубоко местный мотив. Может быть наша крепость является промежуточным звеном в процессе переработки эллинистических элементов и местных строительных и архитектурных традиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. С е м е н о в А. А. По закаспийским развалинам, Ташкент, 1938, стр. 11.

2. Е р ш о в С. А. Итоги трех лет, Туркменоведение, 1931, № 7—9, стр. 55.

М а р у щ е н к о А. А. Археологические открытия последних лет в Туркменистане, Известия Туркменского Научно-Исследовательского Института, 1935, № 1, стр. 14—17.

М а р у щ е н к о А. А. Предварительные итоги о результатах работ по раскопкам «Старой Нисы», в книге — Предварительные итоги экспедиционных работ Туркменской ССР за 1934 год, Москва, 1935, стр. 149—151.

3. К ю и, Цезарь. Краткий исторический очерк долговременной фортификации, СПб, 1897, стр. 4. В нашей крепости, наряду с большими выступающими башнями, которые хорошо обеспечивают фланги, имеется менее совершенный прием смыкания башен.

4. Б е р т ь е - Д е л а г а р д. Использовано по работе о Херсонесе, ИАК, выпуск 20, СПб., 1906, стр. 121. Б е р т ь е - Д е л а г а р д отмечает, что куртины Херсонеской стены не выдержаны в соответствии с правилами античности.

5. Употребление дерева в качестве арматуры при возведении стен зафиксировано в крепостях Египта, Месопотамии, Персии, Греции.

6. Пасыпкин, Е. А. Фортификационное искусство в древнем Египте, IV, 1901, стр. 455. Знакомству с этой книгой я обязана любезности М. Е. Массона.

Шуази, О. История архитектуры, т. I, Москва, 1935, стр. 59.

Бенуа, А. Месопотамская архитектура. История архитектуры в избранных отрывках, Москва, 1935, стр. 36.

Витрувий, Марк. Об архитектуре, Л. 1936, стр. 36.

Ершов, С. А. Устное сообщение.

7. Витрувий, Марк. Цит. соч., стр. 35.

8. Herzfeld, E. Archeological History of Iran. London, 1935, p. 13, t. 2; 4.

9. Витрувий, Марк. Цит. соч., стр. 36.

Альберти. 10 книг о зодчестве, М. 1935, стр. 115.

Кюи, Ц. Цит. соч., стр. 3.

10. Шуази, О. Цит., соч., стр. 382.

Бертье-Делагард. Цит. соч., стр. 121.

11. Köchly und Rustow, W. Griechische Kriegsschriftsteller griechisch und deutsch mit kritischen und erklärenden Anmerkungen, Leipzig, 1885. Цитировано по работе Бертье-Делагард «О Херсонесе».

Для установки больших крепостных орудий-камнеметов с ядрами в 30 мин, необходимо помещение 6 × 4 *кв. м*, высотой 5 метров, с ядрами в один талант ($1^3/_4$ пуда) 8 × 5, 20 *м*, с высотой 8 метров.

12. Бертье-Делагард. Цит. соч., стр. 141.

Кюи, Ц. Цит. соч., стр. 17.

13. Бенуа, А. Цит. соч., стр. 36.

14. Шуази, О. Цит. соч., стр. 80, 101 193.

15. Herzfeld, E. Seleucia und Ktesiphon. Archeologische Reise in Euphrat und Tigris gebiet. Berlin, Abb. 160. На рисунке отверстие канала имеет такой же свод, как и наша стреловидная щель. Эту работу любезно указала мне Г. А. Пугаченкова.

16. Вязьмитина, М. И. Керамика Айртама времени кушанов. ТАКЭ, Ташкент, 1945, т. II, стр. 39—41, табл. 4—5.

17. Массон, М. Е. К истории черной металлургии Узбекистана. Ташкент, 1947, стр. 23—24.

18. Rustow und Köchly. Цит. соч., стр. 390—399.

Дистанция полета снарядов: стреломет — 400 метров, навесные камни — 250—400 метров, составной лук — 500 метров.

19. Орбели, И. А., Тревер, К. В. Сасанидский металл, М. — Л. 1935.

Тереножкин, А. И. Рельеф «Сасанидского блюда» и архитектурные памятники Хорезма. Искусство, 1939, № 2, стр. 125. Данные о здании Тараза и о сосуде из коллекции Б. Н. Кастальского сообщены Г. А. Пугаченковой. См. также Чепелев, В. Об античной стадии в искусстве народов СССР, М.—Л., 1941, стр. 80.

20. A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. London and New-Jork, 1939, vol. I, p. 93, 96, 114, 144, 145, 439. Herzfeld, E. Iran in the Ancient East. London — New-Jork, 1941, p. 276, t. XCII.

21. Herzfeld, E. Iran in the... Цит. соч., p. 276, t. XCII, XCIII.

Толстов, С. П. Древне-хорезмийские памятники в Кара-Калпакии, ВДИ, 1939, № 3, стр. 177—179.

22. Массон, М. Е. Цит. соч., стр. 23—24.

Плутарх. Избранные биографии, М. — Л., 1941, стр. 255—259.

23. Rostovtzeff. M. J. Dura and the Problems of Parthian Art. Yale Classical Studies. London, 1935, стр. 204. Выписка любезно представлена мне Г. А. Пугаченковой.

Ельницкий. Раскопки в Дура-Европос (рецензия), ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 170—175.

Гиршман, Р. Раскопки французской археологической делегации в Беграме, Краткие сообщения ИИМК, 13, М.—Л., 1946, стр. 12.

М. И. ВЯЗЬМИТИНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДИЩА НОВАЯ НИСА

Еще издали, на фоне синеющей гряды Копет-Дага, на одном из поворотов дороги из Ашхабада в Багир, — внезапно развертывающем перед нами всю панораму гор, — начинают вырисовываться волнистые очертания двух больших холмов.

Как зоркие стражи, стоят они по обе стороны мирного туркменского селения, щедро расплескавшего между ними зелень своих садов и огородов.

Первый из этих холмов носит название Новой Нисы, в туркменском переводе — Тязе Нусой.

Чем ближе подъезжаем мы к нему, тем различимее становятся очертания венчающих его вершину глинобитных стен, полукруглых башен и опоясавшего его подножие широкого рва, некогда наполненного водой. Виднее становятся и следы разрушений: осунувшиеся и местами совсем обвалившиеся стены, покрытые выбоинами и оплывшие башни и зияющий провал ворот. Однако, несмотря на все изуродовавшие его разрушения, этот давно заброшенный город все еще производит впечатление грандиозности и величия.

С востока по некрутому склону к нему ведет большая дорога. Надобность в когда-то охранявших его железных воротах давно миновала, ворота были сняты и перенесены в соседнюю крепость Анау.

На месте прежних кварталов средневекового шахристана — зеленые прямоугольники огородов, обрамленные арыками и деревьями. Тенистая тутовая аллея прорезает его с СВ на ЮЗ и подводит ко входу в арк.

Неподалеку от подножия арка три глиняные мазанки со службами. Вот и весь жилищный фонд Нисы. Столь же немногочисленно и ее нынешнее население: всего два-три семейства.

В настоящее время раскинувшийся вокруг Новой Нисы Багир снабжает овощами город Ашхабад, столицу Туркменской ССР. Вокруг его зеленого оазиса, орошаемого единственным источником, протекающим под западной стеной цитадели, по заботливо приготовленному для него кирпичному ложу и охраняемым от горячих лучей солнца высоким камышом и зарослями ежевики — оттесненные к крепостным стенам руины былого города.

Его самая возвышенная часть в ЮЗ углу цитадели, так называемый арк, где находился замок правителя, также окружена стенами и башнями. На всей ее площади, куда ни кинуть взор — груды камней и

глубокие рытвины, обросшие колючкой и усеянные глиняными черепками: кирпично-красными, кремовыми и серыми и изломе; покрытыми зеленой, голубой, желтой, коричневой и изредка синей поливой и расписанными — по голубому черным, по белому синим, по коричневому желтым и по белому красным, синим и золотом.

Все это свидетели былой жизни города, представители разных его эпох, в своих формах, красках и завитках узора, сохранившие отзвуки его истории, которая тянется больше двух тысячелетий и начало которой теряется за рубежом нашей эры.

Работа ЮТАКЭ в 1946 году

1946 год знаменует собой новый этап в изучении городищ Нисы, которые включены в общий археологический план изучения Южной Туркмении.

Работы на Новой Нисе производились 2-м отрядом ЮТАКЭ.

Основным заданием 1946 года было произвести общее предварительное обследование всего городища, выяснить его историческую топографию и, путем разведочных стратиграфических раскопок, установить историческую периодизацию жизни города, с особым упором на раскрытие парфянских слоев.

Работы отряда продолжались с 1/IX по 4/XI — 1946 г. В его состав входило 5 сотрудников: начальник отряда М. И. Вязьмитина, археолог З. А. Альхамова и три коллектора: Н. И. Юшко, В. К. Сечкин и Н. Ф. Чекменов.

До 14/IX велось подготовительно-разведочное обследование городища, а с 14/IX приступлено к раскопочным работам, сосредоточенным на трех участках.

С целью облегчения изучения городища и более точной фиксации местоположения участков раскопок и находимого на нем подъемного материала, перед началом работ вся площадь городища была разбита на 32 квадрата со стороной в 100 метров каждая и на нем произведен сбор подъемного материала (сбор этот не прекращался в продолжение всей работы экспедиции). Полученные материалы были зашифрованы с обозначением места находки и, после соответствующей классификации и определения, экспонированы в полевом музее в лагере экспедиции.

Кроме сбора подъемного материала по квадратам, было произведено всестороннее изучение городища; исследованы стены цитадели с фиксаций на карте всех башен и обнаруженных в толще крепостных стен и на площади городища помещений, а также всех важнейших находок, характеризующих разные виды изделий как местных, так и привозных.

Общая площадь городища Новая Ниса составляет около 25 *га* (вместе со склонами холма и рвом). Оно имеет форму неправильного многоугольника, вытянутого с СВ на ЮЗ. Со всех сторон оно окружено рвом, шириной около 15 *м*, очертания которого лучше всего сохранились в своей С и СЗ частях. Городище находится на высоком холме, СЗ части которого, возможно, была насыпной. Со всех сторон оно окружено крепостными стенами и башнями.

Стены и башни лучше сохранились на С и СЗ, где они достигают подчас до 9 *м* высоты от современной поверхности городища. Стены в своем основании имеют крупные, квадратной формы, сырцовые кирпичи, размеры сторон которых варьируются от 36 до 42 *см* × 12—17 *см*, со швом от 3 до 9 *см*. Кирпичи часто имеют скошенные кверху грани. Иногда в стенах встречается и каменное основание (на С и Ю от восточного входа). Гребни стен обычно сложены из крупных пахсовых блоков (у ворот ширина блоков равняется 100 *см*, высота — 80 *см*).

Местами в стенах встречается и жженый кирпич и комки глины, так называемые «гуваля» и куски камня — следы ремонтов различных периодов жизни города. В основании стены шире, гребни их уже. На стенах во многих местах сохранилась рубашка из более мелкого кирпича (у башен № 9, 10, 13, 14 и др.) размером 27 × 27 × 7 *см*³. Местами эта рубашка обвалилась, обнажая кладку из крупного кирпича.

В стенах то и дело виднеются круглые отверстия от арчевых балок (Н = 8—10—12 *см*), служивших для скрепления рядов пахсы или кирпичей с прокладкой между ними глины.

В стенах наблюдается кладка горизонтальными рядами, без перевязки швов. Перевязь идет по вертикали.

Всего в цитадели зарегистрировано по внешней стороне 28 башен, из них на плане 1936 года не было отмечено 7 башен.

По внешней стороне в толще стен обнаружено 7 различной формы небольших помещений (четыре по ЮВ стене и три по ЮЗ); помещение № 4 имеет на стене изображение птицы.

Въездов в городище в настоящее время два. Один въезд находится на В, куда подходит идущая из Багира главная дорога. Другая дорога, менее используемая, подводит к нему с СЗ. Кроме того, в настоящее время в него можно проникнуть по трем тропинкам: по одной с ЮЗ и по двум с ЮВ, Та из двух последних, которая ведет в самый арк, носит название „Верблюжьей тропы".

Рис. 1. Участок кладки крепостной стены.

Внутри город разделялся на две основных части: верхнюю в ЮЗ углу на самом возвышенном участке, так называемый арк, где жили правители города, окруженный со всех сторон стенами и 7 башнями (внутри цитадели) и нижнюю, так называемый шахристан.

В ЮВ его части, прилегающей к арку, в 5.8 и отчасти 9 квадратах, вдоль стен, расположено нечто вроде особого квартала, несколько возвышающегося над остальной площадью города и отделенного от нее арыком, усаженным деревьями. Этот квартал весь покрыт рытвинами, грудами камня и разных черепков. Но и сейчас еще можно проследить

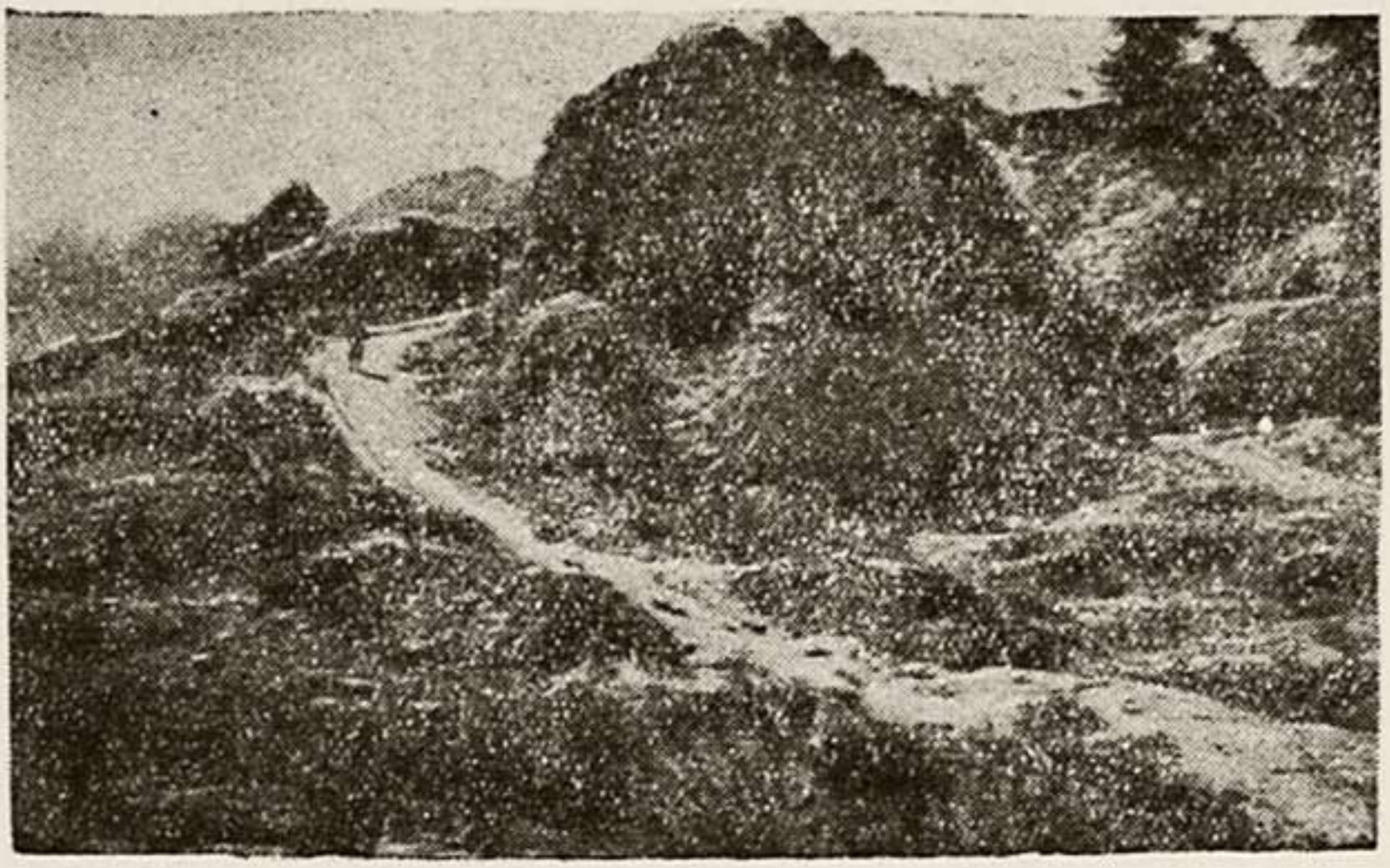


Рис. 2. Въезд на городище с востока.

на нем очертания фундаментов стен и небольших прямоугольных помещений с остатками штукатурки и алебастровых архитектурных деталей.

Подобные же рытвины, усыпанные черепками и камнями идут и вдоль всей С и СВ стен городища.

Оба источника Нисы, отмеченные Несеви, иссякли.

Прорезающая арк с ЮЗ на СВ кяризная система, состоящая из 6-ти колодцев (из которых 5 находятся в самом арке и один вне стен у его подножья), — возобновленная здесь в недавнее время, уже не действует и совершенно заброшена.

В ЮВ части крепостной стены, вблизи арка, находится выложенный из жженого кирпича (сторона которого равна 25 *см*) тазар (сток для нечистот), а может быть и водопровод. С внутренней стороны он имеет заостренную пятиугольную форму входа, (основание=45 *см*, высота — 85 *см*), а с внешней стороны форму арки с основанием равным 100 *см*. Арка эта, в верхней своей части деформированная, вся заложена жженым кирпичом.

После общего обследования в трех местах городища были начаты разведочные раскопы: H_1 и H_2 в СВ части цитадели (в кв. 1 и 2) в 50 *м* западнее от главных ворот, на месте предполагаемого парфянского некрополя; H_3 в СВ его части в западном отрезке крепостной стены (кв. 6) и H_4 в южной части арка (кв. 26).

Первые три имели своей целью изучение древнейшего парфянского периода, при чем H_1 и H_2 преследовали стратиграфическое изучение 9-ти метровой культурной толщи с выяснением общей периодизации в истории города, а третий (H_3) должен был дать разрез крепостной стены. Четвертый раскоп (H_4) имел своим объектом средневековую баню, обзор которой дается в статье Г. А. Пугаченковой.

На краю обрыва в H_1, над глубоким шурфом, прорезанным прежними раскопами и обнаружившим восточный фас древней сырцовой стены, к З от него были раскопаны две площадки общей площадью 81 *кв. м* на различную глубину от 1 *м* до 4.5 *м*.

В СВ части разрез крепостной стены занял 26 полуторараметровых в длину и одноме тровых в ширину квадратов; в арке было раскопано всего 15 двухметровых квадратов.

При раскопках был применен метод поквадратного, поярусного снятия земли (ярус = 0.50 *м*. В H_3 и H_4 ярус = 1 *м*) с одновременной раскладкой материала на смежной площадке в порядке его залегания.

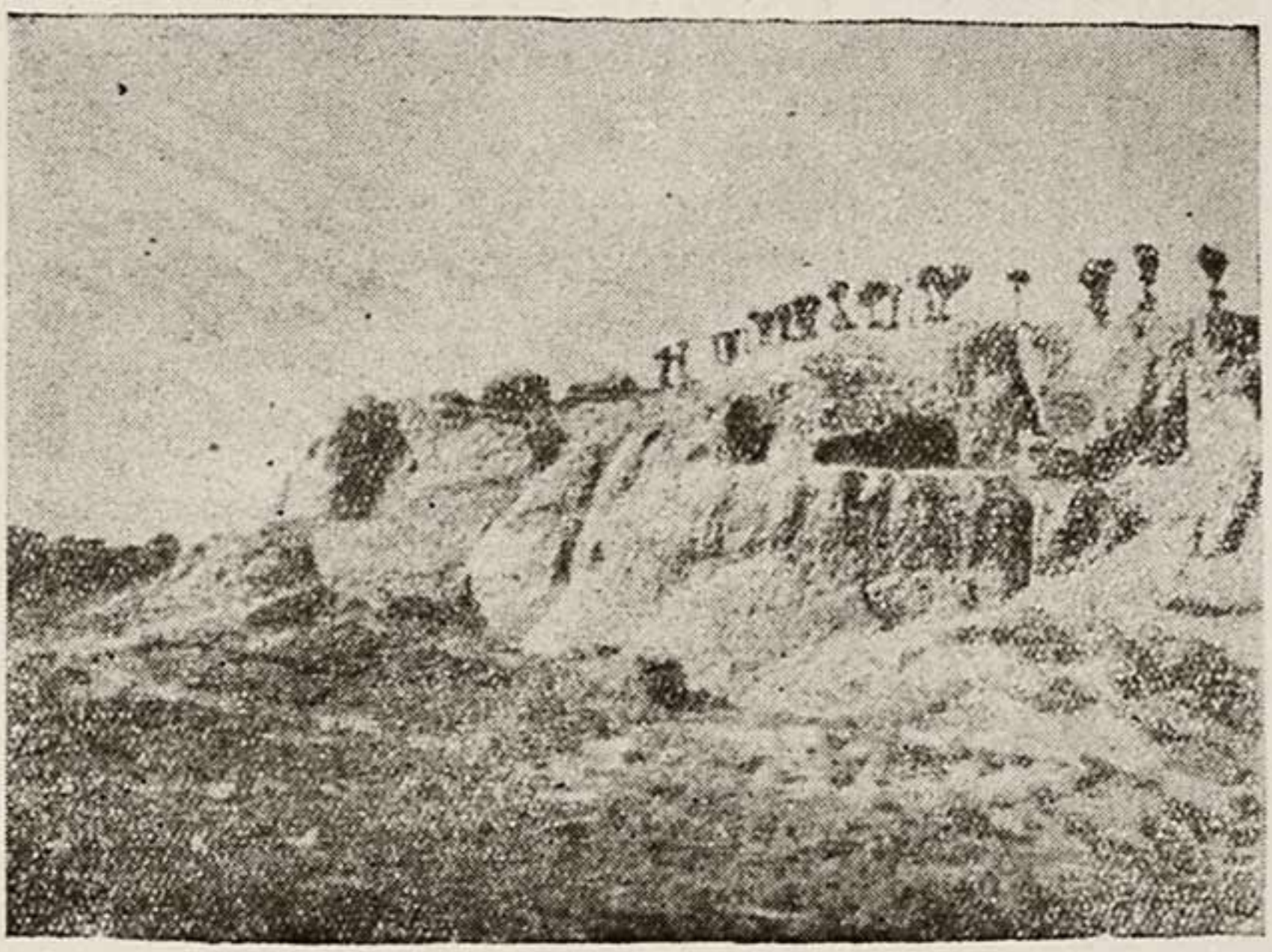


Рис. 3. Участок раскопа № 1.

Во время раскопок сотрудники отряда составляли поквадратные записи и вели полевые дневники.

Основываясь на всей совокупности материалов, полученных с поверхности городища и из раскопок его отдельных объектов, можно уже сделать некоторые предварительные выводы о времени возникновения города и его исторической периодизации.

Находки на всей площади городища и на его склонах, особенно в СВ части, кремневых орудий, среди которых преобладают мелкие отщепы, а также небольшого количества красных черепков с крашеным орнаментом, типа Анау, говорит за то, что город возник на месте какого-то древнего поселения времени позднего неолита или ранней бронзы.

Город, повидимому, был заложен в парфянскую эпоху, о чем несом-

ленно свидетельствуют основания крепостных стен, сложенные из крупного сырцового кирпича, в кладке которого отмечено несколько случаев нахождения парфянского типа красной тонкостенной керамики (фрагмент стенки небольшого размера с прямым срезом дна, ручка с круглым сечением, фрагмент стенки с красным лощением).

Толщина этих стен у основания, как установлено раскопом H_3, равнялась 11.40 *м*. Город был основан на естественном холме и, очевидно, сохранил прежние контуры стен (парфянская кладка ясно прослеживается по всей внешней линии на С и СЗ цитадели). Внутри особенно мощная кладка стен прекрасно видна западнее от разреза стены (H_3), сейчас же за ее загибом к С в квадрате 10 и в ЮВ части арка. Кладка стен с перевязкой швов по вертикали (размеры стороны кирпича = 38—40—41—43 *см* × 16 и 17 *см*; швы от 3 *см* до 6 *см*; встретился один = 9 *см*).

Кирпичи часто имеют трапециеобразную форму и лежат более удлиненной стороной вниз (пример: длина вверху — 40 *см*, внизу — 44 *см* при высоте 16 *см*). Интересная особенность: швы внизу обычно рыхлые и легко процарапываются, вверху же очень твердые и почти сцементированы с кирпичом, что происходит от сплошной заливки швов. Эта характерная черта отмечена С. А. Ершовым в 1946 году и в Старой Нисе в кладке крепостных стен.

Возможно, что крепостные башни парфянского времени имели прямоугольную форму, как это выявила и расчистка крепостной стены с башней в Старой Нисе, где башня имеет прямоугольную форму, что известно нам и на примере крепостных стен Хорезма и в западной части парфянского государства (Хатра, Дура Европос).

Эта мысль напрашивается при исследовании башни № 5, имеющей в своей нижней части кладку сырцового кирпича с размерами: 39 × 39 × 15 *см*³ и 40 × 40 × 17 *см*³ (размеры швов от 2 до 6 *см*).

Башня имеет прямоугольные очертания. Другие башни из крупного сырцового кирпича, прикрытые сверху рубашкой из кирпича средних размеров (27—25 × 6—7 см), носят явные следы позднейших ремонтов. Такую же внешнюю рубашку из более мелкого кирпича имеют и башни № 11, 13 и 14.

Повидимому, в парфянское время Ниса, как укрепленный пограничный город, имела только одни ворота на восточной стороне. Одни ворота знаем мы и в крепостях Хорезма: Джанбас-Кала, Кой-Крылган-Кала и Ангка-Кала.

Фрагменты парфянской керамики обычно встречаются вдоль стен Новой Нисы внутри города; изредка попадаются и вне стен на склонах. Больше всего найдено их в засыпке между пахсовыми блоками в основании прдполагаемой башни № III (кв. 3). Среди этих фрагментов обращают на себя внимание особенно часто встречающиеся горизонтально отогнутые бортики, повидимому, глубоких красноглинянных чаш.

Находки парфянской керамики зарегистрированы также и на площади арка, где в кв. 19 найден черный бокалообразный сосуд с частичным черным лощением. Другой фрагмент стенки черного сосуда вынут внизу обреза стены возвышенной части арка в кв. 14.

В квадрате 19 обнаружен целый участок со значительным количеством хумов, найденных in situ, с характерным для парфянских пифо-

сов плоским, прилегающим к стенкам туловища венчиком. Подобные хумы в большом количестве зарегистрированы на Старой Нисе.

В этом же квартале встречено большое количество фрагментов неполивной керамики, сделанной из хорошо отмученой глины, изредка с лощением: прямо срезанных донец, венчиков от шаровидных сосудов и мисок, круглых в сечении ручек, горлышек кувшинов и др.

Особое внимание в 1946 г. было обращено на СВ участок городища — место обнаружения парфянского погребения с монетой Орода I.

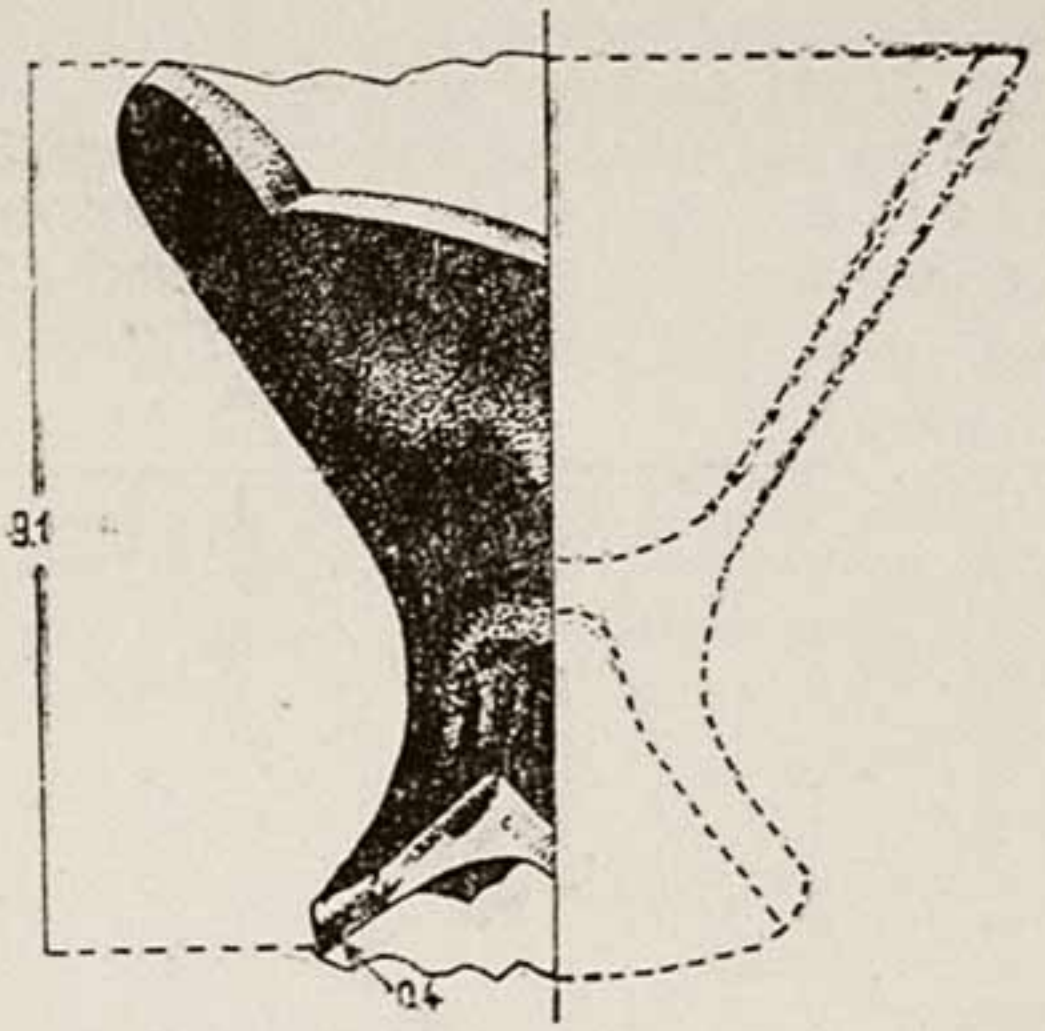


Рис. 4. Бокалообразный парфянский сосуд.

Дальнейший разведочный раскоп здесь площадки возле частично открытой в 1936 г. красной стенки с полуколонками и тщательное, с ножиком в руках, обследование всего обреза обрыва дали возможность установить наличие в древнейшем культурном слое шести различных периодов. Пять из этих периодов ясно читаются в нижней части девятиметровой толщи обрыва по красным контурам, идущих один над другим четырех разновременных полов и уровней.

Кроме того, они определяются также и последовательной сменой различных архитектурных сооружений, вскрытых там же.

Наиболее раннее из этих сооружений, от которого сохранилась часть сырцовой стенки на пятиступенчатом цоколе, покоится на мягком насыпном грунте. Уровень его основания отстоит на 8.83 *м* от верхней возвышенной точки. Поверхность стены, которая прослеживается в высоту почти на 5 метров, разбита по горизонтали на 2 плоскости. Нижняя (около 3 *м* высоты) трактована, повидимому, как панель и покрыта красной облицовкой с блестящей поверхностью, оживляемой на равном расстоянии одна от другой полуколонками (высота 162 *см*). Колонки несколько суживаются кверху и облицованы черной штукатуркой; окрашены вверху в желтый цвет. Они увенчаны прямоугольными терракотовыми плитками ($23 \times 12.5 \times 3.5$ *см*), на которых дано рельефное изображение капители с ионийскими завитками и восьмилепестковой розеткой в центре. Цокольная часть здания заканчивается несколько выступающим над поверхностью карнизом (высота 16—19 *см*). Внизу к стене на высоту 1 *м* примыкают 5 ступеней разного размера, постепенно увеличивающих книзу. Они окрашены, как и полуколонки, в черный цвет (окраска в настоящее время сохранилась только на верхней ступеньке).

Верхняя часть стены, скрытая вверху примыкающей к ней позднейшей стеной и разнообразными остатками культурных наслоений, покрыта тонким слоем белой штукатурки.

Исследованием 1946 г., кроме двух ранее открытых полуколонок,

установлено наличие третьей полуколонки, очевидно, трехчетвертной, находящейся на углу стенки, которая поворачивает в этом месте на ЮВ и контуры которой вместе с отходящими от нее 5-ю ступенями, благодаря красной линии покрывающей ее облицовки, видны на противоположной от стенки стороне в обрезе обрыва. Таким образом, установлено наличие угла от какого-то здания с пятиступенчатым основанием.

Здесь следует добавить, что как стенка, так и ступеньки, очевидно, еще во время существования здания, неоднократно подвергались ремонтам и переделкам, что зафиксировано в ЮЗ ее части, где мы видим на стене более грубый слой черной облицовки и новый розовый слой штукатурки на горизонтальной поверхности верхней ступеньки поверх двух нижних слоев красного и черного цвета (самый нижний слой).

Рис. 5. Участок раскопа парфянского некрополя.

Интересно отметить, что на противоположной стороне к ЮЗ от стенки с полуколонками в вертикальном обрезе обрыва, под площадкой H_1, по остаткам красной облицовки стены и черного отпечатка от полуколонки (на прилегавшей впритык к ней стене) можно установить существование другой подобной же стены, параллельной первой.

Второй парфянский период характеризуется сооружением, построенным впритык к стенке с полуколонками первого сооружения.

Оно находится на 38 *см* выше пола первого сооружения. Пока намечаются только три его перекрещивающиеся под углом стенки, покрытые внизу тонким слоем черной, а вверху красной штукатурки, прямо по глиняной промазке с саманом. Эти стенки в пересечении образуют один внешний и один внутренний угол.

Уровень третьего, в порядке последовательности, сооружения отстоит на 20 *см* выше 2-го пола; основание его лежит на второй (свер-

ху) ступеньке 1-го сооружения. Оно покрыто розовой облицовкой на алебастре.

Описанные выше три сооружения обнаружены только в своих нижних частях и не дают пока возможности подробнее восстановить их план и объемные отношения.

Несколько больше данных для восстановления своей первоначальной архитектурной формы дает четвертое помещение, прямоугольное в плане, перекрытое сводом «отрезками». К ЮЗ от него отходит не то ниша, не то проход, возможно, соединяющий первое помещение с каким-то другим.

Пол этого помещения выложен плитками из жженого кирпича разнообразных размеров (преобладает — 38 × 48 × 4 *см*) и очень плохого обжига. Идущая от него ниша или проход почти до верху заложена сырцом и прикрыта сверху засыпкой.

По разрезу сохранившейся СЗ стены 4-го помещения ясно видна конструкция его свода. На четырех горизонтальных рядах кирпича (общей высотой 55 *см*) стоит ряд наклонно (по отношению к стене, служащей для них опорой) поставленных на ребро кирпичей, которые, будучи переброшены с одной стенки на другую, образовывали свод; определение кривой его потребует дальнейшего исследования.

Таким образом, мы ориентировочно можем установить 6 периодов древнейшей жизни данного участка города: 1. период, предшествующий возведению парфянского здания с красными стенками и полуколонками, 2. постройка здания с полуколонками, 3. постройка здания с черной штукатуркой, 4. период постройки здания с розовой штукатуркой, 5. постройка здания с кирпичным полом, 6. период закладки ниши, выходящей в помещение с кирпичным полом.

Между некоторыми из этих периодов отмечаются этапы известного запустения, которые узнаются в разрезе по прослойкам мелкого песочка и мергеля, когда заброшенные помещения подвергались длительному действию вод.

Эти периоды запустения имели разного рода длительность. Особенно они прослеживаются между вторым и третьим, между третьим и четвертым; длительнее — между четвертым и пятым периодами, в котором многочисленные натечные прослойки измеряются толщиною в 15 *см*. Самый длительный период запустения последний (заполнение «красной ниши»).

Полученные в результате проделанной разведки данные позволяют сделать некоторые общие, предварительные выводы и предположения.

Исходные точки для датировки начального периода в жизни парфянского города, к которому мы относим здание с покрытыми красной облицовкой стенами и полуколонками, дают нам венчающие эти полуколонки терракотовые плитки с рельефным изображением на них капители.

Это так называемая прото-ионийская капитель, которая, несмотря на свои «ионийские» завитки, очень мало имеет общего с греческой ионийской капителью и уходит своими корнями гораздо глубже, чем это раньше предполагали в местную культуру[1]).

Особо стоит отметить наличие на капители 8-лепестковой розетки, которая быть может здесь имеет известную связь и с солярными сим-

волами, отмеченными на терракотовых плитах фриза из Старой Нисы. Подобные розетки, за единичными исключениями[2]), совершенно не характерны для греческой ионийской капители и очень распространены среди круга восточных памятников[3]). Э. Херцфельд в своей книге «Iran in the Ancient East», останавливаясь на вопросе происхождения ионийской капители, высказывает предположение, что прототип ее в Иране надо искать в импосте местных деревянных колонн.

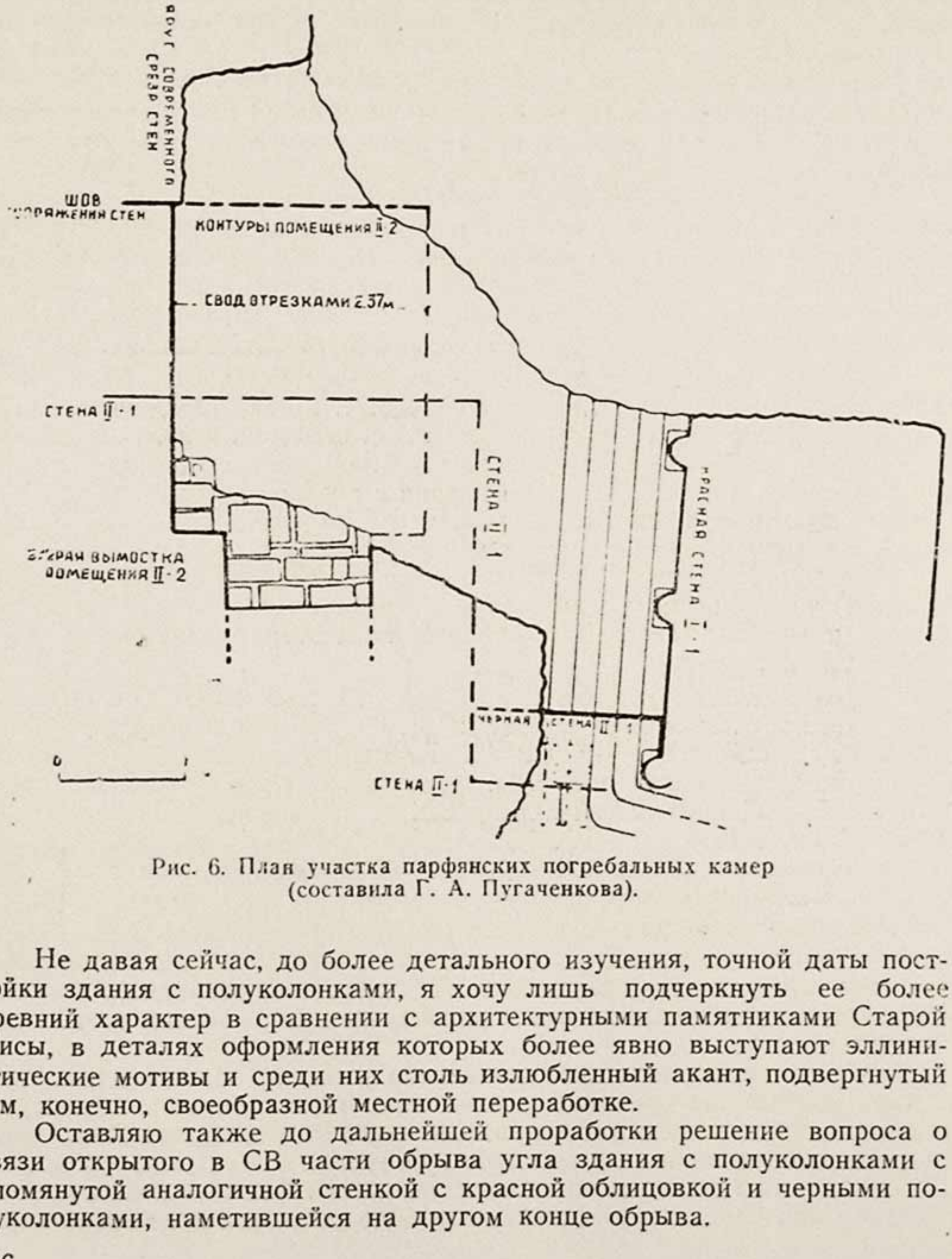


Рис. 6. План участка парфянских погребальных камер (составила Г. А. Пугаченкова).

Не давая сейчас, до более детального изучения, точной даты постройки здания с полуколонками, я хочу лишь подчеркнуть ее более древний характер в сравнении с архитектурными памятниками Старой Нисы, в деталях оформления которых более явно выступают эллинистические мотивы и среди них столь излюбленный акант, подвергнутый там, конечно, своеобразной местной переработке.

Оставляю также до дальнейшей проработки решение вопроса о связи открытого в СВ части обрыва угла здания с полуколонками с упомянутой аналогичной стенкой с красной облицовкой и черными полуколонками, наметившейся на другом конце обрыва.

Для характеристики Нисы при сасанидах в данном участке точно датирующих данных пока не получено.

В письменных средневековых источниках с именем сасанидского царя Фируза (459—484) связывалось построение Нисы, что пока не подкреплено археологическими данными, но не исключена, конечно, возможность, что при Фирузе на Нисе производились какие-то восстановительные работы.

При поздних сасанидах Ниса упоминается в списке хорасанских городов.

Если для Нисы времени арсакидов мы совершенно лишены каких бы то ни было письменных источников (все составленные парфянскими жрецами «анналы» бесследно погибли, будучи уничтожены сасанидами), то для позднейшего времени мы находим уже целый ряд сообщений и описаний у арабо- и персоязычных географов и историков IX—XV вв., дающих нам подчас очень важные, хотя и исключительно скупые, известия о внешнем виде города, о маршрутах, связывающих его с другими городами, о торговых путях, разных видах ремесленного производства, о предметах его вывоза и т. д.

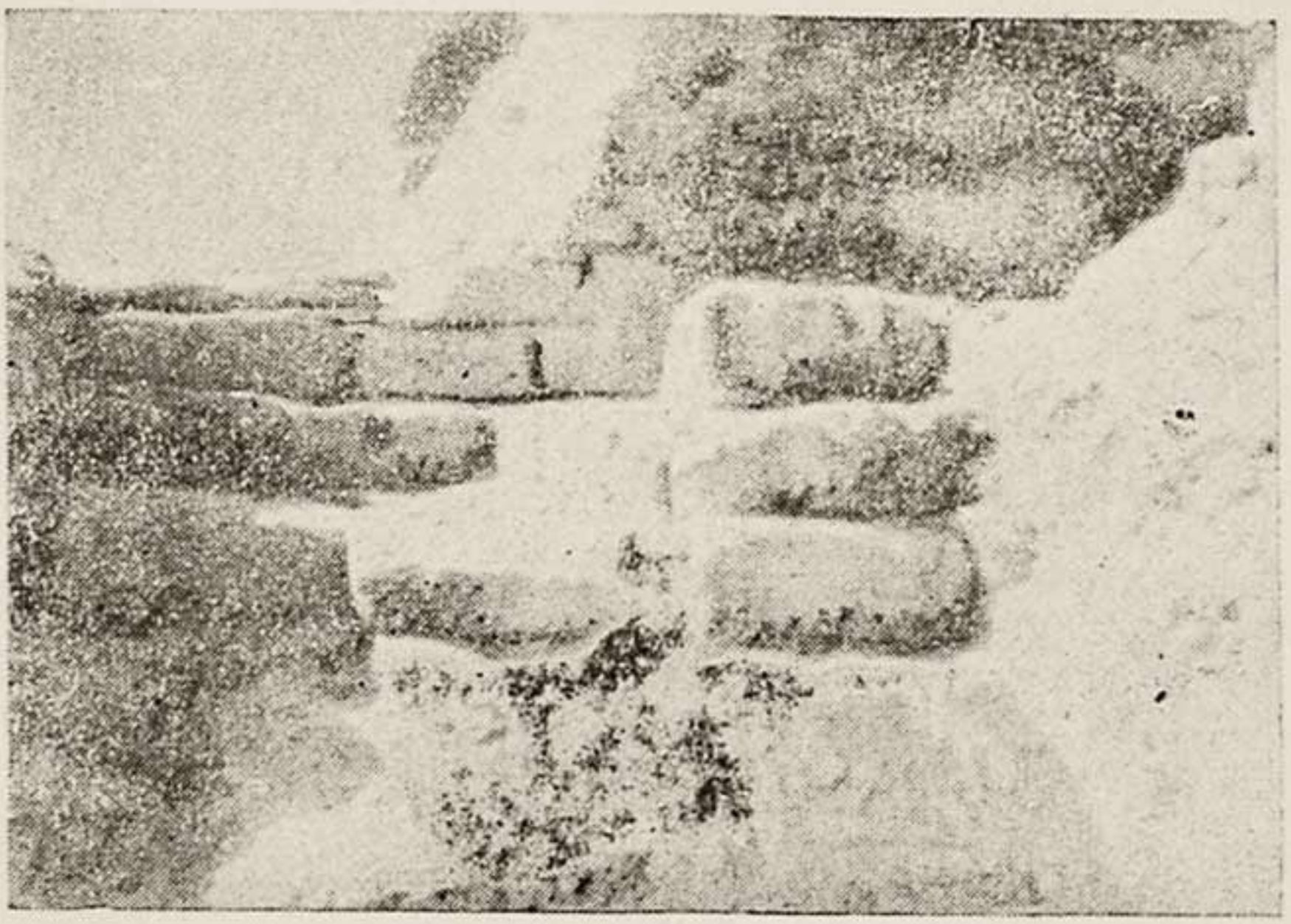


Рис. 7. Раскоп № 3.

О размерах города Нисы в IX—X в. можно составить представление на основании слов Истахри, описывающего в таких словах этот город:

«Ниса — название города, это местность плодородная, обильная водами и садами; *по величине он равен Серахсу* (с половину Мерва), в нем вода течет во дворах и улицах. Это очень приятный город, и к нему принадлежат обширные и плодородные селения, находящиеся среди гор»[4]).

Как известно, при саманидах, сделавших своим центром Бухару,

в Средней Азии наблюдается новый подъем городской жизни, развитие ремесленного производства и внутренней торговли.

Вот что рассказывает о Нисе этого периода Макдиси:

«Ниса — город (балад) обширный, здоровый и красивый, изобилующий водой и жизненными благами; (в нем) деревья переплетаются друг с другом, плоды (в нем) прекрасны; соборная мечеть изящна, хлеб чист; базар расположен рядами, в нем есть ценные и редкие вещи. (У них) один толк (в фикхе) и постоянная дешевизна, вместе с тем у них есть фикх, литература происхождение и генеалогия, храбрость и недоступность (для врагов). (Там) мало домов без сада и проточной воды. К ней (Нисе) относятся большие селения, но в них всякие бродяги, её уже опустошила междоусобица и завладели её поместьями хорезмийцы... В ней (Нисе) 10 улиц, которые скрыты под деревьями“ [5]).

Рис. 8. „Протоионическая капитель“ из парфянского некрополя.

Здесь интересно отметить указание на опустошительные междоусобицы и участие хорезмийцев в захвате её поместий.

В IX—X в. Ниса является второй после Туса житницей Хорасана[6]). Из нее вывозят «хлопчатобумажные одежды, меха лисиц, соболь, шелк и одежды из него, кунжут и масло из него»[7]).

Она славится своими баклажанами: «нет подобных баклажанам Нисы», — говорится у Макдиси[8]).

Интересно отметить, что в самой цитадели и шахристане Нисы мы почти, за немногими исключениями, не встречаем керамики IX—X в.в. Не засвидетельствована она и в раскопках в ней как определенный культурный слой. Это служит ярким доказательством того, что в эту эпоху жизнь перешла из внутреннего города шахристана в рабад[9]), который вырастает здесь уже при сасанидах и куда передвигается центр городской жизни с его базарами, торговыми рядами и разного рода ремеслами. Из них в Нисе археологическими наблюдениями засвидетельствованы: производство жженого кирпича, керамическое, стеклодувное, железоделательное, медноплавильное и производство симобкузача из плавленного лесса.

Все упомянутые производства наиболее обильно представлены к СВ от цитадели, в так называемой «Сардове», давшей наиболее богатый комплекс материалов, особенно из вскрытых там же бадрабов и мусорных ям, раскопки которых, сделанные и в других местах городища, дали особо ценные комплексы предметов разных периодов, иногда еще и датированных найденными при них монетами. Работами ЮТАКЭ 1946 г. получены подлинные комплексы керамики IX—X вв., которая в прежних определениях местных археологов фигурировала как «сельджукская» (XI—XII вв.).

Керамика Нисы IX—X в.в., будучи дополнена многочисленными находками Е. Г. Сукачева, произведенными главным образом также на Сардове, уже составляет довольно богатый материал. Она представляет из себя вполне определенное стилевое явление, характеризуемое своими ярко выраженными особенностями, и имея много общего с керамикой того же времени Мавераннахра, отличается от нее наличием своих местных черт.

Среди найденных в Сардове образцов с геометрическим, растительным и зооморфным орнаментом, сделанным зеленой, желтой и марганцево-фиолетовой краской по матовому кремоватому фону, обращают на себя внимание образцы с орнаментально-стилизованным изображением птиц, и прекрасные образцы с надписями почерком куфи, широкое использование которого в орнаментальном репертуаре является одним из нововведений керамики IX—X вв. В это же время продолжают сосуществовать, наравне с поливной керамикой, и неполивные, главным образом небольшие кувшинчики из сероватой глины с исключительно тонким черепком, покрытые частичным линейным лощением вертикальными полосками.

Большое количество, в основном фрагментированной, стеклянной посуды, среди которой выделяется небольшой сосудик с расширяющимся книзу грушевидным туловищем и отогнутым наружу бортиком шейки с двумя небольшими боковыми ушками (описанный Е. А. Давидовичв ее работе, посвященной стеклу Нисы) и некоторое количество каменной посуды из серого стеатита, преимущественно невысоких котелков и жаровен со слегка наклонными стенками, дополняет разнообразный комплекс найденных в Нисе материалов этого времени.

Что касается каменной посуды, встречаемой на Нисе в довольно большом количестве и засвидетельствованной там во все периоды, начиная с парфянского времени, то материалом для нее, очевидно, служил серый стеатит, добываемый в области Туса, «жители которого искусны в выделке сосудов (из камня) и тому подобных вещей»[10]).

«В горах Нукана, — говорится у Ибн Хаукаля, — рудники камня, из которого делаются горшки, его вывозят в другие города Хорасана»[11]).

При саманидах, по всей вероятности, Ниса стоит с разрушенными стенами. В это же время, повидимому, возникли и некоторые из наружных помещений, обнаруженные в 1946 г. в толще ее внешних крепостных стен. Между ними крестообразная в плане небольшая комната с размерами 3.5 × 4 *м* при высоте 4 *м*. Глубина ниш — 0.5 *м*, их ширина — 2.5 *м*. На ЮВ стене, нижняя часть которой затянута обвалом, закрывшим, очевидно, и вход в помещение (в настоящее время в него можно проникнуть лишь через пролом в стене), вырезано в пахсе вышеупомянутое рельефное изображение птицы. Высота рельефа 1.5 *см* размеры изображения 27 × 41 *см*. Оно дано в схематичном рисунке. Туловище и хвост до головы прочерчены наклонными параллельными линиями. Глаз обозначен кружком. Заостренный клюв опущен вниз. На передней ножке слегка обозначены два коготка.

Описанное изображение очень напоминает подобных же птиц на среднеазиатских тарелках IX—X вв. (это сходство было отмечено Л. И. Ремпелем).

Разрушенные стены городов, заброшенные арки и запустевшие шахристаны характерны для целого ряда городов Средней Азии в описываемую эпоху.

Напомним хотя бы Хорезм, Мерв и отстоящий в 4-х днях пути от Нисы Абиверд, о котором говорит Макдиси: «Абиверд больше нравится мне, чем Неса. Базар в нем лучше, он богаче и плодороднее... Соборная мечеть находится на базаре; стена его уже разрушена»[12]).

Находясь на самой границе Хорасана между земледельческими оазисами и полосой степей и пустыни на узловых торговых путях, соединяющих Хорезм с Ираном, Ниса была постоянным предметом желаний и яблоком раздора для борющихся за власть феодалов и степных кочевников, которым удобно было здесь вести свое полукочевое полуземледельческое хозяйство.

В половине XI в. она подверглась новому нашествию со стороны гузов и сельджуков. Еще и до прихода сельджуков Ниса неоднократно подвергалась нападениям со стороны кочевников. Газневид эмир Махмуд, как засвидетельствовано письменными источниками под 1027 г., неоднократно получал жалобы на это со стороны «людей из Нисы»[13]).

Как показало изучение стены Новой Нисы, в период правления сельджукидов в Нисе был произведен ремонт крепостных стен. Работами ЮТАКЭ выявлена относящаяся к этому же времени группа керамики из серой и серовато-кремовой глины с рельефным штампованным или процарапанным орнаментом на фоне точек. Керамика эта обычно тонкостенная; глина хорошо отмучена. Характерные особенности форм, главным образом кувшинов — ломаные линии контуров, изогнутые в виде буквы Г ручки, иногда с небольшим утолщением наверху, имитирующим шляпку гвоздя, или высокие пирамидальные крышечки с профилированным навершием — особенности, характеризующие металлические прототипы.

Интересен образец с ажурной прорезной розеткой внутри (горло кувшина).

Прекрасным образцом керамики сельджукского времени служит полученный экспедицией серовато-кремовый глиняный низкий кувшин с несколько сплющенным шарообразным туловищем, невысокой цилиндрической, немного расширяющейся кверху шейкой, соединенной ручкой с серединой туловища, составленного из двух отдельно отштампованных половин. Сосуд украшен рельефным орнаментом, размещенным на туловище тремя горизонтальными поясами. В средней из них изображен гон зверей. Сверху и снизу он обрамлен поясами надписей почерками куфи и насх. На дне с изнанки в круглом медальоне изображена хищная птица, нападающая на утку.

Другой подобной же техники и формы образец получен из бадраба № 2. Он украшен стилизованными пальметтами и орнаментальными надписями на фоне точек.

Бросается в глаза близость описанных кувшинов с совершенно аналогичными формами со штампованным орнаментом, происходящими из Денданкана.

Во второй половине XII в. усиливается влияние Хорезмской династии хорезмшахов. Владетель Нисы подчиняется хорезмшаху и учреждает хутбу с его именем. В это же время Ниса продолжает сохранять

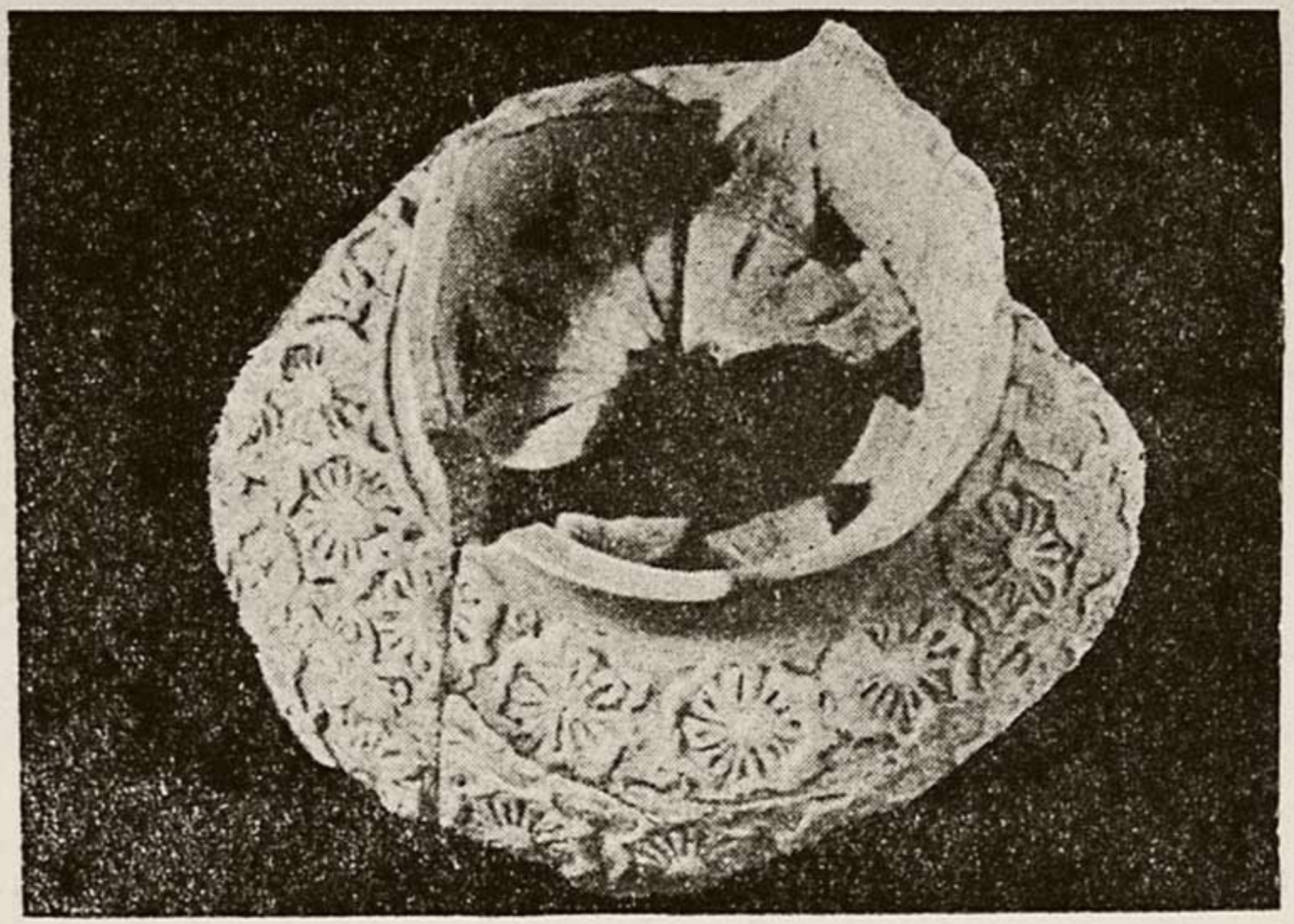


Рис. 9. Глиняный кувшин XII в. с решеткой в горловине.

свое значение, как один из крупных городов в северной части Хорасана. О наличии в эту эпоху крупных усадеб вокруг Нисы свидетельствуют довольно богатые комплексы стекла и керамики, находимые в ее рабаде.

Примером укрепленной резиденции является замок Хурандиз возле Нисы, полученный в качестве икта Несеви, назначенного везиром Нисы с доходом в 10.000 динаров сверх других доходов и кормления[14]).

В конце XII в. под властью хорезмшахов образовалось большое государство с центром в Ургенче, охватившее всю Среднюю Азию и Иран. Султан Мухаммед ревниво оберегал свою власть. Боясь усиления влияния и могущества владетелей Нисы, бывших до того его вассалами, после смерти Текеша, он приказал срыть до основания крепость Нисы.

Вот, что рассказывает об этом Несеви:

„Султан, отнявши Нису у детей Имад-ад дина Мухаммеда-ибн-Омара ибн Хамза;

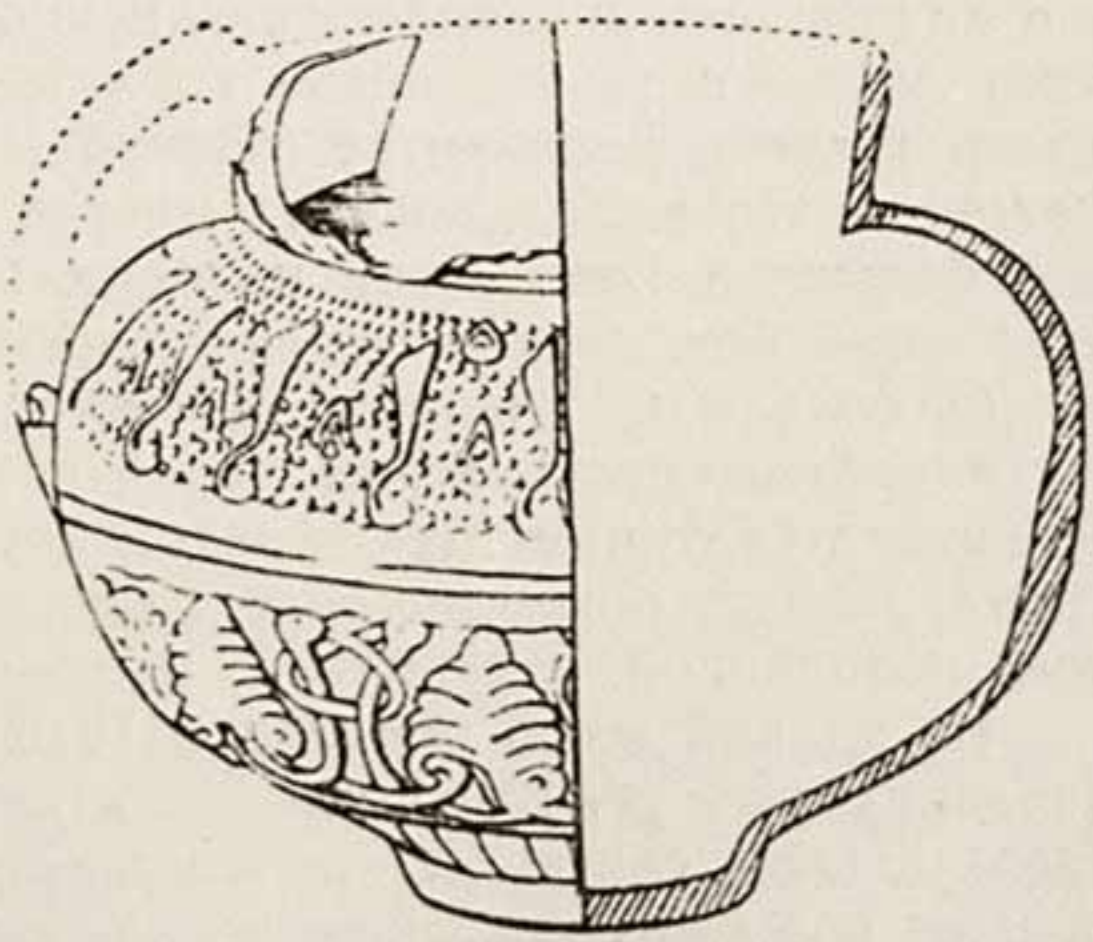


Рис. 10. Сосуд XII в. с рельефной штампованной орнаментацией.

велел разрушить крепость до основания: она была срыта, площадь скопана лопатами, так, что вся земля ее была сравнена и на ней был сделан посев в знак презрения. А она была из удивительнейших крепостей, построенных на холмах.

К ее особенностям относилось то, что она была очень велика и вмещала много народу, не было никого из населения города, был ли он богатым или бедным, у кого бы не было в ней дома. В середине ее была выстроена другая (крепость) для правителей выше той и вода текла из нее в ту, которая ниже ее, а в той, которая ниже, вода проявлялась только на глубину 70 локтей. Причина этого, как говорят, в том, что верхняя крепость была горой, в которой был источник воды, а та, которая ниже, собрана из земли, свезенной к ее подножию»[15]). Здесь интересно отметить указание Несеви на источник в арке Нисы.

Когда в 1221 году ожидалось вторжение монголов в Хорасан, Мухаммед хорезмшах приказал эмиру Нисы Беха-ад-Дину Мухаммеду ибн Сахлю предупредить жителей Нисы, чтобы они или спасались в горы или восстановили крепость.

Жители Нисы предпочли восстановление крепости уходу из города. Везир Захир ад-дин Мас'уд приступил к постройке ее путем принудительных работ (сухра) и другими способами. Он построил вокруг нее стену, вроде стен садов и люди заперлись в ней.

Из этого рассказа мы узнаем о двух событиях очень важных для истории цитадели Нисы этого периода. Это разрушение и затем восстановление ее стен. Конечно, указание на полное уничтожение стен вплоть до того, что вся площадь крепости была вскопана лопатами и сравнена,—в известной степени преувеличение, и мы не находим никаких к тому доказательств. Наоборот, в северной ее части, как это было отмечено, прекрасно сохранились еще целые отрезки стен парфянской кладки.

Из описания второго события мы обращаем внимание на интересную деталь, что при восстановлении стен везир построил вокруг Нисы стену «вроде стен садов». Не значит ли это, что стена была построена из пахсовых блоков, что действительно характерно для стен садов и до недавнего времени. И не ее ли мы видим в СВ части арка, где она вклинилась в «парфянский некрополь», сдвинув в этом месте прежнюю линию стен несколько вовнутрь города. Тогда понятными станут находки здесь фрагментов голубой керамики конца XII—начала XIII вв. между пахсовыми блоками прорезавших «некрополь» стен и скопление большого количества красных парфянских тонкостенных черепков в засыпке между пахсовыми блоками в их основании.

Описываемый период в истории Нисы характеризуется, кроме частичного восстановления перед самым монгольским нашествием разрушенных султаном Мухаммедом стен, несомненно, также и строительством разных общественных зданий и богатым ассортиментом поливной, неполивной, стеклянной, каменной, а также медной посуды.

Из зданий этого периода в 1946 г. были частично раскопаны наполовину уже уничтоженные остатки восточной бани с интересной обогревательной системой проходящих под ее полом каналов; пятью разных размеров бассейнами для воды, находящимися на разных уровнях; вмурованными в пол большими хумами с сохранившимся на их внутренних стенках толстым серым известковым налетом.

Донце сосуда типа «миная».

Стены бани, сложенные из камня с прокладкой между ними серой «цемянки», были покрыты 11 слоями штукатурки, в которых толстые серые прослойки «цемянки» чередовались с более тонкими прослойками белого алебастра. Второй и последний из этих слоев были покрыты красочными росписями. Нижняя из них является одной из наиболее ранних из найденных в Средней Азии росписей подобного рода.

Роспись на восточной стене в виде панели (длина 1 *м* 47 *см*; сохранилась на высоту 67—87 *см*) делит её на три вертикальных пояса. Средний пояс самый широкий (91 *см*) заполнен белой сетью узора, состоящего из линейных прямоугольников с вписанными в них по диагонали крестами на красном фоне. По обе стороны он обрамлен более узкими поясами с завитым в спирали растительным черным орнаментом на оранжевом фоне, очень напоминающем росписи на полях рукописей и в заглавных листах. От венчающего панель узкого фриза с надписью осталось лишь несколько букв.

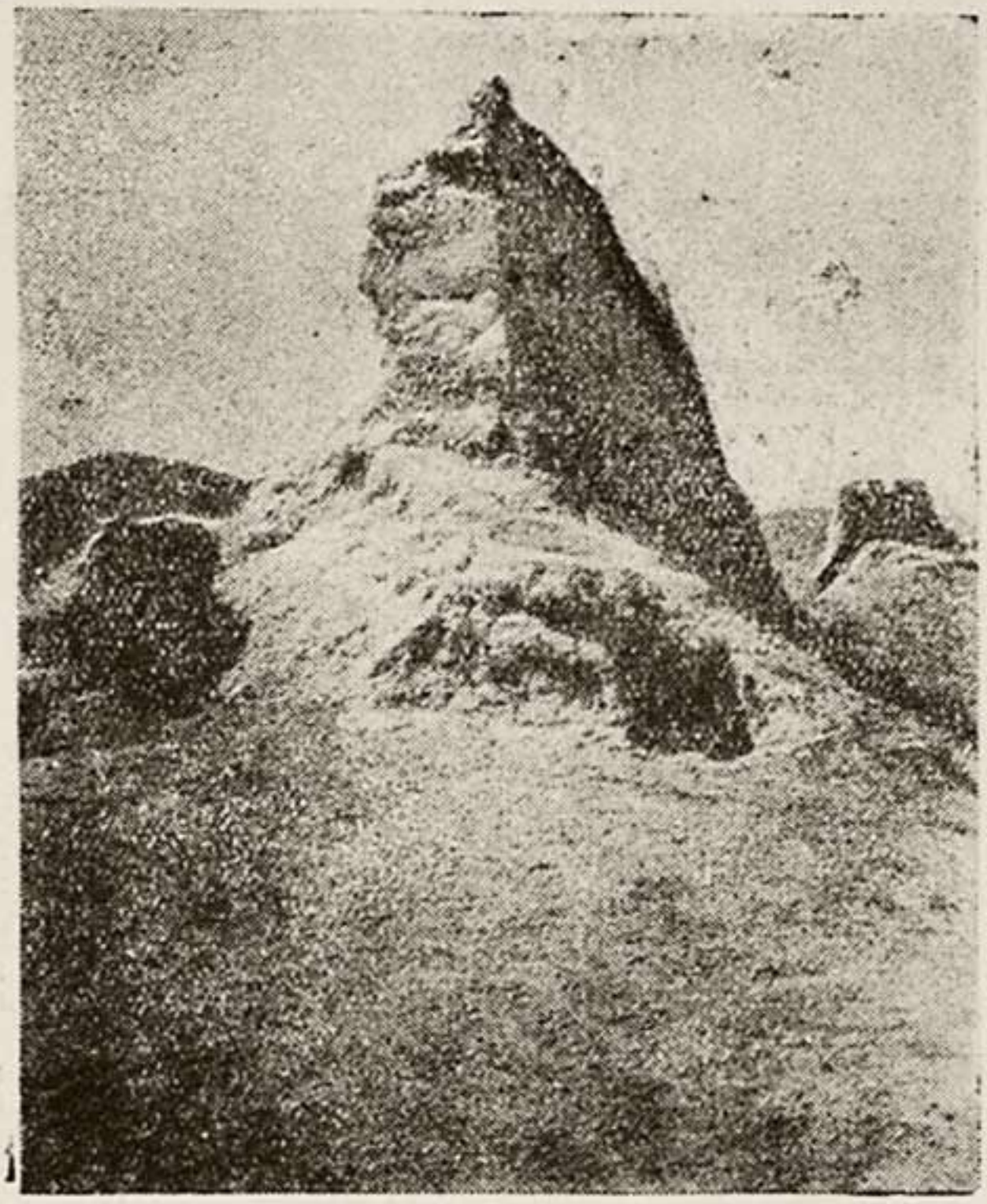


Рис. 11. Участок крепостной стены.

В топке бани найдены фрагменты керамики. Из них особенно обращает на себя внимание фрагмент люстровой чаши с лицом юноши с продолговатыми миндалевидными глазами под сходящимися дугами бровей, тонким прямым носом и опушенными вниз усами и бортик люстровой глубокой чаши с бордюром из ряда прямоугольников с перекрещенными по диагонали овалами и узкой полоски надписи почерком насх. Упомянутые фрагменты позволяют датировать баню началом XIII в. Нижние ярусы раскопа характеризуются большим количеством голубой и зеленой керамики наиболее часто встречающихся форм: небольших плоских тарелочек, чаш и светильников на высокой ножке; изредка фрагментов люстровой посуды; тончайшего цветного стекла; тонкостенной неполивной серой посуды.

Разнообразный комплекс предметов этого же времени был получен также из ямы, обнаруженной в толще крепостной парфянской стены (кирпич 42×42×14—17 *см*) с внутренней ее стороны в квадрате И-67 и И-68. Диаметр ямы вверху 170 *см*, внизу 230 *см*; глубина — 2 *м*.

Комплекс этот состоит из большого количества неполивной (интересен большой хум с налепным рельефным орнаментом из розеток и

конусообразных ребристых шишечек с вставками голубых осколков поливной керамики) и поливной керамики, среди которой преобладающей является зеленая и голубая разных оттенков: кувшинчики и кувшины, тарелочки, чаши и светильники; встречена зеленая поливная фигурка коня с отбитой головой и ногами. Из других находок отметим стеклянный флакон лиловатого оттенка, сплошь покрытый узорами из шестиугольных, напоминающих соты, ячеек; целый набор длинных железных гвоздей (20 *см*) с большими шляпками; обрывки цепей, 3 черенковых стрелы. Весь комплекс датирован тремя монетами, из которых одна с чеканом Нисы.

Рис. 12. Фрагменты люстровой керамики из кладок бани XII—начала XIII в.в.

Раскоп H_1 в СВ части цитадели также дал достаточное количество хорезмшахской керамики, которая залегает там на глубине VIII—IX ярусов (4—4.5 *м*). Из IX яруса происходит фрагмент донышка большого блюда с золотыми соколами на белом фоне, обведенными красным контуром; сохранилась часть большой композиции восьмилепесткового картуша. Слой с хорезмшахской керамикой также датирован хорезмшахской монетой. Интересно отметить, что он лежит непосредственно на парфянской кладке «ниши» с красной облицовкой.

Среди найденного богатого подъемного материала заслуживают внимания квадратные плитки с рельефным орнаментом из шишечек и фигурок зверей по четырем углам.

Ниса была одним из первых городов, который, как это мы узнаем из сообщений Несеви о взятии крепости, был захвачен монголами.

«Отряд Эль-Куша (из войск Чингиз-хана) достиг Нисы. Жители Нисы встретили их стрельбой (из лука): одна стрела убила его. Татары рассердились за это на жителей Нисы и стали осаждать ее раньше, чем другие города Хорасана.

Они двинулись на нее со всеми видами (войск) — многочисленные, как черная ночь. Они осаждали крепость ее (Нисы) 15 дней, не ослабляя боя, ни днем, ни ночью. Против нее было установлено 20 катапульт (манджаник), которые тянули пехотинцы (раджала), собранные из областей Хорасана. А они (татары) гнали пленных под прикрытиями-палатками вроде таранов (джамалун), сделанными из дерева и покрытыми кожами, — и если бы они вернулись, не доставив их к стене, им отрубили бы головы. Они делали так, пока не пробили в ней (стене) брешь, которую нельзя было заделать, затем все татары одели свои боевые кольчуги и напали на нее (крепость) ночью, овладели стеной и расположились на ней, а люди (жители Нисы) скрылись в свои дома. Когда же настал день, и они (татары) спустились к ним со стены и погнали их на поле за садами... Было убито 70.000 человек[16]).

Под ударами монгольских осадных машин, стены Нисы получили значительные бреши. Эти бреши, с восстановлением городской жизни в Нисе, очевидно, где-то в конце XIII в., были заделаны.

В городе снова начинается подъем разных видов ремесленного производства.

В арке возводятся изящные здания, отделанные панелями из поливных изразцов, где восьмиконечные люстровые звезды с изображенными на них фигурами, сидящими на берегу озера, в прохладной тени деревьев и кустарников, чередуются с синими крестами с рельефным узором и нанесенными поверх него тонкими разводами красным, белым и золотом. По краю звезд идет тонкая полоска с персидскими стихами почерком насх. В арке цитадели Нисы найдены два таких люстровых изразца в форме восьмиконечной звезды с изображением старика с веточкой в руке и юноши в саду под балдахином, а также один изразец в форме креста, покрытый темносиней поливой. Изразцы эти по стилевым признакам можно отнести ко 2-ой половине XIII в. Детальное описание их ниже дается в отдельной статье.

К той же эпохе относится и найденый в мусорной яме в кв. 27 глиняный кувшин с цилиндрической формы туловищем и покатыми плечами на низком поддоне с цилиндрической же, несколько расширяющейся кверху, шейкой и боковым отливом и ручкой в форме буквы Г. Кувшин этот покрыт синевато-голубой поливой и украшен черным подглазурным орнаментом, состоящим из ряда вертикально идущих цепочек, чередующихся с двумя параллельными полосками, переходящими на плечах в трехугольные картуши. Вокруг шейки кувшина — имитация надписи. Форма кувшина имеет ряд аналогий в иранской средневековой керамике и, очевидно, является подражанием металлическому кувшину, образцы которого особенно характерны для Месопотамии и Ирана XII—XIII вв. и обычно украшены серебряной инкрустацией. Повидимому, описанный кувшин импортного происхождения. Вместе с кувшином в той же яме был найден и каменный котелок с округлыми, отшлифованными мелкими гранями, стенками и отлогим бортиком.

Ко времени монгольского владычества можно отнести и целый ряд фрагментов глиняной посуды; наиболее распространенные из них: донца глубоких чаш с черным орнаментом на голубом фоне, изображающем радиально расположенных вокруг центральной точки рыбок, которые в массовом воспроизведении уже совершенно потеряли всякую реалистичность. Из других мотивов — центральная растительная или геометрическая розетка или картуш. Излюблена также композиция для чаш — деление ее поверхности на сегменты и чередование в них расходящихся от центра полосок и спиралевидных завитков. Керамика этого периода главным образом представлена подъемным материалом. Из бадраба № 1, кроме упомянутых мисок, происходит и кувшин с голубыми каплями глазури по неполивному черепку.

Эпоха конца XIV — начала XV вв. сколько-нибудь значительных следов в Нисе не оставила.

Из географического сочинения Хафиз-и-Абру мы извлекаем некоторые сведения об административном делении в XV веке округа Нисы, к которому тогда принадлежало 40 деревень. В городе насчитывалось 13 кварталов[17]).

В эту эпоху крепостные стены Нисы снабжаются второй рубашкой из более мелкого кирпича (26—27 *см* в стороне на 4—5 *см* толщины). Стены крепости растут вширь.

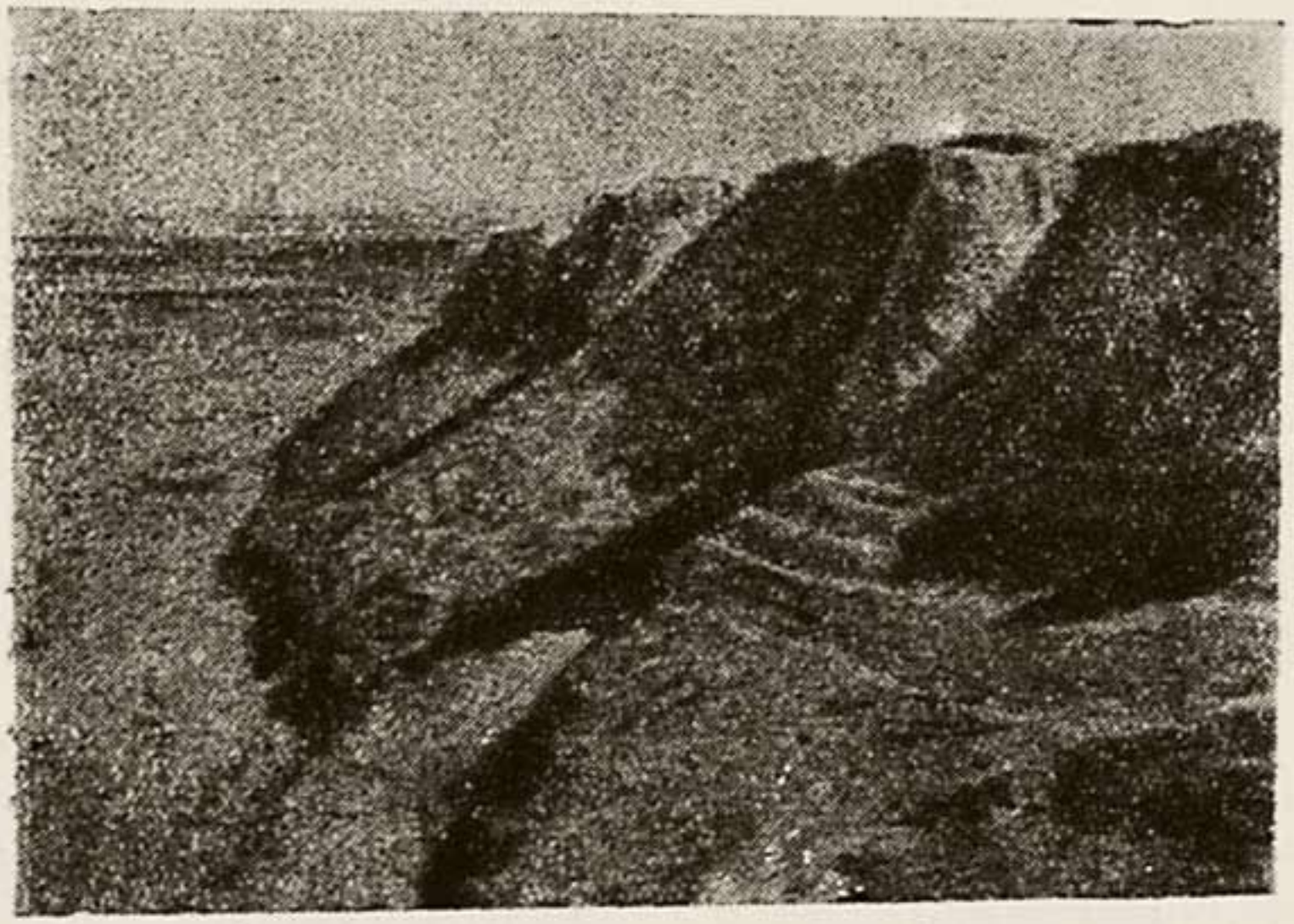


Рис. 13. Вид на городище с СЗ стороны.

В ЮВ части внутри города, у самых крепостных стен, повидимому, обособляется отдельный квартал, занимающий возвышенное положение по отношению к остальной площади города. Здесь, надо думать, имели свои дома наиболее богатые жители города.

Среди богатого и разнообразного ассортимента их посуды нередко здесь можно встретить привозной фарфор из Китая, о торговых связях с которым в это время свидетельствует большое количество находок. В быту жителей Нисы был излюблен китайский фарфор с синим орнаментом по белому фону и чисто белый с узором, просвечиваю-

щим сквозь тонкие стенки. Некоторые встреченные здесь образцы отмечены маркой эпохи Минг, например, с именем императора Ченг-Хоа (1465—1487 г.), по определению Г. А. Пугаченковой.

В связи с широким спросом местного населения на изделия из фарфора возникла местная их имитация в кашине, белая пористая масса которого предоставляла прекрасные возможности для достижения тонких изящных форм и особых эффектов керамической живописи.

Плоские блюда и мелкие тарелки с прямым отогнутым бортом или волнистыми очертаниями; глубокие чаши и маленькие пиалы, изящные вазочки и чернильницы с имитацией китайских марок на дне и с искусно разбросанным по фону орнаментом, где пышный лотос и птица на ветке, махровая роза и козочка среди зарослей чередуются со спиральными облачками и завитками меандра, изящно огибающими центральный медальон — вот характерный репертуар форм и мотивов орнаментики, выпускаемых керамическими мастерскими Нисы XV — начала XVI вв., в основной своей массе обнаруженный в упомянутом квартале.

В связи с возникшей в XVI в. борьбой за Хорасан между узбеками и государством Сефевидов, создавшаяся напряженная обстановка побуждает жителей Нисы укреплять стены своей крепости, и это отмечает историк в описании: «Когда (Султан Мухаммед) (1578—1587) направился в Нису и Абиверд» стены их были «хорошо укреплены»[18]). Принимают меры к защите от частых и опустошительных набегов и другие города: ремонтируется Мерв. В нем исправляются башни и стены; крепость обносится глубоким рвом[19]). Восстанавливается крепость Мубарек-абад. Толстые и высокие крепостные стены возводят за 12 дней[20]).

Кроме укреплений и ремонтов крепостных стен Нисы, в это время производится, повидимому, и некоторая ее перепланировка: прорезаются вторые ворота в ее СЗ стене и устраивается по склону подводящий к ним пандус. Еще и до сих пор среди местных жителей туркмен, сохранилось воспоминание о некогда существовавшем возле этих ворот так называемом «кызляр бурчи» (женский павильон), украшенном узорной резьбой и цветными изразцами.

Возможно, что, кроме изразцов и росписей, этот павильон мог быть украшен и богатыми образцами расписной поливной посуды, среди которых, как и в предыдущую эпоху, преобладали чаши и блюда с синим орнаментом по белому фону, но уже в несколько иной притушенной гамме. В своих ранних образцах эта керамика по формам и стилю еще близко примыкает к таковой же XV века: та же цветовая гамма, те же в общем растительные и нередко изобразительные мотивы. Но более пристальное изучение открывает в ней и отличительные черты — несколько измененный профиль сечения тарелок и чаш, более тусклый индиго вместо яркосинего кобальта, слегка зеленоватый оттенок белого тона поливы. Все чаще рисунок выполняется зеленовато-черной или серо-черной краской, особенно в изображении китаевидных пейзажей с перекинутым через ручей мостиком, карликовым деревцом, крохотным домиком в форме пагоды. Снова в цветовую гамму вводится забытый после живописных проб кашанской керамики, красный цвет, круглыми рельефными точками вместе с синим и желтым, оживляющий белый фон

тарелок. Из лучших образцов этой керамики укажем на фрагмент тарелки с изображением вороненка, стоящего на одной ноге, и тарелку с изображением живописно брошенных на нее веток. Краткое описание керамических богатств Нисы мы заканчиваем керамикой XVI—XVII в в.

Для характеристики более поздних групп пока еще нет достаточных материалов.

Весь XVI и XVII в. хивинские ханы ведут борьбу за подчинение туркмен, которые заняли уже большое пространство на восток от Каспийского моря. В это время оживляется торговля с Хорезмом и Россией. Все более посещаемым становится путь к низовьям Волги. Оттуда в 1714 г. приходят и русские купцы.

Когда русские послы Михайло Тихонов и Алексей Бухаров посетили ее, Ниса была еще сильной неприступной крепостью[21]).

К XVII в. население Нисы приобретает все более смешанный характер. В 1628 г. городское население ее состояло из узбеков и иранцев. Население вне города было преимущественно туркменским.

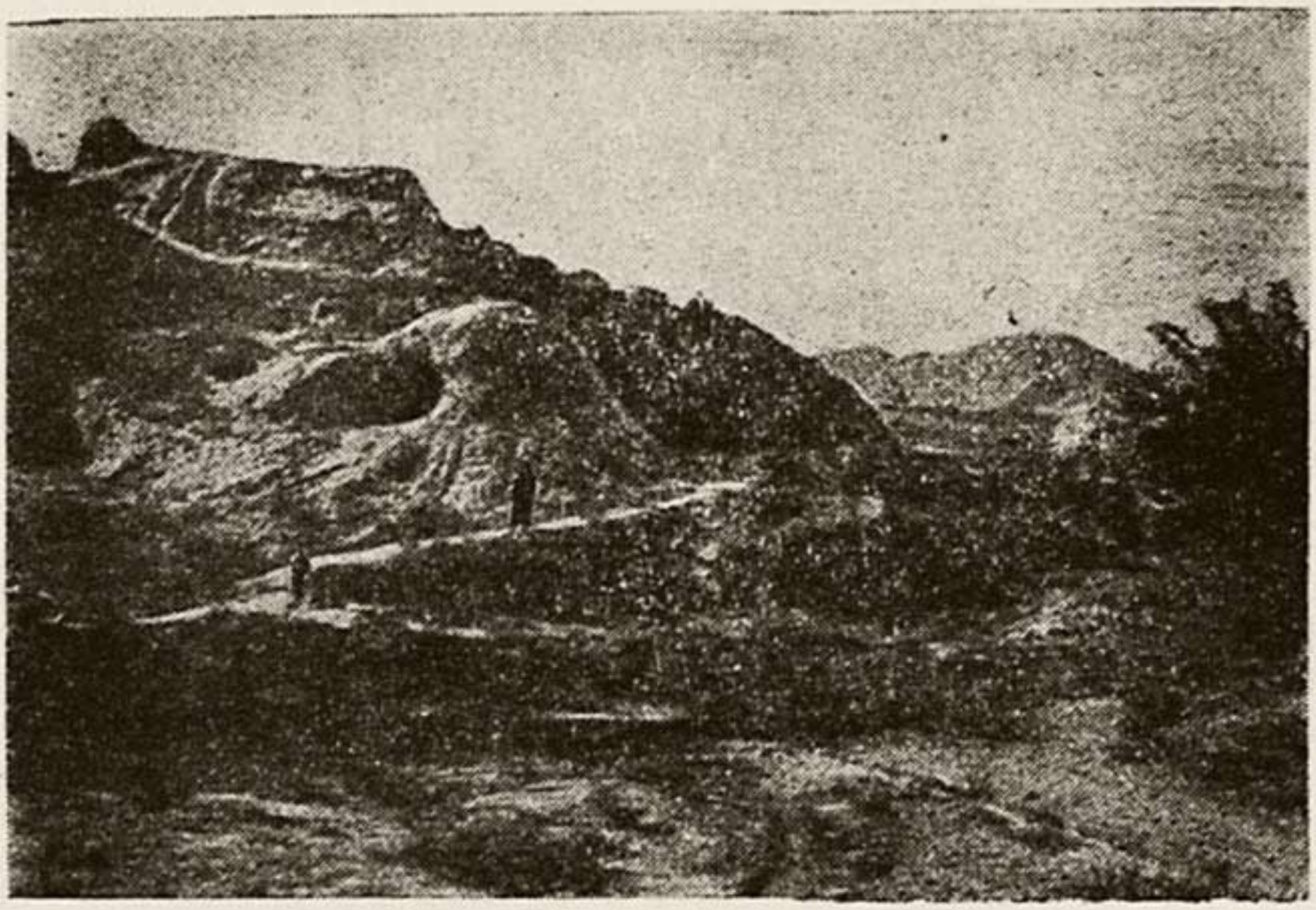


Рис. 14. Вид на городище с юга.

В 1629 г. Нисою овладел хан Хорезма Исфендиар. И еще не раз «красавица Ниса», которая постоянно, — как выражаются восточные писатели — была «в объятьях чьего-либо желания»[22]), переходит из рук в руки. Даже после того, как шах Аббас, — не будучи в состоянии удерживать за собою эти беспокойные земли, граничащие с пустыней по ту сторону гор, — фактически отказался от нее, в 1688 г. ею снова стремится овладеть Надир-шах.

Искандер Мунши (XVII в.) характеризует Нису как крепость, которая «по своей неприступности и укреплениям была известна повсюду наравне с другими крепостями»[23]).

В XIX веке заканчивается история города Нисы и начинается история ее развалин. Эта последняя, так же ненаписанная, как и первая,

может быть сконструирована лишь из тех кратких, большей частью случайных, фраз и замечаний, оброненных по поводу нее кем-либо из проезжавших здесь редких путешественников, привлеченных видом развалин или рассказами местных жителей. Подобных заметок сохранилось немного. Они относятся в основном к XIX в. В первой половине XIX в. кое-какие[24]) сведения мы находим у Дж. Киннейра (1813) и Дж. Фрезера (1825)[25]). Составитель персидского географо-библиографического словаря Хаджи Зейн-ол-Абедин Ширвани, путешествовавший по многим странам, видел (1831—32 г.г.) Нису уже в развалинах. Во второй половине XIX в., особенно 70—80 г.г., кроме русских исследователей, ее усиленно стали посещать и английские политические агенты, ревниво следившие за усиливающимся здесь влиянием России.

Наметившиеся в результате разведочных работ 1946 г. на Новой Нисе общие контуры периодизации ее истории потребуют еще своей дальнейшей проработки и уточнения при помощи новых датированных материалов, которые должны дать раскопки следующего года.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ср. полуколонки с ионийскими капителями на гробнице Кыз Капан и в Да-и Духтар: E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London, 1941, p. 204, 206.
2. Espony. Les fragments antiques. Vol. II, pl. 25.
3. E. Herzfeld. Там же, p. 264, Fig. 364.
4. Истахри. Извлечение из Китаб Мессалик ал-мемалик, МИТТ, I, стр. 176.
5. Макдиси. Извлечение из Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим. МИТТ, I, стр. 20—201.
6. Там же, стр. 195, прим. 5.
7. Там же, стр. 202.
8. Там же, стр. 202.
9. В. В. Бартольд. К истории Мерва, стр. 116—118.
10. Макдиси, там же, стр. 201.
11. Ибн-Хаукаль. Извлечение из «Китаб-ал-месалик ва-л мемалик». МИТТ, I, стр. 183.
12. Макдиси, там же, стр. 201.
13. Гардизи. Извлечение из «Зейн Ал-Ахбар», стр. 230.
14. Несеви. Извлечение из «Сират ас-султан Джелал ад-дин Менкуберти», МИТТ, I, стр. 474.
15. Несеви, там же, стр. 472.
16. Несеви, там же, стр. 472—473.
17. Хафиз-и-Абру. МИТТ, I, стр. 528—529.
18. Искандер Мунши. Извлечения из «Тарих-и-алям-ара-и-Аббаси», МИТТ, II, стр. 99.
19. Там же, стр. 100.
20. Там же, стр. 98.
21. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. II — Труды ВО РАО. СПб, 1892, т. 21, стр. 277.
22. Мегди-хан Астрабадский. «Извлечение из Тарих-и-Надири». МИТТ, II, стр. 121.
23. Искандер Мунши, там же, стр. 106.
24. J. Kinneir. A geographical Memoir of the Persian Empire. London, 1913, p. 174—175.
25. J. Fraser, упоминает о целом ряде городов в культурной полосе Атека вдоль гор (Абиверд, Дурун, Мейхене). На карте 1825 г., приложенной к изданию, обозначена Ниса (Nissa).

В. Д. ЖУКОВ

ИЗУЧЕНИЕ ПРИГОРОДА НИСЫ В 1946 ГОДУ

Средневековый пригород Нисы — рабад был расположен в основном на территории современного селения Багир. В настоящее время земли этого селения закреплены между тремя колхозами: им. В. И. Ленина, им. В. М. Молотова и «Захмет». Орошение, издревле являющееся одним из важнейших факторов существования оседлого населения в этом районе, производится из небольшой речки, кяризов и родников; имеются также и колодцы. Общий рельеф местности этого селения, находящегося около предгорий, повышается с северо-востока на юго-запад и отдельные участки располагаются. как бы уступами. Местные жители разделяют селение Багир на Верхний и Нижний[1]).

Главную массу населения составляют туркмены, кроме их здесь проживают представители некоторых других народностей.

Сооружения, жилые и хозяйственные, — глинобитные или построены из сырцового кирпича; есть также и более капитальные строения из обожженного кирпича. Ограды обыкновенно глинобитные. В цокольных частях сооружений всюду прослеживается необтесанный камень, который раньше, повидимому, более широко применялся в строительстве и теперь из старых развалившихся построек он извлекается вместе с квадратными плитками обожженного кирпича для ремонта старых или вновь возводимых сооружений.

Почти все свобсдные от строений участки этого селения заняты посевами различных огородных культур, виноградниками и тутовыми насаждениями. Из деревьев, кроме фруктовых, обращают на себя внимание редкие чинары, обычно отмечающие месторасположение источника, а из кустарников — ежевика, густые колючие заросли которой тянутся вдоль арыков и глинобитных оград.

В Верхнем Багире между двумя городищами Старой и Новой Нисы расположен комплекс сооружений, состоящий из мавзолея, мечети, построенной в 1331 = 1912/13 году, как указывает дата при входе на айван, и медресе с 23 помещениями, которые колхоз в зимнее время использует для своих хозяйственных нужд. Построенное, по свидетельству местных жителей, одновременно с мечетью, медресе также сложено из кирпича русской формы,—цокольная часть из обожженного, а стены возведены из сырцового. Бывшие первоначально купольными перекрытия в худжрах разобраны и заменены плоскими кровлями из балок и накатника. В этом медресе разместился основной полевой лагерь ЮТАКЭ 1946 года.

Кроме начальника В. Д. Жукова, в 3-й отряд ЮТАКЭ входило три сотрудника: ассистент кафедры Археологии Средней Азии САГУ Е. А. Давидович и студенты Исторического Факультета САГУ М. С. Мерщиев и Х. Алпысбаев и переменное небольшое количество землекопов — от 1 до 3 человек. Значительную помощь в работе оказал местный житель Х. Х. Султанов, прикрепленный к отряду в качестве осведомителя-рабочего.

Задача, поставленная перед отрядом, заключалась в обследовании территории средневекового пригорода города Ниса, краткие описания которого и отдельные упоминания мы находим главным образом в сочинениях на арабском и персидском языках[2]). В итоговой статье научного сотрудника С. А. Ершова — «Археология в ТССР за 20 лет» ни слова не говорится об изучении за указанное время территории, прилегающей к городищам Старая и Новая Ниса, из чего можно сделать заключение, что этот важный участок, имевший значение в историческом прошлом обоих городищ, выпал из числа объектов, обследованных сотрудниками исследовательских учреждений Туркмении[3]).

Работы проводились в сентябре и октябре 1946 года.

Обследование состояло в осмотре и предварительном изучении рельефа местности, выявлении и регистрации уцелевших на поверхности памятников материальной культуры, проведении сбора с определенных участков подъёмного материала и детального опроса у населения всех известных ему достопримечательных мест и названий отдельных пунктов, существующих или существовавших на территории селения Багир и ближайших его окрестностей.

Выявленные в процессе обследования памятники подверглись предварительному изучению, которое состояло, кроме регистрации и нанесения на план данного памятника, в кратком описании и определении его характерных особенностей по уцелевшим остаткам и выяснении его функционального назначения, последнему, конечно, должно было предшествовать установление времени — датировка самого археологического объекта. При обследовании выявилась необходимость произвести частичное вскрытие некоторых памятников, что и было проведено в процессе работ.

Одновременно с обследованием территории был организован также и сбор у местного населения различных древних предметов, состоящих главным образом из глиняной посуды, обнаруженных при многочисленных земляных работах, как на городищах Старой и Новой Нисы, так и на примыкающих к ним участках, месторасположение которых указывало, что они могли быть отнесены к рабаду средневекового города. Большое количество выявленной таким образом древней посуды употреблялось местными жителями в домашнем быту. Особенно ценились ими крупных размеров глиняные поливные сосуды — куза с четырьмя ручками. В этих сосудах, по словам женщин, очень хорошо сохраняются растительное и животное масло и другие продукты. Для лучшей сохранности последних куза обычно на половину врывается в землю, что способствует предохранению от порчи продукта. Повидимому, вследствие такого способа употребления, — многие из сосудов этого типа имеют с наружной стороны поливу только в верхней своей части, покрывающую их, приблизительно, до половины.

Во дворе почти каждого дома можно было найти древние глиняные, обнаруженные при земляных работах, сосуды, причем более изящные и хрупкие предметы находились в помещениях и даже в сундуках.

При проведении среди местного населения сбора древних предметов был выявлен уникальный тонкостенный глиняный сосуд XII века, наружная сторона и дно которого были сплошь покрыты орнаментальными поясами с изображением бегущих зверей и двумя круговыми арабскими надписями: верхней почерком насх и нижней — куфи.

Обследование территории крайне затруднялось сплошными полями посевов, садов и строений и многократно производившимися различного назначения земляными работами, и только отдельные участки, орошение которых по их месторасположению было недоступно, сохраняли следы старой деятельности человека в виде частично уцелевших памятников, свидетельствующих о прошлой жизни города.

К наиболее древним обнаруженным на обследованной территории археологическим объектам следует отнести широко известные в Средней Азии и Иране памятники, носящие общее название тепе.

Из последних удалось отметить:

Оргали-тепе расположено в Верхнем Багире около источника Ойчашма — «Источник лощины». С южной стороны его проходит дорога, а с других сторон к нему примыкают сады, постройки и огороды. Тепе достигает высоты до семи метров; оно состоит из двух частей, более высокой и прилегающей к ней с востока пониженной части, почти сплошь занятой жилыми строениями. Верхняя, свободная от построек площадка, простирается с С на Ю на 75 *м* и с З на В метров на 60. В нескольких местах на его поверхности имеются различной величины ямы; склоны его также в некоторой своей части срыты. На плотной, покрытой мелкой растительностью вершине его отмечены места погребений в виде прямоугольников из ряда средней величины галек. Основание тепе составляют плотно слежавшиеся песок и галька; в верхней толще его в довольно ограниченном количестве прослеживаются фрагменты керамической посуды, обожженные кости, зольные линзы и остатки каменной кладки. В ЮЮЗ части тепе, на склоне, находится стык двух стен, сложенных из крупных обломков необтесанного камня, сохранившие ганчевый раствор, возможно, служивший для штукатурки или для скрепления камней.

Из всего комплекса находок обращают внимание обломки посуды, изготовление которой может быть отнесено к периоду, до арабского завоевания.

В обнажениях тепе прослеживаются культурные толщи, неоднократно нарушаемые проводимыми здесь земляными работами. На основании предварительного осмотра можно вывести заключение, что небольшой по своим размерам останец, образовавшийся, повидимому, вследствие размывов, был использован для постройки жилого сооружения с обширным двором, вероятно, прекратившего свое существование с приходом арабов. Отчетливее выявляются следы жизни здесь в XII—XIV в.в. Позднее возвышенная часть этого участка, недоступная для орошения, была использована под кладбище. Судя по всем признакам, погребения остаются непотревоженными и вскрытие их представляет большой интерес для выяснения истории прошлого этого участка.

Ших-тепе расположено по направлению на север от городища Старой Нисы; оно также разделяется на две части: возвышенную и пониженную, более обширную по площади. Юго-восточные склоны тепе сильно разнесены; в обнажениях его прослеживается глинобитная кладка. Значительная часть территории тепе занята кладбищем; возможно и название свое оно получило от могилы какого-нибудь похороненного здесь шейха. Подъемный материал немногочислен и невыразителен. Можно полагать, что тепе это было включено в систему окружавшей пригород крепостной ограды, и в один из этапов прошлого города именно в этом пункте проходила его восточная граница. Наличие кладбища заставляет также предполагать и существование здесь городских ворот.

Намечается три периода существования этого места: первый — тепе, как участок для отдельного укрепленного замка; второй — тепе в системе городской стены — более продолжительный период, когда площадь его начала использовываться частично под кладбище, и третий — последний — когда оно, окруженное со всех сторон орошенными землями, стало понемногу разноситься для увеличения площади посевов и извлечения земли для различных хозяйственных нужд. Основная толща тепе состоит из материковых отложений.

Кунджутли-тепе расположено к западу близ городища Старая Ниса. На поверхности тепе прослеживаются отмеченные гальками прямоугольники — места погребений некогда существовавшего здесь кладбища. У местного населения сохраняется предание, что здесь похоронены воины, павшие в одной из ожесточенных битв. В обнажениях и на поверхности зарегистрированы фрагменты неполивной керамики, повидимому, раннего средневековья. В восточной части в верхних горизонтах толщи тепе отмечен больших размеров глиняный хум. По общему типу Кунджутли-тепе напоминает Оргали-тепе и истории их существования, повидимому, имеют много общего. Свободное от современных построек оно является более удобным объектом для вскрытия и изучения.

Дашкала-тепе на границе между Верхним и Нижним Багиром, сильно изрытое и частично разнесенное, прорезанное большой дорогой. В обрезах прослеживаются фрагменты грубой керамики. На одном из бугров этого тепе находится больших размеров укрепленное необтесанным камнем надгробие Мазара Шейх-ул-Джалил-Аулиэ, прямоугольное в плане. На поверхности встречаются обломки кирпича квадратной формы. Пункт этот, повидимому, являлся одной из границ средневекового города, где находились ворота крепостной ограды.

Тугкала-тепе расположено на северо-запад от городища Новой Нисы и находится у вывода кяризной воды в арычную систему. Крайне незначительный подъемный материал состоит из фрагментов грубой керамики. Культурные наслоения только в верхнем горизонте отмечаются очень слабо. Это, повидимому, одно из наиболее поздних и малообжитых тепе на территории этого селения. Возможно, что здесь был расположен один из сторожевых постов, находившийся около крепостной ограды — с наружной стороны.

Вдоль северо-западного фаса городища Старой Нисы расположены остатки сооружений в виде крупного размера бугров с выровненными, как бы срезанными вершинами. Они носят название Еджегуль-Тепе. Позднейшие земляные работы сильно отразились на их сохранности. Не-

значительный подъемный материал состоит из мелких фрагментов грубой неполивной и поливной керамики, встречаются и черепки с красным лощением. Предположительно их можно отнести к эпохе до арабского вторжения и не исключена возможность, что они входили в систему крепостной ограды средневекового города.

Наконец, около юго-восточного фаса городища Старая Ниса расположен бугор, носящий название Ата-Матыр-Тепе.

Довольно многочисленны также и кладбища, свидетельствующие о многовековом существовании здесь оседлого обжитого пункта. Кладбище Ших Алу занимает участок к северо-западу от мавзолея этого святого, тянущийся далеко к предгорьям. Находящиеся на нем намогильные сооружения, вытянутые с ЮВ на СЗ в виде невысоких холмиков, укреплены разной величины галькой. В СЗ части этих насыпей поставлены вертикально один или несколько камней; нередко и с противоположной ЮВ стороны также имеются вертикально стоящие гальки или принесенные сюда плитки кирпича. Некоторые намогильные площадки достигают довольно значительных размеров и в плане напоминают помещения. В более старых могилах насыпи совершенно оплыли и только по ряду камней, глубоко вошедших в землю, или по горкам можно судить о наличии захоронения.

Значительная по своим размерам территория мазара, т. е. кладбища, лежащая на недоступном для орошения участке, издавна служила кладбищем, одна из древних частей которого находится около развалин старого каменного сооружения. Это одно из самых старых и наиболее обширных по своей площади кладбищ Нисы. Разнообразные намогильные оформления: одиночные и парные курганы, сложенные из камней прямоугольные в плане возвышения, метров 6—8 в длину и немногим меньше в ширину, отмечающие погребения особенно известных при жизни людей и другой формы намогильные насыпи указывают не только на различие классов, к которым принадлежали покойники, но также и на многовековое существование этого кладбища. Этот исключительный, по своим размерам, Нисийский некрополь и теперь еще в некоторых своих частях используется для погребений. Само месторасположение этого кладбища около ворот крепостной ограды дает четкую границу средневекового города.

К востоку от Нижнего Багира на подножьи всхолмленной территории, на расстоянии одного километра от дороги, ведущей в Ашхабад, находится старое шиитское кладбище Эннау-Аулиэ. Незанятый посевами участок, отделяющий кладбище от селения, прорезан двумя руслами каналов; на этой площади отмечены черепки неполивной глиняной посуды и обломки обожженного кирпича. Значительная территория кладбища занята многочисленными намогильными сооружениями, схожими по своему типу и внешнему оформлению с насыпями на кладбище Ших-Алу.

Наиболее часто встречаются здесь следующие формы:

1. Невысокие овальные насыпи, вытянутые с В на З с некоторым отклонением; сверху они обложены средней величины гальками и плитками или обломками обожженного кирпича, в большинстве случаев, квадратной формы.

2. Почти прямоугольные в плане, слегка поднятые площадки, края

которых отмечены рядами врытых в землю галек, плотно примкнутых одна к другой.

3. Тоже — поверхность внутренней площадки закреплена крупным щебнем и галькой.

4. Курганообразные насыпи, в большинстве случаев, с впускными— повторными погребениями.

Отмечены две недавние могилы с обычными насыпями, наверху которых выложены рисунки креста из галек. В юго-западной части кладбища находится сооруженная из крупной гальки (ср. размер 20 *см*) и плиток обожженного кирпича (размер 22 × 22 × 4 и 23 × 23 × 4 *см*) невысокая насыпь с обычной ориентировкой с СЗ на ЮВ. Насыпь эту окружают остатки глинобитной ограды, толщина которой в цокольной части 0.5 *м*. Вход в эту ограду мог быть с ЮВ. В нескольких метрах от этой насыпи отмечен частично уцелевший кустарник и пни от стволов крупных деревьев. По объяснению местных жителей от названия этих деревьев, приносящих плоды, похожие на финик и джиду, — кладбище и получило свое название — Эннау-Аулиэ. В СЗ части участка мазара отмечена кладка из ряда больших камней, тождественная с зарегистрированной уже на Оргали-тепе.

Мазарчилик — большое туркменское кладбище, расположенное около дороги при въезде в селение Багир. Могила Аулиэ Ораз Ишана— находится в южной части кладбища. Ее окружает низкая глинобитная ограда. Намогильная насыпь ее длиною 4.6 *м* и высотою 0.5 *м*. Ориентирована, как и другие, в направлении с ЮЗ на СВ. Кладбище это состоит из трех примыкающих один к другому участков, разделенных высокой глинобитной оградой. Возможно, что на каждом отдельном участке хоронили покойников определенных родов.

Большинство намогильных насыпей отмечено поставленными вертикально в узких концах гальками или кирпичами, которые обычно перевязаны посредине лоскутами материи. Кроме этого, насыпи стараются оформить вышедшими из употребления предметами — разбитой посудой, облицовочными плитками от разрушенных сооружений и прочими специально принесенными вещами. Так, намогильную насыпь главного святого украшала керамическая плитка от капители парфянской полуколонки с характерными волютами и полочкой, несомненно, принесенной с городища Новой Нисы; в другой насыпи находился облицовочный поливной кирпич, лицевая сторона которого покрыта растительным орнаментом, размещенным по краям арабского слова. Кирпич этот был изготовлен для пышного надгробия святого; могилы шейхов, судя по письменными источникам, находились в Нисе в значительном количестве, почему город и получил название «Малой Сирии»[4]). По технике изготовления рельефного орнамента с поливой бирюзового оттенка облицовочная плитка может быть отнесена к XIV веку. Само кладбище, судя по намогильным насыпям, сравнительно молодое и вряд ли насчитывает больше 150—200 лет.

На север, около дороги в Фирюзу, расположено обширное туркменское кладбище, которое по своему внешнему облику напоминает Мазарчилик.

К западу от Туг-кала и к СЗ от городища НоваяНиса, в самом

начале повышающейся к предгорьям территории, отмечено небольшое новое кладбище с несколькими десятками намогильных насыпей.

На запад от городища Новая Ниса, за валом, зарегистрировано еще одно, повидимому, старое кладбище, многие намогильные насыпи которого находят себе аналогию с насыпями на мазарах Ших Алу и Эннау-Аулиэ. Судя по поднятым здесь облицовочным плиткам, можно полагать, что именно на этом кладбище в XIV в. были построены мавзолеи, украшенные глазурованными плитками.

Из этих шести, находящихся вне селения, кладбищ, наиболее древними являются Мазар Ших Алу, Эннау-Аулиэ и последнее. Эннау-Аулиэ, возникшее, повидимому, несколько позднее первых, знаменует собой наплыв в этот район пришлых насельников, в то время, как на территории последнего кладбища часть могил, вероятно, принадлежит шейхам или сеидам, умершим в городе Ниса.

Кроме этих внешних кладбищ, дающих возможность до известной степени установить примерную границу пригорода, отмечены еще и места захоронений, находящиеся в самом селении: кладбище на Ших Алу тепе, на Оргали тепе, на Кунджутли тепе и против юго-восточного фаса городища Новая Ниса. Все намогильные насыпи, судя по внешнему оформлению и положению костяков, которое в некоторых случаях удавалось проследить в обнажениях, относятся к периоду вероятно не раньше XV в. Из одиночных могил, тоже мусульманских, удалось выявить:

1. Могила Ших Алу,[5]) над которой сооружен восьмигранной формы купольный мавзолей. Об этом здании и гробнице в нем имеется упоминание в статье А. А. Семенова. Как снаружи, так и внутри каждая грань имеет углубления: внутри одно посередине, — снаружи два; и те и другие с небольшими отступами. Земляной пол мавзолея ниже, чем площадь прилегающего к нему участка. Центральное место в мавзолее занимает прямоугольное в плане большое надгробие, обмазанное глино-саманной смазкой. Во время посещения мавзолея в последнем на надгробии находились две каменные терки и в западной внутренней стене значительное количество крошечных «люлек», состоящих из небольшой тряпочки, прикрепленной нитками за парные углы к двум палочкам, воткнутым между кирпичей. В люльки положены свернутые кусочки ваты. Все это указывает, что мавзолей посещается верующими и в настоящее время.

Мавзолей Бабаджана близ медресе и мечети, в которых располагался основной лагерь ЮТАКЭ, представляет восьмиугольное в плане основание с купольным перекрытием.

Мавзолей построен из сборного кирпича размером: $20 \times 10 \times 3$; $20 \times 10 \times 4$ и $24 \times 10 \times 4$ *кв см*. Вход в мавзолей расположен с южной стороны. Каждая грань мавзолея с наружной стороны имеет прямоугольную неглубокую нишу. Спуск в него (земляной пол мавзолея на 1 *м* ниже современного горизонта) облегчается одной ступенькой. Главное место в мавзолее занимает большое надгробие, бока и верх которого покрывает глиняная смазка. Надгробие имеет 2.9 *м* длины; 1.4 *м* ширины и 1.12 *м* высоты. Ориентировано оно с С на Ю — с некоторым отклонением. Рядом с надгробием находится квадратное возвышение 0.86×1.4 *м*, при высоте 0.38 *м*, возможно служившее столом при чте-

нии корана, или может быть его правильней считать вторым надгробием.

Мавзолей, по классификации архитектора Б. Н. Засыпкина, должен быть отнесен, как и мавзолей Ших-Алу, к центрическому типу этих сооружений. Отмеченные постройки мавзолеев Ших-Алу и Бабаджана, как и находящиеся в них надгробия, не старые, но уровень земляных полов мавзолеев свидетельствует о древности самих могил. В отвалах строительного мусора около мавзолея Ших-Алу Л. И. Ремпелем были найдены два обломка декоративных резных кирпичей, характерных для отделки зданий XI—XII в.в. Отсюда можмо сделать предположение, что над могилой Ших-Алу в то время находился мавзолей с подобной декорацией.

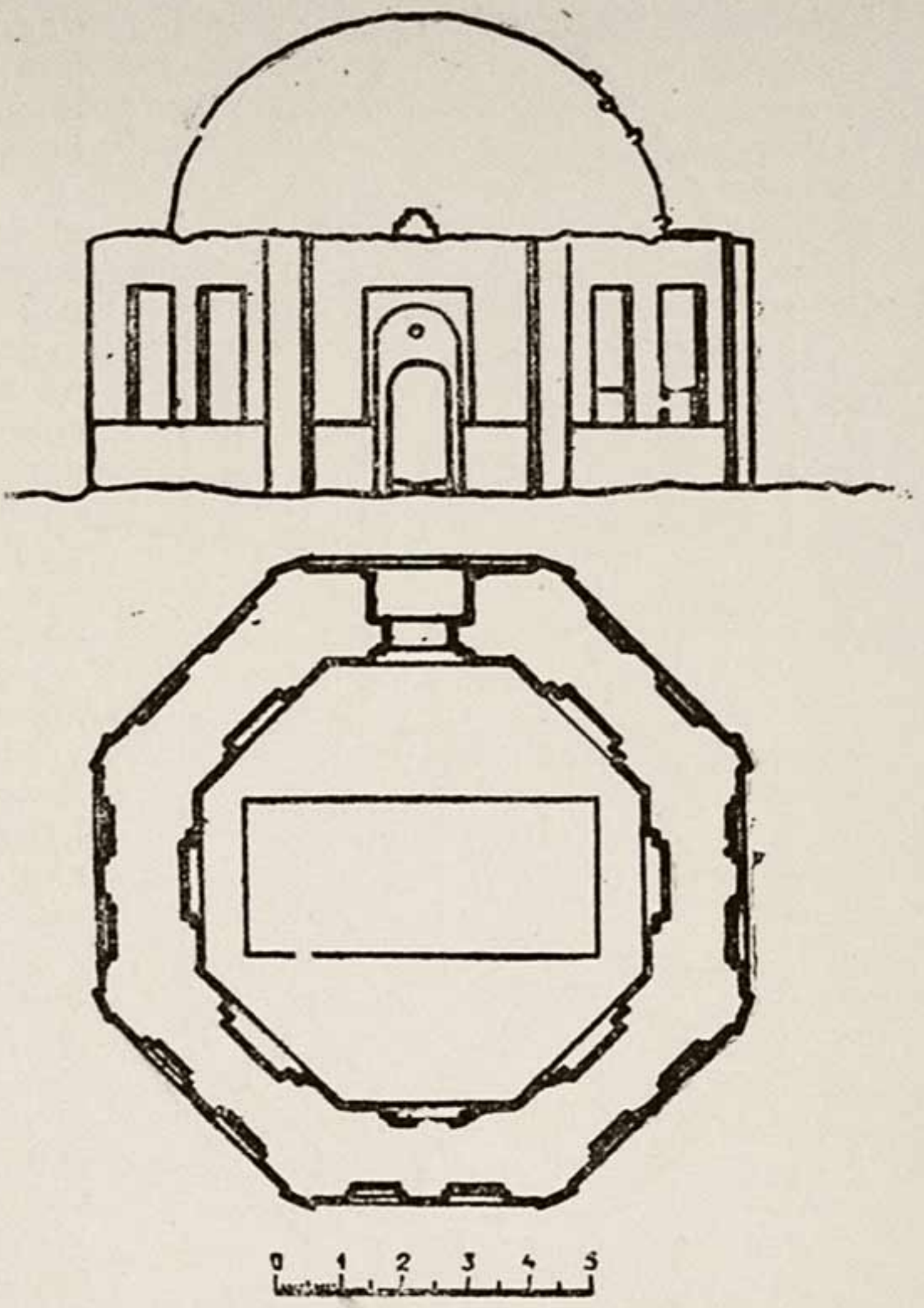


Рис. 1. Мазар Ших-Алу (обмеры Г. А. Пугаченковой).

Другие одиночные могилы святых, расположенные на территории селения Багир, можно по их оформлению разделить на два типа: могилы с курганными насыпями и могилы с больших размеров прямоугольными возвышениями, сложенными из камней; последние, повидимому, более древние.

На мазаре Ших-Алу встречаются также оба эти типа могильных оформлений, но там курганные насыпи, расположенные ближе к предгорьям, несомненно являются древнейшими.

Мазар Мир Вали или Мазар Ак-тепе Аулиэ лежит у перекрестка дорог в Мирове — с довольно значительных размеров курганной насыпью, вершина которой отмечена принесенными местными жителями облицовочными продолговатой формы изразцами с голубой и синей поливой; кроме того, на кургане лежит несколько больших камней.

Мазар Таджи Гузель — сестры Мир Вали — по сведениям, полученным от местных жителей, умершей лет восемьдесят тому назад. До

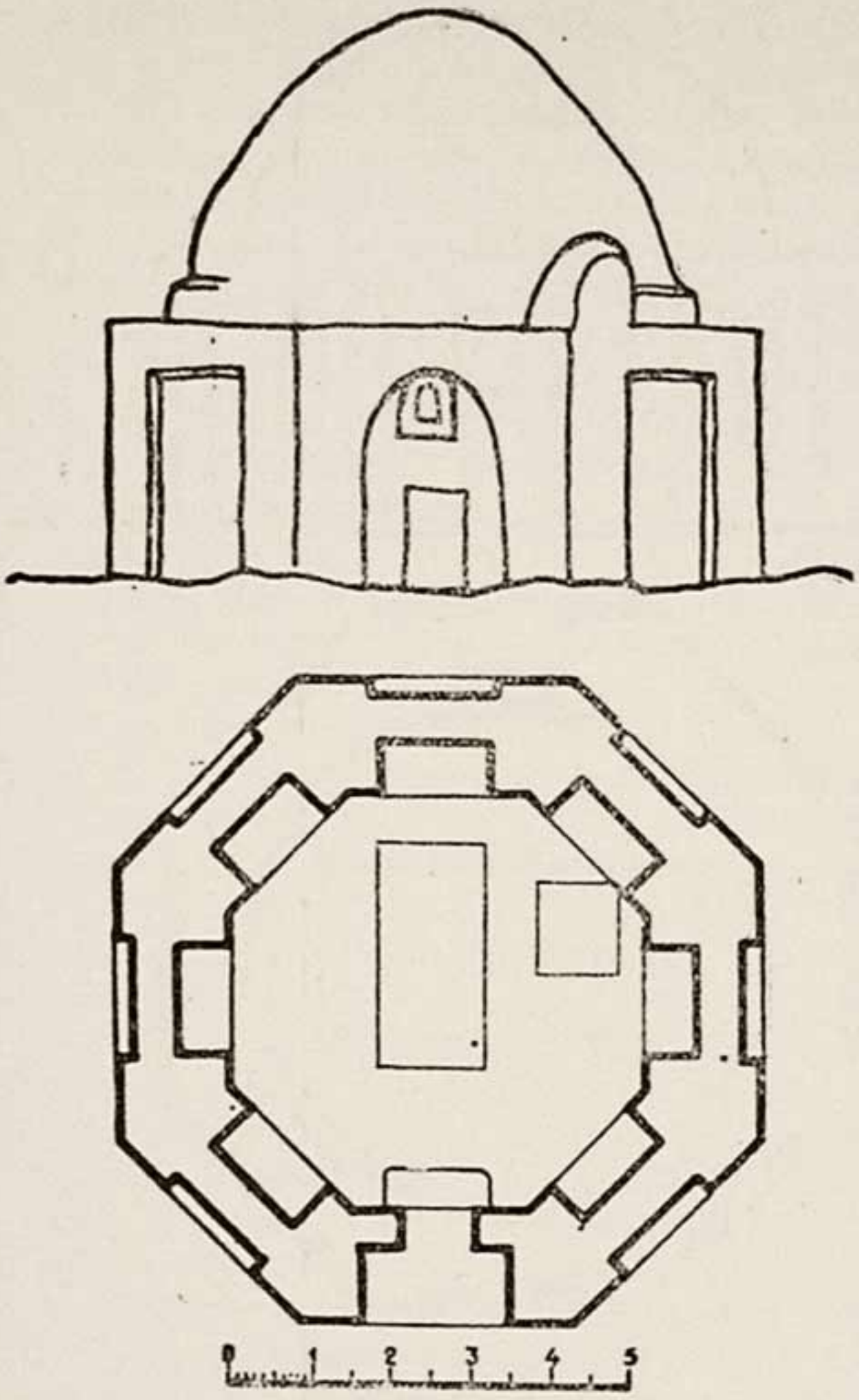


Рис. 2. Мазар Баба-джан (обмеры Г. А. Пугаченковой).

одного метра высоты земляной курган близ Мазара Мир Вали никакими приношениями не отмечен.

Следующие три одиночные могилы имеют суфообразные, сложенные из камней оформления, прямоугольные в плане. Судя по их заброшенному виду и высокой колючей траве, затруднявшей к ним доступ, можно полагать, что они никем не посещаются:

1. Кызгали Аулиэ—около дороги в Нижнем Багире;

2. Кыз-Аулиэ—тоже около нее. В них похоронены убитые здесь два брата: Джан-Эзиз и Эдиз-Улла. Кызгали—„Колючий“; название, повидимому, от колючей травы;

3. Мазар Шейх-ул Джалил Аулиэ на одной из вершин Таш-Калатепе.

Из сохранившихся остатков старых сооружений на территории селения Багир, не считая двух наиболее значительных по своим размерам, памятников—городищ Старая и Новая Ниса, которые служили объектами для изучения отдельных отрядов ЮТАКЭ, были зарегистрированы:

Вал к западу и юго-западу от городища Новая Ниса, прослеживаемый от Туг Кала-Тепе до мавзолея Ших-Алу и несколько южнее последнего и являющийся как бы границей между орошенными участками и более возвышенной по рельефу территорией, лежащей у предгорий.

Особенно хорошо сохранился вал против западного фаса городища Новая Ниса, где он достигает высоты 5—7 *м*. Специальное изучение остатков этого вала было поручено Е. А. Давидович, которая и произвела в нескольких местах вскрытие этого сооружения с помощью М. С. Мерщиева и Х. Алпысбаева.

Обследование установило наличие глинобитной кладки, составлявшей основную толщу этого вала, шириною 8 *м*. Керамический материал, обнаруженный в кладке, относится весь к дофеодальному периоду и характеризуется тонкостенной красного лощения или белоангобной керамикой. На гребне вала и его склонах отмечены фрагменты керамической посуды, относящейся к IX—XII в.в. н. э., а также среди подъем-

ного материала имеются и более поздние. Таким образом, сооружение этой ограды следует отнести к периоду до нашествия арабов. Назначение этой ограды могло быть не только оборонительное, но и для регулирования силевых потоков и направления их по определенным руслам в целях предохранения посевов и жилищ от размывов. Сохранившиеся остатки вала были сняты на план глазомерной маршрутной съемкой М. Е. Массоном. На территории, расположенной к предгорьям от вала, следов старых оросительных каналов не отмечено, ее пересекают только несколько рядов кяризных колодцев.

В Нижнем Багире отмечены в нескольких местах также остатки глинобитных кладок — иногда протяжением в несколько десятков метров, значительной толщины. Позднее они были использованы под насыпи для отводных каналов, подводящих воду к мельницам. Устройство в них помещений (повидимому, это позднейшие сооружения) послужило причиной того, что они уцелели частично до нашего времени, тогда как в других местах никаких признаков существования крепостной ограды средневекового пригорода зарегистрировать не удалось.

В некоторых частях пригорода существовали отдельные богатые усадьбы, обнесенные мощными крепостными оградами, на что намекают остатки каменных кладок стен и строений и находки средневековой керамики, стекла и пр.

К северу от городища Новая Ниса близ левого берега Ясман Салыка, отмечен ряд бугров, которые при осмотре оказались остатками бывших здесь четырех печей для обжига кирпича. Обломки плиток обожженного кирпича размером $26 \times 26 \times 5$ *см* немногочисленные, но размеры карьера, находящегося около этих печей показывают, что производительность последних была очень значительна. В памяти у местного населения не сохранилось никаких сведений об этих сооружениях. Удачное месторасположение их на краю города-селения, около проточной воды, вполне отвечает их назначению.

К предгорьям за кладбищем Ших-Алу находятся развалины намазгах, на которые впервые обратил внимание проф. А. А. Семенов, отнеся их к постройкам позднейшего времени[6]). Сохранились только наиболее капитальные части этого сооружения: центральные постройки западного фаса. Ясно прослеживается в плане обширный, прямоугольный двор с несколькими входами в восточной, северной и южной оградах. Северо-восточной стены центральное помещение не имело; свод перекрытия сохранился лишь на высоту около метра от уровня пят. Стены сложены из больших камней на ганчевом растворе; верхние части были сложены из мелких квадратных плиток обожженного кирпича разм. $20 \times 20 \times 4$ *см*. С северной и южной сторон к этому центральному помещению примыкали два других, в одном из углов последних уцелела часть перекрытия сводом балхи. Помещения эти соединялись проходами, перекрытыми арками.

В юго-западной стене хорошо сохранился михраб в центральном помещении, последнее имело, повидимому, купольное перекрытие. Значительная толщина стен (1.65—2.05 *м*) и крепкий ганчевый раствор, связывающий камни, способствовали сохранности этого главного помещения, прямоугольного в плане около 6 *м* с востока на запад (6.1—5.45 *м*) и около 4 *м* (3.75—3.8 *м*) с севера на юг. Оно ориентировано

не точно по странам света, и михраб (1 *м* ширины и 0,4 *м* глубины) направлен на юго-запад. Произведенное небольшое вскрытие у восточной стены центрального помещения архитектором Г. А. Пугаченковой, при участии М. С. Мерщиева и Х. Алпысбаева, для уточнения характера этого сооружения и времени его постройки, дало следующие материалы:

1. Перед центральным помещением находилась площадка, выступающая на несколько метров во двор, и граница ее от площади внутреннего двора была отмечена рядом крупных галек;

2. В главном помещении отмечено три горизонта полов, настилы которых сделаны из ганчевого раствора. В тонкой прослойке между первым и вторым настилами зарегистрированы фрагменты поливной керамики XIII—XIV веков.

Таким образом, намечается три периода существования этого сооружения. План этой мечети очень схож с планом Караханидской намазгах, построенной около города Бухары Арслан-Мухаммед ханом в 1119/1120 г., (последняя подвергалась в дальнейшем неоднократным ремонтам и перестройкам). В остатках выявленной мечети следов капитального ремонта стен не обнаружено.

В сторону предгорий от северной части западного вала, т. е. против Туг Калы, отмечены остатки крупных размеров квадратного в плане сооружения — с запада на восток 60 шагов и с севера на юг 45 шагов, состоящего из прямоугольного двора и выходящих на него небольших помещений. По предположению М. Е. Массона, развалины эти относятся к упоминаемой в письменных источниках ханака Серави[7]). Сооружение было построено из сырцового кирпича разм. $24 \times 24 \times 4$ *см* и обожженного, целые плиты которого были, вероятно, все выбраны; размеры последнего $= 21 \times ? \times 3.5$ *см*; зарегистрирована здесь и большая плитка обожженного кирпича размером $30 \times 27 \times 4.5$ *см*, повидимому, из числа служивших для выкладки полового настила. Некоторые данные к датировке этих сооружений может дать довольно многочисленный подъемный материал, главным образом состоящий из фрагментов керамической посуды, наибольшее количество которой относится к XIII—XVI в.в., хотя встречается также и посуда, свидетельствующая о жизни здесь человека и в XI—XII в.в., а также и в XVI в.

На этом же участке, расположенном за западным валом, к предгорьям, несколько севернее тропинки, ведущей от мавзолея Ших-Алу к развалинам намазгах, в лощинке между рядами кяризных колодцев зарегистрировано пещерообразное помещение, вырытое в лессовой толще. Несколько вытянутое в плане, оно расширяется по направлению вглубь. Низкий — длиною в 2.5 *м* вход ведет в более высокую до 1.8 *м* камеру с очагом, дымоход от которого пробит в земляном столбе; от последнего отходит к противоположной от входа стенке перегородка, разделяющая эту часть помещения на две камеры, причем в северной имеется стенная ниша. Повидимому, его следует связывать с одним из близлежащих рядов кяризных колодцев, во время рытья которых рабочие могли сделать себе для отдыха прохладное в знойные дни и довольно теплое, благодаря сравнительно низкому удлиненному входу, помещение, защищенное от ветра, где землекопы готовили себе пищу. Позднее оно могло быть использовано и пастухами и различными времен-

ными обитателями для защиты от непогоды и для ночлега. Параллельные ряды завалившихся кяризных колодцев свидетельствуют о большой их древности. Продолжительное существование в Средней Азии кяризной системы подтверждается и письменными источниками. Так, в известной исторической хронике автора XI в. Гардизи, составленной около 440 = 1048 г., при описании управления Хорасаном Абдаллаха б. Тахира под годом 224 г. х. = 838/9 г. н. э., в котором произошло сильное землетрясение в Фергане, произведшее большие разрушения домов, отмечается, что Абдаллах собрал всех законоведов (факихов) Хорасана и пригласил даже часть из Ирака, чтобы они составили книгу узаконений пользования кяризной водой. Это положение ими было составлено. Распределение кяризной воды и во время автора происходило согласно изложенных в этой книге указаний[8]).

Во многих местах, главным образом между городищами Старой и Новой Нисы, были отмечены груды камней, в некоторых пунктах сохраняются и отдельные части каменных кладок. Они, конечно, свидетельствуют о старых, некогда бывших здесь сооружениях, которые, как уже отмечалось, возводились из камня, обожженного и сырцового кирпича и из пахсовой кладки. Именно к числу последних относятся во многих местах частично уцелевшие еще крепостного типа сооружения прямоугольные в плане.

Совершенно открытый просторный двор обнесен высокими до 7—8 *м* мощными глинобитными стенами. По углам возвышаются несколько суживающиеся кверху полые башни с такими же толстыми стенами и со входом, расположенным в сторону двора. Обыкновенно посередине одной из четырех стен находились ворота, проход через которые следовал по двум маршам под прямым углом, вероятно, с целью наилучшей защиты и контроля над входившими. В памяти местного населения не сохранилось сведений о назначении этих построек. Повидимому, они уже давно утратили свое назначение и теперь можно только догадаться о их роли в прошлой жизни этого селения. Нечто подобное мы можем наблюдать и в других местах Средней Азии — там, где население подвергалось угрозе нападения.

Они служили, вероятно, убежищем, в котором отсиживались жители во время набегов с целью грабежа. Просторный двор мог вместить не только людей, но и их скот и домашние вещи. Возможно, что в этом защищенном оградой дворе находилось постоянно жилище начальника в виде юрты, которые в настоящее время всюду здесь заменились постройками сакельного типа. Сторожевые оборонительные башни иногда возводились отдельно от крепостной ограды. Последняя сохраняет у местного населения название кала. Отдельно стоящие сторожевые башни называются дингами. Всего в селении Багир удалось зарегистрировать разной степени сохранности (иногда от всего сооружения уцелели только отдельные бесформенные остатки стены или башни) нижеследующие постройки этого типа:

В четырехстах метрах от городища Новая Ниса по направлению на север, около большой колесной дороги находится Туг-кала — обычная квадратная в плане крепостная ограда с угловатыми башнями, несколько возвышающимися над стенами. Каждая из этих башен имела два помещения: верхнее и нижнее; в верхнее помещение можно было

попасть по приставной лестнице. Стены ограды Туг-кала сохранились на высоту 6—7 рядов глинобитной кладки (каждый ряд пахсы высотою от 0.5 до 0.8 *м*) — около 6 *м*.

Толщина стены в цокольной части 1.2 *м*; кверху пахсовые ряды несколько уменьшаются в толщине. Двор оставался совершенно свободным от строений. Ворота помещались в западной стене и состояли из двух параллельно выступающих на несколько метров вперед таких же мощных стен. Учитывая, что Туг-кала расположена около большой колесной дороги, можно полагать, что эта ограда служила позднее также и караван-сараем.

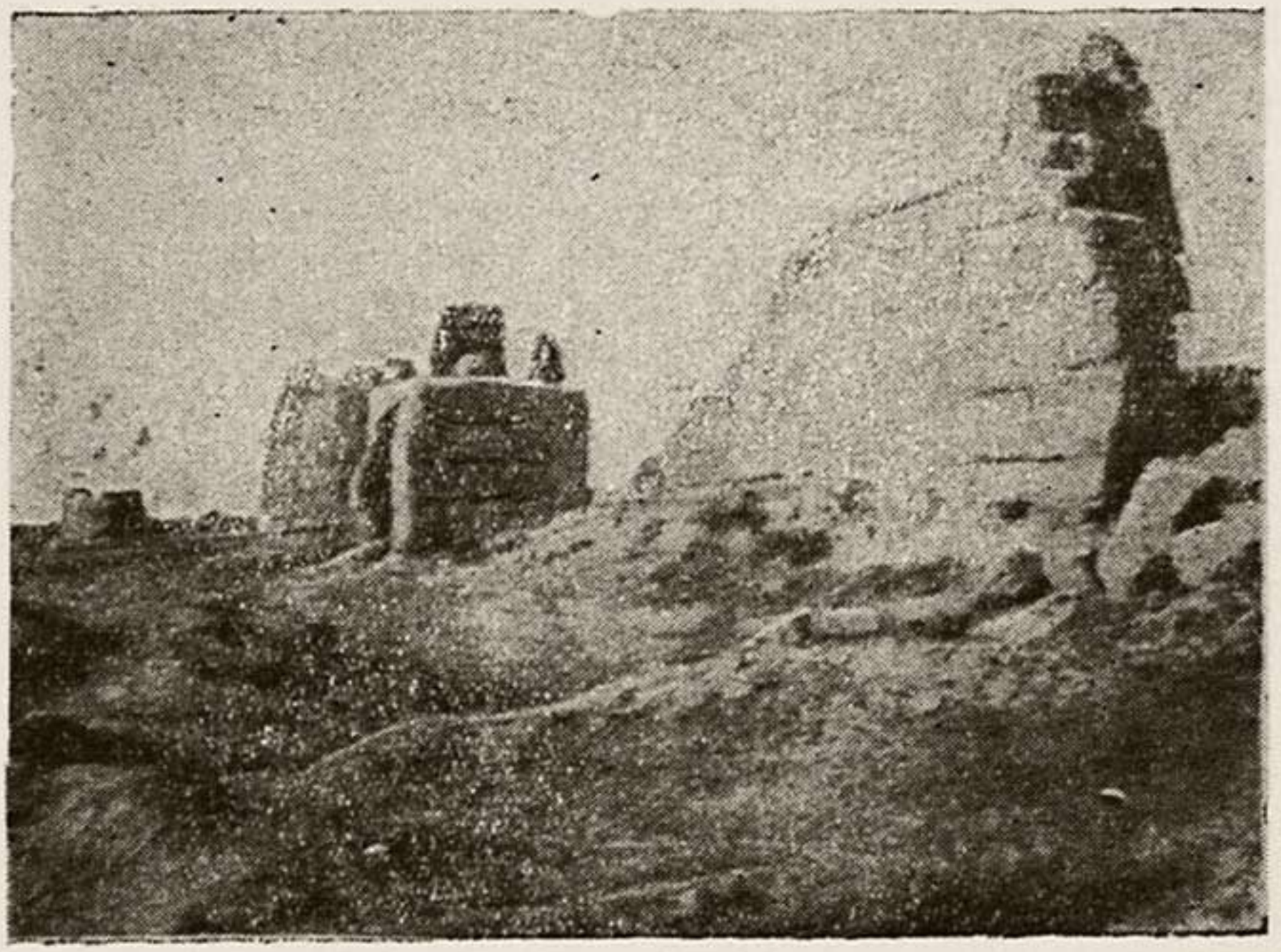


Рис. 3. Туг-кала.

На северо-запад от Туг-кала сохраняются остатки динга. Стены этой сторожевой башни сложены из пахсы, в которую включено значительное количество галек разной величины. Между горизонтальными рядами пахсы встречаются прокладки одного или двух рядов кирпича — сырцового, разм. 26 × 26 × 6 *см* и отдельные плитки жженого, размером 21 × 21 × 4.5 и 24 × 24 × 4 *см*. Стены динга сохранились на высоту около 2 *м*. Толщина стены у основания 1.2 *м*. Вход в динг расположен со стороны Туг-кала, около последней находился еще один динг. Подобные сооружения лучшей сохранности и более разнообразные по форме (не только круглые в плане, но и четырехугольные) можно наблюдать на городище около анаусской мечети. В Ишан-кале, лежащей посередине между двумя городищами Новой и Старой Нисы, никаких остатков крепостной ограды не сохранилось и можно предполагать, что место последней занимает медресе.

Шейли-кала расположена в Верхнем Багире около большой колесной дороги. Такая же прямоугольная в плане крепостная ограда с угловыми полыми башнями во всех четырех углах. Размеры внутреннего двора 36.7×30.75 *кв. м*; толщина стен 1.4 *м*. Ворота находятся в северо-восточной ограде и состоят из двух параллельно идущих внутрь двора стен. Довольно хорошей сохранности кала, на дворовой площади которой в настоящее время разбит огород и воздвигнуты жилые и хозяйственные постройки. Название Шейли, как объясняют жители этого участка, произошло от украшений, сделанных из кружков персидской мелкой монеты „шаи" — эти украшения особенно в ходу у живущих здесь женщин.

Кухне-кала находилась в Нижнем Багире. Остались только нижние части башен; территория двора сплошь занята жилыми строениями. Местные жители считают, что крепость эта была построена лет 200 тому назад и связывают ее сооружение с легендой об источнике, дававшем в начале такое незначительное количество воды, что ее хватало только для птиц и расширение которого приписывается прибывшему сюда строителю крепости. В Кухне-кале находилось медресе, ныне разрушенное.

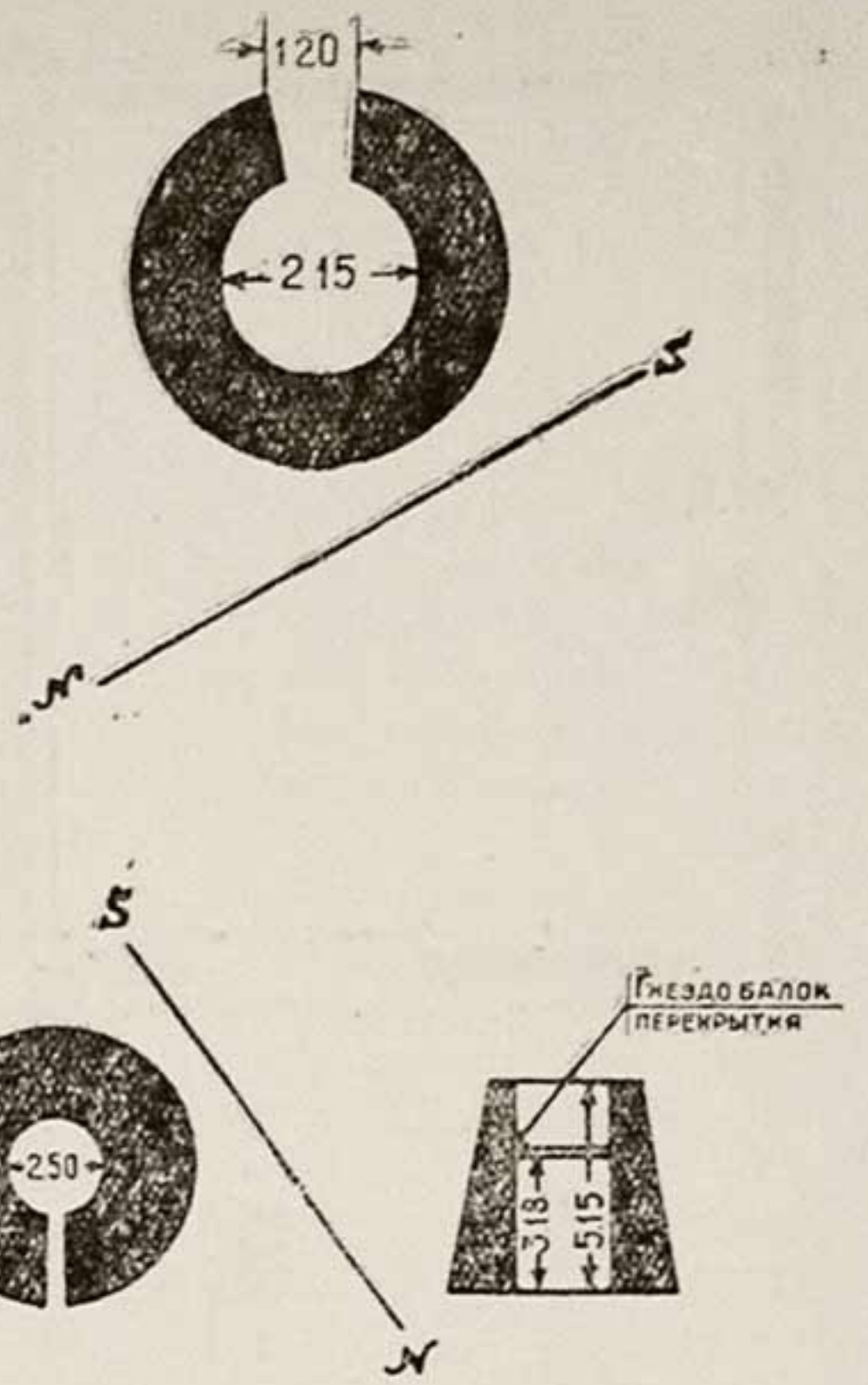


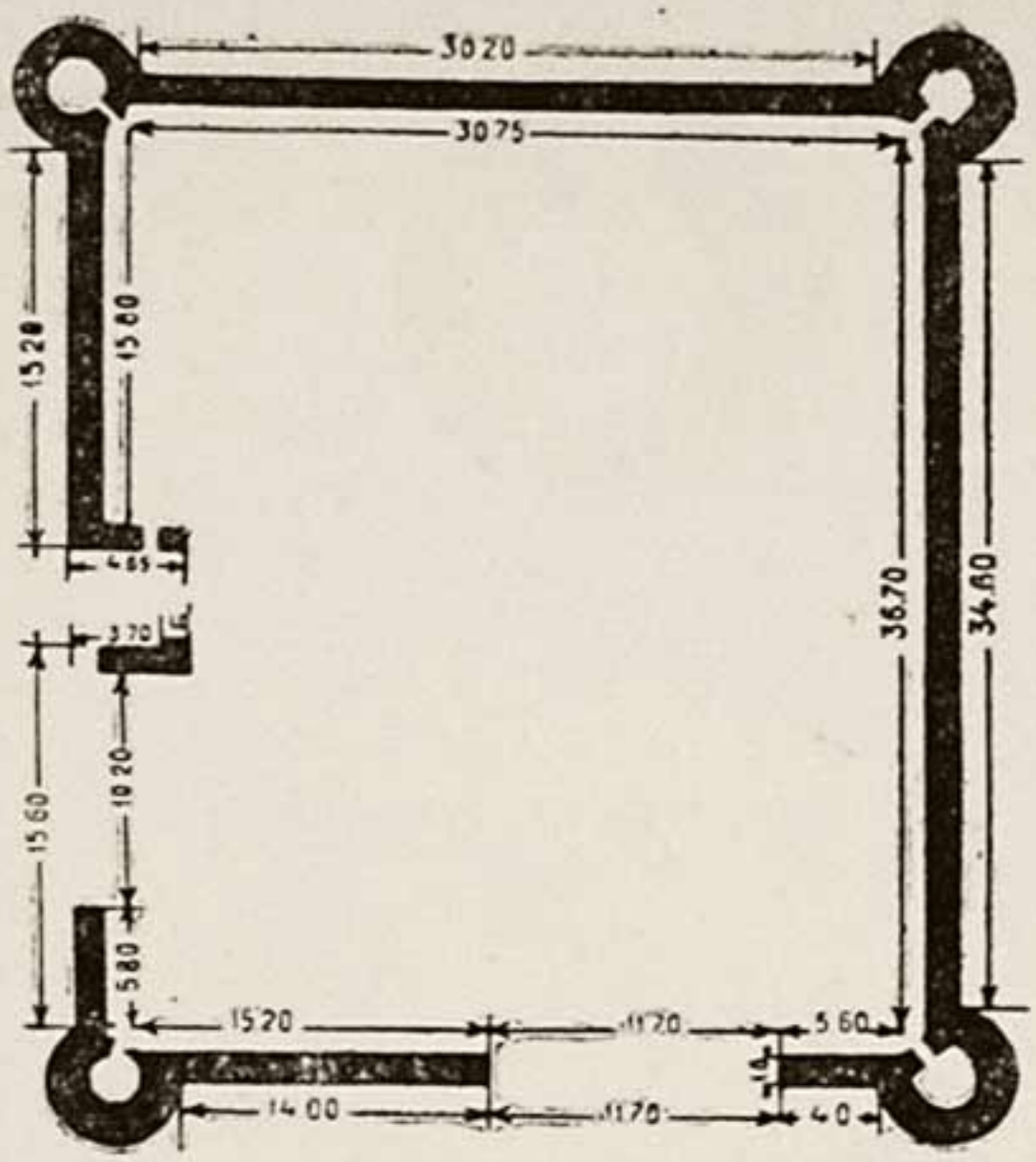
Рис. 4. Планы дингов (обмеры М. С. Мерщиева).

Кухне-кала в Мирове; уцелели очень незначительные остатки.

Тимуринг каласы находится недалеко от нее; сохранились частично мощные стены. Таш-кала в Верхнем Багире: отмечены угловые башни и отдельные части стен; обширный двор занят почти сплошь жилыми строениями. Это одно из наиболее крупных сооружений выявленного типа.

Ораз Ишан-кала около томатного завода: частично уцелели стены; площадь двора занята огородами и постройками.

В 100—150 *м* от северного фаса городища Старая Ниса расположена одиночно стоящая сторожевая башня, уцелевшая на высоту немногим больше 5 *м*. Круглая в плане, она имеет внутри нижнее помещение в 2.5 *м* в диаметре. Вход в нее находится в северо-восточном секторе. Глинобитные стены ее у основания 1.4 *м* толщиной и к гребню суживаются до 0.5 *м*. На высоте 3.2 *м* внутреннего помещения отмечены гнезда балочного перекрытия. На второй этаж поднимались с помощью приставной лестницы или веревки. Этот динг мог относиться и



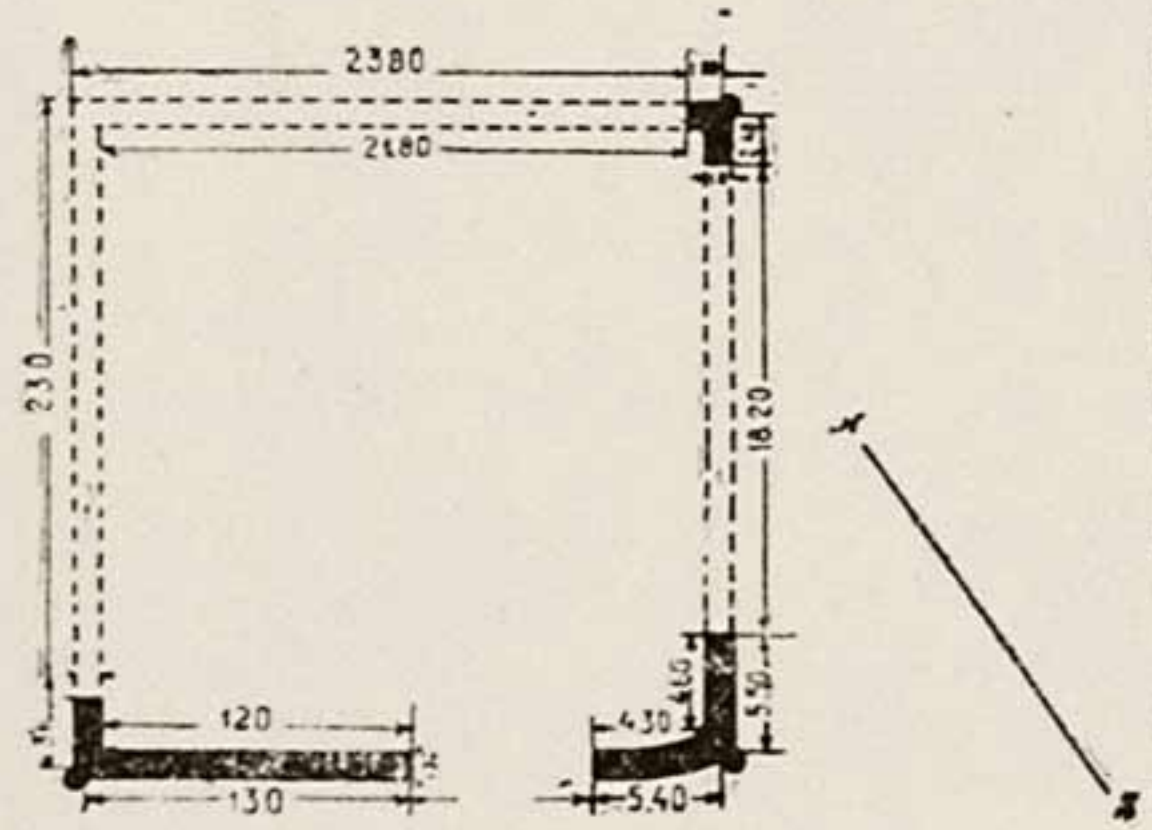


Рис. 5. Планы кала (обмеры М. С. Мерщиева).

к Шейли-кала и к Таш-кала. Около границы между Верхним и Нижним Багиром расположен Шехмаларнинг - каласы, Клычмурад-кала, Кульмерген-кала и Ой-кала.

Интересно отметить, что местное население еще хранит в памяти разделение территории Багира на отдельные участки, носящие название „Кала". Последние в данном случае по своему смысловому значению соответствует понятию махалля [9]). При этом на некоторых из участков совершенно не уцелело никаких следов крепостного сооружения. Повидимому, в один из периодов позднего существования этого пункта в нем появились выявленные крепостные ограды, в последних, вероятно, проживали в юртах управители сравнительно небольшого участка, от которых и зависела в той или иной мере участь населения, обитавшего в границах подвластной ему территории. В свою очередь население могло в случае набегов укрываться в крепостной ограде и более успешно отстаивать свою жизнь и имущество. Кроме перечисленных, в Багире отмечены еще следующие участки, носящие название кала:

Ишан-кала (остатков крепостного сооружения здесь не сохранилось. Можно полагать, что оно находилось на месте мечети и медресе, в котором находился лагерь ЮТАКЭ), Коурма-кала и Оманнынг-каласы в Мираве, а в Нижнем Багире Кызылча-кала, где по сведениям местных жителей проживал до прихода русских управитель Пулат-хан.

Позднее эти полуобщественные крепостные ограды сменяются менее значительными сооружениями такого же типа. Последние, сохраняя в основном тот же план, имеют три отличительных признака:

1. Несколько меньших размеров площадь внутреннего двора;
2. Менее мощные стены;
3. Угловые башни или совсем отсутствуют или не имеют никаких внутренних помещений и больше служат традиционным вкусам, хотя известное конструктивное значение они конечно сохраняют. Их диаметр

значительно меньше, а выведенная несколько выше ограды верхушка по сравнению со сторожевыми башнями представляет простое копирование уже утративших свое значение форм.

Крепостная ограда II-го типа, конечно, несла также свое функциональное назначение — защиты, охраны, но только она была приспособлена для отдельных зажиточных лиц, их семей и имущества (главным образом, скота).

Именно к последующему позднему типу этих сооружений относятся следующие, ныне уже необитаемые и неиспользуемые постройки, состояние которых даст полную возможность установить их первоначальный план.

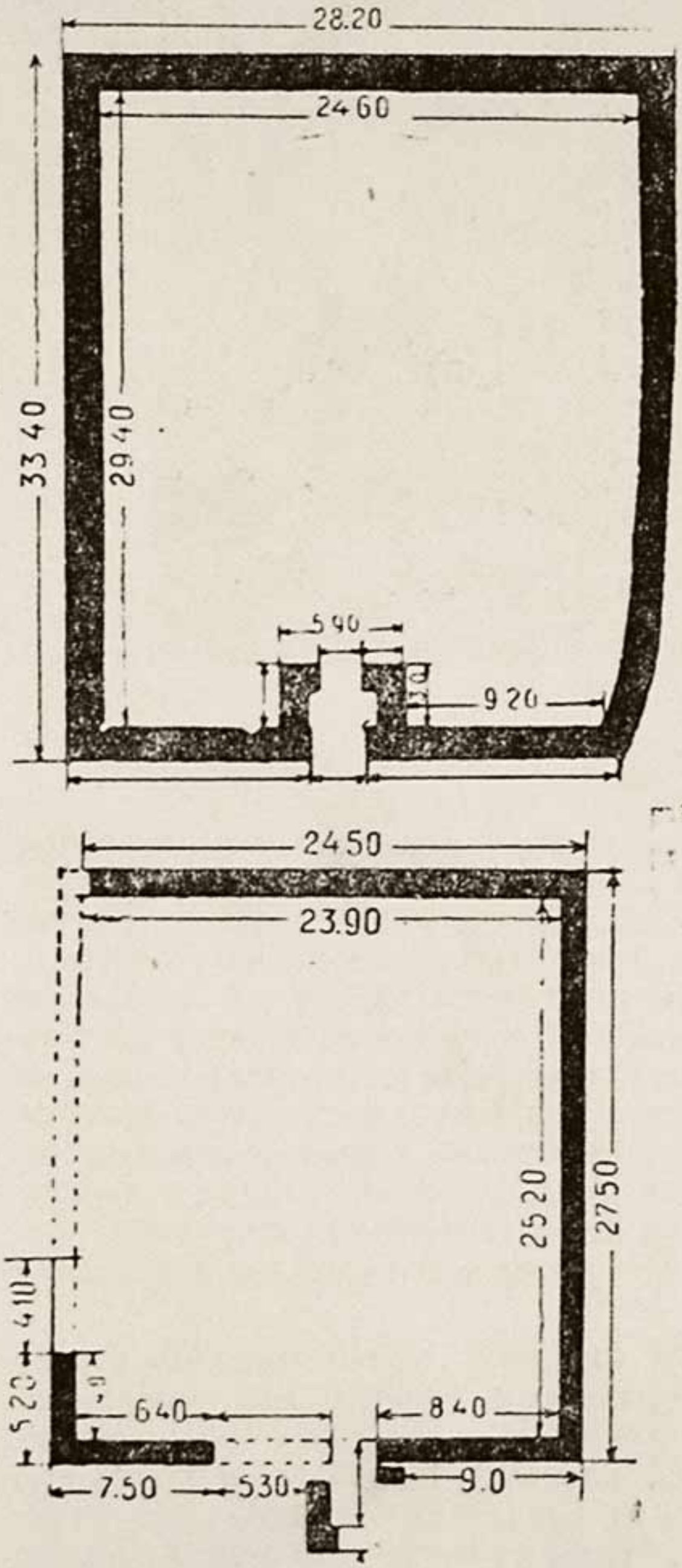


Рис. 6. Планы кала (обмеры М. С. Мерщиева).

Куль - Мерганынг - каласы, расположенная около 1-й мельницы.

Клыч - Мураднынг - каласы, близ нее, около II-й мельницы.

Плохо уцелевшая, возведенная близ Оргали-тепе, Ой-кала, большая часть которой уже разнесена.

Но динги, повидимому, свое значение в то время еще сохраняли, о чем свидетельствуют возвышающиеся около Куль-Мерганынг-каласы и Клыч-Мураднынг-каласы довольно хорошо уцелевшие сторожевые башни; первая из них сложена из плиток сырцового кирпича размером 26×26×4.5 и 25.5×25.5×4 *см*. Толщина стены около основания 1.4 *м* и вторая, с высокими глинобитными стенами, построена, по рассказам местных жителей, лет 80 тому назад от набегов хивинцев. Обе эти башни имели внутри помещения и наверху обнесенную оградой площадку, в полу которой оставлено отверстие для входа сюда через нижнее помещение — вероятно, по веревке или приставной лестнице.

Вероятно, остатки первого вида сооружения насчитывают давность несколько больше двухсот лет, тогда как позднейшие прекратили существование едва-ли больше 40 лет тому

назад. Эти высокие ограды, конечно, служили и для загона скота— почему так долго и сохранялся именно такой тип сооружения: известно, что в Багире проживали владельцы верблюдов, на которых совершалась перевозка товаров караванным способом.

Рис. 7. Динг.

Сбор подъемного материала производился по отдельным квадратам, по участкам-кала и в определенных выявленных археологических объектах. Значительное количество находок, свыше 2000, состоит главным образом из фрагментов керамической посуды; довольно часто встречались также и обломки каменных котлов с отшлифованной внутренней поверхностью и рубчатой наружной и осколки стеклянной посуды; реже отмечались изделия из металла: железа и меди. Наибольшее количество собранного на территории селения Багир подъемного материала относится к XIII—XIV в.в.; довольно хорошо представлен IX—X и XII в.в. — начало XIII в. и меньше более ранние и поздние периоды. Учитывая местонахождение этого материала, намечаются следующие обжитые и используемые для различных нужд участки средневекового города.

С северо-восточной стороны к городищу Новая Ниса примыкает сравнительно небольшой по своим размерам участок, вся поверхность которого сплошь изрыта и на ней разбросаны обломки обожженного кирпича, камни и черепки глиняной посуды. Наибольшее количество прекрасных керамических объектов из коллекций Ашхабадского любителя археологии доктора Е. Г. Сукачева извлечено именно отсюда. Сборы обильного подъемного материала, произведенные на этом участке, характеризуются, главным образом, фрагментами кустар-

ного рыночного керамического производства изделий, относящихся к XII—XIV в.в; реже встречаются фрагменты глиняной посуды XV века. Последний из наиболее интенсивных периодов жизни этого участка относился к XIV веку.

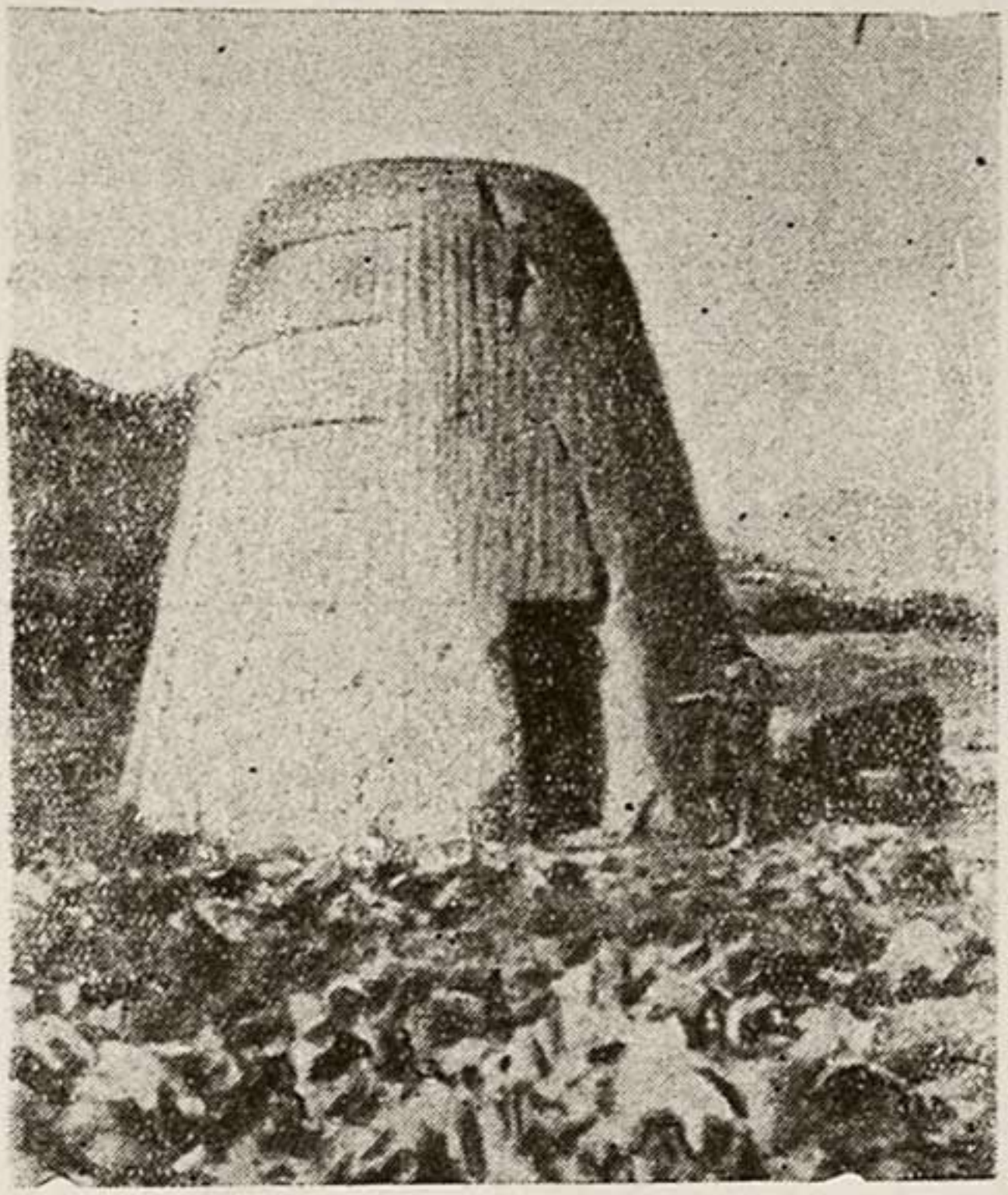


Рис. 8. Динг.

Уже при первоначальном осмотре территории этого квартала, именуемого современным населением „Сардова", было отмечено большое количество ям, в среднем около одного метра в диаметре, характерных своими селитроносными и гумусными заполнениями. В некоторых местах они располагаются через метр, указывая на длительное время пребывания здесь человека: обычно мусорные ямы и уборные не очищались, а рядом выкапывались новые. Такие группы ям на участке находятся, примерно, через каждые 3—5 метров и около них возвышаются горки камней, свидетельствующие о наличии здесь когда-то строений. Х. Алпысбаев и М. С. Мерщиев произвели пробное вскрытие этих ям, причем установили, что многие из них раньше кем-то разрывались. Тем не менее, вскрытие дало ряд превосходных комплексов безглазурной и поливной керамики от IX до XIII в.в. включительно. Суммируя полученные данные полевого обследования участка Сардова, становится совершенно очевидным, что в IX—XIII в.в. здесь находился производственно-торговый, густо населенный квартал средневекового города, когда, по замечанию В. В. Бартольда, в X веке... «предместья, где находились базары и сосредотачивалось торгово-промышленное сословие, уже были многолюднее старых шахристанов»[10]).

К югу от городища Новая Ниса сразу же за рвом находится квартал Авлиэ—(от арабского слова «святые, подвижники»), площадь которого в настоящее время почти сплошь занята огородами или кустарниковыми зарослями. На северном, прилегающем ко рву, участке его было расположено кладбище. Вероятно, в этом квартале находились мавзолеи, украшенные облицовочными плитками с голубой поливой, некоторые из которых были найдены при обследовании. Во всяком случае наличие каменных горок определенно указывает на существование здесь сооружений.

Среди керамических находок отмечаются фрагменты посуды XV в.

Большая часть участков здесь, повидимому, принадлежала зажиточному духовенству, устроившемуся поблизости от своих доходных мазаров. Причем в этом квартале не наблюдается, как в Сардове, почти сплошной застройки площади: здесь каждое строение имело свой участок; и только в северной части около самой стены были отмечены следы более частых построек, повидимому, принадлежавших менее зажиточным лицам. И если квартал Сардова был населен по преимуществу ремесленниками и торговцами, то в квартале Аулиэ проживало по большей части духовенство, которое могло иметь еще свои участки и на городище Новая Ниса, т. е. в шахристане, не утратившем своего значения в жизни города.

На северо-запад от городища Новая Ниса, по направлению к Тугкала-тепе, посевы снивелировали значительных размеров бугры, вероятно, заключающие остатки крупных сооружений.

Рис. 9. Сардова.

В размывах почти по всей этой площади отмечаются культурные наслоения от 0.5 до 2 *м* в глубину с фрагментами керамической посуды X—XIII в.в. Ни остатков ремесленного производства, ни следов культовых сооружений на этой территории не обнаружено. Повидимому, квартал этот в указанное время был занят жилыми постройками с небольшими участками земли при каждой из них.

Совершенно иной характер имеет участок за северной частью западного вала, площадь которого ясно разделяется на две части: южную, занятую кладбищем, густо покрытую буграми, высотою в 1—1.5 *м*, плоские вершины которых укреплены обломками камней и прямоугольниками из ряда галек и квадратной формы плиток обожженного кирпича размером 20.5 × 20.5 × 4 *кв. см*, и северную, где, повидимому, были

расположены культового назначения сооружения. Обильный подъемный керамический материал в виде фрагментов глиняной посуды XII—XVI в.в. и обломков строительного, квадратной формы и облицовочного кирпича указывает, что этот участок тоже являлся кварталом средневекового пригорода.

В намогильных оформлениях можно отметить и более поздние, возникшие, когда постройки стали уже разрушаться и их кирпич вместе с камнями перетаскивали на свежие могильные насыпи. Вскрытие погребений и остатков прослеживаемых в плане сооружений, вероятно, даст обильный материал по истории прошлого этого участка и во всяком случае выявит крупную, красиво расположенную на возвышенной площадке часть средневекового пригорода с сооружениями культового назначения.

При обследовании выделяется также своей однородностью центральный участок, расположенный к западу и юго-западу от жилых построек главной улицы в Нижнем Багире. На его занятой почти сплошными посевами и редкими отдельными постройками территории изредка встречаются черепки средневековой керамической посуды. На всей этой площади не отмечено остатков крупных сооружений, хотя возможно, что многолетняя пахота не оставила никаких наружных признаков их существования. Однако, где бы вода ни размыла протоком грунт, всегда почти отмечаются в незначительном количестве фрагменты грубой керамической посуды, среди которых преобладают более поздние черепки. Наверное и здесь в эпоху средневековья находились отдельные постройки, но основная площадь, конечно, была отведена под посевы, сборы с последних, вероятно, составляли немалую часть урожая.

Работами ЮТАКЭ 1946 г. намечены два периода роста пригородной территории Нисы. Первый — когда границы его проходили в пределах с западной стороны по древнему валу и южнее мавзолея Ших-Алу, предположительно по Кунджутли тепе, по линии бугров вдоль северо-западного фаса городища Старой Нисы на Ших-тепе и затем на Таш-кала-тепе. Дальнейшее направление ее неясно, повидимому, близ Туг-кала-тепе граница поворачивала на восток. И второй, когда западная граница его остается старой, а пригород растет в восточном, северном и южном направлениях. При этом крайней восточной границей, до которой доходил пригород, является мазар Эннау Аулиэ.

Таким образом, мазар на Ших-Алу-тепе в значительной своей части относится к первому периоду, а мазар Эннау Аулиэ ко второму позднейшему этапу жизни пригорода.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Деление это, как отметил проф. А. А. Семенов, засвидетельствовано и в письменных источниках средневековья (см. А. А. Семенов. По Закаспийским развалинам. Известия Средазкомстариса, вып. II, Ташкент, 1928, стр. 68). Хотя возможно, что в то время под «Верхним городом» понимали участки, лежащие к предгорьям от древнего вала, где были расположены главным образом кладбища. Если так, то «Нижним городом» называлась территория, занимаемая ныне Верхним Багиром.

2. Важнейшие сочинения эти указаны в монографических работах В. В. Бартольда:

1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I. Тексты СПб, 1898 и ч. II, Исследование, СПб. 1900.

2. К истории орошения Туркестана. СПб, 1914, где дан и краткий исторический очерк города Ниса, — стр. 37—39.

Отдельные выдержки из некоторой части этих сочинений даны в переводах в I и II томах Материалов по истории туркмен и Туркмении.

3. Известия ТФАН СССР. 1944 г., № 2—3.

4. В. В. Бартольд. К истории орошения... Цит. соч., стр. 39, А. А. Семенов., Цит. соч., стр. 64 и 68.

5. Полное имя этого шейха Абу Али Деккак; о нем см. у В. А. Жуковского. Тайны единения с богом в подвигах старца Абу Саида, СПб, 1899, персид. текст, страницы по указателю 499—500.

6. А. А. Семенов. Цит. соч., стр. 66—67.

7. О ней В. В. Бартольд. К истории орошения... Цит. соч., стр. 39, В. В. Жуковский. Цит. соч., стр. 45—46, где говорится и об ее строителе Абу Али Деккаке.

8. Kitab Zainu'l-Akhbar, composed by Abu Sa'id Abbu'l Hayy, b. ad Dahhak b. Mahmud Gardizi; Browne Memorial — Series, I; London, 1928, s. 8.

9. О значениях арабского слова «кала» см. у Л. Будагова, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, СПб, 1871, стр. 62—63.

10. В. В. Бартольд. История Туркестана, Ташкент, 1922, стр. 14.

Е. А. ДАВИДОВИЧ

ИССЛЕДОВАНИЕ ВАЛА К ЮГО-ЗАПАДУ ОТ НОВОЙ НИСЫ

Одним из частных заданий отряда № 3 ЮТАКЭ 1946 г. было обследование вала, обнаруженного к юго-западу от городища Новой Нисы. Вероятно этот же вал упомянут А. А. Марущенко к западу от Багира, причем автор сравнивает его с валом «Гилякин-Чильбурдж» Старого Мерва[1]). Вал этот тянется сначала почти параллельно юго-западной стене крепости, продолжаясь затем на юго-восток и охватывая значительную территорию к юго-востоку от городища. Неодинаковой ширины и высоты на разных участках, сильно оплывший, он к тому же во многих местах до основания или частично разобран населением и свезен на поля. В настоящее время процесс его уничтожения продолжается. Лучше всего вал сохранился близ крепости, что объясняется, конечно, просто небольшими размерами близлежащих полей. В остальной части, особенно юго-восточнее т. н. мазара Абу Али Даккака, он представляет собой отдельные короткие и не связанные друг с другом отрезки, несомненно принадлежащие, однако, как показал раскоп, остаткам той же древней стены, что и основной отрезок близ крепости. После окончания раскопа М. Е. Массоном произведена глазомерная съемка вала, а частичное наблюдение за археологическим вскрытием проводили коллекторы Х. Алпысбаев и М. Мерщиев.

Уже основной раскоп № 1, заложенный в виде траншеи, насквозь прорезавшей вал, позволил с несомненностью установить и его искусственное происхождение и его устройство. Для отыскания границ предполагаемой стены (и установления, следовательно, ее ширины) вскрытие было начато в квадратах № 6 и № 8, но после обнаружения оплыва пахсы и пахсовой кладки раскопом были захвачены следующие квадраты, причем в четырех пунктах (в двух — вдоль обеих границ стены и в двух — по квадратам № 6 и № 8) углубление было произведено до основания стены для полного выяснения ее устройства.

Ширина стены у ее основания достигала 8.5 *м*, значительно, но не одинаково сужаясь кверху: равномерное и постепенное с юго-западной стороны, с противоположной стороны, обращенной к городищу, сужение это представляло собой резкий переход в виде ступени от более широкой к более узкой верхней части.

В самой нижней части стены, под глинобитной кладкой обнаружился слой (в среднем 40—50 *см* толщины) мелкого щебня со значительной примесью гальки в северо-восточном конце раскопа, где этот слой продолжается дальше границы стены и носит характер специальной укладки из крупных камней, лишь пересыпанных щебнем. В юго-

западной части слой этот напротив сходит на-нет вблизи границы стены[2]).

Первоначальное предположение, что он является результатом естественного наноса, должно было быть оставлено, т. к. в этом случае слой можно было бы проследить не только на площади, занятой стеной, но

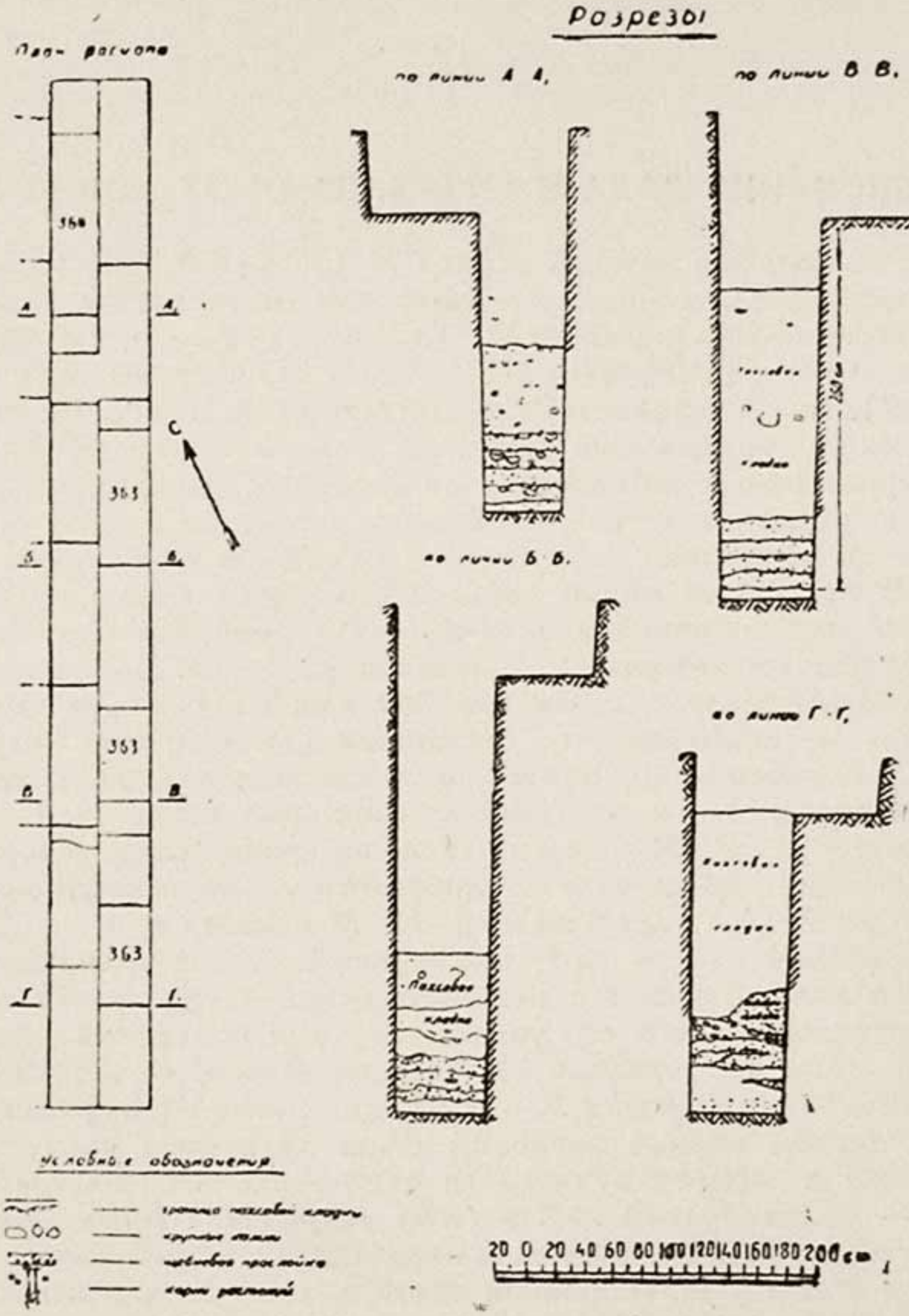


Рис. 1. План раскопа стены и разрезы (составила Е. А. Давидович).

на широком пространстве в обе стороны от вала. Однако наблюдения к югу и юго-западу от участка раскопа (в многочисленных там инженерно-учебных окопчиках) на том уровне, где следовало встретить этот слой, показали однородную суглинистую почву (к северу и северо-востоку уровень современной поверхности ниже уровня щебневого слоя). Кроме того, мелкие фрагменты неполивной керамики, встречающиеся в этом

слое, вовсе не окатаны. Таким образом, щебневый слой представляет собой несомненную искусственную насыпку, служившую хорошей подушкой для вышележащей пахсы, но вместе с тем, он является лишь частным моментом в устройстве стены, характерным только для определенного ее отрезка, т. к. в контрольном раскопе № 2 на северо-западном конце вала аналогичного подстилающего пахсу слоя не оказалось.

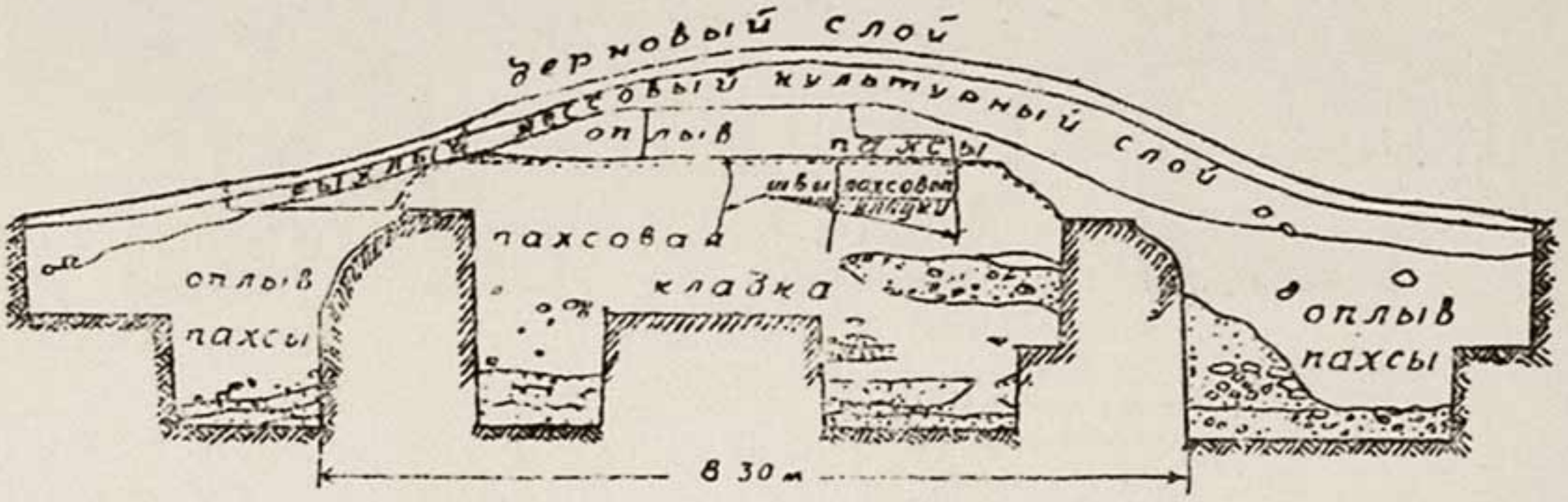


Рис. 2. Профиль восточной стены раскопа (составила Е. А. Давидович).

Над этой искусственной насыпкой возвышается глинобитная кладка чрезвычайной плотности, сохранившаяся более чем на 2 метра высоты. На северо-западной стенке (на чертеже условно названной западной) раскопа в кладке обнаружилось 3 шва, свидетельствующих, что стена на этом участке была сложена из крупных пахсовых блоков 100—120 *см* толщины. Горизонтальные швы так четко, как вертикальные проследить не удалось, что естественно в такой массивной и оплывшей стене, не говоря уже о сыром способе укладки. К тому же глинобитная масса от времени слежалась, тогда как вертикальные швы могли даже разойтись и расшириться. Но наблюдение за плотностью пахсы во время раскопа заставляет предполагать, что стена складывалась примерно полуметровыми слоями.

Для пахсы этого участка характерен обильно замешанный в глину крупный и мелкий камень. Иногда камня так много, что он образует целые прослойки.

Такой характер пахсового теста не вызывает недоумения при обилии кругом камня. И при строительстве современных дувалов, складываемых крупными пахсовыми блоками, население для крепости замешивает в глину много камней.

Отмеченный выше ступенчатый отступ стены с внутренней стороны (т. е. стороны, обращенной к городищу Нисы), примерно на высоте 2 *м* от ее основания, дающий сразу резкое сужение — несомненная деталь устройства стены. Возможно, вся стена обладала когда-то несколькими аналогичными ступенями, рациональными при слишком значительной толщине ее у основания. Такое ступенчатое устройство внутренней стороны стены применялось в крепостном строительстве[3]). Любопытно, что на той же высоте двух метров эта первая сохранившаяся ступень продолжается в ширину, но не пахсовой кладкой, а, вероятно, уплотненной насыпкой, т. к. по своей структуре это и не пахсовый оплыв, но и не собственно стена из пахсовой кладки. Искусст-

венное происхождение этой насыпки тем более вероятно, что под ней, как и под собственно стеной, проходит упомянутый галечно-щебневый «фундамент». Скорее, это действительно уплотненная насыпка, расширявшая нижнюю ступень стены.

Рис. 3. Профиль западной стены раскопа (составила Е. А. Давидович).

Так как контрольный раскоп № 2 не дал аналогичной насыпки (хотя показал употребление наряду с пахсовой кладкой самого приема насыпки) — следует признать ее деталью устройства этого участка стены, причем кажется очень вероятным, что эта насыпка выполняет роль пандуса, давая возможность подниматься с внутренней стороны на стену. Такие подъемы также характерная деталь устройства крепостных стен.

Для проверки полученных результатов были заложены контрольные раскопы и шурфы: на самой северозападной оконечности сохранившегося вала (раскоп № 2), близ так называемого мазара Абу-Дакака, к северо-западу от него (шурф № 5) и на отдельном коротком отрезке вала (значительно юго-восточнее упомянутого мазара), принадлежность которого к стене до того оставалась даже сомнительной (шурф № 4). Контрольный раскоп № 2 подтвердил все данные первого раскопа. И здесь ширина стены в нижней части равнялась 8.20—8.30 *м*. Однако, в отличие от первого участка, здесь при устройстве стены почти совсем не применялся камень. Обнаруженные вертикальные швы пахсовой кладки показывают блоки толщиной от 60 до 80 *см*.

Пахса юго-восточного конца вала (шурф № 5) имеет аналогичный характер, без примеси камня. Шурф № 4 на отдельном отрезке вала дал настоящую укладку из кирпичных камней в верхней части, а под этим — пахсу, также с обильным включением камня, чем наглядно показал, что и этот отрезок — естественное продолжение лучше в других местах сохранившегося вала.

Таким образом, прослеженный вал, охватывающий с одной стороны большую обжитую площадь, включавшую в себя и городище Новой Нисы, оказался искусственно возведенной стеной, сложенной из пахсовых блоков разных размеров на отдельном участке с другими частными вариантами в разных местах. Ширина стены, ступенчатость ее внутрен-

ней стороны, подъем в виде наклонного пандуса указывают на то, что стена была достаточно мощным и типично крепостным сооружением, служившим для защиты определенной территории и являющимся границей обороны, а отнюдь не только границей «административно-поли-

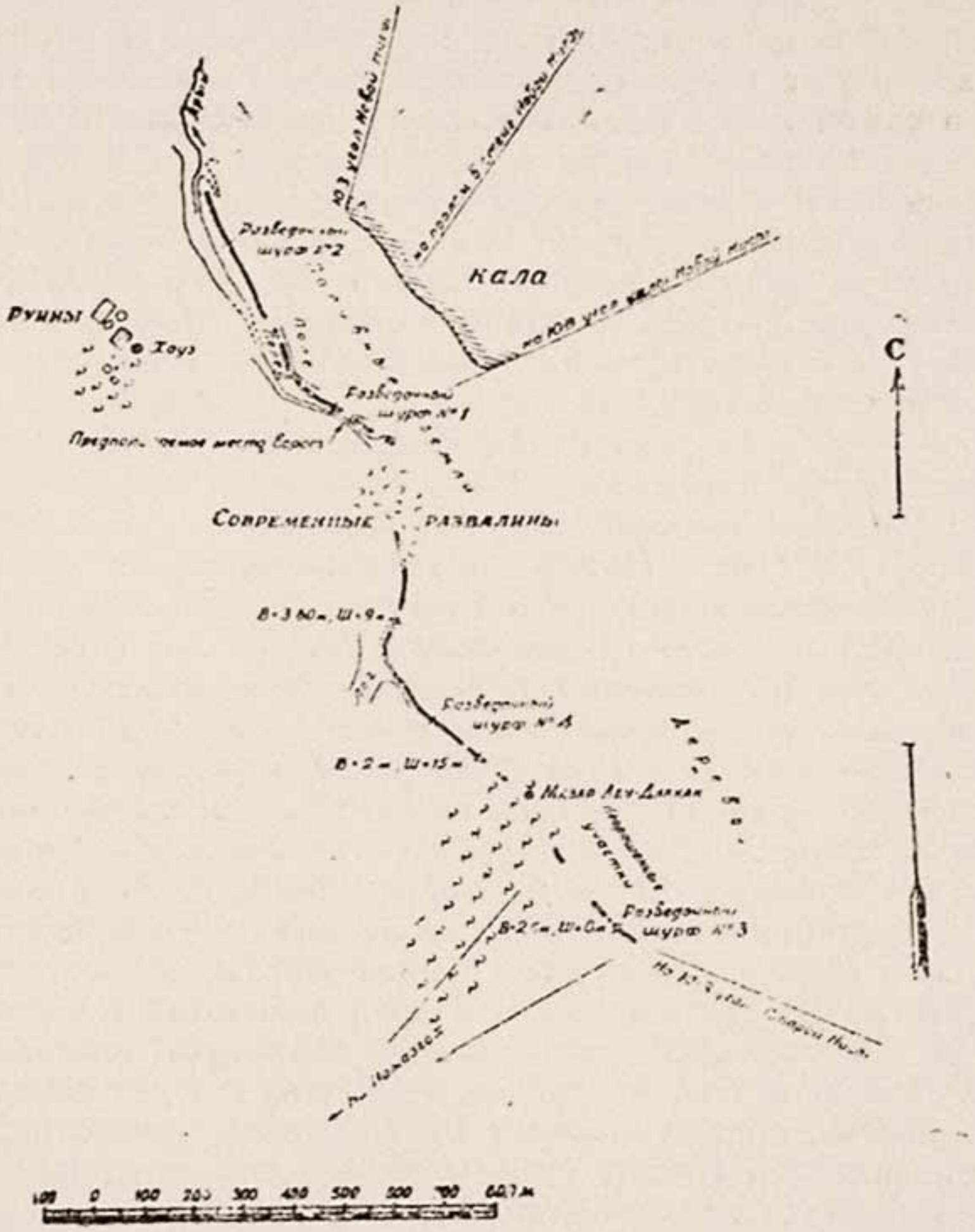


Рис. 4. Сохранившийся участок внешней стены Нисы (глазомерная съёмка М. Е. Массона).

цейской». Четких данных для датировки стены нет, т. к. находимая в пахсе и пахсовом оплыве керамика дает лишь возможную нижнюю границу времени постройки. Керамика эта однотипная и в двух раскопах (№ 1—2) и в контрольном шурфе № 5. Чаще всего это небольшие фрагменты стенок неглазурованных сосудов, кирпично-красные или желтовато-коричневые в изломе, хорошей отмучки и обжига, покры-

тые обычно кремовым или красным, реже черным ангобом и иногда — лощением. Фрагменты венчиков и донцев того же типа — более выразительны и явно дофеодального происхождения. С этой точки зрения интересны плоские донца тонкостенных чаш и более крупных сосудов (мисок, кувшинов и пр.) и венчики чаш, кувшинов, горшков и хумов, имеющие много общего с формами керамики кушано-парфянского времени. И даже среди довольно многочисленных фрагментов стенок сосудов, по мнению М. И. Вязьмитиной, С. А. Ершова и В. Д. Жукова, не было вовсе таких, которые с уверенностью могли бы быть отнесены ко времени после арабского завоевания; однако, несомненно более ранние среди них наличествуют. Два мелких фрагмента керамики голубой поливы находились выше пахсового оплыва и поэтому не характеризуют время сооружения стены, а единственный обнаруженный в самой пахсе фрагмент сосуда светлозеленой бутылочного оттенка поливы по типу глазури и черепка определен М. Е. Массоном, как относящийся к доарабскому времени. В щебнево-галечном слое, подстилавшем пахсу в раскопе № 1 (кв. 4—VII), найден был фрагмент, вероятно, очень раннего времени, около начала нашей эры. Это фрагмент тонкостенной, очень изящной чашечки с округлой ручкой и отогнутым наружи венчиком. Сосуд был вылеплен без гончарного круга из хорошо отмученной глины и в изломе дает красный черепок.

После арабского завоевания территория между валом и городищем Новой Нисы несомненно была обжита, т. к. на поверхности и в обрезах находятся многочисленные фрагменты поливной керамики особенно IX—XIII вв. Наряду с этим встречаются фрагменты явно времени рабовладельческого общества. Если бы вал сооружался не ранее VIII—IX веков, — трудно допустить именно в силу обитаемости этой территории в указанные периоды, чтобы в пахсовое тесто выборочно попадала лишь неглазурованная и в части, доступной определению, весьма ранняя керамика времени до арабского завоевания. Поэтому наиболее правдоподобным кажется датировать первоначальное сооружение стены доарабским временем. За это же говорят детали устройства и толщина стены, подчеркивающие ее крепостной характер. Едва ли вокруг пригородов Нисы после арабского завоевания соорудили бы такую мощную стену, тем более, что Ниса по признанию источников в это время была городом второй величины в Хорасане, а стены рабадов к тому же выполняли лишь «административно-полицейские» функции. Вместе с тем, нельзя не отметить, что крупные города более раннего времени, преимущественно рабовладельческого периода (к каковым относилась и Ниса), имели городские стены, окружавшие ближайшую площадь заселения, примыкавшую к основному городскому ядру. Так, Термез, по Сюан-цзяну, имел около 20 ли в окружности (т. е. вероятно, около 7 *км*), причем китайский путешественник, видимо, подразумевал именно территорию, обнесенную внешней городской стеной, которая великолепно прослеживается в виде оплывшего вала и развалин башен с северной стороны и в резком повороте на юго-восток. В. А. Шишкин отмечает, что эта стена включает даже несколько большую территорию, чем упомянутая Сюан-цзяном[4]). Пространство города, построенного Александром на Сыр-Дарье, равнялось 6 римским милям или 48 стадиям (7.56 *км*), т. е. было примерно, как в Термезе, а Мараканда — главный город согдийцев — занимала пространство 70

стадиев в окружности, т. е. видимо, более 11 км[5]). И здесь, очевидно, имеются в виду внешние городские стены ближайшего заселения. Думается, что рассматриваемая стена Нисы, построенная скорей всего в рабовладельческий период, была подобного же назначения.

Однако, и в последующее время, уже после арабского завоевания, стена, судя по сохранившейся ее части, оставалась границей городской жизни, что четко рисуется археологическим материалом. К юго-западу от вала, со стороны гор, широкой полосой тянется огромное и разновременное кладбище. В районе т. н. мазара Абу Али Даккака захоронения самые молодые, к северо-западу они встречаются все реже и в виде подчас едва заметных следов каменной оградки, которая делалась вокруг захоронения. Кладбище это в своей основе весьма древнее, т. к. упоминается уже в XI—XII вв. В биографии шейха Абу-Саида Мехенейского называется ханака Серави, которую построил устад Абу Али Даккак и которую теперь (т. е. в XII в., во время написания биографии) называют «домом шейха» (ханэйе шейх), причем стоит эта ханака на возвышенной части города на краю кладбища, на той горе, где прах шейхов и могилы великих людей[6]). М. Е. Массон, во время обхода территории к юго-западу от раскопа вала № 2 обнаружил целый комплекс сооружений, несомненно представляющих собой развалины упомянутой ханаки и других построек, остатки водоемов и больших могильных сооружений. Сделанное М. Е. Массоном отождествление подтверждается и местоположением развалин на значительной возвышенности, а также тем, что огромное уже упомянутое кладбище действительно доходит до этого комплекса, причем в этой части кладбище перестало функционировать очень давно, возможно, ранее других его частей.

Таким образом, уже в домонгольское время вся площадь к юго-западу от стены была за чертой городской жизни, что подтверждается также почти совершенным отсутствием там каких-либо остатков культурной жизни человека. Даже фрагменты керамики очень редки, а иногда на больших площадях совершенно отсутствуют. Наоборот, между валом и городищем фрагменты керамики и даже стекла очень обильны. Не говоря уже о подъемном материале, который мог бы быть свезен на поля вместе с землей, все имеющиеся обрезы и обнажения показывают культурный слой, насыщенный большей частью неполивной керамикой, среди которой попадаются и глазурованные фрагменты. Совокупность подъемного и добытого из культурных слоев материала позволяет интенсивную обжитость ближайшей к северо-востоку от вала территории относить к IX—XIII вв. Наиболее характерна в этом отношении площадь к северо-востоку от западного конца вала. И поверхность и культурные слои, обнажившиеся в извилистых оврагах, необычайно насыщены керамикой и стеклом. Среди керамики много фрагментов из хорошо отмученной кремоватой глины с подглазурным орнаментом бледножелтых и бледноголубых тонов, подчеркнутым черным рисунком. Не менее многочисленны глазурованные тонкостенные фрагменты хорошо отмученной глины, красные и коричневые в изломе, с густым ярким рисунком черного, желтого, кирпичного и других тонов, фрагменты темно- и светлокоричневой поливной посуды (группа весьма сходная с типичной керамикой XI—XII в.в. Мавераннахра) и, наконец, многочисленные фрагменты керамики голубой и зеленой поливы разной

толщины и качества. Сравнение с материалами бадрабов и мусорных ям Новой Нисы и рабада заставляет датировать разные группы этой керамики в пределах IX—XIII вв. Неполивная керамика, среди которой встречаются фрагменты серой глины, подтверждает эту датировку. Особенно характерны фрагменты ручек сосудов с налепами в виде шляпок гвоздей и просто шишечек, передающих две формы налепов, типичных для керамики IX—XI и XII—XIII вв.

Фрагменты стекла очень многочисленны (донца, стенки и венчики тонкостенных сосудов нескольких цветовых оттенков). Известная дороговизна этих изделий в средние века вместе с насыщенностью высококачественным керамическим материалом свидетельствует, что эта площадь была занята кварталом довольно зажиточного населения.

Таким образом, несомненная и интенсивная жизнь к востоку и северо-востоку от сохранившейся части вала, огромная площадь кладбища к юго-западу от него (при обычном порядке расположения крупных кладбищ за стенами города) говорят за то, что в отмеченных хронологических пределах, т. е. во всяком случае до монгольского завоевания, вал выполнял роль городской стены. Косвенно это подтверждается свидетельством письменных источников.

Рабады средневековых городов, обычно окружавшиеся стенами, постепенно переставали играть роль предместья города, сами превращаясь в центр городской жизни. Процесс этот пережила и Ниса. Во всяком случае к началу XIII в. шахристан уже воспринимался не как собственно город, а как крепость.

Несеви в своем повествовании именно старый шахристан называет крепостью (т. к. собственно старая кала, находящаяся в пределах шахристана, упоминается внутри этой большой крепости). Несеви только удивляется ее большим размерам, что лишний раз подчеркивает, что он вовсе не воспринимает уже шахристан как город. О том же говорят и дальнейшие его слова: «...не было никого из населения города, был ли он богатым или бедным, у кого бы не было в ней дома»[7]), т. е., если верить словам Несеви (а он сам жил в городе), жители также смотрели на бывший шахристан, как на крепость, а старые предместья считали городом. Если же рабад к этому времени стал уже центром городской жизни — трудно допустить, чтобы не функционировала и не поддерживалась городская стена (в основной своей части, если не целиком, базировавшаяся на ранней крепостной стене), которая с изменением сущности частей города получала еще большое значение.

Кроме этого косвенного указания в письменных источниках, имеется описание, намекающее не только на наличие стены рабада, но даже и на число ворот. Это — свидетельство Макдиси, получившее, однако, в переводах несколько различные толкования, причем ссылка в обоих случаях—на одну и ту же страницу текста Макдиси (B. G. A., III, стр. 320). По переводу С. Волина в «Материалах по истории Туркмен и Туркмении»[8]) следует, что «В ней (Нисе) 70 улиц, которые скрыты под деревьями...» Это же место послужило В. В. Бартольду основой для заключения, что город был окружен стеной с 10 воротами: «Растительность была настолько густая, что ворота города (город был окружен стеной с десятью воротами) были скрыты за деревьями»[9]). М. Е. Массон, проверив оба перевода, сообщил, что цифра «70» в «Материалах по истории туркмен и Туркмении» — несомненная опе-

чатка, но термин «даруб» (мн. ч. от «дарб») в одном случае истолкован, как «улица», а в другом — как «ворота». М. Е. Массон считает, что в данном случае речь идет скорее именно о 10 улицах, т. к. «дарб» явно в смысле ворот начинает употребляться лишь много позже. М. А. Салье также думает, что в данном случае речь идет о 10 больших улицах-проездах.

При описании Нисы Макдиси для обозначения города употребляет термин «балад». В. В. Бартольд, отмечая отчетливость и строгую выдержанность терминологии арабских географов X в., подчеркивает, что под термином «балад» они понимали внутренний город вместе с пригородами, т. е. город в целом[10]). Поэтому и упомянутые 10 проездов относятся ко всему городу. Это лишний раз подчеркивает, что здесь имелись в виду не простые улицы, которых конечно было много больше, т. к. Ниса территориально была довольно значительным городом. Истахри отмечает, что Ниса равнялась Серахсу, а последний в свою очередь — половине Мерва[11]). Стену города (балад) Мерва В. В. Бартольд отождествлял с валом Гилякин-Чильбурдж, окружавшим Мерв вместе с рабадом[12]). По вычислению В. А. Жуковского этот вал включал территорию примерно в 40 квадратных верст. Естественно, говоря о размерах Нисы и Серахса, Истахри сравнивал их с Мервом в целом, внутри этих городских стен, что подчеркивает значительные размеры Нисы и Серахса. Поэтому кажется очень вероятным, что, выделяя 10 улиц, Макдиси имел в виду те магистральные проезды-улицы, которые, пересекая город, начинались от его ворот, являясь основным артериями городской жизни, вдоль которых к тому же обычно располагались базары. Вероятно, это и дало возможность В. В. Бартольду утверждать наличие стены рабада с 10 воротами. При наличии же стены рабада, существование которой установлено археологическим материалом, эти 10 проездов явно уже намекают на наличие в стене 10 ворот. Большое число ворот при этом не вызывает сомнений, т. к. стены рабада Бухары имела 11 ворот, Самарканда — 8 ворот, двойные стены Бинкета — 7 и 10 ворот, Балха — 7 ворот и т. д.[13]).

Из 10 ворот городской стены Нисы в сохранившийся части вала с несомненностью может быть намечено местоположение одних рядом с т. н. мазаром Абу Али Даккака, к северо-западу от него. Вал здесь, понижаясь, обрывается, а к северо-востоку в рельефе намечается улица, подводившая к воротам (и принятая сначала за поворот вала, до обнаружения его продолжения к юго-востоку). Расположение здесь ворот очень удобно и логично, т. к. прямая дорога ведет на юго-запад, к развалинам древней мечети намазгох. Частичное вскрытие полов и фундамента этой мечети показало, что она должна относиться постройкой по крайней мере к домонгольскому времени. А в средневековых городах учитывалось удобное взаиморасположение мечети намазгох и ведущих к ним ворот, причем последние иногда получали даже наименование «ворот намазгох».

Таким образом, стена, окружавшая какую-то значительную, видимо, территорию и сохранившаяся сейчас лишь в одной части, выстроена была скорей всего в дофеодальное время и тогда, судя по характеру ее устройства, имела оборонительное значение. В феодальном го-

роде стена эта в целом или частично использовалась, как стена рабада, являясь в своей сохранившейся части границей городской жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Марущенко, Л. (А.). Археологические открытия последних лет в Туркменистане. Известия Туркменского Государственного Научно-исследовательского Института (ТГНИИ). Ашхабад, 1935, № 1, стр. 15.

2. Тут же с юго-западного конца прослеживается тонкая (12—15 *см*) дериовая прослойка, покрывавшая поверхность вне стены до начала ее разрушения, а затем погребенная под пахсовым оплывом.

3. Возможно, этой ступенчатостью объясняется как бы смещенность пахсовой стены по отношению к продольной вершине современного вала. Продольная ось вала соответствует не средине стены, а делит ее на две неравные части: более 5 метров с юго-западной стороны и только 3 метра — с северо-восточной, внутренней. Предполагаемая ступенчатость внутренней стороны стены могла привести к неодинаковому в обе стороны ее разрушению в виде оплывания пахсы.

4. Массон, М. Е. Городища Старого Термеза и их изучение. Труды УзФАН. Серия I, история, археология. Вып. 2, ТАКЭ, 1936 г. Т. 1940, стр. 90.

Шишкин, В. А. К исторической топографии Старого Термеза. Там же, стр. 150.

5. Бартольд, В. В. История культурной жизни Туркестана. Л. 1927, стр. 2.

6. Жуковский, В. А. Тайны единения с богом в подвигах старца Абу-Саида. СПб. 1899, стр. 46—47.

7. Несеви. Пер. С. Волина. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. М.—Л. 1939, стр. 472.

8. Макдиси. Пер. С. Волина. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 201.

9. Бартольд, В. В. К истории орошения Туркестана. СПб. 1914, стр. 38.

10. Бартольд, В. В. К истории Мерва. ЗВО, т. XIX. СПб. 1909, стр. 2—3.

11. Истахри. Пер. С. Волина. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 175—176.

12. Бартольд, В. В. К истории Мерва. Цит. раб., стр. 4. Как доказал автор, В. А. Жуковский неверно отнес это свидетельство Истахри к стене шахристана, что повело к ряду дальнейших ошибок.

13. Бартольд, В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. Исследование. СПб. 1900, стр. 80, 90, 104, 171.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ НИСЫ[1]

Археологические работы ЮТАКЭ 1946 г. на городищах Нисы были в значительной части столь тесно связаны с рядом архитектурных памятников, что последние неизбежно стали для архитектурной группы основными объектами изучения их в историко-архитектурном аспекте. Это объекты значительного хронологического диапазона: парфянской эпохи, средневековья, XIX столетия; это памятники типологически-различных групп: светского и культового характера, общественного и индивидуального назначения; это постройки, территориально разбросанные на площадях античного акрополя Старой Нисы, древнего и средневекового города Новой Нисы, пригородной части Нисы — рабада.

Специального историко-архитектурного изучения этих памятников — наземных ли, вскрытых ли прежними раскопками, обнажившихся ли при разносе селитроносных слоев городища на удобрения, до сих пор не проводилось. Основные, крайне немногочисленные публикации, касающиеся памятников Нисы в историко-архитектурном плане, связанные с одной стороны с периодом наибольшего размаха в 30-х годах раскопочных работ на Старой Нисе, с другой — с живым интересом, проявленным к ним во время III-го Международного Конгресса Иранского Искусства и Археологии, содержат беглые описания некоторых из частично вскрытых помещений, фрагментов архитектурных декораций и статуй; все это весьма неопределенно охарактеризовано как данное «ранне-парфянского искусства», напоминающего «эллинистические образцы»[1]). Правда, далее подобных общих определений и очень интригующих, но ничем не подкрепленных заявлений о культурных связях с искусством Греко-Бактрии и сарматских кочевников в Казахстане, Кубани и Причерноморья, в них ничего не содержится[2]). Ничего нового мы не почерпаем и в последней по времени публикации, касающейся вопросов археологического изучения Нисы[3]). Некоторые, прошедшие «через третьи руки» данные об архитектуре Нисы содержатся в сводном американском труде Survey of Persian Art[4]) (SPA). Здесь, между прочим, указывается на стилистическую близость некоторых элементов архитектурного декора Нисы к парфянским материалам из Ашура. «Время, когда подлинно-парфянский стиль был принесен с Востока на Запад, будучи в своих основных началах связан с еще неизвестным греко-бактрийским зодчеством, — это проблема, которая еще ждет своего разрешения; может быть результаты раскопок Нисы близ Ашха-

[1] Обмеры и чертежи, публикуемые в настоящей статье, исполнены автором.

бада прольют на это некоторый свет» — говорится в SPA. Надежды, возлагавшиеся на археологическое изучение Нисы вполне обоснованы. Первоочередной задачей при этом является публикация самого материала и хотя бы предварительное его осмысление. Первый шаг в этом направлении уже был сделан С. А. Вязигиным, посвятившим небольшую статью анализу двух орнаментированных терракотовых плит из Старой Нисы[5]). Заметим, что изучение средневековых памятников Нисы, исследованием абсолютно не затронутых, имеет может быть не менее принципиальное значение, чем памятников парфянской эпохи, поскольку они вводят ряд новых данных в представления об архитектуре Северного Хорасана.

В процессе работы нами были охвачены следующие объекты: комплекс парфянских зданий юго-западной части городища Старая Ниса; одна из «красных камер» парфянского некрополя Новой Нисы; баня в цитадели Новой Нисы; Намазгох, стоящая у подножья гор, на краю огромного древнего кладбища; ряд фрагментов архитектурного декора зданий (материалы ЮТАКЭ и старые сборы). Во время полевого сезона работ экспедиции, нами были выполнены соответствующие обмеры, зарисовки и описания. Мы совершенно опускаем вопрос об архитектуре городских стен, поскольку эта тема детально отражена в отчетах трех археологических отрядов, работавших на Нисе, и не остановливаемся на архитектурных памятниках XIX века, которые рассматривает в своей статье В. Д. Жуков.

I. ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОСТИ

1. Старая Ниса

Огромный (свыше 20 гектар), приподнятый на мощной платформе, обнесенный крепостными стенами, полигон городища Старая Ниса заключает довольно сложный рельеф площади, выявляющей то глубокие впадины — может быть ямы бассейнов былого парка, то неровные холмы, под которыми скрыты оплывы древних сооружений. Наиболее значительная возвышенность находится в З части городища. В бесчисленных траншеях многолетних археологических раскопок здесь выявляются участки каких-то стен, проходов, колонн, устоев. План архитектурного комплекса, выполненный в 1935 г. на основании этих фрагментарных обнажений[6]), в составлении которого большую роль играл то домысел, то предположительное построение недостающего по принципу симметричных повторений, слишком идеализирован и недокументален, так как совершенно не отображает планировочного и хронологического наслаивания входящих в этот ансамбль элементов. В предположительном осмыслении слагаемых этого архитектурного организма, северная часть именовалась прежними исследователями «дворцом», квадратный зал средней группы — «мавзолеем Аршака и Тиридата», смежные ему небольшие комнатки — «наусами», башнеобразное сооружение южной группы — «храмом» с «алтарем» наверху, и здание круглого плана — «круглым мавзолеем» или «мавзолеем № 2».

Изучение комплекса по натуре убеждает, что метод траншейных

археологических вскрытий, дающих намеки на наличие определенных архитектурных линий, помещений, объемов, совершенно лишает нас возможности составить четкую картину взаимных связей отдельных компонентов ансамбля и последовательности их возведения. И все же, в этой испещренной почти маркшейдерскими ходами, канавами и подбоями археологической толще чувствуется разновременность возведения различных сооружений и несколько этапов их исторического бытия.

Перейдем к описанию выявленных раскопками архитектурных частей комплекса[7]). В нем ясно выделяются три основных (в планировочном отношении) группы: Южная, Северная и Центральная. Ядро последней составляет большой квадратный зал, где и были сосредоточены основные раскопочные работы ЮТАКЭ.

Западный фасад квадратного зала оформляло четыре мощных пристенных пильера, раскрепованных по пяти уступам, оштукатуренных белым алебастром. Последние были пристроены к основной стене помещения и может быть являют собой результат одной из переделок здания. Эти устои оформляли, наподобие «перспективных» входов романских и готических храмов, три нешироких (1.35 *м*) прохода в зал. Во время одного из поздних этапов существования здания входы были заложены сырцовой кладкой. Щековые стенки проемов первоначально также покрывала белая обмазка, причем при раскопках обнаружился факт применения невероятного с конструктивной точки зрения приема перекрытия пролета плоско положенными сырцовыми кирпичами ($2^1/_2$ кирпича на пролет), взаимно поддерживающие друг друга только силой сцепления глиняного раствора. Ни гнезд от несущей балочки, ни каких-либо следов наличника или арки нет; чистая алебастровая штукатурка переходит непосредственно со щек проема к соффиту этой плоской перемычки.

Зал (вскрыт к настоящему времени примерно на $^1/_3$ объема) был квадратен, пролетом около 20 *м*. и заключал четыре мощных четырехлопастных столба. Стены были оформлены шестью полуколонками, а в углах имели раскреповку в два уступа. Углы ее, как полагает М. Е. Массон, возможно заполняли трехчетвертные колонки, одна из которых, рухнувшая, видимо, при землетрясении и сохранившаяся по длине на 3.20 *м*, вскрыта раскопками 1946 г. Стилистически этот прием отвечает методу оформления фасада уступчатыми пильерами.

Монументальные кирпичные столбы зала, обрушенные уже в то время, когда здание было заброшено, в результате мощного землетрясения, сечением 1.92 *м*, в плане являют собой сопряжение пучка четырех колонн и покоятся на общем крестовидном плинте. Квадрат поверхности пола вокруг последнего смазан трехсантиметровым слоем алебастра. Вскрытие последнего выявило чрезвычайно интересную картину (рис. 1): под устой была подведена общая, примерно, квадратная платформа, сложенная из четырех рядов кладки. Верхний составлен из четвертных лекальных кирпичей радиусом 18.5 *см*, плотно скрепленных алебастровым раствором; следующий — из плит типичного «парфянского» обожженного кирпича 38×38×8 *см* с характерным черным перекалом в изломе; далее два ряда различных кусков кирпича, среди которых наблюдаются и лекальные, общей высотой 20 *см*. Ниже начинает-

ся общая платформа из сырца размером 42 × 42 × 12 *см*, толщина которой, по сообщению С. А. Ершова, превышает 2.5 *м* (рис. 2). Итак, на устройство основания под столбами использовались материалы старых кладок колонн каких-то зданий, видимо, ко времени возведения Квадратного зала уже пришедших в упадок и подвергнутых разборке. Это подтверждено также небольшим пробным заглублением в З стороне у стены зала, ниже уровня пола, под которым были обнаружены фрагменты каннелированной плоской каменной плиты и профилированный каменный консолевидный блок.

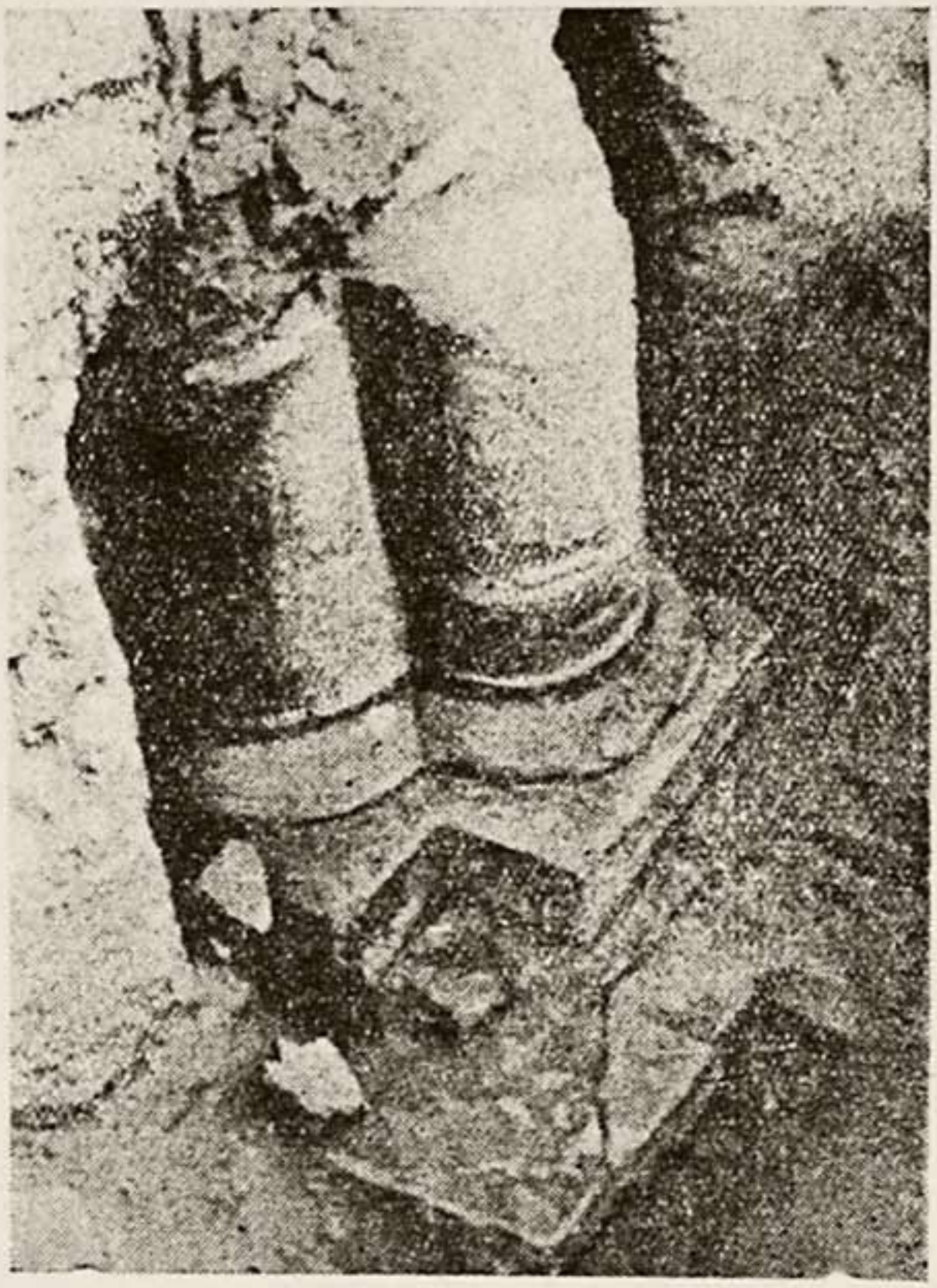


Рис. 1. Четырехлопастной столб. Вскрытие фундамента.

Полуколонки стен, диаметром 72 *см*, так же как и столбы, были выстроены из жженого кирпича на алебастровом растворе. Они как бы встроены в гнезда, сложенные из обломков жженого кирпича. Последние встраивались в толщу уже возведенных сырцовых стен, а не возводились с ними одновременно, так как алебастровый раствор и наружная обмазка их „нахлестывает“ на сырец стен. Отмечается любопытная деталь: форма кирпича кладки этих полуколонн имеет вид секторов полуокружности, но иногда с переходом под прямым углом от округлой формы к плоскости кладки гнезд. Таким образом, лекальная форма, видимо, иногда достигалась не при обжиге, но путем подтески уже обоженного (м. б. также взятого от старых колонн) кирпича. В кладке же гнезд полуколонн встречаются обломки тех орнаментированных терракотовых плит, которые принадлежали, как это подробно будет показано ниже, ко времени возведения одного из самых ранних зданий Старой Нисы. Наконец, во время одного из поздних ремонтов некоторые из полуколонок, кирпич которых выпал или был выбран, были сложены из сырца и оштукатурены алебастром.

С восточной стороны к залу примыкало три небольших, оштукатуренных глиной комнатки: две боковых продолговатых и средняя квадратная. Последняя имела проем-выход наружу. Между тем стена восточного фасада возвышалась над уровнем почвы более чем на 3 *м*. Так как никакой лестницы здесь нет, то выход этот мог бы вести лишь на балкон, террасу, плоскую крышу, смежную стене. Именно здесь, по

сообщению С. А. Ершова, в толще завала, была обнаружена во время прежних раскопок при рытье двухметровой по ширине траншеи, большая часть фрагментов терракотовых облицовок (аканты, орнаментированные плиты, зубцы парапетов и пр.), принадлежавших, очевидно, декоровке этого фасада.

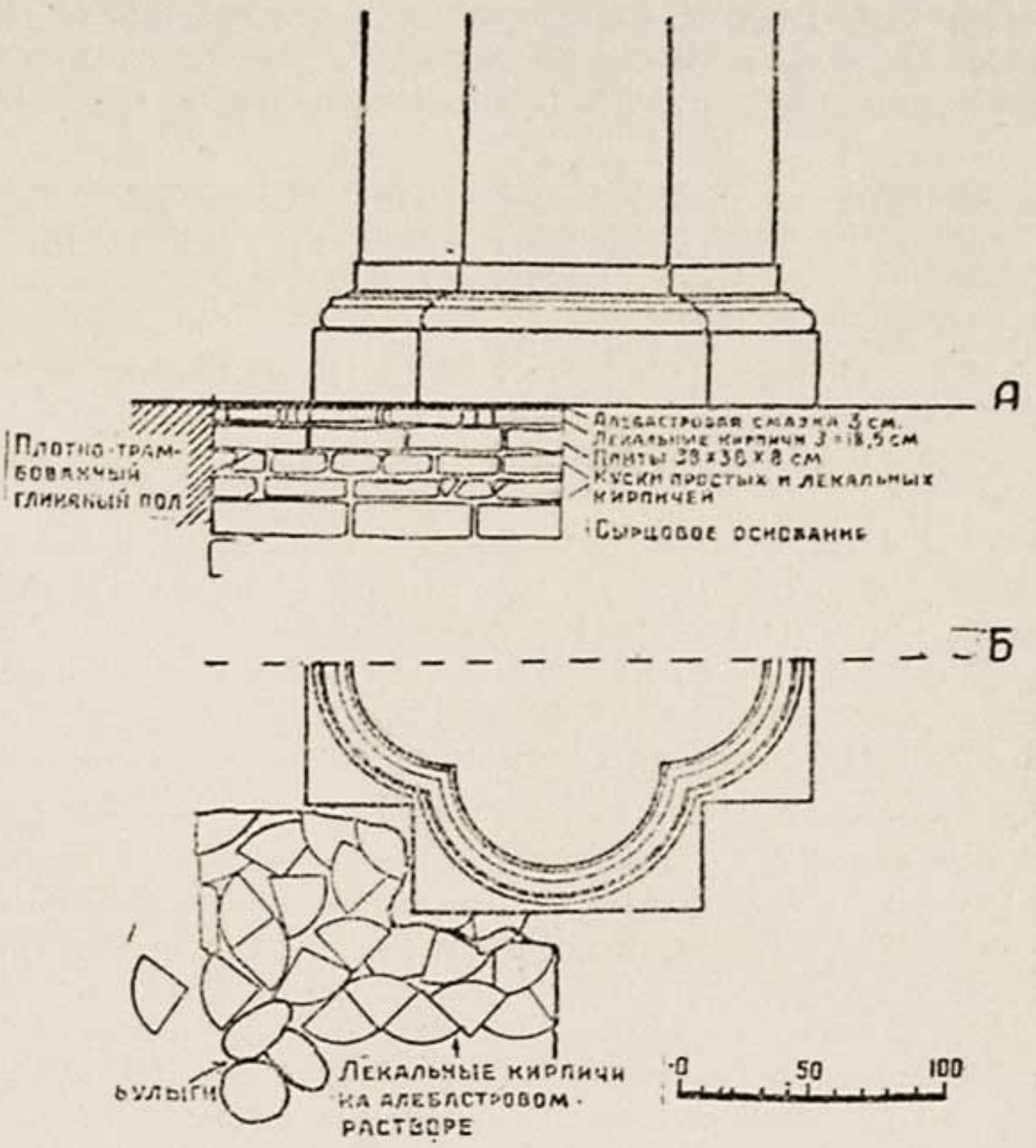


Рис. 2. Четырехлопастной столб. Вскрытие фундамента.

Южная фасадная стена, отграничивавшая Квадратный зал и одну из упомянутых продолговатых комнаток, оформлена выступающими прямоугольными пильерами. Отмечается закладка сырцом между двумя из них, как бы выравнивавшая линию стены и соответственно, увеличивавшая ее сечение. Напротив этого участка шла на расстоянии 1.90 *м* параллельная стена (уже как бы относящаяся к южной группе построек ансамбля), с побелкой. Может быть здесь между стенами был некогда переброшен свод, который позднее был на некотором расстоянии заложен сырцовой кладкой. В верхнем ярусе здесь прослеживается угол массивной кладки какого-то помещения, примыкавшего к южной стене Квадратного зала.

С северной стороны, параллельно залу, в одном с ним уровне располагалось вытянутое помещение (вскрыто лишь частично), которое мы условно будем называть «Красным коридором». Пролет его 3.20 *м* поз-

воляет предполагать, что перекрытие было сводчатым. Стены его оформляла красная панель высотой 1.53 *м*, вверху отороченная бордюрами, из двух черных и средней белой полос; над панелью шла побелка чистым алебастром.

Чрезвычайно любопытен узел сопряжения юго-восточного угла Красного коридора и одной из смежных ему прямоугольных комнаток. Здесь отмечаются торцы двух взаимно перпендикулярных оштукатуренных алебастром стен, заложенных, одновременно с возведением восточной стены Красного коридора, сырцовой кладкой. Выяснить процесс этих застроек и переделок можно лишь путем специальных археологических вскрытий.

В северо-западной части центральной группы расположено несколько комнат подсобного назначения, прямоугольных, оштукатуренных глиной и алебастром, в которых располагались огромные парфянские пифосы-хумы и очаг.

Уровни полов описанной группы лежат на общей платформе, выравнивающей естественный склон так, что восточный фас возвышался более 3 *м* над уровнем некоей нижней площадки. В том ее участке, который соответствует по второму ярусу торцовой стене. Красного коридора, отмечается наличие нескольких строительных периодов. Они стражены в четырехкратной оштукатурке стены глиной с алебастровой побелкой поверх. Один из них связан с пристройкой парадной лестницы в 9 ступеней, пролетом 2.40 *м*, идущей с некоторым переломом (до 18—20°) относительно фаса стены центральной группы в северном направлении. Ступени были побелены алебастром и, видимо, находились в закрытом (может быть сводчатом) помещении[8]).

Лестница эта выводила на верхний уровень северной группы комплекса. Здесь располагалась колоннада, видимо, портика. Траншеей прорезано местоположение базы одной из колонн, а подбоем частично вскрыт угол другой. Траншеи, рассекающие прилежащую территорию, прорезают участки каких-то сырцовых стен — то длинных, принадлежавших вытянутым коридорообразным помещениям, то поворачивающих под углом, то рассекаемых неширокими проходами. Часть их оштукатурена только глиной (они, очевидно, принадлежали к группе вспомогательных помещений), часть побелена алебастром (например, вскрытая подбоем стенка, шедшая перпендикулярно к линии колонного портика).

В северо-западной части этой группы вскрыто 4 базы другого колонного портика. К югу от него, на расстоянии 2.65 *м* от крайней колонны траншея упирается в кладку поперечной портику стены, уходящей в толщу культурного слоя в западном направлении. В подбое на запад от портика ожидаемой параллельной ему стены нет. Рельеф прилежащей территории плоский, проходящая посередине перпендикулярно к портику траншея не перерезает каких-либо стен и лишь на расстоянии 25 *м* подходит к стенам сильно деформированной сырцовой стены, сохранившей в основании облицовку жженым кирпичом, имеющей с западной стороны прямоугольный выступ какого-то пилястра, а с восточной, судя по фотографии, зафиксировавшей состояние стены после вскрытия — полуколонны. Характер рельефа, сам культурный слой и значительные пролеты позволяют считать, что портик и стена были обращены во двор, а не в зал, как высказывались прежде.

Южная группа сооружений заключает две основных постройки: так называемый Храм и Круглый мавзолей.

Монументальное квадратное башнеобразное сооружение возвышается почти на 8 *м* над уровнем нижней площадки. На вершине его вскрыты были контуры ограждающих прямоугольную площадку стен и выстланного сырцовыми плитками пола, которые в настоящее время сильно оплыли. В восточном углу здесь располагалась прямоугольная платформа, выложенная из сырца, в которой при раскопках было выявлено два гнезда круглой формы, видимо, былых деревянных стоек (рис. 3). А. А. Марущенко полагал, что это был род павильона, в котором стояла культовая статуя.

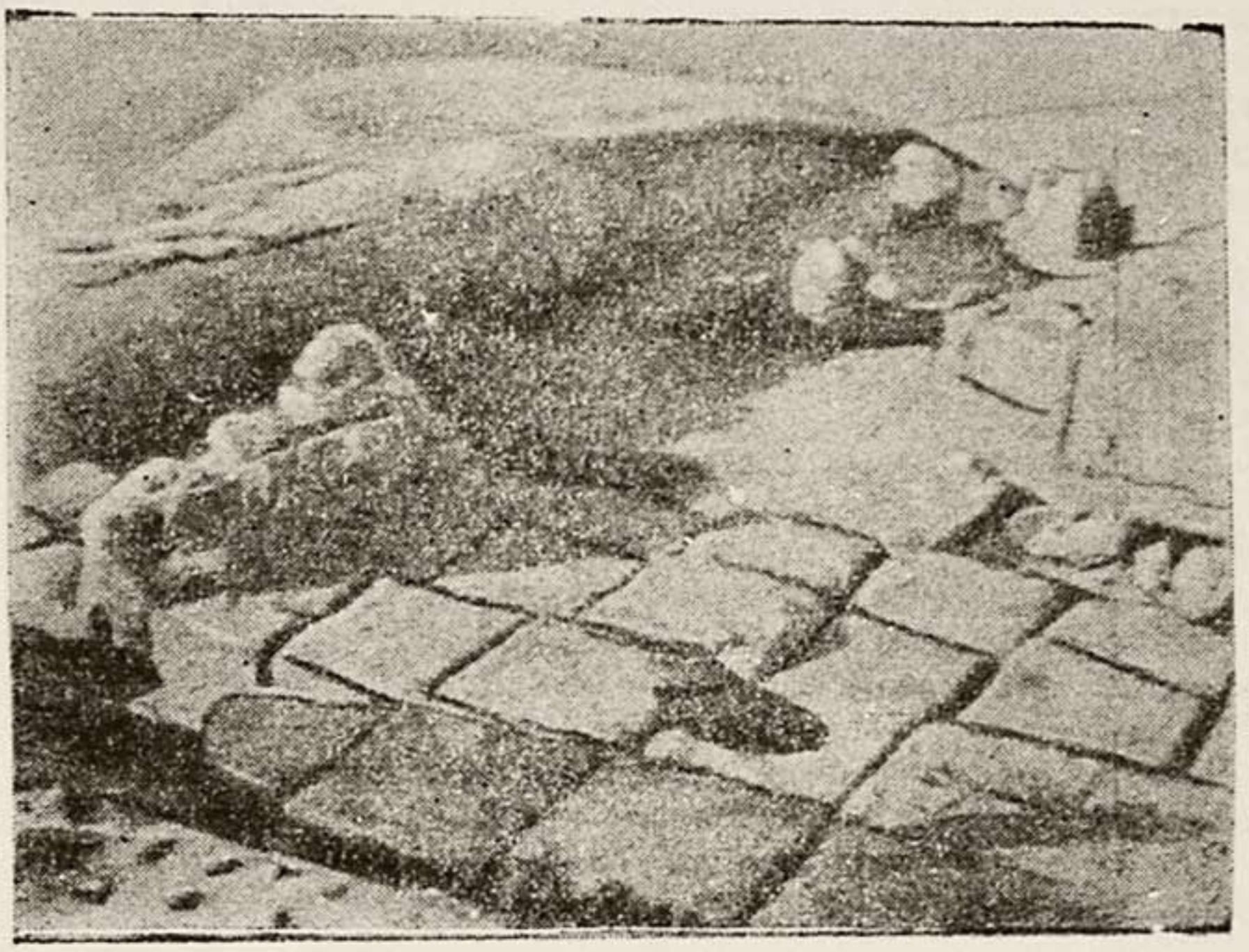


Рис. 3. Площадка верхнего помещения башни „храма".

Контур башни прослеживается в восточном шурфе вплоть до линии прилежавшего к ней и может быть огибавшего коридора; башня, очевидно, представляла монолитный массив. Возможно, что кладка была уступчатой, «зиггуратообразной». С восточной стороны, вдоль башни тянулся с севера на юг коридор протяжением около 45 *м*, пролетом 2.20 *м*, видимо, сводчатый, оштукатуренный белым алебастром. В западном участке он завершался прямоугольной комнаткой с тремя проходами в смежные помещения. В южном конце его располагалась группа помещений, в одно из которых снаружи вела лестница в 7 ступеней. Лестница эта спускается в помещение, она, очевидно, связывала его с какой-то террасой восточного фаса этой южной группы. Сырец стен помещений обмазан пятисантиметровым слоем глины, по которому нанесена тонкая промазка чистым алебастром. В сырцовой кладке одной из стен — полукруглые гнезда диаметром 30 *см*, может быть гнезда некогда вделанных в кладку и истлевших деревянных стоек.

К южному и западному фасам башни примыкало несколько прямоугольных и коридорообразных сводчатых помещений. Заметим, что все они оштукатурены глиной, а нередко алебастром; однако, никаких повторных ремонтных смазок или побелок в зданиях южной группы не наблюдается.

Наконец, в юго-западном углу ансамбля в 1936 г. вскрыто было по внутреннему контуру стен круглое здание 17-метрового диаметра. Раскоп углублен до 5.5 *м* от уровня оплыва стен, но и это еще не пол, так как в основании его — уплотненный культурный слой с кусками алебастровой штукатурки, обращенными гладкой стороной вниз (облицовка стен или потолка). Толщина сырцовых стен неясна; вверху прослеживается лишь на два ряда кирпича. На внутренней поверхности есть остатки глиняной обмазки по сырцу толщиной 4.5 *см*.

Было ли это здание или перистильный двор? Вероятнее, все же это именно помещение с наружным входом с южной стороны, заложенным сырцом. На это указывает сплошной монолитный завал его с холмообразно возвышающейся поверхностью (двор, напротив, дал бы провал). А. А. Марущенко предполагал, что стены зала несли купол; для 17-метрового пролета сырцовой конструкции это невероятно. Возможно, что по периметру зала внутри его располагались столбы, и купол покоился на них.

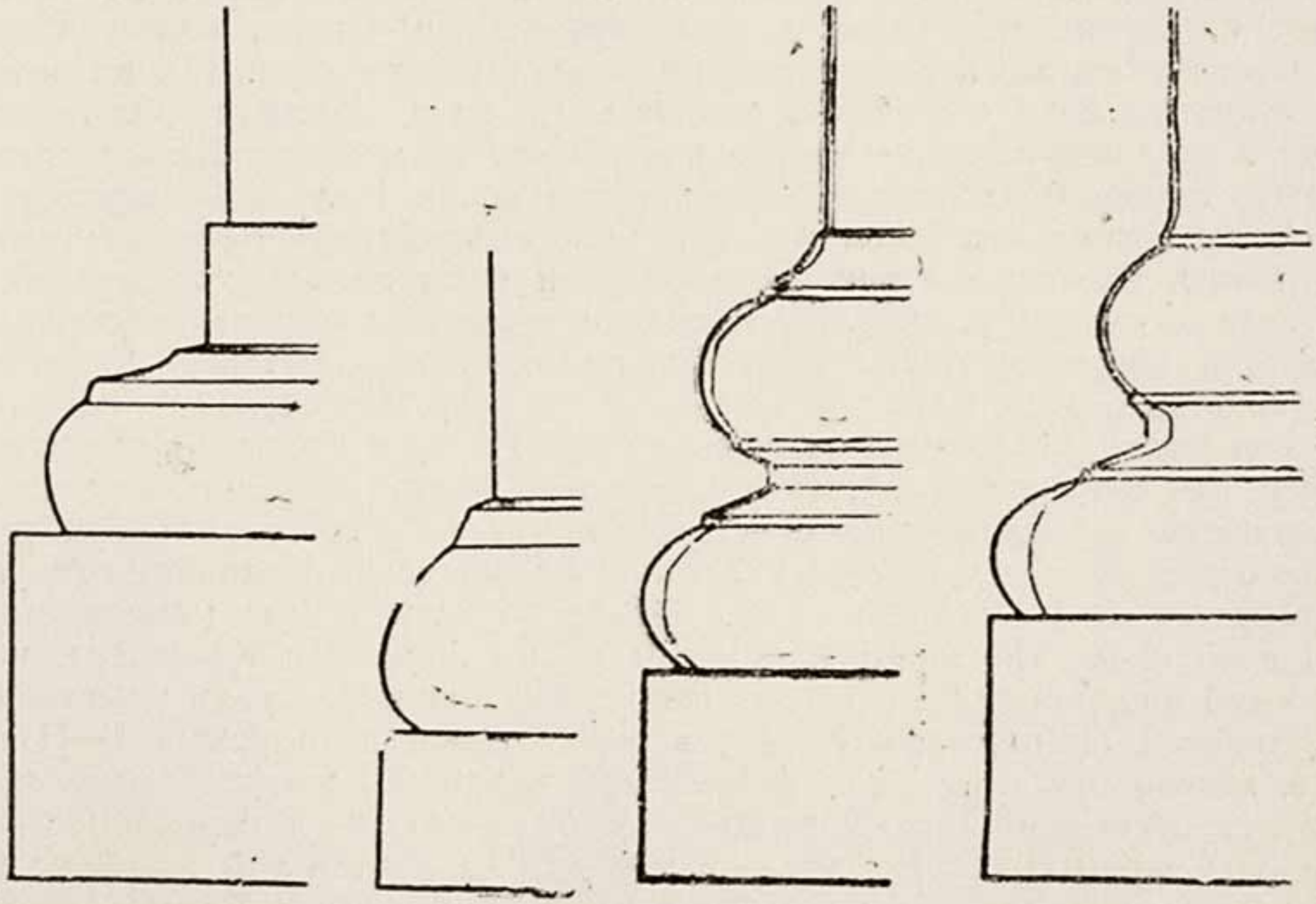
Каких-либо добавочных строительных периодов в кладке стен не чувствуется. В завале глины внутри здания — большое количество фрагментов алебастровых облицовок (названных А. А. Марущенко «обломками алебастровых статуй»), куски жженого парфянского кирпича; многие с алебастровой обмазкой; наряду с плотно слежавшейся глиной — рыхлый навал из комочков глины и гальки, зольные пятна и др. В большом разрезе — на высоте от 1.20 до 2.50 *м* от низа раскопа — сплошной 4-сантиметровый слой желтоватого вещества, может быть золы, слежавшейся здесь после какого-то сильного пожара, происшедшего уже после того, как заброшенное здание пришло в упадок и было заполнено толщей частично обрушенных перекрытий и стен.

Архитектурные формы и конструкции

Материал. Основным строительным материалом сооружений комплекса является сырец. Из него возведены стены и своды; из него сложены полы и общая платформа. Сырец квадратной формы от 39 до 40 *см* в стороне, толщиной 12—14 *см*. Такой кирпич употреблен не только в различных помещениях нашего комплекса, но и в кладке крепостных стен парфянской эпохи Старой и Новой Нисы. Чрезвычайно интересен хранящийся в Музее кирпич из старых раскопок, размером $42 \times 42 \times 11$ *см*, на котором сделан крупный оттиск в виде кружка и отходящей от него крестовины. Такого рода «тамга» отмечается на монетах Фраата IV (38/37—3/2 г. до н. э.), Вологаза I (51—77/78 г. н. э.), Вологаза III (147/8—191 г. н. э.). К сожалению местонахождение этого, датируемого нумизматическими аналогиями, кирпича не уточнено. Раствор в кладках стен глиняный; кладка иногда монолитная, но чаще в том своеобразном приеме, который отмечен С. А. Ершовым в кладке крепостной стены Старой Нисы: раствор нанесен только по горизонтальным постелям кирпичной кладки. Так как раствор наливался в очень

жидком состоянии, то сверху он затекал во швы. В результате эта «парфянская» кладка имеет очень характерный вид — с четко выраженной картиной вертикальных швов. Стены оштукатурены глиной, часто с алебастровой побелкой поверх. Весьма интересна панель Красного коридора: по сырцовой кладке стен нанесена 4-сантиметровая обмазка глиной; по ней слой подготовки — алебастр с глиной и крупногалечным песком; поверх — затирка красной краской, как будто с лощением. Жженый кирпич использовался, повидимому, по преимуществу в кладке колонн и в наружных облицовках. Так, на плоскости уступа одного из пильеров западного фасада Квадратного зала ясно видны гнезда кирпичей, найденных тут же на полу. Форма квадратная, размер $38 \times 38 \times 8$ *см*. Именно такие плиты были заложены в подушку оснований столбов и колонн. Обжиг неважного качества: в изломе — сильный черный перекал, масса кирпича очень пористая, на поверхности и в изломе — следы крупных выгоревших добавок самана или сухой травы, вводившихся в глиняное тесто в целях наилучшего спекания кирпича. Интересен также найденный нами кирпич, аналогичного качества, клинчатой формы, принадлежавший облицовке какой-то арки.

Столбы и колонны. Четырехлопастные столбы Квадратного зала представляют собой как бы пучок четырех сомкнутых полуколонн радиусом 40.8 *см* каждая. Сложены они из лекальных кирпичей на трехсантиметровом слое алебастрового раствора; поверхность их гладко подшлифована. Базис имеет несложную моденатуру: высокая полка —



А. Базы 4-х лопастных столбов Квадратного зала. Б. Базы полуколонн Квадратного зала. В. Базы СВ портика. Г. Базы СЗ портика.

Рис. 4. Профили баз колонн архитектурного комплекса старой Нисы.

очень отлогая выкружка (как бы нижняя половина скоции) — вал и общий крестовидный плинт, по высоте превышающий самую базу (рис. 4, А). База сложена из лекального профилированного кирпича, лишь приблизительно определяющего моденатуру обломков, которая уточнена алебастром, корректирующим в соответствии с принятым шаблоном профилировку. Высота столба не определяется; вскрытый при прежних раскопках столб сохранился на 2.8 *м*, но в невскрытой толще раскопа видны резко деформированные сдвигом пласты кладки рухнувшей при землетрясении верхней его части.

Полуколонны стен зала радиусом 26 *см* сложены из лекально подтесанных кирпичей, имеют прямой, без энтазиса ствол и отформованные алебастром базы еще более упрощенного профиля, чем у столбов; несколько наклонная полочка — вал — полуквадратный плинт (рис. 4, Б). Общая высота ее равна 36 *см*. Моденатура баз далека от традиционных образцов классического зодчества. Профили валов эллиптичны: у столбов вал представляет отрезок крутой кривизны, у полуколонн — с относом дуги книзу. Плинт столбов непропорционально высок сравнительно с профилями собственно базы. Следует ли рассматривать это как дегенерацию базисов ионического и коринфского ордеров античного зодчества? Нам кажется, что дело здесь не в простой провинциальной переработке классических канонов, но в использовании неких древних традиций местного зодчества. База, являющая собой поставленный на квадратном плинте вал с одним или двумя мелкими профильками поверх, создающими переход к цилиндрическому стволу, известна еще по памятникам до- и ранне-ахеменидского строительства. Такова недавно открытая база с хеттской надписью[9]), база открытая Фланденом близ Хамадана, которую Херцфельд относит еще к мидийскому времени[10]), такова база «дворца со столбом» эпохи Кира в Пасаргадах и профиль цоколя гробницы[11]). Тип этой «мидийской» базы послужил, возможно, прототипом при формировании базы ионического ордера, и во всяком случае удержался, наряду с композитной колоколообразной базой, в зодчестве Ахеменидов (скальные гробницы Нахши Рустема). Переживание этой базы мы отмечаем и для последующих столетий. Такова база парфянского памятника Таки-Гирра в Сеистане, являющая собой как бы «недостаточную» аттическую базу (скоция между двумя полочками — вал — плинт)[12]); сам памятник отмечен следами римских строительных приемов и сходством с парфянскими зданиями Ашура; датируется он I—II в.в. н. э.[13]). Близка по типу и база упоминаемого в I веке н. э. Исидором Харакским храма Анахит в Кенгаваре, парфянской или может быть еще селевкидской эпохи[14]). Среди памятников парфянской архитектуры Хатры, в массе своей датируемых I—II в.в. н. э. можно отметить в так называемом здании X2 профиль цоколя, по силуэту несколько напоминающего профиль базы четырехлопастного столба Старой Нисы[15]). Вместе с тем ряд вариантов той же базы может быть указан и в группе буддийских памятников Хадды (первых веков н. э.)[16]). Сама профилировка элементов, описанных нисийских баз, не напоминает ни римских строго геометризированных, ни греко-эллинистических обломов, но ближе всего к профилям баз кушанской эпохи (I—II в.в. н. э.) с городища древнего Термеза[17]). Заметим, что профиль, аналогичный базам полуколонок Квадратного зала, сохраняет-

ся в среднеазиатской традиции, видимо, на много столетий; мы отмечаем его, например, во вскрытых базисах круглых кирпичных столбов архаической мечети в кишлаке Хазара под Бухарой (VIII—IX в.в.).

Колонны восточного портика диаметром 58 *см* сложены из лекального кирпича, сформованного в виде не вполне правильных секторов окружности с неодинаковыми радиусами сторон (23—24 *см* одна, 26—27 *см* другая), иногда с усеченными (стесанными) у краев боковыми гранями; в общем, мастер, видимо, стремился лишь к тому, чтобы точно выдержать линию внешнего контура, с точным сопряжением смежных кирпичей, но в плане каждого ряда кладки щедро заливал образующиеся зазоры, особенно значительные у «сердцевины» колонны, великолепным алебастровым раствором, прочностью значительно превосходящим самый кирпич (рис. 5, В). Толщина горизонтальных

Рис. 5. Колонны западного и восточного портиков.

швов раствора 1 *см*. Колонна оштукатурена алебастром в два слоя (может быть один — ремонтный). Обломы базы выполнены «вчерне» на кирпиче — путем специальной подтески или формовки его; но уточнение профилей осуществлено алебастром, покрывающим кирпич то тонким (до 1 *мм*) слоем, то толстым (до 3 *см*) наметом, видимо, по специальному шаблону (рис. 4, В). Вскрытие небольшого участка пола у базы показало нам, что под ней заложена кирпичная подушка из одного ряда плит, размером 38 × 38 × 8 *см*, выведенная, так сказать, начерно — контуры ее не вполне параллельны осям плинта базы и

выступают за его пределы в перпендикулярном к линии портика направлении на 10—13 *см*. Вскрытие выявило интересную конструкцию основания пола; оказалось, что эта подушка покоилась на 25-сантиметровом слое мелкого пустынного песка, под которым следовал такой же слой галечника с песком, а далее шло булыжное основание с галечником (рис. 5, Г). Колонны восточного портика диаметром 69 *см* аналогичны по структуре колоннам портика западного (рис. 4, Г); подушка под ними в два ряда кирпича, линии ее еще более непараллельны контурам плинта. Они покоятся, как показало частичное вскрытие, на толстом слое мелкого пустынного песка, служившего некоей эластической постелью, погашавшей сейсмические колебания; проследить устройство этого основания на значительную глубину не удалось.

Профили баз обоих портиков имеют характерную последовательность обломов так называемой «аттической» базы: два вала со скоцией между ними и разделяющими эти основные профили полочками, на квадратном плинте. Очертания и общие пропорции баз портиков не вполне одинаковы (рис. 4, В, Г; рис. 5, А, Б). База Восточного портика имеет при переходе к стволу сильно развитую выкружку, валы ее составляют сегмент окружности, скоция глубокая, с резко выраженными угловатыми переломами почти прямых образующих. Высота почти равна диаметру, плинт занимает одну треть ее, нижний вал составляет $^1/_3$ профилированной части базы. Базу западного портика отличает более значительный вынос скоции и нижнего вала, высота профилированной части равна радиусу, плинт составляет четыре пятых от него. Мы видим, что пропорции этих баз далеки от тех канонических соотношений, которые предложены в трактате Витрувия[18]) и которым соответствуют аттические базы большей части сохранившихся памятников римско-эллинистического строительства. И пожалуй мы встали бы на ложный путь, если бы искали объяснение генезиса наших баз в памятниках классического зодчества. Исследование генетики «аттической» базы, наименование которой связано, повидимому, не с местом ее возникновения, но с тем обстоятельством, что именно на почве Афин классического века Перикла тип ее получил законченно-разработанное выражение (храм Ники Аптерос, Пропилеи, Эрехтейон), уводит исследователей опять-таки к зодчеству восточных догреческих и греко-малоазийских архитектур (назовем упомянутые «мидийские» базы, базы скальных гробниц Ликии и пр.). Не входя в проблему происхождения этой формы, отметим лишь факт широкого распространения ее в первые века до и после нашей эры именно в памятниках азиатской античности. Если попытаться составить карту распространения ее для этих эпох, то перед нами встанет удивительная картина широкого распространения этой архитектурной формы от Месопотамии до северо-западной Индии включительно, т. е. именно в областях, входивших в состав парфянского государства, или тех, с которыми тесно сплетена политическая и культурная история Парфии. Здесь поражает и стабильность самого типа. В то время как базы ионического и коринфского ордеров греко-римского зодчества имеют множество вариантов моденатуры, «аттические» базы азиатского Востока дают неизменно повторяющуюся каноническую последовательность обломов: два вала, разделенные скоцией, на квадратном плинте. Мы видим их применение в качестве

пьедесталов на фреске с изображением божеств из Дура-Европос[19]); в базах колони вотивного памятника в Шапуре, содержащего надпись, связанную с победами сасанида Шапура (III в. н. э.), но выстроенного в восточно-эллинистической или парфянской традиции[20]); в многочисленных базах парфянской столицы Хатры (преимущественная датировка I—II в.в. н. э.)[21]); в целой группе баз, выявленных работами Термезской Археологической Экспедиции в древнем Термезе и прилежащих малых античных городищах (I—II в.в. н. э.)[22]); в стилистически близких к ним базах, найденных в Кундузе[23]); в памятниках Халды (первые века н. э.)[24]); в Джандиал-храме в Таксиле (II в. до н. э.)[25]) и пр.

Упомянем также каменные базы Нисы, высеченные из зеленовато-серого камня (песчаника), две из которых имеют форму высокого тора, с одним или двумя поясками на верхней постели; найдены — одна в

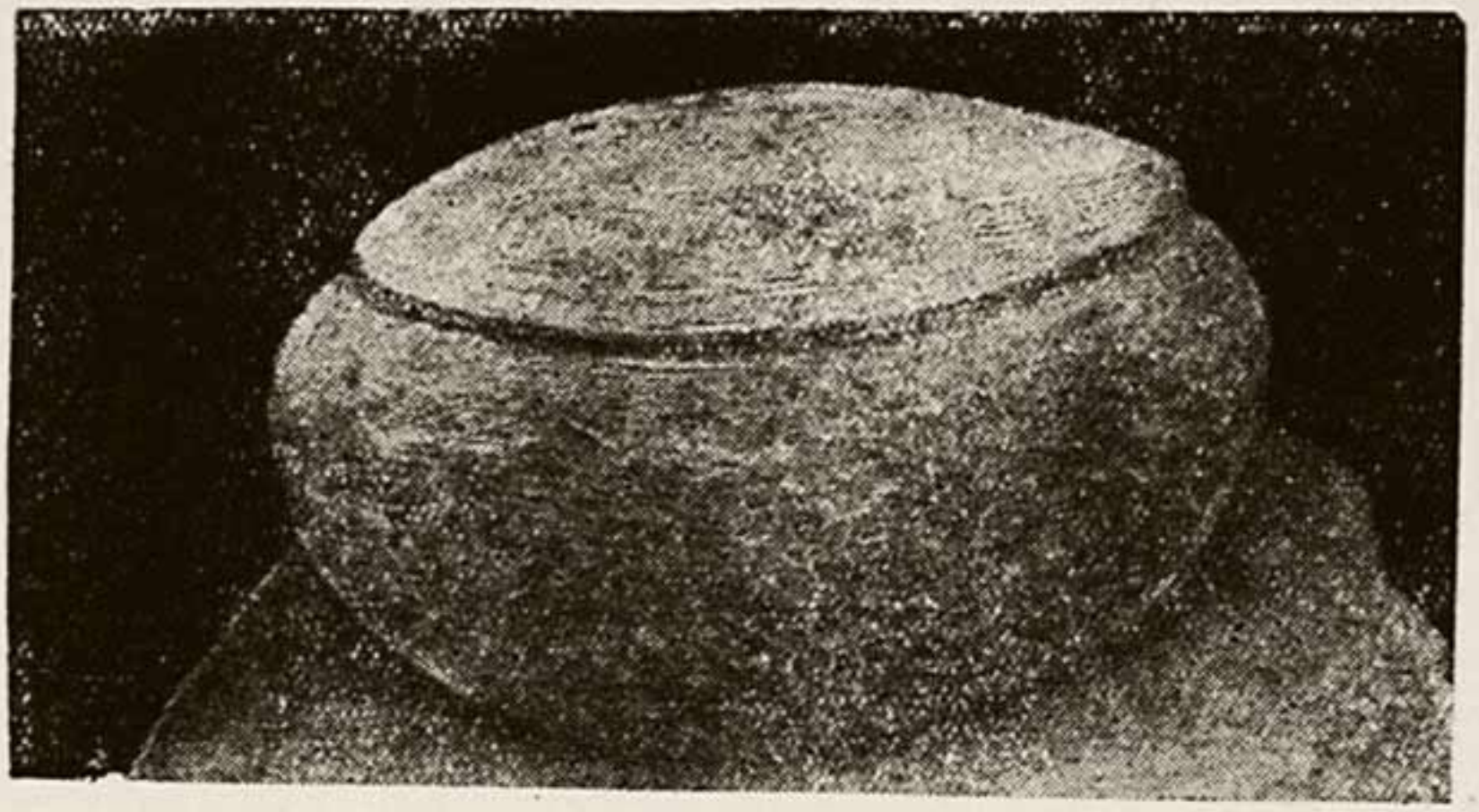


Рис. 6. Торовидная база.

Новой Нисе (рис. 6), другая вскрыта прежними раскопками на Старой Нисе, в 2.5 *м* от восточного фасада центральной группы построек; она, возможно, принадлежала одной из колонн предполагаемой террасы. Ареал распространения этой типично азиатской базы не менее обширен, чем описанных выше кирпичных баз. Подобные базы были вскрыты во дворце Саргона, их отмечают в изображениях колонн на ассирийских рельефах; они известны в скальных гробницах Пафлагонии; к ним, типологически, восходит, может быть, описанная выше «мидийская» база, в которой тор имеет более сплющенную форму; Э. Херцфельд считает, что торовидная база была создана еще в доахеменидский период, канонизирована в Пасаргадах и Персеполе и появилась в послеахеменидском строительстве в парфянском храме Хурра, датируемом рядом исследователей III в. до н. э.[26]). Здесь торовидная база стоит на двухступенчатом основании. Аналогичны ей базы близкого по времени и по стилю памятника Да-и Духтар[27]) и колонн на фресках Дура-Европос[28]). Однако, параллельная линия развития подобной формы отмечается в ранне-буддийской архитектуре (первые века до и после нашей эры): таковы торовидные базы на ступенчатом основании в чаитьях Карли, Назика и др. В настоящее время число выявленных мест нахождения

подобных баз значительно расширено: можно указать на «бульбовидные» базы из находок Хадды[29]). Подобные базы были обычны и в Средней Азии — назовем базу из мергелистого известняка из Термеза[30]), четыре базы из серого гранита из Китаба (близ Шахриясяба)[31]), изображения рельефных колонок с торовидными базами на Самаркандских оссуариях II—III в.в. н. э. Таким образом, области распространения этого типа — те же, что и для баз вышеописанных; Ниса прибавляет еще один новый пункт к местам их нахождения. Характерен факт употребления в качестве материала их исключительно камня.

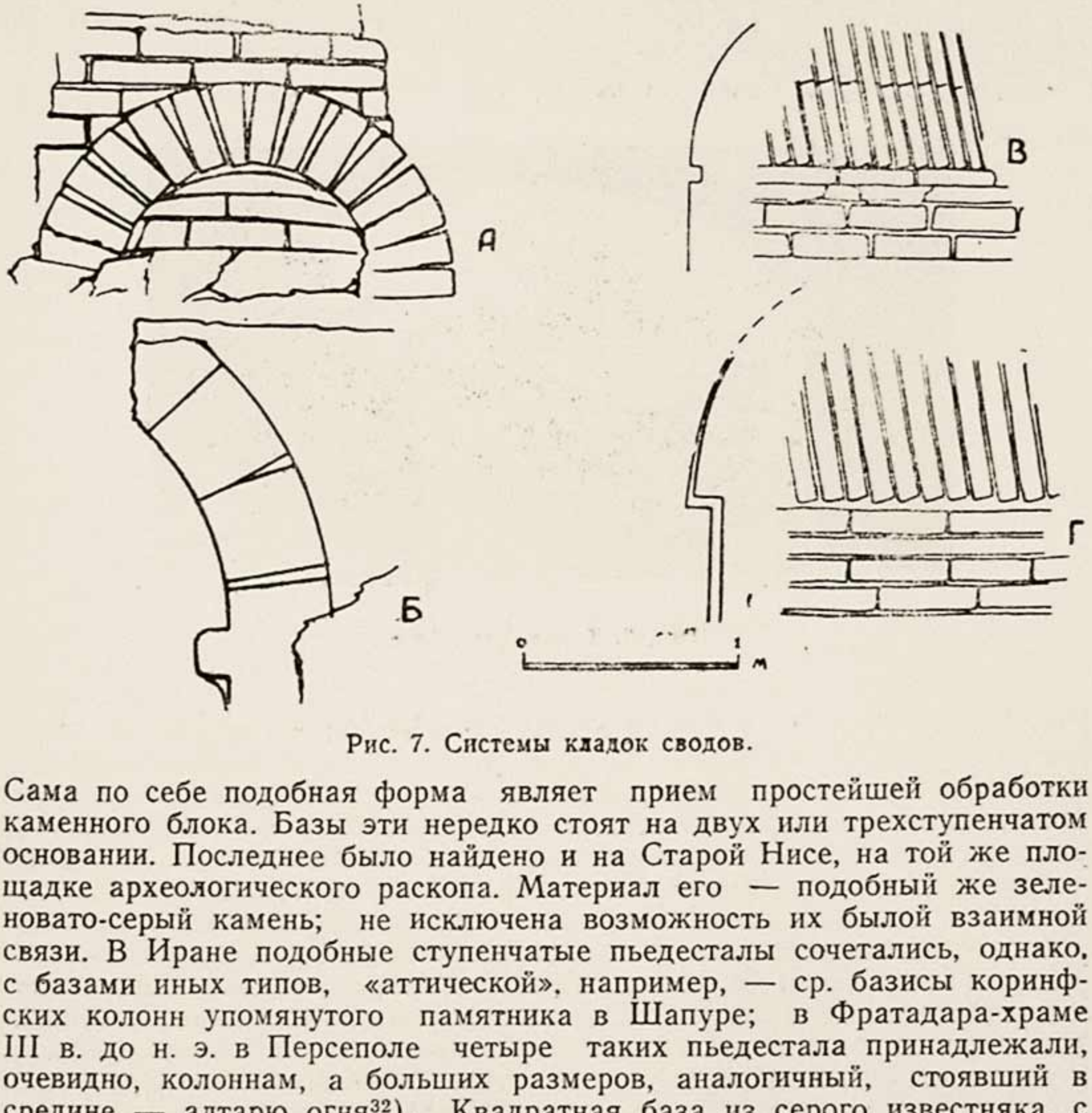


Рис. 7. Системы кладок сводов.

Сама по себе подобная форма являет прием простейшей обработки каменного блока. Базы эти нередко стоят на двух или трехступенчатом основании. Последнее было найдено и на Старой Нисе, на той же площадке археологического раскопа. Материал его — подобный же зеленовато-серый камень; не исключена возможность их былой взаимной связи. В Иране подобные ступенчатые пьедесталы сочетались, однако, с базами иных типов, «аттической», например, — ср. базисы коринфских колонн упомянутого памятника в Шапуре; в Фратадара-храме III в. до н. э. в Персеполе четыре таких пьедестала принадлежали, очевидно, колоннам, а больших размеров, аналогичный, стоявший в средине — алтарю огня[32]). Квадратная база из серого известняка, с двумя уступами, была обнаружена в раскопе II-го отряда ЮТАКЭ на Новой Нисе. Отметим, попутно, обнаруженные М. Е. Массоном у ворот цитадели Новой Нисы и ниже ее двух кирпичевидных каменных блоков размером $43 \times 43 \times 11$ *см* и $43 \times 22 \times 11$ *см*.

Перекрытия. Они были и сводчатыми и балочными. Остатки сводов сохранились к настоящему времени лишь в Южной группе по-

строек (рис. 7). Здесь мы отмечаем на западном участке огибавшего башню «храма» коридора арочный проход в соседнее помещение. Арка полуциркульная, пролетом 1.20 *м*, сложена из сырца обычного размера, то прямоугольной, то клинчато-подтесанной формы; швы, залитые глиной, треугольны или почти параллельны. Оштукатурки нет, кладка выведена «напоказ» (рис. 7, А). В углу сопряжения стен замыкающего коридор - помещения, почти смежно описанной арке, сохранились заделанные в общую кладку, выступающие, с последовательным взаимным нависанием, сырцовые кирпичи. Нам кажется, что это — род парусного устройства для купольного перекрытия, подобного широко известным в Средней Азии для раннего средневековья «ячеисто-сталактитовым парусам» (рис. 8).

В коридорах, располагавшихся вдоль южного и западного фасов башни, отмечаем остатки сырцовых коробовых сводов пролетом 2.60—2.80 *м* (рис. 7, В, Г), судя по сохранившимся остаткам эллиптического очертания. Они выложены наклонными отрезками (угол наклона

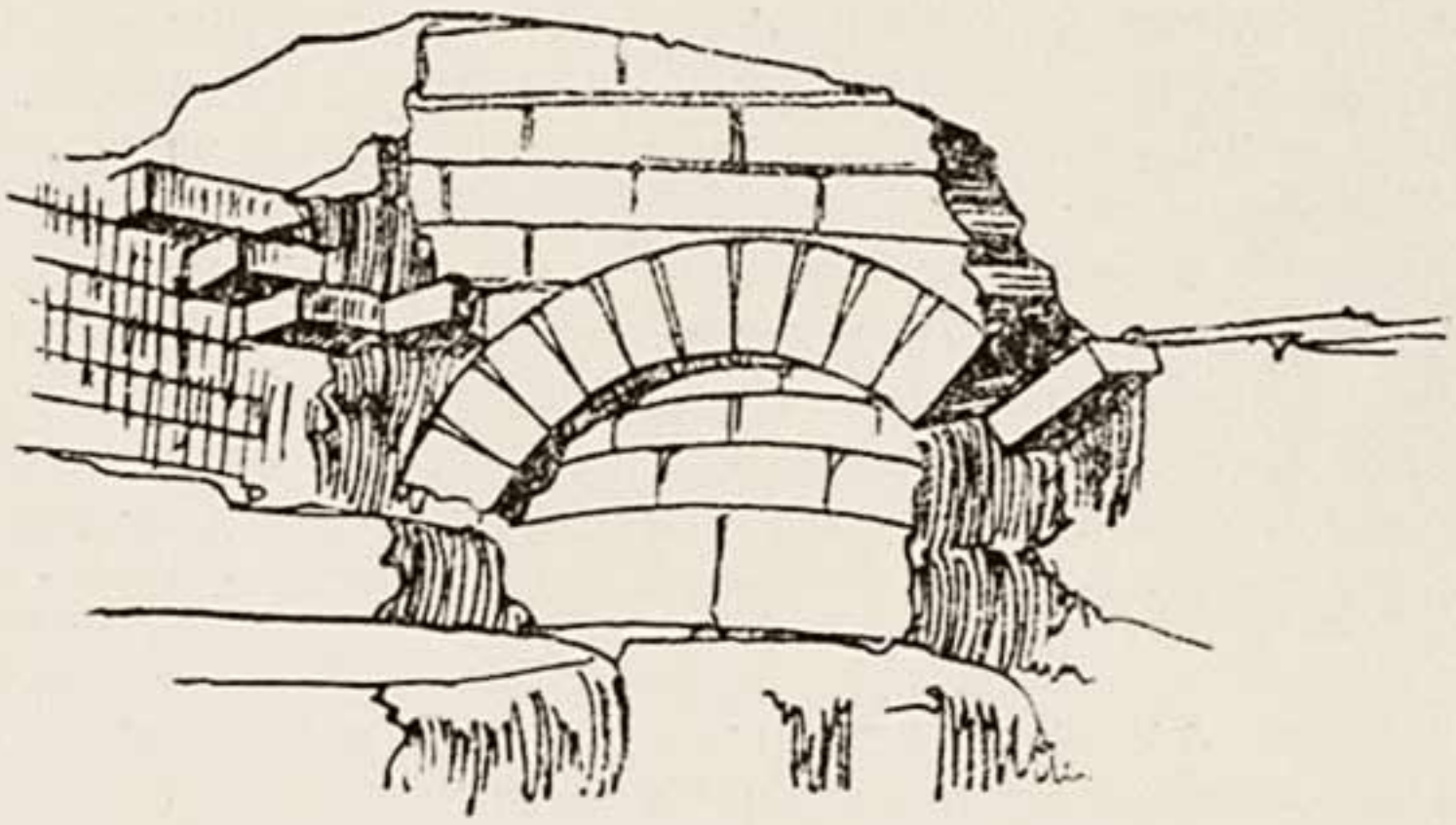


Рис. 8. Сырцовая арка прохода.

около 75°); пяты выделены то выступающей полочкой, то отступают вглубь от уровня кладки стены на 12 *см*. Может быть, выступы эти играли определенную роль в процессе кладки для установки шаблона, корректирующего кривую свода. Один из сводов выложен из особого крупного кирпича (разм. 51 *см* в стороне, рис. 7, Б). В соффите сохранились остатки одинарной алебастровой штукатурки. Выступающая у уровня пят полка оформлена в виде вала; здесь же на полу нами найдены были куски алебастровой облицовки в виде крутой выкружки (подобные фрагменты из старых археологических сборов имеются в коллекциях Музея, ср. рис. 11, 3). Они, возможно, дополняли профилировку тяги, отделявшей линию стен от свода.

Своды «отрезками», как известно, очень широко употреблялись в безлесных странах Востока, благодаря специфической особенности их выкладки без применения кружал. Употребление их отмечается еще в зодчестве древнего Египта и особенно Ассиро-Вавилонии. Вместе с тем пока нет данных, которые засвидетельствовали бы применение их в монументальной архитектуре ахеменидского Ирана, хотя возможно, что

традиция и продолжалась в рядовом сырцовом строительстве. Что же касается последующих эпох, то Н. Д. Дибвойз указывает на переход в постройках парфянской столицы — Селевкии от балочных перекрытий к коробовым сводам лишь в I в. н. э.[33]). Парфянская сводчатая архитектура Ашура, Кухи-ходжа в Сеистане и др., также не старше этой эпохи. Мы должны при этом отметить, что если полуциркульный клинчатый свод каменного строительства (ср. Таки-Гирра, Хатра) связан, видимо, с принципами римской строительной техники, проникновение которой в парфянское зодчество также едва ли могло иметь место ранее начала н. э., то эллиптический свод отрезками — это типичное создание среднеазиатского строительства, а приверженность к нему — показатель определенного торжества местной традиции.

Пока неясен вопрос о перекрытии Квадратного зала. Свободный пролет между четырехлопастными столбами — более 4 *м*. Он мог бы быть легко перекрыт кирпичной аркой, но при раскопках никаких остатков сводчатых кладок из жженого кирпича найдено не было. Между тем трудно себе представить сырцовые подпружные арки столь значительного пролета при незначительной их ширине — 60 *см* (обуславливаемой размерами полуколонн столба). Очевидно, перекрытие было основано на несущих прогонах, переброшенных от столбов к стенам. Во всяком случае, у нас есть вполне определенные данные о применении деревянных балочных перекрытий в зданиях Нисы: выше указывалось на наличие гнезд былых деревянных стоек в одном из помещений южной группы и на возвышении вверху большой башни, перекрытие по которым могло быть только балочным. С. А. Ершов сообщил, что во время прежних раскопок в толще археологических завалов попадались остатки совершенно трухлявых, рассыпавшихся в пыль древесных остатков балок.

Элементы архитектурного декора. Единственно сохранившийся к настоящему времени на самих памятниках Старой Нисы тип архитектурного декора стен это оштукатурка их алебастром или просто глиной. Между тем раскопками выявлен целый ряд интереснейших декоративных деталей былых облицовок. Среди них значительный удельный вес занимают терракотовые, нередко с рельефной орнаментацией плиты, к описанию которых мы перейдем.

Своеобразную группу составляют почти квадратные плиты разм. $36 \times 37 \times 5$ *см* (рис. 9). Материал их — та же, что и у кирпичей, красная сильно пористая, с черным перекалом внутри, глина. Благодаря пережигу плита сильно деформирована, прямые линии перекосились. Плиты эти имеют основное гладкое прямоугольное поле $32 \times 32 \times 5$ *см* и верхний и нижний карниз однотипного профиля: в виде выкружки, полочки и полки. В свое время они были условно названы «метопами». Между тем, внешняя, две боковых и нижняя поверхности их несут остатки тонкой обмазки алебастром, — показатель того, что плиты располагались на известной высоте, так что нижняя плоскость должна была быть видна, и при этом несколько выступать из плоскости стены. Последнее указывает, что плиты не были западающим элементом, как подлинные метопы, но выступающим, наподобие триглифов. С последними их сближает также наличие двух вертикальных щелевидных прорезов; не противоречит этому также и наличие скульптурных украшений,

встречающихся на триглифах позднеэллинистического зодчества. Тем не менее, мы считаем возможным пользоваться, с соответствующими оговорками, термином «метопы», поскольку изначальная природа исходной архитектурной формы в этих плитах настолько переработана, что они, в конечном счете, приобрели совершенно новое декоративное качество.

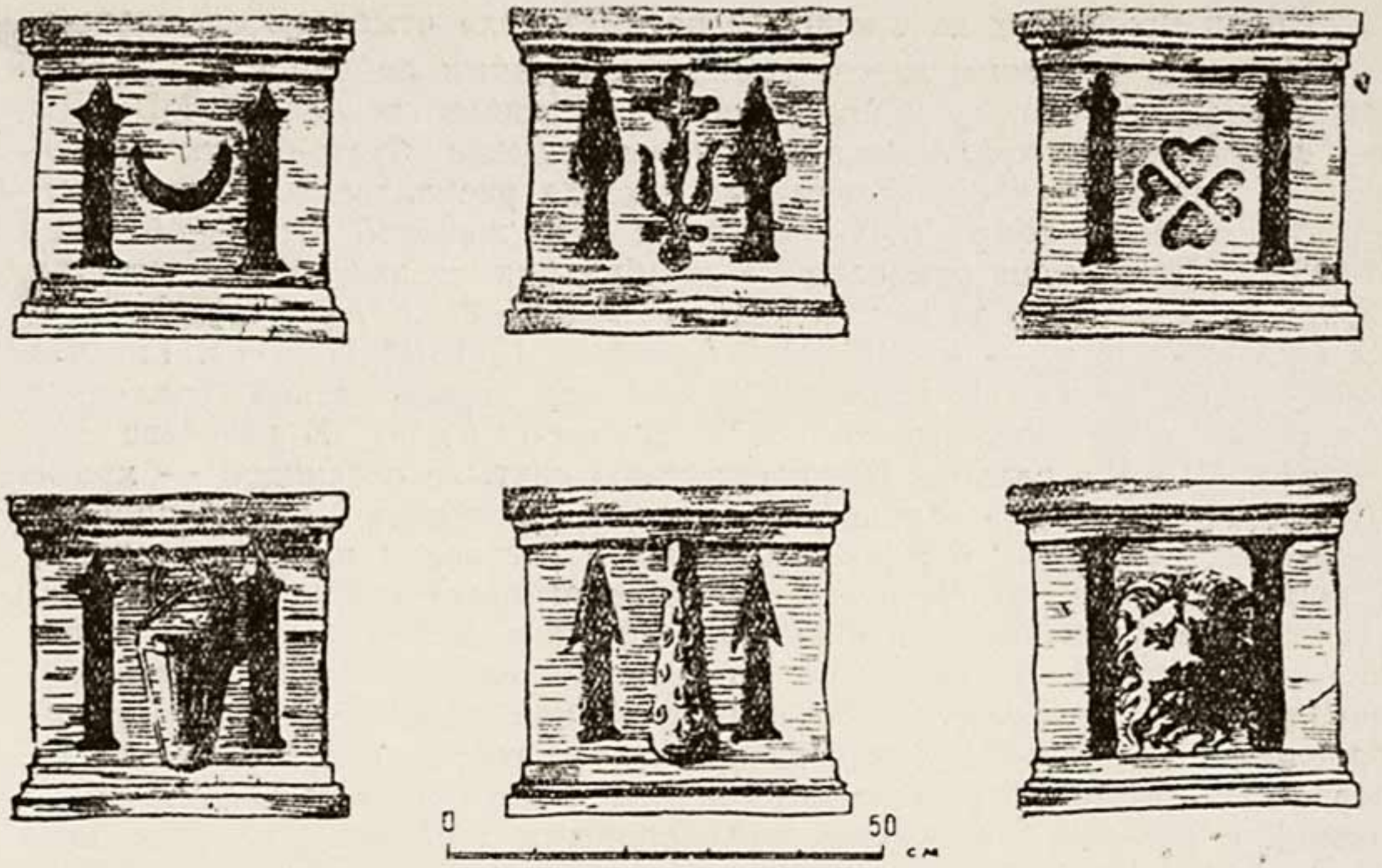


Рис. 9. „Метопы".

Тыльная сторона «метоп» нагрубо сформована, сохранив местами остатки алебастрового раствора; местами на нем сохранились мазки глины, из чего С. А. Вязигин сделал вывод, «что работа по установке плит производилась, по крайней мере, дважды: сначала на гипсовом или известковом растворе, а потом на глине»[34]). На самом деле, это не довод, так как глина могла, прилипнув к алебастру, отслоиться от сырцовой стены. Между тем следы ремонта, но, вероятно, без переноса или нового закрепления плит, явно на них прослеживаются, так как поверх первоначальной раскраски некоторых «метоп» видны остатки неровной обмазки алебастром, образующей во впадинах прорезного рисунка грубые наплывы алебастра.

Верхняя и нижняя полки «метоп» сохранили окраску яркокрасным ангобом; остальные поверхности как будто имели розовый цвет натурального кирпича; врезанные орнаменты («якорь», розетка) были окрашены черной краской. Украшение «метоп» составляет какая-либо фигура (об их сюжетах будет сказано далее) между двумя прорезными бойницами[35]). Всего есть 6 вариантов фигур, из которых три выполнены в горельефе, одна — неглубоким врезом и две сквозной прорезью. Элементы прорезного орнамента выполнялись, видимо, от руки, но по

некоему шаблону рисунка; ни один из повторяющихся мотивов не дает абсолютного совпадения контуров. Что касается горельефов, то и здесь едва ли участвовала матрица, хотя при работе мастер несомненно обращался к каким-то единым образцам. Во всяком случае примечателен факт, что среди подъемных сборов ЮТАКЭ есть фрагмент «метопы» с изображением колчана и лука в зеркально обратном повторении того же мотива, известного по плитам из материала старых раскопок.

Среди прорезных изображений на «метопах» отмечаем следующие.

Полумесяц, рогами вверх, между прорезями бойниц с крестовидным уширением вверху и несколько расширенным основанием. В SPA эта фигура рассматривается, как лунный символ, будто-бы указывающий на принадлежность здания, где некогда располагались «метопы», храму, посвященному богу-Солнцу и его женской паре — богине-Луне[36]). Полумесяц отмечаем в комбинации со звездой на монетах Орода I (56—37 г.г. до н. э.), Фраата IV (37—2 г.г. до н. э.), Фраатака (3/2 г. до н. э. — 4 г. н. э.), Артабана I (10/11 г. н. э.), Готарза (40/41—51 г. н. э.). На значение полумесяца в сасанидской геральдике давно уже обратил внимание В. В. Бартольд[37]). В рассказе Абу Далефа (X в.) о главной государственной святыне сасанидов — храме Шиз, сообщается, что вершину его украшал полумесяц, служивший талисманом, удалить который не был в состоянии никто из эмиров. Полумесяц, очевидно, соединял в себе религиозное содержание с династической эмблематикой, и в этой комбинации свойств был распространен еще в среде арсакидов. Он представлен на некоторых памятниках парфянского изобразительного искусства, как например, на каменном барельефа из Дура-Европос с изображением государя или божества на верблюде, алтаря, стилизованного дерева и двух эмблем вверху: полумесяца и розетки с четырьмя сердцевидными лепестками[38]). Этот последний знак есть на другой нисийской «метопе» с аналогичными бойницами в SPA его трактуют почему-то также, как лунный символ[39]). Такая розетка была исключительно широко распространена в парфянском искусстве, встречаясь в памятниках Селевкии, Ашура, Варка, Хатры, Кухи-ходжа и т. д.[40]). Д. Н. Вильбер[41]) считает ее характерным древним восточным знаком, находимым в значительном числе со времени Антиоха и принципиально отличным от аналогичного по идее мотива в западном искусстве (попутно отметим широкое распространение его в боспорских стелах III—II в.в. до н. э. и употребление в метопах фризов некоторых памятников греко-римского зодчества — напр., Фимелы в Эпидавре IV в. до н. э., малых пропилей Элевсина I в. до н. э. и др.); однако, для подкрепления своей мысли он привлекает лишь памятники ахеменидского и сасанидского искусства, минуя разделяющие их $4^1/_2$ столетия владычества парфян. Между тем в сасанидском искусстве розетка с сердцевидными лепестками превращается скорее в некий употребительный орнаментальный мотив, художественное значение которого оттесняет на второй план символический смысл. В парфянскую же эпоху преобладал, видимо, этот последний. Показательно наличие его во многих изображениях Дура-Европос — например, на облицовочных квадратных расписных кирпичах[42]) или в сценах пиршества на фресках, где в свободных полях между фигурами изображены подобные розетки[43]). Наличие этого знака в такой сугубо свет-

ской сцене — также показатель связи его не только с культовыми, но и с династическими эмблемами.

Третий вид «метопы» содержит слегка врезанный фигурный знак между бойницами в форме ланцетовидных наконечников копий, и по типу своему несколько напоминает так называемый «селевкидский якорь», встречающийся на реверсах монет Селевка I Никатора (311—280 г.г. до н. э.)[44]). Применение со временем несколько трансформируемого «якоря» отмечается, вместе с тем, на ряде парфянских монет: Митридата I (174—136 г.г. до н. э.), Митридата II (124—87 г.г до н. э.), Орода I (56—37 г.г. до н. э.; особенно значительное число вариантов) и Фраата IV (37—2 г.г. до н. э.). По всей вероятности, в нем — преемственная связь, закрепленная браками парфянских царей на принцессах из дома Селевкидов (например, Орода на дочери Антиоха)[45]). Типологически (по общему начертанию) нисийский знак ближе именно к более ранним «якорям» III—II в.в. до н. э. По смыслу он, очевидно, являет собой родовую тагму Арсакидов — племенной знак царствующего рода, несущую в себе подчеркнуто-преемственную связь с геральдикой предшествующей династии. Эти генеалогические связи с селевкидами отражены и на монетах I в. до — I в. н. э. из родственного арсакидам дома камнаскиридов (Камнаскира III, IV, V и некоторых безымянных). Небезынтересно отметить как после многовекового перерыва будет воскрешена та же изобразительная тема в уже сильно трансформированном династическом знаке Сасанидов (Ктесифон, Дамган)[46]).

Следующая «метопа» заключает горельефное изображение дубинки между прорезями в форме стрел с заостренными концами. Пропорции несколько укорочены в силу возможностей размещения фигуры, она имеет три ряда узловатых, подчеркнутых кольцеобразным валиком сучков, распределенных в шахматном порядке. Она единодушно трактовалась всеми, как палица Геракла, что несомненно. Попытка стилистического анализа, проделанная С. А. Вязигиным, привела его к выводу, что палица эта «своим внешним видом, способом оформления и расположением ее сучков... ближе к условному оформлению ее у Мирона, чем к более реалистическому изображению ее у Лисиппа»[47]). С этим утверждением едва ли можно согласиться. На относимой к кругу Мирона статуе сидящего Геракла, сильно выпуклые сучки расположены концентрическими рядами, палица длинная, с почти шаровидным концом; ни общий профиль, ни детали ничем не напоминают дубинку на нисийской плите[48]). Между тем, палица Геракла Фарнезского (прежходная копия скульптуры Лисиппа) по силуэту, методу расположения сучков, форме слегка выступающих «глазков» гораздо ближе к палице на нашей плите. Еще более последняя напоминает палицу статуи Лисиппа «Пирующий Геракл»[49]). Очень близка она также к палице статуи Геракла из Помпей[50]). Несомненно, что наше изображение близко именно к кругу скульптуры эллинистической, а не классической.

Возникает вопрос, — почему появляется на нисийских плитах аттрибут героя греческой мифологии? Распространение темы «Геракл» в парфянском искусстве давно обратило на себя внимание исследователей. Греческая надпись в гротах Карафто (западный Иран), отмеченная еще в прошлом столетии Кер-Портером и восходящая, как это

было недавно установлено А. Стейном, еще к III в. до н. э., связано с упоминаемым Тацитом (Анналы, XII, 13) культом Геракла отождествлявшегося здесь с иранским божеством[51]). Эта смешанность восточных и эллинистических культов зафиксирована как в письменных источниках, так и в памятниках изобразительного искусства преимущественно для эпохи парфянского «филэллинства» (III—I в.в. до н. э.). Так, известно, что Антиох из Коммагена (I в. до н. э.) исповедовал культ и организовывал празднества в честь Зевса-Ормузда, Аполлона-Митры и Геракла-Артагны-Веретрагны[52]). Вместе с тем, первые же археологические работы в Дура-Европос открыли изображения Геракла[53]) на одной из картин пронаоса храма, на фрагменте гипсового барельефа, на терракотовой плакетке. Число их значительно возросло при последующих раскопках в Дура, в эллинистических и римских слоях сирийских развалин[54]). Исследователи сходятся на том, что это переодетое в греческие одежды божество, не кто иной, как именно Веретрагна или Митра и дубинка его является тем грозным оружием, о котором в патетических выражениях повествуется в гимнах Авесты: «...он потрясает в руке своей палицей с сотней выступов, с сотнями жал... палицей из красной меди, из крепкой золоченой меди, сильнейшим из всех оружий, самым победоносным из всех оружий»[55]). Установление причины такой популярности образа Геракла на Востоке в парфянскую эпоху пока еще стоит в качестве нерешенной проблемы[56]). Косвенный ответ, быть может, подсказывается данными парфянской нумизматики. Шествующий Геракл изображен на реверсах монет Митридата I (174—136 г.г. до н. э.)[57]). На монетах Антиоха VII Эвергета (138—129), Митридата II (124—87), Митридата III (67—60), Орода I (56—37) изображена палица, по общему виду напоминающая палицу нисийской плиты. Итак, это не только культовый символ, но и некий династический знак. Известно, что боспорские цари в I и след. в.в. н. э. ставили свое происхождение в мифологическую связь с Гераклом[58]). Отмечено, что образу или атрибутам Геракла на парфянских монетах в титулатуре царя сопутствует титул «филэллин»[59]); не исключена возможность, что парфяне уже значительно раньше возводили свою генеалогию к знаменитому герою, образ которого вскоре же слился с местным божеством. Геракл был одним из тех популярных полугероев-полубогов античности, который совершил победоносное шествие по Востоку — наряду с Дионисом, и может быть в его свите; не потому ли мы узнаем его то на брачном пиру на греко-бактрийской чаше[60]), то в процессии, сопровождающей колесницу Диониса, на блюде из сокровищницы бадахшанских миров[61]).

Пятая «метопа» Нисы заключает горельефное изображение колчана, типа скифского горита, с четырехкратно-расчлененным вместилищем для стрел и короткий лук. Прорези-бойницы таковы же, как в «метопах» с полумесяцем и с четырехлепестковой розеткой. В SPA рельеф этот ставится в связь с Дианой и соответствующей ей лунной богиней иранского пантеона[62]). Мы же полагаем, что здесь—атрибуты не столько Дианы, сколько знаменитого парфянского конного воинства, воспитывавшегося с юношеских лет в традициях военного искусства, в котором стрельба из короткого «кавалерийского» лука занимала почетное место. Горит с четырехкратным расчленением поверхности и с луком

позади встречается на монетах Митридата II (124—87 г.г. до н. э.), Синатрука (76—67), Орода I (56—37). Не исключена также связь этого сюжета с культом Геракла, в изображении которого еще в эпоху греческой архаики колчан и лук символизировали воинскую доблесть[63]), как дубинка — физическую мощь. Отметим, что близкий по форме горит и лук представлены в изображении пирующего Геракла на плите III в. до н. э. из северного Причерноморья, где культ этого героя был широко распространен.

Наконец, последняя «метопа» содержит, между бойницами уширяющимися кверху, маску льва с разметавшимися прядями гривы и отверстым ртом. С. А. Вязигин, сопоставляя ее с водометами на крышах греческих храмов V в. до н. э. (Парфенон, храм в Эпидавре) и со львом статуи Диониса Мирона, утверждает об общности стиля маски нисийской плиты, как и описанной выше палицы, с памятниками архаической (?) Греции, приходя затем к неожиданному выводу, что это дает основания к датировке их эпохой раннего эллинизма — концом III в. до н. э.[65]).

Мотив львиной маски в античном искусстве использовался по преимуществу в «симах» — водосливах двухскатных крыш. Сопоставление с памятниками показывает, что стилистически голова льва на «метопе» занимает промежуточное положение между классическим и эллинистическим периодом. Для сравнения возьмем два образца недавних раскопок в Олимпии. Если нашу голову в известной мере сближает с головой льва из паросского мрамора, строгого стиля V в. до н. э., прямая постановка глаз, форма ушей («округло-заостренная»), симметричная расческа прядей, то вместе с тем, живописная спутанность волос этих прядей (отличная от почти орнаментально упорядоченного их распределения «классической» симы), трагическая постановка бровей, неспокойная лепка поверхностей — в большей степени сближает наше изображение с другой маской пентеликийского мрамора типа «барочной пергамской скульптуры»[66]). Датировку нисийской плиты таким образом, безусловно можно отнести к III—II в.в. до н. э.

Сама тема изображения глубоко традиционна для Востока. В искусстве древне-восточном. это — зверь-охранитель (Львиные Ворота хеттов в Богазкое, «хамаданский лев» и пр.). В античном искусстве Средиземноморья фигура льва или его голова служат «вечными стражами»; широко распространен мотив львиной маски и в ряде архитектурных деталей (симы, водосливы водоразборных сооружений, ручки дверей и пр.). На Востоке функцию зверя-охранителя. изображение льва сохраняет вплоть до средневековья (ср. львов в тимпанах ворот Амиды), таковой, вероятно, она была и в парфянской скульптуре; фрагменты статуи льва были найдены при раскопках Тепе-Гиссар близ Дамгана, — в руинах здания парфянской или ранне-сасанидской эпохи[67]). Однако, львиная маска на нисийской метопе стоит, вероятно, в общей связи с иными описанными выше атрибутами Геракла. Голова этого героя в львином скальпе встречается на македонских монетах с IV в. до н. э. и позднее[68]). Известную стилевую общность с львиной маской Нисы отмечаем на аверсе серебрянного статера из Самоса, на реверсе которого изображен Геракл[69]). Не исключена связь этого образа также и с культовыми представлениями парфян. На алтаре из

Дура-Европос видим изображение Геракла со львом[70]); львы прорисованы на парфянских «сграфитто» из этого города[71]). Отметим, наконец, изображение маски (льва?) между двумя бойницами на монете парфянского царя Вологаза I (56—58 г.г. н. э.). С этим парфянским мотивом львиной маски может быть следует отчасти поставить в связь исключительно широко распространенный сюжет древней, средне- и центральноазиатской коропластики: налепы на сосудах, отформованные в виде головок, именуемых то «горгонами», то «силенами», но нередко сильно напоминающими антропоморфизированную львиную маску[72]).

Несколько слов по поводу прорезей на «метопах», между которыми расположены прорезные или рельефные изображения. Несомненно, это бойницы различных видов. Показательно разнообразие типов их (4 варианта), возникновение которых первоначально связано с принципами возведения бойниц из кирпича (сырцового и обожженного). Простейшая форма осуществляется путем наклонной постановки двух кирпичей, со взаимным опиранием их друг на друга. Подобный прием был выявлен при раскопках 1-м отрядом ЮТАКЭ крепостной стены Старой Нисы («пазушный сводик»). Конструкция эта была очень широко распространена в парфянском зодчестве, как показывает канал Каср-бинт ал-кади в Селевкии[73]) или деталь южного фасада храма в Варка[74]). Повидимому, еще более простым был прием плоского перекрытия бойницы. Как

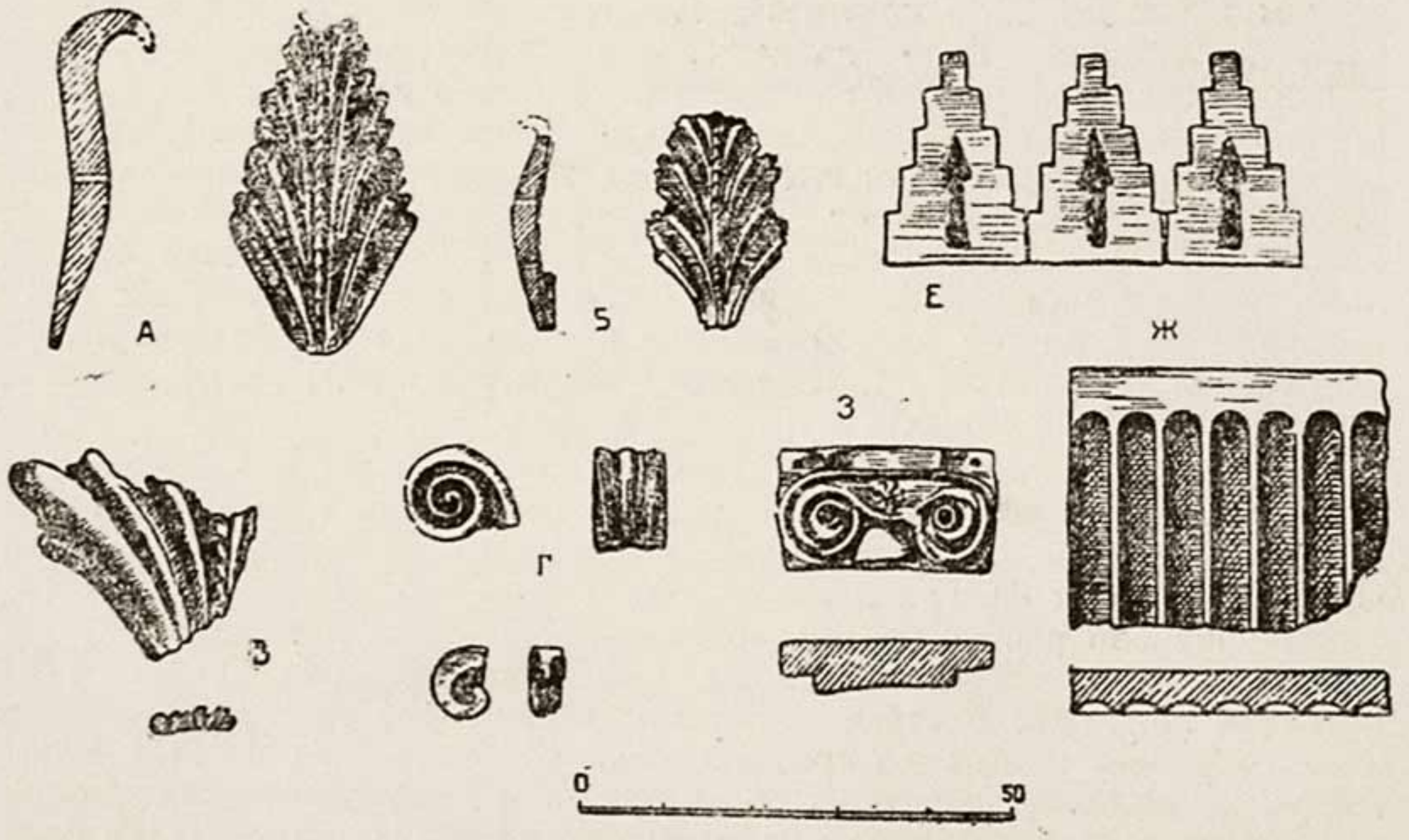


Рис. 10. Архитектурные детали.

показало вскрытие прохода в Квадратный зал, плоская перемычка даже столь значительного пролета могла быть выполнена из сырцового кирпича; тем более это могло иметь место при перекрытии бойницы. Именно таковы бойницы на «метопе» со львом. Прорези на плитах с полумесяцем, розеткой и «якорем» имитируют щелевидные бойницы, с уширением на уровне глаз стрелка. Форма бойницы, перекрытой треу-

гольным сводиком, получает художественное оформление в виде стрелы («метопа» с палицей) или наконечника копья («метопа» с «якорем»). Подобная трактовка бойниц появилась еще в искусстве древнего Востока, где они вскоре превратились в очень популярный мотив архитектурной декорации, особенно в зубчатых парапетах. Среди фигурных терракотовых плит из Нисы имеется группа пятиступенчатых зубцов, с прорезью-стрелой посредине (рис. 10, Е). Распространение сюжета подтверждается также парфянским стеатитовым предметом из Нисы, украшенным подобными стрелками. Несомненно, что уже на ранних фазах подобные зубцы и прорези-стрелки приобрели наряду с эстетическим. и символическое значение, как эмблемы крепости, неприступности, обороноспособности с одной стороны, как магический оберег (стрела — колющее орудие, отвращающее зло, парализующее действие враждебных сил и пр.) с другой. Ф. Аккерман хочет почему-то видеть в

Рис. 11. Архитектурные детали.

ступенчатых зубцах с прорезями-стрелками, «небесный символ» (?)[75]). Совершенно несомненно, что в парфянский период в этом архитектурно-орнаментальном сюжете тесно сплетается функция (бойница, требующая некоторого местного уширения щели в уровне глаз), конструкция (кирпичный треугольный сводик), художественное претворение мотива (зубчатая линия контура; стрелка-прорезь) и символическое значение (острие стрелы, как оберег; стрела и зубчатый парапет, как эмблема обороноспособности города, здания, стены). Мы видим систему подобных стреловидных бойниц на крепостной стене III в. до н. э. Истахра[76]); парапеты, составленные из зубцов с прорезями-стрелками, укра-

шали парфянские светские и культовые здания Селевкии, Варка и др.[77]). В панно резного стука Кухи-ходжа среди меандров размещены геометризованные стрелы[78]); то же отмечаем на стуковых декорациях Ашура[79]). В первых веках до и после н. э. мотив зубчатых парапетов и прорезей-стрелок получает исключительно широкое распространение в искусстве Средней Азии: мы отмечаем его на боевых башнях, слонов, выгравированных на греко-бактрийских фаларах[80]), на «короне-муралис», украшающей головку женской статуэтки из Варахши[81]), на целом ряде оссуариев из Самарканда, из Ташкента, из Семиречья и т. п. — все это, быть может, заключает известное указание на связи, если не прямо с парфянским искусством, то с некими общими идеологическими представлениями эпохи.

Близки к описанной группе метоп еще два вида орнаментированных плит, прямоугольной формы, разм. $32 \times 40 \times 4.5$ *см*. Вверху и внизу они окаймлены почти смежными выпуклыми полусферическими «горошинами» — по шесть в ряду. Плоскость одной заключает горельефную (до 2.5 *см* высотою) 18-лепестковую розетку в круге, а другой — рельефную пальметту с тремя парами загибающихся во внутрь завитков, центральным стержнем на треугольном основании, обрамленном парой лежачих, закручивающихся наружу завитков (рис. 11, А, Б). В SPA розетка трактуется как древний солнечный символ, а «дегенерирующий акротерий на треугольном основании — как космологическое древо на скале»[82]). Не входя в критику истолкования этих сюжетов, которое кажется нам крайне тенденциозным, — полагаем, что правильнее рассматривать пальметту, как некую местную интерпретацию широко распространенного мотива эллинистической архитектуры. В классическом зодчестве Греции преобладали пальметты-антефиксы с обратным описанному заворотом лепестков; близкий к нашему изображению мотив пальметты получает распространение по преимуществу в эпоху эллинизма. Мы встречаем его и на ранне-эллинистических капителях храма Аполлона Дидимийского в Милете[83]), и позднее — на капителях римского зодчества, содержащих черты восточно-греческого стиля[84]). Сам по себе мотив этот имеет безусловно восточные корни, восходя, быть может, еще к так называемому «финикийскому букету», сыгравшему столь значительную роль в позднейшем формировании коринфского ордера. На проникновение его в эпоху эллинизма на средний Восток указывает с одной стороны терракотовый антефикс из селевкидских слоев Суз[86]), с другой — ручка серебряного сосуда с фигуркой скачущего козла из Амударьинского клада, на которой вычеканена пальметта, почти аналогичная нисийской[87]). В период развития так называемого греко-буддийского стиля мы встречаем ее даже в архитектурной орнаментике Индии[88]).

Изучение орнаментированных терракотовых плит из Нисы приводит нас к некоторым общим предварительным выводам.

Носомненно, что перед нами — группа объектов, содержащих наряду с местными мотивами восточную интерпретацию некоторых сюжетов эллинистического зодчества, в местном строительном материале, при весьма несовершенной технологии обжига. Характер выполнения прорезного и пластического орнамента свидетельствует об участии мастера хорошей ремесленной выучки, пройденной где-то в скульптурных мастерских раннего эллинизма (львиная маска). Наиболее вероятная

датировка — II век до н. э. (как terminus post quem). Смысловая расшифровка изображений: династические эмблемы, тесно переплетенные, как и вообще на Востоке, с символикой господствующих культов и с мотивами восточно-греческого искусства — как наглядное выражение филэллинства ранних арсакидов.

Среди других терракотовых облицовок Старой Нисы мы должны отметить особую группу плоских плит с уступчатым оформлением одной или двух граней. Одна из постелей и боковые грани гладко отформованы, иногда покрыты тонким слоем алебастрового грунта; противоположная постель сформована нагрубо, несет следы неровного слоя алебастрового раствора, который отмечается также частично и в уступах. Первый тип (рис. 11, Д): прямоугольная плита 34 × 40 *см*; на малых параллельных гранях — по три выступающих и западающих уступа размером 5.5—6 *см*, примерно квадратной формы. Назначение неясно. Высказывалось предположение, что они служили для выстилки пола впереплет сопрягаясь зубцами, — маловероятный прием, так как зубцы и прорези отформованы не очень правильно и осуществить точную подгонку плит невозможно. Совпадение высоты и толщины этих плит с описанными выше плитами с розеттой и пальметтой и обнаружение их в единых археологических комплексах наталкивают на предположение, — не входили ли те и другие в систему облицовки какого-то фриза, с последовательным чередованием их, наподобие триглифов и метоп; зубцы на гранях играли при этом роль «капель». Вообще же вся система являла собой не просто дегенерацию механически воспринятого античного ордера, но эклектическое слияние разнородных, своеобразно понятых декоративных элементов (рис. 12). Впрочем, это только рабочая гипотеза. Второй тип (рис. 11, Г): плита разм. 36×20×6.7 *см*, с пятью трапециевидными выступами на одной длинной стороне. Третий тип (рис. 11, В): плита разм. 36×21×5.8 *см*, с шестью треугольными зубцами на одной длинной стороне.

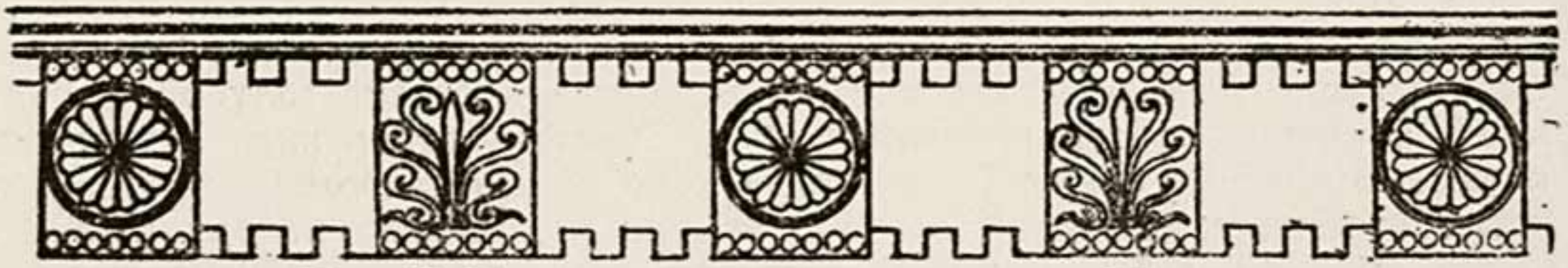


Рис. 12. Предположительная реконструкция фриза.

Наряду с парапетами в форме зубцов, имеющих прорези-стрелки, существовали также профилированные карнизы или тяги несложной моденатуры. Таков профиль тяги, представленной угловым и промежуточным элементами, высотою около 8 *см*, являющий полку и крутую выкружку (типа «воронов клюв»; рис. 11, Е). Чрезвычайно интересно отметить находку алебастрового фрагмента (рис. 11, Ж), абсолютно идентичного по профилю этим терракотовым карнизам: несомненное указание на какой-то поздний ремонт, когда недостающие элементы облицовок восполнялись ганчевыми новоделами. Мы уже указывали на подобные реставрации в Квадратном зале при ремонте пристенных полуколонн. Такого рода картина была отмечена в Айрытаме в здании Кушанской эпохи (I—II в.в. н. э.), где в III—IV столетиях при ремонте недостающие каменные детали были заменены алебастровыми отливка-

ми. Это не единственный пример и в Нисе. Среди терракотовых фрагментов (материал несколько иной — желтоватая терракота, без перекала) мы должны отметить карниз особого профиля, в виде очень отлогой выкружки (рис. 11, З); но совершенно аналогичные алебастровые фрагменты были обнаружены, как указывалось выше, в одном из коридорообразных помещений южной группы построек. Есть и другой тип карниза — в виде трех полок, разделенных маленькими выкружками (рис. 11, К).

Отметим еще облицовочную плиту (рис. 11, М) разм. 30×35.5×6 *см*, с профилированной одной стороной (две полочки, выкружка); эта последняя, а также малая «постель» тонко оштукатурена алебастром. Плита могла принадлежать облицовке наличника.

Заслуживает внимания фрагмент облицовки архивольта (рис. 11, Л), по подсчету — небольшого диаметра, около метра, с угловатым профилем, оформлявший, повидимому, какой-то проем.

Среди других терракотовых объектов из прежних раскопок упомянем также фрагменты крупных плит (до 30 *см* в стороне) с рельефной рамкой по контуру (рис. 11, Н). Они были найдены по преимуществу у западной стены северной части комплекса и трактовались как «черепицы», что вероятно.

Есть еще несколько видов терракотовых облицовочных плит сильно фрагментированных, а потому неопределяемых по первоначальной форме; описание их опускаем.

Среди алебастровых форм отметим фрагменты облицовок архивольтов, тяг, стволов колонн. Алебастр чисто белый или слегка желтоватый.

Особую группу терракотовых облицовок составляют аканты. Найдены они по преимуществу в западном завале между фасадом здания и большим хаузом. Приведем описание главных типов (рис. 10, А, Б, В).

1. Лист аканта вытянутой формы, 40×21 *см*. Сбит верх и нижняя часть листвы слева. Красная терракота, с перекалом в середине; обмазка тонким слоем белого грунта, поверх которого — остатки голубой, бирюзовой и черной окраски; последняя в местах отслоения оставляет карминно красные следы (марганец?). При внимательном рассмотрении устанавливается, что слой голубой краски наносился поверх черной; таким образом, либо последняя служила для нее грунтом, либо акант окрашивался дважды. Следов раствора на обороте нет; акант крепился на трех штырях, заделанных в просверленные примерно на середине его отверстия. Следы тонкой белой обмазки есть лишь на отогнутой части листа, но это — грунт для покраски. Между тем снаружи аканта в левой его части, поверх грунта с остатками красно-черной краски наплыл значительный кусок алебастрового раствора (как на «метопе» с якорем). Несомненно, что это могло произойти в период, когда краска с аканта уже облетела, здание подверглось ремонту и акант был заштукатурен, или даже когда он попал в кладки поздних перестроек. Форму аканта характеризует четырехкратное подразделение очерка, с чередованием выпуклых элементов листа, образующих отлогие петли, и вдавленных поверхностей. Контуры лепестков скорее заострены, чем округлы. Выпуклый центральный прожилок подразделен заостренными линиями. Профиль аканта сильно выпуклый, но в плане он лежит в единой го-

ризонтальной плоскости, а не на части окружности; акант, несомненно, оформлял плоскость, а не кривую поверхность.

2. Фрагмент подобного же аканта, разм. 23×25 *см* (ширина). Материал тот же, на внешней поверхности белый грунт со следами кармин-ной окраски (тон — как следы от черной краски на предыдущем аканте), но поверх нее в ряде мест — вторичная обмазка алебастром, густою массой внизу, сплошь вверху (до 2.5 *см* толщиной). Следов черного и голубого цвета, как на предыдущем аканте не сохранилось, видимо они облетели еще накануне тех позднейших ремонтов, когда аканты нагрубо заштукатуривались. Общая лепка аканта по характеру аналогична предыдущему.

3. Акант размером 27×17 (ширина) *см*. Красноватая терракота. На внешней поверхности — следы алебастрового грунта. На обороте отмечается следующее: по 2-миллиметровому слою затирки белым алебастром был нанесен ровный 12-миллиметровый слой такого же раствора, на который и был насажен акант. Кроме того, на центральном прожилке аканта просверлено два отверстия для штырей. В верхнем сохранился внутри кусочек серого металла; так как он не проржавел и не имеет окисей зелени, то это, видимо, свинец. Явно видно, что акант этот располагался не на криволинейной поверхности, но на плоскости (капители пилястра или фриза). Общий очерк аканта близок к первому; рельеф небольших прожилков — слабо выраженный, рельеф выпуклых элементов листа — очень значительный; размер плоскостных вдавленных частей — значительней, чем выпуклых, в предыдущих же случаях «негативно» наоборот.

4. Акант из необожженной глины. Плотный сырец с вкраплениями мелких зерен алебастра в изломе. Снаружи не окрашен, следов раствора на обороте нет. В середине высверлено отверстие для штыря.

Думается, что этот акант не принадлежал облицовке здания, но представляет муляж, подготовленный для последующего обжига. Соображения следующие: 1) Чрезвычайная хрупкость объекта; глина легко сцарапывается ногтем, крошится. 2) Отсутствие глиняного или алебастрового раствора на обороте при наличии отверстия, абсолютно неоправданного для сырцового аканта (как показывают терракотовые аканты, гнезда в них высверливались до обжига). Если это так, то перед нами чрезвычайно любопытный факт, устанавливающий местное производство терракотовых облицовок зданий Старой Нисы.

5. Фрагмент огромного аканта, высота которого, если реконструировать его в соответствии с пропорциями других акантов, достигала одного метра. Желтоватая терракота. На внешней стороне — следы обмазки алебастром толщиной до 1.5 *мм*. Обратная сторона нагрубо сформована; следов раствора нет. Сечение от 2 *см* (во вдавленных элементах) до 7 *см* (центральный прожилок);последний трактован в виде чешуек-лепестков, но без проработки рисунка. По назначению акант этот мог играть роль крупного антефикса.

По типу очерка лепестков аканты Нисы занимают промежуточное положение между acanthus spinosus и acanthus mollis: лепестки их несколько заострены, но в общем трактованы с известной округлостью выступающих и западающих частей. Принципиальное же отличие от акантов греко-римского зодчества заключается в отсутствии характер-

ных для техники обработки камня «петель» между пучками лепестков. По общему абрису и пропорциям они напоминают аканты эллинистического круга скорее, нежели чисто греческие или классически римские: аканты Олимпейона, отстроенного Коссуцием по поручению Антиоха Эпифана (175—164 г.г. до н. э.)[89]), помпеянских капителей II в. до н. э.[90]) и римско-тусских I в. до н. э.[91]). По общей трактовке формы и деталей аканты Нисы близки даже не столько к акантам архитектурных памятников, сколько к «акантизированным» мотивам украшения так называемых «мегарских» чаш III—II в.в. до н. э.[92]), или «ермолок» тех же эпох, широко представленных находками на юге России[93]). Характер нисийских акантов с несомненностью указывает на размещение их в горизонтальных рядах, без взаимного набегания смежных листов. Между прочим, такое «фризообразное» расположение акантов отмечаем на перечисленных выше капителях. Судя по тыльной стороне, аканты Нисы могли располагаться на плоскости, а не на округлой поверхности, то есть оформлять либо капители пилястров, либо плоскости фризов. Архитектура среднеазиатской античности знает и то и другое. Коринфизированные пилястры широко представлены памятникам первых веков до и после нашей эры — Гандхары[94]), Хадды[95]), Термеза[96]) и т. д. и прослеживаются вплоть до Восточного Туркестана[97]). К тем же эпохам относится ряд орнаментированных фризов, в оформлении которых основную роль играет вереница акантов: таковы некоторые фризы и наличники Хатры[98]), Айрытамский фриз[99]) и др. Мы должны, однако, заметить, что общая трактовка нисийских акантов отлична как от пронизанных духом римских художественных и технических традиций акантов Хатры, так и сильно трансформированных в сторону известной схематизации акантов кушанского зодчества. По существу стилистически аканты Нисы восполняют недостающее звено между теми и другими: в них намечается перерождение формы в новом материале и в иных эстетических нормах. Это — начавшаяся «варваризация» античного искусства на среднеазиатской почве, пользуясь термином Исидора Харакского — «парфянская стоянка» на пути развития эллинизма на Востоке, начавшегося, по существу, именно после утраты здесь власти эллинистических монархий — Селевкидов и греко-бактрийских базилевсов.

В коллекциях Музея Краеведения хранится фрагмент угловой волюты (рис. 10, Г). Материал — красноватая, с серо-черным перекалом в изломе терракота. На внешней поверхности баллюстры — следы алебастрового грунта; на спиралях его не заметно. Наибольший диаметр — 11 *см* двухкратный разворот спирали от округлого глазка; профилировка баллюстры начинается в уровне начала второго поворота спирали, выше поверхность не отделана; здесь, вследствие деформации при обжиге, образовалась вмятина, выравненная затем слоем алебастра. Волюта могла принадлежать скорее всего капители пилястра или колонны коринфизированного типа. По общему характеру она более всего напоминает образцы восточно-эллинистического круга III—II—I в.в. до н. э.[100]). Коринфизированные капители не чужды и парфянской архитектуре, каковы многочисленные примеры из Хатры (II—III в.в. н. э.)[101]); вместе с тем, капитель из Варка[102]) указывает на более старую традицию, связанную с принципами эллинистической архитектуры.

Другая волюта (рис. 10. Д) выполнена из плотного сырца с вкраплениями в небольших количествах мелких зерен алебастра. Окрашена желтой и красной охрой; окраска небрежная, с натеками на смежные плоскости. Волюта односторонняя лицевая, слегка (на 3 *см*) выступавшая из плоскости. Спираль с одинарным разворотом, контуры ее мятые, вырезаны от руки, не очень искусно, может быть без шаблона; возможно, что волюта принадлежала декору высоко расположенных частей постройки (несомненно интерьера), почему тщательности формовки ее не придавалось особого значения. Возможно также, судя по некрупным размерам и общности с нижеописываемой стелой, что она являла собой деталь какого-нибудь пластически оформленного саркофага, ниши и пр. Выпуклые части волюты окрашены желтым, вырезанные — красным; поверхность слегка выступающей баллюстры до середины красная, выше желтая. По характеру начертания волюта несколько напоминает сильно упрощенные абрисы «ионизированных» капителей парфянских памятников начала нашей эры — Варки[103]), Ашура[104]). Проблемы развития подобных капителей в парфянскую эпоху мы коснемся в дальнейшем.

Среди подобных же глиняных объектов из Старой Нисы заслуживает внимания интересная деталь, обработанная лишь с лицевой стороны. Материал — сырец; окраска черной, желтоватой и красной, различная консистенция которой дает 4 различных оттенка от бледно-розового до карминного. Форма — дугообразная, подчеркнутая рельефной закраиной желтоватого цвета, красной по контуру; в центре розетка на четырех сердцевидных лепестках, с четырьмя градациями высветленных к середине оттенков красного; основное поле — черное.

В описи Музея предмет обозначен как «верхняя часть надгробия из мавзолея» (предположительное толкование А. А. Марущенко). В SPA он именуется «спинкой трона сидячей статуи»[105]). Нам кажется, наиболее вероятным отождествление ее с вотивной стелой или частью стелы поминальной. По типу она несколько напоминает особую группу терракотовых предметов из Самарканда первых веков н. э., так называемых «заслонок». Типологически последние бывают прямоугольны и дугообразны. Назначение их пока окончательно не установлено; но судя по общности стиля и мотивов с оформлением оссуариев, они, повидимому, были связаны со среднеазиатским маздеистическим погребальным культом и может быть служили для прикрывания нишек-эдикул наусов, в которых помещался оссуарий или просто очищенные кости усопшего. Поверхности «заслонок» несут различные эмблематические изображения: шишку пинии, 8-лепестковые розетки, а также ряд мотивов, перерабатывающих сюжеты античности: листву акантов, колонку с волютами и с украшенной акантами базой и пр. Если описанный предмет из Нисы также имеет отношение к местному ритуалу маздеистических погребений, то он мог бы принадлежать обстановке упоминаемых Исидором Харакским «гробниц парфянских царей».

Украшение стен парадных комнат в зданиях Селевкии расцвеченным стуком (раскраска плоскостей, роспись) отмечается с так наз. II-го археологического уровня, начинающегося с 67/70 г. н. э.[106]). К этому времени относится также датировка фресок Кухи-ходжа. На стуке из Селевкии отмечается, между прочим, мотив четырехлепестко-

вой розетки, сердцевидные лепестки которой окрашены в красный цвет, а промежутки — зеленовато-голубым. Этот широко распространенный еще в древне-восточном искусстве мотив, о котором говорилось выше, встречен для той же эпохи в Дура-Европос и парфянском Ашуре (здесь розетта 7-лепестковая)[107]).

Раскраску стен и упомянутых деталей архитектурного декора зданий Старой Нисы, видимо, следует датировать соответственной эпохой — не ранее начала нашей эры. Подтверждение этому дает панель Красного коридора, почти идентичная по составу штукатурок и красок таковым же из погребальных камер некрополя Новой Нисы, датируемых весьма точно монетой Орода I (56—37 г.г. до н. э.). Для украшения каких-то архитектурных деталей Квадратного зала использовали тонкое листовое золото, чешуйки которого собраны были при раскопках 1-го отряда ЮТАКЭ. Судя по уровню их обнаружения, они принадлежали убранству верхних частей помещения. Здесь нельзя не вспомнить известное описание Аполлонием Тианским парфянского дворца в Вавилоне, где купол одной из зал был украшен сапфирами, на синем фоне которых блистали золотые изображения богов. Можно думать, что в Нисе, также как в упомянутом дворце, стены задекорированы были роскошными тканями, а полы застланы великолепными коврами (о прославленных парфянских коврах, отчасти, быть может, предках современных туркменских, упоминает Плиний), что и объясняет удивительную простоту оформления их, ограничивающегося простой глиняной или алебастровой смазкой.

Нам остается еще остановиться на каменных архитектурных деталях из Нисы. Помимо упомянутой торовидной базы и ступенчатого пьедестала, число их было пополнено ЮТАКЭ находками под полом Квадратного зала при вскрытии небольшого его участка. Здесь обнаружена была часть облицовочной плиты разм. 30×38×4.8 *см* (рис. 10, Ж) из серого, гладко отполированного песчаника, принадлежавшая, очевидно, пилястру, с восемью сохранившимися (их могло быть больше) каннелюрами, с плоскими «дорожками», с полуциркульным завершением каннелюр, в плане имеющих плоско-эллиптическое очертание. Последнее характерно для греко-ионического ордера более, нежели для римского, где каннелюры в плане представляют часть окружности. На тыльной стороне есть алебастровый раствор; снаружи, сохранились остатки какой-то более поздней алебастровой оштукатурки. Другой фрагмент представляет собой каменный блок, разм. 22×21 (высота) × 37 *см*, гладко отшлифованный, профилированный, с сильно вынесенной верхней полкой и S-образными боковыми контурами. Назначение неясно; может быть, это часть каменного наличника дверного проема, может быть, блок — заготовка для модульона, может быть, род консоли, тип которых известен по некоторым зданиям Хатры[108]).

На этом заканчиваем описание архитектурных форм и деталей из Старой Нисы.

2. Новая Ниса

Среди античных сооружений Новой Нисы II-м отрядом ЮТАКЭ было начато изучение комплекса погребальных сооружений парфянского аристократического некрополя в северо-западной части городской сте-

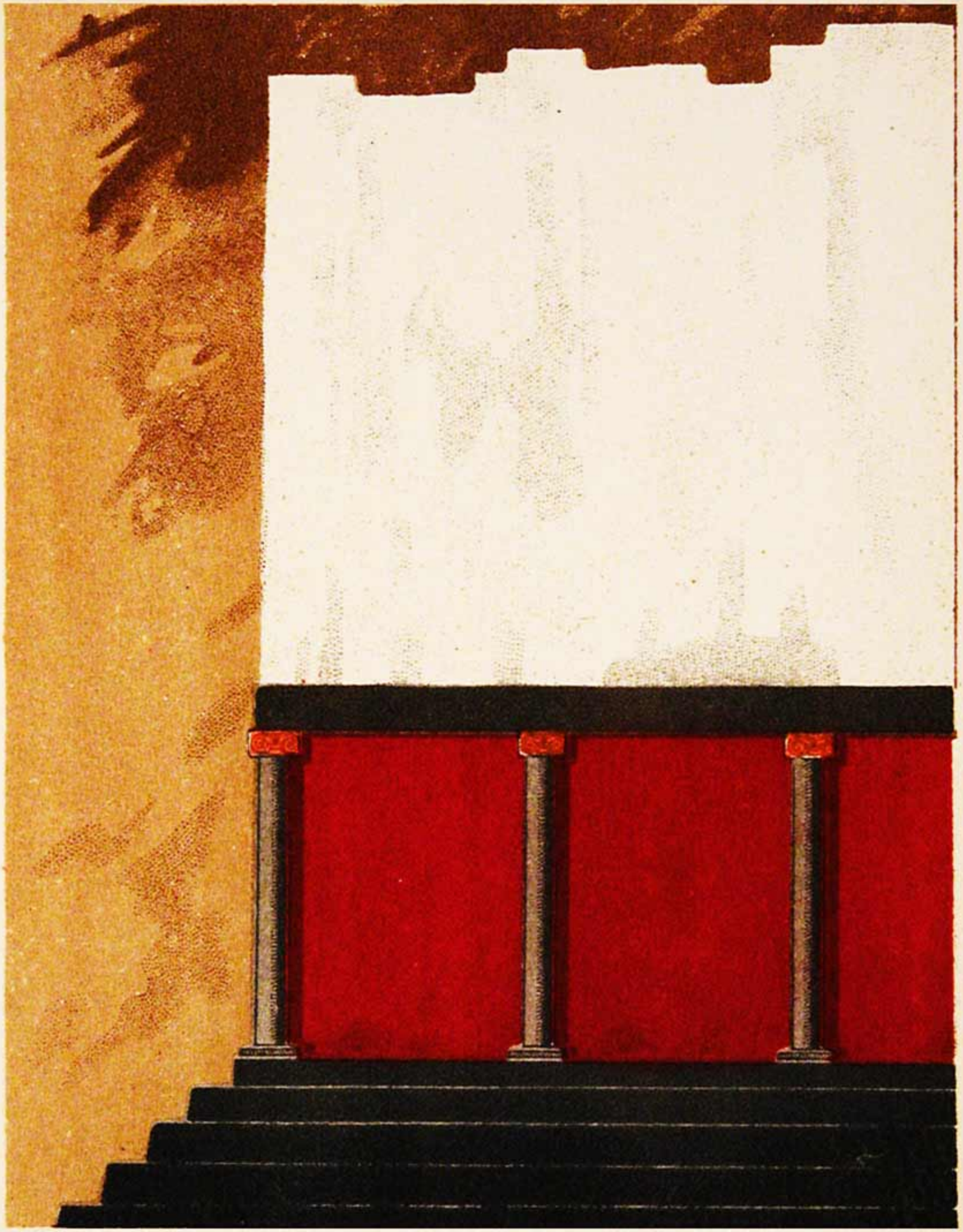


Рис. 14. Стена «Красной камеры»; реконструкция.

ны, датировка которых была в свое время уточнена находкой в одном из ненарушенных погребений монеты Орода I (56—37 г.г. до н. э.). Результаты обследования обнажений стенок погребальных камер, уровней древних полов и т. п., проведенного М. И. Вязьмитиной, излагаются в ее отчетной статье. Здесь мы коснемся лишь некоторых чисто архитектурных проблем.

В обкопанной жителями Багира части некрополя видны стенки нешироких камер, оштукатуренных то белым алебастром, то темно-малиновой краской. В одном из обнажений видны следы как бы отпечатавшейся на сырцовой закладке некогда бывшей здесь стенки погребальной парфянской постройки, где прослеживаются остатки красной окраски поверхности стены, два гнезда полуколонок, горизонтальное гнездо (фриза?) вверху и пятна черной краски внизу. Поверх этих следов былой стены — розоватый алебастр, на нем — комья налипшей глины и отпечатки кирпичей сырцовой кладки. Таким образом, реконструируется картина существования некоей сырцовой стены, оштукатуренной по глине алебастром и окрашенной поверх в красный цвет, с черной панелью, с рельефными полуколонками; в какой-то период перестройки городской стены Новой Нисы здесь была произведена сплошная закладка сырцом «парфянского» типа.

Сохранившийся к западу отсюда участок подобной стенки был объектом специальных расчисток отряда № 2. Здесь выявляется фрагмент сырцовой стены, шириной 3 *м*, поворачивавшей затем под прямым углом, так что декорированная плоскость была обращена в сторону города. Архитектурное оформление стены (рис. 13, 14) включает пяти-

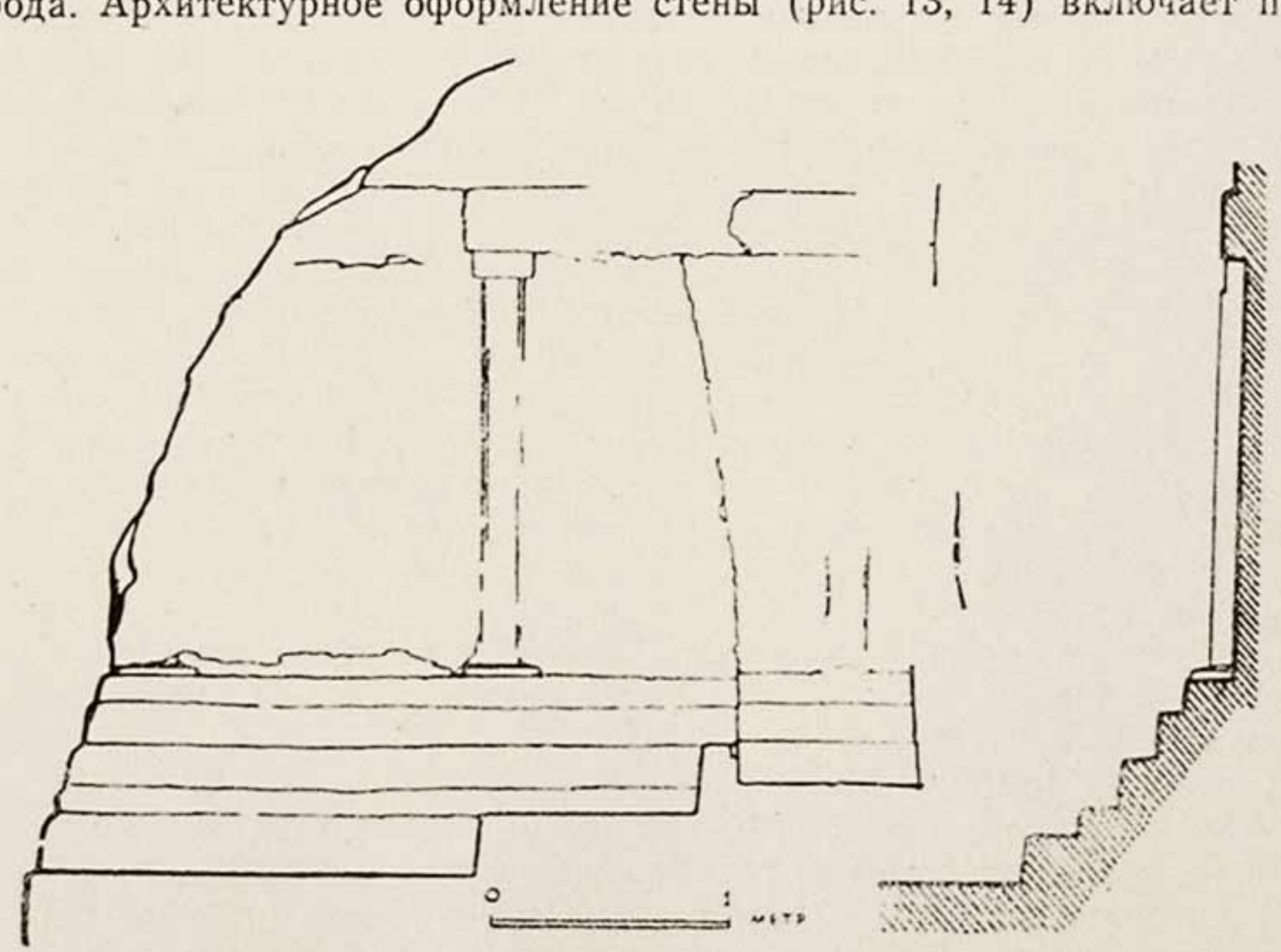


Рис. 13. „Красная" стена; современное состояние.

ступенное основание, общей высотой 95 *см*, полуколонки высотой 1.70 *м* с капителями, вырезанными на плоской терракотовой плитке и горизон-

тальную полосу фриза. Стены оштукатурены двойным слоем глины (2 и 1.5 *см*) и особым розоватым раствором алебастра с примесью крупногалечного песка, битой красноватой керамики и жженого кирпича и окрашена следующим образом: основная плоскость — малиново-красной, с залощенной поверхностью, ступени также красные; база и ствол колонны — черные, капитель — красная; «фриз», может быть, желтый, но скорее черный; сохранились незначительные следы той и другой краски.

Каково было перекрытие? В настоящее время ни остатков свода, ни гнезд балок не прослеживается. По аналогии с расположенной к востоку другой «красной камерой» пролетом 1.20 *м* и с описанной выше плоской сырцовой перемычкой Квадратного зала Старой Нисы, можно думать, что оно представляло собой отлогий сырцовый ложный свод или свод-перемычку, возведение которого было возможно при небольшом пролете и при специальном назначении погребальной постройки, — склепа заповеданной камеры. Указанием на последнее служат остатки полов, смазанных так же, как и стенки, слоем алебастра и окрашенных в красный цвет, — полов очень хрупких, непригодных для ходьбы.

Участок обследовавшейся постройки подвергался неоднократным переделкам. Первоначально у угла поворота стены возникла сырцовая перегородка, закрашенная так же, как и оставшийся открытым угол первой стены, в черный цвет. По всей вероятности эта новая стена также образовывала выступающий угол, судя по обрезу черной штукатурки, видимому в раскопе. Она ограничивала сводчатое помещение, перекрытое коробовым сводом «отрезками» (пролет 2.30 *м*). Кладка последнего начиналась от торцовой стены, выведенной со специальным наклоном для «отрезков» свода во внутрь около 75° и соответствовавшей внешнему фасу городской стены Новой Нисы. Но и эта камера подвергалась переделкам: она была заложена на высоту 1.60 *м* от пола сырцом и вымощена плитами хрупкого жженого кирпича размером 44×31×5 и 46×27×5 *см*. Подобные продолговатые плитки полов в некоторых археологических памятниках Мавераннахра отмечены в слоях, предшествующих эпохе арабского завоевания. Однако, Ж. де-Морган указывает на наличие их в греко-парфянских гробницах в Сузах, отмечая исключительное употребление их для вымостки полов[109]). Кроме того, первоначальная стена как бы во втором ярусе была оштукатурена белым алебастром и, видимо, оформляла какое-то внутреннее помещение. Таким образом, время бытования этого небольшого участка парфянского некрополя охватывает по крайней мере четыре фазы: II в. до н. э. («красная стенка»), II—III в.в. н. э. («черная камера», перекрытая сводом), период заброса, отображенный в многократных слоях наплывов глины, а затем закладки и вымостки ее в сасанидскую эпоху (М. Е. Массон считает, что это могло иметь место не ранее эпохи Фируза — V в. н. э.).

Архитектоника «красной стенки» весьма своеобразна. В идее это как бы миниатюрный псевдопериптер на ступенчатом стереобате, колонки которого являют восточный вариант праионического ордера. На этой проблеме следует специально остановиться.

Высота колонны 1.70 *м*, диаметр 15.5 *см*. Ствол без энтазиса, форма его в плане не вполне полукруглая. База представляет простой плинт с несколько скошенными гранями и отлогим скатом верхней плоскости

Капители выполнены на плоской терракотовой плитке размером 23×13×3—5 *см* (рис. 10, 3). Терракота красноватая, хорошего обжига, но весьма несовершенной формовки: линии контуров сильно искажены, поверхности деформированы. В настоящее время, помимо капители хранящейся в Музее, в нашем распоряжении есть еще две из сборов ЮТАКЭ. Все они выполнены по одному образцу, но резаны индивидуально, от руки и потому несколько отличны. Лицевая поверхность была покрыта красным ангобом, который слегка затек внизу и с боков; возможно, что это — покраска нанесенная уже после закрепления плитки на месте. Прикреплялась она, как показывают гнезда выпавших плиток и сами они, на глиняном растворе и на двух штырях, для которых в плитке высверлены отверстия. На плитке изображена ионическая капитель с упругой подушкой и волютами, имеющими троекратный разворот спиралей от круглого вдавленного глазка, с восьмилепестковой розеткой посередине, с невысокой трапециевидной абакой.

Изучение ионических колонн азиатского эллинизма привело некоторых исследователей к заключению, что применению их в селевкидской и парфянской архитектуре предшествовало сложение местного варианта типа колонны с украшенной волютами капителью. Развитие его Э. Херцфельд связывает не столько с традициями ближневосточного зодчества, то-есть не с оформленными волютами капителями, известными по ассирийским рельефам, и с колоннами эолийской или фригийской архитектуры, но с типичными архитектурно оформленными импостными блоками местной деревянной архитектуры, тип которых сохранен тысячелетиями в сельских жилых постройках Азии. Появление горизонтально связанного импост-волютного блока в монументальном зодчестве он относит еще к ахеменидской архитектуре, имея в виду колонны Кыз-капана и Да-и Духтара, датируемые этим исследователем VI в. до н. э. Однако, уже ионические колонны храма в Хурра Херцфельд рассматривает лишь как вырождение подобных «протоионических» средне-восточных капителей, преломленных через искаженно греческие формы. Самый памятник он относит к началу III в. до н. э.[110]). Б. Рауленд также усматривает стилистический источник «восточной ионики» в самостоятельном местном формотворчестве, восходящем к очень древним и крайне устойчивым формам народного строительства. Храм в Хурра он относит к середине III в. до н. э. и специально останавливается на анализе открытого Дж. Маршаллем Джандиаль-храма в Таксиле, оформленного ионическими колоннами[111]). Анализ стиля памятника и исторической ситуации приводит его к заключению о возведении здания в период парфянского владычества (II в. до н. э.) и о привлечении к работам, или во всяком случае руководству работами, греков[112]).

Нельзя миновать и других памятников парфянской ионики — например, упомянутых выше капителей из Варка, из Ашура (I—II в. н. э.). Первая представляет известный возврат к формам «протоионического» импостного блока, с раздельной обработкой волют, вторая, выполненная из стука, еще более видоизменяет форму, волюты ее представляют род боковых налепов, поддерживающих относ ступенчатой абаки. Мы считаем, что эти примеры являют собой отнюдь не дегенерацию греческих архитектурных форм, как их истолковывает

Э. Херцфельд, по радикальную переработку волютообразной капители в духе местной древней народной традиции. Капители из Новой Нисы занимают своеобразное место в ряду форм, несущих следы филэллинских и местных вкусов. В них нет каких-либо решительных видоизменений в целях создания нового типа, но они ближе именно к праионическим капителям Востока (Да-и Духтар), чем к классическим капителям ионического ордера Греции и Рима. Весьма показательно наличие розетки, являющей, возможно, вариант упомянутого, широко распространенного в парфянском искусстве, мотива (в частности и в Нисе) четырехлепестковой розетки с сердцевидными лепестками. По мнению Б. Рауленда, «с окончанием владычества последних греков в Индии ионический ордер исчез, чтобы быть замененным бесчисленными примерами явно римско-коринфских капителей»[113]). Концепция автора о «приносе» формы поклонниками греческой культуры явно тенденциозна. Органическое восприятие типа «ионизированных» колонн в странах азиатского мира, входивших в орбиту парфянской и кушанской культуры, не может быть объяснено одними влияниями завозных культурных явлений. На распространенность капители в виде оформленной волютами импостной подбалки указывает изображение их на некоторых согдийских оссуариях из Средней Азии первых веков н. э.[114]) и деревянные капители Восточного Туркестана[115]), наглядно подтверждающие наличие древней местной традиции. По сообщению М. Е. Массона, в Керкинском районе доныне имеются жилые дома с оригинальной дворовой планировкой, включавшие портики на колоннах, с подбалками, имеющими волюты и восьмилепестковую розетку в центре.

Что касается самого приема архитектурной организации «красных камер», то в них налицо некий интересный принцип пока еще почти невыявленной системы наусов восточно-парфянского погребального культа. По типу они отдаленно как будто напоминают Ипогей некрополя Пальмиры, где вдоль продолговатого зала перпендикулярно стенам расположена система узких вытянутых камер, наглухо заделывавшихся вдоль линии стены, оформленной в простенках полуколонками[116]). Подобное распределение погребальных камер отмечается и в Дура-Европос. Повидимому, наусы Нисы представляли менее стройный архитектурный организм чем Ипогей, слагаясь в течение многих десятилетий не по единому планировочному замыслу, но в меру потребностей организации новых погребений. Что касается приема оформления стены полуколоннами, перерабатывающими мотивы классических ордеров, то он отмечается в ряде памятников парфянской архитектуры (ср. храм в Варке[117]), некоторые мавзолеи Хатры[118]). Очень близка архитектурная идея нисийских наусов катакомбам юга России: ср. катакомбу II в. н. э., открытую в 1872 г. в Керчи, панель которой оформлена сильно «варваризованными» полуколонками, о которых лишь условно можно говорить как о формах ионического ордера[119]), и ряд других причерноморских катакомб, в оформлении которых большую роль играет тема пристенных колонок и раскраска в красный, черный и желтый цвет[120]). Методы оформления и раскраски архитектурных поверхностей Красных камер Нисы сближают их не с архитектурными росписями интерьеров тохаристанского круга (буддийские пещерные храмы и монастыри Бамиана, Термеза и др.), но именно с архитектурой Причерноморья

первых веков н. э. В литературе, между прочим, отмечалась тесная близость архитектуры керченских катакомб I—II в.в. н. э. с парфянскими погребальными камерами Пальмиры[121]).

Остановимся на вопросе о системе архитектурных пропорций анализируемой здесь нами Красной стены Новой Нисы. Обмер показал наличие определенных модульных соотношений в архитектонической разработке ее плоскости, причем модулем является диаметр полуколонн. Принцип построения ясен из чертежа (рис. 15). Особо отметим, что пропорции колонок очень стройны (1 : 11), превосходя нормы самых стройных ордеров античности. Мы объясняем это не просто декоративным характером пристенных колонн, но приверженностью к старой местной традиции стройных каменных стоек, пропорции которых восходят к деревянному прототипу, в камне уже представлены в колоннах ахеменидского зодчества и сохраняются еще в парфянский период. Укажем, что соотношения ионизированных колонн парфянского храма в Хурра дают те же нормы — 1 : 11. Та же особенность объясняет и очень просторный интерколумний ложной колоннады Красной стены Новой Нисы.

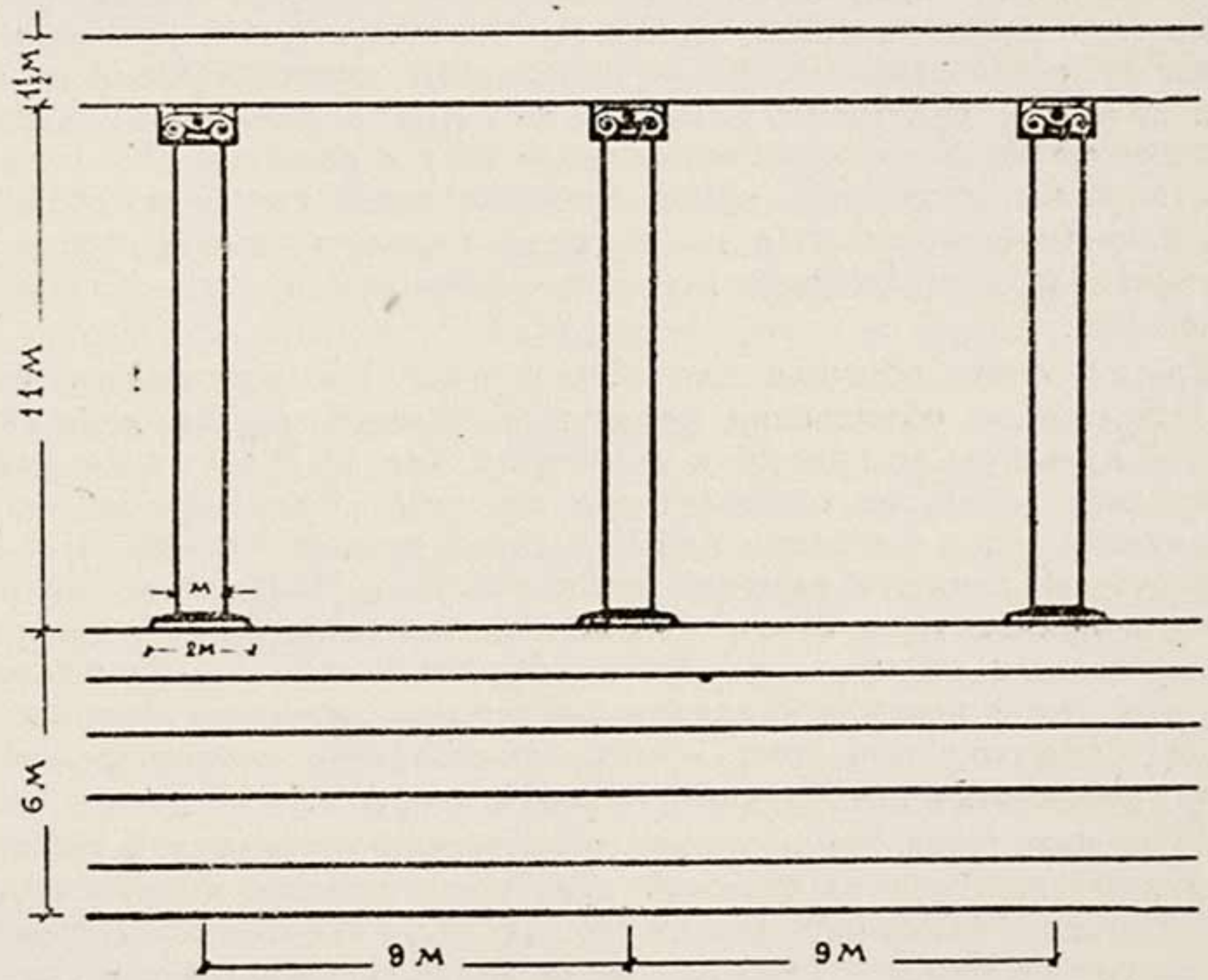


Рис. 15. Анализ пропорций „Красной стены".

Таковы основные выявленные материалы по парфянской архитектуре Нисы. Несомненно, что ответ на ряд проблем историко-архитектурного порядка, выдвигаемых ими, в значительной мере стоит в перспективе будущих археологических работ, которые несравненно обоснованней, чем всегда несколько шаткие данные «стиля», смогут уточнить этапы истории сложения архитектурных комплексов и эволюции форм, тогда как сейчас отсутствие в большинстве случаев для ранее добытых

объектов надлежащей археологической документации в большой мере обесценивает их, лишая того конкретного базиса фактов, который позволяет иногда по малому воссоздать значительное. И тем не менее, мы уже вправе подойти к некоторым обобщающим выводам и заключениям.

Несколько слов к проблеме стиля парфянской архитектуры.

Оценки парфянской культуры, сформулированные рядом крупнейших специалистов, весьма разноречивы и нередко диаметрально противоположны. Среди зарубежных ученых наиболее непримиримую позицию занимает уже в течение ряда десятилетий Э. Херцфельд. Характеристика парфянской художественной культуры, основанная по преимуществу на разборе памятников архитектуры, окончательно сформулирована в одном из его последних сводных трудов «Iran in the Ancient East». Четыре с половиной столетия арсакидского периода он рассматривает как неуклонную деградацию культуры, наметившуюся уже при Ахеменидах, как полнейший упадок архитектуры, декомпозицию скульптуры и вырождение живописи. «В конечном счете все три архитектурных ордера являли собой ошибочную интерпретацию греческих ордеров... Созданные произведения искусства напоминают рецидивы уже доисторических, примитивных ступеней; примитивность не юности, но импотентного возраста... Эллинизм, подготовивший западный мир к великому будущему, оказал на Иран самое разрушительное воздействие»[122]). Эти оценки поддерживаются и иными исследователями. «Эллинистическое влияние, преобладающее столь явственно с 250 г. до н. э., со временем клонится к упадку... эллинизм вырождается в род варваризации, и парфянское искусство вымирает вплоть до эпохи Сасанидов»[123]).

Другая, столь обычная для буржуазного искусствознания концепция, строится на объяснении различных явлений парфянской художественной культуры по принципу «влияний». Так. О. Ройтер в развитии парфянского зодчества отмечает две основных фазы: 1) эллинистическую, связанную с филэллинской политикой первых государей, и 2) несущую черты влияний римской архитектуры. Наиболее яркий этап эволюции архитектуры эпохи Арсакидов, запечатленный в исследованных комплексах построек в городах Месопотамии, он рассматривает лишь как некий возврат к древним ассиро-вавилонским традициям, не отрицая, однако, при этом таких достижений, как создание темы айвана, разработки конструкции тромпов и пр.[124]).

Несколько иные точки зрения решительно отстаивал в своих многочисленных штудиях парфянской культуры, правда, преимущественно на материалах Западного Ирана, М. И. Ростовцев. Парфянскую архитектуру он рассматривал как несомненное нововведение в сравнении с зодчеством Ахеменидов, как эпоху создания новых идей, которые были лишь развиты и дополнены при Сасанидах, усовершенствовавших их, но не внесших ничего принципиально нового. Оценки парфянских пластических и живописных архитектурных декораций, как «эллинистических в дегенерирующих месопотамских формах» он считает неосновательно преувеличенными, напротив, усматривая, например, во дворцах Хатры и Ашура, наряду с греческими элементами, иные, совершенно новые[125]). Н. Д. Дибвойз, базируясь на материалах археологических работ в Селевкии и сравнительных данных иных парфянских комплек-

сов, различает несколько хронологических этапов, из которых наиболее значимые приходятся на время 69/70—200 г.г. н. э. и представляют типичную парфянскую культуру, простиравшуюся от Ура до Ниппура и Орхоэ (Варки). Период этот, который в архитектуре отмечен развитием стуковых декораций и появлением айвана, он расценивает, как некую восточную реакцию и вторжение парфянского влияния в месопотамскую культуру[126]). Наконец, мы должны напомнить об имеющей большое принципиальное значение статье В. В. Бартольда, который, разбирая малообоснованные домыслы Хартмана-Стржиговского и полемизируя с Херцфельдом, выдвигает мысль о том, что политическое объединение Ирана под властью Арсакидов могло сыграть определенную роль в распространении на Запад элементов индийской, греко-бактрийской и затем буддийской культуры, но что вряд ли правильно было бы именно с парфянами и саками связывать культурные явления западных областей (Месопотамия), поскольку Арсакиды, якобы, ничего не сделали для поднятия культуры восточных областей[127]). Разумеется, число высказываний могло бы быть значительно увеличено, что отнюдь не входит в нашу задачу.

Решить этот сложный клубок проблем можно лишь на большом материале, который для парфянской культуры выявлен еще далеко недостаточно. Попытаемся наметить лишь те предварительные заключения, к которым подводят нас наблюдения над архитектурой Нисы.

Здесь намечаются некие хронологические этапы, характеризующие эволюцию архитектурного стиля, особенно ярко запечатленные в комплексе Старой Нисы, планировка которого очень сложна, а архитектурные части многократно нарушены.

Первый период — существования здания, украшенного каменными ортостатными и профилированными плитами, терракотовыми «метопами», акантами, оформленного кирпичными колонками и зубчатыми парапетами. Наиболее вероятная датировка — II столетие до н. э. Это постройка «филэллинского стиля», в создании которого принимали участие мастера, прошедшие выучку в архитектурных мастерских эллинизма (ср. каменную плиту облицовки пилястра с идеально выточенными каннелюрами, или львиную маску, выполненную в хорошей «драматической» манере эллинистической скульптуры), но работавших преимущественно в местном материале(терракота), перерабатывавших в духе иной архитектоники мотивы античного зодчества (аканты, орнаментированные плиты, «метопы»), использовавших элементы типично восточного архитектурного декора (зубцы парапетов с прорезями-стрелками), и, наконец, создавших новые изобразительные сюжеты (династические и культовые парфянские эмблемы). Нет надобности гадать о происхождении этих мастеров; даже если они были привозными, то роль их не столько в «ознакомлении» парфян с культурными достижениями эллинизма, просачивание которых на Восток имело место уже при селевкидах, сколько в активном формировании нарождающегося нового стиля.

Следующий этап запечатлен в архитектуре Красных камер и зафиксирован манетой Орода I (56—37 г.г. до н. э.) из нетронутых погребений, но безусловно продолжался и дальше. Это время интенсивной жизни античного города со значительным населением, когда у северо-

западного участка его стены складывается комплекс некрополя парфянских аристократических семейств. Это эпоха, когда эллинизм отнюдь не изжит, но когда он претерпевает известные трансформации, в духе его дальнейшей ориентализации. Подобно тому, как Ород I пишет на греческом языке исторические сочинения и трагедии, эстетика искусства правящих классов передается на языке эллинизированных архитектурных форм. В эпоху, почти предшествующую написанию Витр у в и е м архитектурного трактата, в котором две главы посвящены архитектурным ордерам, принявшим в западном строительстве нормативный характер, здесь эволюционирует та особая «азиатская ионика», распространение которой на Востоке знаменует смешение эллинистического и местного и которая характеризуется своеобразием форм и методов пропорциональных построений. Здесь намечается связь со скифо-сарматской культурной стихией юга России, связь протекавшая скорее не столько в плане непосредственных общений, сколько определенного торжества культуры собственно парфян и этнически родственных им саков.

Третий этап, следующий непосредственно за предыдущим, отображен в развернутом строительстве на Старой Нисе и охватывает конец I—II в.в. н. э. Это период торжества собственно-парфянской культуры, растворившей в себе эллинизм, период так называемой «варваризации», ярко запечатленной в чекане парфянских монет, в действительности же торжества местной народной традиции, великолепным выражением чего, по мнению ряда видных исследователей, явилась запись передаваемой до того изустно Авесты. Это время, когда ранние постройки на Старой Нисе уже пришли в упадок, когда ставшие ненужными, видимо, в связи с формированием новых архитектурных традиций, каменные детали попадают под пол вновь отстраиваемого Квадратного зала, когда кирпичи разрушенных старых колонн идут на вымостку мощных платформ под базами четырехлопастных столбов или, с соответствующей отеской, на кладку оформляющих стены зала полуколонн, а «метопы» либо закрепляются наново на восточном фасаде, либо употребляются в кладку кирпичных гнезд этих полуколонн. В эту эпоху, хотя возможно и в течение нескольких строительных периодов, возникают величественный Квадратный зал и Красный корридор, яркая окраска которого так напоминает стенки Красных камер, северная группа построек с двумя колонными портиками и двором, парадная лестница, шедшая от (предполагаемой) террасы восточного фасада центральной группы к Восточному портику. На интенсивное использование этих зданий указывают неоднократные ремонты (до четырех слоев штукатурок). С точки зрения эволюции стиля, мы отмечаем с одной стороны несомненно высокое, уверенное строительное мастерство, создание кирпичных стоечных конструкций наряду с применением в коридорообразных помещениях коробовых сырцовых сводов «отрезками», с другой — определенную «антиэллинскую» реакцию в общих архитектурных решениях при сохранении лишь отдельных введенных ранее архитектурных форм, но с радикальной их переработкой (базы колонн).

Архитектура Квадратного зала живо говорит о связи с западно-парфянской традицией. Мощные кирпичные на алебастровом растворе колонны, покоющиеся на кирпичной же платформе, можно указать,

например, в здании парфянской эпохи на холме Амран в Вавилоне[128]); кирпичные полуколонки оформляют стены парфянских зданий Варки[129]); нет надобности напоминать о распространенности здесь столпных кирпичных конструкций еще в шумеро-аккадской архитектуре, где, например, дворец в Телло заключал зал с четырехлопастными столбами, подобными нисийским). Раскрепованные пилоны, оформляющие западный фасад Квадратного зала в Нисе, также имеют некоторые аналогии в месопотамском строительстве ср. храм Вусвас в Варка[130]), некоторые стенки из некрополя этого города, особенно оформление входа в так называеный храм Иштарь в Вавилоне[131]) и др. Заметим, однако, что если месопотамские памятники имеют несколько измельченную раскреповку стен, то в Нисе тот же мотив передан в монументализированных пропорциях. Развитие сырцовых сводчатых систем в Нисе также идет параллельно со сложением их в Селевкии, Ашуре, Ниппуре и др. Все это побуждает отвергнуть выдвинутый В. В. Бартольдом тезис, гласящий, что: «После перенесения столицы парфянской державы на Тигр в Селевкию и Ктесифон, связь династии с ее восточными областями должна была ослабеть»[132]). Архитектурные памятники Нисы показывают, что если она является одним из окраинных северо-восточных пунктов этого арсакидского государства, и что если ход ее архитектурного развития был иным, нежели в областях, входивших в орбиту кушанского культурного круга, то от Нисы, вместе с тем, протягиваются на восток те нити культурных взаимосвязей, которые позволяют говорить о наличии широкого историко-культурного понятия «азиатской античности», хотя, при всем том, при изучении двух основных линий зодчества, — «парфянской» и «кушанской», Ниса и, скажем, Термез вырисовываются в свете контрастных явлений скорее, чем однородных.

Весьма интригующим является вопрос о предназначении Квадратного зала. Предлагавшееся ранее истолкование его как мавзолея Арсака и Тиридата ничем не подкреплено. Между тем, не говоря уже о том, что установленный работами ЮТАКЭ сдвиг датировки к I—II в.в. н. э. исключает его связь с первыми арсакидами, весьма сомнительной представляется трактовка этого сооружения именно как мавзолея. Все, что известно о принципах погребального культа у парфян (туфлеобразные гробики в западных областях парфянского мира, положение костей под дорогой тканью в погребениях Новой Нисы, видимо, характерное для областей северо-восточных) говорит за устройство погребальных наусов (ср. «красные камеры» Новой Нисы). Архитектура этих наусов — как изолированных потайных построек у массива городской стены в идее своей может быть связана с архитектурой скальных гробниц. Несомненно, во всяком случае, что даже при наличии какого-то династического науса парфянские цари должны были устроить его в сохранном месте; соблазнительно думать, что может быть его некогда вскроют последующие археологические работы на Нисе. Типологически же, по характеру плана, Квадратный зал может быть отожествлен с храмом или скорее всего аудиенц-залом дворца. Четырехстолпный квадратный храм отмечен еще в Месопотамии (храм Ваал-шамина)[133]), а затем в ряде зороастрийских храмов огня ахеменидской эпохи (Сузы)[134]) и парфянской (храм в Гирра[135]), храм огня в Кухиходжа и к северу от Биджапура)[136]). Впрочем, нельзя не отметить,

что не для всех названных построек окончательно доказана именно храмовая функция. Обнаружение при прежних раскопках Нисы в комплексе центральной группы небольшого стеатитового алтаря, по форме сильно напоминающего алтарик из храма в Кухи-ходжа[137]), еще не аргументирует здесь наличие культового здания. Принцип тройного портального входа хорошо известен в оформлении фасада сасанидского дворца в Сарвистане (V в.)[138]), а четырехстолпный квадратный зал мы отмечаем в хронологически и стилистически близких нисийскому комплексах парфянских дворцов Ашура и Ниппура[139]). Развитие темы парадного зала, оформленного кирпичными столбами, можно проследить и в Тепе-хиссар близ Дамгана — (III или V в. н. э.)[140]) и значительно позднее, в средневековье (дворец термезских правителей XII в.)[141]); все это позволяет склониться к мнению, что Квадратный зал был именно дворцом.

Принадлежность построек северной группы к дворцовому комплексу почти несомненна. Наличие двора и колонных портиков напоминает парфянские дворцы Ашура и Ниппура; комнаты с хумами и с бытовым очагом также не противоречат этому предположению.

Следующий период, идущий также непосредственно за третьим, связан с возведением построек южной группы комплекса Старой Нисы. Он отмечен с одной стороны, несомненно, известной грандиозностью замыслов и дальнейшим развитием сырцовых сводчатых систем, но вместе с тем известным огрублением деталей. Это также время ремонтов и некоторых перестроек центральной группы: оштукатурка стен, закладка проемов, закладка сырцом пришедших в упадок полуколонн Квадратного зала, первоначально может быть даже пристройка его уступчатых пильеров, замена выпавших терракотовых профилированных деталей алебастровыми и пр. Возможная датировка — конец II — начало III в.в. н. э. Архитектура эта несет уже новые тенденции; она как бы предвосхищает монументальные комплексы сырцовых башенных и сводчатых построек Хорезма периода высокого значения здесь военно-родовой аристократии, предшествующего оформлению ранне-феодальных отношений.

Что касается истолкования зданий южной группы, то для высокой прямоугольной башни можно принять объяснение А. А. Марущенко, что это был храм (типологически нечто вроде зиггурата), может быть, род монументального основания для алтаря огня. Назначение круглого здания, расположенного в юго-западном углу комплекса, смогут уточнить лишь раскопки. Осмысление его как мавзолея, где, якобы, находились многочисленные статуи из алебастра (сведения А. А. Марущенко), ничем не подтверждается. Очень соблазнительной кажется мысль М. Е. Массона о возможности истолкования этого здания как дахмы, своей круглой формой, замкнутостью плана, размерами действительно сильно напоминающей «башни молчания» последователей зороастризма — парсов. Однако, такое объяснение вероятно лишь при условии полного прекращения ко времени возведения этой дахмы жизни на Старой Нисе и превращения городища в особый заповедник[142]). Не было ли круглое здание именно храмом, планировочная связь которого с башней для возжигания священного огня вполне оправдана? Мы не можем не вспомнить при этом выявленного археологическими работами в Таксиле, в сложном комплек-

ее правильно организованных построек, здания «Абсидального храма», в котором обращает внимание круглое, значительного диаметра помещение с толстыми стенами; храм относится ко «второму парфянскому слою» (по Маршаллу), возникшему на развалинах старых зданий скифо-парфянского периода[143]). Круглый зал Нисы мог представлять собою своеобразный «Пантеон» со статуями богов.

Видимо, вскоре наступает период заброса здания: отсутствие ремонтных переделок в южной группе указывает на непродолжительность ее бытования. Очевидно, покинутый комплекс стоял так значительное время; во всяком случае мощное землетрясение, которое, по мнению М. Е. Массона, могло быть зафиксированным в письменных источниках разрушительным землетрясением 454 г. в Хорасане, обрушило, уже утратившие к этому времени верхние части, столбы Квадратного зала и колонны портиков северной группы, а на них рухнули верхние части кладки сырцовых стен. Заброшенное здание подверглось некоторым перестройкам лишь к XII столетию, когда имело место специальное разрушение верха стен и заравнивание верхней площадки для возведения здесь сырцовой постройки. Последняя имеет документально-исторический интерес в большей мере, чем историко-архитектурный, а потому мы ее в нашей статье не касаемся.

В заключение хочется отметить, что решение ряда проблем парфянского зодчества при последующих археологических работах на Нисе можно ожидать не только, и может быть, даже не столько от парадного комплекса на территории царского курука-заповедника в акрополе Старой Нисы, сколько в ансамбле большого античного города — парфянской Нисайи, погребенного под многометровой толщей культурных наслоений Новой Нисы.

2. ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

1. Баня в цитадели

О существовании остатков древней бани на городище Новая Ниса стало известно уже в 1936 г., когда непрекращавшийся разнос культурных слоев городища на удобрение полей обнажил в центре «верхнего города» — т. е. в цитадели остатки каких-то стенок, правильно оформленных «ванн», пола, смазанного серой штукатуркой. Археологи, правильно определив назначение здания, как бани, сочли ее за позднюю постройку XVI или скорее XVII в.в. и хотя произвели некоторые расчистки, но в общем не проявили к ней должного интереса, не зафиксировав ее ни в описании, ни фотографически. Ко времени работ ЮТАКЭ остатки стен претерпели дальнейшие значительные разрушения, видимые на поверхности следы их оказались столь ничтожными, что даже отыскать местоположение здания было нелегко.

А между тем, сохранившиеся на стенах остатки живописи сами по себе оказались столь интересными, что раскопки бани были немедленно включены в план полевых работ ЮТАКЭ.

Не приводя подробных данных о производившихся археологических вскрытиях, отраженных в отчетной статье М. И. Вязьмитиной, отметим основное. Вскрытие обнаружило остатки северной части одного из помещений бани; вся южная группа былых сооружений была разнесена до

1946 г. ниже уровня основания бани; к северу же остатки стен уходят за многометровую толщу еще не срытых жителями Багира напластований. В завале подвергнутого раскопкам помещения бани четко выявилось два слоя: верхний — мешаный, рыхловатый, со включениями различных фрагментов керамики (от XII до XVI в.), гальки, комковатой глины разрушенных построек, и нижний, мощностью около 80 *см.*, заключающий в уплотненной лессовой массе однородный археологический материал, аналогичный добытому в керамическом комплексе из раскопок стены Новой Нисы с монетами хорезмшаха Текеша. Создается впечатление, что баня обязана разрушением может быть не столько времени, сколько какому-то катастрофическому событию, когда, судя по состоянию сохранившихся стен и резервуаров, баня была еще в хорошем состоянии. Может быть таковым было разрушение Нисы хорезмшахом Мухаммедом (начало XIII в.), или обстоятельства монгольского завоевания. Что касается датировки сооружения, то она определяется небольшим, но выразительным комплексом керамики, вцементированной среди раствора кирпичной кладки топочного отверстия (может быть во время последнего ремонта). Здесь оказались фрагменты чашки золотистого рейского люстра XII в. и фрагменты голубых и зеленых поливных черепков того типа, появление которого в керамических комплексах Нисы, как показали материалы ЮТАКЭ, отмечается не ранее XI—XII в.в. Судя по многократным ремонтам штукатурки, баня существовала значительный отрезок времени, но, видимо, в пределах единой культурной эпохи, на что указывает общность остатков живописи на первой и на седьмой обмазке стенок «ванн». Время функционирования бани, видимо, заключено в основном, в пределах XII столетия.

Материал внешних и некоторых внутренних стен — рваный бут (размеры камней от 15 до 60 *см*), вперемежку с обломками кирпича, на глиняном растворе. Перегородки двух бассейнов сложены из кирпича несколько странных пропорций (24×22×4.5 *см*) на великолепном гидравлическом растворе; стенка-барьер, отделяющая южную нишу бани выполнена плотной глиняной забивкой, с обмазкой понаруже тем же раствором. Штукатурка стен внутри помещения и особенно обмазка полов выполнены с большой тщательностью (чего нельзя сказать по поводу кладки стен). Материалом служил особый гидравлический раствор серого цвета, видимо, алебастр с добавкой кыра[144]) или золы. По крепости этот раствор не уступает современному цементному.

На стенках прослеживается до 14 штукатурок различной толщины — от 1 до 24 *мм* и различного типа — от сероватого раствора, напоминающего смазки пола, до чисто белого «гуль-ганча», по которому нанесена живопись. Последняя сохранилась на первом и на седьмом слоях; на седьмом — значительно хуже; кроме того в нее так прочно вцементировалась следующая обмазка, что выявить живопись не представлялось возможным. В целях сохранения этого интереснейшего памятника монументального изобразительного искусства, ЮТАКЭ была предпринята кропотливая работа по выбиранию стенки, на которой была нанесена живопись, постепенному наращиванию взамен нее алебастровой цемянки и затем снятию распиленной на три части фрески. Разумеется, в предвидении возможного неожиданного разрушения была предварительно произведена графическая фиксация.

План бани (рис. 16) ориентирован почти точно по странам света и был, повидимому, крестообразным, с нишами на осях. Сохранилась южная половина зала с пятью резервуарами, которые прежде ошибочно трактовались как ванны. При кажущемся сходстве их с ваннами европейского типа, это, несомненно, устройства иного функционального назначения. Отсутствие у дна или в стенках какого-либо отверстия для стока воды, затрудняющее процесс их опоражнивания, значительная высота перегородок над уровнем пола (до 1.20 *м*), при которой крайне трудно вскарабкаться во внутрь, незначительные размеры резервуаров, расположение их в разных пространственных планах, на различной высоте от прохождения отопительных каналов, все это исключает толкование их как ванн для купанья. Напротив, эти именно обстоятельства, а также наличие живописи, наличие в верхнем ярусе с южной стороны

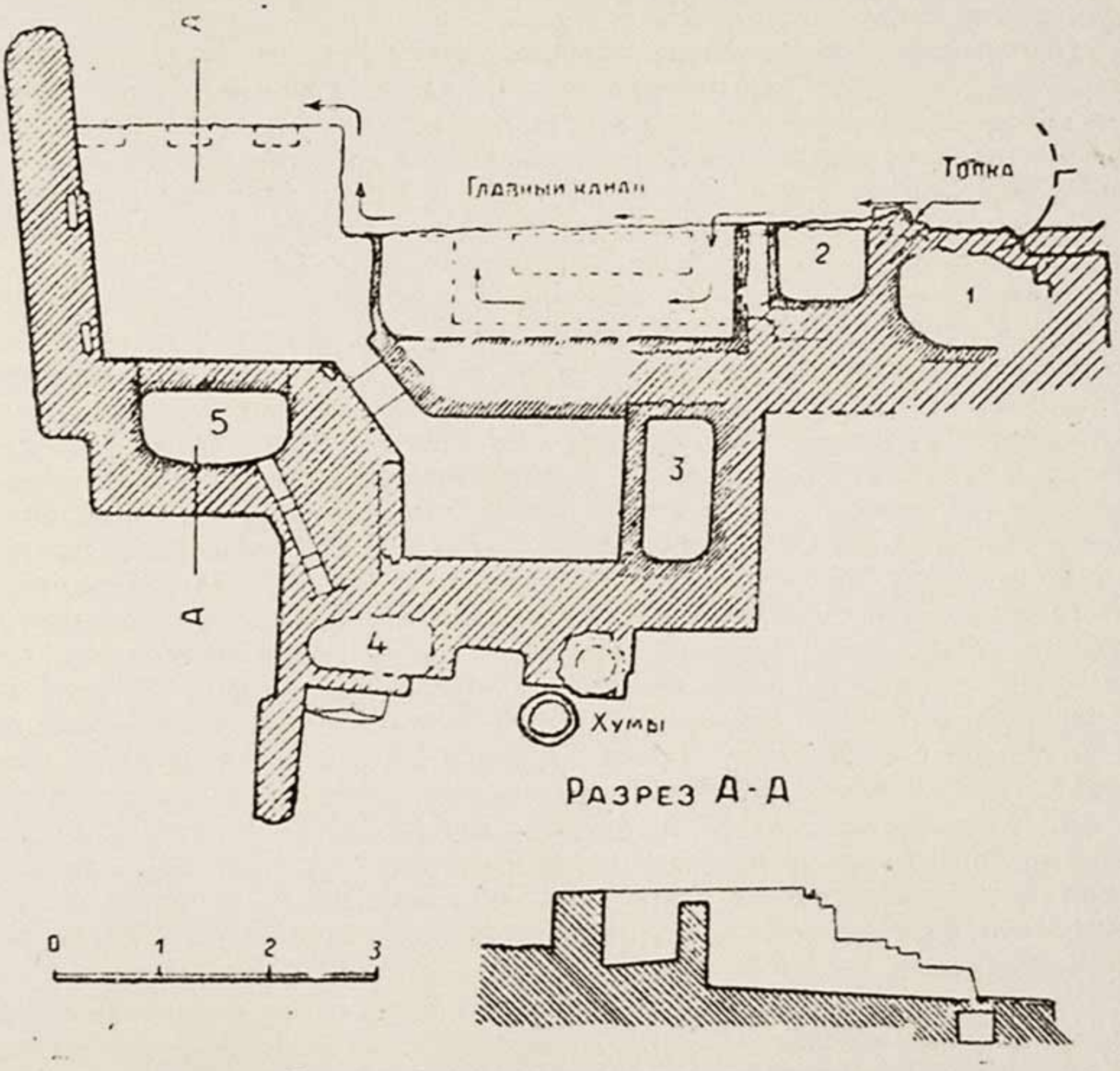


Рис. 16. Баня в цитадели; план, разрез.

двух хумов, один из которых содержит на дне толстый слой очищенной золы, а другой обмазан по внутренней поверхности коричневатой коркой цементирующего вещества, — все это указывает на особый характер этого помещения, где, повидимому, в специальных резервуарах со-

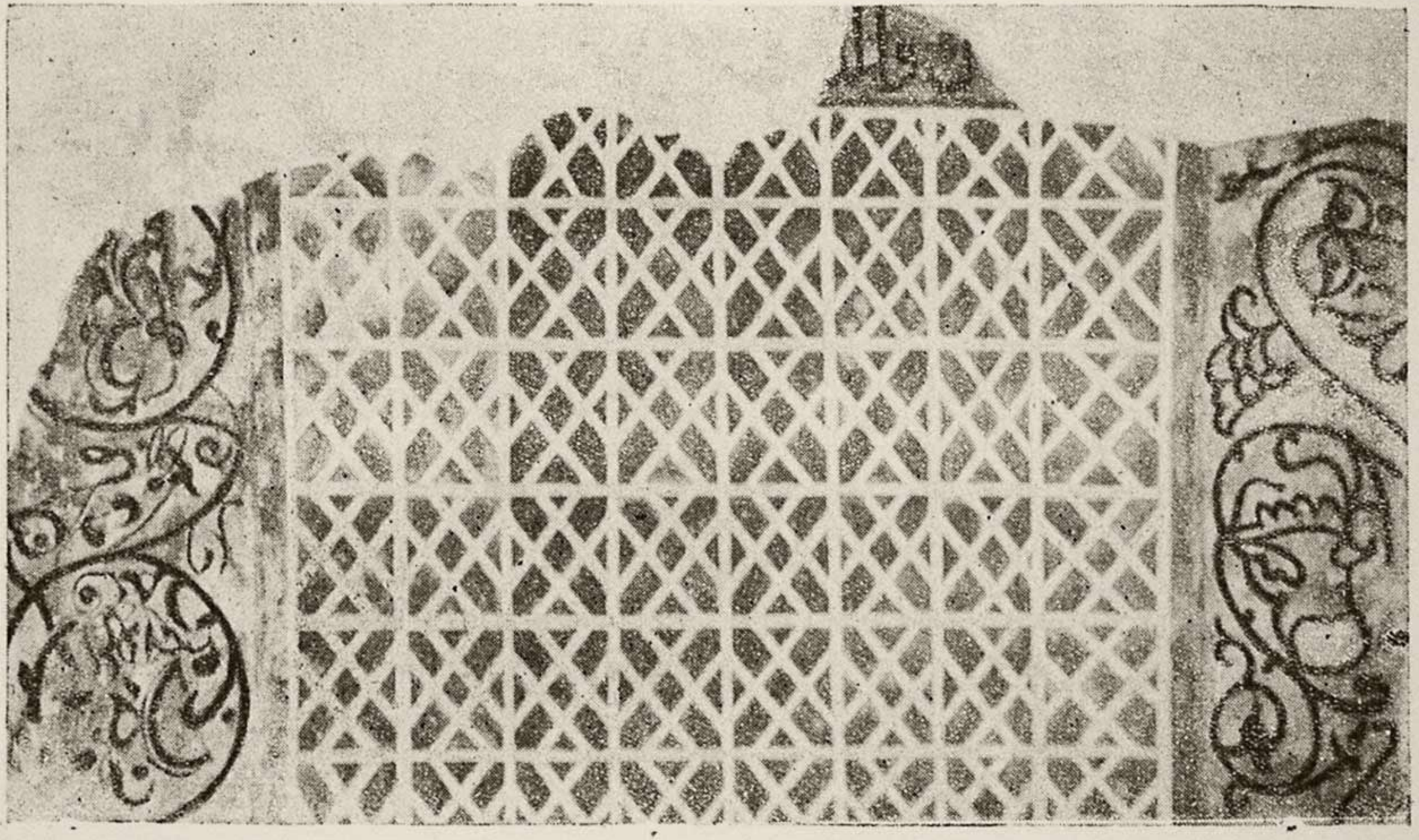


Рис. 17. Живопись на стенке резервуара бани.

держались всевозможные настои, ароматические воды, щелок и пр. В зависимости от надобности эти вещества подогревались или наоборот, сохранялись при обычной температуре; зачерпывались они чашей прямо из бассейнов. Здесь, видимо, производились заключительные операции омовения, после которых посетитель направлялся в комнату для кейфа. Учтем, что баня эта едва ли была рядового характера. Расположение ее в пределах цитадели указывает, что она должна была обслуживать особо изысканный круг посетителей, может быть двор самого правителя или его гвардию и приближенных.

Указанные бассейны имеют прямоугольную с округленными краями форму. Средний размер их 1.40×80 *см*. В расположении зала отмечаем как бы четыре яруса: 1) нижняя площадка с покатым в северном направлении, полом; 2) бассейны № 2 и 3; 3) бассейны № 1 и 4; 4) бассейн № 5 и хумы.

Пол первого яруса имеет значительную покатость в северном направлении. В южной части подчеркнуто выделена как бы самостоятельная ниша, отделенная стенкой — барьером, причем в отделяющем ее проходе сделан род округлой ступеньки, под которой оставлено отверстие для стока из ниши вод. Между 4-м и 5-м бассейнами проложена гончарная труба: наливавшаяся вверху вода поступала затем в нижерасположенный резервуар.

Топка, округлой формы, сохранившаяся наполовину, находится с восточной стороны и, повидимому, лежит на оси помещения. Сложена она из кусков кирпича на глиняном растворе, в котором, как отмечено выше, попадаются фрагменты средневековой керамики и стекла, превратившегося от воздействия высоких температур в труху. Отсюда направляется главный топочный канал, отграниченный, сложенными из обломков кирпича и камня, стенками. Отсюда же наклонно, вправо, вверх идет небольшой канал, обогревавший бассейн № 2 (дальнейшее направление его не прослежено, так как это вызвало бы необходимость разрушения кладок). От центрального отопительного канала ответвляется ряд дополнительных каналов, равномерно обогревавших пол (ср. чертеж). Перекрытие их осуществлено плашмя положенными кирпичами. В наружных стенках отмечены остатки вертикальных теплоходов; для них в толще стены сделан канал, который по внутреннему фасу стены наглухо изолирован или плашмя вертикально поставленными кирпичами огромного размера (55×55×6—7 *см*) и превосходного обжига, или кусками толстостенной бытовой керамики. Кирпичи указанного размера в большом количестве собраны были на площадке бани перед раскопками, что показывает на значительность их применения. Все каналы покрыты густым слоем сажи.

Роль бани в общественной повседневной жизни среднеазиатского города хорошо известна. Это — санитарно-гигиеническое учреждение, но это также комфортабельное место отдохновения. А. Мец, усматривая в возникновении восточных бань связь с античными термами, подчеркивает, что в строительстве бань «ислам» развил наследие греко-римского мира, в противовес традиции Ирана, где, например, при Сасанидах жрецы строго осуждали купанье, а тем более строительство купальных учреждений, усматривая в этом осквернение священной стихии воды[145]). Однако, если это справедливо в отношении Ирана, то в Сред-

ней Азии бани, очевидно, были в большом употреблении и до арабов. Косвенным указанием на это служит тот факт, что Кутейба, по взятии Бухары, распорядился отдать арабам доход с общественных бань города; подобная мера могла бы иметь смысл лишь при значительном количестве и при широком пользовании банями Бухары. На ближнем Востоке уже при Аббасидах строительство бань приняло невиданный размах: в X в. в одном только Багдаде их насчитывалось 10.000[146]). Повидимому, в Хорасане употребление их было не менее значительно. Макдиси (X в.) в своем географическом сочинении с большой похвалой отзывается о прославленных банях Мерва и Нузвара, т. е. именно о северно-хорасанских, и с порицанием о банях Нишапура и Туса, которые-де были очень нечисты[147]).

Баня Нисы впервые дает нам представление об этого рода постройках в северном Хорасане. С точки зрения архитектурного типа она не имеет прямых аналогий в выявленных к настоящему времени древних банях Средней Азии, да и вообще Востока. Из близких по времени памятников следует называть баню сельджукской эпохи в Нигаре (к югу от Кермана), заключающую крестовидную в плане раздевальню, восьмигранное помещение «теплых бань», к которому примыкает парильня и «горячая баня»[148]). Караханидская баня древнего Тараза (видимо, конец X — начало XI в.в.)[149]) в плане представляет прямоугольник, заключавший несколько прямоугольных же комнаток[150]). Радикальное отличие нисийской бани — в наличии целой группы ваннообразных резервуаров. В таразской бане отмечен только один небольшой бассейн. Между тем в некоторых хронологически более поздних восточных банях мы отмечаем применение таких резервуаров: не ванн, но вместилищ для всевозможных специальных жидкостей. Можно указать, например, на бани Эль-Муайяд в Каире (XV в.), имевшие горячее помещение округлой формы, к которому примыкало несколько ниш с резервуарами[151]). Последние отмечаем также в золотоордынской бане XIV в. из Булгар[152]), где они расположены в глубоких нишах главного моечного крестообразного помещения и в смежных комнатках; впрочем, величиной они значительно уступают «ваннам» нисийской бани. Заметим, что сохранившиеся древние бани Самарканда, Бухары, Шахрисябза, Балха и др., датировка которых (без учета поздних ремонтных переделок) восходит по преимуществу к XV—XVI в.в., имеют иную планировку: в них обычно топочному устройству соответствует расположение крупных бассейнов — для горячей воды в центре, для холодной и теплой вправо и влево от него[153]). Устройство «ваннообразных» резервуаров для них абсолютно не свойственно.

С точки же зрения отопительных и жаропроводящих устройств бани Нисы имеет аналогии в территориально отдаленных банях Тараза[154]), Анберда [155]), Булгар[156]) и др. Видимо, распространение общих строительных приемов на Востоке в эпоху развития феодализма привело к известной унификации их в разных странах.

Значительный художественный интерес представляет стенопись нисийской бани. Она прослежена на стенках резервуаров, хотя, возможно, украшала также стены и перекрытия. Выполнена она на подслое алебастровой обмазки, видимо особыми, неразлагающимися под воздействием водяных паров и постоянной сырости, красками, на каком-то

специальном влагоустойчивом растворителе. Выяснить секрет этих красок — благодарная задача, стоящая перед химиком, решение которой несомненно будет иметь не только познавательный, но и чисто практический интерес. Цвета красок: желто-оранжевая, киноварно-красная, черная и белая; последняя непрозрачна и употребляется при окончательном наложении рисунка, поверх всех остальных. Отметим, что палитра красок таразской бани несколько иная: в сохранившихся нижних участках, украшенных геометрической живописью стен, употреблены цвета — красный, желто-оранжевый, серый, контуры обведены черной, а среди упавших сверху фрагментов встречаются куски с растительной орнаментацией, где преобладают голубые, синие и оранжевые тона[157]). Что касается сюжетов росписи, то в бане Нисы отмечаются мотивы геометрические, растительные и эпиграфические. Приведем описание открытых ЮТАКЭ наилучше сохранившихся участков живописи на стенках двух резервуаров.

Резервуар № 3 (рис. 17). Вверху горизонтальный бордюр с надписью, выполненной черными буквами по желтому фону; почерк насх; сохранились фрагменты трех слов. М. Е. Массон реставрирует их как «са'адат ва давлят», т. е. благопожелание: «счастье и могущество (да будет с вами!»). Основное поле стенки подразделено на три части. Две узких по бокам заключают стилизованную растительную роспись черным на желтом фоне — мотив извивающегося побега с отходящими усиками, стилизованными «лотосами», листами, завитками (сложный «ислими»); среднее, почти квадратное панно красного цвета несет выполненный белой краской геометрический орнамент, в виде сетки квадратиков, содержащих крестовидные фигуры, образовавшиеся на другой диагональной квадратной сетке.

Резервуар № 5. Черный фон, геометрический орнамент, выполненный: белым. «Гирих»[158]) построен на сетке квадратов и их диагоналей и представляет систему восьмигранников и динамически обегающих их (в принципе свастики) полигонов-полузвезд (рис. 18). По мнению Л. И. Рempеля, исходную фигуру построения представляет 8-конечная звезда, хотя может быть проще считать ею основной квадрат (раппорт) гириха (ср. чертеж).

С точки зрения стилистической, росписи нашей бани не имеют себе прямых параллелей. В хронологически близком памятнике — бане Тараза орнаментация значительно примитивней, что может быть следует объяснить известной провинциальностью стиля этого памятника, хотя возможно также, что это отличие локального характера, одно из тех, которые иллюстрируют особенности феодального зодчества XI—XII в.в. Семиречья и Хорасана. Вообще же развитие геометрического орнамента входит широко и почти повсеместно именно в XI—XII в.в., наряду с растительным мотивом замысловатого спиралевидного побега и с эпиграфическими украшениями. Палеографически, остатки надписи на бане Нисы ближе всего к фрагменту надписи из Газны, с датой 1118 г.[159]), по начертанию букв «дал», «вав», «алиф»; существенное отличие в том, что в газневидской надписи «хвосты» букв перерастают в растительные побеги (это так называемый «цветущий насх»), а в нисийской они лишены украшений.

О применении живописи в банях мусульманского Востока известно

из некоторых исторических сочинений. Так, Масуди указывает на широко распространенный мотив росписи бань — изображение фантастической птицы Анка; коранических изречений в банях ему видеть не приходилось[160]). Археологические исследования с годами открывают все большее число этих памятников, причем почти все они действительно украшены живописью. Таковы бани Самарры (IX в.)[161]), таковы уже упоминавшиеся нами бани Тараза (X—XI в.в.), Анберда и Ани (XII в.), Булгар (XIV в.) и др. Характерно, что даже в периоды широкого развития глазурованных изразцовых облицовок (XIV—XVII в.в.) в украшении бань большую роль играет именно фресковая роспись; миниатюры дают тому яркое подтверждение[162]).

Нисийская баня дает нам новый памятник архитектуры северного Хорасана, украшенный настенной росписью. Из ранее известных можно пока лишь упомянуть эпохиально близкий мавзолей Султана Санджара в Мерве, где преобладали крупные геометрические орнаменты, по преимуществу красного и синего цвета, а также найдены были фрагменты штукатурки с красным грунтом под позолоту[163]), и мавзолей шейха Абу-Саида мехнейского в Мехне, росписи интерьера которого, видимо восходят к XV столетию[164]). Стилистически некоторые аналогии для мотивов стенописи Нисы мы можем отметить в памятнике Дуазды-Имам и Иезде, датируемом 1037 г.[165]). Мотив „ислими" со стилизованными лотосами и со свободной композицией спиралевидных завитков, заполняющий тимпаны арки михраба Дуазды-Имам, аналогичен в идее росписям стенки резервуара № 3 из бани Нисы и близок к некоторым восточно-туркестанским памятникам живописи (Безеклик, Туйюк)[166]).

Рис. 18. Гирих архитектурного орнамента стенописи бани.

2. Намазгох

В южной части пригорода Нисы, от самой стены, опоясывавшей пригород в античную и средневековую эпоху, почти до склонов Копет-Дага простирается обширное древнее кладбище. На краю его, у подножья гор высятся руины здания, сложенного в основном из рваного камня, добывавшегося, очевидно, поблизости в горах. Размеры камней в кладке стен до 40—50 *см*, средний размер — 20-30 *см*, кладка на глиняном растворе с добавками алебастра. В торцах стен, на высоте около 2.5 *м* от основания видны заделанные в толщу кладки по 4 арчевых балочки, ныне почти истлевших: такие балки в практике среднеазиатских мастеров обычно вводились в качестве связей. Перекрытия сводчатые, ныне почти полностью разрушенные. Сложены они из жженого кирпича размером 20×20×4 *см*, красноватого в изломе; раствор — алебастровый с примесью глины. На южной стене и в углах помещения сохранились незначительные остатки алебастровой обмазки, по которой нанесен толстый (ремонтный?) слой глиняной штукатурки, с побелкою поверх. Выявлен интересный факт: почти повсеместное исчезновение штукатурки обусловлено разрушительной работой термитов, выгрызав-

ших обильно замешанный в глиняный слой рубленый саман, среди которого были и зерна злаков.

Стенки сложены без четкой перевязи горизонтальных рядов кладки. В главном помещении переход от стен к конструкциям перекрытия выделен поясом двух рядов кирпича, слегка выступающих из толщи кладки. Конструкция главного свода осуществлена путем выделения трех параллельных подпружных арок; в торцовой части помещение, видимо, было перекрыто полукуполом. В настоящее время здесь сохранились тромпы в форме переброшенной под 45° арочки; углы их заполняет диагонально заделанная крупная треугольная каменная плита, на которой покоится кирпичная кладка тромпа (рис. 19, А). Проходы из среднего помещения в смежные боковые, перекрыты арочками пролетом 1.52 *м*, сложенными из камня, в два ряда кладки: первый из небольших, второй из крупных камней. Арочка ниши среднего помещения выведена из кирпича. Форма кривых—стрельчатая, округлая у пят, почти спрямляющаяся к замку. Боковые помещения были перекрыты так называемыми сводами „балхи", выведение каковых основано на принципе „сомкнутого" свода, кладка которого начинается от углов и идет диагонально к стенам. В настоящее время остатки этого свода прослеживаются лишь на восточной средней стене (рис. 19, Б).

19. Детали сводчатых конструкций Намазгох.

Перед зданием располагался двор размером около 100×80 *м*, обведенный каменной, сильно оплывшей оградой, со входом у северного угла. В плане здания выявляется три основных помещения: среднее продолговатое, с главной осью СВ—ЮЗ, открытое с северо-восточной стороны, пролетом 3.80 *м* и два смежных, небольших, закрытых, имевших выходы наружу с северо-восточной стороны и связанные проходами с центральным валом, которому они значительно уступают по высоте (рис. 20).

Архитектурное оформление главного помещения составляют: арочные проходы в щековых и арочная нишка в щипцовой стене: ребристая конструкция свода, тромпы и ложные, выполненные в алебастре, арки на щипцовой стене дополняют его. Фронт главного помещения, как указано, был открыт.

Единственная публикация этого здания содержится в работе А. А Семенова, который, на основании сообщения одного из багирских жителей, именует его «дворцом последнего персидского правителя Нисы» и рассматривает, как типичную постройку «позднейшего», так сказать, «упадочного» времени[167]). В действительности это не так.

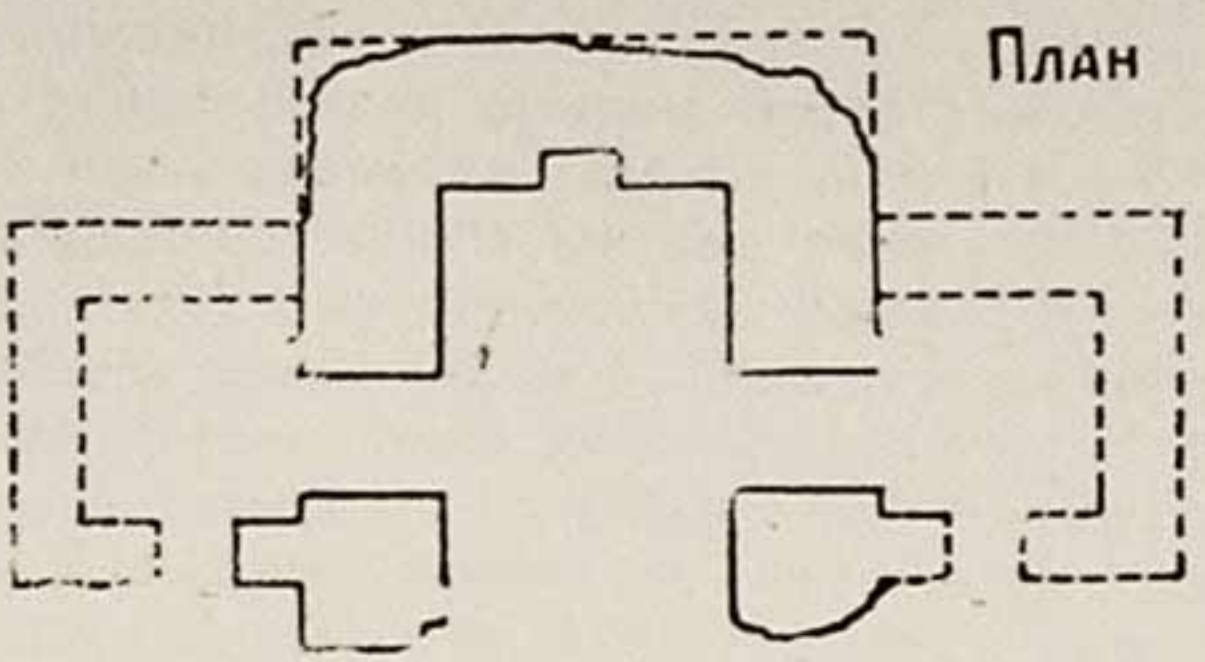


Рис. 20. Намазгох; планы, разрезы

Характерная ориентация главной оси на Ю33 (т. е. в сторону кыблы), наличие в торцовой стене арочной ниши (молитвенная ниша-михраб), открытый наружу свод — все с несомненностью говорит, что здание это представляет собой мечеть, а загородное ее расположение перед обширной открытой площадью указывает, что это мечеть-намазгох или мусалля, служившая местом сбора горожан в дни празднования двух крупных годовых мусульманских праздников — Курбан и Фитр. Это подтверждают и данные топонимики: в местном наименовании развалины именуются Намазгир. Это подтвердили и археологические наблюдения: малое число бытовых остатков, расположение здания на краю древнего (восходящего по крайней мере к X—XI в.в.) кладбища. Археологическое вскрытие, при котором пришлось прежде всего расчистить почти метровую толщу завала рухнувшего перекрытия, а затем углубиться под пол, выявило следующую картину. Прежде всего, оказалось, что по фронту, зданию предшествовала выступавшая вперед на 5.5 *м* вымощенная плитняком и кирпичом площадка-суфа. Полов оказалось три, причем в нижних слоях, у первого пола, обнаружен был среди фрагментов керамики (в общем немногочисленных) фрагмент голубого чигара на твердом кашине, тип которого появляется к концу XII в. и распространен в XIII—XIV в.в. Этой датировке не противоречат и данные архитектурного порядка. Конструкцию тромпов, аналогичную описанной, мы отмечаем в сырцовых зданиях присурхандарьинской группы старого Термеза, в массе своей датирующихся XIII—XIV в.в.[168]). В планировочном отношении Нисийская Намазгох имеет также близкую параллель в здании мечети из этой группы, с открытым средним сводчатым помещением и двумя смежными, имеющими выходы наружу[169]).

Раскопки выяснили конструкцию фундаментов здания, выведенных из камней то заподлицо с линией стен, то несколько выступающих за ее пределы. В шурфе, заложенном в углу внутри помещения, в завале на полу найдены куски упавшей алебастровой облицовки с плоской резьбой широких букв почерка насх, окрашенных в сероватый цвет. Укажем, что прием подцветки темной краской фона резного стука X в. отмечен был В. А. Шишкиным при раскопках мечети Магок-и Аттари в Бухаре.

Архитектура мечетей-намазгох до настоящего времени изучена еще очень слабо. В специальной статье Э. Дица в «Энциклопедии Ислама» автор упоминает о Бухарской Намазгох, о Мусалля XV в. в Герате и о двух Мусалля XVII в. — в Исфахане и близ Мешхеда[170]). «Мусалля представляет интересный пример культовой постройки, слишком малозначимой для того, чтобы внушить (создание) специального архитектурного типа», заключает автор свою статью. В этом он, безусловно, неправ. Специфическая функция мусалля-намазгох, как загородного сооружения, предназначенного не для вмещения значительного количества молящихся, но для того, чтобы служить организующим архитектурным ядром, к которому обращены сотни (и тысячи) собравшихся на моление мусульман, как открытого наружу помещения, заключающего молитвенную нишу и кафедру имама, — эти функциональные моменты не могли не отразиться на формировании определенного типа Намазгох. В северной Африке мусалля представляет собой просто стену, с михрабными

нишами и с минбаром. В описании Наршахи возведения одним из саманидов в 970/1 г. мечети Намазгох в Бухаре, указывается, что он купил для этой цели за большие деньги хорошие пригородные участки, превратив их в место праздничной молитвы; при этом Наршахи ни слова не говорит, чтобы он возводил какие-либо грандиозные сооружения, но лишь «заказал очень красивые михрабы и приказал сделать несколько возвышений для произносящих такбир... отсюда до Бухары было полфарсанга и это пространство во время праздничной молитвы занимали молящиеся»[171]). В XII в. при Арслан-хане Намазгох была отстроена в саду Шемс-абад, причем для этой цели «...его окружили высоким забором, сделали минбар и михраб из жженого кирпича и выстроили возвышения для произносящих такбир»[172]). В настоящее время Бухарская Намазгох, подвергавшаяся переделкам в XIV и в XV—XVI в.в., но, видимо, сохранившая старую основу, представляет из себя сооружение с сильно выраженной центральной частью (пештак с открытой аркой) и значительно ей уступающими боковыми крыльями[173]). Именно подобный тип Намазгох развивают оба описанных здания — Нисы и Термеза. Отличие заключается в том, что боковые помещения здесь открыты наружу лишь дверными проемами, но не большими арками. Не является ли это особенностью именно хорасанского архитектурного типа? Напомним, также здание значительно более позднее — Мусалля 1677 г. близ Мешхеда, развивающее хотя и в более значительных масштабах и в иных принципах архитектоники и декорации ту же архитектурную идею главного открытого сводчатого зала и двух смежных комнаток[174]). Напомним о памятнике, хронологически предшествующем Намазгох Нисы — о мечети Талхатан-баба близ Старого Мерва (XII в.), заключающей главное, открытое наружу обширной аркой, помещение и две смежных комнаты с неширокими дверными проходами[175]). Если же попытаться отыскать прототип этих хорасанских намазгох, то не вправе ли мы были бы обратиться к открытым айванным постройкам, сложение которых восходит еще к парфянской эпохе? Подобную древнюю тему глубокого арочного айвана, сохранившуюся в местной народной традиции усматривает А. Годар в мечети X в. в Ниризе[176]). В городских джума-мечетях в XI—XII в.в. прививается иной планировочный тип мечети в виде купольного киоска; но для намазгох айванное архитектурное решение оказывается как нельзя более подходящим. Намазгох Нисы восполняет одно из звеньев в развитии данного архитектурного типа культового мусульманского здания.

3. Элементы архитектурного декора

В заключение остановимся на некоторых частных находках, в известной мере восполняющих наши представления об архитектуре средневековой Нисы. Несмотря на расхищение строительного кирпича, добывавшегося при разносе культурных слоев городища Новой Нисы, на поверхности его сотнями валяется жженый кирпич, как наглядное свидетельство вековой интенсивной строительной деятельности, некогда здесь протекавшей. Кирпич преимущественно квадратный; преобладающие размеры — 21×21×4.5 *см*, 22×22×5 *см*, но часто встречаются

также: 18×18×4 *см*, 22×22×4 *см*, 26×26×6 *см*, 27×27×5 *см*, 30×30×5 *см* и др.

Среди подъемного материала заслуживает быть особо отмеченным клинчатый кирпич замкового камня (12 и 45 *см* — размеры оснований, 33 *см* — высота, 6 *см* — толщина). В большом количестве попадаются крупные фигурные плитки вымостки полов: правильной шестигранной формы (диаметр — 36 *см*, 41 *см*, 42 *см*; толщина — 5—5.5 *см*) и в форме вытянутого шестигранного полигона с заостренными углами. Последние покрыты голубой поливой. Прием вымостки полов фигурными кирпичными плитами, в частности глазурованными, зафиксирован в Средней Азии с XII в.[177]) и употреблялся, судя по миниатюрам, еще в XVI—XVII в.в.

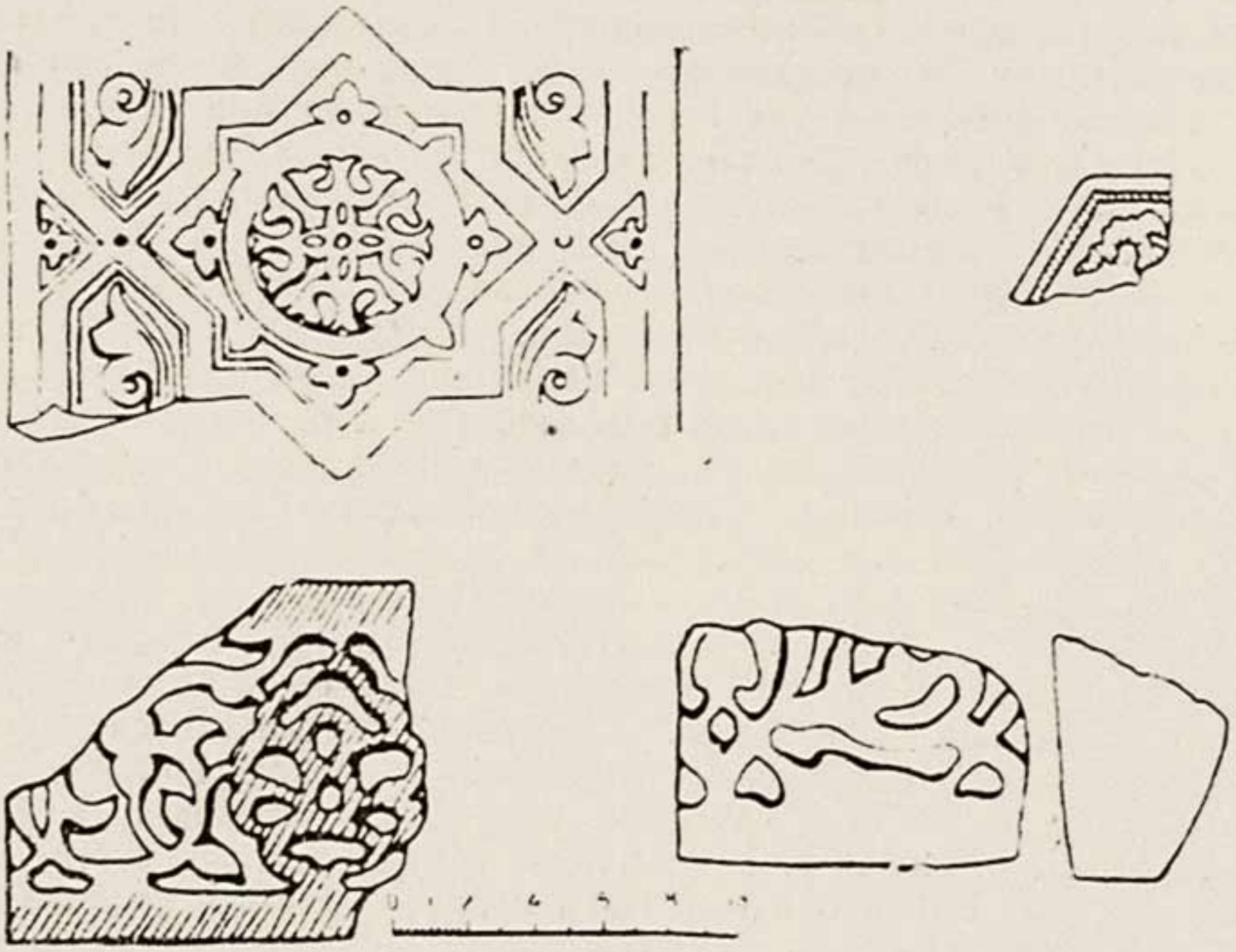


Рис. 21. Фрагменты изразцовых облицовочных плиток.

Среди разнообразных элементов архитектурного декора отметим безглазурные кирпичики и плитки, применение которых падает по преимуществу на XI—XII в.в. Здесь интересна плитка с изображением процарапанной «кирпичной кладки» и облицовочный «бантик». Значительную группу представляют различные поливные облицовки. Среди них особенно многочисленны голубые плитки, разнообразие оттенков которых превышает десяток тонов, а размеры варьируются чрезвычайно. Уточнение их датировки пока весьма затруднительно; XII в. дает terminus post quem, но употребление их в последующие века могло продолжаться по меньшей мере до XVII столетия. Кроме того, есть плитки зеленые и белые, появление которых возможно не ранее XIII—XIV в.в. Нередко встречаются крупные, продолговатые голубые кирпичи обли-

цовки куполов, со скошенными короткими тыльными гранями и с двумя выемками, выполненными в целях наилучшего схватывания с раствором. В Мавераннахре такая форма кирпича с выемками появляется не ранее XVI—XVII в.в.; возможно, что эта датировка справедлива и для Хорасана.

Среди ориементированных изразцов упомянем несколько плиток со штампованным растительным узором, сплошь покрытых голубой поливой (рис. 21); особенно интересен фрагмент облицовки пристенной колонки. Техника штампа очень «мятая», контуры рисунка весьма нечетки. В существующих публикациях не содержится никаких данных о штампованной резной поливной архитектурной терракоте, ее невысокие художественные качества никогда не привлекали внимания исследователей. Между тем, применение ее было весьма широким; можно отметить находки ее в Бухаре, в Шахрисябзе, в Андижане и пр. (материалы этих сборов хранятся в Археологическом кабинете САГУ). Распространение подобной штампованной терракоты относится преимущественно к XIII столетию, которым, очевидно, следует датировать и нисийские образцы. Но, видимо, уже к XIV в. должна быть отнесена плитка с растительной орнаментацией, выполненной в технике штампа, но в двух цветах — бирюзово-голубом и темносинем. Тональность, мотивы орнамента (стилизованный лотос, гибкие побеги) напоминают декор некоторых из «ранних» мавзолеев Шах-и Зинды.

Особняком стоит плитка штампованной темнозеленой терракоты. Реконструируемый по принципу симметрии орнамент образует плетенку полукрестовидных фигур и восьмиконечных звезд, заключающих круг с отходящими от него и заключенными внутри стилизованными лепестками. Геометрическая схема эта широко распространена в среднеазиатской орнаментике по крайней мере с XI—XII в.в., но данный экземпляр принадлежит, несомненно, XIII—XIV в.в.: развитие такого рода архитектурных облицовок в декоровке зданий Новой Нисы лежит в связи с особым, развивающимся к этому времени типом бытовой художественной керамики, представленной целым рядом очень оригинальных плоских крышек с рельефным и вдавленным штампованным орнаментом, заключающим геометрические, растительные и зооморфные сюжеты (фигурки львов, каких-то фантастических животных, видимо, драконов-«аджага» и пр.). Техника штампа дает и здесь несколько мятые контуры рисунка, но при его корректировании пользовались также методами резьбы от руки. Указанием на это служит, между прочим, тот факт, что округлые углубления орнамента выполнялись с помощью буравчика, излишний нажим которого приводил иногда к просверливанию плитки насквозь.

Укажем, что применение рельефных изразцов является специфической особенностью среднеазиатского зодчества и неизвестно в архитектурном декоре средневекового Ирана.

Мы должны отметить также находку двух небольших фрагментов майолики. Один с синим фоном и стилизованно-растительным узором, выполненным белой и голубой краской; по типу он напоминает майолики Самарканда конца XIV — первой половины XV в.в. Другой более оригинален: он представляет часть шестигранной облицовочной плитки, с черным, чуть отливающим зеленью фоном и с яркосиним (тон ко-

бальта) орнаментом: сохранилась полоска обрамления и часть вычурного растительного завитка. Близких аналогий этой плитке мы не могли бы указать.

Наборная резная мозаика, столь широко распространенная в архитектурном декоре в тимуридскую эпоху, в находках на Нисе пока представлена единственным экземпляром фигурного элемента резной темно-синей кашинной плиточки. Мы не затрагиваем вопроса о люстровых облицовках какого-то богатого здания XIII в., анализу которых будет посвящена специальная статья. Самый факт существования такого здания, на украшение которого употреблена прославленная керамическая продукция одного из центров производства так называемого кашанского люстра, как и описанные выше плитки штампованной поливной резной терракоты, видимо, местного изготовления — показатель развитого строительства богато оформленных архитектурных зданий в XIII—XIV в.в. Вообще же обилие различных типов строительных и облицовочных материалов на Новой Нисе с одной стороны свидетельствует об интенсивном строительстве здесь зданий монументальной архитектуры в периоды средневековья, а с другой сулит, очевидно, еще немало «открытий», которые помогут составить суждение о зодчестве средневековой Нисы. И если культурные слои в цитадели Новой Нисы к настоящему времени слишком нарушены, то может быть в шахристане ее мы вправе ожидать обнаружения более сохранных комплексов. В этом смысле, как нам кажется, многообещающим является «тимуридский квартал», расположенный вдоль юго-восточной части городской стены и пока еще почти непотревоженный жителями Багира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Итоги раскопок Старой Нисы. «Туркменская Искра», № 261/3009 от 12/XI 1934.

2. Например, А. А. Марущенко. Предварительные итоги работ по раскопкам Старой Нисы. В кн.: «Предварительные итоги экспедиционных работ в Туркменской ССР за 1934 г.» АН СССР. М. 1935. Стр. 149—151; А. С. Стрелков, Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Советская археология, II, 1937, стр. 209—210; Б. В. Вейнарн и Б. П. Денике. Итоги иранского конгресса. Искусство, 1936, № 1, и др.

3. И. Н. Бороздин. К изучению древней истории Туркмении, ВДИ, 1946, № 4, стр. 161—163.

4. A Survey of Persian Art (SPA). Ed. A. U. Pope. London and New-Jork, 1936—1939. Vol. I, p. 444.

5. С. А. Вязигин. Материалы к характеристике парфянского искусства. Известия ТФАН, № 5—6, 1945, стр. 36—40.

6. План этот демонстрировался на Третьем международном конгрессе иранского искусства и археологии; в настоящее время находится в экспозиции Музея Краеведения в г. Ашхабаде.

7. В целях проведения обмера документально-точного плана комплекса, нами было закреплено 25 точек репера, к которым и предполагалось привязать основные элементы плана. К сожалению, неточности, допущенные топографом при инструментальной съемке, лишили нас возможности составления этого плана в 1946 году.

8. Оставленные после раскопок в течение нескольких лет неприкрытыми, эти ступени вскоре под воздействием атмосферных осадков совершенно оплыли; несомненно, что прежде лестница была от них гарантирована хорошим перекрытием.

9. F. W. Son--Bissuing. Ursprung und Wesen der Persischer Kunst. München, 1927, s. 9—10.

10. Fr. Sarre, E. Herzfeld. Die Iranische Felsrelief. Berlin, 1910, т. I, s. 121.
11. Архитектура древнего мира. Издание Академии Архитектуры СССР. М. 1944, табл. 113, 7.
12. Sarre—Herzfeld. Цит. соч., Abb. 112.
13. H. Clück und E. Diez. Die Kunst des Islam. Berlin, 1925, s. 121, 540.
14. M. Dieulafoy. L'art antique de la Perse. Paris, 1885, t. 7—11.
15. W. Andrae. Hatra. Leipzig, 1908, Alb, 165.
16. J. Bartoux, Les Fouilles de Hadda I. Paris, 1933. Fig. 7, 13, 46, 68 и др.
17. Г. А. Пугаченкова. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана. Труды АН УзССР, сер. I. История, археология. Термезская археологическая экспедиция. Т. II. Ташкент, 1945, рис. 1.
18. Витрувий. Десять книг об архитектуре. Пер. Ф. А. Петровского. М. 1936, стр. 72, 238. Напомним, что по Витрувию общая высота аттической базы должна равняться радиусу колонны, в то время как в базах Восточного портика Старой Нисы она равна диаметру; хотя, вместе с тем, пропорции плинта и нижнего вала — почти соответствуют нормам Витрувия. Соотношения же баз Западного портика далеки даже от таких частных совпадений. Кривые обломов нисийских баз, видимо, лишь в замысле должны были приблизиться к идеально-прочерчиваемым циркулем профилям.
19. Fr. Cumont. Fouilles de Doura—Europos (1922—1926). Text, Atlas. Paris. 1926. Pl. L—LI.
20. G. Salle et R. Ghirshman. Chapour. Rapport préliminaire de la première campagne de fouilles. Pl. XLII b.
21. W. Andrae. Hatra... Цит. соч., Abb. 11, s. 16; Abb. 78, 79, s. 71; Abb. 127.
22. Г. А. Пугаченкова. Цит. соч., стр. 68—73.
23. E. Barger. Exploration of Ancient Cites in Northorn Afghanistan. Geogr. Journal, vol. XCIII, № 5, May 1939, p. 384.
24. J. Bartoux. Цит. соч. Fig. 14, 43.
25. J. Marshall. A Guide to Taxila. Third edition. Dehli, 1936. Pl, XVII.
26. E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New-Jork, 1941, pp. 284—285. B. Rowland. Notes on Ionic Architecture in the East, AJA, 1935, v. XXXIX, № 4, p. 492.
27. Herzfeld. Цит. соч., p. 311. Fig. 383.
28. Cumont. Цит. соч. Pl. XIV.
29. Bartoux. Цит. соч. Fig. 9, 49, 143, 144 и др.
30. Г. А. Пугаченкова. Цит. соч., стр. 73, рис. 5.
31. Базы эти обнаружены М. Е. Массоном и Г. А. Пугаченковой в 1942 г. в Шахрисябзе.
32. Herzfeld. Цит. соч. Pl. LXXXV.
33. N. D. Debevoise. The Origin of Decorative Stucco. AJA, 1941, vol. XLV, № 1, p. 58.
34. С. А. Вязигин. Цит. соч., стр. 37.
35. С. А. Вязигин безусловно заблуждается, трактуя прорези на плите с львиной маской как «колонны с капителями, примыкающими непосредственно к карнизу плиты» (цит. соч., стр. 39). В действительности это типичные бойницы крепостной архитектуры.
36. SPA, I, p. 444.
37. В. В. Бартольд. К вопросу о полумесяце, как символе Ислама. Известия РАН, Петроград, 1913, стр. 457—477.
38. M. J. Rostovtzeff. Dura and Problems of Parthian Art. Jale Classical Studies, vol. V. London, 1935. Fig. 44.
39. SPA, I, p. 444.
40. Debevoise. Цит. соч., p. 50.
41. D. N. Wilber. Iranian Motifs in Syrian Art. BAJPA, vol. V, № 1. June, 1936, p. 24.
42. Цит. соч. Fig. 32.
43. Rostovtzeff. Цит. соч. Fig. 72—73.
44. Здесь и в ряде других мест пользуемся выборками изобразительных мотивов селевкидской и парфянской нумизматики, составленными проф. М. Е. Массоном, любезно предоставившим их в наше распоряжение.
45. A. de Longperier. Mémoires sur la choronologie et l'iconographie des rois Parthes Arsacides. Paris, 1853, p. 40.

46. SPA. IV.
47. С. А. Вязигин. Цит. соч., стр. 38.
48. О. Ф. Вальдгауэр. Мирон. Берлин, 1923, рис. 11, стр. 27.
49. О. Ф. Вальдгауэр. Лисипп. Берлин, 1923, илл. 14, 21, стр. 29, 32.
50. Roschar. Ausführliches Lexicon der Griechischen und Römischen Mythologie. Lpz., 1886—1890. T. I. s. 2179.
51. Ch. P. Traces de civilisation greque dans l'Iran Occidental. Revue Archaeologique, 6-me serie, t. XIII, Janvier—Mars, 1939, p. 150.
52. Cl. Huart. Ancient Persia and Iranian Civilisation. London, 1927, p. 112—114. J. M. Unvala. Observation on the Religion of the Parthians. Bombay, 1925, pp. 4, 7, 8, 10, 21—22. E. Benvenist. The Persian Religion According to the Chief Greek Texts. Paris, 1929, p. 28, 65.
53. Fr. Cumont. Fouilles de Doura. Цит. соч., p. 118—119.
54. Rostovtzeff. Цит. соч., p. 225.
55. SPA, I, p. 444.
56. K. Hopkins. Report on Finds. The Excavation at Doura—Europos. Prel. Rep., 1929—1930. New-Haven, 1932. Pl. XI, 2; p. 91.
57. Кл. Юар считает, что это — сам Митридат I (Cl. Huart., цит. соч., p. 119).
58. М. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. Петроград, 1918, стр. 153.
59. A. de Longperier. Цит. соч., p. 23, 26.
60. К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, табл. 20.
61. Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб, 1909, табл. XIII.
62. SPA. I, p. 444.
67. Ch. Daremberg et E. Saglio. Dictionaire des Antiquités grecques et romaines. Paris, 1899, p. 116. Fig. 3799.
64. М. А. Наливкина. О некоторых памятниках античной эпохи северо-западного Крыма. Советская археология, VI, 1940, стр. 108—109, рис. 1.
65. Вязигин. Цит. соч., стр. 38—39.
66. W. B. Dinsmoor. An Archaeological Earthquake of Olympia. AJA, 1941, vol. XIV, № 3, p. 402—403. Fig. 2-a, 2-c.
67. E. Schmidt. Excavations of Tepe-Hissar. Philadelphia, 1937.
68. Ch. Daremberg—E. Saglio. Цит. соч. I, p. 122.
69. Imhoof-Blumer und O. Keller. Tier und Pflanzenbilden auf Münzen und Gemmen des Klassischen Altertums. Lpz., 1889, т. I, 6.
70. K. Hopkins. Цит. соч., Pl. XI, 2.
71. Rostovtzeff. Цит. соч.
72. Напр., A. von-Lecoq. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens. Berlin, 1925, s. 94—95, 28—29. Многочисленные аналогичные материалы из Самарканда, Термеза и др. сосредоточены в музеях Союза.
73. E. Herzfeld. Seleucia und Ktesiphon. Отд. оттиск из Archäologische Reise im Euphrat und Tigris—Gebiet. Berlin (v. r.), Abb. 160.
74. J. Jordan. Uruk—Warka. Lpz., 1928. Tab. 73-a.
75. Ph. Ackerman. Some Problems of Early Iconography. SPA, I, p. 833—834.
76. E. Herzfeld. Iran in the Anc. East... Цит. соч., p. 276, pl. XCII, XCIII.
77. Debevoise. Цит. соч., p. 51.
78. E. Herzfeld. Цит. соч., Pl. XCIX.
79. Glück und Diez. Цит. соч., s. 127, 541.
80. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940, табл. 1, 2, стр. 47.
81. На это любезно обратил мое внимание Л. И. Ремпель.
82. SPA, I, p. 444.
83. Г. Павлуцкий. Коринфский архитектурный ордер. (Киев, 1891), рис. 41, 42.
84. Там же, стр. 40—41, фиг. 64—68.
85. Г. Павлуцкий. Цит. соч., стр. 44—49, рис. 10, 21, 22, 25, 26.
86. M. J. de Morgan. Travaux en Tell de la citadelle. Fouilles à Suse en 1897/98, 1898/99. Délégation en Perse. Mémoires. I. Paris, 1900, p. 117. Fig. 196.
87. M. A. Dalton. The Treasure of the Oxus. London, 1905. Fig, 46, p, 80. (Дальтон относит объект к IV в. до н. э. Датировку эту следует, пожалуй, занизить по крайней мере на столетие).
88. G. M. Birdwood. The Industrial Arts. of India. London, 1880, p. 334. Fig. 20.

89. Г. Павлуцкий. Цит. соч., стр. 138—139, рис. 42.
90. К. Рончевский. Художественные мотивы в древнем римском зодчестве. Рига, 1905, стр. 19—20, фиг. 27.
91. Там же, фиг. 43, 46.
92. Ch. Picard. Sur une coups de verre à dorure d'un kourgane do Caucase septentrional. RA, XXV, 1946, p. 181. Fig. 4.
93. E. H. Minns. Scythians and Greeks. Gambrige, 1913, p. 351—353.
94. Напр., A. Grünwe d el' Buddhistische Kunsf in Indien. Berlin, 1900, 43, 53, 55 и др.
95. Bartoux. Цит. соч. Fig. 4—8 и др.
96. Г. А. Пугаченкова. Цить соч., рис. 7, 12.
97. A. Stein. Serindia, vol. IV, pl. XXXIV.
98. Andrae. Цит. соч., I. Fig. VI—II. Abb. 204—205.
99. М. Е. Массон. Находка фрагмента скульптурного фриза первых веков н. э. Ташкент, 1933, фиг. 1.
100. К. Рончевский. Варианты римских капителей. М. 1935, стр. 4, сл. табл. II—I. IV—3, 4 и др.
101. Andrae. Цит. соч., s. 93. Abb. 140, s. 120. Abb. 186 и др.
102. Dieulafoy. Цит. соч., t. VI. Fig. 12—16.
103. Там же.
104. Glück-Diez. Цит. соч., s. 121/2, 541.
105. SPA, I, p. 444.
106. Debevoise. Цит. соч., p. 47, 48.
107. Там же, p. 50, 51.
108. Andrae. Цит. соч. Fig. 78.
109. J. de-Morgan. Цит. соч, p. 53.
110. Iran in the Anc. East... Цит. соч., p.p. 209—210, 242—246, 283—286. Fig. 311, 320—322, 349, 383—384.
111. J. Marshall. A Guide to Taxila... Цит. соч., p.p. 100—106, pl. XVII.
112. B. Rowland. Notes on Ionic Architecture in the East. AJA, 1935, vol. XXXIX, № 4, p.p. 489—496.
113. Rowland. Цит. соч., p. 496.
114. SPA, I. Fig. 305.
115. A. Stein. Innermost Asia. Oxford, 1928, pl. XV.
116. R. Amy, H. Seyrig. Recherches dans la nécropole de Palmyre. Syria, t. XVIII. Paris, 1936, p.p. 229—266; pl. XXXII.
117. J. Jordan, Uruk—Warka... Цит. соч., Fig. 30.
118. Andrae. Цит. соч. Abb. 123—226.
119. И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Вып. II. СПб, 1889, рис. 53.
120. М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913. Атлас, табл. XXVI, XXIX, XCI и др.
121. E. H. Minns. Scythians and Greeks. Cambrige, 1913, p. 308.
122. Herzfeld. Цит. соч., p.p. 285, 305—306.
123. D. M. Robinson. A. Graeco-Parthian Portajt-Head of Mithridates I. AJA, XXXI, 1927, p. 339.
124. O. Reuter. SPA I. Цит. соч., p.p. 411, 428—435, 444.
125. M. Rostovtzeff. Dura and Problems... Цит. соч., p.p. 170—171 и др.
126. Debevoise. Цит. соч., pp. 46, 57.
127. В. В. Бартольд. Восточноиранский вопрос. Известия РАИМК, т. II, Петроград, 1922, стр. 367, сл.
128. R. Koldewey. Das Wiedererstehende Babylon. Lpz., 1925, s.s. 210—217; Abb. 131.
129. J. Jordan. Цит. соч., Fig. 4.
130. J. Jordan. Цит. соч., Fig. 22, 34.
131. Koldewey. Цит. соч. Abb. 244, 247.
132. В. В. Бартольд. Цит. соч., стр. 269.
133. Ugo Monneret. de Villard. The Fire-Temples. BAJPA, vol. V, № 4. Dec. 1936. Fig. 3.
134. Цит. соч., фиг. 4.
135. Цит. соч., фиг. 1.

136. Herzfeld. Цит. соч. Fig. 398; p. 301.
137. Цит. соч. Fig. 397, p. 301.
138. E. Diez. Die Kunst des Islamischen Völker. Berlin, 1915. Abb. 30.
139. O. Reuter. Цит. соч., SPA, I. Fig. 106, 108.
140. E. Schmidt. Excavations of Tepe-Hissar. Philadelphia, 1937, p.p. 327—328. Fig. 170—175. Pl. LXXII—LXXIX.
141. В. Д. Жуков. Археологическое обследование в 1937 году дворца термезских правителей. Труды АН УзССР, сер. I. Термезская археологическая экспедиция, II. Ташкент, 1945, стр. 139.
142. Разумеется, наличие дахмы исключает возможность существования здесь же храма и возжигания «чистейшей из стихий» — огня.
143. Marshall. Цит. соч., p. 94—97, pl. XI.
144. Кыр — продукт нефти, особое битуминозное вещество, придающее раствору гидравлические свойства и издавна широко применявшееся в практике среднеазиатских строителей. Искусственный кыр изготовлялся из извести, камышовой золы и виноградной патоки (данные М. Е. Массона).
145. A. Mez. Die Renaissance des Islam. Heidelberg, 1922, I. 366.
146. A. Mez. Цит. соч., s. 265—266.
147. Материалы по истории туркмен и Туркмении, I. М.—Л. 1939, стр. 188, 191, 194, 197, 200.
148. E. Schroeder. Islamic Architecture. The Seljuq Period. SPA, I, p. 908. Fig. 342.
149. А. Н. Бернштам. Баня древнего Тараза и ее датировка. ТОВЭ, II, стр. 177—183. В вопросе о датировке бани автор допускает явные противоречия. На стр. 181 он утверждает, что она построена в конце X в., фрески же ее украшающие он считает типичными для караханидских построек. Погибла баня, не позднее конца XII в.; но здесь же говорится, что монеты ранних илеков, найденные на полочке одного из помещений, свидетельствуют, что «они были забыты случайно, вероятно в результате какого-то катастрофического разрушения постройки» (стр. 182), т. е. не позднее начала XI в.? На стр. 183 баня, уже здание караханидской эпохи XII в., просуществовавшее немногим более одного века», но на стр. 182—183 говорится, что в орнаментике использованы сюжеты караханидского изразца (есть мотивы и докараханидского стиля. — Г. П.), сочетающегося с орнаментами более позднего времени» (т. е. монгольского? Откуда же они могли бы появиться на караханидском сооружении?).
150. Бернштам. Цит. соч., стр. 177, табл. 1.
151. Prisse d'Avennes. L'art arabe d'après les monuments du Caire depui le VII-e siècle jusqu-à la fin du XVIII-e. Paris, 1877, p. 147. Fig. 16.
152. И. Ф. Калинин, А. П. Смирнов. Реконструкция булгарской бани XIV в. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. М.—Л., 1946, стр. 26, рис. 4.
153. В настоящее время собран уже весьма значительный материал по обмерам старинных бань Узбекистана; к сожалению, он еще до сих пор не опубликован. Как, на пример типичной восточно-хорасанской бани можно указать на баню, открытую при археологических работах в Балхе. (A. Foucher. La vielle Route de l'Inde de Bactres à Taxila, vol. I. Paris, 1942, pl. 115).
154. А. Н. Бернштам. Цит. соч., стр. 178.
155. И. А. Орбели. Баня и скоморох XII в. Памятники эпохи Руставели. Л., 1938, стр. 162.
156. И. Ф. Калинин, А. П. Смирнов. Цит. соч., стр. 28.
157. А. Н. Бернштам. Цит. соч., стр. 178—179.
158. «Гирих» — буквально «узел», в терминологии восточных мастеров так называется основной элемент орнаментального раппорта или сама система орнамента.
159. V. Kratchkovskaja. Calligraphy, C. Naschi inscriptions. SPA, II; p.p. 1773-4. Fig. 625.
160. Mez. Цит. соч., s. 366.
161. Fr. Sarre, E. Herzfeld. Erster verläufiger Bericht über die Ausgrabungen von Samarra. Berlin, 1912, стр. 24, сл.
162. Например, изображения бани в «Хамсэ» Низами 1494 г. Музея Восточных Культур. Б. П. Денике. Живопись Ирана. М., 1939, рис. 41; в «Шах-Намэ», 1585 г. ГПБ г. Ленинграда — Л. Т. Гюзальян, М.М. Дьяконов. Иранское

миниатюры в рукописях Шах-Намэ ленинградских собраний. Л., 1935, табл. 28, стр. 64—65; «Хамсэ» Низами 1562/3 г. Самаркандского музея и др.

163. Архитектурные памятники Туркмении. Москва—Ашхабад, 1939, стр. 57. Здесь сообщается также о подцветке ганчевой штукатурки в арках галлереи первого яруса мавзолея Санджара и о росписи стен внутри помещения выше панели, где сохранились куфические письмена; никаких подробностей о цветовой палитре и о стиле, которые, якобы, «находятся в явном диссонансе с общим строгим мастерством, вложенным в создание этого сооружения», не приводится (стр. 21).

164. А. А. Семенов. По закаспийским развалинам. Известия Средазкомстариса, III, стр. 76.

165. SPA, IV. pl. 2748.

166. L. Morgenstern. Mural Painting. SPA, IV, p. 1377.

167. А. А. Семенов. Цит. соч., стр. 66—67.

168. Н. М. Бачинский. Сырцовые здания древнего Термеза. Труды АН УзССР. Термезская археологическая экспедиция, II. Ташкент, 1946, рис. 14—15, 23—24, 26, 28.

169. Н. М. Бачинский. Цит. соч., стр. 217, рис. 19.

170. E. Diez. Musalla. Encyclopedie de l'Islam; Supplement, Livraison 4, p. 171—172.

171. Наршахи. История Бухары. Пер. Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 68.

172. Там же, стр. 69.

173. В. А. Шишкин. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936, стр. 41.

174. E. Diez. Churasanische Baudenkmäler. Wien, 1918, s. 76—77. Fig. 32, 38.

175. План мечети Талхатан-Баба и описание см: С. А. Судаков. Архитектура сельджуков в Средней Азии. Социалистическая наука и техника. Ташкент, 1935, № 10, стр. 57—59. Описание см: В. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва. СПб. 1894.

176. A. Godard. Les anciennes mosqueés de l'Iran. Athar-é Iran, Paris, 1936, т. II. Fasc. II, p.p. 187—212.

177. И. А. Сухарев. Комната XII в. на площади приамударьинской части городища Термеза. Труды УзФАН СССР, сер. I, вып. 2. Термезская Археологическая Комплексная Экспедиция 1936 г. Ташкент, 1941, стр. 198—199.

С. А. ВЯЗИГИН

СТЕНА АНТИОХА СОТЕРА ВОКРУГ ДРЕВНЕЙ МАРГИАНЫ

Маргиана, одна из среднеазиатских областей древнего мира, расположенная по течению реки Марга, нынешнего Мургаба, после распада монархии Александра Македонского вошла в состав государства Селевкидов.

Сведения о Маргиане сообщает Страбон, древнегреческий автор начала I века н. э., в своей «Географии» (кн. XI, гл. 10).

В Маргиане, по его словам, „...ἐρημίαις... περιέχεται τὸ πεδίον. θαυμάσας δὲ τὴν εὐφυΐαν ὁ Σωτὴρ Ἀντίοχος τείχει περιέβαλε κύκλον ἔχοντι χιλίων καὶ πεντακοσίων σταδίων, πόλιν δὲ ἔκτισεν Ἀντιόχειαν...“ [1]). Этот отрывок, касающийся Маргианы, мы переводим следующим образом: „...равнина окружена пустынями. Удивленный плодородием (равнины) Антиох Сотер обвел (ее) стеной, имеющей в окружности 1500 стадий, и основал город Антиохию...“

Таким образом, Страбон сообщает сведения о том, что Маргиану посетил Антиох I Сотер, второй представитель династии Селевкидов, время правления которого относится к первой половине III века до н. э. (280—261), и по его распоряжению равнина Маргианы (т. е. оазис по течению р. Марга) была окружена стеной, очевидно, с целью предохранения культурной зоны от набегов кочевых племен.

Длина этой стены, охватывавшей оазис со всех сторон, составляла 1500 стадий. Точный перевод этого расстояния на наши современные меры представляет некоторые затруднения, так как величина древнегреческого стадия[2]), в зависимости от времени и места, колебалась в значительных пределах (от 148 *м* до 210 *м*), а нам неизвестно, откуда заимствованы Страбоном приведенные выше сведения о Маргиане. Если мы, следуя В. В. Бартольду[3]), будем принимать стадий равным 157.5 метров (стадий Эратосфена), то длина стены, сооруженной по распоряжению Антиоха Сотера, составит 236 километров. Если мы предположим, что Страбоном в данном случае был принят стадий большего размера (185—192 *м*), то получим, что длина стены Антиоха несколько превышала 250 километров. Такова была длина границы Мервского оазиса в III веке до н. э. В настоящее время оазис, расположенный в низовьях реки Мургаба, имеет форму близкую к треугольнику, периметр которого составляет около 250 километров. Сопоставление этих данных между собою приводило к предположению, что размеры Мервского оазиса с эпохи эллинизма до настоящего времени не подверглись значительному изменению и, следовательно, развалины

стены Антиоха можно искать где-то вблизи от теперешней границы между пустыней и культурными землями.

До нас дошло сообщение арабского писателя X века Ал-Истахри о том, что в его время были видны следы стены, называемой «ар-рай», которая окружала город Мерв и его волости, охватывая все городские поселки.[4]) В. В. Бартольд высказывает предположение, что эти сведения касаются развалин стены Антиоха, о сооружении которой сообщает Страбон.[5]). Тем не менее, до 1946 года никто специально не занимался поисками развалин стены Антиоха, и мы располагали только краткими и довольно неопределенными сведениями о каком-то вале, находящемся в северной части Марыйского оазиса.

В 1929 году М. Е. Массон во время своей поездки по Туркменистану, путем опроса местного населения выяснил, что туркменам-жителям Байрам-Алийского района известны остатки какой-то стены, имеющие вид вала и находящиеся к северо-востоку от городища старого Мерва. По указанным сведениям, сооружение этой стены приписывается Александру Македонскому.

В 1935 году археолог А. А. Марущенко, производивший разведки в Марыйской области, по его словам, также видел развалины какой-то стены в 30 *км* к северу от Байрам-Али. Результаты разведок А. А. Марущенко не были опубликованы в печати, и лишь в 1939 году в личной беседе с М. Е. Массоном он сообщил об этом факте, высказав предположение, что им были обнаружены развалины стены Антиоха. Однако он не приводил никаких доказательств в пользу этого предположения и не дал описания найденного им археологического памятника.

В 1946 г. Южно-Туркменистанская Археологическая Комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) поставила одной из своих задач разыскание и обследование стены Антиоха Сотера. Для осуществления этой задачи в составе экспедиции был организован специальный отряд (отряд № 4), работавший под руководством автора настоящей статьи.

В процессе подготовки к полевым работам отряда нами были просмотрены материалы аэрофотосъемки культурных земель по реке Мургабу, выполненной Среднеазиатским Аэрофотогеотрестом в 1932 году в масштабе 1:10000. При этом оказалось, что на трех планшетах этой съемки были засняты следы какого-то вала: к ССЗ от Байрам-Али и к ССВ от него. Эти данные послужили исходной точкой для полевой работы отряда. Так как линии вала обрывались у краев планшетов заснятого участка, можно было предположить, что вал продолжается и далее.

В составе отряда в качестве научно-технических сотрудников работали: коллектор П. П. Сметанин, пом. коллектора П. Д. Тарасов и топограф М. Кувадов. В распоряжение отряда была предоставлена грузовая автомашина.

Отряд выехал из Ашхабада 17/IX и в Байрам-Али прибыл 19/IX. С 21/IX отряд начал обследование местности, находящейся у границы сыпучих песков к северу от Байрам-Али. С 21/IX по 25/IX включительно были обследованы городища Кишман-Тепе и Кишман, находящиеся в 35 *км* к северу от Байрам-Али, и окружающая местность к северо-западу, северу и северо-востоку от этих городищ на расстоянии

до 5—7 *км* вглубь сыпучих песков. При обследовании этих мест не было найдено никаких следов развалин стены Антиоха.

При обследовании местности к западу от городища Кишман 26/IX у границы сыпучих песков был обнаружен тот самый вал, часть которого была заснята на двух планшетах аэрофотосъемки. Этот вал, по нашему предположению, которое далее будет надлежащим образом обосновано, представляет собою развалины стены Антиоха.

С 26/IX по 3/X отрядом была обследована часть этого вала длиной в 9 километров, от пересечения его каналом Каттакар-Яб по направлению к северо-востоку до сыпучих песков, расположенных к юго-западу от городища Кишман, где этот вал прерывается. 3/X и 4/X отряд обследовал валы, находящиеся к юго-западу и к юго-востоку от городища Кишман, по своей структуре и внешнему виду значительно отличающиеся от вала, обследованного в предшествующие дни. 5/X к ЮЮВ от городища Кишман-Тепе было найдено продолжение вала, обследованного с 26/IX по 3/X, небольшой участок которого в этом месте заснят на одном из планшетов аэрофотосъемки. С 5/X по 8/X производилось обследование этого отрезка вала на протяжении около 7 *км* и ветви его длиной около 2 *км*, отходящей от него к востоку, а также поиски продолжения вала в сторону городища Кишман-Тепе. С 8/X по 10/X производились поиски продолжения вала в местности к северо-востоку от Байрам-Али до линии железной дороги, идущей в Чарджоу. 11/X и 12/X было обследовано продолжение вала к юго-западу от канала Каттар-Яб на протяжении около 12 километров до сыпучих песков, в которых вал теряется. На этом были закончены полевые работы отряда.

При обследовании вала производилось измерение его длины, съемка плана, на котором отмечались все понижения и перерывы вала, и, кроме того, измерение поперечного профиля вала в 12 пунктах и продольного профиля в трех участках вала на протяжении 587 метров в общей сложности.

Таким образом, полевые работы отряда производились в течение 22 дней — с 21/IX по 12/X включительно. Отрядом было обследовано пространство, представляющее собою полосу длиной около 70 *км* и шириной до 3—5 *км* вдоль границы сыпучих песков по правому берегу Мургаба к северо-западу, северу и северо-востоку от Байрам-Али. На этом пространстве был обнаружен вал общим протяжением около 30 *км* в виде двух отрезков: большего, длиной около 22 *км* к северо-западу от Байрам-Али, и меньшего — к ССВ от Байрам-Али, длиной около 8 *км* с отходящей от него ветвью.

Вал, обследованный отрядом, в настоящее время проходит по совершенно безводной и безлюдной местности, однако, несмотря на это, он хорошо известен местному туркменскому населению под названием «хиляки-чиль». Словом «чиль» в туркменском языке обозначается насыпь, служащая межой. Значение слова «хиляки» туркмены не могли точно объяснить и связывали его с именем какого-то хана или полководца, соорудившего этот вал.

Вал не представляет собою сплошной непрерывной линии, а является в виде ряда последовательных удлиненных бугров, длиной по 10—15 метров и высотой от 1.5 до 3 метров от поверхности почвы. Эти бугры чередуются с понижениями, имеющими протяжение от 5 до 10 ме-

тров; высота вала в этих понижениях составляет около 0.5—1 *м*. Ширина вала у наиболее возвышенных точек составляет около 20 метров, в местах понижений вал слабо выделяется на поверхности земли, и определение его ширины является затруднительным.

В некоторых местах вал прерывается и представляет собою только небольшие бугорки, отделенные один от другого различными расстояниями от 10 до 50 метров. Есть места, где вал совершенно прекращается и никаких следов его не обнаруживается на протяжении нескольких десятков или сотен метров. Но после этих перерывов вал опять возобновляется, сохраняя свой прежний вид и прежнее направление. Таким образом, сохранность вала колеблется в больших пределах: от бугров высотой в 3 метра до полного отсутствия. Различная сохранность вала в разных местах его, вероятно, должна быть объяснена совокупностью целого ряда причин, а главным образом качеством материала, применявшегося при постройке сооружения и тщательностью выполнения производившихся при этом строительных работ.

Западная оконечность вала теряется в сыпучих песках на расстоянии около 30 *км* к СЗ от Байрам-Али и около 20 *км* к ССВ от г. Мары. Продолжение вала в западном направлении не представилось возможным обследовать, так как в этом месте все понижения вала, а часто даже и бугры среднего размера были занесены песком. Все же, несмотря на затруднения, удалось проследить вал среди сыпучих песков на протяжении свыше 3 километров там, где он был выражен буграми большого размера. Вал здесь идет прямой линией по направлению на ВСВ (азимут—65°), на расстоянии 2 *км* от границы сыпучих песков поворачивает в сторону севера под углом в 25° и далее направляется на северо-восток. Возле поворота вала, на расстоянии около 100 метров к югу от него, имеется колодец. Далее вал идет по прямой линии, не меняя своего направления, на протяжении 16 километров. В нескольких местах вал пересечен канавами, представляющими собою русла оросительных каналов (арыков) и свидетельствующими о том, что прилегающая к валу территория когда-то входила в состав культурной зоны Мервского оазиса.

На расстоянии около 6 километров от поворота, по мере приближения к каналу Каттакар-Яб, вал постепенно понижается, сглаживается и наконец совершенно теряется у большой дороги, идущей вдоль русла канала. Канал Каттакар-Яб в настоящее время служит только для сброса излишков воды из оросительной системы реки Мургаба и на участке, прилегающем к валу, снабжается водой очень редко.

За каналом, к северо-востоку от него, вал опять возобновляется, сохраняя в точности прежнее направление; сначала он имеет вид небольших бугров, и лишь на расстоянии около 500 *м* от канала возобновляется обычное чередование бугров с понижениями. На расстоянии около 4450 *м* вал прерывается возле песчаной гряды, пересекающей его поперек, и возобновляется через 250 *м*. При измерении поперечных профилей на этом участке вала было обращено внимание на то обстоятельство, что уровень почвы с наружной стороны линии вала, т. е. к северо-западу от него, всегда был выше (на 0.80—1.50 *м*) уровня почвы с внутренней стороны вала, т. е. к юго-востоку от него. Скорее можно было бы ожидать обратного явления. По всей вероятности, вал в тече-

ние очень долгого времени служил препятствием для сыпучих песков, передвигавшихся с севера и задержавшихся возле него.

Далее на расстоянии около 7500 *м* от канала вал снова прерывается: большая песчаная гряда и здесь пересекает его поперек. У края этой песчаной гряды на линии вала заметны развалины круглой башни и других построек из обожженного и сырцового кирпича. После этого перерыва вал возобновляется лишь в точке, отстоящей от канала на 8500 *м* и дальше выражен слабо, главным образом, небольшим буграми.

Наконец, на расстоянии 9 *км* от канала Каттакар-Яб вал совершенно прекращается у самой границы сыпучих песков в точке, отстоящей на 32 *км* к ССЗ от Байрам-Али и на 6 *км* к юго-западу от городища Кишман.

Поиски продолжения вала в песках на протяжении около 20 *км* у городищ Кишман и Кишман-Тепе не дали никаких результатов. Таким образом, вблизи от крупных населенных пунктов, бывших на месте упомянутых городищ, вал не сохранился.

Продолжение вала оказалось лишь на расстоянии около 5 *км* к ЮЮВ от городища Кишман-Тепе в точке, отстоящей на 28 *км* к ССВ от Байрам-Али.

Направление вала на этом участке на протяжении около 5.5 километров в основном идет с севера на юг, слегка уклоняясь в некоторых местах то в одну, то в другую сторону. Здесь вал не представляет собою точно прямой линии, в четырех местах он поворачивает под небольшими углами (10—15°) то к западу, то к востоку, а в промежутках между поворотами линия вала несколько искривляется.

От северной части этого отрезка вала, на расстоянии 1.5 *км* от его начала, отходит ветвь почти под прямым углом по направлению к востоку.

Эта ветвь вала продолжается в том же направлении на протяжении около 2 *км*, постепенно сглаживается по мере приближения к сыпучим пескам и наконец совершенно теряется.

На основной линии вала в двух местах, отстоящих на 2230 *м* и 3640 *м* от северного конца имеются перерывы протяжением по 500 *м* каждый.

Далее к югу направление вала меняется; в точке, отстоящей на 5570 *м* от его конца, он поворачивает в сторону запада под углом в 50° и направляется в дальнейшем на юго-запад. По этому направлению удалось проследить вал на расстоянии около 1.5 *км*, причем он постепенно понижается и сглаживается. Дальше вал переходит на старые культурные земли, пересеченные густой сетью арыков, в настоящее время совершенно лишенных воды. Здесь, на расстоянии около 20 *км* от Байрам-Али, вал совершенно теряется, и попытки разыскать его продолжение на старых культурных землях, подвергавшихся обработке в течение долгого времени, не привели ни к каким результатам. Была обследована местность у самой границы сыпучих песков, но также безрезультатно; расспросы стариков-туркмен в ближайших колхозах

тоже не дали ничего, и дальнейшие поиски продолжения вала в этом направлении были прекращены.

При обследовании вала производился сбор подъемного археологического материала. На склонах вала и у его подошвы изредка встречались одиночные фрагменты керамики. Из числа находок преобладает красноглиняная керамика с белым ангобом. Чаще всего встречались фрагменты хумов (корчаг) и кувшинов с плоскими ручками. Сосуды украшены точечным орнаментом или резным в виде волнистых линий. Поливная керамика встречалась крайне редко: было найдено только несколько фрагментов с голубой или зеленой непрозрачной поливой. Подъемный материал, найденный у вала, в результате его сопоставления с ранне-средневековой керамикой Афрасиаба[6]) и Новой Нисы[7]) (из материалов ЮТАКЭ — 1946 г.) может быть ориентировочно датирован XI—XIII веками. Такая же керамика была найдена и у упомянутых нами развалин возле конца северо-западного отрезка вала.

Некоторые такыры (ровные площадки среди песков), находящиеся вблизи от линии вала, были сплошь усеяны фрагментами керамики. Здесь, как и на валу, значительно преобладала неполивная красноглиняная керамика такого же типа.

Таким образом, собранный отрядом подъемный археологический материал показывает, что местность, прилегающая к валу, была довольно густо заселена еще в средневековье — в период, предшествовавший монгольскому завоеванию.

Из числа предметов, собранных как подъемный материал по линии вала, большой интерес представляют два фрагмента терракот, датируемые эпохой эллинизма. Эти фрагменты были найдены вблизи один от другого на поверхности земли у подошвы вала по линии его северо-западного отрезка на расстоянии около 1 километра к юго-западу от канала Каттакар-Яб.

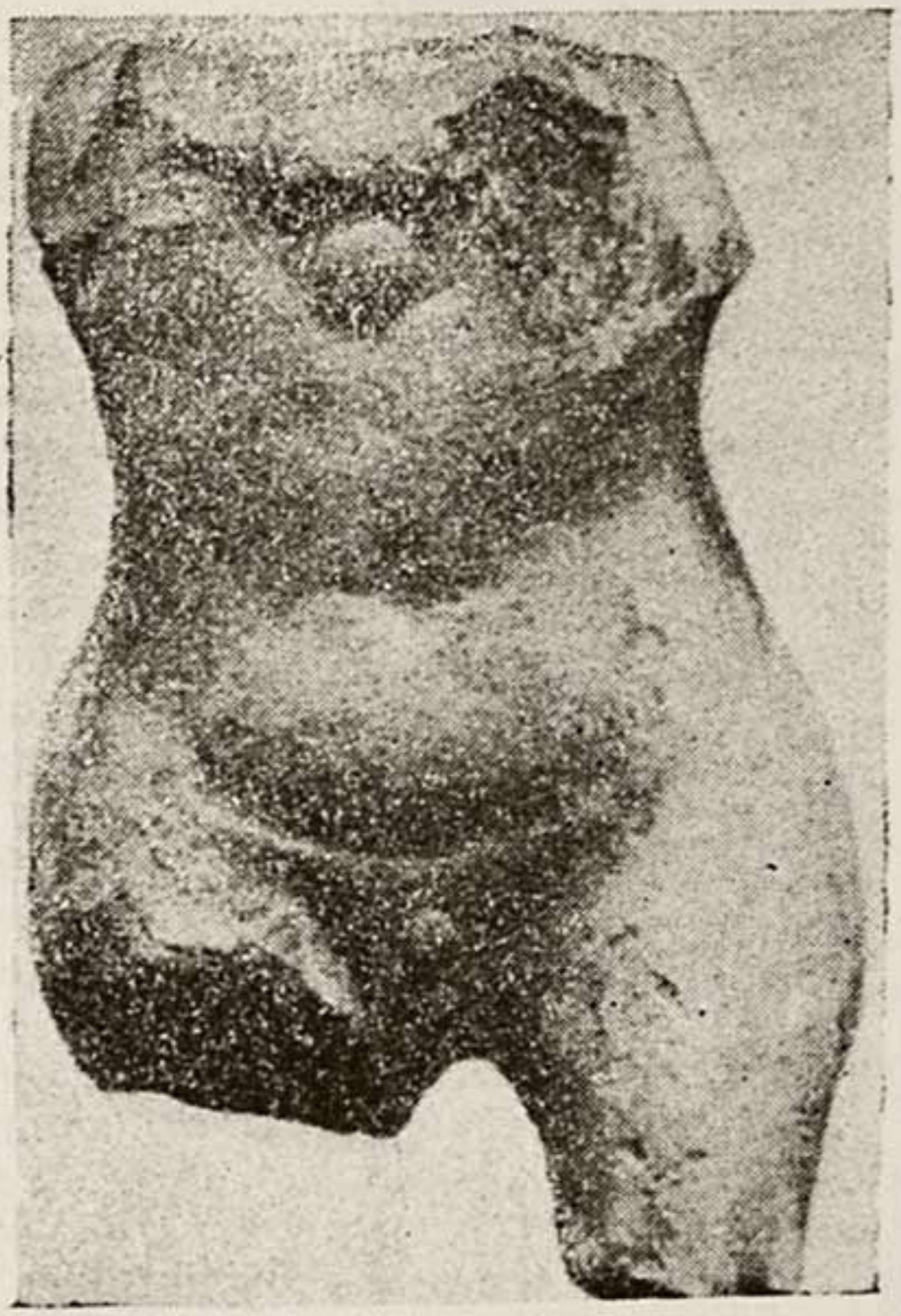


Рис. 1. Фрагмент терракотовой статуэтки.

Одна из этих терракот представляет собою фрагмент статуэтки, изображающей обнаженную мужскую фигуру (рис. 1). Сохранился только торс статуэтки, голова и конечности отбиты. Длина сохранившегося фрагмента статуэтки составляет 9.5 *см*.

Заслуживают внимание некоторые особенности рассматриваемой

статуэтки, придающие мужской фигуре женоподобный характер, как например: большая ширина таза и бедер по сравнению с талией и большая длина нижней части живота. В верхней части груди статуэтки сохранился фрагмент изображения ожерелья, к середине которого подвешен круглый выпуклый медальон. По своему стилю и манере изображения статуэтка представляет собою подражание образцам скульптуры эпохи эллинизма.

Передняя сторона статуэтки покрыта белым ангобом, задняя сторона ее срезана и оформлена в виде плоской поверхности (рис. 2); повидимому, статуэтка была укреплена на плоскости в виде рельефа и, вероятно, имела культовое назначение, представляя собою изображение какого-то божества.

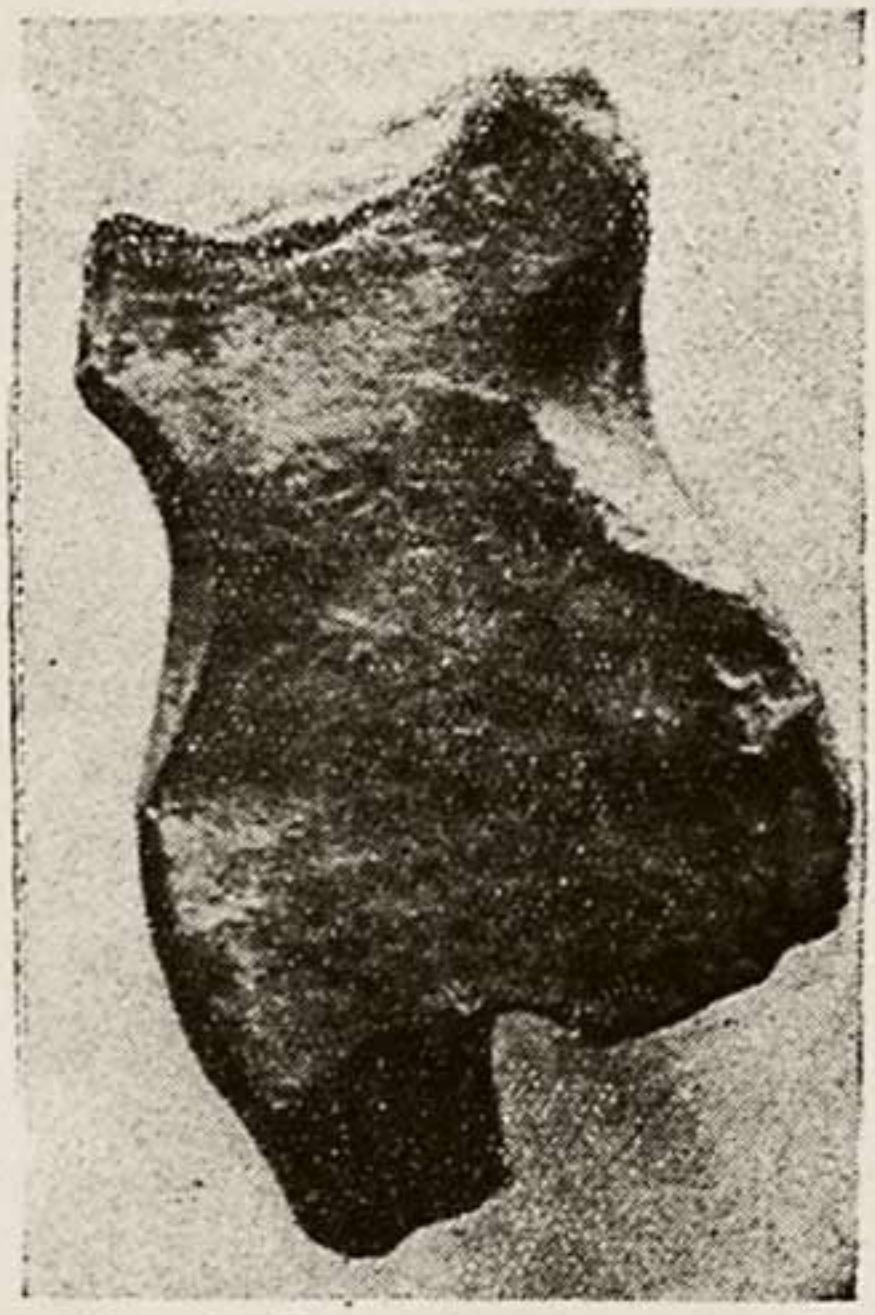


Рис. 2. Тоже (вид с тыльной стороны).

Другой предмет представляет собою фрагмент прямоугольной терракотовой пластинки с изображением. Сохранился только один из углов пластинки, и небольшие размеры фрагмента (3×6 *см*) не дают возможности реконструировать всю пластинку или хотя бы определить ее величину и характер имеющегося на ней изображения. По своему внешнему виду и по способу орнаментировки (ряд выпуклых колечек с точкой посередине, расположенных вдоль края пластинки) этот фрагмент подобен терракотовым пластинкам с изображениями, найденным в 1937 году при раскопках А. А. Марущенко на городище Гяур-Кала Старого Мерва в слоях, датируемых первыми веками до н. э.[8]) (хранятся в Музее краеведения Туркменского Филиала Академии Наук СССР).

Таков краткий обзор подъемного археологического материала, собранного у вала.

Для определения структуры вала были произведены археологические раскопки одного из самых больших его бугров, находящегося на расстоянии 5482 метра к северо-востоку от канала Каттакар-Яб. Высота бугра достигала 3.65 *м* от уровня такыра, непосредственно примыкающего к валу с юго-востока от него. Намеченный для раскопок участок на поверхности вала был разбит на 20 квадратов размером 2×2 метра, проходящих в 2 ряда (по 10 квадратов в каждом) через вал с запада на восток. Вследствие ограниченного времени удалось произвести раскопки только в двух смежных между собой квадратах. Эти квадраты были выбраны таким образом, что в углу одного из них находилась высшая точка вала, а другой располагался по восточному склону вала. Поверхностный слой почвы представлял собою смесь глины с песком, а на глубине более 20 *см* оказалась сплошная желтая глина. Таким образом раскопки показали, что вал представляет собою

сильно оплывшие развалины стены, сооруженной из глины. Этим строительным материалом (так назыв. «пахса») широко пользуются туркмены и в настоящее время. Фундамент стены на глубине 1.9 *м* от высшей точки вала был положен непосредственно на материковой почве. При раскопках был получен разрез от высшей точки вала, которую можно рассматривать как середину стены, до края фундамента, т. е. профиль половины стены. Расстояние края фундамента от точки, принятой за середину стены, составляет 2.6 *м*, и таким образом толщину стены можно считать равной 5.2 *м*. В толще стены, — в слое пахсы и непосредственно под фундаментом стены, при раскопках были найдены 8 небольших фрагментов стенок сосудов из оранжевой глины, толщиной около 0.5—0.7 *см*. Сосуды были хорошо обожжены и покрыты снаружи белым ангобом, но найденные фрагменты настолько малы, что не представляется возможным восстановить, хотя бы приблизительно, размеры и форму сосудов.

Результаты работ, выполненных в 1946 году, дали доказательство того, что вал, обследованный отрядом, действительно представляет собою развалины стены, сооруженной по приказанию Антиоха I Сотера в III веке до н. э.

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что расположение вала находится в полном соответствии с описанием, данным Страбоном. На территории, обследованной отрядом, линия вала от крайней западной точки до восточной оконечности его тянется на довольно большом расстоянии (до 50 *км*) у границы культурной зоны и сыпучих песков, охватывая значительную часть территории Марыйского оазиса. При этом некоторые довольно длинные отрезки вала идут по прямой линии, не закругляясь. Таким образом, мы можем себе представить, что вал был сооружен для того, чтобы окружить какую-то очень большую по своим размерам территорию, что вполне соответствует сообщению Страбона о цели построения стены Антиоха.

Плохая сохранность рассматриваемого нами сооружения может служить доказательством его древнего происхождения. Раскопки показали наличие существовавшей когда-то довольно мощной стены из пахсы, для разрушения которой должно было потребоваться много времени. Необходимо принять во внимание, что ширина оплыва стены у места раскопа от края фундамента до такыра превышает 10 метров, следовательно, стена очень сильно оплыла даже там, где она сохранилась лучше всего. Вместе с тем, в некоторых местах стена не сохранилась вовсе, так как в результате долговременного действия сил природы —воды и ветра, она была полностью разрушена. Время, потребное для того, чтобы совершился этот процесс разрушения, должно измеряться не столетиями, а тысячелетиями, и поэтому предположение, что эта стена была сооружена более 2200 лет назад, может считаться вполне вероятным.

Наличие прерывов вала в тех местах, где находились средневековые поселения (напр., городища Кишман и Кишман-Тепе, а также развалины у северо-западного отрезка вала) может служить доводом в пользу предположения, что развалины стены существовали до возникновения этих поселений и были совершенно уничтожены местными жителями при производившихся ими всякого рода земляных работах.

Необходимо также отметить большое сходство рассматриваемой стены с аналогичными сооружениями, обследованными Южно-Туркменистанской Археологической комплексной экспедицией в 1946 году на городищах Старая и Новая Ниса.

Часть крепостной стены городища Старая Ниса, датируемой первыми веками до н. э., сложена также из пахсы и достигает толщины от 5 до 8 метров[9]). Стена пригорода Нисы, время постройки которой относится к эпохе до арабского завоевания, сложена из блоков пахсы и толщина ее равна 8.5 метров[10]). Следовательно, как в Парфии, так и в Маргиане применялся один и тот же материал для сооружения оборонительных стен, и размеры этих стен по толщине мало отличаются друг от друга.

Вместе с тем в промазке стены на городище Старая Ниса были найдены фрагменты хорошо обожженных сосудов из оранжевой глины с белым ангобом толщиной в 0.4—0.5 *см*[9]), т. е. почти совершенно тождественные упомянутым нами находкам, обнаруженным при раскопках вала в Маргиане.

Перечисленные факты дают достаточное основание к утверждению, что отрядом экспедиции действительно были найдены и обследованы развалины стены Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы.

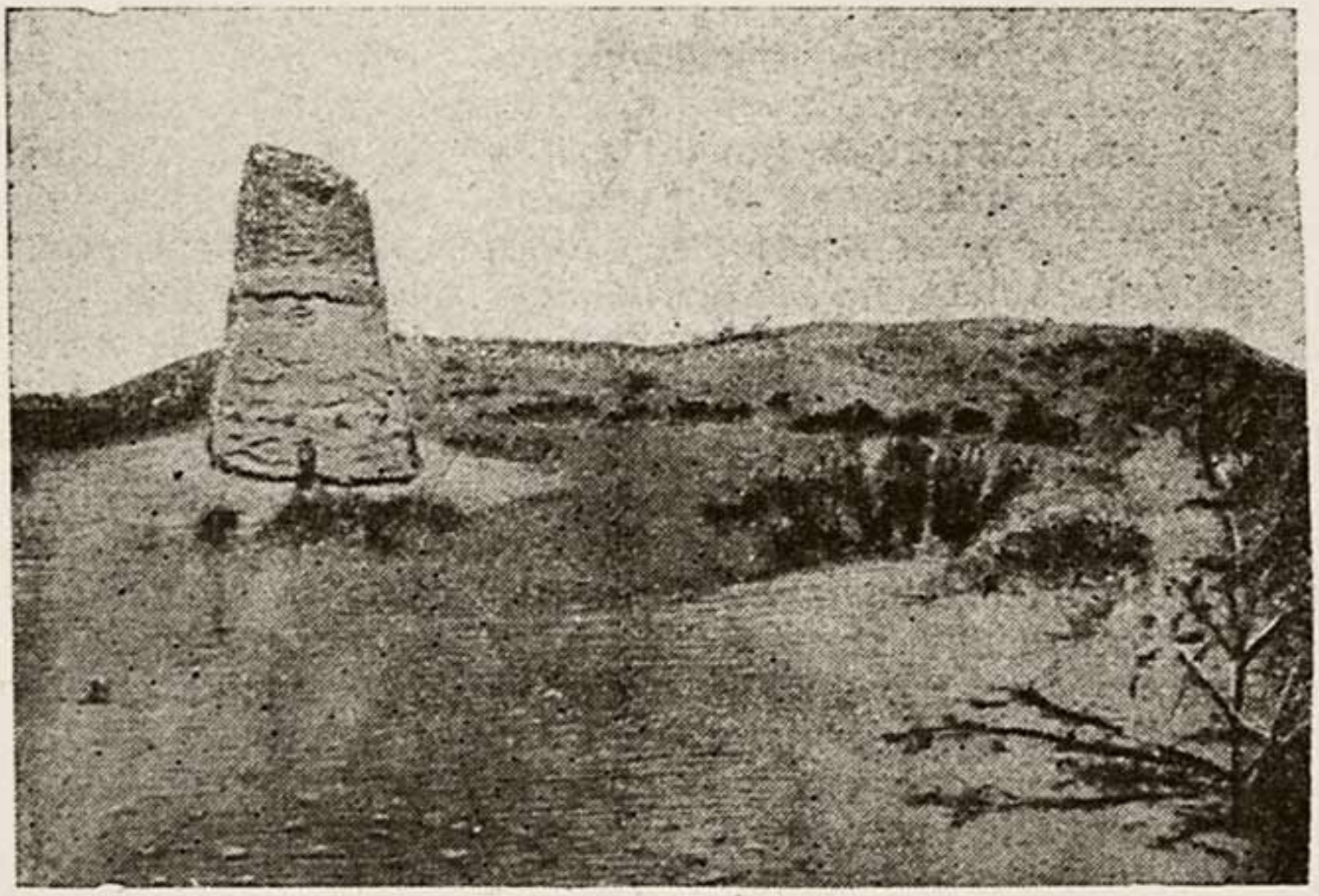


Рис. 3. Башня на городище Кишман-Тепе и цитадель городища.

Отряд экспедиции, имея специальное задание разыскать и обследовать стену Антиоха, не мог долго задерживаться на изучении других археологических памятников, встречавшихся в большом количестве на территории, охваченной полевым археологическими работами.

Археологические разведки, сравнительно небольшие по своему масштабу, были произведены отрядом на городищах, расположенных по линии вала в том месте, где он прерывается к северу от Байрам-Али. В результате этих работ является возможность сообщить краткие

сведения о двух больших городищах Кишман-Тепе и Кишман, находящихся в 35 *км* от Байрам-Али.

Городище Кишман-Тепе представляет собою развалины укрепленного города с цитаделью, расположенной на высоком холме. Вершина этого холма является высшей точкой для территории всего оазиса. Цитадель представляет собою неправильный четырехугольник с закругленными углами, стороны которого приблизительно ориентированы по странам света. Наибольшая из этих сторон, обращенная на восток, достигает 174 метров; наименьшая (северная) — только 96 *м*. Въезд внутрь цитадели был с северной стороны; стены, окружавшие цитадель, не сохранились.

На расстоянии около 200 *м* к северу от цитадели находятся развалины укрепления прямоугольной формы размером 146 *м* × 172 *м*. Стены его сложены из кирпича-сырца и ориентированы приблизительно по странам света, причем длинные стороны прямоугольника направлены по линии меридиана. На углах заметны развалины башен. Пространство, огражденное стеной, представляет собою совершенно ровную площадку без следов каких-либо сооружений.

Часть городища, расположенная к западу и к югу от цитадели и укрепления, занесена сыпучими песками. К северо-востоку и к востоку от укрепления и цитадели на расстоянии около 400 метров заметны следы вала, являющегося восточной границей городища, и развалины ворот, построенных из кирпича-сырца. К юго-востоку от цитадели на расстоянии около 100 метров находится круглая башня, построенная из сырцового кирпича (рис. 3). Высота башни—11.5 *м*, окружность—20 *м*, верхушка башни разрушена. В южной части городища среди сыпучих песков заметны развалины построек и на расстоянии около 600 *м* от цитадели развалины других ворот. Размеры всего городища могут быть определены только приблизительно. По направлению с севера на юг оно имеет протяжение около 1.5 *км*, а с запада на восток — около 1 *км*.

При обследовании городища производился сбор подъемного археологического материала. Было собрано большое количество фрагментов керамики, главным образом красноглиняной неполивной, причем чаще всего встречались фрагменты больших толстостенных хумов (корчаг) и кувшинов.

Фрагменты хумов обычно имели на поверхности белый ангоб и резной орнамент в виде параллельных или волнистых линий: реже встречался штампованный орнамент в виде вдавленных кружков с выпуклыми точками и черточками внутри. Венчик у большинства хумов сильно отогнут, некоторые из хумов имеют у венчика ободок лепного орнамента. Также были покрыты белым ангобом и орнаментированы волнистой линией фрагменты кувшинов с плоской ручкой, высоко поднимающейся над горлом, обделанной продольными бороздками и валиками. На валу городища была найдена целая сероглиняная чашка высотой около *7 см* со штампованным орнаментом (рис. 4).

Фрагменты поливной керамики встречались на городище в меньшем количестве. Наиболее обычной была керамика с белой поливой и черным линейным орнаментом, а также с непрочной светло-желтой поливой (почти не сохранившейся на найденных фрагментах) и подглазурным темнокоричневым орнаментом. Были найдены отдельные фрагменты с

голубой и зеленой непрозрачной поливой, а также светло-зеленой поливой с желтыми пятнами, характерной для средневекового Афрасиаба.

Из других находок следует отметить фрагменты сфероконических сосудов, а также сосудов, изготовленных из темносерого камня, и большое количество мелких осколков стекла (синего и зеленого), найденных на цитадели городища.

Рис. 4. Сероглиняная чашка с городища Кишман-Тепе.

Таков краткий обзор собранного отрядом подъемного археологического материала. Мы видим, что керамика с городища Кишман-Тепе по своему типу сближается с упомянутым ранее подъемным материалом, собранным по линии вала. На городище представлена та же самая ранне-средневековая керамика, только более полно и разнообразно.

Поэтому керамику, найденную на поверхности городища, также можно ориентировочно датировать IX—XIII веками, сопоставив ее с керамикой Афрасиаба и Новой Нисы. Более точную датировку этой керамики придется отложить до того времени, когда явится возможность произвести на городище более углубленные научно-исследовательские работы.

Городище Кишман расположено в 7 километрах к западу от городища Кишман-Тепе и, подобно ему, наполовину занесено сыпучими песками. Цитадель городища, имеющая форму прямоугольника размером 60×72 *м*, вытянутого по линии меридиана, находится на высоком холме (рис. 5).

Сохранились развалины фундаментов кирпичных стен и башен по углам, а также укрепления у ворот цитадели, находящихся с южной стороны. Полузасыпанные землей подземные галереи пересекают цитадель в нескольких местах от одного края до другого.

К югу от цитадели на небольшой возвышенности находится укрепление, также имеющее форму прямоугольника, вытянутого по линии меридиана. Размеры его достигают 150×158 *м*. Стены и угловые башни разрушены совершенно, на их местах остались только углубления в земле.

В южной и западной части городища имеется несколько развалин построек из сырцового кирпича. Из них особенное внимание привлекают развалины большого сооружения, повидимому, караван-сарая, находящиеся к северо-западу от цитадели на расстоянии около 250 метров. Это сооружение в плане представляет собою квадрат, обведенный со всех сторон стеной из сырцового кирпича. Стороны квадрата, длиной по 64 *м* каждая, ориентированы по странам света. На юго-восточ-

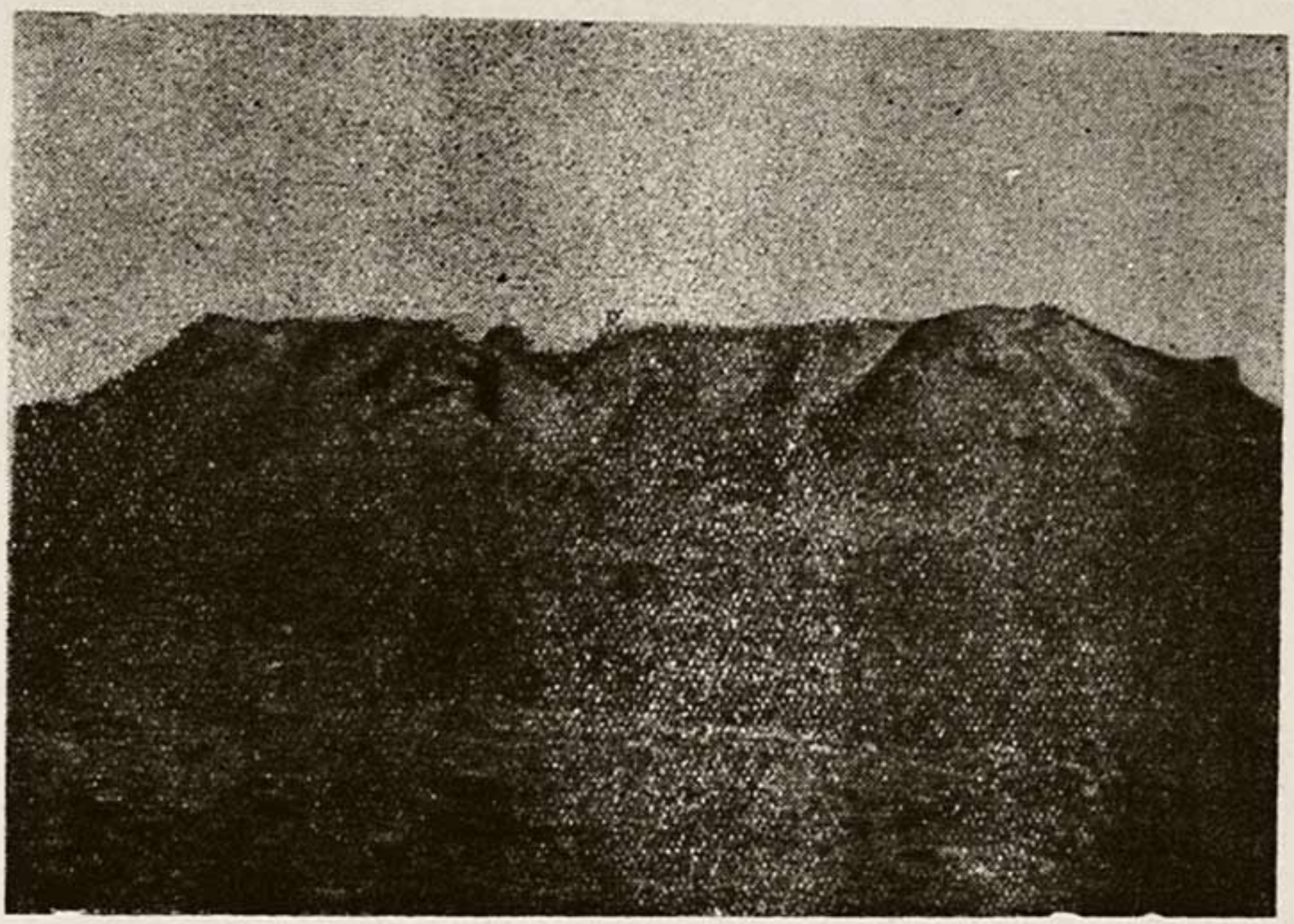


Рис. 5. Цитадель городища Кишман.

ном углу этого квадрата имеется выступ, на котором расположена круглая башня с диаметром основания около 8 метров и высотой около 10 метров. У северо-западного угла этого квадрата вырезан прямоугольник размером в 14 метров по северной стороне и 20 метров по западной стороне. С наружной стороны восточной стены имеются 4 полукруглых выступа шириной в 2.5 метра; один из них охватывает северо-восточный угол сооружения, у южной стены находится один такой же выступ. Пространство, находящееся внутри этих стен, представляет собою ровную площадку, на которой расположены рядами устои арок, служившие опорами для перекрытий, обрушившихся в настоящее время. Вдоль северной и западной стены идет по три ряда устоев, вдоль южной и восточной — по одному. По характеру планировки этого здания можно предположить, что оно представляло собою караван-сарай с внутренним двором, окруженным галереей (рис. 6).

Сыпучие пески не дают возможности точно определить границы городища; повидимому, размеры его не превышают 1 километра как по направлению с севера на юг, так и с запада на восток.

Сбор подъемного материала на городище Кишман в основном дал керамику такого же типа, как и на городище Кишман-Тепе; и здесь наблюдается такое же явное преобладание неполивной керамики.

Особенно часто встречаются фрагменты хумов определенного типа, отличающегося большими размерами сосудов (высота 120 *см*, наибольший диаметр 80 *см*) и резным орнаментом в виде закругленных отрезков по белому ангобу, а также фрагменты плоских глиняных крышек.

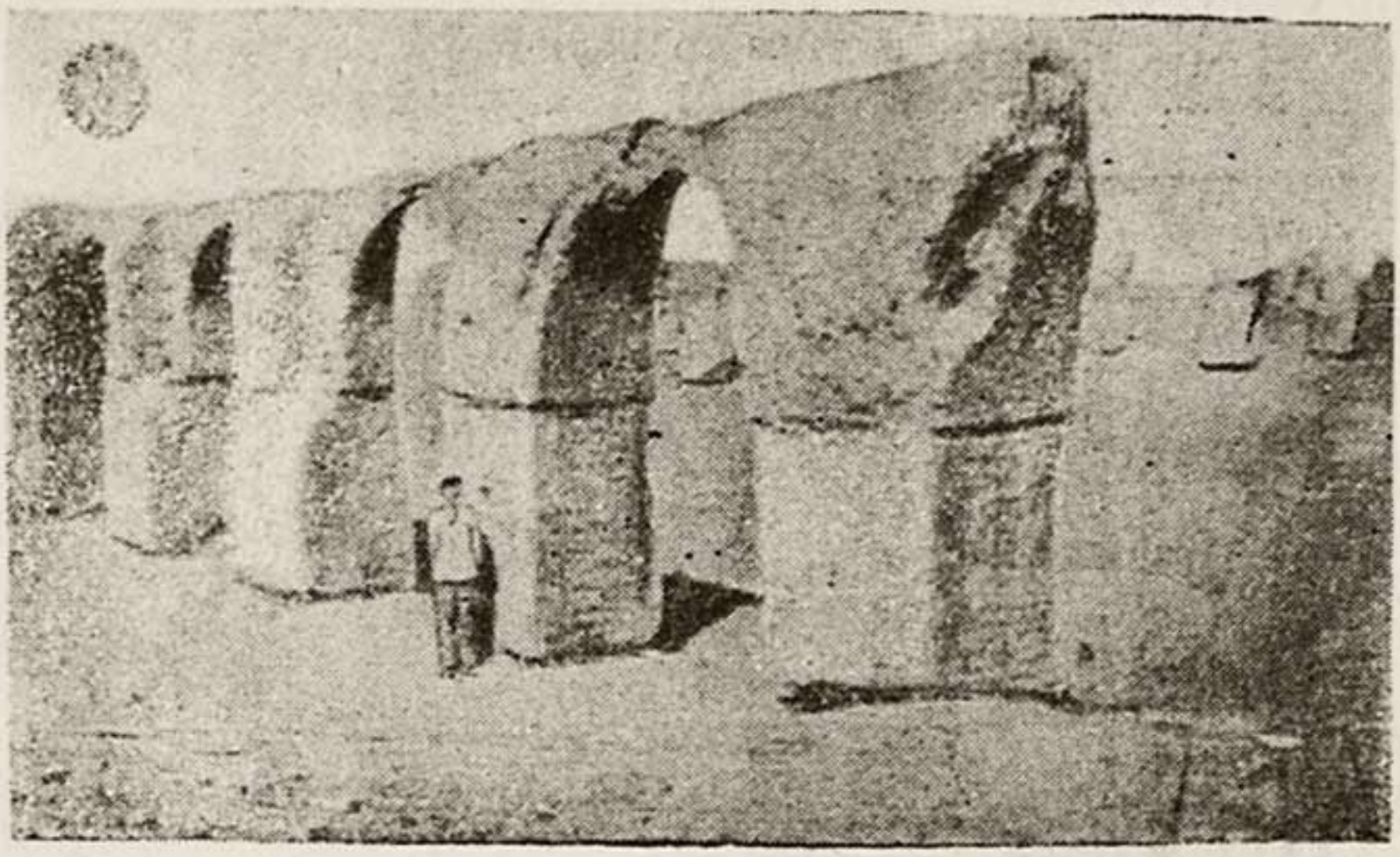


Рис. 6. Развалины на городище Кишман.

Найдены два фрагмента витых ручек от красноглиняных кувшинов среднего размера и фрагменты сосудов со штампованным орнаментом.

В общем, керамика городища Кишман может быть датирована не позже XII века.

Городища Кишман-Тепе и Кишман могут быть отождествлены с существовавшими в первой половине средних веков, по сведениям арабских и персидских источников, населенными пунктами, носившими названия Кушмайхан (Кушмахан, Кушмихан) и Хурмузфарра (Мусфари, Сафари). Это мнение было высказано заслуженным деятелем науки ТССР Г. И. Карповым после осмотра городища Кишман в мае 1946 года.

По сообщениям историков и географов IX—X в.в. (Табари, Истахри, Мукаддаси и др.), это были большие селения, находившиеся на расстоянии 5 фарсахов от Мерва, причем Кушмайхан находился по дороге «в Шаш и в страну тюрок», т. е. к Аму-Дарье, а Хурмузфарра на расстоянии фарсаха влево от Кушмайхана по дороге в Хорезм. Оба селения уже существовали во время арабского завоевания, а по сведениям Истахри, в них были соборные мечети. Кушмайхан, кроме того, был известен торговлей изюмом. В Мерве были Кушмайханские ворота[11]).

Авторы XII—XIII веков, Сам'ани и Якут, говорят о Кушмайхане, как о селении уже разрушающемся, заносимом песками. Хурмузфарра упоминается ими под названием Мусфари или Масфара, как селение, находящееся на самом краю пустыни[12]). Селение Сафари, как крайний пункт заселенной полосы, упоминает даже автор XV века Хафиз-и-Абру[13]).

Расстояния, указанные средневековыми авторами, находятся в соответствии с расстояниями между существующими в настоящее время городищами.

Городища Кишман-Тепе и Кишман находятся на расстоянии в 30 километров от городища старого Мерва, что соответствует 5 фарсахам средневековых авторов. При этом городище Кишман находится от городища Кишман-Тепе на расстоянии 7 километров к западу, что соответствует 1 фарсаху.

Работы, выполненные отрядом в 1946 году, дали материал к вопросу об изменении размеров культурной зоны Мервского оазиса с эпохи эллинизма до настоящего времени.

В эпоху эллинизма линия стены Антиоха служила границей культурной зоны оазиса. Эта линия стены во многих местах пересечена сухими руслами арыков, в прежнее время орошавших местности, прилегающие к стене и находящиеся за ее чертой. Канал Каттакар-Яб, пересекающий линию вала, иногда наполняется водой и в настоящее время.

Данные, необходимые для установления времени сооружения этой оросительной системы, может предоставить датируемая ранним средневековьем керамика, найденная в большом количестве на такырах, как непосредственно прилегающих к линии вала, так и находящихся за ее пределами. Возле канала Каттакар-Яб за линией вала на расстоянии около 4 километров от него находится крупное городище с высокой цитаделью, называемое Гоэбеклы, также относящееся, повидимому, к раннему средневековью. Недостаток времени не дал отряду возможности подвергнуть обследованию как это городище, так и такыры, находящиеся за линией вала, но вполне ясной является общая картина широкого распространения культурной зоны Мервского оазиса в эпоху раннего средневековья, и находящиеся на линии стены Антиоха городища Кишман и Кишман-Тепе представляют собою развалины поселений, достигших наибольшей степени развития в X—XI веках. Возле этих населенных пунктов развалины стены Антиоха были совершенно уничтожены. Восточная оконечность стены теряется на старых культурных землях, и развалины стены совершенно отсутствуют в местности к северо-востоку от Байрам-Али, где культурные земли выдвинулись далеко к востоку.

Таким образом, можно считать установленным, что в эпоху раннего средневековья культурная зона древней Маргианы вышла за пределы, ограниченные стеной Антиоха.

В дальнейшем, после монгольского нашествия, культурная зона Мервского оазиса, вероятно, значительно сократилась, но для выяснения этого вопроса мы в настоящее время пока еще не располагаем достаточными данными.

Стена Антиоха, по словам В. В. Бартольда[14]), является первым сооружением подобного типа в Средней Азии. В дальнейшем «длинные стены и валы» неоднократно сооружались для оборонительных целей.

Отряд экспедиции в процессе своей полевой работы подверг обследованию и другие валы более позднего происхождения, находящиеся к западу и к юго-востоку от городища Кишман. Обследование имело

целью получить сравнительный материал, необходимый для сопоставления этих валов со стеной Антиоха.

Вал, находящийся к западу от городища Кишман на расстоянии около 3 километров от него, тянется на протяжении до 3 километров в основном с севера на юг, местами немного уклоняясь от этого направления. Ширина вала достигает 80 метров, высота не превышает 1.5 метров. Этот вал не может являться продолжением стены Антиоха, так как резко отличается от нее по своему внешнему виду. Большая ширина вала показывает, что он не может быть оплывшей стеной; вероятно, он входил в систему оборонительных укреплений Кишмана, сооруженных в эпоху раннего средневековья. Южная оконечность вала представляет собой бугор с ровной площадкой на вершине, повидимому, развалины небольшого укрепленного пункта.

Подъемный материал, собранный в этом месте, дает неполивную и поливную керамику, подобную найденной на городище Кишман.

Другой вал, обследованный отрядом, находится в 7 *км* к юго-востоку от городища Кишман, возле городища Кууртлы (Кууртлы — большое городище, расположенное к югу от городища Кишман, повидимому, тоже относящееся к раннему средневековью, не обследованное отрядом вследствие недостатка времени). Вал прослеживается до точки, находящейся в 3 *км* к юго-востоку от городища Кууртлы; отсюда он на протяжении 4.5 *км* идет в основном на север, иногда слегка уклоняясь от этого направления. Далее вал, постепенно закругляясь, поворачивает на северо-восток, еще через 3 *км* подходит к группе развалин средневековых построек из сырцового кирпича, где и теряется. Ширина вала достигает 50—60 метров, высота около 3 метров. На высшей точке вала отчетливо выделяется гребень шириной в 3 метра, имеющий вид полосы бурой глины. Эта полоса, представляющая собою, повидимому, остаток развалившейся стены, идет по гребню вала извилистой линией, поворачивая под небольшими углами (10°—15°) то в одну, то в другую сторону через каждые 10—20 метров.

При определении времени сооружения этого вала необходимо принять во внимание его сравнительно хорошую сохранность. Вал разрушен только в точках пересечения его арыками и дорогами, в других местах он сохранился удовлетворительно, и гребень вала отчетливо выделяется везде.

Таким образом, сохранность этого вала значительно лучше, чем сохранность стены Антиоха.

Для уточнения датировки вала может иметь значение то обстоятельство, что он охватывает дугой восточную часть Мервского оазиса, отделяя ее от западной и северо-западной его части. За пределами вала оказываются крупные городища Кууртлы, Кишман и Кишман-Тепе, представляющие собою развалины населенных пунктов, существовавших в эпоху раннего средневековья. Поэтому следует считать, что рассматриваемый нами вал был сооружен с оборонительной целью уже во второй половине средних веков, когда все эти населенные пункты перестали существовать, культурная зона Мервского оазиса значительно сократилась и ее граница отступила к югу.

Временем сооружения этого вала, может быть, следует считать

XV век, когда была возобновлена оросительная система Мервского оазиса, разрушенная во время монгольского нашествия.

В настоящее время Марыйский оазис представляет собою местность, отличающуюся исключительным обилием археологических памятников. Культурная жизнь на его территории с древнейших времен была обусловлена наличием воды, необходимой для орошения. Сложная и густая сеть оросительных каналов снабжала водой из Мургаба самые отдаленные уголки, поселяя в них жизнь и обеспечивая развитие человеческой культуры. Всякое нарушение нормального действия оросительной сети или падение уровня воды в Мургабе гибельно отражалось на жизни всего оазиса или его частей. Пространства, густо заселенные и покрытые богатой растительностью, превращались в пустыню, пересеченную сухими руслами арыков и усеянную развалинами городов, бывших когда-то центрами культурной жизни оазиса.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Strabonis Geographica. Recognovit Augustus Meineke. Lipsiae. Sumptibus et typis B. G. Teubneri. Vol. I. 1877. Pag. 725.

2. См.: Фр. Любкер. Реальный словарь классической древности. Перевод под редакцией с дополнением и исправлением проф. В. И. Модестова. СПб. — М. 1888. стр. 1199—1201.

Таблица «древние меры и вес» сост. по Iw. Müller. Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft. Bd I. Aufl. 2 в Энциклопед. словаре Гранат, т. XII, стр. 659—662.

Статья «стадий» в Энциклопедическом словаре Брокгауз-Ефрон — т. XXXI, стр. 398 и др.

3. В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л. 1927, стр. 2.

4. Материалы по истории туркмен и Туркмении (МИТТ), т. I, VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. М.—Л. 1939, стр. 173.

5. В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л. 1927, стр. 7. Его же. К истории орошения Туркестана. СПб, 1914, стр. 49.

6. В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Археологический очерк. Самарканд, 1926, стр. 33—36.

7. См. статью: М. И. Вязьмитина. Археологическое изучение городища Новая Ниса в 1946 году, помещенную в этом же сборнике.

8. См. статью: Л. И. Рempель. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы, помещенную в этом же сборнике.

9. См. статью: В. А. Левина. Стена и башня Старой Нисы, помещенную в этом же сборнике.

10. См. статью: Е. А. Давидович. Исследование вала к юго-западу и западу от Новой Нисы, помещенную в этом же сборнике.

11. МИТТ, I, стр. 103, 120, 124, 143, 144, 148, 164, 174, 177, 184, 191, 204, 207, 214.

12. МИТТ, I, стр. 340, 343, 434.

13. МИТТ, I, стр. 527.

14. В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 9.

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ, В. Г. МОШКОВА

ИЗУЧЕНИЕ ТАКА—ЯЗЫРА, ДУРУНА

(Итоги работ V отряда ЮТАКЭ за 1946 г.)

В пятилетний план работ Южно-Туркменистанской Археологической Комплексной Экспедиции включено изучение вопроса о Таке-Языре-Дуруне.

Вопрос о локализации и исторической связи этих пунктов на протяжении последних 50 лет неоднократно привлекал внимание историков, археологов и краеведов. Однако, никто из указанных лиц не ставил перед собой задачи специального изучения этого вопроса и до настоящего времени он еще не решен полностью.

Материалы исторических источников дали основание историкам высказать мысль о том, что все три названия—Так, Языр, Дурун разновременно прилагались к одному и тому же населенному пункту, а именно, к современному Дуруну, лежащему в предгорной полосе Копет-Дага, к югу от линии Закаспийской железной дороги, между станциями Келята и Бахарден, в 3 *км* от последней. Вместе с тем, местные краеведы и археологи установили наличие еще одного крупного городища, известного местному населению под именем Шехр-Ислама, лежащего в том же районе, в 20 *км* к северу от станции Бахарден, среди песков. На основании археологического обследования городищ Дуруна и Шехр-Ислама местные исследователи отождествили городища Шехр-Ислам с историческими Таком-Языром-Дуруном. Таким образом, в проблему Така-Языра-Дуруна был введен новый археологический объект и предложена новая гипотеза для решения вопроса об их локализации.

Помимо этого интересного вопроса об отождествлении и местонахождении данных исторических пунктов, изучение их и прилегающей территории обещает вообще много интересного для истории Туркмении.

Обилие археологических объектов в виде древних городищ, многочисленных «тепе», богатых керамикой, развалин крепостей и строений типа ханако, мечетей, медресе сравнительно позднего типа, наличие старых заброшенных кяризов и оставленных культурных земель,—указывает на то, что жизнь здесь била ключом на протяжении весьма длительного периода.

Наконец, изучение данной территории особенно интересно для истории Туркмении в том отношении, что это единственный пока район, с которым исторические письменные источники связывают судьбу одного из старо-туркменских, огузских племен—племени Языр, поселившегося здесь еще в домонгольскую эпоху и остававшегося частично на этой террито-

рии, видимо, вплоть до конца XVIII в.[1]), когда под натиском окрепнувших и усилившихся текинцев оно должно было покинуть свой юрт. Обрывки язырского племени удержались местами в районе Дуруна до настоящего времени, расселившись здесь мелкими группами, и даже отдельными семьями, среди сплошной массы текинцев.

Наличие в районе Дуруна осколков старого населения позволило предполагать, что использование при изучении Дуруна этнографического источника может дать определенные результаты, а потому работы в Дуруне предположено вести как в разрезе историко-археологическом, так и этнографическом. В 1946 году полевые работы в Дуруне предполагалось ограничить лишь рекогносцировочной поездкой двух научных работников, которая должна была ознакомить их с основными археологическими объектами района и выяснить объем и характер работ следующих лет. Поездка предполагалась краткосрочной. В рекогносцировке участвовали археолог Б. А. Литвинский, этнограф В. Г. Мошкова и ученый секретарь Института истории, языка и литературы Туркменского филиала Академии Наук СССР М. А. Сакали. В поездке принял также участие директор указанного института Б. М. Каррыев.

Маршрут поездки: в 2 часа дня 18 ноября на грузовой машине, предоставленной ТФАН'ом, 5-й отряд ЮТАКЭ выехал из Ашхабада, и между 5 и 6 часами вечера прибыл в аул Дурун, где было осмотрено городище, лежащее почти на окраине селения; здесь был произведен сбор керамики и сделана глазомерная съемка плана городища. Около 7 часов вечера отряд прибыл в Бахарден, где и была сделана остановка на ночь. 19 ноября в 9 ч. утра, взяв проводника из Бахардена, отряд выехал на городище Шехр-Ислам. По дороге была сделана остановка часа на полтора на городище Гёк-Тепе. Всю остальную часть дня отряд провел на городище Шехр-Ислам, произведя здесь глазомерную съемку городища и сбор керамического материала. Около 6 часов вечера отряд выехал в обратный путь и часа через 3 прибыл в Ашхабад.

К истории вопроса

Выбор археологических объектов, обследованных в рекогносцировочной поездке 1946 г., был сделан на основании ознакомления с работами наших предшественников, к рассмотрению которых и переходим.

Городище, лежащее в центре современного Дуруна, носит название «Эрк», которое туркмены переводят как «оплот», «сила», «крепость»[2]), и является именем нарицательным. Дурунский эрк, как удалось выяснить, никем до сих пор описан не был, хотя, будучи расположенным в культурной полосе бывшего Дурунского приставства Закаспийской области, он был совершенно доступен и, несомненно, хорошо известен всем, кто бывал в этой местности.

Первое, повидимому, упоминание Дуруна в русских источниках относится к 1615 году и принадлежит русскому посланнику Михаилу Тиханову, путь которого в Иран лежал через Хорезм и Кара-Кумы на «Дрюнь»[3]).

В 1813 г. «Дирун» упомянут в числе других городов при описании

территории, прилегающей к границам районов Астрабада и Мешхеда в работе Киннеира[4]).

К 1826 г. относится упоминание Дуруна Г. Друвилем под именем города «Диран»; это «город и главное место независимого округа к северу от Хорасана, управляемое туркменским начальником»[5]).

В компилятивной работе А. З., вышедшей в 1829 г., при перечислении городов Хорасана, заселенных кочующими туркменами, отмечен также «Диран»[6]).

Первое упоминание древнего городища в Дуруне относится к 1853 г. и принадлежит И. Э. Бларамбергу[7]).

В работе П. М. Лессара, вышедшей в 1883 г. дается описание пути из Хивы в Дурун и в качестве последней остановки, находящейся в 22 верстах от Дуруна, впервые упоминаются развалины Шехр-Ислама. Оба эти пункта нанесены на составленную П. М. Лессаром карту[8]).

В специальном археологическом обзоре Закаспия, который был сделан генералом Комаровым в 1888 г., ни Дурун, ни Шехр-Ислам не упомянуты[9]).

В 1896 г. в записках Восточного отделения РАО появилась рецензия А. Г. Туманского на известную работу В. А. Жуковского «Развалины старого Мерва». А. Г. Туманский, внося поправку в одно из замечаний автора, указал, что название крепости Базер или Ярз, предложенное В. А. Жуковским для обозначения крепости, куда направился правитель Мерва Беха-ал-Мульк, бежав от наступающих монголов, по направлению к Нисе, следует читать «Язер», «что будет соответствовать названию одного из отделений Огузова племени, часть которого по Абуль-Гази поселилась действительно к западу от Мерва и Нисы, а именно около Дуруна, поныне существующего под этим именем туркменского поселения около станции Закаспийской железной дороги — Бахарден»[10]). Кроме того, ссылаясь на персидские источники, А. Г. Туманский обратил внимание на известный уже в то время отрывок из работы автора начала XIII в. Наджиба Бекрана «Джехан-Намэ», где говорится, что языры, придя в Хорасан к пределам Шахристаны и Феравы, поселились в крепости Так. Однако, никаких выводов из этого последнего сообщения А. Г. Туманский не делает. Таким образом, было установлено правильное чтение исторического Языра и сделано отождествление его с современным аулом Дурун.

В 1899 году на ту же работу В. А. Жуковского был написан отзыв В. Г. Тизенгаузеном, в котором он также указал на возможность правильного чтения «Язер» вместо предложенного В. А. Жуковским «Базер» или «Ярз»[11]).

Сделанные А. Г. Туманским замечания о Дуруне привлекли к себе внимание В. В. Бартольда. В работе «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», вышедшей в 1900 г., рассказывая о бегстве из Хорезма Туркан-хатун от наступающих монголов, он говорит: «Царица удалилась сначала в область Язер в западной части нынешней Закаспийской области»[12]), и отправляет читателя в сноске к приведенному выше замечанию А. Г. Туманского. Никаких новых выводов или дополнений по интересующему нас вопросу В. В. Бартольд здесь не

делает. И только в 1914 г. в работе «К истории орошения Туркестана» В. В. Бартольд делает следующее указание на этот счет: «Приблизительно на пол-пути между Асхабадом и Кизыл-Арватом находятся развалины г. Дуруна; в домонгольскую эпоху здесь была крепость Так, получившая не позже XIII в. название Языр по имени поселившегося здесь туркменского племени (ссылка: А. Г. Туманский, Записки Вост. отд. Арх. Общ-ва IX 302 ст.). Под этим названием крепость упоминается еще в XIV в. в маршруте Хамдаллаха Казвини; во второй половине того же столетия в рассказе о походе Тимура (1384 г.) впервые, насколько известно, встречается название Дурун»[13]).

Таким образом, было впервые высказано положение об отождествлении исторических Така, Языра, Дуруна, местоположение которых определено на пол-пути «между Асхабадом и Кизыл-Арватом».

В «Списке развалин, пещер, курганов и др. памятников древностей, находящихся в Закаспийской области», составленном секретарем Закаспийского областного статистического комитета Э. Э. Тейле, в современном ауле Дурун были указаны «развалины крепости Эрк»[14]). Здесь, следовательно, впервые было приведено название древнего городища в ауле Дурун.

В «Очерке по истории Туркменского народа», вышедшем в 1929 г., В. В. Бартольд привел известные уже данные Абуль-Гази и Наджиба Бекрана, связав их с историей языров юрта. В. В. Бартольд опять подробно говорит об отождествлении Така-Языра-Дуруна. Приводим выдержку. «По словам писавшего в начале XIII в. Мухаммед Бекрана «Языры племя из турок: они попали к пределам Балхана и его гор. К ним присоединилось одно племя из Мангышлака, другое — из Хорасана; потом число их увеличилось и они усилились, выселились оттуда и пришли к пределам Шахристаны и Феравы и потом поселились в крепости Так; теперь они состоят из групп: чистые Языры, мангышлакские и персидские (парси)»[15]). Приводя в сносках географические определения Шахристана «к северу от Ниса, недалеко от Ашхабада» и Феравы — «ныне Кизыл-Арват», местоположение Така В. В. Бартольд не определяет совершенно. И далее говорит «местность, где поселились языры, указывается и у Абуль-Гази; по его словам, языры пришли в Хорасан и много лет жили около Дуруна; по этой причине Дурун называется языровым юртом. Некоторые языры поселились в горах близ Дуруна и занялись земледелием, в настоящее время их называют карадашлы»[16]).

....«К словам Абуль-Гази надо внести ту поправку, что название «Дурун» в географии этой местности (ныне развалины недалеко от железнодорожной станции Бахарден) появляется позже, чем название Языр; о Дуруне, повидимому, впервые говорится в рассказе о походе Тимура в 1384 г. Языры нашли в занятой ими местности только крепость Так. Историк Джувейни называет в одном месте эту крепость «Таком языркским», впоследствии название «Так» исчезает, и остается только название Языр»[17]).

В «Энциклопедии Ислама» в статье «Туркмены», говоря о язырах, В. В. Бартольд определяет место, где они поселились, следующим образом: «к востоку от Балхан, где раньше находилась крепость Так,

позже город Дуруи, сейчас место развалин недалеко от железнодорожной станции Бахарден»[18]).

Заканчивая обзор замечаний В. В. Бартольда о Таке-Языре-Дуруне, можно заключить, что у него не было никаких сомнений, что названия Так, Языр и Дурун прилагались к одному и тому же населенному пункту, а именно к городищу в современном ауле Дурун. Хотя ясного, прямого указания на отождествление Така-Языра-Дуруна с городищем «Эрк» в работах В. В. Бартольда нет, но это не меняет положения, так как в этом отношении он ссылается на А. Г. Туманского.

В 1930 г. в изучение Така, Языра, Дуруна работниками Института туркменской культуры в Ашхабаде (Туркменкульт) был введен, по их мнению, новый археологический объект: Шехр-Ислам, городище, находящееся в 18 *км* к северу от станции Бахарден, лежащее в настоящее время среди первых гряд наступающих барханных песков Кара-Кума.

Городище Шехр-Ислам, довольно значительное по размерам, удаленное от культурной полосы, труднодоступное, между тем привлекало к себе внимание исследователей еще в дореволюционный период, главным образом, благодаря большому водопроводу, который соединял город с водными источниками подгорной полосы Копет-Дага. Впервые городище Шехр-Ислам было обследовано небезызвестным в археологии Закаспийской области Дурунским приставом Ф. М. Михайловым в конце 90-х годов прошлого столетия. В 1898 г. в «Ежемесячных художественных литературных приложениях к газете Закаспийское обозрение»[19]) была опубликована его статья «Развалины города Шехр-Ислама» с приложением плана городища. Как видно из статьи Ф. А. Михайлова, им были произведены в трех местах городища пробные раскопки и добыт довольно значительный археологический материал. Ф. А. Михайлов проследил путь открытого им в Шехр-Исламе водопровода и дал подробное его описание, из которого видно, что водопровод этот питал не только Шехр-Ислам, но и лежащее выше поселение, именуемое Хараба-Шехр или Гёк-Тепе (по словам Ф. А. Михайлова). В заключительной части своей статьи Ф. А. Михайлов, в свете имевшихся у него тогда исторических материалов, высказал ошибочное предположение о возможности отождествить городище Шехр-Ислам с древней Нисой.

Труд Ф. А. Михайлова по обследованию совершенно нового археологического объекта — Шехр-Ислама, остался в научном мире совершенно незамеченным и никакой оценки не получил. В работе В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», вышедшей через два года после опубликования статьи Ф. А. Михайлова, никакого упоминания о городище Шехр-Ислам нет.

Выход в свет вышеуказанного труда В. В. Бартольда дал в руки местных исследователей богатейший исторический материал и породил новые попытки определить древнее городище Шехр-Ислам, не получившее определения у В. В. Бартольда.

В 1902 г. в газете «Асхабад» появилась большая статья одного из учредителей и членов кружка любителей археологии в Закаспийской области В. Д. Дейнеко, под названием «Гипотеза о так-наз. г. Шехр-Ислам»[20]). Автор, побывавший на городище, сообщает некоторые но-

вые подробности , но в общем пересказывает Ф. А. Михайлова, указав, между прочим, что работы Ф. А. Михайлова по Шехр-Исламу являются первыми по времени. Значительную часть своей статьи, как и нужно было ожидать, судя по названию статьи, автор посвятил попытке доказать, опираясь на работы В. В. Бартольда, что городище Шехр-Ислам должно быть отождествлено с древней Феравой. Из заключительного абзаца статьи В. Д. Дейнеко становится известным о работах начальника Бахарденской дистанции С. А. Тихонова, который произвел нивелировку вдоль всего водопровода городища от самых гор и предполагал довести ее до городища Шехр-Ислам и даже дальше.

Статья В. Д. Дейнеко о Шехр-Исламе также не нашла никакого отклика в научном мире, хотя из ряда имеющихся указаний видно, что городище Шехр-Ислам в это время в кругу специалистов и любителей археологии дореволюционного Закаспия было известно. В 1912 г. о «развалинах Шехр-Ислама между станциями железной дороги Бахарден и Келята по правую равнинную сторону её» упомянул Б. Л. Литвинов в статье «О старине Закаспии»[21]).

В «Протоколах кружка любителей археологии» в упомянутой выше статье Э. Э. Тейле Шехр-Ислам пропущен, но в примечании, со слов члена кружка И. А. Беляева, отмечены развалины Шехр-Ислама в 20 верстах от станции Бахарден.

Упомянул о Шехр-Исламе А. А. Семенов, посещавший городище это еще в дореволюционный период[22]).

Совершенно необъяснимым является полное молчание В. В. Бартольда о Шехр-Исламе, относительно изучения которого Ф. А. Михайловым и В. Д. Дейнеко он не мог не знать. Статья В. Д. Дейнеко вышла в газете «Асхабад» 27—28 марта 1902 г., а летом 1902 г. В. В. Бартольд был в командировке в Средней Азии, останавливался в Ашхабаде и встречался с В. Д. Дейнеко, с которым до этого находился в переписке[23]). Трудно предположить, чтобы В. В. Бартольд не был поставлен в известность о только что вышедшей статье В. Д. Дейнеко, тем более, что последняя в своей заключительной части полностью построена на работе В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия». Кроме того вопрос, затронутый в статье В. Д. Дейнеко, был не безразличен В. В. Бартольду: к исторической топографии данной территории и определению местоположения исторических Феравы и Шахристана В. В. Бартольд, как известно, неоднократно возвращался в своих работах. Местоположение Феравы или Афравы он определяет в Кизыл-Арвате, ни словом не опровергая В. Д. Дейнеко, поместившего ее в Шехр-Исламе.

По всей вероятности, только ознакомление с перепиской В. В. Бартольда и В. Д. Дейнеко, если таковая сохранилась в личном архиве В. В. Бартольда, позволит выяснить этот небольшой, но интересный вопрос.

Археологическое обследование Шехр-Ислама, проведенное Институтом туркменской культуры в 1930 г., является, таким образом, по крайней мере третьим по счету; вышеуказанные работы Ф. М. Михайлова и В. Д. Дейнеко, видимо, остались неизвестными работни-

кам указанного института при исследовании ими Шехр-Ислама, так как в сводных статьях С. А. Ершова «Итоги трех лет»[24]) и «Археология в ТССР за 20 лет»[25]) указаний на них не имеется, так же как в других указателях литературы по археологии Туркмении, помещенных в «Туркменоведении» (№ 1—2 за 1931 г. и 10—11 за 1929 г.).

Научные результаты археологической разведки Института туркменской культуры в 1930 г. были опубликованы в статье А. А. Марущенко «Существенные поправки»[26]).

В этой работе автор, опираясь на археологические наблюдения, в чрезвычайно лаконичной форме, уточняет местоположение некоторых исторических пунктов Туркмении (Ферава, Огурча, Ахур, Языр, Багобад и др.). Материал, относящийся к Таку-Языру-Дуруну изложен в краткой заметке (около 50 полустрок), озаглавленной «Языр — развалины города Шехр-Ислама». Соглашаясь с тем, что в «Очерке истории туркменского народа» «В. В. Бартольд убедительно и веско обосновал схему преемственности одного и того же исторического пункта,» автор считает, что в «вопросе локализации Така-Языра-Дуруна в указания В. В. должна быть внесена существенная поправка.» Проведя впервые археологическое обследование городища в современном ауле Дурун, экспедиция пришла к заключению, что городище это принадлежит персидскому городу XVIII—(!)[27])—XIX в.в. возможно стоящему на городище XVII—XVI вв., поэтому поместить здесь Так-Языр-Дурун нашла невозможным.

Исследование Шехр-Ислама и обнаружение в нем ранней керамики убедило экспедицию в возможности именно здесь поместить Так, Языр и «Старый Дурун» тимуридской эпохи[28]). Впрочем, в определении датировки городища Шехр-Ислам среди работников Института туркменской культуры были, видимо, разные мнения, так как в статье С. А. Ершова «Итоги трех лет»[29]) городище Шехр-Ислам отождествляется с историческими крепостью Так и городом Языром XII—XIII вв.

В заметке «Языр — развалины города Шехр-Ислам», помимо исторических выводов, дается краткое описание городища Шехр-Ислам и приводятся некоторые соображения об истории его развития; детальное рассмотрение этих фактических материалов будет сделано во второй части настоящего отчета.

Рекогносцировочные работы Института туркменской культуры вновь подняли как-будто уже решенный вопрос о локализации Така-Языра-Дуруна. К сожалению, вышеупомянутая статья « Существенные поправки», написанная уже после смерти В. В. Бартольда, никаких откликов или критики так же как две предыдущие статьи о Шехр-Исламе, не получила.

В свете имеющихся исторических, археологических и этнографических материалов, относящихся к данному вопросу, догадку о помещении Языра и, может быть, Така в Шехр-Исламе можно признать весьма вероятной гипотезой. Что же касается возможности помещения в Шехр-Исламе «Старого Дуруна», то это положение представляется маловероятным и едва ли найдет реальное подтверждение в дальнейшем. Впрочем, в этом отношении концепция автора рассматриваемой

заметки, вероятно, вследствие ее краткости и лаконичности, выражена весьма неясно и не совсем понятна.

* * *

На основании известных в настоящее время весьма отрывочных опубликованных материалов письменных источников невозможно составление последовательного исторического обзора рассматриваемой нами территории. В. В. Бартольд в своем «Очерке по истории Туркменского народа» привел большую часть известных сейчас исторических фактов, относящихся частично к истории язырова племени в связи с его поселением в Хорасане и отчасти к истории самого города Така-Языра и Дуруна и прилегающей к ним территории. Хронологически рассматриваемые В. В. Бартольдом материалы укладываются в рамки XI—XVII вв. В настоящее время представляется возможность дополнить их еще некоторыми историческими материалами, выявленными в «Материалах по истории туркмен и Туркмении»[30]), а также использовать некоторые этнографические данные, касающиеся потомков племени языр, карадашлы.

Настоящему, приводимому ниже историческому очерку племени языр и занятой им территории придается только значение предварительной рабочей сводки имеющихся материалов по данному вопросу.

Говоря о язырах и местах их поселения в Хорасане, В. В. Бартольд установил, как указывалось выше, историческую последовательность в названиях Так-Языр-Дурун, прилагавшихся в разное время к центру язырова юрта. В. В. Бартольд считает, что языры в занятой ими местности нашли только крепость Так. Это заключение сделано В. В. Бартольдом на основании приведенного выше сообщения автора начала XIII в. Наджиба Бекрана о поселении языров около крепости Так и на основании сообщения другого автора тоже XIII в. — Джувейни (род. 1226 г.), который в рассказе, относящемся к монгольскому завоеванию, упоминает название «Так», «Так язырский». Принимая во внимание, что Джувейни был почти современником излагавшихся им событий, можно думать, что название «Так», применительно к крепости, занятой язырами, бытовало еще в XIII в., хотя, наряду с этим, употреблялось уже и название Языр. У того же Джувейни в рассказе, относящемся к более раннему периоду — к самому началу XIII в. (1208 г.), говорится о «туркмене из Языра»[31]). Название Языр употребляется при описании событий XIII в. и другими авторами XIII в. — Ан-Несеви[32]) и Рашид-ад-Дином[33]).

Никаких других сведений о крепости Так, которую нашли языры в занятой ими местности в Хорасане, пока не имеется. Возможно, специальная работа по первоисточникам может современем выявить какие-нибудь новые материалы в этом отношении. Сейчас же можно только сказать, что не только данная крепость в древности носила название «Так». Не предпринимая никаких специальных исследований в этом отношении, сошлемся только на работу В. В. Бартольда «Историко-географический обзор Ирана», в которой имеются сведения о крепости Так в Сеистане (в расстоянии одного перехода от Зереджа); в X в. это был небольшой город, но уже в XI в. он превратился в сильную крепость, которую Махмуд Газневид взял в 1003 г. только с большим трудом[34]).

Далее, ссылаясь на Ибн-ал-Факиха, В. В. Бартольд указывает на место «Так» где-то в горах Мазендарана, где по преданию хранились сокровища персидских царей[35]).

Название «Так», что в переводе с арабского значит «свод», «арка», «купол», прилагается, согласно В. В. Бартольду, к отдельным зданиям и сооружениям: на середине перевала, отделяющего долину Аб-и-Керинд от долины Махидешт, «было каменное здание сасанидской постройки с мраморным куполом. Здание существует и теперь и носит название Так-и-Гирра»[36]).

Укажем далее на сохранившуюся часть знаменитого дворца «Так-и-Кесра» в Ктезифоне; постройка которого приписывается Хосрою Ануширвану, и — «Так-и-Бустан» — известный сасанидский рельеф близ Керманшаха[37]).

Не исключена возможность, что рассматриваемая нами крепость Так обязана была своим названием какой-либо постройке соответствующего типа, которая в ней находилась или на месте которой крепость возникла.

Перейдем к рассмотрению материалов о племени Языр.

У Махмуда Кашгарского в списке огузских племен род «Язгыр» числится десятым, тамга его «IIIV»[38]). В. В. Бартольд считает, что в живом языке звука «г» уже в то время не было[39]), т. е. название этого племени произносилось как «Языр».

В списке огузских родов Рашид-ад-Дина род Языр помещен пятым по счету. Он числится в группе «детей Ай-хана из ветви Бузук, из правого крыла войска». К этой группе племен относятся: первый Языр, второй Дюкер, третий Дудурга, четвертый Япарлы. Онгон этой группы — «орел»; «Языр» переводится Рашид-ад-Дином как «много стран будет у него» ([40]).

Помещение племени Языр в списке Махмуда Кашгарского на десятом месте и у Рашид-ад-Дина на пятом месте списка, т. е. первым во второй четверке огузских племен, несомненно свидетельствует об увеличившемся значении этого племени на протяжении XII—XIII вв. Здесь необходимо отметить, что указанные выше списки огузских племен, в сущности, далеко еще не изучены и таят в себе еще много неразгаданного; весьма вероятно, что сам порядок перечисления огузских племен в этих списках отражает значимость этих племен в определенный исторический период. Заметим, например, что у Махмуда Кашгарского первым в списке стоит «Кынык» — это племя, к которому относились сельджуки; появление последних на исторической арене в XI в. полностью объясняет, как нам кажется, помещение племени Кынык Махмудом Кашгарским на первом месте его списка.

Возможно, что и перемещение племени «Языр» с десятого места в списке Махмуда Кашгарского на пятое место в списке Рашид-ад-Дина отразило превращение его в этот период в сильную племенную организацию, получившую большое общественное значение, которое сохранялось, видимо, еще и в момент составления списка Рашид-ад-Дина.

Едва ли, однако, подобное историческое значение может быть придано списку огузских племен, приведенному Абуль-Гази. В его списке языры стоят, как и у Махмуда Кашгарского, на десятом месте, что не противоречит, однако, как нам кажется, мнению В. В. Бартольда о

том, что труд Абуль-Гази написан частично на основании материалов Рашид-ад-Дина и, главным образом, на основании устных преданий[41]). Возможно, что в основе списка Абуль-Гази, как и списка Махмуда Кашгарского, лежит одно и то же народное предание туркмен. Абуль-Гази переводит «Языр», как «глава племени». Тамга языров, по Абуль-Гази, дается в виде знака | |.[42])

Сведения, которые сообщает Наджиб Бекран о язырах, позволяют предполагать, что в домонгольское время племя языр возглавляло крупнейший союз туркменских племен, образовавшийся на территории западной Туркмении. По названиям «чистые» языры, «персидские» и «мангышлакские» можно судить о территории, которую этот союз занимал еще в начале XIII в. О том, что вокруг языров сгруппировались «мелкие племена», говорится и у Абуль-Гази. К сожалению, пока нет данных для того, чтобы судить, к этому ли периоду возвышения языров относятся слова Абуль-Гази о том, что у языров были свои цари[43]).

Объединение туркмен в крупные племенные союзы, о которых говорит Абуль-Гази, было, повидимому, явлением очень обычным для туркменской действительности. Традиция эта полностью сохранилась и у туркмен после монгольского завоевания. В XVI в. следы такого объединения сохранились в Прикаспии, где, видимо, в XV в. такого рода союзное объединение имело место[44]). Возглавлялось оно племенем салыр. Салыры составляли группу «ички салыров» — внутренних, а союзные племена — теке, иомут, эрсари — группу «ташки салыров» — внешних. Салырский союз занимал обширную территорию от Мангышлака на севере до северного Хорасана включительно на юге[45]). Следы такого же племенного объединения в XVI в. прощупываются на северо-восточном берегу Каспийского моря в группе так называемых эсен-илийских или хасан-илийских туркмен, в которую входили чоудоры, игдиры и ряд других мелких племен, названия которых источником не приводятся[46]).

Точных указаний на время поселения языров на Балханах и в Хорасане нет. Сообщение Наджиба Бекрана о приходе языров на Балханы, а затем в Хорасан не датировано, так же как не датированы сообщения Абуль-Гази о приходе их в Дурун. По всей вероятности, языры, судьба которых тесно связана с Балханами, были в числе тех огузских племен, которые здесь укрепились еще до прихода сельджуков. Из переписки предводителей сельджуков с султаном Ма'судом (1036/37) видно, что даже в Хорасане, не говоря о Балханах и Хорезме, кроме сельджуков, в это время были другие огузские племена, находившиеся во враждебных отношениях с сельджуками.

Первое датированное известие о язырах приводится только автором XIII в. Ибн-ал-Асиром в рассказе, относящемся к 1160 г., о битве хорезмшаха Иль-Арслана с язырами, причем место этого сражения не указано. Другое сражение языров с владетелем Мазандерана, о котором сообщает тот же автор, относится к 1161 г.[47]).

Из слов Наджиба Бекрана, писавшего свой труд между 1200 и 1220 г.г., можно, повидимому, вывести заключение, что названия «чистые языры», «фарсские» и «хорасанские» в момент написания его труда еще были в употреблении.

Этими упоминаниями ограничиваются, собственно, сведения, относящиеся к XII и началу XIII в.в. о язырах, как племени. Если бы мы не

располагали сообщением Наджиба Бекрана о многочисленности племени языров и его значении в этот период, то из имеющихся у других авторов беглых замечаний нельзя было бы составить никакого представления о роли и значении племени языр в занятой ими местности. Нельзя также с достоверностью утверждать, что Ягмур-хан, стоявший во главе войска языров, сражавшегося с хорезмшахом Иль-Арсланом в 1160 г., был из языров.

Было ли уже в половине XII в. в какой-то степени племя языров прочно связано с территорией, называвшейся в XIII в. их именем? Языр, как населенный пункт, как уже указывалось выше, впервые упоминается только авторами XIII в. в связи с описанием исторических событий тоже только XIII в.; то обстоятельство, что в это время бытовало еще название «Так» и «Так-языркий», пожалуй, может служить доказательством того, что название Языр вошло в упстребление недавно, т. е., вероятно, этот населенный пункт получил название Языр в XII в. в связи с усилением в это время племени Языр.

Из относящегося к 1208 г. сообщения о попытке одного «туркмена из Языра» захватить одну из крепостей Языра можно заключить, что в этот период название города переносилось уже на всю округу[48.49]). В XIII в. Языр составлял особое владение, где 11 лет правил Хинду-хан, устранивший от престола своего брата Омар-хана. После смерти Хинду-хана Туркан-хатун, мать хорезмшаха Мухаммеда, присоединила Языр к Хорезму, ссылаясь на брачное родство между последним ханом Языра и тем племенем, к которому принадлежала сама Туркан-хатун. Просьбы Омар-хана вернуть ему владения отца результатов не имели. В 1220 г. во время бегства Туркан-хатун из Хорезма в Мазандеран Омар-хан был убит, как известно, на границе области Языр[50]).

В связи с этим рассказом о Языре и его династии возникает вопрос, с какого времени владение это возникло в Языре и когда оно было присоединено к Хорезму. В исторических источниках имеются сведения о подчинении хорезмшахом Текешом «близких и удаленных» городов Нисы[51]). Нужно думать, что и Языр в это время разделил общую участь и подчинился Хорезму. Последнее, однако, не исключало возможности сохранения в Языре и местных владетелей, каким являлся Хинду-хан, правивший здесь 11 лет.

В приведенном выше рассказе о бегстве Туркан-хатун из Хорезма говорится, что отец Омар-хана и Хинду-хана был тоже владетелем Языра, что позволяет, во всяком случае, отнести утверждение этой династии в Языре к последней четверти XII в. Однако нет никаких данных, чтобы поставить ее в связь с упомянутым выше Ягмур-ханом, выступавшим с язырами в исторических событиях 1160—1161 гг.

Происходила ли династия Хинду-хана из языров также неизвестно. Что же касается ее отношения, в лице самого Хинду-хана с хорезмшахами, то здесь, несомненно, существовала тесная связь, (может быть вынужденная), о чем свидетельствует факт женитьбы Хинду-хана на родственнице и соплеменнице Туркан-хатун, которая, по имеющимся сведениям, происходила из племени Канглы.

В период монгольского завоевания Хорасана Языр упоминается несколько раз. При наступлении монголов на Мерв, правитель последнего Беха-ал-Мульк, оставленный здесь хорезмшахом Мухаммедом,

бежал в Так язырский и оттуда ушел в Мазандеран[52]). Никаких подробностей о взятии монголами Языра в источниках не имеется. Взятие Языра в числе других второстепенных городов Хорасана было поручено отдельным монгольским отрядам. При вторичном наступлении монголов около 1230 г. Языр был среди городов, сдавшихся монголам частью добровольно, частью вынужденно[53]).

По словам Рашид-ад-Дина, также писавшего о взятии монголами Языра, последний причисляется к значительным городам Хорасана[54]).

В период монгольского владычества в Средней Азии Языр входил во владение Хулагидов. Он упоминается дважды (в 1255 и 1292 гг.) в числе городов, поставлявших необходимое для войска продовольствие[55]).

Едва ли в противоречии с этой оценкой находится описание Языра автором XIV в. Хамдаллахом Казвини, который говорит, что Языр средний город, относится к четвертому поясу и богат хлебом[56]). Упоминается Языр при описании дороги от Бистама до Хорезма в части пути от Джуржана до Дахистана: «От Джуржана 9 фарсахов до скрещения двух дорог, одна идет в Языр, другая в Дахистан[57]). М. Е. Массон в работе «Силуэты Сумбарского района» высказал мысль, что путь этот проходил через долину Сумбара[58]).

Входил ли Языр в XIV в. в сферу политического влияния Золотой Орды — неизвестно. Имеются только косвенные указания, позволяющие говорить о возможности тесных связей рассматриваемой нами территории с Золотой Ордой при Джанибек-хане и Бердибеке, влияние которых и политическая власть по данным Абуль-Гази, распространялась на всю западную часть современной территории Туркмении[59]).

В пользу этого предположения говорит также имеющееся известие о написании, повидимому еще при жизни Джанибек-хана, посвященного ему труда ученым Мавлана Зиад-ад-Дином из Тафтазана — селения или города, принадлежавшего к округу Нисы[60]). Подобное посвящение литературного труда Джанибек-хану местным ученым могло иметь место только при наличии тесных, если не зависимых отношений данной территории с Золотой Ордой в то время.

Упоминается Языр в XIV в. также в связи с одним событием, связанным с началом сербедарского движения. Речь идет о заключении в «замок Так, что в Язере» или «в замок Язер» одного из популярных проповедников сербедаров, шейха Хасана Джури, который, пробыв здесь некоторое время в заточении, затем был освобожден своими мюридами[61]).

После распадения монгольского государства в Иране Языр попал во владение, образованное Аргун шахом. Аргун-шах был главой туркменского племени Чунгурбани и завладел большею частью Хорасана[62]). В конце XIV в. вся территория северо-западного Хорасана с Тусом, Мешхедом, Джурджаном, а также области Абиверда, Нисы и Языра до пределов Дахистана принадлежала сыновьям Аргун шаха — эмиру Мухаммед-беку и после него его брату Али-беку[63]). После длительной борьбы с последним представителем этой династии Али-беком Тимур положил конец этому владению в 1382 г.[64]). Значительная часть этой территории отошла после этого к владетелю Ма-

зандерана — эмиру Вали, в том числе и округ Языр. Последнее предположение можно сделать потому, что во время второго похода против эмира Вали в 1384 г. Тимур взял с боем принадлежавший последнему Дурун и казнил его коменданта[65]).

В XV в. Языр входил во владения Тимуридов.

Из географического сочинения Хафизи Абру, написанного в 1420 г., можно сделать заключение, что Языру в это время придавалась значение центра округа. Хафизи Абру перечисляет 22 селения, из которых 19 имели подчиненные местности, входившие в округ Языр: «Селение Дарман; селение Абхадаран, имеет подчиненные местности; селение Мандаст, имеет подчиненные местности; селение Хасанабад, селение Фарава, имеет подчиненные местности; селение Нам Ноу; селение Нухур, имеет подчиненные местности; селение Расфан, имеет подчиненные местности; селение Дере, имеет подчиненные местности; селение Тамсак, имеет подчиненные местности; селение Джармаба, имеет подчиненные местности; селение Шукри, имеет подчиненные местности; селение Руман, имеет подчиненные местности; селение Харе, имеет подчиненные местности; селение Нижний Нур, имеет подчиненные местности; селение Джунан имеет подчиненные местности; селение Мурси имеет подчиненные местности; селение Баравэ, имеет подчиненные местности; селение Рав, имеет подчиненные местности; Мешед имеет подчиненные местности; селение Арсуран, имеет подчиненные местности»[66]).

Установить местоположение на современной карте всех этих пунктов пока не представляется возможным. Из приведенных названий полностью совпадает с селениями, известными сейчас на данной территории современной Туркмении, только один Нухур. Но по всей вероятности Рав Хавизи Абру можно отождествить с современным Зау; Мурси — с современным Мурча; Арсуран — с современным Арчман; Джармаб — с современным Гермаб, Абхадаран с Бахарденом и Дурман с Дуруном.

Имеет некоторый интерес этимология названия «Дурун», сохранившаяся в народных представлениях современных туркмен. Нами записано два варианта толкования слова «Дурун». Первый вариант отождествляет «Дурун» с «Дуринг» — «остановись» и связывает его с нижеследующим повествованием, относящимся к истории Шехр-Ислама.

В старые времена Шехр-Ислам был большим, богатым городом, население его было очень зажиточно. Богатство его жителей способствовало падению нравов. Распущенность и бесстыдство воцарились в городе, бог прогневался на население Языра и решил уничтожить последний. В Языр было послано два «странника» — каких-то мусульманских святых, которые, придя в город, не могли найти себе пристанища и куска хлеба ни в одном доме — настолько жадны и неприветливы были его жители. Последнее обстоятельство еще больше утвердило бога в необходимости уничтожить Языр. Только одна женщина-старуха приютила «странников» и за это была ими спасена от гибели. Странники сказали ей: «Покинь город и иди к горам до тех пор, пока не услышишь возгласов «Дурынг» — «остановись» — там оставайся». Женщина в ту же ночь покинула обреченный город. На месте современного Дуруна она услышала обещанный возглас и поселилась

здесь на жительство. Так было положено основание современному Дуруну.

Второй вариант легенды производит «Дурун» как «два направления», «два истока», объясняя это название тем, что именно из Дуруна был выведен водопровод, который делился на два протока, питавших два города (Шехр-Ислам и Гёк-Тепе), принадлежавших сыновьям одного царя. Подробности этого варианта легенды неизвестны, т. к. он был передан лишь в виде краткого пересказа С. Н. Иомудским, слышавшим этот рассказ от одного дурунского курда в 1929 г.

Языр, как географическое название, удерживается в источниках на протяжении всего XV в. В 1407/08 гг. он упоминается в числе городов, принадлежавших Улугбеку (его опекуну Шах-Мелику)[67]).

При Тимуридах Языр упоминается как пограничный город наряду с Нисой. В 1456/57 г.г. туда отправилось несколько эмиров для охраны границ тимуридских владений[68]).

Через Языр в 1463/64 гг. проехал Султан-Хусейн, направляясь из Хорезма в Нишапур[69]).

Наиболее позднее из упоминаний города Языра, насколько позволяет судить материал, опубликованный в «Материалах по истории туркмен и Туркмении», относятся к самому началу XVI в. В работе Хондемира «Хабиб-ус-Сиар», написанной в 1521—24 гг., в рассказе о распрях Тимуридов перечисляются города Хорасана, розданные султаном Хусейном в управление своим сыновьям; при этом Мухаммед Мухсин мирза получил в управлении Тус, Мешхед, Абиверд, Нису, Дурун и Языр[70]).

Тот же автор в рассказе о походе шаха Исмаила в Хорасан против Шейбани-хана в 1510 г. приводит сведения о бегстве ставленника Шейбани-хана, бывшего правителем Астрабада, Ходжа Ахмеда Конграда, из Астрабада в Хорезм. Он бежал через ущелье Зарде-хак и отправился в Языр, Дурун, а оттуда в Хорезм[71]).

В свете приведенных исторических данных можно говорить, следовательно, о Языре и Дуруне, как о двух различных населенных пунктах, сосуществовавших довольно продолжительное время. В имеющихся в нашем распоряжении материалах после 1510 г. название г. Языра не встречается совершенно, в то время, как Дурун начинает упоминаться очень часто вплоть до XIX в. Селение, носящее название Дурун, находится и в настоящее время, как указывалось выше, в 5 *км.* к востоку от железно-дорожной станции Бахарден Закаспийской железной дороги.

Упоминаний о Дуруне для данного периода очень мало. По словам А. А. Семенова, он располагает рукописью, которая, согласно имеющихся в ней сведений, была переписана в г. Дуруне в XIV в. В. В. Бартольд в «Очерке истории туркменского народа» считает, что наиболее ранним упоминанием о Дуруне является рассказ о походе Тимура в 1384 г. в Хорасан[72]).

В начале XVI в. районы северного Хорасана от Мейхене до Дуруна, согласно хивинским источникам, были подчинены узбеками Хорезма[73]). Это подтверждает также и Абуль-Гази[74]).

После напряженной династической борьбы между потомками первых узбекских завоевателей Хорезма, в начале 20-х годов XVI в. был произведен раздел уделов между двумя семьями правящей династии Хорезма. Дурун вошел в состав владений потомков Бурге (линия Ильбарса и Бальбарса), в то время как соседняя с ним Ниса отошла к владениям потомков Аманека, также, как некоторые другие прикопетдагские города Хорасана: Багабад, Абиверд, Чача, Мейхене[75]).

Дурун с округой находился в непосредственном владении одного из потомков Ильбарса — Мухаммед-Гази-Султана. С именем этого владетеля Дуруна связано начало новой династической борьбы в Хорезме, повлекшей за собой полное уничтожение власти потомков Бурге.

Один из сыновей узбекского хана Хорезма-Аванеша (из потомков Аманека), — Дин-Мухаммед-султан, не имевший собственного удела, возглавлял отряд джигитов, с помощью которых делал нередко военные набеги на Хорасан. В одном из таких предприятий Дин-Мухаммед у колодца Динар ограбил сборщика податей, отняв у него 6 верблюдов и 30 овец (дань, собранная с какой-то группы туркмен). Владетель Дуруна, упомянутый выше Мухаммед-Гази-султан, схватил Дин-Мухаммеда при его возвращении из набега на Хорасан и, продержав его у себя несколько дней, отправил связанным к его отцу-Аванеш-хану, который доводился Мухаммед-Гази-султану родственником, так как был женат на его родной сестре. В дороге Дин-Мухаммед сумел освободиться, перебил стражу и ушел в Ургенч. Здесь, подделав печать своего отца и его жены, вызвал он из Дуруна письмом Мухаммед-Гази-султана и убил его в доме своего отца. Затем Дин-Мухаммед принял живейшее участие в начавшейся после этого схватке между враждебными семьями династии, окончившуюся почти полным истреблением потомков Ильбарса. Уцелела, между прочим, одна из жен Мухаммед-Гази-султана дурунского — туркменка родом из Беурмы, с двумя сыновьями и дочерьми, которые бежали в Бухару. Туда же бежали все потомки Ильбарса, оставшиеся в живых. Хорезм полностью перешел во владение династии из потомков Аманека, представители которой полюбовно поделили полученное наследство. Дурун при этом был отдан зачинщику распри — Дин-Мухаммеду[76]), который сумел в дальнейшем приумножить свои владения, образовал в Хорасане наследственное владение, просуществовавшее до конца XVI в. и играл очень заметную роль в истории Хивинского ханства.

Владение Дин-Мухаммеда занимало несколько двойственное положение в узбекско-иранских отношениях XVI в. Походы узбеков Хорезма и Бухары на пограничные районы Ирана, которые имели место на протяжении всего XVI в., заставили представителей Сефевидской династии стремиться к тому, чтобы склонить на свою сторону узбекских султанов, обосновавшихся в Хорасане, и затем даже содействовать укреплению их положения. Иранские источники сообщают, что в 1536/37 г. Дин-Мухаммед со своим малолетним братом Али-султаном присутствовал на приеме у шаха Тахмаспа. Иранский придворный историк Искандер Мунши говорит, что при выступлении шаха Тахмаспа против Убайдуллы-хана бухарского во время четвертого похода последнего на Иран в 1536/37 г., области Нисы и Абиверда бы-

ли поручены Тахмаспом управлению Дин-Мухаммеда[77]). Вопрос о времени, когда Дин-Мухаммед стал владетелем Нисы и Абиверда у Абуль-Гази неясен: он относит это событие то ко времени Актай-хана (конец 30-х годов), то к царствованию Кал-хана (40-ые годы)[78]).

У Абуль-Гази имеются еще сведения о присоединении Дин-Мухаммедом к своим владениям Мерва, полученного им в результате, якобы, поддержки в Мерве мятежного бухарского наместника Юлумбая[79]).

Вероятно, политика Дин-Мухаммеда, его ориентация на Иран и, если верить Абуль-Гази, прямые враждебные действия в Мерве против Убайдуллы-хана бухарского, — вызвали известный поход последнего в Хорезм в 1539 г. Едва ли причиной этого похода могли быть только происки одного из уцелевших представителей враждебной династии (из потомков Ильбарса), бежавшего в свое время в Бухару, как указывает Абуль-Гази[80]).

Сопоставление исторических событий этого времени позволяет предположить, что основной причиной, вызвавшей организацию этого похода, был захват Хорезма династией, которая стала в лице Дин-Мухаммеда на путь солидаризации с Ираном. Характер похода Убайдуллы-хана в 1539 году на Хорезм не был грабительским, а скорее носил характер политического мероприятия. В результате этого похода в порядке кровной мести в Хорезме были убиты многие представители династии из потомков Аманека, а затем были выведены из Хорезма узбеки, составлявшие военную силу страны и являвшиеся основной опорой династии. Уцелевшие от расправы Убайдуллы-хана члены династии бежали и нашли убежище в Дуруне у Дин-Мухаммеда. Он выступает здесь, как центральная фигура событий. Повидимому, причастность его ко всем развернувшимся событиям была столь очевидна и ясна для современников, что руководящая роль владетеля Дуруна безоговорочно признается источником.

Дин-Мухаммед в сопровождении уцелевших султанов устремился в опустевший Хорезм и, с помощью вступивших в его войско туркмен-адаков, одержал победу над войсками Убайдуллы-хана[81]). Эта победа Дин-Мухаммеда записана Абуль-Гази в число славных и геройских дел его, как члена династии; иранские же источники рассматривают ее, как победу шаха Тахмаспа, считая, что Дин-Мухаммед действовал «со стороны шаха Тахмаспа». Они сообщают, что после победы Дин-Мухаммед отправил шаху гонца с радостной вестью и в ответ на это получил от шаха почетные халаты и «царскую грамоту брать ежегодно с Себзевара по 300 тавризских туманов»[82]).

В дальнейшем, Дин-Мухаммед обосновался в Мерве и образовал здесь потомственное владение, отношения которого с Ираном изменились и далеко не всегда были устойчивыми[83]). Дурун же был передан младшему брату Дин-Мухаммеда — Али-султану, который являлся в дальнейшем главой одного из самых крупных феодальных владений Хивинского ханства, включавшего в себя как города Хорезма, так и города Хорасана. Али-султан, насколько позволяет судить имеющийся материал, в период своей самостоятельности, находился в резко-агрессивных отношениях с Ираном, нарушив полностью, в этом отношении, линию поведения Дин-Мухаммед-султана[84]).

После смерти Али-султана в 1565/66 году, Дурун, повидимому, перешел опять во владение потомка Дин-Мухаммеда — Нур-Мухаммед-хана и разделил участь других городов этого владения, ставшего в начале XVI в. ареной борьбы между Абдулла-ханом бухарским с одной стороны и Ираном и Хорезмом — с другой.

В 1592 г. Дурун и Ниса были отняты у Нур-Мухаммеда Хивинским ханом Хаджи-Мухаммедом[85]). Нур-Мухаммед обратился за помощью к Абдулла-хану бухарскому, предложив ему Мерв за обещание вернуть Нису и Дурун. Заняв Мерв, Абдулла-хан отказался итти дальше. Нур-Мухаммед бежал в Абиверд[86]). Комбинированный поход Абдулла-хана в 1593 г. в Хорезм и Хорасан одновременно, отдал в его руки Хорезм и ряд городов Хорасана[87]). Был ли Дурун в их числе — неизвестно. Нет также данных, чтобы судить о судьбе Дуруна после смерти Абдулла-хана, когда весь Хорасан перешел к шаху Аббасу и в Мерве было восстановлено владение Нур-Мухаммед-хана[88]).

К XVII в. относится интересное сообщение Абуль-Гази, сделанное в его «Родословной туркмен», относительно перемены племенного названия язырами. Говоря о том, что языры, поселившиеся в горах близ Дуруна, занялись земледелием, он добавляет: «в настоящее время их называют карадашлы»[89]).

Здесь следует обратить внимание на то, что Абуль-Гази, говоря о карадашлы, относит это новое название лишь к той части языров, которая осела на землю, т. е. несомненно обеднела, и, потеряв возможность заниматься скотоводством, обратилась к земледелию. В то время только крайняя нужда заставляла туркмен становиться «чомурами» — земледельцами; земледелец рассматривался ими в те времена бедняком.

Может быть, название «карадашлы» носил один из родов племени «языр», обосновавшийся в районе Языра и Дуруна; с течением времени родовое название группы завуалировало название племени. Примеров такого рода в туркменской действительности было немало. Подобный рост значения родовой группы языров мог иметь место, скажем, в условиях распадения племени и откочевания части его на другую территорию, на что имеются косвенные указания. Но более вероятным кажется нам, что карадашлы сложились из обедневших разнородных групп языров.

Указания Абуль-Гази на получение племенного названия карадашлы какой-то группой из языров является пока единственным свидетельством на этот счет, тем не менее оно несомненно вполне достоверно, так как имеет также некоторые реальные подтверждения этнографического характера.

По неоднократно проверенному свидетельству Г. И. Карпова, до сего времени среди туркмен Ахала признается первенствующее значение карадашлы несмотря на их бедность; на всякого рода народных празднествах, общественных сборищах и т. д. представители карадашлы играют первенствующую роль: получают первый кусок угощения, подают знак к открытию праздника и т. д. Еще более интересным является сохранявшийся до недавнего прошлого обычай у карадашлы хоронить своих покойников около городища Шехр-Ислам, на месте их древнего юрта, что позволяет бесспорно видеть в карадашлы потомков древних языров.

В 1615 г. Дурун был первым городом на пути из Хорезма в Иран. Русский посол Михаил Тихонов называет его местом «украйным», в котором русское посольство не смогло найти свежих лошадей, хотя навстречу ему выехало человек сто с «воеводой» во главе[90]).

В 1628 г. Дурун упоминается в связи с восстанием, поднятым в Хорасане хивинским ханом Исфендиаром и его братом Абуль-Гази Багадур ханом[91]).

Население Хорасана в этот период было смешанным. Население сельское было, повидимому, тюркским: здесь упоминаются туркменские племена карамаш и салыр, а также джелаиры. Исфендиар и Абуль-Гази решили разослать специальные воззвания военачальникам и туркменским представителям. Некоторые представители знати Нисы и Дуруна известили Абуль-Гази о своем согласии сдать ему эти города. Видимо, очень значительная хорезмийская ориентация «дурунской аристократии», возможно из туркмен, заставила иранского правителя бежать из Дуруна. Захватив Нису и Дурун, Абуль-Гази и Исфендиар сделали неудачную попытку взять Абиверд и Мерв. Преследуемый иранскими войсками, Абуль-Гази вернулся в Нису. В генеральной битве между иранскими войсками и туркменами под предводительством Рахман-Кули карамаша последние были разбиты; Абуль-Гази, направившийся из Нисы в Дурун, узнал здесь о понесенном поражении и отступил в Хорезм с большой группой населения, которую он намеревался переселить из Хорасана. Однако, все это население, со скотом и имуществом, было отбито иранскими отрядами, а Абуль-Гази с братом бежал в Хорезм.[92]).

К началу XVIII в. в районах Нисы и Дуруна упрочивается положение туркменских племен али-эли, имрели, теке, иомут, о чем говорится в источниках в связи с началом деятельности на данной территории Надир шаха.

Во главе туркмен этих мест стоял, владевший Дуруном, Са'ид султан, который после похода сюда Надира вынужден был подчиниться и заключить с ним мир. После того, как Надир был разбит Махмудом Сеистанским, дурунские туркмены оказали поддержку афшарам, восставшим против Надира. Однако Надир, выступив из Келата, разбил тех и других близ Абиверда. Союз Дуруна и Нисы с Махмудом Сеистанским против Надира продолжался еще некоторое время, пока, наконец, Надир не нанес серьезного поражения туркменам под Багабадом и заставил их себе подчиниться[93]).

Дурун, наряду с другими городами северного Хорасана, вошел в состав империи, созданной Надир-шахом, и на протяжении всего его царствования упоминается, как город, с постоянным военным гарнизоном, содержавшимся здесь для отпора восставшим постоянно против Надир-шаха туркменам. К концу царствования Надир-шаха в его войсках упоминаются отряды из жителей Нисы и Дуруна[94]).

В начале XIX в. туркменские племена имрели и али-эли продолжали оставаться в Дуруне, Нисе, Абиверде и Мехине, но значительная часть селений Ахала была занята текинцами. Завоевание Ахала текинцами в общей сложности длилось более ста лет. Оно представляло собою целую цепь военных выступлений, набегов и нападений отдельных небольших групп текинцев, возглавляемых предприимчивы-

ми, деятельными сердарами, направленными против жителей Ахала, будь то туркмены или другое население. Начало завоевания Ахала связывается народным преданием с именем Кеймир-Кера, современника Надир-шаха.

Вытеснение карадашлы из Ахала народное предание связывает с концом XVIII в.[95]). Основная часть их переселилась в Хорезм: с конца второго десятилетия XIX в. они неизменно участвуют во всех походах хивинских ханов в Хорасан против туркмен и Ирана, а также на север против казахов и каракалпаков. Довольно значительная группа из числа карадашлы, переселившихся в Хорезм, до настоящего времени обитает в Ильялинском районе Ташаузской области. Отдельные небольшие группы карадашлы разбросаны по Аму-Дарье[96]) и вкраплены в другие туркменские племена.

Выселение карадашлы из Ахала все же было непоголовным. Отдельные семьи этого племени держатся в районе Дуруна и Бахардена до настоящего времени.

Изучение истории заселения рассматриваемой нами территории туркменскими племенами на протяжении XVII—XIX вв. явится задачей работ V отряда ЮТАКЭ в 1947 году.

ГОРОДИЩЕ ДУРУН

Городище Дурун никем не описано, хотя о нем нередко упоминают различные авторы. В этом отношении расположенным в пустыне развалинам Шехр-Ислама повезло больше—они были описаны три раза.

Городище Дурун находится в 5—6 *км* к востоку от станции Бахарден. Здесь в 600 *м* к югу от линии дороги высится основное укрепление, которое местные туркмены называют Эрк-Кала. Все пространство между дорогой и укреплением заполнено глинобитными развалинами. Общий облик этих развалин напоминает Анау, но здесь нет большого количества башен-дингов, столь характерных для последнего. Многочисленные разрушившиеся и еще целые строения дадут последующим исследователям возможность восстановить основные черты планировки этой части, расположенной с севера и востока от основного укрепления. Однако, подробные исследования смогут и дать представление о характере отдельных типов сооружений, являвшихся ведущими для города XVII—XIX вв. (жилые помещения, укрепления типа кала, медресе, мазары и т. д.) и выявить локальные особенности как этих сооружений, так и специфику планировочного облика всего города.

Дорога, пересекающая площадь, занятую развалинами глинобитных строений, выходит затем к восточной стене укрепления. С высоты этого укрепления становится ясной общая схема города. В центре находится укрепление-кухендиз, арк, с юга и запада к нему примыкает окруженный стеной шахристан, к юго-востоку и к северу от арка и шахристана располагается ремесленно-торговый пригород города, рабад.

Арк Дуруна представляет в плане почти точно ориентированный по странам света четырехугольник, с размерами 120×50 *м*, причем больше вытянут он в меридиональном направлении. Он и сейчас, несмотря

на отсутствие стен, значительно возвышается над уровнем окружающей местности. В юго-восточном углу его высота равна 11-12 *м*. Интересный вопрос о том, не был ли использован при возведении арка естественный холм, не может быть сколько-нибудь убедительно разрешен без глубокой шурфовки.

Наиболее возвышенной является северная часть, в центре ее врыт каменный столбик—пункт тригонометрической сети. Возможно именно здесь—если судить по рельефу—находились основные помещения арка. Общее понижение идет на юго-запад. В южной части имеется неглубокое котловинообразное углубление с весьма оплывшими краями, предположительно след бывшего когда-то здесь небольшого хауза. Поверхность арка усеяна кирпичом и строительным камнем, много мелких всхолмлений и отверстий, ведущих как будто в пустоты.

Въезд был в юго-западном углу, где сейчас имеется широкий далеко отходящий вперед выступ. Такой въезд по пандусу, не был необычным; его можно наблюдать во многих крепостных сооружениях. Арк Дуруна, как и цитадель любого другого среднеазиатского города, имел также фортификационное назначение. С этой стороны он вполне удовлетворял всем требованиям. Прекрасный обзор, достаточная высота делали его сильной крепостью. Цитадель не была целиком включена в стены шахристана, поэтому ее защитники при осаде могли надеяться лишь на укрепления арка. Следствием этого является тот факт, что наиболее мощной была северо-восточная башня, державшая под обстрелом подходы к арку с севера и востока.

Стены сейчас не сохранились, но в былые времена они, надо думать, на несколько метров возвышались над самим арком, так что общая высота, которую должны были преодолевать нападавшие, достигала полутора, а в некоторых местах двух десятков метров. По периметру стен шли выступавшие вперед башни. Сейчас заметны остатки семи башен. В одной из наиболее хорошо сохранившихся — юго-восточной, благодаря сильному размыву, обнажилась кирпичная кладка тела башни. Это сырцовый кирпич $26 \times 26 \times 6$—6.5 *см*. В этой же башне есть круглое отверстие для деревянной балки диаметром 27 *см*. Угол ската стенки башни достигает 60—70°. На ее верхней площадке были помещения, что чувствуется по рельефу. В другой башне, расположенной в середине восточной стены, также благодаря промоинам, обнажилась кладка из сырцового кирпича и в ней вкладки жженого кирпича размером $27 \times 27 \times 6$ (6.5) $см^3$, некоторые из них с алебастровой обмазкой — свидетельством первоначального употребления.

К северо-западному углу арка примыкает стена, тянущаяся сначала на запад — на расстояние 100 *м*, потом поворачивающаяся на юг—240 *м*, на восток—250 *м* и на север, подходя к юго-восточной башне цитадели—140 *м*. Это, несомненно, шахристан города. Его поверхность густо усеяна обломками строительного материала. Рельеф довольно сложен. Широкой полосой вдоль южной и западной стен идет возвышенность, состоящая из понижений и повышений. В южной стороне есть несколько холмиков—остатки больших строений. Вокруг южной и западной стен цитадели тянется низина, строительного материала тут почти нет—это следы рва, окружавшего цитадель.

Стена шахристана сохранилась неплохо, особенно в западной и

юго-западной частях, где издали можно как будто различать остатки башен. Замеренная в одном месте южной части она достигала 6 *м* в высоту и 3—4 *м* в оплыве.

Любопытно, что здесь, при огромном количестве строительных обломков, сравнительно мало керамики.

На городище были найдены фрагменты керамики, относящиеся к наиболее ранней из пока определенных групп средневековой керамики южной Туркмении, которая, как выяснилось в результате работ ЮТАКЭ 1946 г., должна относиться, по крайней мере, в IX—X вв. Один из них является фрагментом донца какого-то сосуда, видимо, тарелки, с невысоким плоским поддоном; другой — венчиком тарелки. Роспись черным с коричневым оттенком, желтым и зеленым нанесена на плотный белый ангоб. Сохранились лишь небольшие остатки глазури; на основной части поверхности ее совсем не видно, что, вероятно, свидетельствует о большом количестве щелочей в ее составе. Соединение с водой этих щелочей и вызвало разрушение глазури.

В сборах широко представлена керамика с зеленой голубой глазурью—фрагменты чирагдонов, кувшинов, тарелок, мисок и др. Фрагменты дна двух крупных блюд со сравнительно высокой кольцевой ножкой, напоминающей ножки сосудов из бадраба III Новой Нисы (раскопки 1946 г.) относятся, возможно, к XII—XIII вв.; часть фрагментов с зеленой глазурью принадлежат, вероятно, тому же времени.

Наиболее многочисленной является группа керамики XIV века, включающая в себе фрагменты сосудов различных форм. Определяющим признаком служит характер глазурного покрытия и гамма черного с голубым. Тесто черепка большей частью плохой отмучки, иногда с дресвой (Б-1/23), черепок в изломе имеет желтовато-кремовый кирпично-красный цвет. Все сосуды формованы на гончарном круге, поверхность их заглаживалась. Среди других имеется фрагмент дна и стенки большого блюда на невысокой кольцевой ножке, диаметр ножки = 9 *см*, толщина стенки = 0.7 — 0.8 *см*. Подстав прямой, тесто плохого качества, обработка поверхности небрежная. Внутренняя поверхность блюда покрыта голубой, плохо сохранившейся глазурью, с подглазурной росписью черным. Орнамент имел радиальный характер: от центра, в котором находилась какая-то геометрическая фигура, расходились узкие прямые полосы орнаментальных линий. Форма ножки и характер росписи имеют аналогии в керамике бадраба I Новой Нисы (раскопки 1946 г., эпоха XIV в.).

Остальные фрагменты этой группы (Б-1/ 3, 5, 12, 16, 17, 20, 21, 22, 24, 25, 26) имеют подобное глазурное покрытие, несколько отличающееся в оттенках тонов и деталях орнамента—геометрического или стилизованного растительного. Несколько особняком стоят фрагменты Б-1/2 роспись которого имеет марганцевый оттенок, и Б-1/5, несущий на себе следы эпиграфического орнамента.

О жизни городища в XV—XVI вв. свидетельствуют фрагменты керамики, характерной для этих столетий. Они сделаны из желтовато-кремового кашина и были покрыты двухсторонней глазурью, положенной на слой белого ангоба (иногда толщина ангоба достигает 0.5 *мм*), состав которого и цвет резко отличаются от состава и цвета черепка. На

ангоб нанесена роспись темносиней и иногда черной красками; глазурь прозрачная, белая. Орнамент сделан в виде геометрических и стилизованных растительных узоров.

Довольно многочисленную группу составляют фрагменты керамики нескольких типов с желто-коричневой, медово-желтой и черной поливой. Керамика этих типов была встречена и на Новой Нисе, но к сожалению, в мешаных слоях и, как будто, ни разу в датируемых комплексах. Поэтому она остается пока недатированной, хотя есть некоторые соображения в пользу позднего бытования части этой керамики.

Поверхность городища несет, кроме поливной, огромное количество неполивной керамики, дошедшей до нас исключительно в фрагментированном виде. Все сосуды этой группы, представленные в сборах, были изготовлены на гончарном круге и свидетельствуют о сравнительно высоком уровне гончарной техники. Характер черепка показывает, что даже для некоторых групп неполивной посуды считалась необходимой тщательная подготовка керамической массы, хотя ссновная часть неглазурованной керамики изготовлялась из теста плохой отмучки, включающего инородные частицы. Некоторые сосуды имеют заглаженную поверхность (Б-1/60); на других нанесен слой белого ангоба (Б-1/65, 69)). Черепок в изломе имеет различный цвет—от желтовато-кремового, до кирпично-красного, что можно объяснить, видимо, различным составом керамической массы и неодинаковыми условиями обжига.

Ни один из фрагментов не позволяет дать реконструкцию сосуда. В отношении формы может представить интерес дно одного сосуда (Б-1/69). Толщина дна—0.6 *см*, стенки—1.8 *см*. Плоский поддон непосредственно переходит в тулово, не отделяясь от него никакими желобком. Заманчиво видеть в этой недифференцированности свидетельство относительной древности формы.

Два фрагмента неполивной керамики настолько своеобразны, что требуют специального рассмотрения и должны быть выделены в особую группу. Эти фрагменты—Б-1/62 и 64—очень невелики, что совершенно исключает реконструкцию формы, а для одного из них—Б-1/64 даже определение техники изготовления. Более крупный фрагмент (Б-1/62) представляет из себя часть стенки котла или какого-либо другого крупного сосуда диаметром порядка 40—50 *см*, толщина его равна 1.5—1.8 *см*. Сосуд изготовлен способом ручной лепки, без гончарного круга. На внутренней поверхности заметны следы пальцев. Внешняя поверхность покрыта горизонтальными желобками и образовавшимися между ними валиками. Эта орнаментация выполнена очень небрежно, желобки пересекаются друг с другом, искривляются и т. д. Второй фрагмент (Б-1/64) представляет из себя скол со стенки какого-то сосуда. Характер орнаментации тот же, что и на предыдущем фрагменте, но выполнена она гораздо тщательнее, стенка, покрытая параллельными бороздками одинаковой глубины (около 1 *мм*) и ширины (5 *мм*), имела вид своеобразной каннелюрованной поверхности.

Невольно возникает вопрос, чем была вызвана эта совершенно необычная для гончарных изделий форма орнаментации, ассоциирующаяся с совсем другим материалом, отнюдь не глиной. Известно, что искусство Средней Азии знало перенос техники с одного материала на другой

(см. напр. камень и дерево в архитектуре). Факты таких заимствований-переносов, имели место и в гончарном производстве. Так, некоторые сосуды из Тали-Барзу V посыпались еще в сыром состоянии слюдою: получающаяся блестящая поверхность имитировала блеск серебра[97]); в музейных собраниях хранится немало неполивной керамики XI—XII в.в., подражающей гравированной металлической и т. д. В данном случае мы имеем факт подражания каменной посуде, обильно представленной на городищах этой части южной Туркмении и бытовавшей здесь продолжительное время. Отнюдь не пытаясь поставить во всем объеме вопрос об этой посуде, мы отметим только несколько фактов, связанных с затронутой сейчас темой. Важнейший вопрос о происхождении этой посуды, встречающейся на городищах Ашхабадско-Бахарденского районов, может быть разрешен лишь в результате тщательного изучения очень большого, желательно датированного комплексами, материала и сравнения его с точно паспортизированным материалом из других частей Средней Азии, с применением методов петрографического анализа. Пока что наиболее широко известны два центра изготовления этих сосудов: Нукан и Хорезм. О добыче в Нукане камня, из которого делают горшки, сообщают Истахри и Ибн Хаукаль[98]); Макдиси говорит о выделке в Нукане сосудов из камня[99]); то же самое известие находится в «Худуд ал-алем»[100]) и у других средневековых авторов. Изготовление каменных сосудов и разных поделок продолжалось до самого последнего времени. Орнаментированные сосуды изготовлялись из двух различных пород камня—серпентина и темносерого «мешхедского камня»; каменоломни находились несколько южнее Мешхеда[101]). Другим центром выделки каменной посуды был Хорезм, сведения об изготовлении каменных сосудов в нем были собраны М. Е. Массоном[102]). Секретарь египетского султана Мелик-ан-Насыр ибн Фадлаллах ал-Омари (ум. в 1348/49 г.) в своем труде «Пути взоров по государствам разных стран» замечает, что в Хорезме находится каменоломня, в которой из добываемого камня делают горшки для варки, они служат не портясь около 60 лет (по другой рукописи—всего 2 года[103]). Шли ли продукты хорезмийского каменного производства на экспорт или нет, источник ничего не сообщает. Несмотря на это Ф. В. Баллод допускает возможность хорезмийского происхождения каменной посуды, находимой на приволжских городищах[104]). Нет данных и о хронологических рамках изготовления этой посуды в Хорезме, во всяком случае о ней уже не упоминают как будто ни европейские посольства и путешественники, ни хивинские послы в Московском государстве.

Что касается территории самой Южной Туркмении, то тут зарегистрированы в литературе только ломки жернового камня в Больших Балханах[105]).

Хотя исторически был вполне возможен ввоз каменных сосудов в эту часть Южной Туркмении, как из Хорезма—широкие экономические и политические связи между Хорезмом и Хорасаном общеизвестны, так и из Нукана, но, вероятнее, все же основная часть каменных сосудов получалась именно из Нукана-Мешхеда, так как не было причин вести столь тяжелый товар из гораздо более отдаленного Хорезма; мешхедской же считает М. Е. Массон каменную утварь на обследованных им поселениях по Сумбару и Чандырю[106]), входивших, вероятно, в «Округ

Языра». Приведенные исторические сведения и соображения показывают, что каменная посуда не была местным товаром, факт импорта большей ее части является несомненным. Можно думать, что каменная посуда, хоть и в меньшей степени чем металлическая и стеклянная, была обычной лишь в обиходе в известной мере зажиточных людей. Сравнительно высокая ценность этой посуды нашла себе отражение в том, что после поломки она не выбрасывалась, а починялась. С другой стороны, этим-то и была вызвана имитация глиняной посуды под каменную: подражавшая каменной глиняная посуда находила, видимо, широкий сбыт и служила в обиходе беднейшей части населения заменой малодоступной им каменной утвари.

Таковы соображения, которые можно высказать по поводу материала, собранного на городище Дурун. Что касается времени существования Дуруна, то, как известно, под этим именем он первый раз упоминается в письменных источниках в 1384 г., когда во время второго похода на Мазандеран войско Тимура прошло Серахс, Абиверд, Нису, а затем с боем захватило Дурун[107]). Однако, А. А. Марущенко отказался «старый» Дурун тимуридской эпохи помещать на месте современного Дуруна[108]), основываясь, якобы, на археологических наблюдениях. Материалы, собранные 5 отрядом ЮТАКЭ, не только дают все основания для утверждения, что Дурун XV столетия помещался на месте современного, но и позволяют начинать его историю со времени, намного более раннего, чем 1384 год[109]).

ГОРОДИЩЕ ГӦК-ТЕПЕ

Городище Гӧк-Тепе находится в 5 *км* к северо-западу от железнодорожной станции Бахарден; местные жители его хорошо знают. Насколько известно, оно было впервые описано Ф. А. Михайловым в 1898 г. Описание это не только дает правильное общее представление об облике городища, но и содержит небезынтересные соображения о его истории. Михайлов писал, что городище это, обозначенное на карте «Хараба-Шехр», называется туркменами Гӧк-Тепе. Это был, очевидно, передовой форт Шехр-Ислама — пишет он. По Михайлову, городище Гӧк-Тепе квадратной формы и не имеет ни стен, ни рва. По его наблюдениям, кирпич и керамика однотипны с кирпичом и керамикой Шехр-Ислама. Отсюда Михайлов сделал правильный вывод о вероятности одновременного существования Шехр-Ислама и Гӧк-Тепе[110]). Позднейшие исследователи не упоминают об этом городище.

Сейчас городище Гӧк-Тепе лежит в песках, вблизи от культурной полосы. Развалины имеют неправильную форму и занимают пространство с востока на запад — 180 *м*, с севера на юг — 150 *м*. Городище очень мало возвышается над окрестностями; особенно низменна его западная часть, почти сливающаяся с местностью. Это очевидно могло получиться в результате того, что когда-то здесь, на такыре, возникло поселение, причем не была возведена какая-либо искусственная платформа. Более возвышенной является северная часть городища,

где оно имеет крутой скат, достигающий 3 *м* высоты. Однако общее понижение сводит на западе эту высоту на-нет. С большой долей вероятия можно предположить, что въезды и вводы воды были с юго-западной стороны, что в отношении воды подтверждают и местные жители. Другой въезд хочется поместить в восточной стороне, неподалеко от юго-восточного угла, в том месте, где все городище с востока на юго-запад перерезывает крупная ложбина. Следов стен и башен отыскать не удалось; возможно, что город не был укреплен, или укрепления были очень слабыми.

Городище имеет унылый вид: ни одного сохранившегося строения, ни одного деревца. Его поверхность от множества обломков строительного материала имеет кирпично-красный цвет. Жженые кирпичи громоздятся кучами, особенно много обломков. Такому виду городища способствует работа местных жителей, изымающих кирпич для своих нужд. Наиболее распространен квадратный кирпич $20 \times 20 \times 3$ *см*^{3}, хотя нередки кирпичи большего размера.

Интенсивная и длительная жизнь маленького города, названия которого мы не знаем (он несомненно фигурирует в списке Хафизи Абру, но каким термином он там обозначен — неизвестно), нашла достаточно яркое отражение в многочисленных фрагментах керамики, усеявших всю поверхность городища Гёк-Тепе.

К наиболее ранней керамике, встреченной на этом городище относятся фрагменты Б-II/1, 2, 3, 7. Первые два представляют фрагменты прямого венчика какого-то тонкостенного сосуда (типа тарелки-блюда), с прямым венчиком — закраиной диаметром = 32 *см*. Оригинальна орнаментация этого сосуда. На черепок хорошего теста положен белый ангоб, по которому была сделана роспись черным с коричневым оттенком. Композиция орнамента, насколько позволяет судить фрагмент, была радиальной, до самого венчика доходят сдвоенные полосы с треугольными утолщениями. Глазурь совсем не сохранилась, так что судить о ее тоне мы не можем. По своему характеру этот тип весьма близок керамике IX—X вв.

Видимо двум последующим векам принадлежат фрагменты Б-II/3, 7. Первый из них орнаментирован по белому ангобу темнозелеными, переходящими в черный, пересекающимися волнистыми линиями, образующими как будто ромбы, налегающие один на другой. Сверху все это покрыто светлозеленой поливой. Такой тип керамики довольно обычен на городище Афрасиаб и относится там к караханидскому времени. Едва ли не столь же ранними являются фрагменты некоторых сосудов, покрытых светлоголубой непрозрачной глазурью (Б-II/4, 20).

Керамика XIII—XIV веков и на этом городище очень многочисленна. Тональность ее и характер орнамента в основном те же, что и вышеописанной дурунской керамики этой группы. На некоторых сосудах орнамент представлен широкими горизонтальными полосами, венчики тарелок заполнены изнутри S-образными, также широкими мазками. На одном фрагменте следы эпиграфического орнамента. Что касается форм, то материалы позволяют делать некоторые наблюдения только в отношении венчиков. Венчики тарелок были с сильно отогнутой наружу закраиной (Б-II/8, 15) и с бортиком, резко отчлененным от

стенки (Б-II/15)[111]). Сосуды типа глубоких чаш (Б-II/14, 16) диаметром 20—35 *см*, имели далеко выступающий наружу молоткообразный венчик.

Особое место занимает фрагмент чаши (Б-II/19) со сравнительно невысокой кольцевой ножкой и полого поднимающейся стенкой. Гамма та же самая, что и у вышеописанной дурунской керамики: черная роспись, голубой фон. Но черепок не из простой глины, а из белого пористого кашина, глазурь очень прозрачная, глубокая. Характер росписи — стилизованные растительные побеги — скорее приближается к образцам XV века. Поэтому возникает предположение, что это скорее, быть может, представитель одной из групп керамики этого времени, на которой переживает старая гамма.

Керамика XV—XVI вв. представлена рядом фрагментов, отражающих бытование в то время разных типов гончарных изделий (Б-II/22, 23, 24, 25). Имеются также и фрагменты поливной керамики, которые мы не можем с большей или меньшей долей вероятия отнести к какому-либо определенному периоду.

Небезынтересно отметить разнообразие характера и техники орнаментации неполивной керамики: вдавленный и выпуклый штамп, процарапывание, налеп. В простейшем случае орнамент представляет из себя пересекающиеся процарапанные линии, иногда — сетку квадратов, в некоторых случаях это уже какие то стилизованные растительные побеги, с насечкой внутри контура (Б-II/32) или выпуклые розетки в окружении кружков-колец (Б-II/28). Пожалуй, наибольший интерес представляет из группы неполивной керамики фрагмент Б-II/27 с черепком кремового, переходящего в красно-коричневый, цвета и поверхностью, покрытой черным ангобом. Орнаментация состоит из полосы штампованных выпуклых миндалин. Характер орнамента, цвет и фактура создают полную иллюзию каменного изделия.

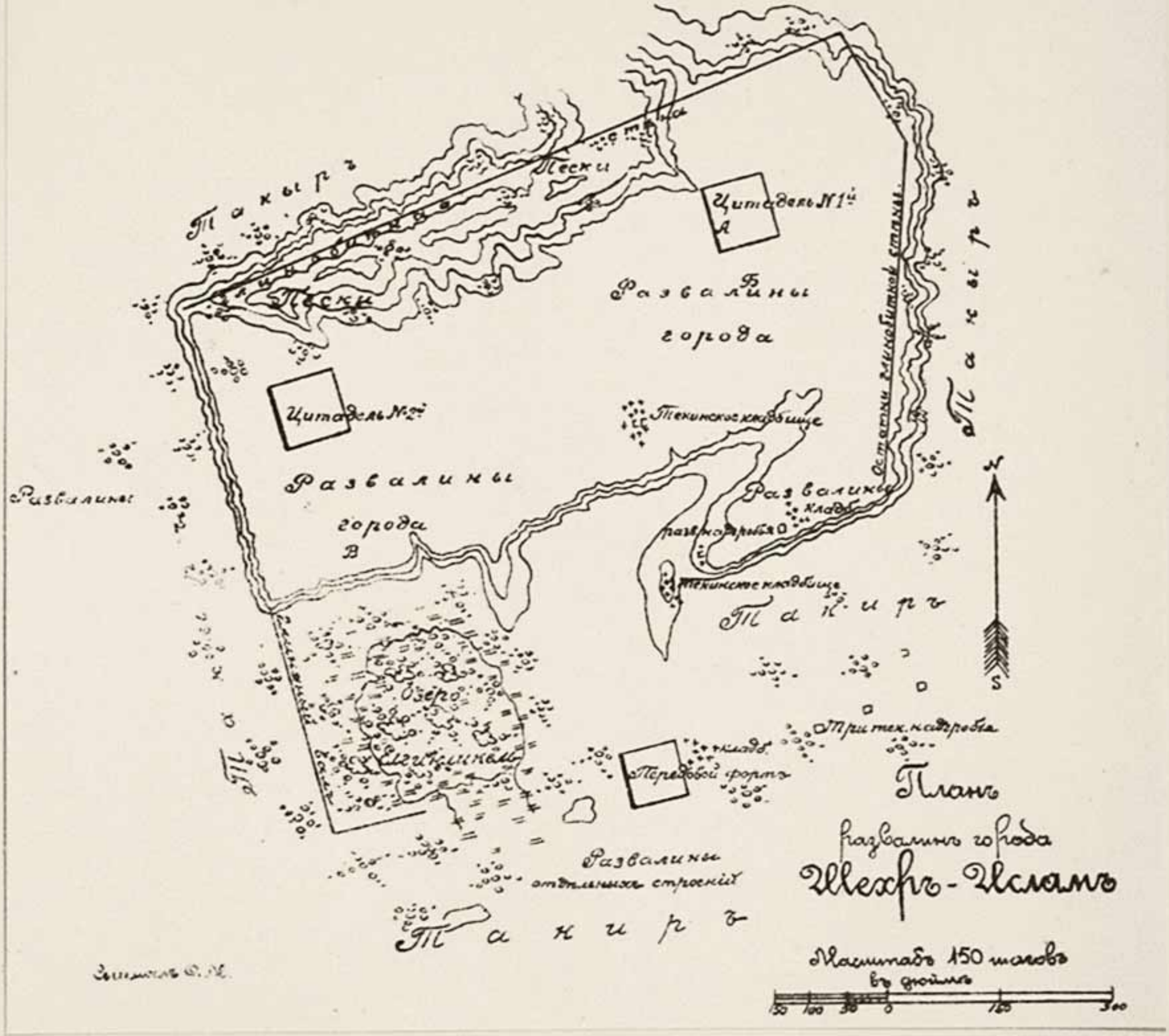
Встречена была и настоящая каменная посуда. В изломе каменные изделия настолько отличаются друг от друга, что кажется возможным, даже не будучи специалистом, говорить о разном материале, послужившем для их изготовления, что однако отнюдь не обязательно должно быть связано с различными пунктами ее происхождения. По форме два из них представляют котелки с невысокой стенкой, в одном случае отогнутой во внутрь, в другом — наружу.

Производства, существовавшие на этом городище, представлены железными крицами и керамическими шлаками.

Таким образом, собранный материал вмещается в границы с IX-го по XVI вв., что вероятно и соответствует периоду существования Гёк-Тепе, как города или городского поселения.

ГОРОДИЩЕ ШЕХР-ИСЛАМ

По дороге от Гёк-Тепе к Шехр-Исламу пески приобретают агрессивный характер, кое-где высокие песчаные холмы подходят прямо к дороге, иногда даже засыпая ее. Некоторое разнообразие представляют идеально ровные циркообразные такыры средних размеров. На них стоят поздние сооружения типа кала и мазаров, одно из которых но-


Пески
Цитадель №1
Развалины города А
Цитадель №2
Развалины города В
Развалины
Техническое кладбище
Развалины
Развалины
Развалины

сит название Даш-Кала, другое — Ягмур-Кала[112]). Любопытно, что Ибн-ал-Асир, при описании событий 1160 г., связанных с язырами, упоминает Ягмур-хана[113]), но теперешнее название калы едва ли связано с героем событий 1160 г.; скорее это простое совпадение.

В нескольких километрах от Шехр-Ислама, меньше чем в полукилометре к западу от дороги, находится небольшая площадка, покрытая жженым кирпичом; она незначительно возвышается над окружающей местностью. Это, скорее всего, был передовой пост, выдвинутый на юг от города.

Затем (в 19—20 *км* к северо-западу от ж. д. станции Бахарден) появилось само городище Шехр-Ислам. Это городище описывалось трижды. Первое (наиболее детальное) описание его принадлежит Ф. А. Михайлову, второе — сильно зависевшему от него В. Д. Дейнеко, третье — А. А. Марущенко[114]). Ф. А. Михайлов, кроме того, снял схематический, но в общем правильно передающий натуру, глазомерный план городища в масштабе 150 шагов в дюйме, т. е. 1:4500. Им же в трех точках городища были произведены небольшие раскопки: в цитадели № 1, южнее ее и в юго-западном углу шахристана.

50 лет тому назад Шехр-Ислам находился на краю огромного такыра[115]), сейчас, как и тогда, в некоторых местах засыпанного песком.

Развалины городища Шехр-Ислам довольно внушительны. Достаточно сказать, что общая площадь развалин достигает квадратного километра, а площадь, заключенная в городской вал (шахристан) — 30 *га*. Разумеется это намного меньше площади таких городов-гигантов, как Мерв (Султан-Кала) или Самарканд (Афрасиаб). Но Шехр-Ислам никогда и не был столицей Хорасана или Мавераннахра, поэтому его нужно сравнивать со «средними» городами, среди которых он занимал, видимо, далеко не последнее место.

Городище, как это показали наши наблюдения, очень сложно, состоит из многих разновременных частей, развитие городской жизни, рост городского организма, приводили к увеличению городской площади, изменению отдельных частей города и т. д., и по настоящему разобраться во всех сложных процессах, происходивших на этой площади, как-то связанных с изменением в социально-экономической структуре средневекового города, связанных также с политическими событиями и многими другими, можно будет только после тщательных разведок и раскопок. Только тогда, когда будут проведены по крайней мере небольшие раскопки — шурфования на цитаделях №№ 1 и 2, на городском валу и примыкающей к нему стене, в шахристане и рабаде, можно будет судить об истории этого, во многих отношениях замечательного города. Сейчас же можно лишь дать суммарное описание развалин Шехр-Ислама и попытаться набросать возможную, но во многих отношениях пока гипотетическую, картину его развития.

Та часть городища, которая, по нашему мнению, являлась шахристаном, обведена огромным валом, оконтуривающим ее со всех сторон. В общем можно сказать, что шахристан приближается по форме к четырехугольнику, однако, его стороны не представляют прямой линии, а состоят из отрезков разной длины. Размеры шахристана—700 *м*

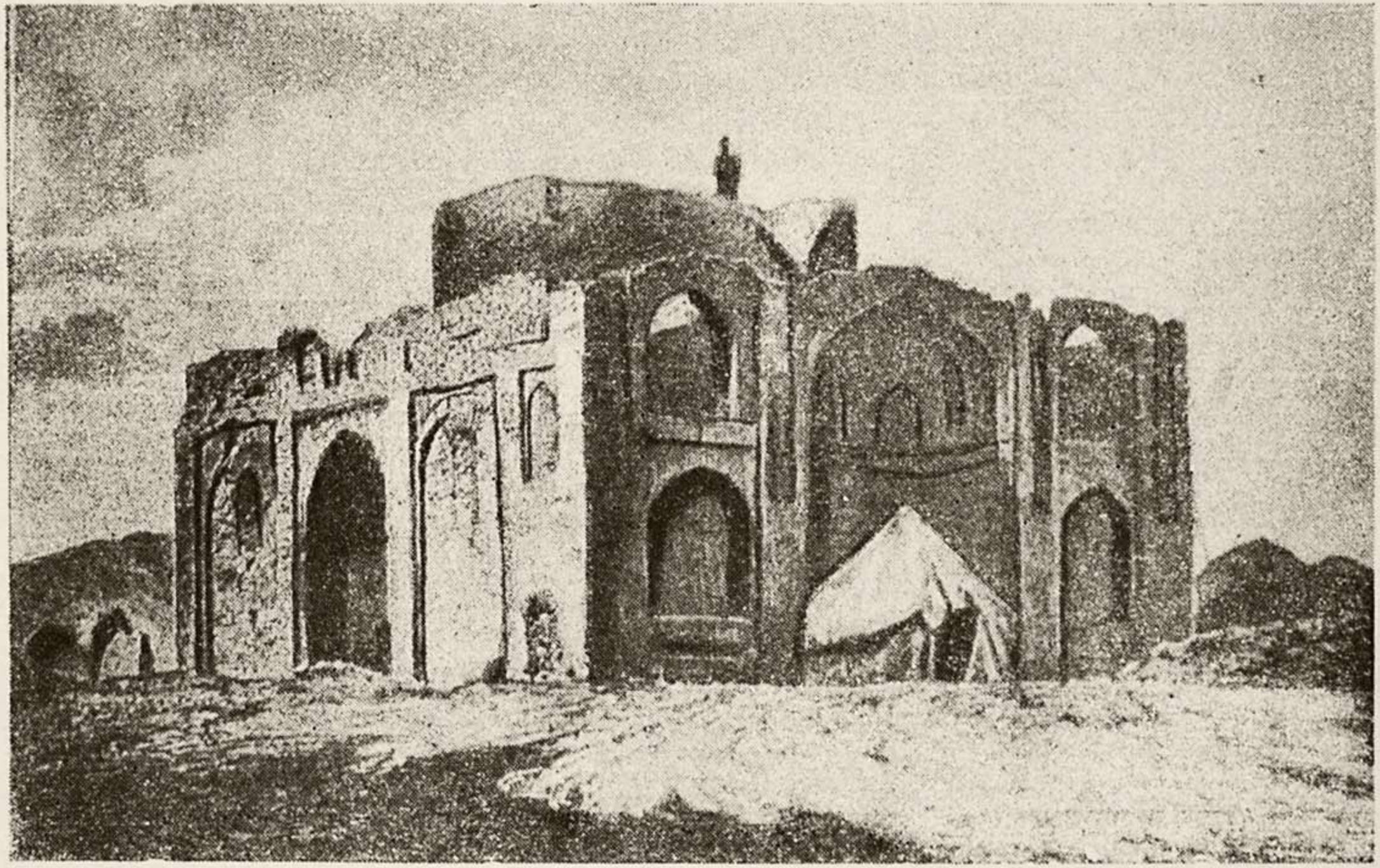
(северная стена) ×350 *м* (западная стена). Он ориентирован с юго-запада на северо-восток.

С гребня городского вала открывается величественная картина мертвого города, в котором когда-то буйно кипела жизнь. На месте громадных построек остались лишь небольшие бугры, да повсюду лежащий жженый кирпич наглядно свидетельствует об интенсивной градостроительной деятельности. Там, где когда-то находился центр управления целой областью, высятся пустынные холмы. Но город не только мертв и разрушен, природа постаралась и погрести его. Пески, окружающие кругом городище, в течение веков засыпали его значительную часть. Не спас и высокий городской вал: постоянные ветры переносили сюда частицы песка и они оседали внутри шахристана, скапливаясь особенно у северной и северо-западной стороны вала, где уже давно образовались огромные песчаные барханы, перешедшие затем за вал. Вал в некоторых местах так засыпан песком, что с трудом прослеживается. Песчаная гряда имеется и в центре шахристана, много скоплений песка и в других местах городища. Если судить по плану Ф. А. Михайлова, то 50 лет тому назад городище было занесено песком несколько в меньшей степени, чем теперь. Но думается все же, что процесс засыпания песком начался вскоре после запустения района и тогда можно надеяться, что под песчаным наносом сохранились прямо на поверхности более или менее целые строения, фундаменты и т. д., как это было, например, в Денданкане.

Стена шахристана, теперь превратившаяся в вал, представляла очень мощное сооружение. Даже сейчас вал возвышается над уровнем такыра на 5—7 *м*, имеет ширину по верху порядка 2—3 *м* и тянется по периметру на протяжении почти 2 *км*. Ф. А. Михайлов в свое время отметил в восточной и северной части еще и глинобитную стену по верху вала[116]). При изучении стены становится понятным, почему Так-Язырский обычно именовался крепостью: эта стена могла служить надежной защитой для жителей города при любой осаде. Что касается ее строения, истории возведения и т. д., то на эти вопросы сейчас можно ответить только предположительно. Во всяком случае сделано интересное наблюдение: поверхность вала сплошь усеяна керамикой и строительным материалом, причем керамики здесь даже больше, чем на остальной площади городища.

Внутри стены шахристана расположено две цитадели — одна в северо-восточном углу, отстоящая от стены всего на 60 *м*, вторая — на юго-запад от нее. Что касается первой, то это несомненно кухендиз, арк города, благодаря своей высоте весьма эффектно выделяющийся на общем фоне разрушения. Сделанный в виде четырехугольника он расположен так, что вершины углов ориентированы почти правильно по странам света. Склоны его сейчас, благодаря действию естественных агентов, оползли и размыты, но все же скаты еще очень круты. Южная башня имеет скат в 50—60° и высоту по скату 6 *м*. Длина сторон арка равна 59, 47, 64 и 60 *м*, диагональ север-юг — 90 *м*.

В южном углу, вплотную к арку, подходит площадка такыра и именно здесь, в стыке двух стен, находилась большая башня, если не самая крупная из башен арка, то, во всяком случае единственная, которая ясно прослеживается и сейчас. По верхней площадке арка она



Развалины сооружения „Кизыл-Имам".

выступает вперед на 4 *м* и столько же имеет в поперечнике. Если судить по оплыву, то она в плане должна была быть круглой. Стены, несомненно когда-то на много метров возвышавшиеся над внутренней поверхностью арка, другие башни — все это уничтожено человеком и природой; они могут быть реконструированы только на основании аналогий. Однако и без реконструкции видно, что арк Языра — эта крепость внутри крепости, мог с полным успехом выполнять свои функции подавления «городской черни» и защиты от внешнего врага. Сравнительно небольшой, он все же был достаточно просторным, чтобы вместить дворец правителя и казенные учреждения округа. Что касается входа в арк, то он настолько хорошо изолирован от окружающего пространства и так высоко поднимается со всех сторон над площадью шахристана, что даже трудно заметить точку, где могли располагаться ворота. Нет ничего невероятного в предположении, что здесь применялись какие-либо подъемные приспособления, например, подъемные мосты, известные в Средней Азии в домонгольскую эпоху[117]).

Наиболее возвышенной является северная часть арка, полоса повышения идет вдоль краев его площадки, она образовалась отчасти, должно быть, в результате оплыва стен. В центре с севера на юг идет небольшая ложбина. Видимо, в ее конце Ф. А. Михайлов произвел небольшой раскоп — на месте глубокой промоины, 4—5 *м* в ширину. В своей работе он пишет, что в этом месте обвал грунта обнажил стену из жженого кирпича, составлявшую по его мнению внутреннюю облицовку «стены укрепления». Перпендикулярно к ней шла другая такая же стена, принадлежавшая, по Ф. А. Михайлову, находившейся здесь «казематированной постройке». Стены сохранились на высоту одного аршина от пола. Ф. А. Михайлов отметил два ряда положенных плашмя кирпичей, решив, что это полы постройки в разные периоды ее существования. На уровне нижнего пола был найден «светильник в виде эмалированного молочника с удлиненным носиком» (чираг), несколько обломков стеклянной посуды и круглый камень вроде картечи. Под тем же нижним полом нашли «корчагу из черной мастики» (?), поставленную на кирпичном основании; в ней была зола и кость черепа[118]). Предположение Ф. А. Михайлова, что внутренняя стена арка была облицована жженым кирпичом, кажется по крайней мере рискованным. Во всяком случае, та кладка, которую он имел возможность наблюдать, могла быть с равным успехом и одной из стен какого-либо большого сооружения. Что касается назначения раскопанного строения из жженого кирпича, то оно едва ли могло быть «казематированной постройкой». Этому противоречит нахождение в ней фрагментов стеклянной посуды, которая, как известно, была обычна лишь в изысканном быту достаточно зажиточной части населения. Многочисленные кирпичи, сейчас находящиеся в промоине, видимо, происходят из этих зданий. Это квадратный жженый кирпич размером $20 \times 20 \times 4$ *см*^{3} и еще чаще $32 \times 32 \times 5$ *см*^{3}. Вообще жженого кирпича на арке очень много, что свидетельствует о наличии крупных строений. Кирпич часто плохого неровного обжига, с неодинаковыми по длине сторонами.

В северной части цитадели на скате внешнего оплыва стен, В. Г.

Мошкова обнаружила отверстие, которое при расчистке оказалось вертикальным «колодцем». Он был прикрыт сверху двумя рядами обожженного кирпича размером 24 × 24 × 6 *см*³, положенных плашмя без раствора, с вертикальной перевязкой. Под ними оказалось восьмигранное в плане отверстие диаметром 65—70 *см*. «Колодец» уходил вертикально вниз, его стенки были выложены из кусков жженого кирпича без раствора. Внутренность «колодца» была заполнена рыхлой землей; при расчистке на глубину 70 *см* никаких датирующих материалов обнаружено не было.

Сопровождавший нас проводник-туркмен рассказал, что в дни его молодости, лет 48 тому назад, какой-то туркмен пас верблюдов на арке Шехр-Ислама. Внезапно один верблюд исчез: он провалился и ушел в землю чуть ли не по шею. Хозяин вытащить его не смог; пришлось звать на помощь, и наш проводник сам видел, как вытаскивали этого верблюда. Яма, в которую он провалился, когда ее рассмотрели, оказалась якобы комнатой, с сохранившейся обстановкой, которую тут же разобрали по рукам. Это происшествие не могло быть придумано осведомителем, но он мог его приукрасить. Во всяком случае, рассказ туркмена и отчет о раскопках Ф. А. Михайлова вместе с нашими наблюдениями дают основание надеяться, что раскоп на арке может дать интересные результаты.

На юго-запад от этого арка, неподалеку от западной стены шахристана находится второй арк (?) города. Он представляет из себя возвышенную площадку прямоугольной формы с размерами 40 × 60 *м*². Над прилегающей территорией шахристана она возвышается примерно на 3 *м*. Довольно ровно спланированная, она также засыпана кирпичным ломом и усеяна керамикой. Следы стен и башен не обнаружены.

Огромный по площади городской шахристан так же, как и арк, не сохранил на своей поверхности ни одного сооружения. Общий рельеф представляет гигантскую площадку, с многочисленными повышениями и понижениями, холмиками, ложбинками и т. д. Повсеместно встречается жженый кирпич, чаще всего битый — несомненно в Языре, в черте шахристана очень распространены были постройки из жженого кирпича.

Близ южной стены городища проводник указал место, где в его молодости была «овлия». Сейчас там ничего нет. Неподалеку лежит небольшой намогильник из серого песчаника. Выветренность поверхности и сглаженность углов и граней говорят о ее древности. Никаких надписей на ней нет. Сейчас трудно сказать, происходит ли этот намогильник из той «овлий», о которой говорил проводник, или из какого-либо другого места. Что касается «овлии», то она еще 50 лет тому назад существовала и представляла, судя по описанию Ф. А. Михайлова, квадратный в плане, мавзолей из жженого кирпича. Уже в его время купол обрушился, наполовину были разрушены и две стены, внутри по углам еще сохранялась тогда «узорчатая кладка в виде кубических сталактитов»[119]), т. е. какие-то, видимо, ячеистые паруса. Из описания

Дейнеко следует, что в этот мавзолей вел арочный вход. «Остатки украшений из незатейливых арабесок» свидетельствовали, по его мнению, «о арабско-персидском» стиле позднейшего происхождения и об упадке вкуса. Он считает, что мавзолей возник после разрушения древнего поселения. Уже во времена В. Д. Дейнеко, т. е. в начале XX века, памятник настолько был разрушен, что внутренность его была засыпана обломками до высоты арки входа[120]).

В том месте, где на плане Ф. А. Михайлова поставлена «овлия», а рядом с ней — кладбище, и сейчас располагаются туркменские могилы, некоторые из них очень недавнего происхождения.

Ф. А. Михайловым были произведены небольшие раскопки к югу от первого арка. Была вскрыта нижняя часть комнаты. Пол и стены сохранились на высоту один аршин и были сделаны из жженого кирпича, размеры комнаты $1 \times 1\ ^1/_3$ сажен. На основании небольших размеров и найденной там лобной кости коровы, автор делает предположение о хозяйственном назначении этого помещения, в качестве коровника[121]), но такие функции помещения едва ли могут быть согласованы с фактом находки внутри его двух голубых изразцов.

Нами были отмечены внутри шахристана некоторые пункты, интересные для понимания исторической топографии города. Несколько южнее главной цитадели имеется холмик, на котором обнаружено скопление кирпичных шлаков. В южной части зарегистрировано место железоделательного производства: на площадке 5—6 *м* диаметром найдено 12 штук железных криц и шлаков. Неподалеку от железоделательной мастерской находилось архитектурное сооружение, облицованное прекрасными светлоголубой поливы плитками.

Недостаток времени не дал возможность осмотреть часть города, примыкавшую с юга к городскому валу. В. Д. Дейнеко называет ее «нижним городом». Эта часть города описана Ф. А. Михайловым; судя по его описанию и карте, к южному концу западной стены шахристана примыкает идущий в этом же направлении, т. е. на юг-юго-восток, глиняный вал 1—1.5 сажен высоты. Пройдя известное расстояние он круто, почти под прямым углом, поворачивает на восток, а затем обрывается. Внутри этого вала находится водоем квадратной формы со стороной 100 саженей. Сейчас водоем этот носит название Елгинли-кель; тамариском (елгин) порос не только сам водоем, но и окружающее его пространство. Водоем этот, по Ф. А. Михайлову, снабжал водой весь город[122]). Кроме того, на продолжении глиняного вала находится еще одно укрепление, несколько меньше по размерам, чем второй арк. Ф. А. Михайлов назвал это укрепление «передовым фортом».

Что касается въезда в городище, то основной въезд, вне всякого сомнения, находился примерно в середине южной стены шахристана, в том месте, где сейчас имеется большой перерыв в стене. «Передовой форт» был мощным предвратным укреплением, надежно прикрывающим наиболее уязвимое место городских фортификационных сооружений — ворота.

За пределами стены шахристана находятся остатки былой жизни

пригорода-рабада. Нами они отмечены в западном и юго-восточном направлениях от шахристана. За недостатком времени удалось пересечь рабад лишь в западном направлении. Рельеф его выражен прекрасно, легко читаются две группы развалин, тянущиеся от стены шахристана на запад, по крайней мере, на 300 *м*. Бросается в глаза сравнительная малочисленность фрагментов керамики при необычайном изобилии жженого кирпича и керамических шлаков.

К югу от шахристана, метрах в 250, находятся три мазара из жженого кирпича. Они имеют купола повышенного очертания. Здесь же располагается туркменское кладбище; на некоторые из могил положены каменные плиты, но без каких-либо надписей.

В условиях туркменского климата важнейший вопрос — это вопрос водоснабжения. Особо актуальное значение он имел для Шехр-Ислама, всегда, повидимому, стоявшего на границе оазиса и пустыни. При отсутствии воды город не мог бы иметь не только торгового, но и военного значения. Громадный ирригационный опыт жителей Южной Туркмении и тут помог им найти правильное решение. Был проведен большой протяженности (порядка 20 *км)* крытый кирпичный водопровод. Во время поездки удалось подметить первые его следы в 3 *км* к югу от Шехр-Ислама. Там с восточной стороны дороги появляется насыпь, тянущаяся в виде вала, то параллельно дороге, то отходящая от нее. По верху этого вала очень много кусков жженого кирпича, из которого был когда-то сделан водопровод. Если верить Дейнеко, то водопровод начинался у самых гор и начальник Бахарденской дистанции Тихонов произвел нивеллировку по трассе водопровода от источника до пункта в 6 *км* к северу от Бахардена, обнаружив несомненный склон к северу[123]). Первым его описал Ф. А. Михайлов[124]); вторично он был «открыт» во время экспедиции Туркменкульта 1930 г. А. А. Марущенко на основании расспросов местных жителей полагает, что водопровод брал свое начало из современного дурунского кяриза[126]), что кажется более правдоподобным, чем домысел Дейнеко. А. А. Марущенко и С. А. Ершов говорят о «двойном кирпичном водопроводе», «водопроводе двойной кирпичной кладки», не указывая, впрочем, результат ли это наблюдения или сообщения местных жителей. По Ф. А. Михайлову, из водопровода, при выходе его на такыр, окружавший Гёк-Тепе, отходили ответвления для орошения полей. Эти ответвления были сделаны из «обожженных глиняных труб, имеющих в разрезе форму квадрата со стороной в 1 четверть аршина»[127]), т. е. 17—18 *см*. Если Ф. А. Михайлов не ошибся, то это, насколько нам известно, первое в литературе указание на существование квадратных в сечении кабуров (если это не открытые квадратные желоба, аналогичные термезским прямоугольным)[128]). Разумеется, для истории ирригации детальное изучение этого водопровода, особенно частей, ныне скрытых под песком, дало бы очень много интересного. Но не только для нее. Попутно, быть может, удалось бы пролить свет на вопрос о движении песков Кара-кумов за определенный исторический период. Оценивая значение водопровода, нужно заметить, что он свел до минимума потерю воды в холостой части. При его разрушении город мог известное время снабжаться водой из хауза.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОДЪЕМНОГО МАТЕРИАЛА ГОРОДИЩА ШЕХР-ИСЛАМ

Метод систематического сбора подъемного материала со всей территории городища, разделенной на большие квадраты, достаточно хорошо оправдал себя при изучении Новой Нисы в 1946 г. Такой сбор может дать существенные результаты и при исследовании Шехр-Ислама, если этот сбор провести в массовом и планомерном порядке. Собранный же в результате кратковременного пребывания на городище материал, неизбежно является выборочным, и хотя он собирался по частям городища (шахристан — Б-III/7—85; цитадель 1—Б-III/85—97; цитадель 2—Б-III/98—116; стена — Б-III/116—143), мы даем общую характеристику, считая, что на основании его рискованно судить о истории отдельных частей города.

Одним из наиболее ранних является поднятый на центральном арке фрагмент средневековой керамики, относящийся к IX—X вв. Он покрыт двухсторонней чисто белой непрозрачной глазурью, видны следы подглазурной надписи (черной краской) куфическим почерком. Довольно значительную группу составляют фрагменты керамики, датируемой нами X—XI вв. (Б-III/1, 5, 6, 7, 8, 90, 117, 118, 120, 121, 122, 124, 126, 127, 128, 129). Основной фон обычно белый. Орнамент иногда выполнен в технике сграфитто (Б-III/7, 120), но чаще представляет из себя коричневую и черную роспись на белом фоне. Значительные части поверхности сосудов не несли на себе никакой орнаментации, будучи покрыты лишь светлой глазурью. Глазурь сохранилась плохо, часто ее можно различить только в виде блесток. В отношении гаммы и характера орнамента см. особенно Б-III/6. Это керамика в известной степени напоминает керамику XI—XII вв. Мавераннахра[129]), в отношении же техники росписи она несомненно тяготеет к хорасанской той же эпохи. Поэтому приведенная выше дата кажется нам наиболее вероятной для этой группы керамики.

Довольно ранними являются очевидно и два фрагмента Б-III/118, 127, резко отличающиеся от вышеописанных. Один из них (Б-III/127) является вариацией хорошо известной, но тем не менее до сих пор не разбитой на хронологические группы мраморовидной с зелеными и желтыми потеками самаркандской керамики. На другом фрагменте дробный геометрический орнамент в виде кругов и отрезков кривых линий (подглазурная роспись черной краской, фон белый).

К XII—XIII вв. относится фрагмент дна чаши на невысокой кольцевой ножке с двусторонней голубой поливой. Материал — очень твердый кашин. Форма ножки и глазурь имеют буквальные аналогии в керамике бадраба III Новой Нисы (раскопки 1946 г. эпоха XII—XIII вв).

Пока очень широкие рамки — XII-XIV вв. можно предложить для керамики с зеленой поливой. Только немногие из фрагментов этой керамики имеют более или менее близкие аналогии в датированных комплексах Новой Нисы. Таков например фрагмент Б-III/116, орнаментация которого. совпадает с орнаментацией на одном сосуде из ямы, вскрытой при работах ЮТАКЭ 1946 г. на городище Новая Ниса

и датированной монетой хорезмшаха Мухаммеда (1200—1220 гг.) — на плечиках кувшина проведены сближающиеся к горлу бороздки. Интересна форма фрагмента Б-III/68, представлявшего из себя небольшой бокальчик (или стаканчик) с округлой стенкой тулова и отогнутым наружу прямым венчиком. Он покрыт двусторонней непрозрачной темно-зеленой поливой, донце отсутствует. Есть фрагменты зеленой керамики, в стенках которых глубоко врезаны треугольные углубления. Венчик одного из таких фрагментов несет на себе оригинальный орнамент: от него была оттянута горизонтальная полоска, вдавливая которую пальцем получили своеобразные «пазухи», обращенные отверстиями вверх. Нередко в орнаментации зеленой керамики применялся штамп, разумеется до нанесения глазури.

Обширна и разнообразна группа керамики XIII—XIV вв. В это время наряду с прямыми венчиками для некоторых сосудов все больше входят в употребление оригинальные молоткообразные венчики, причем они были наиболее характерны для глубоких сосудов, типа округлых чаш разной величины, в том числе и очень крупных (Б-III/23, 61, 105). Отмечается и третий вид венчика — отогнутый наружу (Б-III/23).

Вся керамика, относимая нами к эпохе XIII—XIV вв., свидетельствует о низком техническом уровне тогдашнего массового гончарного производства. Характерно, что черепок обычно неоднородного обжига, глина теста — плохой отмучки, с инородными включениями и ракови-нами. Основными тонами являются черный, голубой и белый, иногда фигурирует зеленый. Орнамент нанесен под глазурь, чаще всего черным, реже черным и синим; в последнем случае основной фон является белым (сероватого оттенка). Рисунок орнамента различен; иногда он достигает большой сложности и не лишен известного изящества. Вариантов было очевидно очень много: тут и простое пересечение — решетка прямых линий, и плетенка стилизованного растительного орнамента, и сложные медальоны, заполненные изнутри точками и S-образными линиями, и древовидные побеги, отдаленно напоминающие вязь арабского письма. В орнаментации часто употребляются контрастирующие по толщине линии, причем эффект этого мог быть двояким: в том случае, если эти линии были одного цвета, должно было получаться впечатление изысканности, тонкости рисунка, в противном случае, когда, например, черные линии были тонкими, а голубые толстыми, почти полосами, толщина линий компенсировала меньшую интенсивность цвета.

Вероятно к этому же времени принадлежит фрагмент стенки тонкого кашинного сосуда (Б-III/20), голубой поливы, с прорезными дырочками, заполненными глазурью. Совершенно такой же прием встречается и в керамике одного из бадрабов Новой Нисы, относящегося к XIV в., впрочем этот прием употреблялся и раньше.

Керамика XIV—XV (?) вв. представлена также многочисленными фрагментами кашинной керамики, с темно-синей и черной подглазурной росписью или сплошным покрытием темно-синею глазурью. Формы не реконструируются. Орнамент в собранных образцах только геометрический.

На поселениях района Сумбара и Чандыря, расположенных к юго-западу от Шехр-Ислама, М. Е. Массон наблюдал среди встретившегося ему материала отсутствие чирагов, что им было поставлено в связи с негородским характером жизни этих поселений[130]). На Шехр-Исламе, так же, как на Гёк-Тепе и Дуруне, встречается немало поливных чирагов, покрытых зеленой и голубой глазурью, что стоит в полном соответствии с обликом этих городищ, бывших когда-то хорошо населенными городами.

В одном из пунктов шахристана были найдены облицовочные плитки размером $22.5 \times 22.5 \times 2$ см^3, покрытые голубой поливой и относящиеся, повидимому, к XII—XIII вв. Края этих плиток срезаны не под прямым углом, а имеют двойной скос во внутрь, что обеспечивало, по объяснению М. Е. Массона, лучшую спайку соседних плиток алебастром. Отсюда же происходит облицовочный «бантик», некоторые аналогии которому имеются в декорации мавзолея Султана Санджара (середина XII в.).

Относительно неглазурованной керамики нужно отметить факт наличия сосудов с инкрустацией кусочками голубой глазури (под цвет бирюзы) поверхности неполивных сосудов; уже разобранные выше подражания камню (Б-III/99), и штампованное подражание металлу (X—XII вв.). Один из сосудов последнего вида (Б-III/49) был сделан гончаром, может быть даже знакомым с техникой чеканки, настолько верно имитируется в глине поверхность металлического сосуда. Разные виды неполивной керамики, несомненно являвшейся, несмотря на многочисленность глазурованной, основным видом посуды в быту насельников Шехр-Ислама, не могут быть описаны с соответствующей полнотой в виду отсутствия целых форм. Наряду с большими хумообразными сосудами[131]), встречены сосуды средней и малой величины, а также небольшие сфероконические сосуды, на одном из которых имеется штампованный орнамент, представляющий полосу восьмерок. О городском благоустройстве свидетельствует фрагмент узкого толстостенного кабура.

Из фрагментов каменных сосудов, количество которых на городище очень значительно, представляет особый интерес обломок каменного котла, на котором можно видеть вставленную в просверленную в стенке каменного сосуда дырку бронзовую проволочку, служившую для скрепления разломанных частей стенки. Фрагмент венчика другого каменного сосуда (Б-III/59) перенес, как подметил проф. М. Е. Массон, вторичное использование в качестве формы для отливки свинцовых украшений, имевших вид восьмерки, при чем один кружок имел отверстие в середине, другой был сплошным, а в центре его был невысокий штифт. Интересно, что кусочек свинца сохранился в отверстии для штифта. В меньшем количестве встречаются мелкие фрагменты стеклянных изделий, различные по форме и цвету. Поднят был также фрагмент верхней части небольшого бронзового сосуда.

Собранный подъемный материал свидетельствует о широком развитии ремесла в городе. Тут имеются и крицы, и медные шлаки, и принадлежности гончарного производства, и керамические (кирпичные и гончарные) шлаки. К отходам керамического производства относится фрагмент пережженного сосуда с нанесенным до обжига

орнаментом, стенка этого сосуда «потекла» в результате слишком высокой температуры, при которой производился обжиг.

Наряду с утварью местного производства встречаются импортные изделия. Таковыми являются каменные изделия, упомянутые выше, фрагменты китайского селадона и рейской керамики.

Весь комплекс собранного на Шехр-Исламе материала позволяет датировать период его существования как города временем IX-XV вв.

СИЛУЭТЫ ПРОШЛОГО ШЕХР-ИСЛАМА

Первая попытка объяснения истории Шехр-Ислама принадлежит его первооткрывателю Ф. А. Михайлову. По мнению Ф. А. Михайлова, вал окружал «город в собственном смысле» (шахристан по нашей терминологии), находившийся на возвышенном месте. Первый и второй арки он называет в своей работе внутренними укреплениями; на плане они значатся у него как цитадель № 1 и № 2. Как и передовой форт они служили, по Ф. А. Михайлову, для защиты города[132]). Относительно идентификации города Ф. А. Михайлов приходит к выводу, что, учитывая значительно большую разрушенность Шехр-Ислама по сравнению с Мервом, надо считать его или очень древним городом эпохи до арабского завоевания или Нисой, разрушенной землетрясением, что соответствовало бы записанной им легенде о конце Шехр-Ислама[133]).

Второй исследователь В. Д. Дейнеко, почти целиком зависевший от Ф. А. Михайлова в части фактического описания, создал тем не менее отличную от него схему истории возникновения и развития Шехр-Ислама, высказав немало интересных соображений. В. Д. Дейнеко писал о Шехр-Исламе, что он скорее всего напоминает собою разросшийся сильно укрепленный «рават» (караван-сарай) и состоит из двух ясно обозначенных частей: «вышгорода» с двумя внутренними фортами и «нижнего города» с одним внутренним фортом — цитаделью. «Вышгородом» В. Д. Дейнеко обозначал часть города, которую Ф. А. Михайлов называл «городом в собственном смысле»; под «нижним городом» он понимал ту часть городской площади, внутри которой находится теперь озеро Елгинли-Кель и которая обнесена была глинобитной стеной. Как он писал, неодинаковая степень укрепленности двух частей поселения, повидимому, указывает на особенность его роста: сначала был устроен обширный сильно укрепленный «рават» (рабат?), долженствовавший служить начальным пунктом пути на север к Узбою; он был местом пребывания гарнизона и правителя; затем развитие земледелия и торговли нарастили поселение с юга — тогда-то прямо на такыре, южнее «вышгорода» были пристроены стены «нижнего города». В. Д. Дейнеко считает, что окончательное оставление города жителями произошло в XVI—XVII вв., а затем его разрушенные постройки были разобраны текинцами на могилы своих родичей. Исследователь пытается, основываясь на сведениях, собранных В. В. Бартольдом в «Туркестане...», отождествить Шехр-Ислам с Феравой[134]). Наконец, А. А. Марущенко, после археологической экспедиции Туркменкульта 1930 г., обследовавшей в частности Шехр-Ислам, дал иное объяснение исто-

рии города. Он доказал, что Шехр-Ислам не что иное, как крепость Так и Языр средневековых авторов, при этом он полагал, что тут находился и «старый» Дурун «Тимуридской эпохи». Он буквально писал, что «Городища древних Така и Языра, равно и «старого» Дуруна находились не здесь (т. е. на городище Дурун — Б. Л. и В. М.), а на месте современных развалин города Шехр-Ислама, верстах в 20 к северу от Бахардена. Развалины Шехр-Ислама, как было выяснено экспедицией археологической секции Туркменкульта летом 1930 года, принадлежат небольшому сильно укрепленному городу, существовавшему — судя по керамическому материалу — с IX—X по XV век нашей эры. В домонгольскую эпоху город был небольшой крепостью, расположенной на вершине песчаного холма, в XIII в. крепость была расширена путем выноса двух боковых фортов, под защитой которых расположилось спустившееся к подножью холма предместье; старая крепость превратилась в цитадель»[135]).

Таким образом, все три автора расходятся в вопросе об отождествлении Шехр-Ислама с каким-либо историческим городом, однако теперь совершенно ясно, что по всей вероятности прав был А. А. Марущенко, отождествивший его с Таком-Языром. Вызывает, правда, некоторое недоумение факт помещения им сюда «Дуруна тимуридской эпохи». А. А. Марущенко едва ли мог пропустить фрагменты керамики конца XIV—XV вв., которые встречаются на городище Дурун (смотри выше в главе о Дуруне). Следовало сделать вывод, что во всяком случае в это время поселение на месте Дурунского городища существовало, не говоря уже о том, что здесь имеется и гораздо более ранний материал, относящийся к IX—XIII вв. — и все же А. А. Марущенко пишет, что дурунское городище не старше XVI вв. Вместе с тем в заявлении другого участника экспедиции говорится, что удалось отождествить городище Шехр-Ислам с «...историческими крепостью Так и городом Языром XII—XIII вв.»[136]). Может быть причиной перенесения Дуруна XV в. на городище Шехр-Ислам являлось стремление согласовать схему с данными письменных источников, приведенных В. В. Бартольдом в работах. «К истории орошения Туркестана» и «Очерке истории туркменского народа», из которых можно было вынести убеждение, что Языр последний раз фигурирует у Хамдаллаха Казвини, т. е. в 1339 г. Сейчас, когда в нашем распоряжении имеются, собранные в «Материалах по истории туркмен и Туркмении», сведения письменных источников, удостоверяющие существование Языра и в более позднее время, нет никаких оснований помещать на городище Шехр-Ислам какой-либо город, кроме Языра, и можно с несомненностью утверждать, что город существовал до последнего дня именно как Языр.

Начальная дата существования города, указанная А. А. Марущенко — IX—X вв., полностью совпадает с нашими датировками древнейшей группы подъемной керамики городища из сборов 1946 г. Этим мы отнюдь не хотим сказать, что дальнейшие исследования не могут вскрыть более древних элементов в культурных напластованиях городища, — аналогии и теоретические соображения говорят скорее об обратном. Д. Д. Букинич считает, что земледелие в

Южной Туркмении возникло в форме лиманного земледелия, в полосе затихающих вод, на такырах, где можно было обходиться без всяких ирригационных сооружений[137]). Одним из мест, удобных для такого земледелия несомненно был такыр у Шехр-Ислама. Возможно, что здесь было поселение древних земледельцев, на месте которого, как в Чугундор-Баба[138]), возник впоследствии рабат[139]).

А. А. Марущенко думает, что городище первоначально было крепостью. Много раньше В. Д. Дейнеко считал, что оно возникло как «рават» (в смысле караван-сарая). Вероятнее будет предположить, что последующий город развился из рабата в смысле места, где находились «газии». «Рабат» предназначался для «газиев» (бойцов за веру), так как они, когда поселялись в пограничном пункте, «жили там лицом к лицу с врагами, отражая их козни и их нападения на мусульман». Такие рабаты (рибаты) служили казармами для конных отрядов[140]); иногда же они представляли пограничные крепости, окруженные стенами и достигавшие размеров небольшого города, например, Дахистан и Ферава[141]).

Необходимость постройки таких рабатов на территории теперешней Южной Туркмении вызывались постоянными набегами кочевников. Для их отражения и защиты от них земледельческой полосы, равно как и для продвижения вперед, нужны были укрепленные пункты-форпосты. Положение во второй половине IX в. на границах Хорасана было действительно угрожающим. Его хорошо охарактеризовал ал-Якуби: «Железа у них (тюрок; — Б. Л. и В. М.) мало, и стрелы они делают из костей, но они окружают хорасанскую землю со всех сторон, с ними все воюют и делают на них набеги. И нет города из городов Хорасана, который бы не воевал с тюрками и с которым бы не воевали тюрки всех племен»[142]).

Правители Хорасана делали все от них зависящее, чтобы оградить страну от нападения тюрок. Основатель могущественной династии Тахиридов, Абдаллах-ибн Тахир (830—844), посылает против огузов своего сына и преемника Тахира, который, как сообщает источник, дошел до тех мест, до которых еще никто не доходил[143]). Одновременно Абдаллах-ибн Тахир выстроил рабаты Дахистан, Фераву[144]) и Куфен[145]). «Действия Абдаллаха-ибн Тахира, — пишет В. В. Бартольд, повидимому, достигли цели и построенные им укрепления с успехом выполняли свое назначение до событий XI в., зато торговля с огузами на этом участке границы, судя по молчанию источников, была гораздо менее оживленной, чем на границе Хорезма и Сырдарье»[146]).

Исторические сведения о работах Дахистан и Ферава разобраны в соответствующих местах труда В. В. Бартольда «К истории орошения Туркестана». Для нас представляют интерес приводимые им сведения о Фераве. Вначале вокруг нее не было ни деревень, ни садов, ни пашен; для снабжения водой служил единственный источник внутри рабата — около него были огороды, число жителей мужчин не достигало тысячи[147]). Отсюда следует, что один из важнейших рабатов Северного Хорасана — Ферава был вначале сравнительно небольшой крепостцой, другой же из упомянутых рабатов — Куфен, был довольно велик: Макдиси говорит, что длина его стен — фарсах

по ломаной линии, при чем самый рабат находился внутри линий стен в одном из углов[148]). Данные Макдиси полностью подтвердились при обследовании остатков рабата на месте[149]). Таким образом, из описания арабских географов выявляется, что в Северном Хорасане в IX—X вв. существовало несколько типов рабатов. Первый представлял из себя крепостное военное поселение, целиком умещавшееся в пределах небольшой укрепленной территории и другой — когда рабат обносился еще внешней оборонительной стеной, занимая лишь часть пространства, заключенного в нее. Источники, сообщающие о рабатах, настолько кратки, а археологические наблюдения настолько скудны, что пока еще трудно выяснить причины и характер этого различия. В самом деле, мы не можем сравнить последовательное развитие даже и этих двух рабатов (Феравы и Куфена), ибо из арабских географов первое описание Куфена дал Макдиси (985 г.), более ранние авторы приводят только его название. Поэтому неизвестно, что он представлял из себя в середине IX в., вскоре после его основания Абдаллахом-ибн Тахиром. Опубликованные работы П. В. Арбекова дают лишь внешнее описание его развалин; исследователь вовсе не ставил перед собой задачу проследить историю описываемого им памятника. Дальнейшие археологические исследования в Южной Туркмении доставят без сомнения материал для разрешения и этого вопроса. Однако и сейчас имеются некоторые соображения в пользу того мнения, что эти два типа рабатов представляют из себя не этапы последовательного развития военных поселений-крепостей в сторону небольшого или даже средних размеров города, но уже во время возникновения одни из них могли строиться именно как крепости. Так делалось в районах, где было сравнительно мало оседлого населения, вдали от больших городов, в рабатах-форпостах, а также там, где небольшие размеры военного поселения диктовались объективными причинами, например отсутствием воды. Напротив, в густонаселенной земледельческой полосе, постоянно служившей объектом нападений кочевников, даже если она была включена в систему обороны районной стены, должны были строиться другие рабаты, которые могли бы в случае опасности, вместить в свои стены, как то делали города, большое количество окрестного земледельческого населения, укрыв их от кочевников. Однако, в дальнейшем судьба тех и других рабатов была, вероятно, одинаковой. Если рабат первого типа располагался в месте, через которое проходили торговые пути, если торговля с кочевниками была удачна, а пункт был изобилен водой и хорошими землями, то он постепенно обрастал поселениями и превращался в городок, центр округи, включавшей поселения, деревни. Таким же путем рабат второго типа превращался в обычный город, в котором цитаделью служило место, ранее предназначавшееся для «борцов за веру».

Что касается Шехр-Ислама, то тут дело осложняется еще и тем, что ранние источники (до начала XIII в.) ничего не сообщают о его существовании. Археологический материал, собранный на поверхности городища, дает основание для отнесения времени возникновения города к IX или самое позднее к X вв. Историческая обстановка, о которой говорилось выше (борьба с гузами), а также географическое поло-

жение этого пункта на краю пустыни, как раз на границе с областями гузов, и заставляют предположить, что Шехр-Ислам возник как небольшой рабат первого типа. Исторические источники сообщают о строительстве в Южной Туркмении рабатов Абдаллахом-ибн Тахиром и позднее Абу-л-Касимом Микали, представителем одного из богатых и знатных родов города Нишапура. Последний из названных лиц, на свои средства построил в местности у Феравы[150]) и Куфена[151]) несколько рабатов, названия которых не приводятся. Обязан ли Шехр-Ислам своим возникновением Абдаллаху-ибн Тахиру, Абу-л-Касиму Микали, или какому-либо третьему лицу, едва-ли удастся восстановить, но это, пожалуй, и не имеет большого значения. Рабат скорее всего находился на месте северной цитадели городища, был сильно укреплен — перед его возведением была устроена искусственная платформа-насыпь, благодаря которой он стал господствовать над окружающей местностью. Размеры его были невелики, однако он мог вместить небольшой отряд в несколько сот человек. Внутри рабата находилась очевидно мечеть и жилые помещения. Водоснабжение рабата представляло значительные трудности, так как он был расположен далеко от водных источников предгорий Копет-Дага. Доставлять оттуда воду на вьючном транспорте едва ли было рационально из-за постоянной опасности прерыва коммуникационной линии, в результате нападения кочевников. Впрочем, источник, возможно, находился внутри или вблизи его, что коренным образом меняло вопрос. Известно, что в рабате Куфен была цистерна для воды и два пруда[152]), — результат стремления запастись большим количеством воды на случай осады. Это могло иметь место и в нашем рабате. В дальнейшем, на месте скромного рабата вырос большой город, живший многие столетия. Он перекрыл своими мощными отложениями следы существования небольшого военного поселения-рабата, которые оказались похороненными под слоями средневековой цитадели. Поэтому вполне естественно, что от этой начальной эпохи существования Шехр-Ислама, когда он был только рабатом, сохранились ныне на поверхности совсем незначительные следы, что никак не может являться указанием на отсутствие в нижних горизонтах цитадели значительного и интересного слоя того времени.

Существование Шехр-Ислама в качестве небольшого рабата длилось, по всей видимости, очень недолго. Хотя В. В. Бартольд и говорит, что торговля с гузами была в этих местах гораздо менее оживленной, чем в Хорезме и на Сыр-Дарье, но он основывается, в данном случае, на молчании источников[153]). Поэтому, не исключено, что в отдельные периоды и в некоторых пунктах хорасанской границы происходил значительный товарообмен между кочевой степью и земледельческой полосой с ее продуктами городского ремесла. Одним из таких пунктов был, вероятно, рассматриваемый рабат. К тому же, через него мог проходить один из путей из Хорезма, хотя для X в. определенно известен лишь наиболее западный — через Фераву[154]).

Археологические наблюдения свидетельствуют, что территория, обнесенная впоследствии городской стеной, уже в конце IX или X вв. была заселена — в разных пунктах этой территории собраны фрагменты керамики того времени. Рабат обрастал поселением постепенно,

Вместе с увеличением его значения росли и его размеры, количество и плотность населения. Настал момент, когда собственно рабат не мог вмещать, в случае опасности, все это население. Да и жители, очевидно, не желали, спасая свою жизнь, оставлять на разграбление имущество. Шехр-Ислам, крупнейшее укрепление между Нисой и Феравой, в царствование Махмуда Газневида, или несколько позже, в связи с назревающими решительными схватками между газневидским государством и туркменами-сельджуками должен был приобрести, кроме того, немаловажное стратегическое значение. Быть может, именно в это время, а скорее всего при сельджуках, Шехр-Ислам был обведен мощной стеной, на возведение которой могли не пожалеть средств ни жители города, ни правительство. Сейчас на городском валу встречается, между прочим, наряду с более поздней, и керамика IX и X вв., объяснение чему может лежать и в том, что при возведении стены использовался грунт обжитой перед тем территории.

Увеличение числа жителей должно было вновь поставить на очередь вопрос водоснабжения. Был проведен водопровод и вырыт водоем, после чего город снабжался прекрасной горной водой в достаточном количестве. Вопросы городского водоснабжения на средневековом востоке имели, естественно, большое значение и решались каждый раз в соответствии с естественно-географическими условиями. Иногда (даже в городах-гигантах) воду доставляли издалека на верблюдах. Употреблялись для городского водоснабжения акведуки, кяризы и водопроводы. Аналогию с Шехр-Исламским водопроводом представляли водопроводы Багдада, сделанные из жженого кирпича[155]).

Являвшийся во второй половине X в. вполне развившимся городом, Шехр-Ислам в конце этого столетия, или, что вероятнее, в начале следующего, благодаря постройке городской стены, превратился в мощную крепость.В городе, как это часто бывало в Хорасане, имелось три части: арк, шахристан и предместье-рабат. В свое время В. В. Бартольд попытался установить на основании письменных источников общую закономерность развития шахристана и рабата, постепенный переход центра городской жизни из первого во второй и превращения предместья в место, где бился основной пульс города. Впоследствии это было отчасти подтверждено наблюдениями археологического порядка[156]). Как конкретно происходил этот процесс в Шехр-Исламе, мы пока не знаем.

Период XI—XII вв. являлся для этого города, также как для большинства городов Хорасана и Мавераннахра, эпохой расцвета, объяснение чему надо искать в тех больших изменениях в социально-экономической и политической жизни, которые наблюдаются в это время (дальнейшее отделение ремесла от земледелия, рост внутренней и внешней торговли, введение института икта и связанный с этим приток сельского населения в город и т. д.). Многочисленная керамика достаточно хорошо характеризует интенсивную жизнь Шехр-Ислама в это время. В городе было много, если не большая часть, построек из жженого кирпича. Феодалы и богатые купцы жили в прекрасных домах, порой облицованных поливными плитками и резными кирпичиками, монументальные сооружения вероятно были укра-

шены не хуже, чем это бывало в других городах Средней Азии и Ирана. Описанные в своем месте «бантики» являются прекрасным образцом такого рода архитектурных деталей. Он свидетельствует о высоком художественном мастерстве строителей Северного Хорасана. Группа керамики, относящая к XI—XIII вв., хорошо иллюстрирует значительное классовое расслоение городского населения. Хотя верхушка общества могла пользоваться высокохудожественными привозными изделиями, но и в местной керамике наблюдаются различные типы, связанные не только с различием функций (столовая, кухонная и т. д.), но и с различным уровнем благосостояния потребителей. Из привозных изделий нужно отметить каменные сосуды, большая часть которых шла, вероятно, из Нукана; кусочек селадона, доставленный сюда из далекого Китая, фрагменты рейской керамики (большая часть их, впрочем, относится уже к XIII—XIV столетиям). Это то, что удалось встретить при проходе через городище на его поверхности. Разумеется, на самом деле через город проходили и частью оседали товары и из Хорезма, и из Мерва, некоторые продукты, скорее всего скотоводческие, экспортировал он сам.

Город носил в XII в. название «Крепость Так». Эта крепость была занята во второй половине XII в. одним из важнейших племен тюрок — язырами[157]); причем прямо сказано, что они «поселились в крепости Так». Это является фактом большого принципиального значения, ибо перед нами конкретный пример перехода кочевников к городскэй жизни. Было бы особенно важно проследить, как отразилось на городе занятие его язырами, изменилось ли что-либо в облике города, материальной культуре и что именно, сопоставив этот материал с данными о «городах гузов» по Сыр-Дарье[158]). Языры с самого начала своего поселения в Таке, приобрели большое значение в политической жизни всех окружающих местностей, так что вскоре к названию Така стали прибавлять эпитет «Язырский» — «Так Язырский»[159]), а затем появляется новое название «Языр», которое удержалось за городом до конца его существования. Языр в то время являлся отдельным владением. Несеви сообщает, что после смерти правителя Языра Хинду-хана, Туркан Хатун, несмотря на наличие законного преемника, завладела областью Языра[160]), что может служить косвенным указанием на большую значимость этой области и выгодность владения ею. Захват монголами Языра[161]) повлек за собой немаловажные последствия для города. И если сейчас от городской стены остался лишь невысокий вал, а цитадель совсем лишена стен, то в этом виноваты монголы. Разрушение городских укреплений проводилось ими повсеместно, так что нет никаких сомнений, что Языр уничтожением своих укреплений обязан именно монголам. Источники не сообщают, к сожалению, подробностей о взятии монголами Языра, почему мы остаемся в неведении относительно того, был ли город разгромлен и разграблен, были ли уведены жители. Однако совокупность археологических наблюдений и сведений, сообщаемых Хамдаллахом Казвини, позволяет утверждать, что конец XIII—XIV вв. в целом отнюдь не являлись для города периодом упадка, скорее наоборот. Город достиг значительной величины. Уже Рашид-ад-дин, перечисляя завоеванные монголами Серахс, Абиверд, Нису, Языр, Тус, Джаджерм, Джувейн,

Бейхак, Хаф, Шейган и Зурабад, замечает, что «...каждое из тех местечек есть большой город[162])...». Около середины XIV в. Хамдаллах Казвини причислял Языр к средним городам[163]). В его время в Языр вела дорога из области Джурджан[164]). По этой дороге, очевидно, привозили в Языр рейскую керамику, фрагменты которой встречаются на городище.

При рассмотрении материала Шехр-Ислама бросается в глаза, что группа керамики к XIII—XIV вв. является самой многочисленной, что находит себе аналогию и на Нисе. Хочется как-то связать это с прекращением существования в этот период крупнейшего города в той части Хорасана, которая лежала севернее Копет-Дага — прекращением существования Мерва, в результате чего городская жизнь поневоле стала концентрироваться в менее значительных городах.

Внутри городища имеется две цитадели. Что касается первой, то она, вероятно, покоится на месте основанного когда-то здесь рабата. О причинах возникновения второй цитадели и ее назначении мы можем судить только предположительно. Кажется возможным такое объяснение: рашающую роль в городской жизни Языра играло водоснабжение, и каждый из жителей стремился находиться поближе к воде, подходившей к городу с юга. Вместе с тем, на юге располагался наиболее мощный экономически торгово-ремесленный район города. В результате стремления к воде происходила постепенная передвижка населения на юго-запад, пока в одну из поздних эпох существования города не оказалось, что цитадель по существу находится вне города, хотя и лежит внутри городской стены. По ряду обстоятельств это являлось неудобным, и поэтому решено было перенести цитадель туда, где теперь находился центр городской жизни. На новом месте была воздвигнута вторая цитадель, а первая перестала нести функции цитадели. Несколько наблюдений могут служить подтверждением этой догадки: в стене первой цитадели на ее скате имеется вертикальный «колодец», появление которого можно объяснить лишь тем, что цитадель уже не имела фортификационного значения; на цитадели встречаются и металлические шлаки, значит когда-то здесь существовали производства. Несколько южнее первой цитадели, судя по скоплению кирпичных шлаков, находился кирпичный завод, а, как известно, кирпичные заводы чаще всего находились на окраинах восточных городов. На второй цитадели керамика поздних групп и совсем как будто нет ранней. Таковы наблюдения и так как ни одно из них не может служить бесспорным доказательством высказанного предположения о переносе цитадели на юг, то пока этот вопрос остается открытым.

Наиболее поздняя керамика из числа собранной в 1946 г. относится к XV в. По количеству эта группа гораздо менее значительна, чем предыдущая. Быть может в эту эпоху город «уже выпил глоток упадка, но небольшой», но пока об этом судить преждевременно.

Город прекратил существование в XVI в. Он упоминается еще в первом десятилетии этого столетия[165]), а затем исчезает со страниц письменных источников. Надо думать, что во время бесконечных набегов хивинцев на Хорасан, он был разрушен и после этого городская жизнь на нем не возобновлялась.

Однако руины старого города, былого центра языровского юрта,

обладали огромной притягательной силой для живших в этом округе карадашлинцев, потомков языров, которые продолжали считать городище своим центром. Они продолжали до последнего времени хоронить здесь своих покойников. Нередко, должно быть, сюда приходили кладоискатели и просто местные жители, добывавшие здесь кирпич для своих нужд. Мимо города проходили караваны; однажды здесь остановился караван, везший серу из местности Шиих, после этого на стене остался лежать кусок самородной серы, подобранный нами,

ТАК-ЯЗЫР И ДУРУН

До сих пор мы рассматривали два главнейших объекта нашего исследования — Дурун и Языр изолированно друг от друга, на самом деле они в своем развитии были тесно увязаны и полностью осмыслить историю каждого из них, так же как и всего района, можно лишь при параллельном изучении, в противном случае картина получается неполная и неверная.

В. Г. Мошкова обратила внимание на значение одной из этимологий слова Дурун как «ду реван» — «два потока»[166]). В этом, вероятно следует искать ключ к пониманию истории Языра-Дуруна. В самом деле, по археологическим данным Дурун возник не позже IX в., хотя вовсе не исключено существования этого поселения в дофеодальное время. Основным преимуществом его положения была близость к источникам воды. Когда несколько позже был проведен водопровод в Языр, то Дурун оказался лежащим у головы этого водопровода и принял на себя функции охраны головных сооружений. Многочисленные аналогии указывают на большую роль, которую играли охраняющие источники воды крепости в истории Средней Азии. Так, в Мервском оазисе у вододелителя — исходного пункта оросительной системы, существовало большое селение Разик. На этом месте, по В. А. Жуковскому, сейчас находится крепость Туркмен-Кала[167]). В позднее средневековье подступ к Султанбендской плотине был защищен крепостью[168]). В оросительной системе Зерафшана главное значение имела плотина у Варагсера, ныне Рабат-и Ходжа[169]). Здесь при Бабуре была крепость[170]), существовавшая, по мнению В. Л. Вяткина, и в более раннее время[171]). В. В. Бартольд пишет, что для местного владетеля было всего важнее удержать в своих руках Рабат-и Ходжа и голову Даргома[172]). В Сурхан-дарьинской области головы каналов были защищены крепостными сооружениями[173]).

Выполнявший, в основном, служебную роль охраны головы водопровода, Дурун уже до монгольского завоевания превращается в значительное селение, а затем и небольшой городок с цитаделью — местом первоначального поселения, шахристаном и рабадом. Критическим моментом для Така и Дуруна был захват области языpами. От того, где они поселятся и как станут относиться к факту существования городов на подвластной им территории, зависела дальнейшая судьба и Така и Дуруна. Языры захватили всю область, а столицей их стал именно Так, а не Дурун или какая-либо другая крепость. Причину этого следует искать, видимо, не только в том, что Так был

крупнейшим городом округи, но и в специфическом характере языровского юрта. Его главной частью была не земледельческая полоса, хотя она и входила в его состав, а прилегающие с севера пространства пустыни, откуда пришли языры и где после прихода они пасли свой скот.

В эпоху монгольского владычества значительно выросли оба города, в Дуруне, как и в Шехр-Исламе керамика к XIII—XIV вв. составляет наиболее значительную группу. Показателем выросшего значения Дуруна является упоминание его в письменных источниках, в рассказе о событиях 1384 г., причем укрепления его были настолько сильны, что тимуровскому войску пришлось брать его с боем[174]).

Относительно воды Дурун находился все время в более благоприятных условиях, чем Языр. Вместе с ростом значения Дурун стал забирать все больше и больше воды, перехватывая ее у города-патрона. Уже в самом начале XVI в. Языр и Дурун упоминаются рядом, как равнозначные города[175]). Фактически, быть может, Дурун имел уже большее значение. Смуты первой половины XVI в. могли привести к прекращению жизни Языра, как города, но Дурун, по археологическим данным и сведениям письменных источников, продолжал существовать. Дальнейшая его судьба тесно связана с историей оседания туркмен и может быть понята лишь в свете комплексного археолого-этнографического изучения. Памятники этого времени на территории Дуруна многочисленны и разнообразны, фиксация и изучение их даст материалы не только по истории города, но и по социальным отношениям в поздней Туркмении.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бартольд, В. Ь. Очерк истории туркменского народа. Туркмения, I. Л. 1929, стр. 38.

2. Бартольд, В. В. в работе «Персидское арк «крепость, цитадель» не считает возможным отождествлять слово «арк» с древне-турецким «эрк». Изв. Российской Академии истории материальной культуры, т. I. 1920.

3. Труды Восточн. Отделения Рус. Арх. Общ., XXI. СПб. 1892, стр. 303 и 280. Бартольд, В. В. Очерк истории туркменского народа, стр. 53.

4. Kinnir, J. M. A geographical memoir of the Persian Empire accompanied a map. London, 1713, стр. 174.

5. Друвиль, Г. Путешествие в Персию в 1812 и 1813 годах, содержащее в себе малоизвестные подробности о нравах, обычаях и духовных обрядах персиян; также о древнем и новом состоянии их армии и вообще о всем том, что принадлежит до регулярных и нерегулярных войск всего государства, ч. II. М. 1826, стр. 11.

6. (А. З.). Подробное описание Персии и государств Кабула, Сеидстана, Синда, Бальха, Белуджистана, земли Хорасана; также Грузии и персидских провинций, присоединенных к России с присовокуплением описания похода персиян против России в 1826, 1827 и 1829 годах, ч. I. М. 1829, стр. 72.

7. Статистическое обозрение Персии, составленное подполковником И. Л. Бларамбергом в 1841 г. Записки ИРГО, кн. VII. СПб. 1853, стр. 318.

8. Лессар, П. М. Пески Кара-Кум, пути сообщения Закаспийской области с Хивою, Мервом и Бухарою в 1883 г. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. VI. СПб. 1883, стр. 118.

9. (W. S.). Закаспийская область в археологическом отношении. Туркестанские ведомости, 1888, №№ 24—26.

10. Туманский, А. (Г.). Рецензия на работу В. А. Жуковского «Развалины Старого Мерва». Записки Вост. Отд. РАО, т. IX, 1895. СПб. 1896, стр. 302.

11. (Тизенгаузен, В. Г.). Отзыв почетного члена барона В. Г. Тизенгаузена о сочинении проф. В. А. Жуковского: «Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва». ЗВО, т. XI. СПб. 1899, стр. 49 и 50.
12. Бартольд, В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб. 1900, стр. 464.
13. Бартольд, В. В. К истории орошения Туркестана. СПб. 1914, стр. 41.
14. Тейле, Э. Э. Список развалин, пещер, курганов и др. памятников древностей, находящихся в Закаспийской области. Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока, вып. I. Асхабад, 1914—15, стр. 41.
15. Бартольд, В. В. Очерк истории туркменского народа, стр. 37.
16. То же, стр. 38.
17. То же, стр. 38.
18. Barthold, W. (W.). Turkmenie. Enzyklopédie des Islam. Leiden, IV, 1934, стр. 1050.
19. М(ихайлов), Ф. (А). Развалины города Шехр Ислам. Ежемесячные художественно-литературные приложения к газете «Закаспийское обозрение» за 1898 г., № 1, стр. 13—16.
20. Дейнеко, В. Д. Гипотеза о так наз. Шехр Исламе. «Асхабад», 1902, № 86—87.
21. Литвинов, Б. О старине в Закаспии. «Туркестанские ведомости», 1912, № 186.
22. Семенов, А. А. Материальные памятники иранской культуры в Средней Азии. 1945, стр. 28.
23. Бартольд, В. В. Отчет о командировке в Туркестан. Записки Вост. Отд. РАО, т. XV, вып. 2, 3. СПб. 1904.
24. Ершов, С. А. Итоги трех лет. «Туркменоведение». Ашхабад, 1931, №№ 7—9, стр. 55—56.
25. Ершов, С. А. Археология в ТССР за 20 лет. «Известия ТФАН». Ашхабад, 1944, № 2—3, стр. 27—35.
26. Марущенко, А. А. Существенные поправки. «Туркменоведение». Ашхабад, 1930, № 12, стр. 14.
27. Повидимому, опечатка, вероятно, следует читать XVIII.
28. Марущенко, А. А. Существенные поправки..., стр. 14—15.
29. Ершов, С. А. Итоги трех лет..., стр. 55.
30. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. М.—Л. 1939; т. II. М.—Л. 1938 (МИТТ).
31. Джувейни. Тарих-и-Джехангуша. Перевод под редакцией Р. А. Романскевича. МИТТ, I, стр. 449.
32. Ан-Несеви. Сырата-ас-султан Джелал-ад-дин Менкуберти. Перевод С. Волина. МИТТ, I, стр. 471.
33. Рашид-ад-дин. Джами-ат-таварих по переводу Березина, МИТТ, т. I, стр. 506.
34. Бартольд, В. В. Историко-географический обзор Ирана. СПб. 1903, стр. 48.
35. То же, стр. 158.
36. То же, стр. 132.
37. То же, стр. 131, 134.
38. Махмуд Кашгарский. Диван Лугат Аттюрк. Перевод И. Н. Лемана. МИТТ, т. I, стр. 309.
39. Бартольд, В. В. Очерк истории туркменского народа, стр. 36.
40. Рашид-ад-дин. Джами-ат-таварих. По переводу И. Н. Березина. МИТТ, т. I, стр. 501.
41. Бартольд, В. В. Очерк истории туркменского народа, стр. 36.
42. Абуль Гази Багадур хан. Родословная туркмен. Перевод Туманского. Асхабад, 1897, стр. 34.
43. То же, стр. 38.
44. То же, стр. 38.
45. Aboul-ghâzi Béhâdour khan. Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-ghâzi Béhâdour khan, publiée, fraduite ef annotée par le baron Desmaisons. 2 vols. St. Ptb. I Texte — 1871, II Traduction — 1874.
46. То же, I. Стр. 210, II — стр. 224.

47. Ибн Ал-Асир. Ал-Камил-Фи-т-тарих. Перевод И. Н. Леманова и С. Волина. МИТТ, т. I, стр. 397—398.

48. Джувейни. Тарих-и-Джехангуша. МИТТ, т. I, стр. 449.

49. Первое упоминание Языра в приложении к географическому пункту относится к XI в. (1035/36), к периоду борьбы Газневидов с наступавшими сельджуками. Однако, редакторы «Материалов по истории туркмен и Туркмении», приводя данную выдержку, высказывают предположение, что Мирхонд ошибочно прочел в справочнике, которым пользовался, Языр вместо Бовард, так как Языр, как географическое название, до XII в. нигде не упоминается (МИТТ, т. I, стр. 458).

50. Бартольд, В. В. Очерк истории туркменского народа, стр. 37.

52. Джувейни. Тарих-и-Джехангуша. МИТТ, т. I, стр. 488—489.

51. Ан-Несеви, Сирта-ас-султан Джелал-а-дин Менкуберти. Перевод С. Волина. МИТТ, т. I, стр. 471.

53. Бартольд, В. В. Очерк истории туркменского народа, стр. 41 со ссылкой на Джувейни.

54. Рашид-ад-дин. Джами-ат-таварих. По переводу Н. И. Березина. МИТТ, т. I, стр. 506.

55. Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. III, пер. А. К. Арендса. М.—Л. 1946, стр. 28, 152.

56. Хамдаллах Казвини. Нузхат ал-кулуб. Перевод под редакцией А. А. Ромаскевича. МИТТ, т. I, стр. 509.

57. То же, МИТТ, т. I, стр. 510.

58. Массон, М. (Е.). Силуэты Сумбарского района. «Туркменоведение». Ашхабад, 1931, № 3—4, стр. 54.

59. Бартольд, В. В. Очерк истории туркменского народа, стр. 44, 45.

60. Hammer-Purqstall. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist der Mongolen in Russland. Pesth, 1840, стр. 305.

61. Холмогоров. История Серебедаров (из V тома Общей Истории Мирхонда «Рузсат уссафа»). Ученые записки, издаваемые Казанским Университетом. Казань, 1860, кн. IV, стр. 18—31.

62. Бартольд, В. В. Очерк истории туркменского народа, стр. 42.

63. Хафиз-и-Абру. Извлечения из географического сочинения. Перевод С. Волина. МИТТ, т. I, стр. 529.

64. Бартольд, В. В. Очерк истории туркменского народа, стр. 42.

65. Низам-ад-дин Шами. Зафар-Наме. Перевод Г. Птицына. МИТТ, т. I, стр. 523.

66. Хафиз-и-Абру. Извлечения из географического сочинения. МИТТ, т. I, стр. 529.

67. То же. МИТТ, т. I, стр. 529—530. Примечание редакции со ссылкой на Абд-ар-Разака Самарканди (стр. 342).

68. Абд-ар-Раззак Самарканди. Матла-ас-са'дейн. Перевод О. И. Смирновой. МИТТ, т. I, стр. 534.

69. Мирхонд. Раузат-ас-сафа, извлечение из VII тома. Перевод под ред. А. А. Ромаскевича. МИТТ, т. I, стр. 540.

70. Хондемир. Хабиб-ус-Сиар. Перевод под редакцией А. А. Ромаскевича. МИТТ, т. II, стр. 40.

71. То же, стр. 47.

72. Бартольд, В. В. Очерк истории туркменского народа, стр. 48.

73. Мунис и Агехи. Фирдаус-уль-Икбаль. Перевод П. П. Иванова. МИТТ, т. II, стр. 323.

74. Aboul-Ghâzi, I, стр. 201, МИТТ, т. II, стр. 215, 216.

75. То же, I, стр. 206, II, стр. 220.

76. То же, I, стр. 222, II, стр. 237, 238.

77. Искандер Мунши. Тарих-и-Алям-Ара-и-Аббаси. МИТТ, т. II, стр. 65.

78. Aboul-Ghâzi, I, стр. 237, МИТТ, т. II, стр. 254. Эта разноречивость сведений отмечена Демэзоном; см. т. II, стр. 254, примечание.

79. То же, I, стр. 238, II, стр. 255.

80. То же, I, стр. 222, II, стр. 258.

81. То же, I, стр. 225, II, стр. 241.

82. Хасан-Бек Румлю. Ахсан-ут-таварих. Перевод Л. К. Арендса. МИТТ, т. II, стр. 60.

83. Искандер Мунши. Тарих-и-Алям-Ара-и-Аббаси. Перевод под редакцией А. А. Ромаскевича. МИТТ, т. II, стр. 66.
84. Хасан-Бек Румлю. Ахсан-ут-таварих. МИТТ, т. II, стр. 62, 63.
85. Искандер Мунши. Тарих-и-Алям-Ара-и-Аббаси. МИТТ, т. II, стр. 79—80.
86. То же, МИТТ, т. IX, стр. 80.
87. То же, МИТТ, т. II, стр. 81—82.
88. То же, МИТТ, т. II, стр. 90—91, 93.
89. Абуль Гази Багадур хан. Родословная туркмен, стр. 58.
90. Труды Вост. Отд. Рус. Арх. Общ., т. XXI. 1892, стр. 280.
91. Искандер Мунши. Тарих-и-Алям-Ара-и-Аббаси. МИТТ, т. II, стр. 102—106.
92. То же, МИТТ, т. II, стр. 103—105.
93. Бартольд, В. В. Очерк истории туркменского народа, стр. 63.
94. Мухаммед Казим. Надир-Наме, т. III. Перевод П. П. Иванова. МИТТ, т. II, стр. 167, 183.
95. Самойлович, А. Абду-с-Саттар-Кази. Песня о битвах текинцев. СПб, 1914, стр. 091.
96. Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 2. Территория и население Бухары и Хорезма, т. II. Ташкент, 1926, стр. 104.
97. Григорьев, Г. В. Городище Тали-Барзу. ТОВ, т. II. Л. 1940, стр. 96.
98. Истахри. Китаб месалик ал-мемалик. Перевод С. Волина. МИТТ, т. I, стр. 172. Ибн Хаукаль. Китаб ал-месалик ва-л-мемалик. Пер. С. Волина. МИТТ, т. I, стр. 183.
99. Макдиси. Ахсан ат-такасим фи-ма'рифат ал-акалим. МИТТ, т. I, стр. 200.
100. Худуд ал-алем. Перевод под ред. А. А. Ромаскевича. МИТТ, т. I, стр. 212.
101. Из русских описаний Персии упоминается, например, у Баумгартена. Поездка по Восточной Персии (географическо-торговое исследование). Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. LXIII. СПб. 1896, стр. 314. Также см. G. le Strange. The lands of the eastern Caliphate. Cambridge, 1905, стр. 389; Streck, M. Mes'hed Enzyklopaedie des Islam. B. III, Leiden—Leipzig, 1936, стр. 549 (здесь же указания на источники и литературу вопроса).
102. Массон, М. Е. К истории добычи асбеста в Средней Азии. За недра Средней Азии, 1934, № 4, стр. 95—96.
103. Ибнфадлаллах Эломари. Пути взоров по государствам разных стран. Тизенгаузен, В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб. 1884, стр. 242 и примечание I к стр. 242.
104. Баллод, Ф. В. Приволжские «Помпеи». М.—Л. 1923, стр. 118.
105. Г(аблиц), К. Исторический журнал бывшей в 1781 и 1782 годах на Каспийском море российской эскадры под командою флота капитана II ранга графа Войновича. М. 1809, стр. 67—69.
Фелькнер 2. Геогностический обзор восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Карагана в 1836 году. Горный журнал, ч. I, кн. I. СПб. 1838, стр. 51. Надо отметить, правда, что В. Г. Мошковой в начале 30-х годов пришлось встречаться с каменной утварью, изготовленной тогда где-то в Западной Туркмении;
106. Массон, М. (Е.). Силуэты Сумбарского района. «Туркменоведение». 1931, № 3—4, стр. 54.
107. Бартольд, В. В. К истории орошения..., стр. 41.
Бартольд, В. В. Очерк..., стр. 38.
Низам-ад-дин Шами. Зафар-наме. Пер. Г. Птицына. МИТТ, т. I. М.—Л. 1939, стр. 523.
108. Марущенко, А. (А.). Существенные поправки..., стр. 14—15.
109. Неподалеку от Дуруна находится место, называемое туркменами «Кизыл-Имам». Отсутствие времени не позволило нам посетить его, хотя имеются сведения о бывшей там мечети. Она была воспроизведена в третьем томе труда Н. И. Гродекова (Гродеков, Н. И. Война в Туркмении, т. III. СПб. 1883, между стр. 132—133). Во время завоевания края мечеть была обращена в редут. Наиболее подробные сведения о мечети сообщил П. С. Васильев. Он писал в 1888 г. о том, что мечеть эта была разрушена при нашествии текинцами. По его словам, на мраморной доске, вделанной в мечеть, есть персидская надпись, гласящая о возобновлении мечети 375 лет тому назад (Васильев, П. С. Ахалтекинский оазис, его прошлое и настоящее. СПб, 1888, стр. 2, 8).

110. М(ихайлов), Ф. (А.). Развалины города Шехр-Ислам...; стр. 15.
111. На Б-II/15 имеется просверленная дырочка — для заклепки.
112. Оба эти названия были известны уже Михайлову — М(ихайлов). Развалины города Шехр-Ислам..., стр. 15.
113. Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-тарих. Пер. С. Волина. МИТТ, т. I. М.—Л. 1939, стр. 397—398.
114. М(ихайлов), Ф. (А.). Развалины города Шехр-Ислам..., стр. 13—15. Дейнеко, В. Д. Гипотеза о так наз. г. Шехр-Ислам... Марущенко, А. (А.). Существенные поправки..., стр. 15.
115. М(ихайлов), Ф. (А.). Развалины города Шехр-Ислам..., стр. 13.
116. М(ихайлов), Ф. (А.). Развалины города Шехр-Ислам..., стр. 14, план.
117. См., напр., Бартольд, В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб. 1900, стр. 148 — о хорезмийских селениях, Нузвар и Замахшар.
118. М(ихайлов), Ф. (А.). Развалины города Шехр-Ислам..., стр. 14, 15.
119. М(ихайлов), Ф. (А.). Развалины города Шехр-Ислам..., стр. 14.
120. Дейнеко, В. Д. Гипотеза...
121. М(ихайлов), Ф. (А.). Развалины города Шехр-Ислам..., стр. 15.
122. М(ихайлов), Ф. (А.). Развалины города Шехр-Ислам..., стр. 14, план.
123. Дейнеко, В. Д. Гипотеза о так наз. г. Шехр-Ислам.
124. М(ихайлов), Ф. (А.). Развалины города Шехр-Ислам..., стр. 15.
125. Ершов, С. (А.). Итоги трех лет. Туркменоведение, 1931, № 7—9, стр. 55.
Ершов, С. А. Археология в ТССР за 20 лет. Изв. ТФАН, 1944, № 2—3, стр. 30.
126. Марущенко, А. (А.). Существенные поправки..., стр. 15.
127. М(ихайлов), Ф. (А.). Развалины города Шехр-Ислам..., стр. 15.
128. Массон, М. (Е.). Городища Старого Термеза и их изучение. Труды УзФАН, сер. I, вып. II. Ташкент, 1940, стр. 95.
129. И, видимо, Хорезма IX—XI вв. См. Толстов, С. П. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. ВДИ, 1946, № 4, стр. 98.
130. Массон М. (Е.). Силуэты Сумбарского района. Туркменоведение, 1931, № 3—4, стр. 54—55.
131. Один из них (Б-III/79) имел на стенке два налепленных параллельных жгута: на нижнем были нанесены вдавления пальцами, на верхнем — сделаны более узкие вырезы (ножом?). Этот способ орнаментации находит аналогию в хорезмийских хумах, венчики которых в VI—IX вв. украшались подобным образом — см. Тереножкин, А. И. О древнем гончарстве в Хорезме. Изв. УзФАН, 1940, № 6, стр. 58, рис. 5; Толстов, С. П. Новые материалы..., стр. 98.
132. М(ихайлов), Ф. (А.). Развалины Шехр-Ислам..., стр. 13.
133. М(ихайлов), Ф. (А.). Развалины города Шехр-Ислам..., стр. 16.
134. Дейнеко, В. Д. Гипотеза...
135. Марущенко, А. (А.). Существенные поправки..., стр. 14—15.
136. Ершов, С. (А.). Итоги трех лет. Туркменоведение, 1931, № 7—9, стр. 55.
137. Букинич, Д. Д. История первобытного орошаемого земледелия в Туркменской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. Хлопковое дело, 1924, № 3—4, стр. 112, 121 и др.
138. Букинич, Д. Д. Цит. раб. Хлопковое дело, 1924, № 3—4, стр. 128.
139. А(рбеков), П. Рабат Куфен. Туркменоведение, 1931, № 1—2, стр. 78.
140. Бартольд, В. В. История культурной жизни Туркестана. Л. 1927, стр. 29.
141. Бартольд, В. В. История культурной жизни..., стр. 31.
142. Ал-Я'куби. Китаб ал-булдан. Пер. С. Волина. МИТТ, т. I. М.—Л. 1939, стр. 150.
143. Бартольд, В. В. Очерк..., стр. 16. О возможности другой интерпретации этого сообщения см. МИТТ, т. I, стр. 78, примечание 3.
144. Бартольд, В. В. Очерк..., стр. 16.
145. Бартольд, В. В. К истории орошения..., стр. 42.
146. Бартольд, В. В. Очерк..., стр. 16.
147. Бартольд, В. В. К истории орошения..., стр. 40.
Ал-Истахри. Китаб месалик ал-мемалик. Пер. С. Волина. МИТТ, т. I. М.—Л. 1939, стр. 176.
148. Бартольд, В. В. К истории орошения..., стр. 42.

149. Арбеков, П. В. Чугундор. Древности Абивердского района. Труды САГУ, сер. II, вып. III. Ташкент, 1931, стр. 44.
А(рбеков), П. (В.). Рабат Куфен. «Туркменоведение», 1931, № 1—2, стр. 78.
150. Бартольд, В. В. К истории орошения..., стр. 41.
151. Макдиси. МИТТ, т. I, стр. 204.
152. Бартольд, В. В. К истории орошения..., стр. 42.
153. Бартольд, В. В. Очерк..., стр. 16.
154. Бартольд, В. В. Туркестан..., ч. II, стр. 154.
155. Mez, A. Die Renaissance des Islams. Heidelberg, 1922, стр. 391.
156. См. о Самарканде, Бухаре и Термезе курс «Историческая топография городов Средней Азии», читанный проф. М. Е. Массоном в САГУ.
157. Бартольд, В. В. Очерк..., стр. 37.
Мухаммед ибн Наджиб Бекран. Джехан-наме. Пер. С. Волина. МИТТ, т. I. М.—Л. 1939, стр. 349.
158. Бартольд, В. В. Очерк..., стр. 15.
159. Мухаммед ан-Несеви. Сират ас-султан. Джелал-ад-дин Менкуберти. Пер. С. Волина. МИТТ, т. I, М.—Л. 1939, стр. 489.
160. Бартольд, В. В. Очерк..., стр. 37. Мухаммед ан-Несеви. Сират... МИТТ, т. I. М.—Л. 1939, стр. 471.
161. Рашид-ад-дин. Джами ат-таварих. По пер. И. Н. Березина. МИТТ, т. I. М.—Л. 1939, стр. 506.
162. Рашид-ад-дин. Джами..., По пер. И. Н. Березина. МИТТ, т. I, М.—Л. 1939, стр. 506.
163. Хамдаллах Казвини. Нузхат ал-кулуб. МИТТ, т. I. М.—Л. 1939, стр. 509.
164. Хамдаллах Казвини. Нузхат... МИТТ, т. I. М.—Л. 1939, стр. 510.
165. Хондемир. Хабиб-ус-сияр. Пер. под ред. А. А. Ромаскевича. МИТТ, т. II. М.—Л. 1938, стр. 47.
166. Сообщена С. Н. Иомудским со слов одного курда.
167. Бартольд, В. В. К истории орошения..., стр. 52—53.
168. Бартольд, В. В. К истории орошения..., стр. 68.
169. Бартольд, В. В. К истории орошения..., стр. 104.
170. Бартольд, В. В. К истории орошения..., стр. 116.
171. Вяткин, В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета. Спр. кн. Самаркандской области, вып. VII. Самарканд, 1902, стр. 28.
172. Бартольд, В. В. К истории орошения..., стр. 116.
173. Букинич, Д. Д. Каналы древнего Термеза. Труды ТАКЭ, т. II, стр. 194.
174. Низам-ад-дин Шами. Зафар-наме. Пер. Г. Птицына. МИТТ, т. I. М.—Л. 1939, стр. 523.
175. Хондемир. Хабиб-ус-сияр. Пер. под ред. А. А. Ромаскевича. МИТТ, т. II. М.—Л. 1938, стр. 40, 47.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ДРЕВНИЕ КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ГОРОДИЩА НОВАЯ НИСА

(Сборы 1946 года)

На городище Новая Ниса среди разнообразных археологических материалов, характеризующих прошлое этого города, работами 1946 года обнаружены также и древние каменные изделия (в количестве 39 номеров), которые заслуживают специального рассмотрения уже по одной той причине, что они, как будет показано ниже, определенно ставят вопрос о существовании в этом пункте культуры, относящейся к весьма отдаленному времени, когда широко употреблялись каменные орудия и бытовали архаические приемы их изготовления.

Среди предметов, собранных на территории Новой Нисы, имеются как обычные отбросы производства, так и готовые каменные предметы, находившиеся в употреблении. Материалом для изготовления всех этих каменных изделий служил кремень (за исключением одной, утраченной, пластины из халцедона). Кремень этот высокого качества, разного цвета и оттенков. Чаще всего встречается желтоватый кремень, различных оттенков, иногда, в тонких пластинках или отщепах, просвечивающий по краям. На одном из скребков коллекции уцелела часть галечной корки, показывающая, что исходным сырьем для изготовления орудий из этого кремня служили уже окатанные гальки. На втором месте по количеству находок стоят поделки из белого, совершенно непрозрачного, кремня, причем на некоторых из них сохранились следы характерной не валунной, а желвачной корки, показывающей, что этот вид кремня добывался не из речных отложений, а из желваков кремня, вероятнее всего на месте коренных его месторождений. Есть также отщепы из кремня темного, почти черного, цвета и, кроме того, светлосерого и розоватого оттенка. Таким образом, кремневый материал Новой Нисы даже и в этой небольшой коллекции характеризуется разнообразием своей цветовой гаммы, но в общем в ней, как уже говорилось, преобладают желтоватые тона.

Самым крупным изделием в коллекции является массивный и уплощенный с одной стороны кусок сероватого кремня, сплошь покрытый с обеих сторон узкими параллельными сколами, как на призматическом нуклеусе, но слишком короткими и не столь правильными. Кроме того, сколы эти в отличие от обычных для призматического нуклеуса сквозных продольных фасеток, направлены навстречу друг другу с противоположных краев изделия, а на плоской стороне сходятся в центре, как на дисковидном нуклеусе. Один конец изделия

утолщен, а противоположный ему край имеет вид тупого слегка вогнутого лезвия, смятого и затупленного, как на обычных кремневых отжимниках. Таким отжимником, употреблявшимся для изготовления мелких каменных изделий, несомненно, и служило это изделие. Длина его 5.2 *см*, ширина 4.8 *см* (рис. 13).

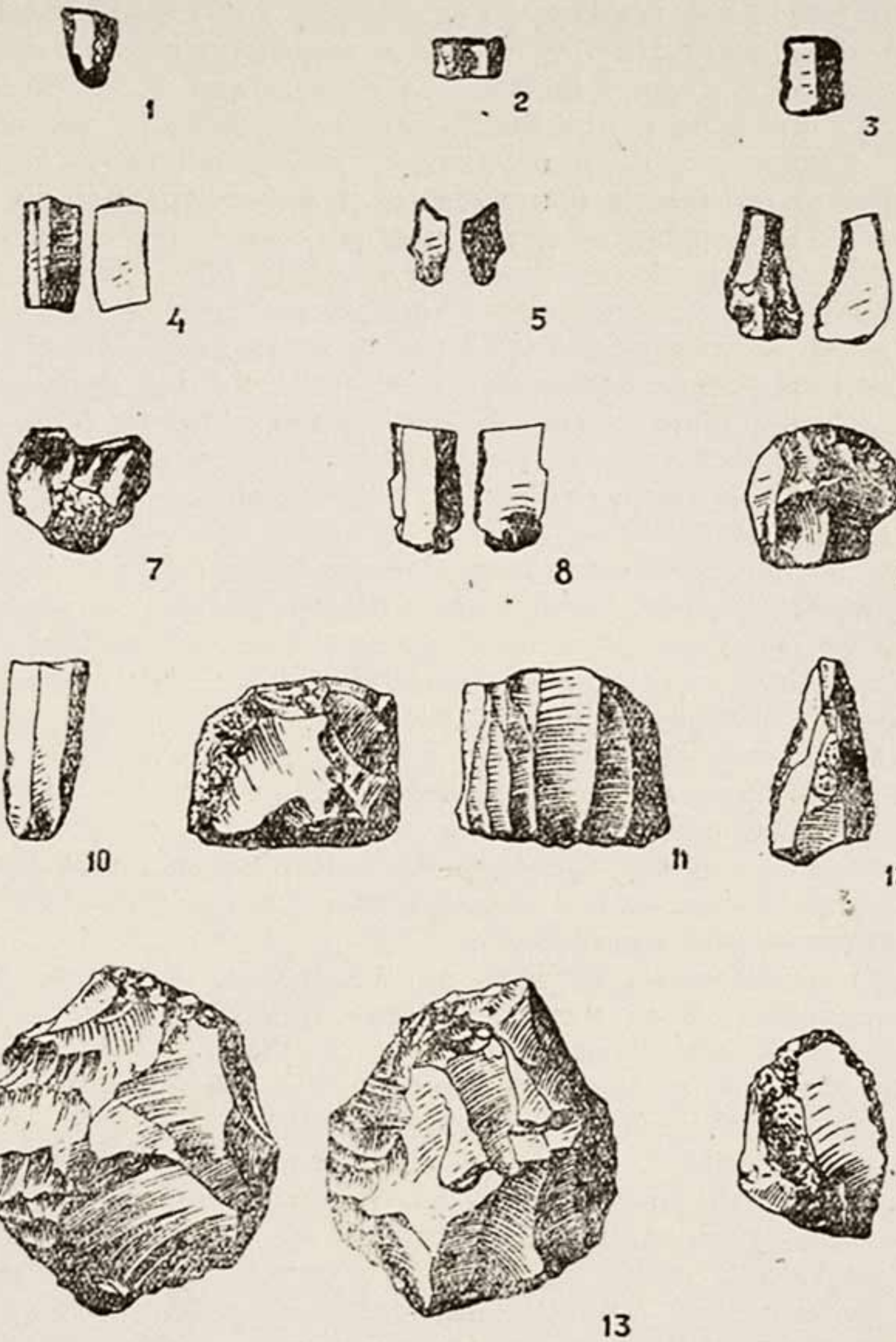


Рис. 1. Древние каменные изделия с городища Новая Ниса из сборов 1946 г. (исполнила В. Д. Запорожская).

Такие нуклевидные отжимники из кремневых кусков широко распространены в Европейской части СССР и соседних с ней стран, но совершенно неизвестны к востоку от Урала, где их заменяют простые необработанные гальки овальной или вообще округлой формы с выбоинами на концах, а также костяные отжимники в виде массивных стержней.

Материалом для второго крупного изделия послужила небольшая галечка желтоватого кремня, уцелевшая часть корки которой гладкая, желтовато-бурого цвета — на одной стороне и белая, шероховатая — на другой. Одна сторона галечки сплошь выравнена правильными параллельными склонами, характерными для призматических нуклеусов. Но, судя по размерам исходной гальки, лишь очень небольшое количество пластин, к тому же маленьких и коротких, снятых с нее, могло быть употреблено в дело. Скорее же всего, это был просто технический прием, которым снята была лишняя выпуклая часть гальки, с тем, чтобы превратить ее в орудие. И, действительно, край гальки, соответствующий площадке нуклеуса, был затем превращен в прямое, острое и массивное лезвие, очень удобное для употребления этого изделия в качестве скобеля. Лезвие это было образовано рядом коротких сколов перпендикулярных фасеткам нуклевидной стороны изделия. Сколы эти не могли иметь целью выравнивание площадки нуклеуса, так как расположены под острым, а не под прямым, как это было бы целесообразно, углом к нуклевидной стороне галечки.

Изделие это является, таким образом, по своему назначению не нуклеусом, а нуклевидным скобелем. Длина его 3.4 *см,* ширина 3 *см,* толщина 7 *см* (рис. 11).

Вообще же желваков кремня, заготовок и сколько-нибудь крупных кусков кремня, кроме отмеченных двух изделий, в коллекции более не имеется. Она состоит, преимущественно, из мелких отщепов, обломков пластин и нескольких небольших, нередко прямо миниатюрных, поделок. Отщепов немного и все они, как сказано, небольшого размера; в том числе обращают на себя внимание мелкие «чешуйки», снятые при нанесении ретуши на какие-то предметы. Отщепы эти, как обычно, тонкие, некоторые из них пластинчатые. Есть также два маленьких угловатых обломка подтреугольной формы, как будто оставшихся от какого-то расколотого на части желвака или сердцевины до конца использованного нуклеуса*).

Пластины представлены только обломками, в том числе двумя довольно большими. Хотя целых пластин и нет, но по обломкам их можно судить, что среди них имелись пластины довольно крупные, длинные, правильной формы, со строго параллельными гранями на спинке, обыкновенно двумя и, реже — одной. Все без исключения пластины были сняты с обычного нуклеуса призматического типа. Большая часть обломков пластин превращена дополнительной обработкой в орудия или носит следы использования их, точно также, как и более круглые отщепы. Следы использования на пластинках имеют вид ретуши или мелких зазубрин-выщерблин. Они, обыкновенно, сильнее выражены по одному краю пластины, тогда как противоположный край зазубрен в меньшей степени (рис. 4, 8, 10). Одна из таких пластин, самая крупная по размеру (дл. 3.1 *см,* шир. 1.1*см*), имеет и особенно тщательно оформленное мелкой крутой ретушью лезвие, тогда как противоположный край ее только зазубрен. Возможно, что она была вставлена своим слабо зазубренным краем в какую-то оправу.

*) Нельзя не отдать, в связи с этим, должное той тщательности и вниманию, с которыми участниками экспедиции был организован сбор на городище Новой Нисы всех этих маловыразительных и незаметных, на первый взгляд, находок.

Из пластин изготовлены три аналогичных по типу, хотя и различных в деталях — по форме и размерам, орудия. Они имеют удлиненно-треугольные очертания, ретушированы вдоль обоих краев и, с первого взгляда, напоминают острия. Однако, верхние суженные концы их обломлены, у одного такой конец даже утолщен, а у самого крупного острия на нем сохранился нетронутый ударный бугорок (рис. 12). Особенно любопытны два других таких изделия — одно благодаря своим миниатюрным размерам и оформленному ретушью в виде скребочка обломанному краю (дл. 1.2 *см*, рис. 1); другое (дл. 2.2 *см*) по своеобразной обработке краев. Края его оформлены противолежащей крутой ретушью, которой на брюшке пластины образовано вогнутое лезвие (рис. 6). Такие изделия, очевидно, употреблялись для резания и скобления при выполнении каких-то специальных работ, требовавших небольших, но прочных и потому массивных лезвий.

В связи с ними следует рассмотреть еще два миниатюрных изделия из пластин. Одно представляет собой короткий (1.3 *см*) обломок узкой массивной пластины с одной срединной гранью на спинке, оба края которой были оформлены крутой, но чрезвычайно мелкой ретушью. Более слабые следы такой ретуши или использования заметны и на обломанных поперечных краях пластинки (рис. 3). Второе изделие является обломком более широкой и тонкой пластинки, продольные края которой обработаны не были, но поперечный конец оформлен мельчайшей ретушью, наподобие концевых скребков, в виде прямого лезвия. Длина ее — 0.6 *см*, ширина 1.1 *см* (рис. 2).

Следующее миниатюрное изделие изготовлено из бокового скола с ретушированного края какого-то более крупного предмета и тщательно оформлено аналогичной предшествующему изделию мельчайшей ретушью в виде проколки с клювовидно выгнутым в сторону утолщенным острием. Длина его 1.4 *см*, ширина 0.6 *см*.

Из тонкого отщепа изготовлено и еще одно миниатюрное, менее выраженное по типу изделие типа проколки, у которой один край острия ретуширован, а другой образован прямым сколом. Длина его 2.2 *см*, ширина 1.3 *см* (рис. 5).

Скребков — два экземпляра. Первый на довольно массивном овальном отщепе с выпуклым и слегка приостренным рабочим краем. Ретушь на нем мелкая и тщательная, заходит и на один более тонкий, продольный край отщепа. Длина изделия 3.5 *см*, ширина 2.5 *см* (рис. 14). Второй скребок выполнен еще более тщательно. Он изготовлен из широкого короткого отщепа и обладает правильно очерченным полукругло-выпуклым лезвием. Ретушь на нем пологая, с вторичной подправкой лезвия. Особенностью формы скребка является тщательно оформленная округлая выемка у рукоятки, вероятнее всего, служившая для более удобного закрепления его в рукоятке. Лезвие скребка затуплено и даже зашлифовано от длительного употребления, в особенности снизу, т. е. со стороны брюшка. Длина изделия 2.5 *см*, ширина 2.6 *см* (рис. 9).

Описанные предметы не были связаны с каким-либо определенным архаическим культурным комплексом или особо древним культурным слоем городища Новая Ниса. Они были рассеяны в разных местах и слоях этого поселения. Такое распределение их очень близ-

ко напоминает обстоятельства, в которых найдены были аналогичные кремни в Старом Термезе. Между ними в данном отношении однако, есть и очень важное различие. В Новой Нисе в отличие от Термеза преобладают очень мелкие кремни, среди которых оказались даже и мельчайшие чешуйки. Вместе с тем, ни один кремень из данной коллекции не носит следов употребления его в качестве кремня для добывания огня при помощи стального огнива, как это отмечалось в Термезе.

Отсюда следует, что если городище Старого Термеза в течение многих веков служило своеобразным «коллектором», в котором оседали принесенные откуда-то, а затем выброшенные или потерянные древние кремни, то в Новой Нисе имела место обработка кремня архаическими приемами и изготовление каменных орудий на территории, занятой самим городищем, иначе здесь не было бы мелких чешуек, а крупные кремни сохранили бы следы их использования для добывания огня. Мысль о том, что на территории Новой Нисы или в непосредственном соседстве с ней действительно существовало в древности поселение, где производилась обработка кремня и выделывались каменные орудия подтверждается наличием здесь отбойника — обычной принадлежности мастерских такого рода.

Замечательной чертой находок является то, что только на двух из них заметны как будто следы шлифовки их песчинками в виде характерного жирного блеска, остальные же имеют свежую матовую поверхность или блестят не больше, чем расколотый кремень, лежавший в обычных условиях в почве. Особенно интересно в связи с этим обстоятельством, непосредственно касающимся вопроса о происхождении находок и об отношении их к городищу, что на одном из двух отшлифованных ветром кремней, на пластине с ретушью, такой шлифовкой совершенно не тронуты ее ретушированные лезвия. Ребра фасеток ретуши не сглажены, как ребра самой пластины; фасетки эти не блестят и сохраняют матовый оттенок своей поверхности. Но на широком конце пластины, тем не менее, сохранились следы иной по характеру, зазубривающей, ретуши, покрытые такой же шлифовкой, как и на остальной поверхности пластины, нетронутой ретушью.

Можно полагать, следовательно, что эта пластина была подобрана жителями поселения где-то в зоне песков, затем доставлена на его территорию, но использована здесь не как кремень для высекания огня, а в качестве каменного орудия обычного типа. Подобрав ее житель поселения освежил на ней ретушь характерными для всей коллекции приемами и превратил в обычный здесь предмет (см. выше рис. 6).

Находки в Новой Нисе дают, затем, основания для определения и некоторых общих черт этих каменных орудий, важных с более широкой, культурно-исторической, точки зрения. Люди, оставившие их, широко и умело пользовались для своих целей разнообразными сортами такого превосходного материала, каким является кремень. Они в совершенстве владели наиболее высокой отжимной техникой обработки камня, умело изготовляли тонкие и правильные ножевидные пластины, снимая их со специальных нуклеусов призматического типа.

Особо должны быть отмечены при этом как миниатюрные раз-

меры ряда изделий, так и широкое использование для их изготовления кремневых пластин и, в том числе, даже весьма мелких фрагментов таких пластин.

При наличии относительно большого желвака кремня, использованного в качестве простого отжимника, нельзя предположить, что у древних мастеров здесь просто не хватало кремня для изготовления более крупных предметов и они вынуждены были обходиться миниатюрными поделками. Специализированные формы этих миниатюрных поделок в свою очередь показывают, что они не были случайными, а отвечали определенным бытовым потребностям. Постоянное же использование пластин и их фрагментов может быть объяснено, как свидетельство о какой-то общей технической тенденции или традиции. Такой традицией, всего вероятнее, была традиция микролитической техники, как известно, имевшей большую силу на обширных территориях Старого Света от эпипалеолита вплоть до ранней бронзы Восточной Европы, а также, до расцвета высоких «городских» культур на Ближнем Востоке.

Изложенные соображения носят, конечно, предварительный характер. Нужно надеяться, что дальнейшие исследования ЮТАКЭ в Нисе и соседних районах позволят полностью разъяснить эти проблемы, которые ставит перед исследователями этого памятника описанная интересная коллекция и, в частности, вопрос об ее отношении к памятникам культуры Анау, относящаяся к одной из стадий которой (Анау III-а) керамика обнаружена, по словам М. Е. Массона, на том же городище.

Л. И. РЕМПЕЛЬ

ТЕРРАКОТЫ МЕРВА И ГЛИНЯНЫЕ СТАТУИ НИСЫ

Скульптура древних народов Средней Азии давно уже привлекает внимание науки[1]). Древние терракотовые фигурки и немногочисленные остатки статуй, как осколки рассыпавшегося метеорита, сохранили в себе остатки того великого целого, исчезнувшего в веках, имя которому античность. Народы Южной Туркмении, как и другие народы Средней Азии, переживали свою дикость, свое варварство, но и свою античную, т. е. высокую, древнюю цивилизацию рабовладельческого общества. Скульптура, как искусство, существовала и развивалась здесь в условиях очень своеобразных отношений рабовладельческих государств с варварскими племенными объединениями и союзами, и исчезла вместе с победой феодализма и торжеством ислама над древними религиями, культами и связанными с ними формами искусства.

И как современные физики, изучая осколки метеоритов, судят о составе небесных тел и законах их движения, так и историческая наука, изучая терракотовые фигурки и фрагменты былых статуй, раскрывает в образах древних мифических героев, божеств, царей и демонов, социальную картину древнего общества — его экономический и государственный строй, этнический состав древних обитателей страны, их религию, искусство, возникновение, развитие и смену идей, культурно-исторические взаимоотношения с другими народами и пр.

Скульптура Южной Туркмении до сих пор не нашла никакого отражения в научной литературе[2]). Нельзя сказать, чтобы она была вообще неизвестна. В Ашхабадском Историческом Музее хранятся более 20 лет терракотовые статуэтки из древнего Мерва и Керков. Там же находятся фрагменты глиняных статуй из Старой Нисы. Если эти материалы, ценнейшие для истории культуры народов Средней Азии, до сих пор не издавались, то надо полагать потому, что Институт Истории ТФАН и Ашхабадский исторический музей не располагают дневниками, отчетами и другими данными о прежних раскопках городищ Мерва и Нисы, если не считать кратких аннотаций, и при том неполных, в инвентарных документах Музея. Это, конечно, затрудняет научное исследование материала, поскольку изолированное изучение предметов, вне данных, полученных в процессе раскопок, конечно, неполноценно. Сравнительный же анализ терракот и статуй с привлечением произведений искусства других, смежных с Туркменией, областей затрудняется тем, что неоднократно издававшиеся терракоты Согда не имеют полной шкалы достоверных датировок: датировки ранних терракот, выдвинутые Г. В. Григорьевым[3]), требуют пересмотра, а поздние сог-

дийские терракоты VI—VII в.в.[4]) не имеют себе в Туркмении никаких аналогий. Лишь недавно, благодаря работам С. П. Толстова[5]), вошли в научный обиход терракоты северной Туркмении, и Хорезма в целом.

Тем не менее, успехи советской исторической науки в изучении древней культуры народов Средней Азии настолько серьезны, что поставленная ЮТАКЭ задача описания, предварительной классификации и издания материалов по древней скульптуре Южной Туркмении является вполне актуальной; ее разрешение может стать существенной вехой на путях изучения древней скульптуры не только северного Хорасана, но и Средней Азии в целом.

I. Терракоты древнего Мерва

Терракоты Ашхабадского музея были собраны в течение ряда лет во время археологических разведок и раскопок в районе древнего Мерва, и лишь одна головка поступила из района Керков. К нашей теме мы привлечем также терракотовую фигурку, найденную 4-м отрядом ЮТАКЭ (С. А. Вязигиным) в 1946 году на валу древней стены Антиоха и две других статуэтки из Ташаузской области (хранятся в кабинете Института Истории ТФАН), важные для сравнительного изучения терракот южной Туркмении и Хорезма. Указанные терракоты можно разбить на следующие группы:

Первая группа.

1. Инв. № 155/29. Инвентарная запись музея: «Головка статуэтки зеленоватой глины в коронообразной шапочке. Левая половина лица разрушена». Головка обломана ниже подбородка. Обрез формы совпадает по верхнему контуру с контуром головного убора, выполненного в высоком рельефе; нижняя часть лица обрезом не оконтурена. Головка принадлежит, повидимому, плитке с рельефным изображением человеческой фигуры. Техника исполнения: оттиск сырой глины с помощью штампа, с последующей обрезкой тыловой части ножом и обжигом в керамической печи.

Размер головки: высота 65 *мм*, ширина 45 *мм*, толщина 30 *мм*.

Место находки: древний Мерв. Городище Гяур-Кала. 1930 г.

Головка № 155/29 рисует своеобразный тип лица: узкий подбородок, очень широкий лоб. Нижняя часть лица выступает вперед, что особенно заметно при разглядывании головки в профиль. Такие лица хорошо запоминаются, потому, что выражают не случайные, но типические черты людей определенной народности и эпохи. Головка передает этнический тип известный нам по ранним статуэткам древнего Самарканда[6]). Это тип лица обитателей Средней Азии докушанского времени. На голове у нашей фигурки одета, видимо, не корона, как сказано в инвентарной записи музея, а мягкий головной убор, быть может из войлока, то есть разновид-

Рис. 1. Головка из Мерва (Гяур-Кала).

Рис. 2. Головка из Мерва (Гяур-Кала).

ность войлочной кирбасии; такие и схожие головные уборы были распространены в среде, связанной с традиционными костюмами среднеазиатской степи. Различные виды мягких головных уборов этого рода, присущие некогда сакам, парфянам и другим номадам и перешедшие затем в более развитую среду древних обитателей Средней Азии, можно видеть на золотых пластинках Амударьинского клада[7]) и на некоторых терракотовых статуэтках Самарканда[8]); они же перешли на серебряные чаши[9]) и монеты кушан[10]). Своеобразие шапочки на головке № 155/29 в том, что высокая округлая шапочка сбита слегка вперед (что заметно по профилю головки) и членится двойной вертикальной тесьмой на две части: снизу она отороченa каймой или может быть, перетянута венцом-диадемой, это-то и придает ей сходство с короной. По тулову шапочки идут вертикальные стежки, что усиливает сходство с тиарами арсакидов на монетах. И однако, сходство это только кажущееся. Многочисленные примеры мягких головных уборов легко меняющих свою форму и разнообразящихся в зависимости от случая и моды, загнутые то вбок[11]), то вперед[12]), то назад[13]), то приплюснутые сверху[14]) — подтверждают наше предположение о том, что на головке № 155/29 одет, именно, мягкий головной убор, распространенный в Средней Азии в первые века до н. э. Волос из-под шапки у головки не видно. Головка, повидимому, мужская. На лбу у нее большая круглая, слегка примятая горошина, или «урна». Такие горошины изображались на ранних статуэтках древнего Самарканда[15]), они известны также на парфянских[16]) и кушанских[17]) изображениях. Предполагают, что «урна» носили и некий символический смысл, как признак особого могущества; в них видят «третий глаз», «всевидящее око» и прочий мистический смысл[18]); впрочем, все эти толкования являются довольно произвольными и современные пережитки изображения этого знака (у некоторых тюркских народов) не получили достаточного разъяснения.

Обратим внимание, что глаза у описанной головки не имеют зрачков, — форма их характерна для статуэток Самарканда III—II в.в. до н. э. и одной из статуэток Хорезма в собрании самаркандского музея[19]). Брови сильно выпуклые. Выражение лица иератическое, условное, безличное. Губы узкие, сжатые, не выразительные, хотя общее строение лица дает законченный этнический тип и передает общую идею образа.

2. Инв. № 155/31. Инвентарная запись Музея: «Головка женской статуэтки, светлоглиняная, подобная № 155/29». Головка обломана, как и предыдущая, ниже подбородка. Обрез формы по верхнему контуру тоже совпадает с кон-

туром головного убора, выполненного в высоком рельефе, а нижняя часть лица обрезом не оконтурена, почему, надо полагать, что и эта головка принадлежит плитке с рельефным изображением человеческой фигуры. Техника исполнения та же.

Размер головки: высота 45 *мм*, ширина 45 *мм*, толщина 25 *мм*.

Описанная головка (№ 155/31) передает тот же этнический тип, что и предыдущая (№ 155/29)—широкий лоб и узкий подбородок, на лбу урна. Брови сплошной линией сильно выступают над откинутым назад лбом. Снова безличное, иератическое выражение лица, „взгляд в пространство", столь типичный для пластики архаического стиля: глаза без зрачков, в виде удлиненных овалов, как на упоминавшихся уже статуэтках раннего Согда докушанского времени. Особенно любопытен здесь головной убор в виде мягкой шапки, прикрывающей косы, уложенные вокруг головы в два яруса, и прикрепленной к ним крупной брошью. Укладывать так косы было принято и в Согде докушанского времени, как это видно по терракотовым изображениям Анахит, близких ранне-парфянскому времени. Анахиты этого рода одеты в легкие ткани; одна из них, без головки, представлена у К. В. Тревер,[20]), другая с надписью вдоль мантии — в Самаркандском музее[21]). По манере исполнения глаз, головки № 155/29 и 155/31 имеют близкую аналогию в отмеченной уже хорезмийской статуэтке из Кырк-кыз-кала. (Самаркандский музей инв. № А—190—1) и, особенно, в изданной Г. В. Григорьевым статуэтке „ахеменидского царя"[22]) или „ахеменидского сатрапа"[23]) из Тал-и Барзу (второй экземпляр такой же статуэтки имеется в старых сборах самаркандского музея, вероятно, с Афрасиаба[24]). Но „ахеменидский царь" или „сатрап" Г. В. Григорьева отношения к ахеменидам и ахеменидскому времени не имеет. Он был найден между эллинистическим и т. н. „доэллинистическим" слоем Тал-и Барзу[25]); костюм его, штаны в поперечных складках, типично парфянские (или кангюйско-парфянские)[26]). Корона-венец повязана у него, видимо, вокруг мягкого колпака, как диадема.

Рис. 3. Головка из Мерва (Гяур-Кала).

Рис. 4. Тоже.

Мервские статуэтки №№ 155/29 и 155/31, конечно, отличаются от самаркандских, прежде всего самостоятельностью сюжета, но по близости этнического типа, манере исполнения глаз, овалу лица, укладке волос на голове женской статуэтки и характеру головных уборов, обе мервские статуэтки могут быть отнесены к тому же времени, что и упомянутые согдийские терракоты, т. е. III—II в.в. до н. э.

Прежде чем переходить ко второй группе статуэток, необходимо остановиться на терракотовой фигурке, которая не может составить особую группу, лишь потому, что находится, пока, в единственном экземпляре.

Инв. № 152/182. Фигурка женщины. Головка и нижняя часть фигурки отбиты. Рельеф плоский. Техника выполнения: фигурка оттиснута штампом и, возможно, подправлена от руки. Сзади поверхность плоско сострогана ножом, срезы имеются и на боках статуэтки, не совпадая с контуром фигуры. Цвет терракоты на поверхности и в обломе песчано-пепельный.

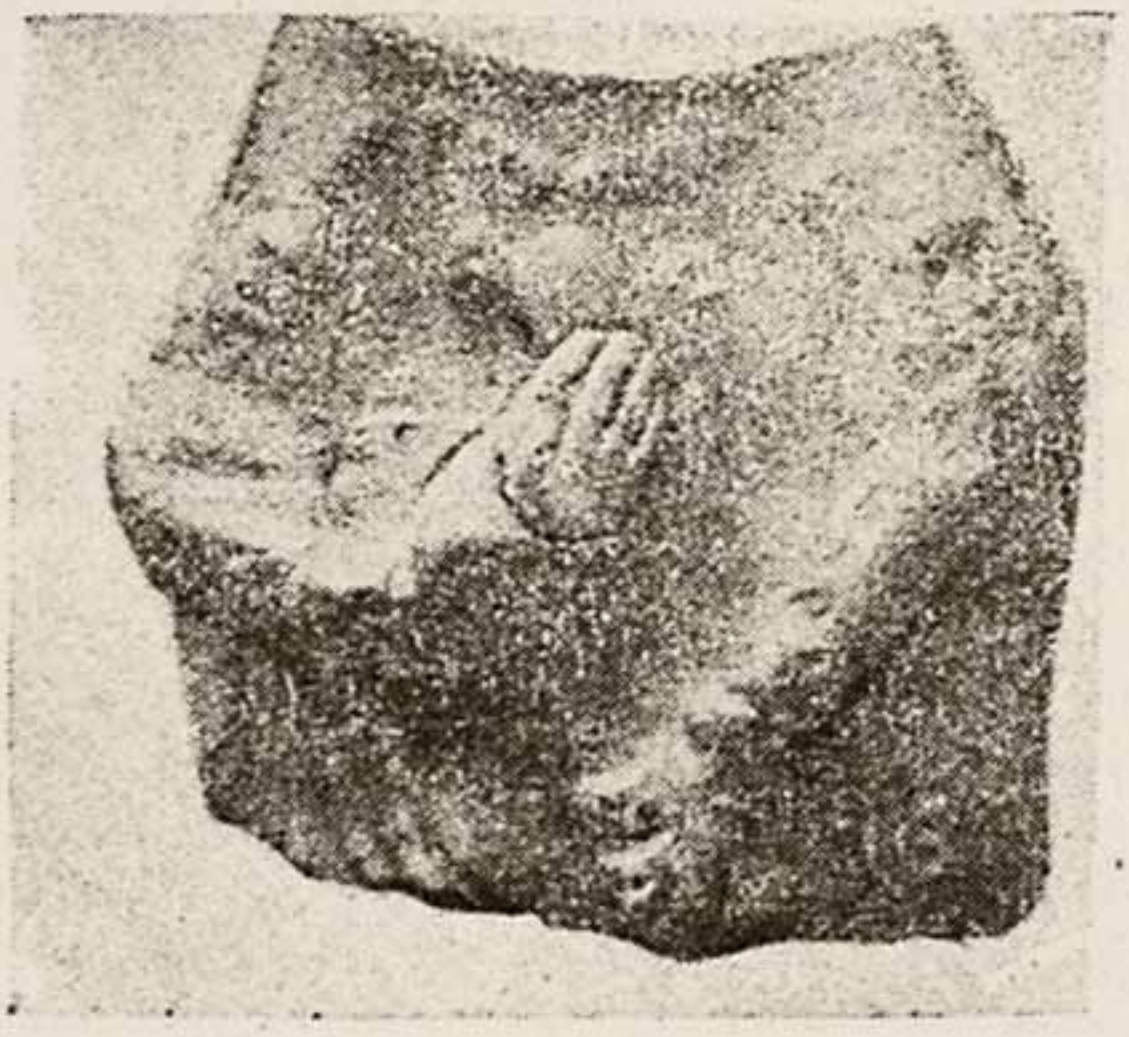


Рис. 5. Фигурка женщины с плодом.

Фигурка женщины (№ 152/182) держит в правой руке какой-то плод; она прижимает его к себе между двумя отмеченными выпуклыми кружками грудями. Левая рука опущена к низу живота и как бы охватывает лоно двумя пальцами. Рукава узкие, на одном из них следы поперечных складок. На шее ожерелье из бус. Выполнена фигурка слабо, особенно руки, но сюжет этой плитки примечателен. Этот сюжет известен нам по статуэткам Анахиты, прижимающей одной рукой к груди плод, а другой прикасающейся двумя пальцами к лону. Изображения подобного рода заслуживают специального исследования в связи с иконографией среднеазиатской Анахиты — к этому вопросу мы надеемся вернуться в другом месте, а здесь заметим лишь, что трактовка данного образа Анахиты восходит, по всей вероятности, к распространенному в Средней Азии мифу о Нане, которая по одной версии зачала Аттиса от прикосновения плода граната к груди[27]), а по другой от того, что спрятала миндаль в свое лоно[28]). Не исключено, что именно этот мотив нашел свое отражение в мервской статуэтке, как и в статуэтках Самарканда[29]) и Термеза[30]), изображавших Анахиту-Нанайю в аспекте распространенного мифа.

Видимо, тот же мотив нашел свое отражение также и в скульптурных изображениях индийских якшини[31]) позднейшего времени. По технике выполнения и примитивности штампа мервская фигура близка терракотовым фигуркам Анахит из слоев Тали Барзу I—II[32]), что побуждает нас датировать описанную статуэтку Анахиты-Нанайи III веком до н. э.

Изображения безбородого мужчины в мягком головном уборе и девушки, прижимающей плод к низу живота или груди, составляет, повидимому, общее типическое явление, как для Согда, так и для Термеза и Мерва. В культовом отношении эти статуэтки связаны, видимо, с распространением в Средней Азии образов, близких к малоазийским Аттису и Нанайе. В стилистическом, однако, отношении признаков эллинизма в этих статуэтках все же не имеется и надо думать, что если образ Аттиса, пастуха в колпаке, и «великой богини» Передней Азии, как-то и повлияли на местное искусство, то последнее все же видело в своих произведениях скорее не Аттиса и Нану, а местные божества вроде «хозяина стад» — пастуха Митры и покровительницы рода, общины и олицетворения вод — Анахиты.

Также, вне определенной группы, в качестве уникальной находки заслуживает быть отмеченной здесь головка из района Керков. Эта головка, как любезно обратил наше внимание проф. М. Е. Массон, была уже издана в 1927 г. в популярном журнале «Семь дней» с указанием, что в 1926 г. во время Керкинской экспедиции Туркменкульта был найден «великолепный экземпляр» терракотовой головки индоскифской эпохи[33]).

4. Головка из Керков (без инв. номера) имеет очень плотный и тяжелый черепок. Цвет покрова серо-пепельный, а в разломе шеи кирпичного оттенка; повидимому, головка была покрыта светлым ангобом. С боков шеи следы обработки ножом, под подбородком следы пальцев. На тыловой стороне затертость.

Рис. 6. Головка из Керков.

Керкинская головка изображает почти круглое лицо, удлиняющееся лишь за счет высокого, сильно откинутого назад, лба. Черты лица — крупный нос с резко очерченными крыльями ноздрей, очень большие широко раскрытые глаза, брови, которые трактуются как низкий плотный валик, переходящий в толстый, слегка приплюснутый нос, продолженный прямой, сильно откинутой назад линией лба,— все это напоминает раннекушанскую коропластику Самарканда. Верхняя губа расположена близко к носу, ямочка над носом маленькая, узкая. Прямой рот с тонкими узкими губами, лежащими параллельно, нижняя губа одинаковой длины с верхней, создает несколько хищное выражение. Подбородок узкий, сильно выпуклый. В этих чертах сказывается некоторое этническое родство с головками описанной нами первой

Рис. 7. Головка из Керков в профиль.

группы статуэток, характерной для кангюйского Согда, но стилистически эта группа тяготеет к кругу памятников эпохи ранних кушан. Глаза очень крупные лежат на прямой оси, неглубокие веки широко раскрыты, обнаруживая большое, вытянутое к вискам, глазное яблоко без зрачка. В самаркандской же, близкой по типу, терракоте [34]), которую можно относить к раннекушанскому времени, намечаются уже зрачки. Над линией лба проходит валик волос, выложенных на две стороны по типу парфянских причесок с диадемой, насколько можно судить по монетам арсакидов [35]). Из-за уха спускается прямой прядью локон до уровня подбородка.

Рис. 8. Терракотовая головка из Самарканда.

Описанная терракотовая головка из Керков находит себе неожиданную аналогию в нумизматическом материале.

Монеты Гелиокла, последнего греко-бактрийского царя, правившего в областях к югу от Аму-Дарьи, изображали полное одутловатое лицо греко-восточного правителя, ничего общего не имеющего с нашими терракотами. И это естественно, поскольку Гелиокл был абсолютно чужд „варварам“, сокрушившим его царство. Но любопытно, что так называемый варварский чекан областей соседящих с севера с Бактрией, избрав объектом подражания монеты Гелиокла, совершенно видоизменил его лицо в направлении каких-то, видимо местных, черт и особенностей. «Варварская» переработка обнаруживает привнесение в изображение Гелиокла как раз тех черт, которые свойственны головке из Керков. Это хорошо видно по „варварскому“ подражанию Гелиокла из коллекции Шакарьянца (в Самаркандском музее), собранной где-то на юге Узбекистана. На варварском Гелиокле и у головки из Керков одна манера укладки волос и повязка их диадемой, крупные, мясистые, слегка приплюснутые носы, резко выраженные крылья ноздрей, сильно откинутый назад над выпуклыми бровями лоб, широкие плоскости щек и даже одинаковое расположение уха и за ним пряди волос,—все это говорит о том, что „варварская“ переработка Гелиокла (повидимому, уже кушанского времени) и головка из Керков—являются проявлениями

Рис. 9. Профиль „варварского“ Гелиокла.

одного стиля искусства, наследовавшего, может быть, в какой-то мере греко-бактрийское искусство, но подвергшего его полной и вполне оригинальной переработке.

Все эти признаки, рисующие головку из Керков этнически близкой мервским головкам III—II в.в. и стилистически несколько древнее раннекушанской головки Самаркандского музея, побуждает нас относить керкинскую головку к числу памятников парфяно-кангюйского круга и датировать ее примерно началом н. э.

Вторая группа

1. Инв. № 155/27. В инвентарной записи музея отмечено, что женская фигурка, без головы, поддерживает левой рукой платье, в правой руке она держит зеркало. Цвет глины светложелтый (в записи ошибочно указано, красноватый). Техника изготовления фигурки с помощью штампа не отличается от предыдущих. На тыловой стороне статуэтки обрезы по сырой глине.

Размеры: высота 50 *мм*, ширина 30 *мм*, толщина 16 *мм*.

Место находки: Городище Гяур-Кала. 1930 г.

Фигурка № 155/27 по сюжету и стилю исполнения представляет контраст с отмеченными статуэтками. Трудно сомневаться в ее близости произведениям эллинистического искусства. Естественность пропорций, тонкая ткань, спускающаяся в виде античного гиматия ниже колен, светский сюжет фигурки,— все это отражает вкусы и моды, господствовавшие на эллинистическом Востоке. Что в древнем Мерве могло иметь место знакомство с греческими и римскими образцами, вполне допустимо, судя хотя бы по тому, что выходцы из Сирии заполняли Мерв[36]), а в окрестностях его жили, в большом числе, римские пленные, переселенные сюда Ородом[37]).

Рис. 10. Женская фигурка из Мерва (Гяур-Кала).

И, однако, представление, что произведения, близкие греко-римскому искусству, создавались выселявшимися на восток греками и римлянами или их непосредственными учениками[38]), сейчас определенно устарели. Одно подражание не способно создать художественной школы, а в Мерве, видимо, существовала своя школа, более независимая в отношении античных образцов, чем школы Матхуры и Гандхары. Заметим, что описанная женская фигурка трактована довольно свободно: на ней греческое верхнее платье,—один конец гиматия переброшен через плечо; охватывая правое бедро гиматий другим концом переброшен через едва согнутую правую ногу. Под гиматием на фигурке одежда с поперечными складками, заметными на левом рукаве; следовательно, на фигурке под верхней одеждой местный костюм, известный по изображениям на золотых вещах Амударьинского клада[39]), на монетах Парфии[40]) и Кангюя[41]).

Хотя сюжет фигурки № 155/27 вполне светский, но положение рук— одна на груди, другая полуопущена книзу — освящено традицией.

Сочетание традиционных поз, жестов, костюмов, с греческими модами, часто не понятными, усвоение символов и сцен, возникших на иной почве, но осмысленных в связи с собственной художественной тра-

Рис. 11. Изображение женского костюма на монетах Парфии.

Рис. 12. Костюм Тихе.

дицией, местными символами, мифами и обычаями, — все это создало совершенно новые мотивы в местном искусстве.

Существует большая шкала различных переходных форм от гре-

Рис. 13. Статуэтка с Афрасиаба.

Рис. 14. Статуэтка из Хорезма.

ческой и римской одежды до местных костюмов, видоизменявшихся с III в. до н. э. под влиянием эллинизма и коснувшихся, главным обра-

зом, царственных и жреческих одеяний, а также изображений эллинизированных божеств в произведениях искусства.

Эти переходные формы могут быть прослежены, в частности, в изображениях местных богинь, а также в изображениях индийских—богини Ордохшо[42]) и Хванинды[43]), близких эллинистическим Тихе и Нике (рис. 12).

Мервская статуэтка № 155/27 может быть сопоставлена в этом аспекте с одной характерной эллинистической статуэткой Афрасиаба (Самаркандский музей) и серией статуэток Хорезма. Фигурка с Афрасиаба изображает в совершенно античной позе свободно стоящую женщину в хитоне, слегка выдвинувшую ногу и завернувшую руку в гиматий[44]) (рис. 13).

Рис. 15. Статуэтка из Хорезма.

Среди статуэток Хорезма, изданных С. П. Толстовым[45]), также имеются высокие, стройные фигурки в расходящихся книзу платьях, с неясными крупными складками, пересекающими грудь (рис. 14).

2. Инв. № 155/28. Инвентарная запись: «Светлоглиняная статуэтка, подобная № 155/27. Платье на рукавах и по низу отделано круглыми бляхами, голова отбита». Фигурка представляет собой плоский рельеф. Обрезы имеются сзади и с боков, но не по контуру фигуры, а несколько отступая, так что изображение как бы выступает из фона.

Место находки: Городище Гяур-Кала. 1930 г.

Фигурка № 155/28 изображает женщину в сильно удлиненном платье, спускающемся колоколом и усыпанном внизу украшениями (выпуклыми двойными кружочками) в четыре яруса. Левая рука поддерживает платье, а в правой, как и у предыдущей фигурки, находится в руке зеркало на длинной ручке. Груди, также как и украшения на платье, обозначены выпуклыми кружками. На женщине богатый наряд с обильными накладными украшениями, напоминающими об одеждах „варваров" гуннско-сарматского времени и тех современных им костюмах, усыпанных бляшками и драгоценными камнями, которые отмечены в Амударьинском кладе[46]) и в находках раннекушанского времени из Беграма (Афганистан)[47]). Украшения находятся не только на подоле платья, но и на рукавах и плечах; на запястьях крупные двойные шарики, изображающие, вероятно, браслеты из драгоценных камней. Через левое плечо переброшен шарф, спускающийся по диагонали на правое бедро, на манер

Рис. 16. Женская фигурка из Мерва (Гяур-Кала).

античного пеплоса. Повидимому, женщина в богатом наряде с гривной и браслетами носит и здесь поверх местного платья греческую верхнюю одежду.

3. Инв. № 152/184. Терракотовая фигурка женщины; головка выше шеи обломана. Цвет терракоты почти пепельный; глина тонко отмучена. На тыловой стороне резкие срезы ножом по сырой глине.
Место находки: Гяур-Кала. 1936 г.

Рис. 17. Женская фигурка из Мерва (Гяур-Кала).

Фигурка № 152/184 изображает женщину в богатом наряде. Высокую шею плоско облегает не то ворот, не то гривна. Груди лежат открыто и раздельно, как в корсете, который обрамлен по верхнему краю украшением. Очень высокая, узко стянутая талия. Правая рука фигурки в узком рукаве с хорошо проработанной кистью поднята к груди и прижата к ней раскрытой ладонью. Левая рука скрыта под платьем, она обернута верхней одеждой и держит не то край одежды, не то небольшой предмет. Это совершенно оригинальная статуэтка аристократической дамы, или, вернее, созданной по её подобию богини, принадлежит кругу описанных уже фигурок №№ 155/28 и 155/27.

Сравнивая между собой статуэтки №№ 152/184, 155/28 и 155/27, мы замечаем, что они обладают рядом сходных черт; они плоские и, благодаря обрезам ножом по сырой глине, а не по контуру фигур, представляют рельефные плитки более плоские, чем ранние типы статуэток. Далее, они представляют собой развитие композиции, распространенной в искусстве эллинистического Востока. Еще замечаем, что платья их представляют собой сочетание греческих и местных „варварских" форм с большей или меньшей переработкой античного образца. Замечаем также, что жесты наших фигурок, напоминая ритуальные жесты Анахиты—Нанайи[48]), представляют собой более свободную, светскую их интерпретацию (мотив женщины с зеркалом), что резко отличает женские статуэтки Мерва от женских статуэток Согда—всегда строго придерживающихся своих ритуальных функций (ношение в руке плода[49]), трилистника[50]), веток барсомы[51]) и проч.).

Мы располагаем еще слишком незначительным материалом, чтобы высказать окончательное суждение об этой группе мервских статуэток. Однако, сравнение их с Согдом и Хорезмом заставляет нас полагать, что они относятся к кругу памятников парфяно-кангюйского периода, времени около начала н. э., когда вслед за широким распространением мотивов эллинистического наследия в местном искусстве зарождалась собственная традиция коропластики местной, среднеазиатской школы.

Сильно варваризированные греческие костюмы мервских статуэток с тяжелыми украшениями по подолу и рукавам удлиненных фигур напоминают хорезмийские статуэтки, о которых было сказано выше и у

которых эллинистические одежды также орнаментированы широкой полосой украшений на подоле.

На кушанских монетах Канишки[52]) мы встречаем у NANA и других божеств схожие греческие костюмы с богато украшенными подолами, а это как раз период кушанской экспансии на север, — вниз по течению рек Оха и Оксуса, частью через Мерв — к Хорезму.

Распространение греческих и псевдо-греческих, затем римских костюмов в соседящих с Бактрией странах было, судя по Псевдо-Арриану, довольно интенсивным. И, может быть, покажется не совсем неуместным привести в связи с этим сообщение римского купца I в. н. э.[53]), о том, как одежды римского производства, «грубые невалянные гиматии для варваров», «поддельные окрашенные мантилии», расчитанные специально на азиатский рынок, привозились из Египта морем в Бергазы и оттуда доставлялись к «воинствующему народу бактрианам» и «варварам» древних областей, обитавшим на территории Южной Туркмении в эту отмеченную нами пору около I—II в.в. н. э.

Ношение под «грубыми гиматиями для варваров» местных костюмов «варварского» стиля с обильными накладными украшениями в виде, вероятно, бляшек и браслетов из крупных камней, было, может быть, вызвано и другими, более общими явлениями в формах материальной культуры указанного периода.

Говоря о распространении, в противовес монохромному стилю, полихромии с камнями, стеклами, пастой, эмалью, штампованной или пунцованной геометрической орнаментикой, сочетающейся в ювелирном деле с камнями и эмалью, исследователи иногда ставят «новую моду» в связь с движением варварских племен со II в. до н. э.[54]). В Северном Причерноморье это явление связывается с сарматами, но отмечается также и в Аму-Дарьинском кладе[55]) и находках де Моргана из Суз. То же явление отмечают современные исследователи в Бегараме (Каписа[56]), где среди монет второй кушанской династии (Канишки, Хувишки и Васудевы от конца I в. до конца III в. н. э.) имеются аналогичные находки, в частности: золотой массивный браслет, обнаруженный в слое Беграм II, соответствующем нашему Тали-Барзу IV, сплошь украшенный рубинами, вероятно, как полагает Гиршман, из бадахшанских копей[57]).

В Киргизии сходные явления связывают с гуннами[58]). Китайские авторы, в свою очередь, говорят о близости быта и нравов кангюйского племенного союза и зависимости Кангюя, с одной стороны от юечжей (Тохаристан), с другой от гуннов[59]).

Мервские, согдийские и хорезмские терракоты кангюйского периода характерны в трактовке одежд сочетанием греко-римских и местных, «варварских» костюмов, новых сюжетов и старых традиционных поз, светской мотивировкой сцен и культовой, по существу, их трактовкой.

«Варварские», старо-парфянские, сакские и др. костюмы, характерные еще для доэллинистической Средней Азии и сочетающиеся в эпоху селевкидов и Греко-Бактрии с эллинистическими «поддельными» (по Псевдо-Арриану) костюмами, приобретают в кангюйское время все черты внешней роскоши и богатства украшений, характерных для широкого круга памятников гунно-сарматского времени.

1. Инв. номер и запись терракотовой плитки отсутствуют. Сохранилась нижняя половинка.

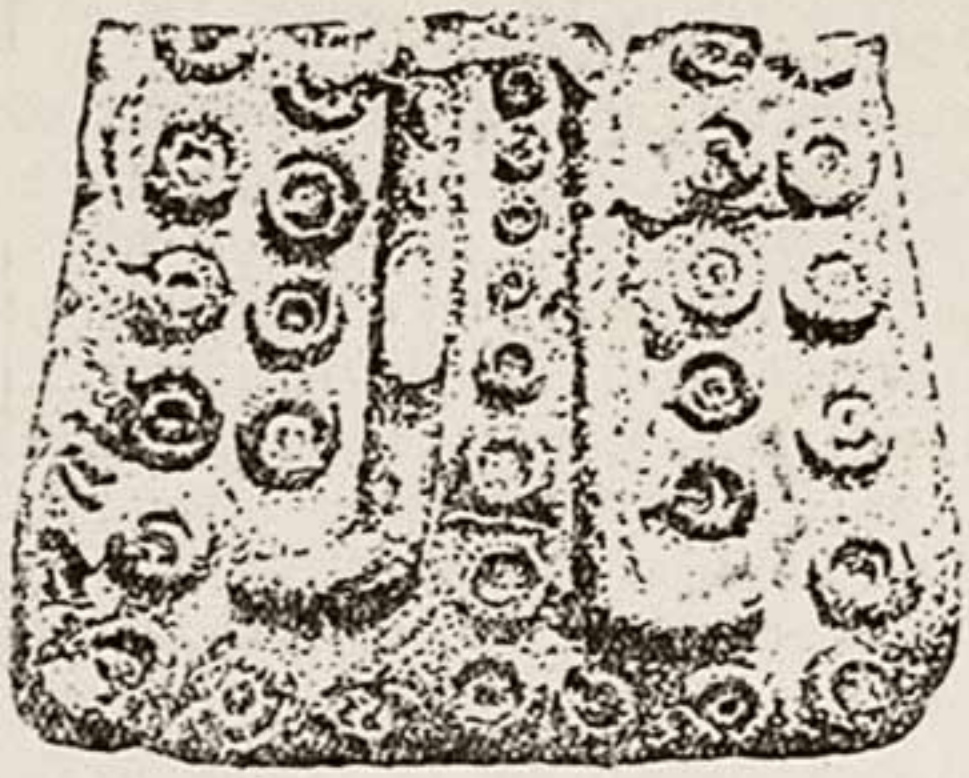


Рис. 18. Женская фигурка.

На плитке изображены схематически, выпуклым валиком, ноги, обращенные носками врозь; все свободное поле занято рядами двойных кружков, которые, как и на предыдущих двух статуэтках, изображали украшение на платье. Может быть, незадачливый художник хотел изобразить богато украшенный бляшками или разными драгоценностями „варварский" костюм, под который скрыты ноги фигурки. Украшения идут рамкой вдоль края плитки и пересекают ее поперек, поднимаясь вертикально между ног, что может соответствовать оторочке переднего разреза мужского платья. Схематизированные изображения ног, носками врозь, встречаются на оссуариях Самаркандского музея[60]), датируемых нами концом кушанского времени. Вероятно, плитка изображала фигуру в плаще; так же изображались ноги мужчин на фоне плаща у «великих кушан», но там плащи были короткие[61]).

2. Инв. № 152/47. В инвентарной записи читаем: «Плитка светлоглиняная, прямоугольная, с рельефным изображением стоящей мужской фигуры с мечом в руках, по краю рамка из «горошин». Верх отбит». Рельеф на плитке незначителен. Срезы ножом сзади и с боков.

Место находки: Гяур-Кала. 1936 г.

Описанная плитка почти прямоугольной, уширяющейся книзу формы. Как и предыдущая, она заполнена выпуклостями, изображающими украшения на одежде; там это были двойные кружочки, здесь же плоские горошины. Эти горошины идут в два ряда в виде перевернутой буквы Ц. Если средний разрез на предыдущей плитке соответствовал покрою мужской длинной одежды, то в данном случае расположение горошин соответствует женскому платью без разреза спереди. И действительно, наша фигурка имеет ясно обозначенные выпуклости груди, следовательно, изображает не мужчину, как сказано в записи, а женщину. На рукавах фигурки скошенные складки, что может соответствовать перекинутому через рукава шарфу или костюму парфянской плитки из Дура-Европос[62]), в которой видят Анахиту или, что по нашему вернее, Нанайю[63]).

Наиболее загадочным является предмет в руках женщины, которая держит его перед собой двумя руками вертикально. Полагать, что это меч, как указано в инвентарной записи, нет особых оснований, хотя и соблазнительно видеть в этом изображении женщину-воительницу. Ножен меча не видно, поскольку вертикальная ложбинка ниже рук, держащих странный предмет, соответствует, скорее, складке между ног.

Что касается «эфеса» меча полушаровидной формы, и «ручки», заканчивающейся вверху двойным уширением на грани разлома плитки, то вряд ли эта деталь является частью меча.

Рис. 19. Женская фигурка из Мерва (Гяур-Кала).

Описанная терракотовая плитка из Гяур-Кала разъясняется аналогичной терракотовой плиткой, найденной в Гяур-Кала на поверхности в 1904 году. Фигурка изображала, действительно, женщину на фоне богато украшенного, судя по кружочкам, плаща. В правой руке она держит над животом круглое зеркало, а левую прижимает к низу живота над резко очерченным кружком (рис. 20). Таким образом, этот род терракотовых плиток, оказывается, продолжает серию изображений женщин в восточно-эллинистических или восточно-римских костюмах, с зеркалом в руке, и в цепи развития этого рода изображений принадлежит, вероятно к поздним ее звеньям. Хочется заметить что само исполнение их в плоском рельефе с заполнением фона выпуклостями, горошинками и пр. напоминает технику буддийских образков кушанского времени[64]). Хотя эти плитки, повидимому, и не связаны с буддизмом, но, возможно, принадлежат к тому же кушанскому кругу памятников и датируются временем более или менее близким к первым векам н. э.

Мы датируем этот род плиток первыми веками н. э., т. е. полагаем их кушанскими по стилю. Следует ли их отнести по времени к эпохе Сасанидов, и считать проявлениями кушано-сасанидского стиля, покажут лишь будущие раскопки. Кушанское искусство, как в свое время и греко-бактрийское, выходило за свои хронологические и географические рамки. Связь данного рода плиток с другими аналогичными произведениями кушанского стиля является, с этой точки зрения, безусловной. Если этого рода плитки окажутся в дальнейшем в культурных слоях сасанидского времени, они сохранят

Рис. 20. Женская фигурка из Мерва (Гяур-Кала).

значение памятников, связанных преемственно с местной, традиционной культурой, созданной на территории Мерва в эпоху кушан.

Прежде, чем переходить к четвертой группе терракот из Мерва, остановимся еще на одной уникальной головке.

3. Инв. № 152/50. Инвентарная запись: «Головка терракотовая женской статуэтки китайского типа, на волосах следы красной краски». Цвет головки песочно-пепельный. На тыловой стороне срезы ножом, со скосом в верхней части вперед. Сильный горельеф. Обрезана без «фона». Облом у шеи.

Место находки: Гяур-Кала. 1936 г.

Рис. 21. Головка из Мерва (Гяур-Кала).

Головка отличается высоким качеством исполнения. Овал лица круглый, голова шарообразная. Волосы на голове в завитках, короткими локонами. Лоб прямой, чуть выпуклый. Нос правильных пропорций, но без резко выраженных крыльев ноздрей. Верхняя губа расположена близко к носу, губы вообще маленькие, тонкие, плоские; каноническая улыбка „буддийского типа". Глаза неглубокие, удлиненные. Уши вытянуты в форме §. Может быть, так изображается подвеска в ушах. Поверхность лица исключительно гладкая, матовая, из тонко отмученной глины.

Описанная головка—прекрасный образец буддийской пластики. Вполне очевидно, что не только буддийское вероучение, но и пластика буддийского искусства имела распространение на территории древнего Мерва. Этот род пластики имел широкий ареал распространения и находит себе многочисленные аналогии от гипсовых скульптур Хадды в Афганистане[65]) и до глиняных скульптурных изображений в Китайском Туркестане[66]); в частности, по стилю исполнения и психологической выразительности образа, буддийская головка из Мерва может быть сопоставлена с глиняными головками из Шикшина в Отчетах Русской Туркестанской экспедиции 1909—10 г.г. [67]).

Терракоты Хорезма и Согда, кажется, не дают прямых аналогий головке из Мерва. Этот факт может приобрести некоторый смысл, учитывая наличие сходных типов изображений в других областях, более, видимо, подверженных влиянию буддизма, как например, Термез[68]) и даже Семиречье[69]).

Четвертая группа

1. Инв. № 152/183. В инвентарной записи читаем: «Верхняя часть статуэтки из светлой глины. По бокам головы поднятые руки». Цвет поверхности песчано-пепельный, с мучнистым налетом, образовавшимся под влиянием каких-то внешних воздействий: с одного края налет известковых солей. Под налетом осевших солей проступают следы первоначальной обработки тыловой части ножом. На лицевой стороне затянутость деталей лица и костюма. Изображение выступает рельефом на фоне плитки, обрезанной примерно по внешнему контуру фигуры по бокам и спрямляется вверху.

Место находки: Гяур-Кала. 1936 г.

Описанная фигурка (№ 152/183) с узко стянутой талией держит в

поднятых руках, вероятно, плоды. На шее у нее ожерелье, возможно гирлянда из цветов[70]). Лицо в фас заплыло и мало выразительно, но в профиль интересно: крупный нос, узкий подбородок, овал лица яйцевидный. На голове убор, волосы или листья образуют три свешивающиеся вперед выпуклости. Талия, как отмечалось, очень узкая, руки подняты не от плеча, а как-то ниже. Верхний край статуэтки завершается ровно, без обломов. Повидимому, статуэтка эта являлась репликой какой-то известной в свое время скульптурной сцены в духе буддийских скульптурных композиций. Некоторое разъяснение дает другая аналогичная статуэтка.

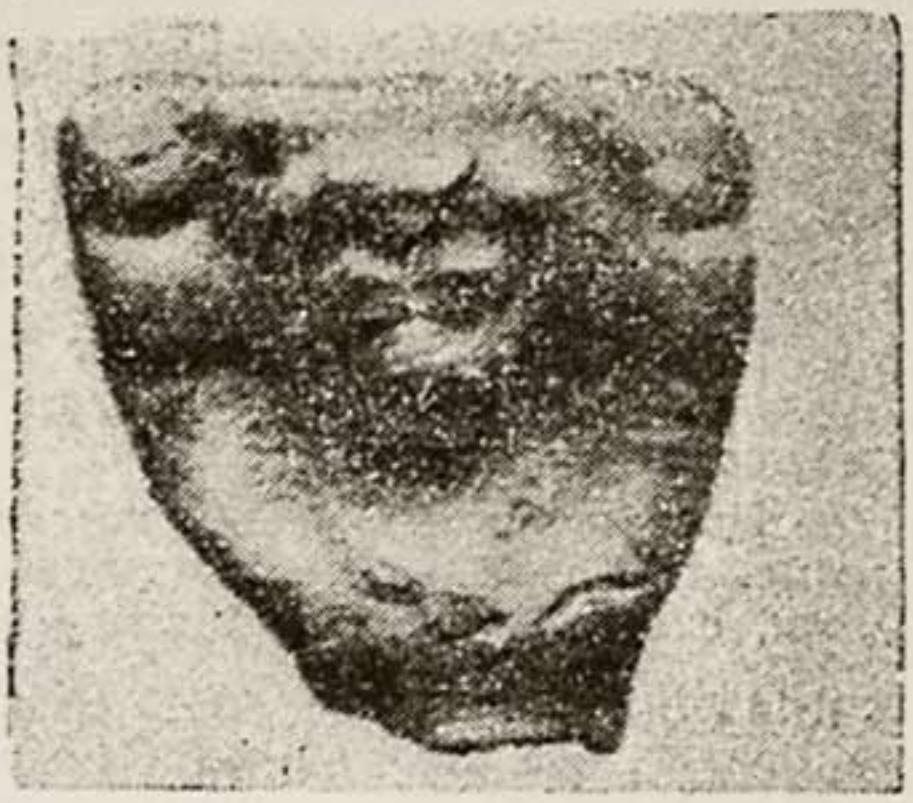


Рис. 22. Женская фигурка—„оранта" из (Гяур-Кала).

2. Инв. № 130/1271. В инвентарной записи читаем: «Статуэтка женщины с поднятыми руками. Низ ног и часть верха отбиты». Терракотовая фигурка сильно повреждена отколами. Правая рука на рельефе сколота, тоже правая нога и нижняя часть лица. На фигурке следы не то краски, не то замасления на неотколотых местах. Изображение внизу плоское, в верхней своей части переходит в глубокий рельеф. Контуры плитки не сохранились.

Место находки: Гяур-Кала. 1930 г.

Описанная фигурка (№ 130/1271) повторяет, видимо, № 152/183. Она изображает женщину, у которой руки, как отмечалось, также подняты вверх, в левой руке заметен плод или сосуд. На шее, кажется, цветочная гирлянда. Интересна головка. Красивый овал лица, характерное выражение выпуклых бровей, левый глаз сидит неглубоко, кажется, со зрачком (правая часть лица сколота). Головной убор из трех частей; от левого края головного убора, или прически спускается ниже ушей украшение в виде шарика на подвеске. Узкая талия переходит в округлые бедра. Судя по тому, что статуэтка продолжалась, частично, и выше головного убора, в то время как в № 152/183 верхний край завершался ровно, без обломов над самой головой, можно заключить, что обе статуэтки отжаты по разным формам, причем, как уже отмечалось в отношении первой из них, фигурки этого типа восходят к некоей, вероятно, распространенной, скульптурной сцене[71]). Такого же рода сцены с изображением женщин, несущих дары, известны

Рис. 23. Женская фигурка из Мерва (Гяур-Кала).

в кушано-буддийской пластике северо-западной Индии[72]). Фигурки четвертой группы могут быть датированы, на этом основании, примерно II—III в.в. н. э.

Пятая группа

Эту группу статуэток составляют казалось бы не связанные между собой, совершенно различные по сюжету и исполнению терракоты, в которых можно, однако, усмотреть и некоторое единство.

1. Инв. № 152/181. Фрагмент терракотовой плитки с рельефным изображением лица безбородого мужчины; лицо очень живое и выразительное, высокого художественного исполнения.

Цвет наружных частей песочно-пепельный, с желтоватым оттенком в изломе. Плотный, мелкопористый черепок. На тыловой части плоский срез ножом, спереди оттиск по штампу без видимых подправок.

Рис. 24. Головка „сатира" из Мерва (Гяур-Кала).

Описанная плитка изображает весьма характерное для эллинистического искусства выразительное лицо, полное стремительной игривости и движения; в профиль видно как лицо наклонено вперед. Брови крупной рельефной формы вздернуты в типичном для сатира виде и сходятся у переносицы; на лбу над переносицей урна. Кривая лба так наз. „селевкидская"[73]). Глаза небольшие, хороших пропорций, открыты с выражением живого внимания и усмешки. Зрачек в виде точки в глазном яблоке. Нос примят. Губы тонкие, поднятые в углах, придают сдержанно смешливый характер. Овал лица характерный: в висках сужение, широкая нижняя челюсть слегка выдается вперед, что усиливает волевое выражение. Верхняя губа короткая. На голове шевелюра со свисающими с одной стороны не то локонами, не то листьями винограда, как это приличествует спутнику Диониса, или самому Дионису-Вакху. Слева от головки, на рельефе видна, кажется, правая рука, что-то, вероятно, державшая.

Рис. 25. Та же головка в профиль.

Хотя головка сатира и является в Ашхабадском музее единственным экземпляром подобного рода изображений, тем не менее из наблюдений над сюжетами изобразительного искусства Средней Азии в древности выносится впечатление, что сюжеты, связанные с культом Диониса, имели здесь чрезвычайно широкое распространение.

2. Инв. № 155/36. Инвентарная запись гласит: «Нижняя часть светлоглиняной статуэтки танцовщицы тонкой работы, правая рука поддерживает опущенное до колен платье. На лодыжках ног браслеты». Плоский рельеф сзади обрезан. Контур плитки приближается к контуру тела и платья. Цвет пепельно-песчаный.

Место находки: Гяур-Кала. 1930 г.

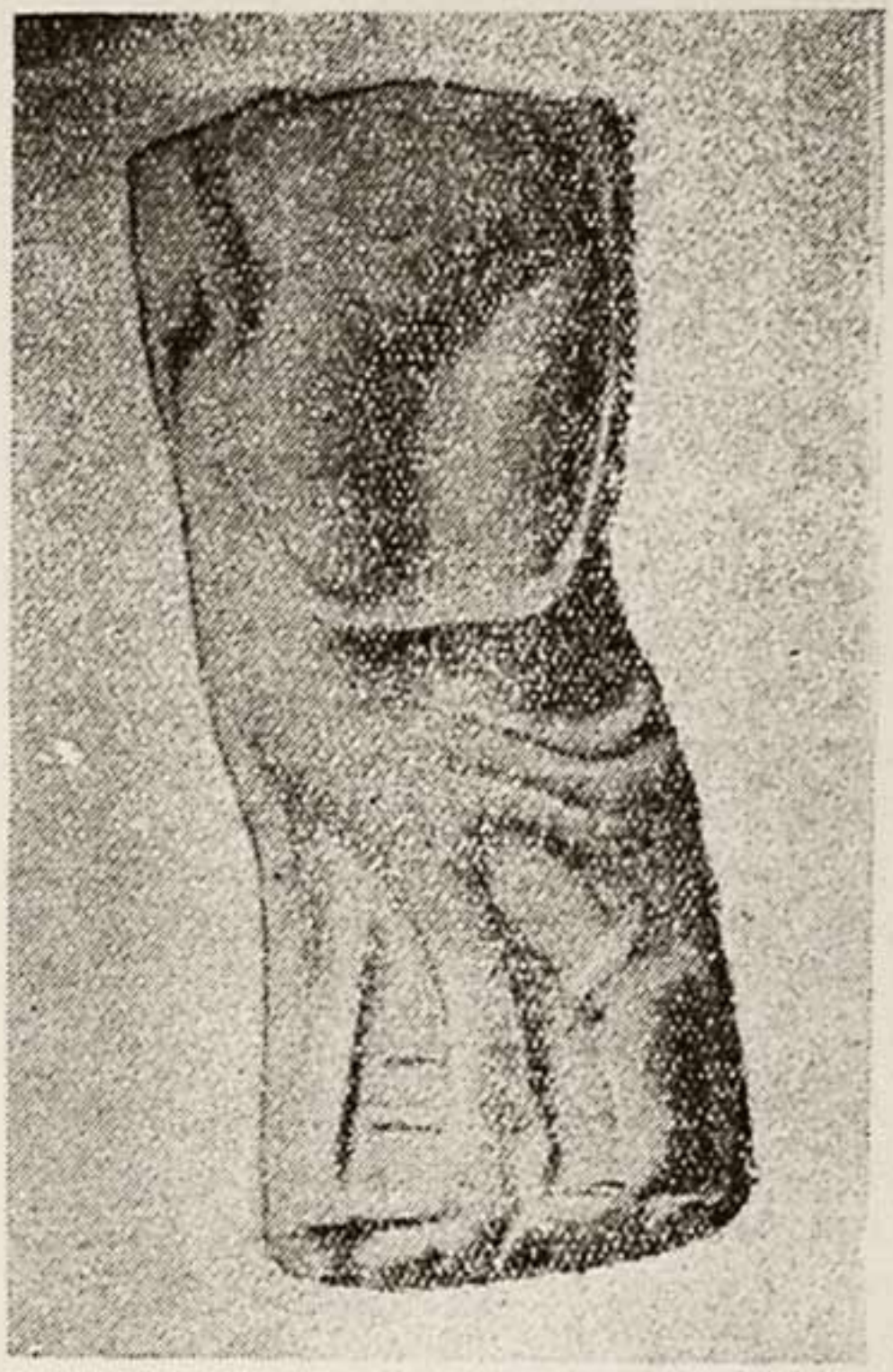


Рис. 26. Фигурка танцовщицы из Мерва (Гяур-Кала).

Описанная здесь фигурка изображает танцовщицу в покое. На ней не платье, как сказано в инвентарной записи, а род шарфа, который спускается до колен, оставив обнаженными живот и бедра. Танцовщица стоит на левой ноге, закинув небрежно правую ногу за ногу, касаясь ногой пола лишь пальцами. Формы тела исполнены изящества; пластично выражена форма согнутой ноги, скрытой под шарфом. Мало удачна лишь левая нога—ступня в раккурсе, при неглубоком рельефе. В исполнении, особенно судя по мягким формам живота, чувствуется знакомство с индо-греческими образцами; среднеазиатские терракоты редко изображали сложные движения и, особенно, психологические жесты,—это было связано не с техническим неумением компоновать фигуры, а со специфическим назначением терракот. В то время, как серебряные чаши, монеты, росписи изображали сложные фигурные композиции и даже жанровые сцены,—штампованные терракоты, за очень редким исключением, изображали лица и фигуры в соответствии с традициями искусства древнего Востока замкнутыми, величавыми и неподвижными.

Исполнение фигурки мервской танцовщицы напоминает резьбу по кости, в которой парфянские[74]) и, возможно, также мервские, мастера имели известный опыт.

Из многочисленных примеров произведений эллинистического искусства известно, что изображения танцовщиц, как и изображения сатиров, силенов и других «дионисийских» божеств, стояли в общей цепи художественных явлений эпохи. Сатиры часто изображались в различных ситуациях, в обществе пляшущих менад — спутниц Диониса. Конечно, это не исключает их возможной связи с местной и с индийской мифологией, где также наличествуют схожие образы под видом «Лакшми», «якшини» и других экстатических богинь. Изображения их мы находим еще на ранних монетах греко-бактрийских царей[75]), где они выступают в связи с традицией местной мифологии, скрещиваясь с

эллинизмом; позже они выступают спутницами или прислужницами, пирующего Вакха-Диониса[76]) или царственных особ, занимавших место Вакха-Диониса[77]), или адэкватных ему местных божеств. Изображения танцовщиц с длинными висящими серьгами и восточными шароварами отмечены на монетах Панталеона[78]) и Агафокла[79]). Связь танцовщиц на монетах с менадами Дионисийского фиаса очевидна, судя по каталогу Гарднера, где стоящая танцовщица держит две виноградных лозы[80]). У Мауэса[81]) и Азеса[82]) есть изображения на монетах этого рода; в них Гарднер видел «единственные остатки интересной школы в искусстве, одной из многих, которые существовали в Азии в первые столетия до н. э. и исчезли, почти не оставив никаких памятников»[83]).

К той же пятой группе терракот Ашхабадского Музея следует, повидимому, отнести и уникальную находку сделанную С. А. Вязигиным в процессе работ ЮТАКЭ 1946 г.

Статуэтка С. А. Вязигина изображает, очевидно, пластически и анатомически грамотно, торс гермафродита. Правда, левая грудь сбита, правая слабо выражена, но бедра, несомненно, женские, а признаки пола мужские. Тело фигурки обнажено, но, повидимому, на шее висело ожерелье (гривна), к которому подвешен шарообразный медальон, лежащий спереди на груди. Мягкий, округлый, без мускулатуры живот отчеркнут от паховой области, что резче оттеняет несоответствие женского по форме живота с признаками мужского пола.

Тема гермафродита слишком пространна и единичная находка слишком недостаточна, чтобы можно было вывести определенное заключение о смысле и назначении этой мервской статуэтки. Однако, заслуживает быть отмеченным, что вообще находки изображений оголенных фигурок, в частности гермафродита, становятся в Средней Азии нередки[84]). Хотя в традиции среднеазиатского искусства было одевать богов, и даже герои греко-римской мифологии обязательно одевались на местных монетах, блюдах и терракотах в платья и сапожки, все же, очевидно, небольшая доля статуэток изображала и обнаженные тела[85]). Примечательно, что фигурка гермафродита, подобная описанной, тоже без головы и конечностей была уже найдена однажды на Гяур-Кала свыше сорока лет тому назад во время работ экспедиции Помпелли, у которого она и опубликована.

Вторичная находка однотипной статуэтки дает основание думать, что фигурки гермафродитов здесь не уникальны.

Относительная редкость изображения оголенных фигур в местном древнем искусстве дает основание подозревать, что статуэтка гермафродита принадлежит к кругу образов, навеянных культами, сложившимися в другой среде и занесенными на местную почву.

В древней Греции образ гермафродита почитался выражением двойственного начала природы[86]), почему некоторые исследователи этого образа связывали его с Дионисом, отмечая изображение гермафродита в сценах вакхического фиаса, или указывали на его изображение в виде гермы с лицом смеющегося сатира[87]). Изображения гермафродита в Передней Азии были распространены, главным образом, в эпоху эллинизма, особенно со II в. до н. э., когда начался расцвет Пергама за счет Сирии Селевкидов. Пергам, Кизик, Пессинунт стали той базой, на которой культ Великой Матери слился с элевзин-

скими мистериями, в связи с чем мифу об Артемиде и Ипполите создалась параллель в лице Агдистис и Аттиса. Мистерии Великой Матери, с ее шумной свитой, были родственны элевзинским мистериям Диониса, особенно его фракийского двойника Сабазия, почему и слились с ними очень легко, как в Александрии, Кизике, Смирне, Эфесе, так и Северном Причерноморье и на Кавказе. Согласно греко-азиатской версии об Аттисе и Агдистис[88]), семя Зевса во время его сна истекло на землю, которая оплодотворившись, породила гермафродита Агдистис. Дионис, влив вина в источник, опьянил Агдистис и когда гермафродит уснул, привязал тонкой бичевкой его детородный член к его же ноге, так, что он, проснувшись, сильным и быстрым движением оскопил себя. Из просочившейся на землю капли крови вырастает миндальное дерево, один его плод срывает Нана, дочь речного бога и прячет в своем лоне. Миндаль исчезает, Нана беременеет и рождает Аттиса, своего возлюбленного.

Как уже отмечалось, среднеазиатские терракоты эпохи широкой экспансии эллинизма на Восток, изображают весьма схожих героев; среди терракот Согда фигурирует Аттис-Митра в его фригийском колпаке пастуха[89]) и Нана-Анахита с миндалем в руке, прикладывающая плод к своему лону[90]). Последний мотив повторяется, как отмечалось, и в Мерве, где богиня, притрагиваясь двумя пальцами к лону, держит в другой руке (согласно другой распространенной версии того же мифа) гранат[91]), прижимая его к груди. Возможно, что и статуэтка гермафродита причастна к тому же кругу образов и изображает, следовательно, Агдистис.

Среди известных нам изображений гермафродита на эллинистическом Востоке, наиболее близкой аналогией нашей терракотовой статуэтке является статуя гермафродита из Пергама, Пергамской школы в Берлинском музее[92]), у которой правая рука была поднята, левая опущена. На терракотовой фигурке из Мерва руки отбиты, однако левая грудь сколота низко, правая выше, что может говорить о неодинаковом положении рук. В форме статуи гермафродита из Пергама и в статуэтке гермафродита из Мерва в равной мере превалирует мужское начало, что также характерно для изображений гермафродита эллинистического времени. Связь образа гермафродита с культом Аттиса подтверждается еще указанием на существование статуи гермафродита хорошей работы в типическом костюме Аттиса[93]).

Впрочем, надо заметить, что, кроме Агдистис, существует на Востоке еще одно не менее распространенное двуполое существо — порождение индийской мифологии — Шива[94]).

Кому из этих двуполых существ, из Передней Азии или Индии, ближе мервская статуэтка гермафродита и в каком отношении находится она к местным древним, достаточно самостоятельным мифам — сказать пока трудно и мы ограничиваемся пока лишь сопоставлением терракот, связанных, повидимому, между собой единством культа и эпохи.

Нам представляется, что описанные терракоты пятой группы статуэток, при всех их различиях в жанре, навеяны одним общим для них кругом идей, связанных с «Дионисийскими» культами, имевшими в Средней Азии такое же широкое распространение в первых веках н. э.,

какое они имели в Северном Причерноморье[95]) и Армении[96]), где они выступали в форме «фракийского» культа Диониса-Сабазия с причастными к нему сатирами, менадами и прочими действующими лицами широко популярных народных мистерий.

Шестая группа

Нам остается упомянуть еще одну, последнюю группу терракотовых статуэток, которая выпадает из круга памятников докушанского и кушанского Мерва.

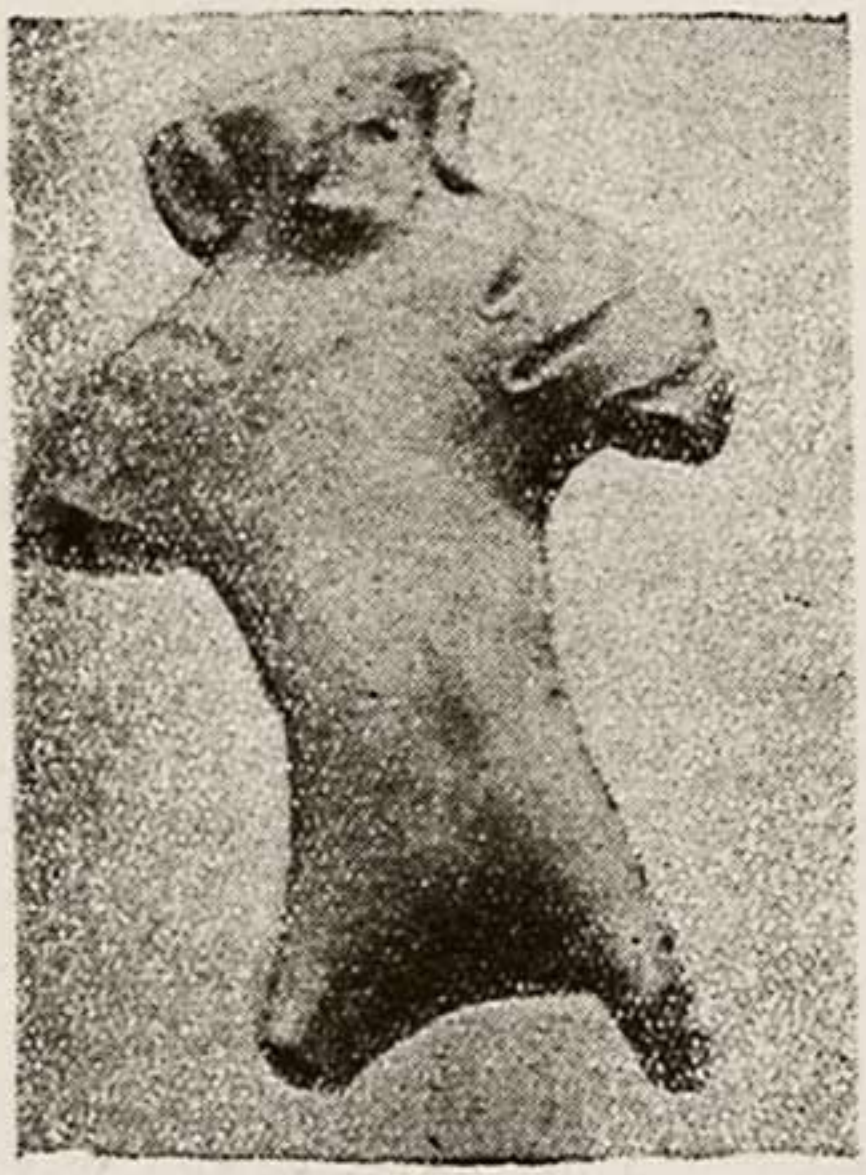


Рис. 27. Фигурка идольчика.

1. Фигурка идольчика с отломанными конечностями. Головка с двумя вмятинами по бокам „птичьего" носа и с дырочками вместо глаз прижата к туловищу, шея и рот отсуствуют, большие уши как бы сложены и примяты, на плечах и ниже бедер по бокам поперечные вдавленные полоски должные, видимо, означать одежду в поперечную складку. Судя по обработке низа фигурки она прикреплялась к спинке животного и изображала всадника.

Техника исполнения: фигурка выполнена целиком от руки, „птичье" лицо отформовано пальцами, а глаза и складки одежды острой палочкой. Обжиг велся обычным образом в керамической печи.

Идольчик изображает, видимо, не обычное человеческое существо, а нарочито грубое его подобие. Такие грубые, человекоподобные и одновременно близкие животным, образы характерны для фигурок послекушанского времени. В Согде III—IV в. в. н. э. они представляют собой грубое подобие почитавшихся до того образов, которым приданы черты отталкивающей внешности. Повидимому, то же явление имело место и в Мерве, где подобные идольчики являлись результатом не столько падения искусства, сколько отказа от господствоваших до того образов и вытеснения их апотропеическими, устрашающими образами. Не светлое божество, а его антипод, духи Аримана, образы Зохака, тотемные божества идольчики и фетиши составляли предмет массового потребления. Значение фигурки, как оберега или амулета, должно быть, оттеснило на задний план художественно-эстетическую функцию статуэток. Из произведений искусства, тесно связанных с художественным воззрением на мир, с мифологией древнего среднеазиатского античного общества, статуэтки становились в эпоху кризиса местной древней общественности, культуры и искусства домашними идольчиками, служившими для полушаманских заговоров и заклинаний.

Грубые изображения идольчиков существовали, конечно, в народной среде издавна и существуют в глухих уголках у горцев Средней Азии до сих пор, но изображения идольчика-всадника в традицион-

ном «парфяно-кангюйском» костюме, сохранившемся в местной народной среде послекушанского времени, дает нам основание думать (по аналогии с идольчиками из Челека, Тал-и Барзу IV и Кафыр-кала), что описанная фигурка принадлежит к кругу памятников послекушанского времени и характеризует собой, наблюдаемый также и в Согде, кризис художественной культуры, наступивший и в Мерве около середины I тысячелетия н. э.

2. Инв. № 155/34. Инвентарная запись: «Часть фигурки всадника из зеленой глины, на груди ожерелье из нескольких круглых блях, руки на бедрах, голова и низ ног отбиты». На описанном всаднике кафтан со слабыми следами поперечных складок на рукавах, украшение на груди (не ожерелье) спускается клином почти до живота. Всадник изображен на широком седле с высокой лукой. В правой руке у всадника какой-то предмет, вроде сосуда, левая рука у пояса.

Техника исполнения: оттиск по штампу и, судя по нечеткости деталей, — погружение в жидкий раствор глины с последующим обжигом в керамической печи.

Размеры: высота 4.6 *см*, ширина 4.3 *см*, толщина 1.7 *см*.

Место находки: Мерв, Гяур-Кала. 1930.

Описанный всадник представляет собой среди мервских терракот своеобразное явление: других подобных изображений среди терракот из Мерва пока что не встречалось, но по аналогии с фигурками всадников из Кафыр-кала, можно подозревать, что и этот торсик всадника

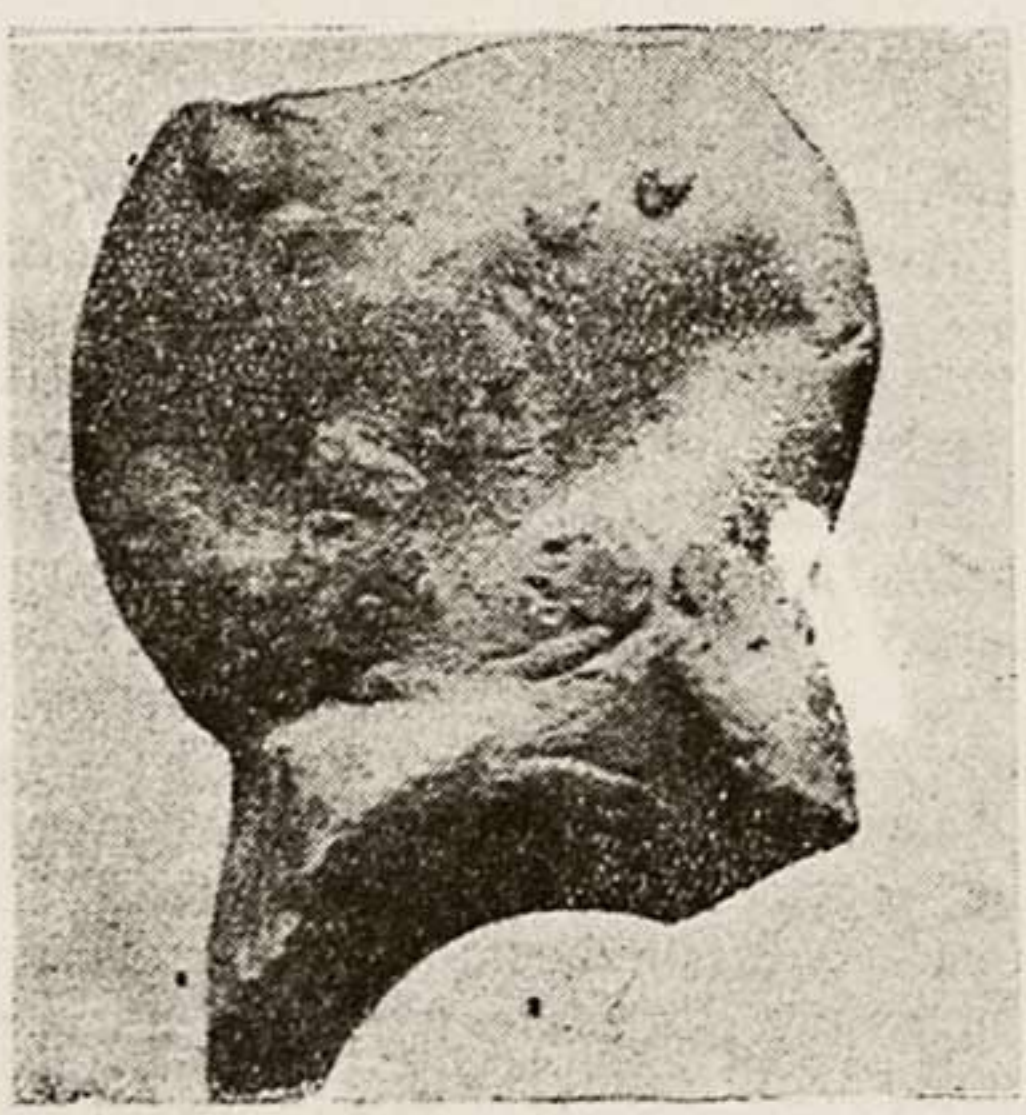


Рис. 28. Фрагмент фигурки всадника из Мерва (Гяур-Кала).

Рис. 29. Фигурка с Афрасиаба.

относится к эпохе, которую в отношении Мерва принято называть «сасанидской», а в отношении Согда — «тюркосогдийской». Седло с высокой лукой появляется в среднеазиатских степях не ранее VI—VII веков н. э. И, однако, костюм нашего всадника отнюдь не тюркский и не «сасанидский». Схожий костюм дают терракотовые фигурки с Афрасиаба. Одна из таких фигурок в собрании Самаркандского Музея (инв. № А—

36—32; рис. 29) изображает всадника в широком кафтане с рукавами в поперечную складку, с круглым медальоном на шее и спускающимся большим клином на грудь богатым украшением, которое носили, судя по изображениям на монетах, еще парфянские цари и которое сасанидские правители переработали на особый лад в форме «апезака». На торсике всадника из Мерва округлые украшения на груди повторяют тот же мотив, не будучи повторением ни парфянского, ни сасанидского костюма. Отсюда напрашивается вывод, что немногочисленные пока статуэтки Мерва V—VIII в.в. не дают оснований видеть в произведениях коропластики Мерва этой эпохи следов прямого воздействия искусства и бытового уклада сасанидских царей или тюркских каганов, хотя сам факт изображения в эту пору конной фигурки с каким-то напоминающим сосуд предметом в руке и седла с высокой лукой может быть и стоит, действительно в связи с появлением на исторической арене Средней Азии тюрок, оказавших влияние на социальный и бытовой уклад жизни среднеазиатского общества, особенно Согда.

3. Инв. № 155/30. Инвентарная запись: «Головка — маска, женская (?), статуэтка зеленой глины» в украшенной бороздками шапочке. Головка плохой сохранности, в неясном головном уборе, состоящем как бы из двух ярусов. Верхняя часть головного убора может быть понята, как выкладка складок ткани головной повязки или чалмы. Лицо сильно испорчено.

Техника исполнения обычная для штампованных головок. Закраинки ниже головного убора не обрезаны. Задний гладкий срез случайно выломан, что создает совершенно ложное впечатление «маски».

Размеры: высота 4.5 *см*, ширина 3.3 *см*, толщина 1.7 *см*.

Место находки: Мерв, Гяур-Кала. 1930.

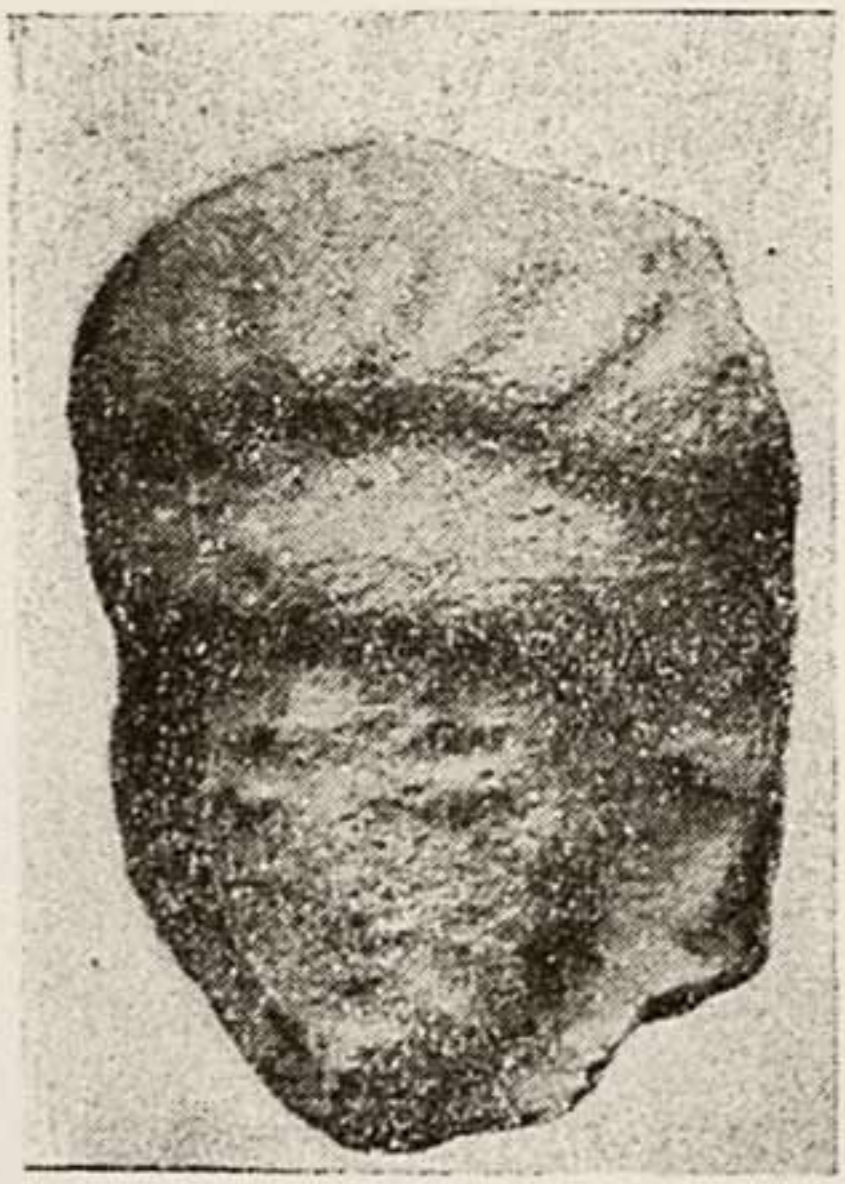


Рис. 30. Мужская головка из Мерва (Гяур-Кала).

Главное, что заслуживает внимания в этой головке, это головной убор, близкий согдийским мужским изображениям VI—VII в.в. Однако, это не подражание согдийскому головному убору и, вместе с тем, возможный пример тех ранних чалм, которые существовали на Востоке до арабского завоевания и которые представляли собой своеобразные модификации древнего головного убора, известного под названием „митры“. Отмеченная головка из Мерва не имеет себе прямых аналогий в других известных нам терракотах и подтверждает сложившееся у нас при обзоре докушанского и кушанского времени впечатление, что эпоха сасанидов и тюрков не нашла в терракотах Мерва глубокого отражения и что в эту эпоху в Мерве не было создано нового направления — «сасанидского» или «согдийского» характера, а сохранялись, в основном, свои местные, типичные для древнего кушанского Мерва традиции.

На этом мы заканчиваем рассмотрение терракотовых статуэток древнего Мерва.

Из нашего обзора терракот Мерва в собрании Ашхабадского музея видно, что почти все они относятся к парфяно-кангюйскому и кушанскому времени. Исключение составляют три фигурки послекушанского времени, одна из которых подтверждает характерный для других областей Средней Азии факт распространения грубых идольчиков в некий период, относящийся, судя по Тал-и Барзу IV, к III—IV вв. н э., т. е. к эпохе кризиса культуры рабовладельческого общества. Две другие, соответствующие, видимо, времени господства сасанидов в Мерве и борьбы с ними закрепившихся в Согде тюрков, пока ничего не говорят в пользу сасанидского или тюркского влияния на искусство Мерва VI—VII в.в. и склоняют нас скорее к мысли, что в эту эпоху в Мерве продолжали бытовать старые местные традиции того времени. В нашем распоряжении еще слишком мало терракот, чтобы судить о произведениях Мерва сасанидского времени, когда традиции кушанского искусства продолжали здесь, видимо, существовать, как и в землях кушаншахов, весьма прочно в качестве местного искусства, и когда наряду с этим относительно более широким искусством, уходившим своими корнями в художественные воззрения масс народа, существовало, как об этом говорят серебряные чаши и монеты, искусство, тесно связанное с господствующими классами ранне-феодального общества.

Эту сторону художественной культуры «сасанидского» Мерва собранные пока терракоты, случайно или закономерно, не отражают.

Три фигурки послекушанского времени, которые были в нашем распоряжении, не имеют ничего общего с известной коропластикой и торевтикой сасанидского Ирана, будучи связаны преемственно с культурой древних кушанских земель.

II. Глиняные статуи из Старой Нисы

Фрагменты статуй из необожженной глины поступили в Ашхабадский музей из раскопок А. А. Марущенко в Старой Нисе (разведочные работы в Нисе велись в 1930—31 г.г., затем раскопки в 1934, 1935 и 1936 г.). Часть поступивших фрагментов значится по описи 140. Фрагменты хранятся отдельными кусками и находятся частью в экспозиции музея, частью в его археологическом фонде. Обстоятельства их находки не опубликованы. В нашем распоряжении имеется лишь составленный А. А. Марущенко краткий отчет о работе кабинета археологии Туркменского государственного Института Истории за первую половину 1936 г.; в нем говорится только о том, что обломки статуй из сырой раскрашенной глины «встречены вновь» во время расчистки крупного, снаружи прямоугольного, изнутри круглого помещения, крытого, возможно куполом, вдоль северной стены, причем обломки слежавшихся статуй будто-бы образовали здесь слой шириной до 2 *м*. В личной беседе А. А. Марущенко высказал нам тогда же свое мнение, что указанное помещение было перекрыто сырцовым куполом в 17 *м* в диаметре (!) и что статуи из сырой глины стояли, возможно, в проходившей под куполом галлерее, а затем, будучи сброшены вниз, оказались погребенными упавшим куполом.

Участник археологических работ 1935—36 г.г. на Старой Нисе С. А. Ершов не помнит находки каких-либо остатков статуй в указанном помещении. В первом сезоне работ ЮТАКЭ 1946 г. вскрытия на этом участке не производились и, следовательно, упомянутые «обломки статуй» остаются пока заманчивой загадкой.

Что касается фрагментов скульптуры Ашхабадского Музея, то все они происходят из помещения с четырехлопастными колоннами. Помещение это, как известно, полностью не раскопано.

В обзоре докладов, читавшихся на III конгрессе по иранскому искусству в Ленинграде (где А. А. Марущенко докладывал о раскопках Нисы), говорится, что помещение с четырехлопастными колоннами представляло собой четырехстолпное квадратное здание на высоком цоколе, имевшее два противоположных входа. — «...Здание выстроено из кирпича. Внутри строения, между колоннами, друг против друга помещались две статуи сидящих воинов, от которых сохранились лишь жалкие фрагменты — часть спины одной из статуй, остатки бороды, часть рук с рукавом. Филлэллины арсакиды пользовались в качестве придворных мастеров греками и их выучениками»[99]).

В отчете или докладе имеется какое-то недоразумение: средняя часть помещения между колоннами, где, якобы, размещались статуи, пока не вскрыта, входные проемы обнаружены, кажется, только на западной стороне помещения. Проемов этих на западной стене три. Каждый проем образован тремя перспективно заглубляющимися арками. Согласно разъяснениям участника раскопок С. А. Ершова, в среднем проходе были обнаружены фрагменты головы с «шапочкой», куски лица, глаз, куски бороды. В правом проходе, в углу будто бы был обнаружен стоявший на сохранившемся и сейчас глиняном уступе торс крупной статуи из глины, без головы. Одна рука лежала в согнутом положении ниже живота, другая положена, видимо, уже в обломанном виде. Такая ситуация подтверждается фотографией, заснятой в процессе вскрытия статуи и хранящейся в музее.

На груди статуи были осыпавшиеся украшения и некое обмундирование, которое в описях значится фрагментами панцыря. О позе статуи судить трудно. Небольшие фрагменты статуи попадались еще в 1930 г. в ЮВ углу над стеной помещения и позже внутри того же, что дало, кажется, повод А. А. Марущенко предполагать, что статуи стояли сперва над стеной в верхней галлерее. В период работ ЮТАКЭ 1946 г. были обнаружены небольшие фрагменты статуй в том же помещении в завале вблизи главного прохода. С. А. Ершов высказал предположение, что статуи (или статуя, если фрагменты головы и торса принадлежат одному изображению) относятся к первому, более древнему периоду существования этого здания и что отдельные кусочки статуй могли попасть в завал стен при закладке помещения во время его более поздней перестройки. Следовательно, мнение С. А. Ершова совпадает с отмеченным уже мнением, высказанным на Конгрессе о принадлежности этих статуй филлэллинам-арсакидам, т. е. ранним арсакидам[100]).

Ограничиваясь этой справкой о мнениях участников раскопок 1930/6 г.г., мы вынуждены будем не обращаться более к неизвестным нам обстоятельствам находки статуй (или статуи) и заняться анализом сохранившихся в музее фрагментов.

Из сравнения их с фотографией, снятой в процессе раскопок, видно, что не все части раскрытого торса сохранились в Музее (они могли рассыпаться во время их транспортировки); вместе с тем в Музее имеются такие фрагменты, которые, судя по фотографии, не являются частью этого торса и неизвестно, связаны ли с ним или нет. Сделать реконструкцию статуй (или статуи) по сохранившимся фрагментам сейчас невозможно. Некоторые куски настолько фрагментарны и бесформенны, что мы их исключим вовсе из нашего описания и отметим только наиболее выразительные фрагменты и их детали.

Статуи(будем говорить, условно, во множественном числе) были изготовлены из зеленой глины. Глиняная масса была нанесена от руки на грубо сколоченный каркас. Деревянный каркас из брусков прямоугольного сечения скреплялся в сочленениях крупными железными гвоздями с широкой шляпкой; концы гвоздей пробивали бруски насквозь и загибались. Гвозди квадратного сечения двух размеров — длиной 4 *см* и 7.5 *см;* толщина бруска, заложенного в руке, около 3 *см* при общей толщине руки ниже локтя в 12 *см*.

Поверх массы зеленой глины, грубо наложенной на каркас, наносилась более тонким слоем глина цвета светлой терракоты, т. е. смуглого телесного оттенка. На некоторых частях статуй, поверх этого слоя наносился еще покров одежды из белого алебастра или тонкая обмазка. Слой алебастра, в свою очередь, покрывался минеральными красками. Однако, в ряде случаев, краска наносилась непосредственно на глину цвета светлой терракоты. В одном случае (фрагменты не нумерованы) вторичный слой глины был окрашен в желтую краску без предварительной алебастровой обмазки, в этом случае он соответствовал, кажется, обнаженному телу.

Сохранилось три больших глиняных фрагмента, изображавших волосы. Один передает короткие пряди в виде массивных удлиненных язычков, которые лежат свободно, не дробясь. Другой фрагмент передает более мелкие пряди; они дробятся на отдельные струйки, набегающие друг на друга и придающие волосам беспокойную живописность. Возможно, что первый кусок составляет фрагмент головы мужчины, а второй часть бороды, как это отмечено и в описи. Особенно интересен третий кусок. Он состоит из двух частей. Одна, нижняя, представляет собой несколько прядей волос, зачесанных, видимо, книзу, характер исполнения волос в этом куске тот же, что и в первом куске. Вторая часть куска представляет собой шапочку, одетую поверх волос. Шапочка имеет форму мягкого головного убора с двумя округлыми спереди выступами; задняя часть шапочки не сохранилась. Волосы, скрытые под шапочкой, не окрашены, хотя все

Рис. 31. Пряди волос глиняной статуи из Старой Нисы.

другие фрагменты волос окрашены красной краской. „Шапочка" же сохранила следы обмазки алебастром и остатки голубой краски.

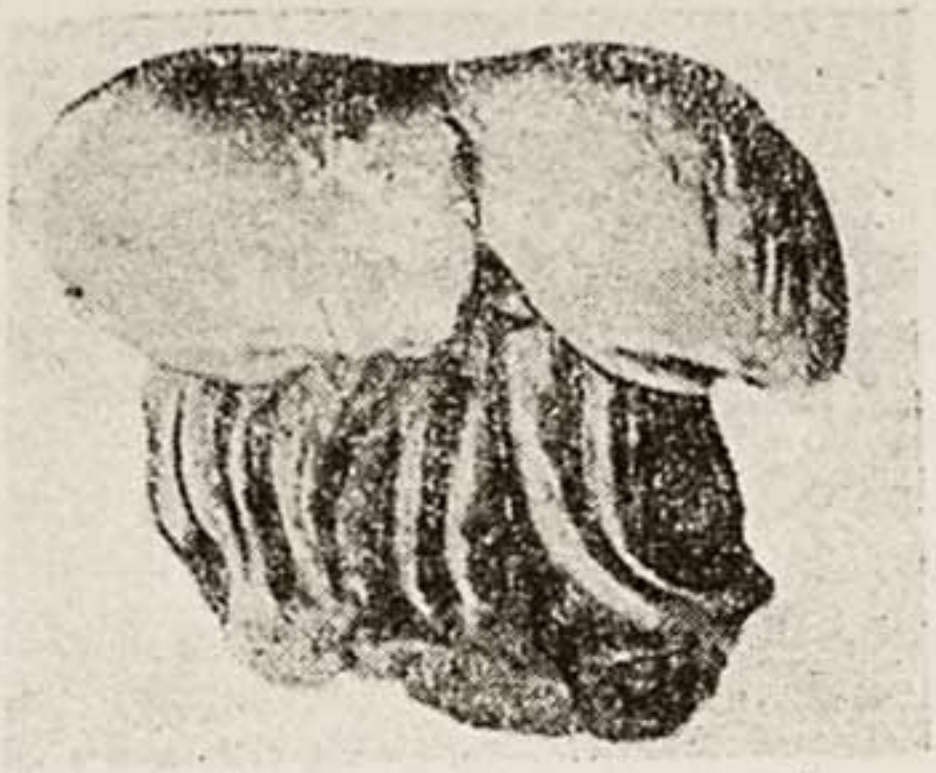


Рис. 32. Часть шапочки и прядей волос глиняной статуи.

Повидимому, сперва статуя была полностью вылеплена, волосы тщательно изваяны и обработаны стэком, но еще до раскраски на голову статуи был „одет" головной убор.

В экспозиции музея находится еще „плечо" статуи. Форма „плеча" не передает пластической анатомии этой части тела, но хорошо проработана одежда, переданы складки тонкой ткани на руках выше локтя и шов тяжелой ткани или панцыря на плече.

Судя по фотографии, снятой во время раскопок, на мужской фигуре панцырь был одет, кажется, поверх рубашки с короткими рукавами. Рука в предплечье и ниже локтя сохранилась в виде крупных фрагментов. На предплечье хорошо выражены формы тонкой, собранной в складки одежды. Фактура поверхности повсюду гладкая, формы тщательно заделанные, как бы шлифованные, формы тела гармоничны, но пластические их качества не выявлены. Все очень округло, обобщено, складки зачищены, тщательно обработаны, педантичны до крайности; видимо, в их расположении следовали строго установленным правилам и традициям. Фрагмент руки ниже локтя и до запястья выполнен анатомически вполне грамотно, на тыловой ее части, кажется, проступают даже вены, и, однако все это не производит впечатления пластической формы реального тела.

Рис. 33. Часть торса и руки глиняной статуи.

Самое любопытное, что в разломе верхней части руки видно, что статуя несет на себе следы вторичного воплощения; сперва статуя была окрашена в красный цвет, затем вместо того, чтобы пришедшую, допустим, в негодность или почему либо не удовлетворявшую вкусам статую подправить или перекрасить, — ее переодели, поверх статуи старой формы нанесли новый слой желтой глины и, придав ему покрой требуемой формы, окрасили по алебастровой обмазке в светломалиновый цвет. Так обстоит с фрагмен-

том верхней части руки в платье, но нижняя, обнаженная часть руки не переделывалась..

Естественно возникает вопрос, не была ли данная статуя вообще сначала оголенной и лишь затем на нее была «одета» «шапочка» и одежда. За такое предположение говорит тот факт, что волосы статуи и нижний покров под одеждой окрашены одинаково в красный цвет, а одежда и головной убор в светломалиновый и голубой. Заметим, кстати, что в том же помещении были найдены куски резной терракоты в форме акантовых листьев[101]), причем, наряду с терракотовыми изделиями в форме аканта, встречаются подобные же изделия из глины. Весьма вероятно, что первоначально все архитектурные изделия в форме аканта были из терракоты, но во время перестройки или ремонта здания, когда велись работы по формовке статуй из глины, из той же глины были выполнены и недостающие, выпавшие детали архитектуры. При этом, как можно видеть по терракотам из аканта, они были тоже покрашены в голубой и светломалиновый цвета. Повидимому, перекраска статуй в эти цвета произошла одновременно с ремонтом и покраской акантовых листьев архитектурной части здания. Неясно лишь, произошло ли «переодевание» статуй тотчас после их изготовления, или впоследствии.

Судя по тому, что под «шапочкой» статуи волосы вообще не окрашены, в то время, как другие не прикрытые части лица и волосы окрашены в красный цвет, нам кажется, что „переодевание“ статуй произошло сейчас же вслед за их изготовлением.

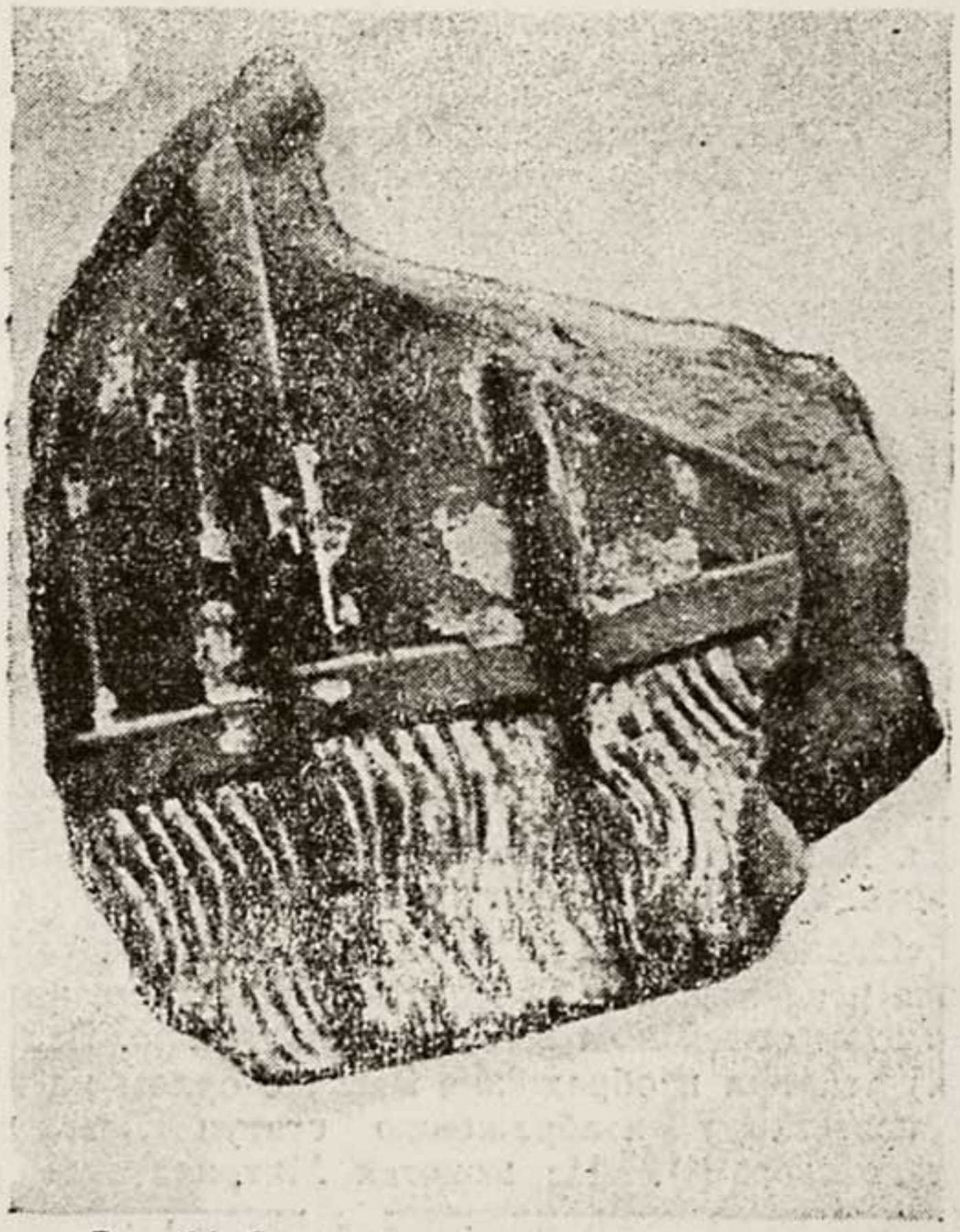


Рис. 34. Складки одежды глиняной статуи.

Еще привлекают внимание многочисленные фрагменты одежды в виде тяжелых вертикальных пластин с бахромой, представляющие, возможно, части панцыря. Вдоль бахромы шла полоса красно-пурпурового цвета и рядом с ней синего. Сама бахрома оставалась, кажется, белой (обмазка алебастром по поверхности, разделанной вертикально волни-

стыми бороздками) и соответствовала оторочке панцыря полоской кожи с шерстью. Так же оторочены бахромой короткие панцыри на некоторых терракотовых изображениях с Афрасиаба[102]).

Наконец, заслуживает внимания среди небольших фрагментов лица кусочек усов над губой (волосы расчесаны прямыми у основания прядями на две стороны) и, особенно, глаз с частью брови (рис. 35).

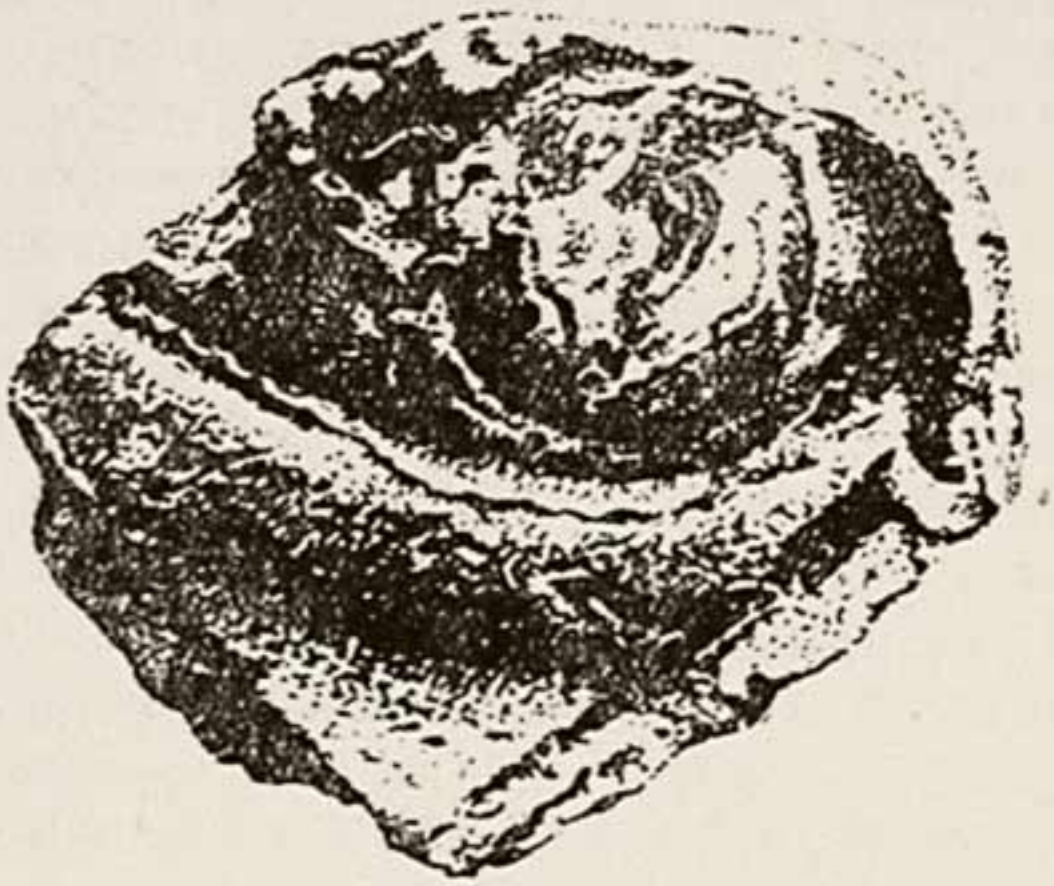


Рис. 35. Глаз глиняной статуи.

Глаз имеет интересную, ясно выявленную миндалевидную форму с крупным, четко очерченным яблоком и зрачком. Яблоко глаза окрашено в белый цвет, роговица красная, зрачек, корни ресниц, а также граница роговицы подчеркнуты, кажется, черной краской.

Некоторые фрагменты настолько аморфны и затрудняют их описание, что мы ограничимся лишь указанием на фрагмент с поперечными полосками, окрашенными в карминно-пурпурный цвет и еще на обломки пальцев, на которых не сохранилось краски.

Ряд других вопросов, связанных с фрагментами глиняных статуй Старой Нисы, тоже остается невыясненным, и ответы на них могут дать лишь будущие раскопки и находки подобного рода. Дать реконструкцию образа какой-либо статуи, как мы уже отмечали, сейчас в виду фрагментарного состояния статуй невозможно. Однако, некоторые выводы проистекают уже из сказанного.

Статуи (или статуя) были первоначально изготовлены, возможно, по какому-то распространенному на эллинистическом Востоке образцу. Но затем, вследствие каких-то, вероятно, исключительных обстоятельств политического или религиозного характера, статуи (или статуя) были переодеты. «Переодевание» статуй представляет собой явление до сих пор совершенно неизвестное в памятниках скульптуры Средней Азии. Разгадка этого явления была бы особенно важна, но плохая сохранность статуй делает эту разгадку особенно сложной.

Заслуживает, однако, внимания тот факт, что на эллинистическом Востоке античные статуи часто облекались в различные местные одежды, как об этом сообщает, например, Полибий, говоря о празднестве, устроенном в Дафне Антиохом Епифаном[103]).

«Одевание» античных богов в местные одежды можно проследить также и на парфянских монетах. Например, изображение Зевса на троне в этом отношении весьма показательно. Вал-Арсак (139—138 г.г. до н. э.) чеканил изображение Зевса с орлом на протянутой руке[104]), следуя известному изображению статуи Зевса на монетах Александра Македонского[105]). На монетах Митридата II (ок. 123—38 г.г.) Зевс, сохраняя свою позу, переодет в костюм Митридата[106]); борода и прическа у него уже парфянские. На монетах же Фраата IV (87—2 г.г. до

н. э.) повторяется та же композиция Зевса на троне[107]), но здесь Зевс уже в облике парфянского царя и в костюме, который появляется у парфянских царей лишь со времени Орода I[108]). Быть может фигура Зевса на монетах, в парфянском костюме, представляла уже не Зевса, а парфянского Ахурамазду. Именно так поступил Антиох в Коммагене[109]), изобразив Ахурамазду на троне в парфянском костюме с войлочной кирбасией на голове.

Из сказанного можно заключить, что статуя Старой Нисы была изваяна и предварительно, при том не полностью, окрашена в красный цвет, но затем, тут же переодета и раскрашена. Впрочем, вопрос этот нельзя считать окончательно выясненным, учитывая, в частности, что кусочки тонкого листового золота были найдены в связанном со статуями помещении во время работ ЮТАКЭ 1946 г.

В отношении одежды статуи можно говорить лишь о головном уборе бородатого мужчины и о фрагментах его панцыря.

Панцырное вооружение существовало еще у массагетов[110]), но, судя по монетам, короткие панцыри из крупных накладных пластин носились в Средней Азии в эпоху кушан[111]). На одной терракотовой плитке с Афрасиаба (находится в Государственном Эрмитаже) изображен бородатый мужчина в коротком панцыре из крупных накладных пластин с бахромой по нижнему краю[112]). Воин стоит под наиском и изображает, судя по ритуальному жесту правой руки, местное божество кушанского времени.

Что касается головного убора статуи Старой Нисы, то наиболее вероятным будет предположить, что перед нами разновидность мягкой войлочной кирбасии, которая возвышается над лбом округлым двойным выступом, а сзади, к затылку, головной убор сходит на нет. Схожий головной убор можно видеть на бородатом мужчине в мантии, стоящем в золотой колеснице (Амударьинский клад)[113]). В другой колеснице того же клада изображен воин в коротко-панцырном костюме[114]). О первоначальной статуе, подвергшейся переодеванию, можно судить только по фрагментам волос и по глазу.

Глаз изображен у нашей статуи с радужной оболочкой и зрачком. Глазная впадина углублена у носа и поднимается к наружному краю глаза; последнее считается характерной особенностью Пергамской школы римского времени, особенно II в. н. э. Вообще неоднократно отмечалось, что пластическое изображение зрачка и радужной оболочки становится распространенным явлением в скульптуре только со II в. н. э. Это явление ставят в связь с развитием живописных приемов в пластическом искусстве.

Трехмерные волосы с преобладанием криволинейных очертаний, крупных завитков и т. д. считают типичными, в частности, для эпохи Флавиев. Вообще, второй и третий века резко отличаются в развитии римско-эллинистического искусства от периода Республики и I-го века Империи, когда преобладало графическое изображение волос. В статье Т. Ушаковой — «Римская портретная пластика траяновского времени» определенно говорится: «Пластическое изображение лица и радужной оболочки делается, как известно, постоянным явлением в мраморной скульптуре только во 2-й трети II века н. э.»[115]).

Повторением Пергама в буддийском искусстве является Хадда. Акэн говорит о статуях Хадды, что они «кажутся снятыми с римских рельефов». Близость их к стилю Пергама и Мирине склоняют к датировке скульптур Хадды I в. до н. э. — I в. н. э. Но некоторые декоративные детали близкие к эпохе сасанидов заставляют его оговориться в пользу III в.[116]). При этом он отмечает, что уже в III—IV веках связи с Александрией были порваны, почему он также думает, что статуи Хадды не моложе III—IV века. Затруднение в том, что фрагментарность статуй Старой Нисы не дает полной уверенности в сравнении их со скульптурами Хадды. Если судить по изображению глаза и волос, то глиняные статуи Старой Нисы не старше II в. н. э. и, поскольку никаких «сасанидских» элементов в них нет, они моложе III в. н. э. Следовательно, глиняные статуи Старой Нисы относятся к концу парфянского времени.

III. Заключение

Мы захватили описанием все наиболее существенные произведения скульптуры Южной Туркмении, представленные в Ашхабадском Музее. Их немного и они, пока еще археологические изыскания полностью не развернуты, не могут дать полной картины распространения скульптурных произведений на юге Туркмении. Безусловно, выявятся новые многочисленные их местонахождения, новые, пока еще неизвестные, виды скульптур, и в них найдут свое более богатое отражение как те эпохи, которые уже сейчас представлены своими произведениями скульптуры, так и те эпохи, произведения которых сейчас отсутствуют. Однако, уже то, что отложилось в сборах Музея в результате многолетних раскопок в двух важнейших центрах Южной Туркмении, в Старом Мерве и Нисе, отличия их между собой, выявленные сравнительным анализом скульптурных произведений этих райснов, сопоставление с соседними странами и, в первую очередь, с древними областями, входящими сейчас в Северную Туркмению и братскую республику Узбекистан, не могут не вызвать недоуменных вопросов, на которые надо искать предварительные объяснения, пользуясь данными археологии, истории и искусства.

Прежде всего, не может не броситься в глаза, что Старая Ниса, этот древний «царский город», уже изрядно потревоженный раскопками многих лет, до сих пор не дал ни одной терракотовой фигурки. Ни одной терракотовой фигурки не дала и Новая Ниса[117]), — этот «гражданский», по преимуществу, город, подаривший уже сейчас науке памятники материальной культуры колоссального диапазона времени, от кремневых орудий и до произведений XIX века. В противоположность этому Мерв, при всей ограниченности производившихся на его городище раскопок, дает интереснейшие фигурки, произведения самостоятельные, оригинальные по стилю, но перекликающиеся, как отмечалось, с подобными же терракотами древнего Хорезма и Согда.

В чем причины своеобразия художественных культур этих двух частей Южной Туркмении, Мерва и Нисы, в свете исторических судеб этих районов в прошлом? Что отличает их от памятников Согда и что сближает их в древности с искусством других братских респуб-

лик Средней Азии в противоположность культурам парфянского и сасанидского Ирана?

Различия в формах материальной культуры древнего Мерва и Нисы вызваны были различными историческими условиями их существования и особыми для каждой из них взаимоотношениями с соседними культурными землями и степями номадов. Эти различия в культуре Мерва и Нисы нашли свое выражение, прежде всего, в дворцовой архитектуре, которая в Нисе тяготеет к западной Парфии, в то время, как в Мерве древняя архитектура, в известных пока, правда более поздних образцах, типа « Кыз-Кала»[118]), тяготеет к Хорезму и Согду. Если для Нисы характерны находки эллинизированного придворного быта, то для Мерва более характерны терракотовые статуэтки — предметы массового местного культа. Мерв, «мать городов», по выражению Макдиси[119]), лежал в древности на большом караванном пути, проходившем в эпоху парфян из римской Сирии в Китай, и его связи с Бактрией, Тохаристаном, Согдом и, вероятно, Хорезмом были длительны и прочны. Отсюда, надо полагать, сходные черты в памятниках коропластики древнего Мерва, Керков, Термеза, Самарканда и городищ древнего Хорезма. Между тем, северные предгорья Копет-Дага, эти «коренные парфянские земли», по выражению Плиния[120]), являлись полем постоянных столкновений и борьбы между культурой кочевой степи и той дворцовой и храмовой культурой, которая в народных массах не получила распространения. Только этим можно объяснить, например, находку в Новой Нисе фрагмента руки мраморной статуи античного образца или бронзового светильника с изогнутой ручкой, украшенной головкой фавна римского типа. Греческие и римские формы носили в Нисе, повидимому, придворный характер и не дополнялись массовым распространением культуры эллинизма в народе.

Для древнего Мерва особенно важное значение должны были иметь культурные и политические взаимоотношения с Согдом и Хорезмом. К сожалению, эти связи до сих пор мало изучены. В то время, как Согду посвящен целый ряд специальных исследований и им занимались синологи, анализировавшие китайские хроники[121]), сведения, касающиеся Мерва, привели историков к заключению, что со времени падения Греко-Бактрии местность по Мургабу вошла в состав иранского государства, сначала под властью арсакидов, потом под властью сасанидов и, следовательно, не имеет самостоятельного культурно-исторического значения[122]).

Однако такое общепринятое положение не совсем согласуется с данными китайских хроник о Парфии и сасанидском Иране. А культурные взаимоотношения Мерва с Ираном, как справедливо заметил еще В. Бартольд, «можно скорее определить по археологическим находкам..., чем по скудным известиям письменных источников»[123]).

Из анализа известных нам пока терракотовых статуэток, собранных в Мерве, главным образом на городище Гяур-Кала, можно заключить, что коропластика Мерва не имеет общего с искусством парфянского и сасанидского Ирана и, наоборот, тяготеет к искусству Согда и Хорезма кушанского времени, по преимуществу. Такое заключение согласуется, как нам представляется, и с теми «скудными изве-

сиями письменных источников», преимущественно китайских, которые имел в виду В. В. Бартольд и которые становятся понятными лишь в сопоставлении их с археологическим материалом.

Прежде всего заметим, что в эпоху старшего Дома Хань (до 25 г. н. э.) хроники не называют Мерв, но говорят вообще об Аньси, под которым принято подразумевать арсакидов, т. е. парфянский Иран в целом. Однако, что такое Аньси? «Аньси на севере граничит с Кангюем»[124]), т. е. находится к югу от Кангюя. Аньси «лежит на реке Гуйшуй»[125]), т. е. на Аму-Дарье. Эта река составляет восточную границу Аньси, отделяя Юэчжи, который «столицу основал по северную сторону реки Гуйшуй»[126]). Здесь речь китайцев об Аньси могла относиться только к Маргиане и Дрангиане, — территориям соответствовавшим позднейшему Хорасану и Сеистану, потому что до I в. н. э. китайцы глубоко в Парфию не проникали, и, когда в 97 г. Гань-ин прошел Парфию до «Западного моря» (не Средиземного, как полагал Гутшмид, а Индийского океана, как это признал еще и В. В. Бартольд), то хроника Младших Хань заметила по этому поводу, что «в прошлое время никто (из китайцев) не проникал так далеко»[127]). Бань Юн в 125 г. н. э., пользуясь сведениями Гань-Ина (97 года), называет западные земли парфян Тяо-чжи, (собственно Берано), отмечая, что они покорены аньсийцами, но что в прежнее время «до Тяо-чжи ни один (китаец) не доходил»[128]); и в позднейших хрониках западные иранские земли назывались только Тяо-чжи. Такое представление соответствует понятиям и античных авторов. Парфиена, в предгорной полосе центрального Копет-Дага, представляла собой область «коренных парфян». Парфянские земли, по Исидору Харакскому, занимали на востоке около начала н. э. также Маргиану, Дрангиану и Арахозию, — «там предел господства парфян». Видимо, именно эти восточные области и соответствовали представлениям китайских авторов об Аньси. Под Аньси они имели в виду, естественно, прежде всего Парфиену и Маргиану, причем восточную часть этих земель именуют Малым Аньси или Мулу, т. е. Мервом. В позднейших хрониках VIII в. Мерв упоминается под именем Му, как «Древняя аньсийская земля»[129]), наряду с Унаге, как смежной с ней областью в зоне реки Уху. Одновременно о сасанидском Иране (Бо-сы) в ту же эпоху говорится, — «это есть древняя тяочжийская земля[130]). Ясно, что сасанидский Иран, как и парфянский Иран — это тяочжийские земли, а Мерв и Хорасан в целом — древние аньсийские земли. О последних говорится, что Аньси (в VI в.) «на севере граничит с Кангюем, на западе смежно с Бо-сы»[123]). Это, конечно, списано со старых хроник, но характерно, что сохранена и корректирована противоположность между Аньси, как Хорасаном и Бо-сы, как Ираном хотя уже и не парфянским, а сасанидским, но так или иначе противоположным Хорасану. И еще говорится, что от Мерва до Бо-сы не то 4000 ли[131]), не то 400 ли[132]). Под именем Хорасан эта область впервые упоминается китайцами в VIII в., как Хушигянь[133]), область граничащая с Фаньяном (Бамианом). Отсюда естественно заключить, что Хорасан всегда сохранял самостоятельное культурно-историческое значение по отношению к Ирану. И наоборот, в противоположность ему, «древние аньсийские земли» тяготели к своим соседям с севера

(Кангюй) и востока (Юечжи) и их преемникам на территории Туркмении и Южного Узбекистана.

Китайские авторы отмечали, наряду с общностью условий жизни, быта и нравов Ферганы, Согда и Аньси (по нашему Хорасана), для которых характерны были признаки культуры древних оседлых земель с более или менее выраженными чертами общинно-рабовладельческого строя, культурную общность также и степных народов, обитавших на территории от Семиречья и до того же Аньси, народов, которые «все близки хуннам» и главным звеном которых был Кангюй. Культура древних оседлых земель и культура общинных родоплеменных союзов кочевой степи сосуществовали рядом веками, как противоположные, часто враждебные друг другу, но экономически, политически и культурно зависимые силы того единого целого, каким представлялось древнее среднеазиатское общество.

Из китайских хроник очевидно, что экономически и культурно Мерв был тесно связан с жизнью древних оседлых земель в Средней Азии. Так, считая, подобно Птоломею, реку Мерва (Мургаб) притоком Аму-Дарьи, китайские авторы отмечали, что жители, обитавшие на этой реке, торговцы и купцы «сухим путем и водой развозят свои товары по соседним владениям»[134]), к которым принадлежали, прежде всего, связанные с Мургабом и Аму-Дарьей Бамиан, Керки и Андхой (Унаге), Мерв (Му) и Хорезм (Хосюнь, Холисими). Одновременно обитатели северных предгорий Копет-Дага продолжали, вероятно, традиционную связь с номадами степей, сохранивших черты родоплеменного быта. Это видно, отчасти, из того, что ни Старая ни Новая Ниса не дали пока никаких археологических данных о распространении в широкой массе жителей Парфавнисы религии арсакидского Ирана, хотя арсакиды и были приверженцами зороастризма. Те данные раскопок в Нисе, которые добыты до сих пор, могут говорить скорее о том, что арсакиды, почитавшие Нису своей родиной, уйдя на запад, в резиденции царей Ирана, как бы порвали со своим народом, далеким и от реформированной арсакидами религии Зороастра и от религии эллинизма. Парны, дахи и их преемники, подобно номадам кангюйского племенного союза, поклонялись, вероятно, огню, светилам, почитали некоторых животных, и только в среде господствующих классов обитателей Нисы, судя по находке стеатитового алтаря огня[135]) и остаткам архитектурного сооружения, в котором усматривают храм огня[136]), можно предполагать связь с зороастризмом.

Глиняные статуи, быть может, также были воздвигнуты в связи с официальным зороастрийским культом арсакидов, однако применение техники, характерной для произведений буддийских мастеров, варварский костюм — шапочка местного типа и панцырь, в который облачали первоначально изваянную статую, не говорят ли о том, что и официальное, дворцовое или храмовое, искусство Нисы испытало на себе влияние местной «варварской» культуры? Мы уже отмечали схожие головные уборы и панцыри в кушанском искусстве. В противоположность идеологии арсакидского Ирана, Мерв чрезвычайно долго, дольше чем Согд, сохранял господствовавшие в нем формы этого искусства. Длительное переживание форм кушанского искусства отметил и С. П. Толстов в отношений Хорезма, где, по его словам,

«хорезмская идеология... еще в VII—VIII вв. н. э. отражала влияние каких-то индо-буддийских традиций[137]). Кушанское искусство имело широкое распространение среди народностей Средней Азии и СВ Индии, находившихся в оппозиции к идеологии парфянского, а затем и сасанидского Ирана.

Кушанские традиции были тесно связаны с буддизмом и, поскольку северная школа буддийского учения не была ортодоксальной и растворилась вскоре в народных верованиях, приспосабливаясь к этим верованиям, естественно, что в областях распространения буддизма официальная религия и связанное с ней искусство Ирана не могли иметь господствующего значения. Может быть в этом следует искать объяснение и тому факту, что в сасанидское время в Мерве продолжали жить традиции кушанского искусства. При преемниках державы кушан, в частности при эфталитах и тюрках, эти традиции, видимо, не умирали. Кидар, завоевав Гандхару[138]), вновь открыл сообщение с этим былым очагом буддийской храмовой культуры на Востоке. И хотя Восточный Хорасан в VI — VII веках принадлежал сасанидам и Мерв почитался сасанидским городом, старокушанские традиции продолжали здесь жить дольше, чем в Согде. В. В. Бартольд, при всей недостаточности источников письменных и археологических, видимо, вполне справедливо указал, что «власть сасанидов, по крайней мере в VII в., едва ли имела здесь (в Восточном Хорасане. Л. Р.) какое нибудь значение; на это указывают рассказы Сюань-цяна о буддийских монастырях в Балхе и зависевших от него областях по обоим берегам реки Аму-Дарьи»[139]).

Тот же Сюань-цян отмечал вторжение тюрок в Хорасан и разграбление ими там храмов[140]). Возможно, что именно упадок храмов привел к тому, что новые художественные формы терракотовых статуэток не развивались, и в основном сохранялись старые. Мы имеем еще слишком мало археологического материала, чтобы вывести такое заключение в окончательной и категорической форме. Но пока, наблюдая памятники искусства Мерва сасанидской эпохи, монеты[141]), геммы[142]), серебряные чаши[143]), мы не находим наряду с ними терракотовых статуэток определенно сасанидского, тюркского или иного, отличного от кушанских традиций типа, мы вправе подозревать, что коропластика Мерва в связи с захирением храмов не развивалась. Культурные связи между Мервом и Согдом были в это время оборваны. Города Тохаристана в 30-х годах VII века, по словам Сюань-цяна, были в запустении — «все города там в разрушении и заросли травой»[144]). В Согде, с появлением тюрок, последние ассимилировались с местным населением («тюркское уложение хранится в зороастрийском храме»[145]) и там в VI—VII веках были созданы произведения коропластики нового стиля, отразившие облик эпических героев в виде согдийцев и тюрок. А в областях Тохаристана и Хорасана развития коропластики в эту пору кажется не было, ибо эти области превратились в поле битв сасанидов с тюрками. Борьба среднеазиатских тюрков с сасанидами велась особенно активно на берегах Мургаба и Аму-Дарьи, но героический эпос, посвященный борьбе Ирана и Турана, никогда не относил Сеистан и Хорасан к Ирану, именуя их, по традиции, землями свободных витязей, на которых (землях), Рустам сра-

жался попеременно то с полчищами Афрасиаба, то с иранскими царями.

Таким образом, сопоставление китайских хроник с терракотами Мерва объясняют нам культурно-историческую связь этих терракот с кушанами и Согдом, а затем сохранение кушанских традиций в период борьбы сасанидов с тюрками. Устанавливается связь искусства древнего Мерва с Хорезмом в эпоху кушан и объясняется то долгое присутствие кушанских элементов в культуре Хорезма, более долгое, чем в Самарканде, которое отметил С. П. Толстов[148]), полагая, что «сохранение» кушанских традиций явилось результатом изолированного положения Хорезма. Связи «кушанских земель» с Хорезмом существовали дольше, чем с Согдом, и были активными с тех пор, как перемещение кушан к югу от Аму-Дарьи сделало влияние кушан на Хорезм, через Хорасан, длительным и прочным.

Сказанное, кажется нам, подтверждает высказанное К. В. Тревер предположение, что в подчиненных арсакидам областях, временно входивших в состав греко-бактрийского царства (Маргиана и Дрангиана, т. е. область Мерва в Туркменистане и Сеистан), культура и искусство должны были в определенный период носить несколько иной характер, чем на остальной территории парфянского государства»[149]); своеобразие же этого искусства коренится в культурно-исторических связях Мерва с Согдом и Хорезмом, вопреки установившемуся мнению о близости древнего Мерва, его культуры, парфянскому и сасанидскому Ирану.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Скульптурам, особенно терракотам Средней Азии, уделено внимание в работах Н. Веселовского, И. Толстого, Н. Кондакова, В. Вяткина, М. Массона, С. Толстова, Г. Григорьева, В. Шишкина, А. Бернштама, К. Тревер, А. Борисова, А. Потапова, Б. Денике, Б. Веймарна, В. Чепелева, А. Стрелкова и др., о которых будет, частично, упомянуто ниже.

Специальная монография К. В. Тревер, посвящена терракотам древнего Самарканда: Terracottas from Afrasiab, by Camilla Trever. Leningrad. 1934.

2. Сведения о находке в Старой Нисе глиняных статуй проникали в печать, но материалы раскопов не издавались.

3. Пересмотру датировок ранних терракот Афрасиаба и Тал-и Барзу посвящена наша, совместно с Н. Н. Забелиной, статья «Терракоты раннего Самарканда».

4. Г. В. Григорьев. Городище Тал-и Барзу. ТОВЭ, т. II, Л. 1940, табл. V и VI; его же — К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда. КС ИИМК. М.—Л. 1946. XII с. 94—103; Н. Н. Забелина и Л. И. Рempель. Согдийский всадник. Ташкент, 1948.

5. Отдельные замечания С. П. Толстова о терракотах Хорезма в его статьях: «Древне-Хорезмийские памятники в Каракалпакии», ВДИ, № 3. 1939, с. 186 и сл.; «Древний Хорезм» (Тезисы докторской диссертации). КС ИИМК. XII, 1946, с. 145 и проч. В примечании к одной из своих работ С. П. Толстов сообщил, что готовит специальную статью о памятниках древне-хорезмийского искусства, располагая около сотни целых и фрагментированных статуэток (ВДИ, № 3, 1939, стр. 187, прим. 2).

6. В коллекции Б. Н. Кастальского в Эрмитаже и в собрании Самаркандского музея. См. прим. 3.

7. E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. Oxford University Press. London—New-Jork, 1944, стр. 205.

8. Например, у Trever, ук. соч., т. VIII, 108, головка раннего типа, урна на лбу, на головке колпак из мягкого материала членится в трех местах тесьмой (?), отчего весь убор имеет поперечные складки.

9. Мягкий головной убор у сидящей женской фигуры на серебряной чаше, опубликованной К. В. Тревер и датируемой ею началом I в. н. э. (К. Тревер — Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л. 1940, табл. 19).

10. Percy Gardner. The coins of the Greek and Scythic Kings of Bactria and India. London, 1886. Монеты Сотера Мегаса. Pl. XXIV, 4.

11. O. M. Dalton. The Treasure of the Oxus. London. 1926. T. XIV, 70, 71, 74.

12. O. M. Dalton. Ук. соч., т. XIV, 75.

13. В. Вяткин. Городище Афрасиаб. 1926, стр. 23, илл. 18.

14. И. Т. Поспавский. К вопросу о глиняных гробах. ПТКЛА. 1903 г. Среди таблиц с иллюстрациями терракотовых фигур и головок. см., головку в мягком головном уборе. Тоже в коллекциях Самаркандского музея (инв. № А-19—43).

15. Trever. Ук. соч., т. VI, 93; VIII, 108 и др.

16. Petrowic. Arsaciden. Münzen. Wien. 1904. Taf. IX, 5, 6; XI, 11, 12, 13 и др.

17. Ср. Б. А. Куфтин. Краткий обзор пантеона северного буддизма и ламаизма в связи с историей учения. М. 1927, стр. 35 сл.

18. Petrowic. Ук. соч., стр. 58.

19. Статуэтка изображает усатого мужчину, без головного убора, с распущенными, спускающимися до плеч волосами; костюм с отворотами на груди. Самаркандский музей. Инв. № А-190—1.

20. К. В. Тревер. Памятники..., стр. 86, рис. 8.

21. Самаркандский музей. Инв. № А-19—93.

22. Г. В. Григорьев. Самаркандская экспедиция. КС ИИМК. М.—Л. 1939, I, стр. 35, рис. 9.

23. Г. В. Григорьев. Отчет о раскопках 1937—38 г.г. Самаркандский музей.

24. Самаркандский музей. Инв. № А-36—28.

25. Отчет Г. В. Григорьева о раскопках Тали-Барзу, 1937 г. Самаркандский музей.

26. Пример кангюйско-парфянского костюма, фигурка в собрании Самаркандского музея. Инв. № А-19—174, Ср. чашу в Британском музее (Восточное серебро, табл. XXXVII).

27. В христианской апологии Арнобия (III в.), по Тимофею Афинскому Arnobius. adv. nat. 5, 5.

28. Pausanius 7, 17, 9 ff. Y. Roscher'a, I, 100.

29. Фигурка в собрании Самаркандского музея. Инв. № А-19—121. Ср. фиг. Анахиты из ТБI у Г. Григорьева — Городище ТБ... (ТОВЭ, стр. 96, табл. 1, 3).

30. Статуэтка из Термеза. Самаркандский музей. Инв. № А-111—49.

31. E. I. Rapson. Ancient India. Cambridge, 1922, t. XVII.

32. См. прим. 29.

33. Глубины великих культур. Журнал Семь дней, 1927, № 17, стр. 8.

34. Головка в собрании Самаркандского музея. Инв. № А-19—48. Второй экземпляр такой же головки сильно поврежден.

35. Petrowic. Ук. соч. На монетах Валаршаха. Taf. XXIV, 5, 9.

36. W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Cambridge. 1938.

37. Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории СССР. 1941, стр. 32.

38. «Матрицы изготовлялись либо по импортным образцам, либо мастерами-иностранцами, жившими в Согдиане». (А. С. Стрелков. Оссуарий Гос. Исторического музея. Сборник «Искусство Средней Азии». 1930, стр. 108).

39. O. M. Dalton. Ук. соч. T. XIV, 84 и др.

40. См. обычные изображения лучника на реверсе арсакидских монет.

41. Согдийские терракоты кангюйского времени. См. ук. соч. автора и Н. Н. Забелиной.

42. Gardner. Ук. соч. Pl. XXI, 2; XXVI, 6, 18 и др. Ср. у К. В. Тревер об Ардохшо-Лакшми. Памятники..., стр. 78—80.

43. К. В. Тревер. Памятники..., стр. 64—67.

44. В. Л. Вяткин. Ук. соч. 1926, илл. 12.

45. С. П. Толстов. Древний Хорезм. КС ИИМК, 1946, вып. XIII, стр. 147.
46. М. Ростовцев. Скифия и Босфор. 1918, стр. 578.
47. Р. Гиршман. Раскопки французской археологической экспедиции в Беграме (Афганистан). КС ИИМК, XIII, стр. 13.
48. Cumont, Anaitis. Pauly Wissowa. B. II, s. 2030—31.
49. В. Вяткин. Ук. соч., стр. 22, илл. 13 и 14.
50. K. Trever. Ук. соч., табл. VII, 99.
51. K. Trever. Ук. соч., табл. VII, 100.
52. Gardner. Ук. соч., т. XXVI, 6 и XXVII, 12.
53. Псевдо-Арриан. Плавание вокруг Эритрейского моря, § 49.
54. М. Ростовцев. Ук. соч., стр. 578.
55. Там же.
56. Р. Гиршман. Ук. соч., стр. 13.
57. Там же.
58. А. Н. Бернштам. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каралинке. КС ИИМК. 1940, V, стр. 26.

Ср. С. В. Киселев. Советская археология Сибири периода металла. ВДИ, № 3, 1939, стр. 243.

59. Иакинф. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб, ч. III, 1851, стр. 6.
60. Фрагмент в экспозиции Самаркандского музея. Отдел древности, зал 4, стэнд 2.
61. Gardner. Ук. соч. На монетах Хувишки, табл. XXVII, 16.
62. Parthian Art, by Friedrich Sarre. SPA, t. IV, стр. 469. T. 134.
63. Н. Я. Марр отмечает синкретизм Анахиты и эламской Наны в имени грузинской Айнины. Однако, в Армении Анахита и Нана сосуществуют рядом, например, у Мойсея Хоренского (Н. О. Эмин. Исследования и статьи. М. 1896, стр. 18 и сл.).
64. Образок А-180—1377 в собрании Самаркандского музея.
65. Ср. Les fouilles de Hadda, par. J. Barthoux.
66. A. Le Coq. Bilderratlas zur Kunst und Kulturgeshichte Mittel-Asiens Berlin, 1925.
67. Русская Туркестанская экспедиция 1909—10 г.г. Краткий предварительный отчет сост. С. Ф. Ольденбургом. СПб., 1914, табл. XV. Остатки скульптур из Шикшина. См. также С. М. Дудин. Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая. Сборник Музея Антропологии и Этнографии. 1918, т. V, вып. I, стр. 75, рис. 12.
68. О произведениях буддийской пластики (терракот) из Чингиз-Тепе (Термез) см. у М. Е. Массона — Городища Старого Термеза и их изучение. Труды УзФАН, вып. II. Термезская Археологическая Комплексная Экспедиция. Ташкент, 1940, стр. 30.
69. А. Н. Бернштам. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье. КС ИИМК, XIII. 1946, стр. 115.
70. Ср. цветочную гирлянду или ожерелье на женских фигурках каменного фриза из Айртама. К. Тревер. Памятники..., табл. 47.
71. Ср. С. Ф. Ольденбург. Ук. соч., табл. XV.
72. Пластическая передача резко очерченных надбровных дуг, схематичность и угловатость в трактовке фигур, известная декоративность, характерная, по М. И. Вязьмитиной, для школы Матхуры и Айртамского фриза, сближает описанные две мервские статуэтки с Айртамом и Матхурой (ср. М. И. Вязьмитина. Раскопки на городище Айртам. Термезская Археологическая Экспедиция, т. II. Ташкент. 1945, стр. 30).
73. Ср. профильные изображения лиц на монетах селевкидов.
74. Wulff. Altchristliche und Byzantinische Werke. «Museum Journal», Juni, 1928.
75. Gardner. Ук. соч. Монета Агафокла, т. IV, 9.
76. Серебряная чаша из Buddhigara в Британском музее. Jahrbuch der Asiatischen Kunst. Taf. 101. Abb. 3, а также см. Восточное серебро, №№ 40, 41. Табл. XVII.
77. Ср. Восточное серебро. Табл. XXXVII.
78. Gardner. Ук. соч., табл. III, 9.

О них же И. Г. Дройзен. История эллинизма, пер. Э. Циммермана, т. III. М. 1893, стр. 184.

79. Gardner. Ук. соч., табл. III, 9.
80. Gardner. Ук. соч., табл. XVII, 2.
81. То же.

82. Ук. соч., табл. XIX, 10.

83. Gardner. Op. cit., p. LVIII.

84. Ср. фигурку гермафродита в собрании Самаркандского музея. Инв. № А-19—185.

85. Нагую фигурку из Чингиз-Тепе упоминает М. Е. Массон. Ук. соч. в Трудах ТАКЭ. Ташкент, 1940, стр. 30; нагие фигурки имеются также в собрании Самаркандского музея А-19—111, А-19—112, А-19—185, а также в материалах С. П. Толстова из Джанбас-Кала (ВДИ, 1941, стр. 161).

86. Ср. эпитеты Диониса (Orph. hym. 29; 2, 41; 4 — у Roscher a, s. 2317).

87. P. Herrmann. Hermaphroditos—Roscher's. Lex. I, s. 2320 (2-е изд.).

88. См. прим. 28.

89. Фигурки в собрании Самаркандского музея. Ук. в прим. 11, 12, 13.

90. См. прим. 48.

91. В христианской апологии Арнобия (III в.), по Тимофею Афинскому.

92. P. Herrmann. Ук. соч., стр. 2342.

93. Там же.

94. Höfer, Okra, W. H. Roscher. Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. B. III, 1897—1902, s. 827.

95. Л. А. Ельницкий. Из истории эллинистических культов в Причерноморье. (Дионис—Сабазий). ВДИ, VIII, стр. 97 и сл.

96. Н. Я. Марр. Об армяно-фракийском Сабазии в связи со сванскими божествами охоты, aswat. ИАН, 1911, 759 и 1912, 827.

97. К. В. Тревер. Резной аметист из собрания Эрмитажа. Сообщения ГАИМК, 1932, № 2, стр. 19 и сл.

98. Там же.

99. Третий Международный конгресс по иранскому искусству. «Советская археология», II. М.—Л. 1937, стр. 209.

100. В путеводителе по залам Отдела Востока Гос. Эрмитажа. Л. 1939, фрагменты больших статуй из Старой Нисы тоже датированы III—II вв. до н. э. (стр. 83).

101. Б. Веймарн и Б. Денике. Итоги иранского конгресса. «Искусство», № 1, 1936, илл. на стр. 18. (Стена, занятая вещами из раскопок в Нисе). В Ашхабадском музее см., напр., акант с голубой окраской. Инв. № 140/152 и светло-малиновой № 140/151).

102. В экспозиции Отдела Востока Государственного Эрмитажа.

103. «Нет такого божества или духа, известного людям, или ими чествуемого, статуи которого не было бы здесь, или вызолоченной, или облеченной в шитые золотом одежды; тут же были и статуи героев». Полибий. Всеобщая история, XXXI, 3, 13.

104. Petrowic. Ук. соч., табл. XXIV, 8 и 9. Годы правления указаны тоже по Petrowic'y.

105. J. Grässe. Handbuch der alten Numismatik. Leipzig, 1856, t. II, 3.

106. Petrowic. Ук. соч., табл. VI, 12.

107. Petrowic. Op. cit., t. XII, 3.

108. Petrowic. Ук. соч., табл. IX, 7.

109. Cumont, Mithra, p. 188. Fig. 11.

110. Массагеты были вооружены «медными мечами, панцырями и топорами» (Страбон, 8, 6). Юстин говорит о парфянах, что «всадники и лошади сплошь покрыты пластинками железа в виде чешуи» (История Филиппа, XXXXI, 2).

111. Gardner. Ук. соч., табл. XXIX, 13 и 12.

112. Терракотовая плитка Эрмитажа. Ук. в прим. 101.

113. И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. СПб. 1890, стр. 15, рис. 2.

114. Dalton. Ук. соч., илл., табл. IV, 6 и 7.

115. Т. Н. Ушакова. Римская портретная пластика траяновского времени. Сборник «Античный портрет». ГИИ. 1929, стр. 8.

116. J. Bartoux. Les fouilles de Hadda. Gazette des Beaux Arts. Mars, 1929.

117. Исключение составляют примитивные, выполненные от руки фигурки животных мусульманского времени.

118. Жуковский. Развалины Старого Мерва. 1894, илл. 25 на стр. 165. Ср. А. И. Тереножкин. Рельеф «сасанидского блюда» и архитектурные памятники Хорезма. «Искусство», № 2. 1939.

119. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. М.—Л. 1939, стр. 191.

120. Плиний, VI, 29.
121. Работы Иакинфа Бичурина, Клапрота, Ремюза, Жульена, Хирта, Шавана, Широтори и др.
122. Автор лучшего и наиболее полного исследования по истории древнего Мерва говорит: «Мы вынуждены были пройти почти полным молчанием эпоху Арсакидов и Сасанидов, т. к. в летописях о них, занятых больше делами на западе, нежели на востоке, интересные для нас сведения не находятся». (Жуковский. Развалины древнего Мерва. 1894, стр. 8).
123. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. 1927, стр. 16.
124. Иакинф. Ук. соч., III, 53.
125. То же, III, 54.
126. То же, III, 55.
127. То же, III, 103.
128. Ук. соч., III, 118.
129. Ук. соч., III, 114.
130. Ук. соч., стр. 205.
131. Ук. соч., III, 205. Любопытно, что и Томашек на составленной им схематической карте Средней Азии эпохи Кангюй (Khang-kiv) отнес к Тяо-чжи (Tiao-êi) не только Фарс, но и западные окраины Хорасана (до 78° меридиана по Ferro), а в тексте о тождестве Тяо-чжи с Фарсом не говорит. (O. Tomaschek. Zentralasiatische Studien. I. Sogdiana. Wien. 1877).
132. Иакинф. Ук. соч., III, 173.
133. Ук. соч., III, 188.
134. Ук. соч., III, 205.
135. Ук. соч., III, 257.
136. Ук. соч., III, 258.
137. «Искусство», № 1. 1936. Илл. на стр. 18.
138. SPA, I, 444.
139. ВДИ, № 1. 1941, стр. 196.
140. Пигулевская. Сирийские источники по Истории СССР, стр. 54.
141. В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900, стр. 79. По наблюдениям Акена, в Хорасане (речь идет у него о Бамиане) до IV в. сасанидского влияния в искусстве не было, в IV—VI вв. оно проявилось, как привнесенное извне, в покрое одежд буддийских князей, и лишь в конце VII в. стиль искусства Бамиана становится «кушано-сасанидским». (Jean Buhot. Antiquites de Bamyan. Revue des Arts Asiatiques. Sept.-dec. 1927).
142. Memoires sur les Contrées occidentales par Hiouen—Thsang. Trad. M. Stanislas Julien. T I. Paris. 1857.
143. E. Herzfeld. Kushano-sâsanian coins. MASI, № 38, Calcutta, 1930 и К. В. Тревер. Резной аметист..., стр. 20.
144. Там же.
145. Кроме серебряного блюда Варахрана I с согдийской надписью Margh—Khwatâw («владыка Мерва»), намечаются и другие произведения хорасанской торевтики.
146. Упадок и разрушение городов Тохаристана в период вторжения хионитов и, особенно, эфталитов, М. Е. Массон ставит в связь с кризисом рабовладельческого общества в Средней Азии. См. Труды ТАКЭ, т. II, 1945, стр. 6.
147. Иакинф. Ук. соч., III, 196.
148. С. П. Толстов. Ук. соч., в ВДИ, № 1. 1941, стр. 196.
149. К. В. Тревер. Памятники..., стр. 43.

9/VI, 1947 г., после написания данной статьи, я получил письмо от А. А. Марущенко, в котором он очень любезно сообщает подробности находок статуй и обосновывает свои датировки статуй. В этом письме А. А. Марущенко вновь повторяет сведения, изложенные в «Искусстве» и SPA и подтверждает датировку статуй временем старших арсакидов.

Ввиду особой важности разъяснений автора публиковавшихся до сих пор сведений (т. е. производителя раскопок), я приведу это письмо текстуально:

«...Получил Ваше письмо-вопросник и, поскольку могу, отвечаю: 1. Найденные у входов в мавзолей с квадратным залом крупные обломки принадлежат не одной, а двум статуям (т. е. одной у ЮЗ входа, крупные фрагменты торса, другой у среднего входа) — они были вынесены сюда и положены тогда, когда внутренность мавзолея очищалась от завала после разрушившего его землетрясения. Обломки были вынесе-

ны из зала с четырехлопастными колоннами, на полу коего они были находимы в ряде мест на вскрытом участке, вдоль южной стены. Обстоятельства находок их «над ЮЗ углом» мавзолея указывают, что разбившиеся статуи находились в галлерее, окружавшей квадратный зал поверху в пролетах между стволами декорировавших его стены полуколонн. Сейсмический толчок сбросил их частью вниз, частью раздавил на месте обломками рухнувшей верхней части здания. 2. Статуи представляли собой фигуры сидящих мужчин в греческом вооружении; на голове статуи, лежавшей у среднего входа, была шапочка с «металлическим» обручем диадемой по низу и имитирующей бараньи рога впереди. Судя по полусогнутой ноге (она была совершенно раздавлена; к ней относится находившийся в музее крупный фрагмент бедра со складками короткой розовой туники), найденной у среднего прохода, поза сидящих скорее всего напоминала позу сидящей мужской фигуры оборотной стороны арсакидских монет. 3. Мне казалось и кажется, что они являются арсакидскими по возрасту и связаны с теми, для кого был построен этот мавзолей, т. е. представителями старших арсакидов. Младшие арсакиды имели свою родовую усыпальницу далеко от Нисы, в Месопотамии. То, что разрушенное здание мавзолея было очищено от завала, но не восстановлено, позволяет высказать предположение, что разрушившее его землетрясение имело место тогда, когда порядок может быть (был) наведен, но уже не имелось средств на восстановление разрушенного, а это может быть при арсакидах вообще (но не позднее), при последних старших арсакидах, в частности, т. е. плюс н. э. Семантика статуй зороастрийская, но не буддийская. Это вероятнее всего «фраваши». 4. Фотографировал расчистку статуй С. А. Ершов, у которого (или в Ин-те Истории ТФАН) и можно, думаю, получить фото. 5. (На вопрос — были ли найдены фрагменты статуй в других местах Нисы) — Да, на полу здания с круглым залом лежит слой раздавленных статуй, судя по обломкам, той же техники, что и в мавзолее с квадратным залом. Какова его ширина, не знаю. Что там будут за статуи — так же. На вскрытом участке они стояли, видимо, вдоль стен. 6. В той же Нисе бесформенные обломки глиняной статуи, окрашенной сплошь в белый цвет, были найдены на вершине храмовой башни. Там же, в одной из камер здания, расположенного в северной части крепости, был найден обломок руки мраморной статуи...».

Письмо датировано 3/VI-47 г.

Е. А. ДАВИДОВИЧ

СТЕКЛО ИЗ НИСЫ

Во время работ первого (1946) года Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, в разных местах Нисы (на городище и в пригороде), преимущественно в бадрабах и мусорных ямах были обнаружены многочисленные фрагменты стекла и несколько целых или почти целых стеклянных сосудов. Стекло это датируется комплексом остальных находок и уже в силу этого должно представлять большой интерес, так как несмотря на многочисленность хранящихся в музеях средневековых стеклянных изделий, они обычно беспаспортны или с неполной научной документацией. К тому же нельзя не отметить и само место происхождения — часть северного Хорасана, тогда как обычно в поле зрения исследователей этого предмета преимущественно находились западные области Ирана, а по среднеазиатскому стеклу (включая сюда и северный Хорасан) вовсе нет специальных работ. Опубликованная в A Survey of Persian Art статья К. Л а м м а, посвященная персидскому стеклу и по существу подводящая итог познаниям за рубежом этой отрасли ремесленного производства средневековья, начинается с утверждения, что персидское стекло изучено весьма несовершенно. Автор особо подчеркивает, что раскопки городов Западного Ирана производились не специалистами-археологами, поэтому сохранялись только целые или составляющиеся сосуды, а фрагменты вообще исчезали. К тому же уровень этих раскопок не дает оснований для датировок, которые поэтому должны базироваться единственно на исследовании форм и декорации. И действительно, объекты, рассматриваемые автором, часто не только не имеют иных дат, кроме установленных стилистическим анализом, но иногда даже и точное место обнаружения их неизвестно.

Другой момент, который К. Л а м м оттеняет, — это зависимость иранского стекла от иностранного. По его словам, иранское стекло не может сравниться с сирийским и египетским, и постоянно привозимое иностранное стекло использовалось как модель, так что подчас трудно отличить продукцию местного производства от ее иностранных прототипов[1]).

Этот общий вывод касается в первую очередь богато декорированных и подчас уникальных стеклянных изделий, происходящих в большинстве случаев из западных областей Ирана. Относительно же недекорированных простых стекол К. Л а м м пишет, что хотя они и должны были составить большинство, но в коллекциях их содержится

мало и они интересны скорее археологически, чем эстетически, и он не занимается их рассмотрением.

С точки зрения познания самостоятельной стороны среднеазиатского стекольного производства, интересно изучить форму и технику именно простого, недекорированного или мало декорированного, а поэтому и более дешевого стекла, доступного достаточно широким слоям населения и отвечающего поэтому типично местным вкусам и требованиям.

Обнаруженное на Нисе стекло, принадлежащее как раз таким более дешевым и доступным изделиям, представляет известный интерес. Датированный материал Нисы сборов 1946 года сам по себе, конечно, слишком малочисленный для решения широких проблем, впоследствии, однако, вместе с новыми накопившимися фактами, несомненно послужит к познанию, с одной стороны, характера, уровня и особенностей самостоятельного массового стекольного производства северного Хорасана, а с другой стороны, — выявлению того места, которое северно-хорасанское массовое стекло занимает среди таких же изделий Мавераннахра и Ирана, коль скоро соответствующие материалы последних будут публиковаться.

Данная работа поэтому не ставит себе иной цели, кроме описания сосудов и некоторых фрагментов посудного и оконного стекла, а также рассмотрения техники и приемов их изготовления, чему также в литературе уделяется мало внимания.

I

ПОСУДНОЕ СТЕКЛО

Первую и самую многочисленную группу стеклянных изделий Нисы составляют различные бытовые сосуды.

БОКАЛЫ И ВАЗЫ

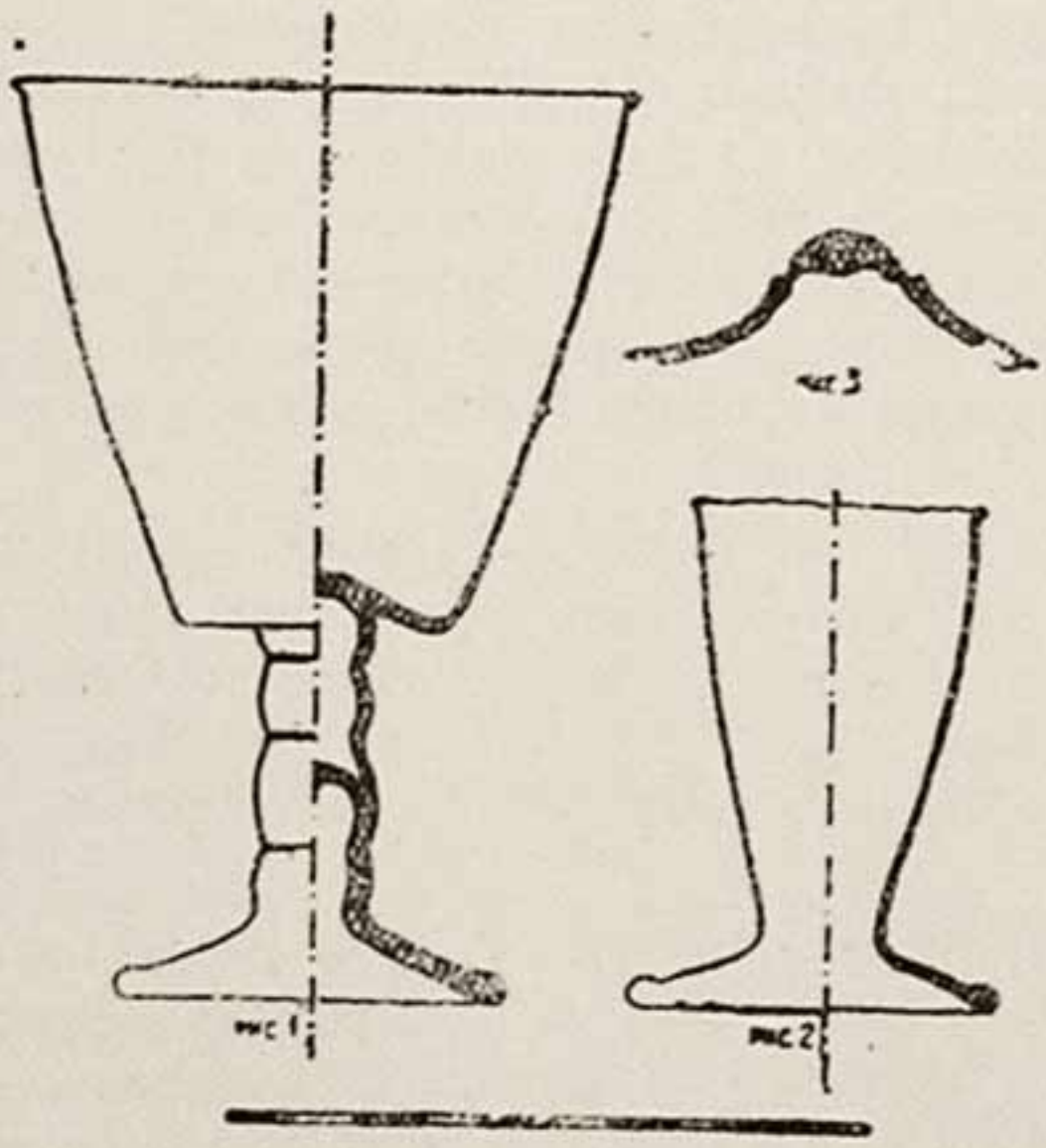


Табл. 1. Бокалообразные сосуды.

Бокал на высокой ножке (табл. I рис. 1) (РМЯ—5/1—3), найден вместе с многочисленными мелкими фрагментами стекла от других сосудов в мусорной яме на восточном конце пригорода Нисы и датируется IX—X в.в. на основании керамики из этой же ямы. Площадь, где была обнаружена эта яма, судя по подъемному керамическому материалу, также обжита была в домонгольское время, причем, особенно интенсивно, видимо, в IX—X в.в.

Стекло чуть желтоватое, мало прозрачное с мелкими пузырьками воздуха. Техника изготовления сосуда и орнамента—выдувание в форму. Стенки резервуара бокала неодинаковой толщины, что являет-

ся результатом, очевидно, неумело выдутой пульки. Сохранность неполная (отсутствует верх резервуара, однако, форма и высота его восстанавливаются благодаря еще двум фрагментам этого сосуда).

Резервуар бокала высокий (в. = 84 *мм*), со слегка выпуклыми, расширяющимися кверху стенками, которые кончаются круглым в сечении венчиком, отогнутым наружу (диам. венчика = 95 *мм*). В средней части стенок с внешней стороны — вертикальные декоративные утолщения в виде валиков (около 3.5 *мм* длины), по краям сходящихся нанет (два сохранившихся валика позволяют установить, что всего их было девять).

Резервуар изготовлялся выдуванием отдельно от ножки, и воронкообразное дно оформлялось простым вдавливанием. Наличие упомянутых декоративных валиков из той же массы стекла, что и сами стенки, причем мягких сходящих очертаний, говорит за то, что выдувание резервуара производилось в форму с соответствующими желобками на внутренней стороне, образовавшими этот узор. Применение формы подтверждается легкими горизонтальными круговыми царапинами, которые образуются на внешних стенках сосуда при вращении его (в процессе выдувания) внутри формы от мельчайших соринок или неровностей внутренних стенок этой формы.

После окончания всего бокала вместе с ножкой и откола трубки стеклодува и колпака, край резервуара специально нагревом был затоплен, так что оплавился со значительным утолщением.

Ножка бокала представляет стержень, полый внутри и плавно переходящий в поддон. Стержень декоративно оформлен четырьмя горизонтальными выпуклыми валиками-поясками, причем второй снизу — самый широкий и наибольшего диаметра, что стержню в целом также придает слегка выпуклый наружу вид. И валики и весь стержень не совсем симметричны.

Поддон (д. основания = 60 *мм*) представляет собой низкий широкий конус, состоящий из двух соприкасающихся, параллельных стеклянных оболочек, причем верхняя непосредственно продолжается стерженьком, а нижняя плавно введена внутрь этого стержня, примерно, до половины его высоты.

И стержень и поддон сделаны вместе, из одного кома стекла способом выдувания (в современном посудном стеклоделии обычно и стержень и поддон для выдутого резервуара делают отдельно, для чего на уже готовый стержень налепляется добавочный ком стекла, который инструментами расплющивается в плоский диск).

Основные процессы при изготовлении стержня и поддона представляются в следующем виде: из набранного на трубку стекла выдувался пузырь, который соответствующими приемами, будучи перевернут на трубке, расплющивался, после чего верхняя его оболочка инструментами вводилась в нижнюю и обе они присоединялись друг к другу, как параллельные, образуя плоскую воронку поддона. После этого трубка опять опускалась, от того же куска стекла оттягивался с выдуванием полый стержень (который, однако, не меняя других процессов, мог быть наоборот выдут первым, еще до пузыря), а нижняя стенка уже готового поддона вводилась (вероятно, вдуванием с противоположного конца) внутрь стержня. Затем стержень оформлялся тремя пере-

хватами, образовавшими валики-пояски. причем эти перехваты делались инструментами вроде, вероятно, щипцов, когда стержень зажимался между их рабочими краями, будучи одновременно вращаем на выдувальной трубке. От вращательного движения стержня вдоль губок щипчиков на нем остались в местах этих перехватов процарапанные горизонтальные круговые следы.

После отделения ножки от стеклодувной трубки, ножка прикреплялась к резервуару бокала с помощью добавочного комочка стекла, следы которого явственно видны на месте соединения двух частей бокала.

Способ изготовления ножки бокала особенно хорошо показывает изобретательность и мастерство древнего стеклодува, когда сосуд сложной конфигурации изготовлялся целиком одним приемом и одним процессом, который позволял получить, с одной стороны, достаточно прочную благодаря двойной оболочке опору, одновременно легкую и изящную (без подчас неприятной массивности сплошного стекла), а, с другой стороны, давал плавный мягкий переход от стержня к ножке, без обязательных следов постороннего стекла или неровностей, которые обычны для древних средневековых изделий в местах соединения каких-либо двух его частей и которые совершенно испортили бы бокал, лишив его невысокую, по сравнению с резервуаром, ножку всякой стройности (если бы отдельно изготовленный поддон прикреплялся к стержню).

Другие два фрагмента одного сосуда голубоватого стекла из бадраба IX—X в.в. в пригороде Нисы показывают резервуар, вероятно бокала, также, судя по декоративному узору на внешней поверхности, выдутого в форму. Резервуар этот своим обликом несколько отличен от рассматриваемого, т. к. его стенки поднимаются вверх почти вертикально.

Еще несколько фрагментов стекла из бадрабов IX—X в.в. и XI—XII в.в. с некоторой долей вероятности могут быть отнесены (судя по кривизне стенок, диаметру у венчика и пр.) также к фрагментам резервуаров бокалов.

Один фрагмент IX—X в.в. (РБ—4/75. Диаметр венчика = 10 *см*) показывает тонкие, почти прямые в сечении, сужающиеся книзу стенки и прямой затопленный венчик. Орнамент в этой части отсутствует.

Другой фрагмент XII—XIII в.в. (НБ — 3/205) представляет собой нижнюю часть резервуара с расширяющимися кверху стенками и мягким переходом к, вероятно, просто вдавленному дну. На внешней стороне — гравированный орнамент в виде сдвоенных вертикальных желобков с повисшими на конце каплями, а внизу, на округлении дна — кольцо маленьких выгравированных овальчиков. Местоположение последних также подтверждает вероятность здесь формы сосуда именно на высокой ножке, т. к. иначе их не было бы видно.

Третий фрагмент XII—XIII в.в. (НБ—3/206. Диаметр венчика = 9.5 *см*) в отличие от первых двух более толстостенный с венчиком в виде сквозной петли из отогнутой во-вне стенки. Сосуд был выдут в узорную форму и представлял собой резервуар бокала, или, возможно, маленькую чашу (насколько можно судить по фрагменту, это могла быть чаша вроде чаши X или XI в. из Рея[2]), тем более, что они идентичны по орнаменту).

Рассмотренный выше способ выдувания ножки бокала вместе с

поддоном был, вероятно, достаточно обычным приемом, что подтверждается другими находками из разных мест Нисы.

На самом городище Новой Нисы, в квадрате № 8, на поверхности был поднят фрагмент поддона, несомненно принадлежащий сосуду на высокой ножке (табл. 1, рис. 3). Края поддона отломаны и поэтому фрагмент наглядно иллюстрирует правильность рассмотренного выше процесса выдувания: четко видны две оболочки поддона, соприкасающиеся одна с другой, причем верхняя переходит в стержень (сам стержень также отломан), а нижняя в данном случае вдавлена внутрь стержня на небольшую высоту. Снизу виден неровный налеп постороннего стекла, которым ко дну была прилеплена понтия, вдавившая в стержень центральную часть нижней оболочки (видимо, сосуд после откола колпака подвергался еще какой-то декоративной отделке, почему и прикреплялась понтия). Аналогичный двуслойный поддон поднят был на городище Шехр-Ислам.

Фрагмент сосуда на высокой ножке IX—X в.в. из бадраба пригорода Нисы дает иной вариант изготовления ножки, тоже однако одним процессом выдувания (табл. 1, рис. 2). Стекло чуть желтоватое, очень мало прозрачное, с пузырьками воздуха. Сохранность неполная (отсутствует вся верхняя часть вместе с резервуаром).

Стержень ножки полый, со слегка выпуклыми расширяющимися стенками. Поддон круглый (д. = 60 *мм*) в виде низкой воронки, однослойный. Часть выдутого пузыря, из которого должен был быть оформлен поддон, просто была обрезана, почему поддон получился однослойным, а полый стержень сквозным, не закрытым снизу отсутствующей второй оболочкой. Края поддона оформлены другим, темноголубым стеклом в виде валикообразного утолщения, что способствует прочности и устойчивости ножки, а также служит декоративным ее украшением.

Другой пример однослойного дутого поддона дает фрагмент от ножки большого, видимо, сосуда из толстого (т. = 3 *мм*) голубовато-зеленого стекла, поднятый на городище Новой Нисы в кв. № 8. Этот поддон (д. = 120 *мм*) также состоит из одной оболочки, но край, после откола части пузыря, петлей (со сквозным отверстием) загнут наверх (как часто оформляются венчики сосудов), что делает его очень прочным и устойчивым.

Приведенные примеры показывают, что форма бокала на высокой ножке (возможно, также вазы) не была для Нисы редкостью, о чем говорят и сложившиеся определенные, весьма удачные приемы ее изготовления. Такие сосуды встречаются, однако, не только на Нисе.

Бокалы на ножке, очень сходные с рассмотренными, были обнаружены в Самарре (IX в.), однако, там во всех случаях отсутствовал верх резервуара и поэтому лишь предполагается, что он был конический[3]). Реконструкция бокала Нисы делает это предположение очень основательным, хотя тот же нисийский материал не исключает другой разновидности бокала на ножке с цилиндрическим резервуаром.

Фрагменты тонких бокалов на высоких ножках с перехватами вместе с керамикой находились при раскопках дворца термезских правителей в слое, образовавшемся на дне водоема, причем поливная керамика датирует его XII в.[4]).

Рюмки на высоких ножках среди прочих форм стеклянной посуды

Афрасиаба упоминает В. Л. Вяткин, не описывая, однако, их формы, не приводя иллюстраций и не датируя[5]). Но т. к. жизнь с Афрасиаба на юг начала переходить еще в XI—XII в.в., а после монгольского нашествия Афрасиаб окончательно опустел, то рюмки на высоких ножках могут быть относимы к домонгольскому времени.

Некоторую аналогию представляет египетский стеклянный бокал XII в., декорированный прессованием[6]). Резервуар этого бокала с прямыми стенками совершенно отличен от резервуара нашего бокала, однако, такая форма, возможно, бытовала также и в Нисе, если упомянутые два фрагмента сосуда IX—X в.в. также с вертикальными стенками действительно принадлежали бокалу, что кажется очень вероятным. Но ножка египетского бокала весьма сходна с ножкой нашего: она явно выдута вместе с небольшим поддоном, а стержень представляет собой несколько валиков, образованных перехватами.

Считающийся на Западе крупнейшим специалистом в области восточного стекольного производства, К. Ламм, касаясь бокалов на ножке, обнаруженных в Самарре, и приводя очень немногочисленные примеры, отмечает, что вообще стекло этой формы на Востоке встречается нечасто[7]). Приведенные выше дополнительные аналогии заставляют думать, что эта форма, наоборот, была достаточно обычной для Востока, являясь редкостью лишь для музейных собраний, пополнявшихся главным образом выборочным материалом, к которому не может быть отнесена эта форма уже в силу того, что бокалы мало декорированы и не могут быть обнаружены обычно в полной сохранности. Но очень показательно, что в пунктах систематических археологических исследований (в таких, как Ниса, Термез, Самарканд, Самарра), когда изучались не только первоклассные или хорошо сохранившиеся стеклянные изделия, а весь фрагментарный и, на первый взгляд, невыразительный материал, в числе других разнообразных форм были отмечены бокалы на высоких ножках.

Время употребления такого рода бокалов в Средней Азии скорее всего падает на домонгольский период. Датированные объекты Нисы не моложе XII—XIII в.в., а так как пока нет данных для последующего времени, — неизвестно сохранились ли они здесь потом или совсем исчезли, как многое в области художественного творчества, постепенно смененное новыми явлениями новых эпох.

Что касается средневекового Ирана, то там в послемонгольское время совсем иные формы были особенно любимы[8]). Кроме того, большинство более высокохудожественного стекла в этот период привозилось туда из Сирии, где излюбленной формой сосудов, охотно украшавшихся эмалированием и позолотой, были бокалы, но без ножек. Такая безножная форма бокалов, восходящая к античности, встречающаяся в византийское время, представлена также в Самарре (IX в.). Возможно, она почти полностью в послемонгольское время вытеснила форму бокала на ножке, во всяком случае в богато декорированном стекле, так как среди всего обилия эмалированных и позолоченных бокалов К. Ламм знает всего лишь один на ножке[9]).

Нельзя с уверенностью утверждать бытование в Нисе этой второй, безножной формы бокала, хотя ничего невероятного в этом нет, так

как часть упомянутых выше фрагментов стенок резервуаров могла принадлежать этой форме. Однако, лишь находка в дальнейшем такого бокала более или менее хорошей сохранности сможет послужить доказательством того, что в Нисе, как и в Самарре, были употребительны обе формы бокалов. Пока же несомненным остается лишь бокал на высокой ножке.

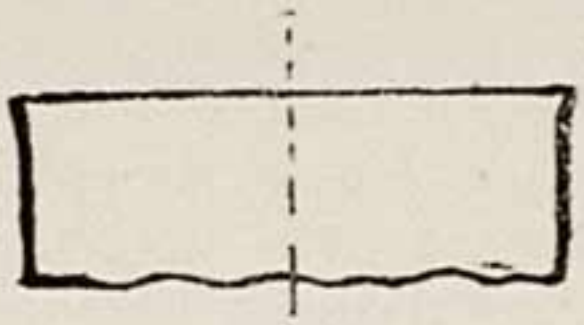


РИС.1

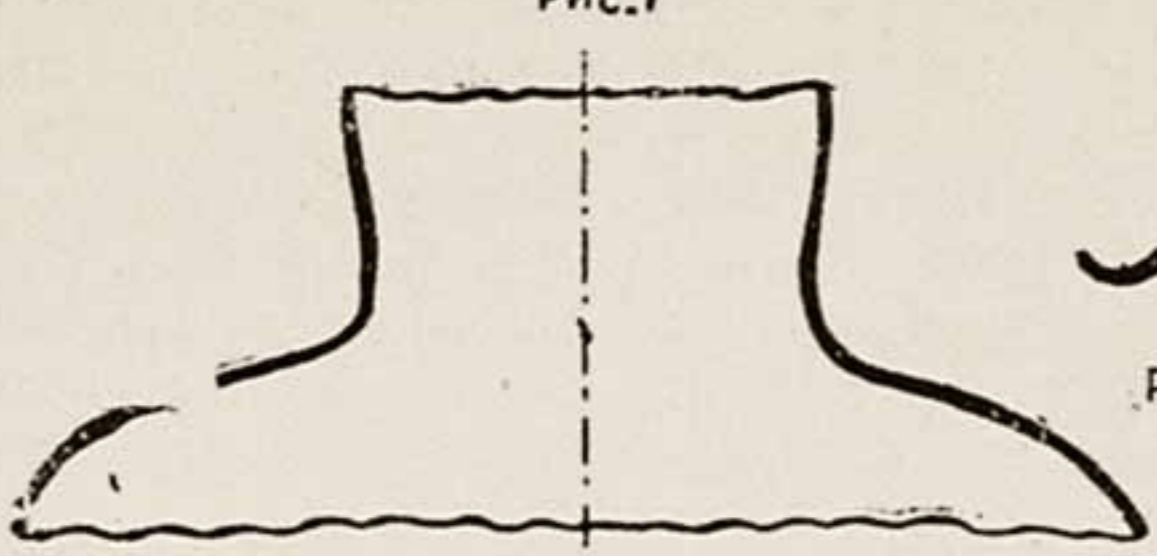


РИС.2

РИС.3

РИС.4

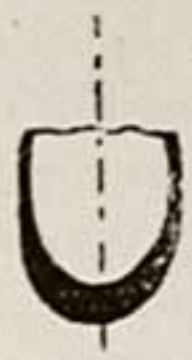


РИС.5

РИС.6

РИС.7

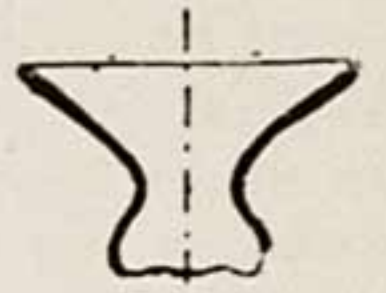


РИС.8

РИС.9

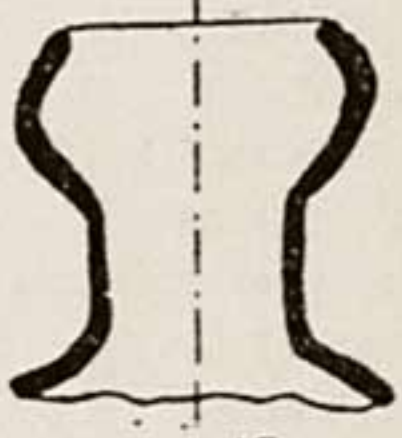
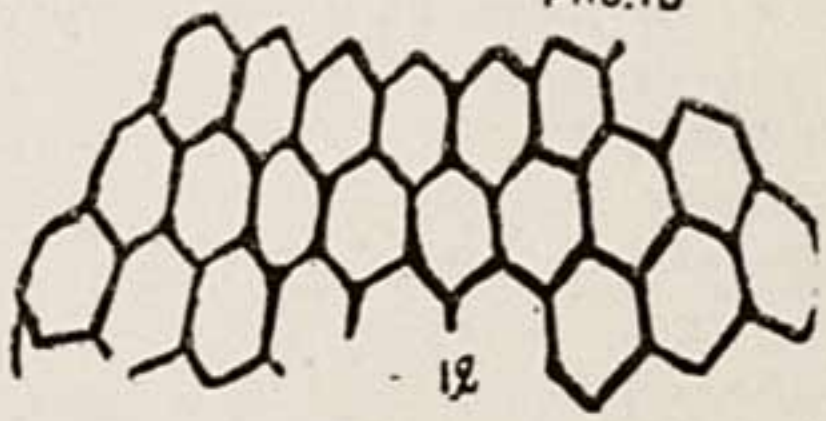


РИС.10

РИС.11



12

Табл. 2. Кувшинообразные сосуды, флаконы и пр.

КУВШИНЫ И ЧАШИ

Целый ряд фрагментов из датированных комплексов Нисы свидетельствует о других формах бытовых изделий. Прежде всего можно

отметить группу фрагментов, принадлежащих, вероятно, кувшинам с широким и высоким горлом и более или менее сферическим туловом (табл. 2, рис. 1, 2, 3). О такой же форме кувшинов свидетельствуют и отдельно находимые ручки, нижний конец которых, судя по очертанию, должен был прикрепляться к плечикам сферического тулова, а верхний — к венчику высокого горла.

Наличие кувшинов или флаконов другой формы — с узкими высокими горлами подтверждается несколькими фрагментами таких горлышек X—XII в.в. (табл. 2, рис. 9).

Целая группа фрагментов X—XI в.в. (табл. 3, рис. 1—3) представляет сосуды большого диаметра у венчика (11, 14, 15 *см*) со стенками, почти прямыми в сечении и сужающимися книзу. Несомненно, это фрагменты чаш или сосудов с чашеобразным резервуаром. Этого же времени другая группа фрагментов также показывает чаши или чашеобразные резервуары, но несколько иной формы. Эти чаши имеют большие диаметры у венчиков (11—16 *см*), но стенки их криволинейные в сечении и круто опускаются вниз (табл. 3, рис. 4—5). Часть этих фрагментов, возможно, представляет резервуары ваз на высоких ножках. На это намекают некоторые фрагменты ножек, несколько массивные для бокалов, и скорее принадлежащие именно вазам, тем более, что вазы на ножках известны Востоку.

Например, К. Ламм, рассматривая стекло домонгольского периода, в числе недекорированных сосудов, содержащихся в коллекциях, по его словам, в незначительном количестве, но обнаруживающих подчас очарование простых гармоничных линий, приводит вазу на высокой ножке[10]). Поскольку можно судить по фотографии, ваза изготовлена вышеописанным способом выдувания, причем стержень с одним выпуклым валиком, дающий равномерный плавный спуск к поддону, несомненно, выдут вместе с последним одним процессом и из одного комка стекла(даже на фотографии четко видны круговые царапины, образованные при оформлении поддона вращением касательно какого-то инструмента). Вазочки на высоких ножках упоминаются в числе мусульманского стекла домонгольского времени в Киевском музее[11]).

И чаши двух видов и широкогорлые кувшины обнаруживают много общего с керамикой этого времени. Первая форма стеклянных чаш или резервуаров (табл. 3, рис. 1—3) со стенками почти прямыми в сечении аналогичны особенно тонкостенным кашинным чашам и некоторым глиняным поливным XI—XIII в.в. из керамических комплексов Нисы, причем сходство это распространяется на такие детали, как характер оформления венчиков. И в стекле и в керамике венчики или совершенно прямые, не выделенные из стенок, или слегка отогнутые наружу. Вторая группа стеклянных чаш или резервуаров со стенками криволинейными в сечении и выпуклыми наружу (табл. 3, рис. 4, 5) довольно близка к поливным глиняным чашам из бадраба пригорода Нисы IX—X в.в., которые имеют округлые плавные очертания своих стенок, так что венчик часто обращен даже слегка внутрь. Таких очертаний глиняные чаши в последующее время, судя по материалам XII—XIII в.в. из Нисы, являются уже отходящими формами, а преобладающее значение получают чаши именно с почти прямыми, лишь слегка выпуклыми наружу стенками.

Стекло X—XI в.в. дает обе формы таких чаш, находясь как бы на хронологическом рубеже постепенного изменения форм сосудов.

Нельзя не отметить, что кашинные чаши, с которыми особенно сходна первая группа стеклянных чаш, — на высоких кольцевых поддонах. В стекле также, вероятно, следует ожидать для этих форм аналогичного устройства дна, тем более, что вообще такие донья из стекла делались (фрагмент дна на кольцевой ножке, примерно, 2.5 *см* в диаметре из бадраба Нисы IX—X в.в.; многочисленные фрагменты аналогичных доньев из Самарканда, хранящиеся ныне в Археологическом кабинете САГУ; и т. д.).

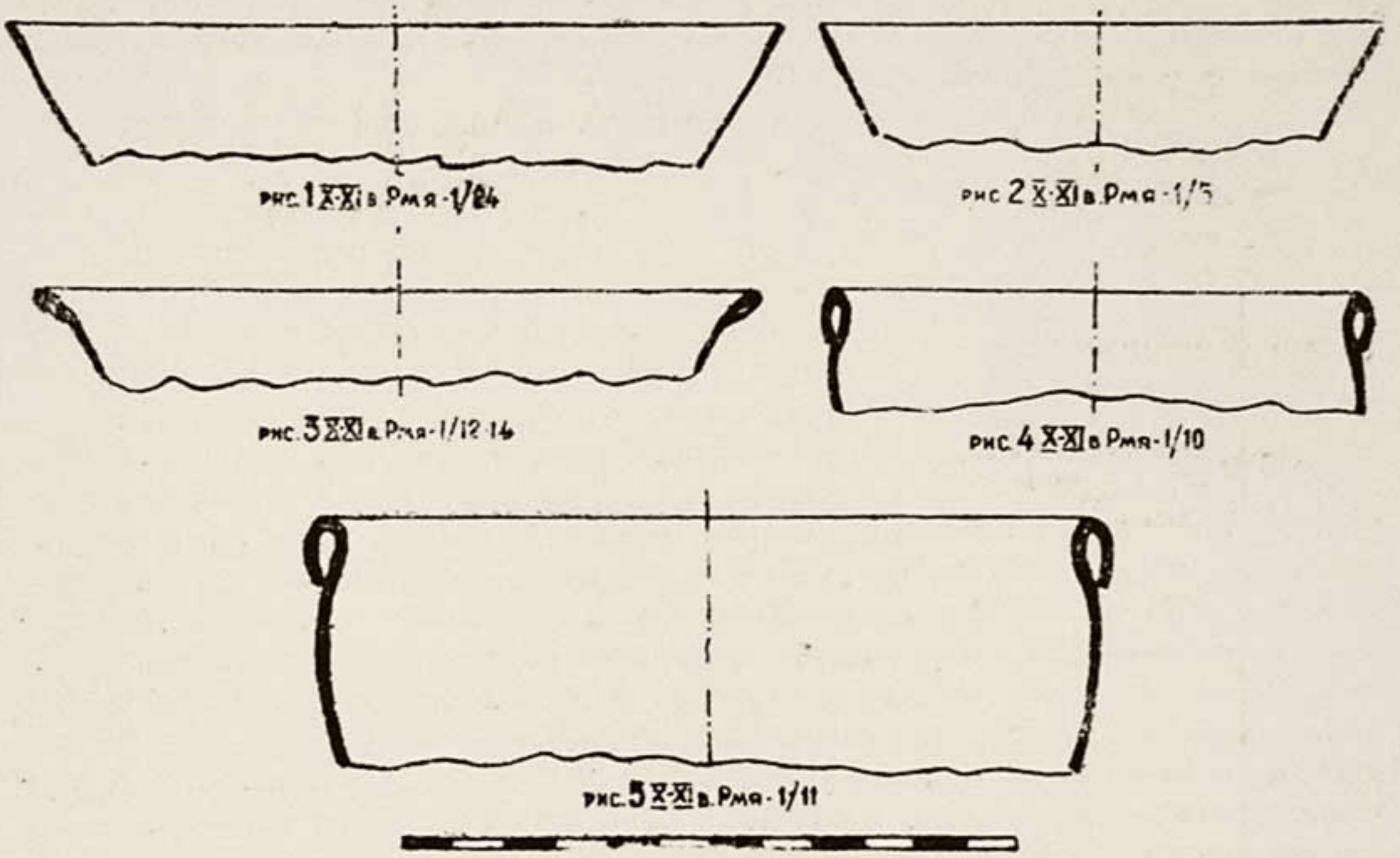


Табл. 3. Чаши.

С другой стороны, фрагменты широкогорлых кувшинов и ручек от них намекают на сходство с кувшинами из серой глины. Вероятия такого сходства великолепно подтверждается стеклянным кувшином X в., опубликованным в A Survey of Persian Art и до деталей сходным с кувшином из бадраба IX—X в.в. пригорода Нисы (причем кувшин этот, отнесенный в группу литых в форму, в действительности сделан и декорирован выдуванием в форму, что также интересно при наличии сходства с керамикой, так как именно этот способ декорации простых сосудов был, вероятно, особенно применяем, о чем ниже).

Таким образом, некоторые основные формы бытовых стеклянных и керамических изделий Нисы явно не случайно сходны, так как они удовлетворяли вкусам одного и того же массового потребителя и имели, вероятно, сходное (насколько позволял разный материал) употребление в хозяйстве.

Другую группу стеклянных изделий Нисы составляют сосуды парфюмерно-аптекарского назначения: флаконы, пузырки, пробирочки.

Флакон XIII в. (Рис. 4, Н-3 МЯ-I/I); также найден в мусорной яме в стене городища Новой Нисы и точно датируется найденной в комплексе медной монетой, чеканенной, по определению М. Е. Массона, в г. Нисе от имени Мухаммед Хорезмшаха (1200—1220).

Рис. 4. Флакон начала XIII века.

Стекло чуть зеленоватое, мало прозрачное, с большим включением мелких пузырьков воздуха. Техника изготовления сосуда и орнамента—выдувание в форму. Стенки неодинаковой толщины (как и в бокале и др.), и в целом сосуд несколько несимметричный.

Сохранность неполная (отсутствует верх горла).

Большой сосуд (в. до начала горла—125 *мм*), широкий снизу, кверху несколько сужается. Воронкообразное дно, оформленное простым вдавливанием, плавно переходит к тулову (причем снизу на дне налеп постороннего стекла от понтии). В верхней части сосуда равномерное сужение стенок прерывается небольшим валикообразным выступом, горизонтально на $^2/_3$ по окружности обходящим сосуд. Тулово, резко преломляющееся в пологие плечики, декоративно отделено от последних горизонтальным круговым желобком. Плечики мягко переходят в горло, которое представляет собой выпуклый валик, в свою очередь переходящий или во второй такой же валик (верх отсутствует) или, скорее, в венчик, который, вероятнее всего, как и в аналогичном нижеприводимом сосуде IX—X в.в., был оформлен в виде воронкообразного отворота.

Все тело сосуда покрыто сплошной сеткой рельефного ячеистого орнамента из чередующихся вытянутых шестиугольников (причем плоскости этих шестиугольников—вдавленные, а стороны—выпуклые; табл. 2, рис. 12). Каждый ряд таких шестиугольников, охватывая сосуд, дает замкнутый круг узора. Число шестиугольников во всех кольцах, вне зависимости от расширения книзу самого сосуда, остается постоянным, и лишь каждая фигура внизу почти неприметно расширяется. Рисунок узора не отличается равномерностью, кольцо часто описывает волнистую линию, ширина и даже высота отдельных шестиугольников внутри одного кольца различны. Волнистый подъем или спуск верхнего ряда исправляется удлинением соответствующих фигур нижнего ряда.

Снизу сетка рельефного узора заходит на изгиб ко дну, и, постепенно мельчая и расплываясь, теряется в воронке. В верхней части он кончается у желобчатой черты, отделяющей плечики от тулова, которая проведена каким-то инструментом путем вращения сосуда на выдувальной трубке или понтии (причем рука мастера оказалась не-

достаточно твердой, конец желобка не сошелся с началом его и черта несколько ушла вниз, не дав замыкания).

Техникой изготовления сосуда было выдувание именно в форму, о чем говорят мягкие, сходящие на нет очертания рельефного и вдавленного орнамента, причем желобчатые шестиугольники на внутренней стенке формы резались сверху вниз и от руки, что привело к отмеченным выше неточностям рисунка.

С точки зрения самой техники выдувания в форму интересно, что в орнаменте рельефу на внешней стороне сосуда соответствует не вдавление, а также легкий рельеф на внутренней стороне, и, наоборот, вдавления вне и внутри также соответствуют друг другу. Это обстоятельство заставляет предполагать, что, как и в современном посудном стеклоделии, здесь применялось двойное выдувание в две формы. Сначала для получения орнамента сосуд выдувался в форму с вырезанным узором, но меньших размеров, чем предполагаемый флакон и, вероятно, в виде баночки. Добавочное выдувание производилось уже в гладкую безузорную форму с одновременным вращением, что должно было придать блеск поверхности стекла и вместе с тем слегка подгладило и вдавило узор, так что на внутренней стороне образовался параллельный легкий рельеф. Именно только во время этого вторичного процесса выдувания вне узорчатой формы сосуду могла быть придана грушевидная форма с широкой нижней частью, так как рельеф здесь мельче, чем в верхней части, а около дна совсем расплывается. Кроме того, шестиугольники так неприметно и равномерно расширяются книзу, как нельзя было сделать от руки, если бы узорчатая форма сразу была грушевидной.

Дно вдавливанием оформлялось уже после этого вторичного процесса, почему на изгибе еще чувствуется расплывчатый узор. Наличие круговых процарапанных следов от соответствующего инструмента на плечиках и горле свидетельствует, что последние оформлялись, наподобие ножки рассмотренного бокала, инструментами с одновременным вращением уже скорее на понтии, после отлома трубки стеклодува.

В этой же яме другой фрагмент (Н-3 МЯ-1/2) также из белого малопрозрачного стекла по всей вероятности принадлежал аналогичной формы флакону: пологие плечики округло, но круто спускаются к тулову, а горло показывает начало валика. Плечики орнаментированы кольцом из округлых вдавлений.

Флакон IX—X в.в. (РБ—4/220, рис. 5) найден в бадрабе города Нисы и керамическим комплексом датируется IX—X вв. Стекло с незначительным желтоватым оттенком, малопрозрачное, с обильным включением пузырьков воздуха. Техника изготовления сосуда — выдувание. В целом сосуд несимметричен. Сохранность полная.

Сосуд (В=109 *мм*) грушевидной формы, сплющенный с двух сторон (так что его максимальные диаметры по перпендикулярным направлениям 60 *мм* и 78 *мм*), выдут, но без применения формы, вероятно, так как на теле нет следов вращения внутри формы. Дно почти прямое, с незначительным вдавлением и само по себе очень неустойчиво. Кроме того, массивный кусок постороннего стекла, оставшийся на дне от прикрепления понтии, значительно выдается из уровня дна, так что сосуд вовсе не может стоять на плоскости.

Тулово не имеет выраженных плечиков, а постепенно сужаясь, как бы непосредственно переходит в горло. Последнее оформлено выпуклым валиком, переходящим в воронкообразный отворот венчика, который был сделан разворотом после откола колпака, что дало соответствующие процарапанные следы на его верхней поверхности. Само же горло обычным образом было профилировано вращением между губками щипцеобразного инструмента.

Рис. 5. Флакон IX—X века.

Две ручки расположены по выпуклым бокам сосуда (т. е. по более широкой оси), несколько выше максимально расширенной его части и не на одинаковой высоте. Они представляют собой стеклянные жгутики, прилепленные к стенкам уже оформленного сосуда, причем сначала прилеплялись и подглаживались их нижние части, а потом жгутик заворачивался наверх до соприкосновения со стенкой. По форме и сечению ручки неодинаковы: одна прикреплена удачнее, правильной формы и более округлая, другая смята и не дает правильного очертания.

Неустойчивое дно сосуда и наличие двух симметричных ручек заставляют полагать, что сосуд не предназначался стоять на плоскости, а должен был, вероятно, подвешиваться за эти петлеобразные ручки.

Вышеописанный флакон начала XIII в. из мусорной ямы Нисы и этот флакон IX—X в. не аналогичны по форме, но представляют одну группу грушевидных сосудов, скорее всего парфюмерного назначения.

ПУЗЫРЬКИ И ПРОБИРКИ

Пузырек IX—X в. (Бадраб № 4 пригорода Нисы; РБ—4/221) белого, малопрозрачного стекла с обильным включением пузырьков воздуха. Техника изготовления сосуда—выдувание. Сохранность полная.

Сосуд (B_1=32 *мм*), маленький, со сферическим, несколько вытянутым телом, плавно переходящим в широкий воронкообразный отворот венчика.

В этом же бадрабе имеется фрагмент донышка второго аналогичного пузырька, несколько больших размеров из бесцветного малопрозрачного стекла (табл. 2, рис. 7).

Третий фрагмент, также принадлежащий, вероятно, пузырьку (судя по размерам и форме донышка) находился в бадрабе XII—XIII в.в. Новой Нисы (табл. 2, рис. 6).

Среди многочисленных пузырьков Самарры, одновременных с целым пузырьком Нисы, нет, однако, совершенно аналогичных форм. Точно также нет в Самарре флаконов, сходных с двумя вышеописанными флаконами Нисы, которым не удалось найти аналогии и среди других просмотренных публикаций стеклянных изделий.

К группе парфюмерно-аптекарских сосудов относятся две фрагментированных пробирочки с довольно тонкими стенками (1.5 *мм*) и утол-

щенным дном, найденные одна в бадрабе IX—X в. пригорода Нисы, а другая в мусорной яме X—XI в. также пригорода Нисы (табл. 3, рис. 4—5). Оба фрагмента из стекла с легким зеленоватым оттенком и снаружи и внутри покрыты черной пленкой, образовавшейся от разложения стекла.

Парфюмерная промышленность на Востоке, судя по свидетельствам арабских географов, достигла большого расцвета[12]). Естественно поэтому, стеклянные сосуды, являвшиеся, вероятно, основной тарой для всякого рода парфюмерных изделий, должны были изготовляться в большом количестве и разнообразных форм и размеров. Употребление большого количества стекла в аптечном и парфюмерном деле Средней Азии отмечал В. Л. Вяткин, добавляя, что иногда находится помногу предметов совершенно одинаковых форм в одном месте, например, пузырьков и флаконов[13]).

Любопытное свидетельство имеется у Насири Хосроу, который при описании Мисра замечает, что на базаре в городе все торговцы, когда продают что-либо покупателю, сами дают упаковку: стекло, или фаянсовый горшок или бумагу[14]).

Что касается детального оформления отдельных частей сосудов, то оно оставалось более или менее однотипным за весь домонгольский период, судя по материалам Нисы.

Горла флаконов и кувшинов завершались чаще всего простым прямым венчиком или воронкообразным отворотом. Воронкообразный отворот употреблялся часто, что свидетельствуется несколькими фрагментами (например, табл. 2, рис. 8), однако он не относится к числу типично домонгольских, а, будучи удобным во всех отношениях (и с точки зрения технической), употреблялся в персидском стекле до последнего времени. Встречаются также и валикообразные завершения горлышек сосудов (табл. 2, рис. 10).

Закраинки на всех сосудах обычно совершенно прямые, затопленные (иногда несколько утолщенные) или в виде петли (в большинстве случаев со сквозным отверстием).

Донья сосудов делятся на три группы: 1) воронкообразные, вдавленные на разную глубину, 2) плоские или вдавленные незначительно, 3) с кольцевым поддоном. Это различие доньев определяется формой сосудов: воронкообразное вдавление предусматривает мягкий округлый поворот к телу, а плоские — более крутой, к почти вертикальным стенкам. И способы оформления их, судя по довольно многочисленным фрагментам, несколько различаются. Воронкообразные донья вдавливались специальным инструментом еще до налепа понтии (и в этих случаях посторонний кусочек стекла, которым понтия прикреплялась, смещен по отношению к центру воронки) или прямо понтией. Плоские донья обычно оформлялись вращением сосуда на рабочей доске (отчего остаются процарапанные круговые или спиральные следы), после чего дно незначительно вдавливалось внутрь, в большинстве случаев даже не специально, а при обработке верхних частей на понтии.

Такие простые способы оформления доньев были, естественно, самыми обычными и распространенными. Дно же с кольцевым поддоном представленно на Нисе пока одним экземпляром.

Большинство средневекового стекла Новой Нисы и пригорода относится к числу бесцветных, однако, среди них лишь немногие экземпляры чисто белого цвета, большинство же имеет легкие желтоватые, изумрудно-зеленоватые или зеленовато-бутылочные оттенки, причем они не являются результатом специального окрашивания. Цветные стекла также встречаются среди фрагментов, и наиболее часто — синие, причем синим же стеклом особенно охотно оттеняли бесцветное стекло. Другие немногочисленные фрагменты дают стекло изумрудно-голубого и просто голубого, бутылочно-зеленого, вишневого и желтовато-коричневого цветов.

Большинство сосудов, судя по многочисленным фрагментам, вовсе не имели украшений, а декорированные экземпляры по технике декорации можно разбить на четыре группы:

1. Орнамент, получившийся в результате выдувания в форму. Очертания в этих случаях мягкие и на всех экземплярах рельефу внешней стороны соответствует рельеф же на внутренней стороне и наоборот.

2. Штампование или прессование орнамента на еще мягком стекле. Очертания также мягкие, но вдавлению на внутренней стороне соответствует выпуклость на внешней.

3. Гравирование. Очертания четкие.

4. Налепы стеклянных жгутиков и позолота.

Первая группа представлена наибольшим числом экземпляров, причем орнамент — геометрический. Сюда относится бокал на высокой ножке, на стенках резервуара которого — вертикальные валики; флакон с ячеистой сеткой из вытянутых шестиугольников; фрагмент стенки, вероятно, бокала или небольшой чаши с орнаментом из косо направленных валиков и желобков.

Два последние вида орнамента близки или совершенно подобны некоторым орнаментам на домонгольских экземплярах стекла, опубликованных в A Survey of Persian Art (что, конечно, объясняется простотой орнаментов и легкостью их выполнения в этой технике). В частности, чаша (Pl. 1443 A) из Рея X или XI в. декорирована косо направленными желобками и соответственно — валиками, как и наш фрагмент[15]).

Желобчатые, ячеисто-ромбовидные и иные узоры показывает стекло Самарры, причем, как и на изделиях Нисы, орнамент получен выдуванием в форму[16]).

Вторая и третья группы орнамента представлены единичными экземплярами. Вторая — фрагментом флакона начала XIII в., на плечиках которого — кольцо орнамента из вдавленных овальчиков, несколько варьирующих в размерах и даже глубине; третья — фрагментом сосуда XII—XIII в., вероятно, на высокой ножке, на внешней стороне стенки которого — мелкие, сдвоенные вертикальные желобки, кончающиеся как бы нависшими каплями, а снизу, у мягкого изгиба, ко дну — кольцом из маленьких овальчиков.

Четвертая группа налепных жгутиков дает несколько вариантов. Чаще всего жгутик другого цвета (обычно — синего), налепляется по венчику (или по краю поддона сосуда на ножке), являясь его

естественным завершением и цветной полосой оттеняя край сосуда. Такой простой орнамент дали фрагменты стекла из комплексов от IX до XIII вв.

Два фрагмента горла сосуда XII—XIII вв. синего стекла весьма богато украшены налепными жгутиками. Один несет на себе два параллельных кольцевых жгута из того же стекла, что и сам сосуд, а на них — волна голубого жгута из совершенно непрозрачного пастообразного стекла. Такое же голубое стекло оформляет на втором фрагменте край венчика и параллельно ему в виде тонкой голубой нити — верхнюю поверхность воронкообразного отворота горлышка. По краю — позолота.

Мусорная яма №2 из пригорода Нисы также дала фрагмент стекла светлозеленого оттенка, украшенного узорно наложенным стеклянным жгутиком того же стекла, что был и сам сосуд.

Рассмотренные стеклянные сосуды и фрагменты стекла, тонкие и изящные по своим формам, имеют, однако, ряд недостатков, вообще типичных для средневекового стекла. К числу их относятся иногда слишком толстые донья, разная толщина стенок сосудов и часто весьма неровный или неравномерно, с утолщениями затопленный край, процарапанные следы на дне и стенках сосуда и, наконец, постоянное явление — отсутствие симметрии. Иногда эта несимметричность сосуда незначительна и выявляется лишь при прочерчивании, а в других случаях бросается в глаза. В основном эти недостатки являются результатом упущений мастера стеклодува, так как выдувание сосуда требует большого навыка, мастерства и чутья. Достаточно набрать в трубку немного больше, чем нужно стекла, — и на дне скапливаются излишки и т. д.

Но частично некоторые недостатки должны быть отнесены за счет состава стекла того времени. Стекло для посудных изделий должно отвечать ряду специфических требований, из которых особенно важны два, вытекающие из необходимости определенного промежутка времени для разнообразной отделки сосуда и повторных для той же цели нагреваний. Исходя из этого, стекло должно быть такого состава, чтобы оно возможно дольше сохраняло вязкость, необходимую при обработке и в то же время было устойчиво против кристаллизации во время отделки сосуда и при вторичных нагревах (тем более, что благоприятная для кристаллизации температура находится в границах температур, нужных при обработке). Трехкомпонентный состав из SiO_2, Na_2O и CaO менее всего отвечает этим требованиям. В современном стеклоделии этот состав употребляется лишь для дешевой посуды и то с вводом в состав добавочных компонентов, улучшающих его качество, или частичной благоприятной заменой Na_2O на K_2O и т. д.[17]).

Средневековое стекло, судя по анализам стекол XV в. из Самарканда, принадлежит именно такому составу, притом с вредными для этих условий примесями Al_2O_3, MgO и др.

Таким образом, сам состав стекла мог быть одной из причин, предрасполагающих к указанным недостаткам, особенно — деформации сосудов.

Составом же стекла объясняется и малая обычно прозрачность и то, что стекло не бесцветное. Наиболее частые зеленоватые или жел-

товатые оттенки скорее всего являются результатом наличия в составе стекла обычных примесей железа в виде окиси и закиси, дающих именно эти тона.

Но при всех этих недостатках нужно отметить выработанность и разнообразие приемов выдувания сосудов и дополнительной обработки их инструментами, причем сосуды выдувались в форму и без применения последней.

Наиболее характерным способом декорации поверхности массовых стеклянных изделий следует, вероятно, признать выдувание в узорчатую форму. Это было рационально, так как форма все равно употреблялась, и было проще и быстрее, чем гравирование и даже штампы и налепы.

При изготовлении декора этим способом часто, вероятно, применялось, как и в современном стеклоделии, выдувание в две формы: предварительную, меньшую — для получения узора, и окончательную, гладкую — нужных предполагавшихся размеров, причем в последней сосуд вращался по мере выдувания.

Выдувание было настолько обычным и признанным приемом, что даже такие части сосудов, как ножки с поддонами, которые могли оформляться из сплошных комков стекла с помощью инструментов, здесь, однако, изготовлялись также именно этим приемом.

II

ОКОННОЕ СТЕКЛО

Среди прочих датированных фрагментов стекла, обнаруженных в бадрабах Нисы, обращают внимание три фрагмента оконного стекла, совершенно плоского, толщиной соответственно 3/4, 1/2 и 1/3 *мм*. Стекло это прозрачное, почти бесцветное (с очень незначительным зеленоватым оттенком) и с включением мелких пузырьков воздуха.

Форма фрагментов не кажется случайной. Все три скорее всего представляют обрезки стекла, оставшиеся от вырезания правильных геометрических пластинок для остекления оконных решеток (табл. 2, рис. 11).

Эти три фрагмента обнаружены в бадрабе IX—X вв. пригорода Нисы вместе с рассмотренными выше двумя целыми стеклянными сосудами (флаконом и пузырьком).

Оконные стекла Нисы весьма интересны уже тем, что прибавляют новый пункт к известным местам обнаружения их в Средней Азии, лишний раз подтверждая распространенность этого приема уже в раннем средневековьи. Вместе с тем, для территории современной Средней Азии эта находка является к тому же пока самым ранним примером употребления плоского оконного стекла.

Вне территории Средней Азии, оконное стекло известно из Самарры IX в. где остеклены были не только окна большой мечети, но даже и жилые дома. В работах Зарре и Херцфельда имеются об этом неоднократные упоминания, а Ламм в своем специальном труде по стеклу Самарры уделяет этому целый раздел. Он делит оконное стекло на три группы:

Группа «А» — это литые довольно толстые пластины, преимущественно бесцветные, причем способ укрепления их между стеклянными

же перекладинами очень самобытен. Находились они больше всего у главного входа в Большую мечеть, но также и в других местах Самарры.

Группа «Б» — большие круглые цветные стекла, изготовленные выдуванием и укреплявшиеся в гипсовой раме.

Группа «С» — мозаичные окна из цветных стеклышек, вставленные в круглые или четырехугольные отверстия гипсовой (примерно 3.5 *см* толщины) решетки[18]).

Автор приводит, кроме того, два-три случая употребления оконного стекла в Египте и Месопотамии. Число таких примеров можно умножить.

В Египте же мечеть Ибн-Тулуна в Каире (IX в.) сохранила алебастровую оконную решетку, остекленную цветным стеклом[19]). Для XI в. имеется сообщение Насири Хосроу, видевшего в помещении Ка'бы в Мекке окна, остекленные плоским стеклом: «В помещении четыре окна по четырем углам и на каждое окно из них наложена пластина стекла, чтобы помещение было светлое, а дождь не проникал»[20]).

Остекление оконных проемов в домонгольское время известно по Термезу, однако здесь в алебастровые решеточки вставлялись не плоские стекла, а осколки битой или бракованной бытовой посуды самых разнообразных цветов, неодинаковой светопроницаемости и еще более разнообразных форм: не только фрагменты стенок любой кривизны, но даже и донышки сосудов. Такого рода решетки работами ТАКЭ 1936 года найдены были при расчистке айвана, примыкающего к аудиенц-залу дворца термезских правителей, а также в жилом комплексе на площади II Приамударьинской части городища[21]).

Несколько случаев обнаружения оконного стекла дает Самарканд, где на Афрасиабе еще В. Л. Вяткин находил «куски гипсовых решеточек со вставленными в ячейки листочками стекла»[22]). Фрагмент гипсовой решеточки со вставленными в нее стеклами, хранящийся ныне в Историческом музее Самарканда, найден был, по сообщению М. Е. Массона, Абду-Вахидом еще до первой мировой войны.

Находки эти точно не датированы, но, что уже отмечено выше, так как монгольское завоевание привело Афрасиаб в окончательное запустение, то они должны быть отнесены во всяком случае к домонгольскому времени. А в 1946 году А. И. Тереножкин встретил на Афрасиабе плоское бесцветное и прозрачное оконное стекло в слое с саманидскими монетами.

Хорезм является еще одним пунктом частого обнаружения оконного стекла. Так, фрагмент алебастровой решетки с цветным стеклом из Хорезма видел М. Е. Массон. А. И. Тереножкин сообщил о многочисленных находках плоского бесцветного прозрачного стекла, относящегося к домонгольскому времени в разных пунктах Хорезма, причем в одной пригородной усадьбе г. Замахшара стекло было вместе с гипсовой решеточкой.

Таким образом, находки оконного стекла или сообщения об его применении в разных столь удаленных друг от друга пунктах (от Египта до Хорезма) говорят об известной распространенности этого приема уже в домонгольское время. Оконное стекло этого периода

почти всегда связано с алебастровыми решеточками и показывает излюбленность мозаичного узора в стекле. Решеточки часто указывают на характер этого узора. При этом остекление осуществлялось двояко: специально изготовленным стеклом или фрагментами бытовой посуды.

В последующие столетия прием остекления окон также не был оставлен. Письменные источники и свидетельства путешественников подтверждают использование оконного стекла для ряда пунктов. А археологические работы последних лет в Самарканде дали обильный и новый материал по этому вопросу, интересный в данном случае и потому, что позволяет установить технику изготовления плоского стекла на средневековом Востоке.

Как установлено археологическими работами М. Е. Массона, плоское, подчас крупных размеров, разных цветов (желтого, оранжевого, зеленого, синего, фиолетового, красного, вишневого и т. д.) и оттенков (в зависимости от толщины) стекло служило для остекления оконных решеток в четырех монументальных памятниках XV в.: в мавзолее Гури-мир, в галлерее Улугбека при этом мавзолее, в загородном дворце Улугбека с павильоном Чинни-хана и в мовзолее Ишрат-хана (на стекло Гуримира указывает, между прочим, и К л а в и х о). Эти блестящие тимуридские постройки дали пока только специально изготовленное стекло, что не исключает и для этого времени возможности применения битой бытовой посуды в менее парадных сооружениях, так как остекление последним способом естественно должно было обходиться дешевле, будучи к тому же уже известным приемом (хотя в целом плоское оконное стекло имело многочисленные преимущества и достоинства по сравнению с посудным).

Вопрос техники изготовления плоского стекла решается путем наблюдения над стеклом, происходящим из упомянутых четырех тимуридских памятников и комплекса из Нисы. Материал этот, с которым удалось ознакомиться по натуре, является в основном отходом остекления, оставшимся после вырезания соответствующих фигур для вставления в решетку.

Совершенно плоское, гладкое и тонкое стекло это при ближайшем рассмотрении обнаруживает признаки, характерные для стекла, изготовленного техникой выдувания, т. е. техникой, обычной для бытовой посуды и лишь приспособленной для определенной частной цели.

Во-первых, многие фрагменты стекла разных цветов и толщины имеют закраинки, которые представляют собой правильные дуги окружностей. Измерение крупных фрагментов стекол дворца Улугбека и мавзолея Ишрат-хана показало, что диаметр дисков колебался в пределах 32—35 *см*, причем размер этот был, видимо, даже стандартным, так как его дали также все прочие закраинки с меньшими хордами своих дуг.

Во-вторых, многочисленные пузырьки воздуха, включенные в стеклянную массу, располагаются обычно концентрическими окружностями и часто имеют слегка вытянутую вдоль своей дуги форму. Такой характер воздушных вкраплений может получиться только при изготовлении дутьем с одновременным вращением стеклянного пузыря, превращаемого в диск, когда верхняя часть, подлежащая наибольшему развороту, к тому же периодически подогревается до размягченного

состояния. Воздушные пузырьки, расположившиеся при выдувании вращаемого пузыря, растягиваются слегка по кругу вместе со стеклом, не доводимым уже до сплавления.

В-третьих, на многих фрагментах видны легкие, незначительные царапины, расположенные, как и воздушные пузырьки, концентрическими окружностями, причем на некоторых фрагментах (например, из Нисы и др.) они явственно ощущаются пальцем. Такие круговые процарапывания легко могли появиться от мельчайших соринок или неровностей той плоскости, на которой вращением производилось окончательное спрямление и уплощение уже расправленного из пузыря диска.

Затем нельзя не отметить, что некоторые фрагменты, в целом совершенно плоские, дают, однако, некоторое колебание толщины, что обычно бывает в дутом изделии в зависимости от ряда часто незначительных упущений мастера-стеклодува.

Процесс получения плоского круглого стекла с помощью выдувания на основании приведенных фактов, а также сравнения с существующим в современном стеклоделии дутым способом приготовления оконного стекла, можно обобщенно представить следующим образом. Сначала выдувался с вращением обычным способом стеклянный пузырь нужных размеров, затем к его нижней части помощью, возможно, постороннего кусочка стекла, как к доньям сосудов, припаивалась понтия, а трубка стеклодува откалывалась от пузыря. Отверстие, получившееся в результате откола, расширялось, заравнивалось, отчего получалась закраинка в виде ли просто затопленного края или специально оформленная отгибом (что важно было для избежания в дальнейшем разрывов или трещин). После этого пузырь быстро и равномерно вращали с периодическим размягчением остывающего стекла и центробежные силы постепенно расправляли его, превращая в плоскую чашу, затем блюдо и, наконец, диск. Для окончательного спрямления его в заключение перевертывали уже понтией наверх и вращали, касаясь какой-либо рабочей плоскости, отчего и получались часто упомянутые выше легкие царапины.

Такой способ приготовления плоского стекла чрезвычайно удобен, так как не нуждается в специальных приспособлениях или мастерских. Но он имеет большие недостатки, главные из которых — сравнительно малая величина получаемого диска (в Самарканде XV в., например, — 32—35 *см* в диаметре, как уже отмечалось) и наличие в центре диска утолщения или даже скорей налепа постороннего стекла от понтии, так что при вырезании геометрических пластинок это должно было учитываться и обходиться[23]):

Одна из групп (группа «В») оконных стекол Самарры, изготовлявшаяся, как выше было упомянуто, выдуванием, несомненно показывает именно этот способ, выявленный на разновременном материале Нисы—Самарканда. За это говорят следующие признаки, упомянутые в разных местах при описании этого стекла: закраинки в виде петли, омфалообразное утолщение в центре, сама круглая форма их и, наконец, размеры дисков, колеблющиеся по приведенным примерам в пределах 39.5—54 *см* по диаметру[24]), что как нельзя лучше согласуется с

диаметром в 32—35 *см.* установленным по самаркандскому стеклу XV в.

С точки зрения рассмотренной техники изготовления плоского стекла также интересно, что в оконных решетках тебризской мечети Алишаха (умершего в 1324 г.) были круглые стекла[25]). Кажется очень вероятным, что в данном случае также как и в жилых домах Самарры в окна вставлялись прямо и непосредственно диски-заготовки, полученные расправлением пузыря (тогда как в других случаях из этих заготовок вырезались мелкие геометрических форм пластинки для сложного мозаичного узора).

К. Л а м м, специально останавливаясь на оконных стеклах, отмечает, что, насколько он знает, Самарра дает единственные известные оконные стекла раннеисламовского времени[26]). Не считая упоминаний оконного стекла в письменных источниках, которые, естественно, не оставляют места суждению о технике изготовления стекла, теперь можно говорить еще о нескольких пунктах на территории Средней Азии, где оконное стекло было найдено по натуре (Ниса, Термез, Самарканд, ряд мест в Хорезме). Во всех этих местах плоское стекло было изготовлено техникой выдувания и расправления пузыря. В Самарре, кроме того, известно литое стекло, а в Мавераннахре — использование фрагментов бытовой посуды. Однако, именно выдутое стекло применялось особенно часто и играло, несомненно, главную роль.

Есть все основания полагать, что эта техника изготовления дисков выдуванием возникла в Средней Азии самостоятельно, но не была занесена из западных областей.

В Европе плоское стекло известно для значительно более раннего времени, уже для первых веков н. э. и из многих пунктов, однако, оно изготовлялось совсем отличным способом — литьем в формы[27]).

В областях, лежащих восточнее Самарры, пока не находились, как будто, литые оконные стекла домонгольского времени, тогда как выдутое стекло уже в раннее средневековье так широко и повсеместно употреблялось и одновременно в столь отдаленных друг от друга областях (Мавераннахр, Хорезм, Месопотамия, Иран), что это одно намекает на самостоятельное происхождение данной техники на Востоке.

Малое число фрагментов оконного стекла средневековой Нисы, к тому же — отходов остекления, не позволяет решить вопрос, прямо ли здесь стекло вставлялось в основную оконную решетку, или, как в Мавераннахре в домонгольское время и часто, видимо, в XV столетии, мелкие геометрические пластинки (или осколки бытовой посуды) вставлялись предварительно в тонкую алебастровую решеточку, а уже потом в виде готовых мозаичных узоров — в просветы большой решетки-панджары. Во всяком случае, несомненно то, что из диска-заготовки здесь вырезались правильной формы геометрические фигуры[28]).

* * *

Во время работ ЮТАКЭ 1946 г. не обнаружились места, где производилось и обрабатывалось стекло, но сам факт его производства в средневековой Нисе не оставляет сомнений, так как на городище и в разных пунктах пригорода в большом количестве встречаются стеклянные шлаки. Кроме того, нельзя не отметить вообще обилия средневеко-

вого стекла, лежащего прямо на поверхности. Особенно его много на городище, что естественно, так как местное население при выборке земли на удобрение вскрыло культурные слои. Но и в некоторых пунктах пригорода стекло обильно покрывает поверхность, свидетельствуя о зажиточности населения этих кварталов. В частности большое количество стекла было в богатом квартале в западной части пригорода Нисы, близ стены рабада и в восточном конце пригорода, где была вскрыта мусорная яма.

Обилие стекла и наличие шлаков свидетельствуют, что основная масса стеклянной посуды на Нисе — местного происхождения. Обнаруженные целые сосуды и дающие форму фрагменты представляют три группы изделий: бытовую и парфюмерно-аптекарскую посуду и плоское оконное стекло. Даже немногочисленный материал показывает разнообразие форм первых двух групп. Бытовые сосуды включают бокалы на высоких ножках (причем наибольшее распространение этой формы падает на домонгольское время) и, вероятно, вазы на высоких ножках, широкогорлые кувшины со сферическим туловом и с ручкой или без нее, кувшины с узкими и высокими горлышками разных форм, тонкостенные и более толстостенные чаши. При этом некоторые формы бытовой посуды (широкогорлые кувшины и тонкостенные чаши) обнаруживают большое сходство с керамикой этого времени (с кувшинами из серой глины и поливными, чаще кашинными или глиняными чашами).

Парфюмерно-аптекарские изделия представлены флаконами стоячими и, вероятно, висячими, маленькими пузырьками, варьирующими в размерах, пробирками. Несомненно, дальнейшие находки умножат число форм, и так уже довольно разнообразных. При этом нельзя не отметить и оригинальность некоторых форм, в частности флаконов.

Бокал на высокой ножке не менее интересен, так как впервые полностью реконструирует этот вид сосуда на ножке с коническим, расширяющимся кверху резервуаром.

Техника изготовления всех этих сосудов (выдувание с дополнительной обработкой), не лишенная своих недостатков, показывает, однако, большое мастерство, совершенство и разнообразие приемов. Охотно при этом применялось выдувание в форму и даже в две формы, что преследовало и вторую цель — скромное декорирование сосудов. Среди разных приемов декорации, продемонстрированных стеклянными изделиями Нисы, выдувание в узорчатую форму употреблялось, видимо, особенно часто, что естественно при массовом производстве, рассчитанном на зажиточного, но достаточно широкого потребителя. Все иные способы декорации при массовом производстве замедляют и удорожают его, так как требуют дополнительных процессов и времени. Выдувание же в узорчатую форму в этом отношении чрезвычайно рационально, так как форма, как таковая, при изготовлении сосудов все равно используется. Однако, большинство сосудов вообще никак не декорировалось.

Другой несомненно характерной чертой этого массового стекольного производства домонгольского времени было сходство, иногда до полной аналогии, некоторых форм бытовых изделий из стекла и керамики. Можно ожидать, что и для других периодов такое подобие окажется правилом, что также будет способствовать решению намеченной во введении задачи познания и выделения самостоятельной стороны север-

но-хорасанского стекольного производства, излюбленных местных форм, а также облегчит вообще затруднительную датировку недекорированного или скромно декорированного массового стекла.

Обнаруженные в Нисе фрагменты оконного стекла, вместе с другими аналогичными находками на территории Средней Азии позволили выявить технику изготовления плоского стекла, остроумно и просто использовавшую то же самое хорошо известное выдувание. Распространенность остекления оконных проемов в Средней Азии на протяжении длительного времени, начиная с раннего средневековья, на основе именно, главным образом, этой техники указывают на самостоятельное изобретение здесь того и другого.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Наличие ряда анализов восточного средневекового стекла, происходящего из разных мест, уже позволило специалистам коснуться особенностей его состава и сравнить его в этом отношении с античным и западноевропейским стеклом[29]). Но химические анализы сами по себе еще не выясняют с полной достоверностью состав шихты, и тем более не позволяют судить о том, какие именно сырые материалы использовались для окрашивания стекла и какие при этом дополнительные процессы и приемы известны были средневековым восточным стеклоделам.

Кажется небезынтересно поэтому в приложении к данной статье (хотя она и не касается непосредственно технологии стекольного производства) привести перевод отрывка из энциклопедического сочинения Ваджид Алихана «Матла'-ул-у'лум маджма'-ул-фунун» (написанного в Индии на таджикском языке), посвященного изложению способов изготовления и окрашивания стекла. Любопытные данные Ваджид Алихана отнюдь не становятся менее интересными от того, что его сочинение составлено в XIX в., так как уже само многообразие затрагиваемых тем из разных областей духовных и практических наук не оставляет сомнения, что он пользовался более старыми сочинениями по соответствующим вопросам.

Некоторые процессы, описываемые в приводимой ниже главе, явно несколько упрощены (например, получение стеклянной массы), вместе с тем способы и приемы окрашивания стекла, порядок и пропорции ввода в стеклянную массу отдельных компонентов, определенные указания на соответствующие виды сырья для окрашивания в тот или иной цвет — все это окажется полезным для того, кто специально будет заниматься технологией стекольного производства Среднего Востока. С точки зрения развития на Востоке знаний в области прикладных наук любопытно проанализировать, в какой степени предлагаемые рецепты определялись пониманием процессов и в какой мере — чисто практическим опытом, поскольку в составе окрашивающих элементов иногда фигурируют такие, которые практически не являются красителями и вводятся лишь для улучшения состава стекла, однако — судя по тексту — рассматриваются именно как самостоятельные красители.

Наличие в тексте большого количества специальных терминов, значение которых здесь может быть указано лишь предположительно, заставило во всех случаях давать транскрипцию, а перевод иногда относить в примечания йли вовсе опускать.

Глава двадцать шестая относительно ремесла стеклоделов

Да будет известно, что стеклоделы изготовляют стекло на основе своих практических знаний из хакишур, на языке хинду называемой «риэ»[30]), а способ его (изготовления) следующий:

Прежде всего делают печь, какие употребительны у стекольщиков. Затем берут «риэ» и с помощью речной или колодезной воды приготовляют массу вроде теста. Слепив (из нее) комки, помещают внутрь печи и разводят огонь до таких пределов, чтобы комки хорошенько покраснели. Затем, охладив (эти) комки, разбивают (их) и, растерев (до состояния) подобного муке или песку и просеяв через сито, снова бросают в печь и разжигают огонь, причем огонь делают таким, чтобы та почва расплавилась. После того, если (этой) почвы будет двадцать асаров[31]), в нее, когда она будет в расплавленном состоянии, бросают четверть асара чистой, без примеси шурэ. После бросания шурэ расплавленная почва выделяет накипь, которую, вычерпав ковшом, помещают в отдельное место, потому что та накипь от охлаждения кристаллизуется и превращается в соль (намак). И стеклянный шлак (намаки-шишэ), который на языке хинду называют каджлун, состоит именно из такой соли (намак). Когда накипь перестает отделяться и стеклянная масса становится светлой — ее извлекают из печи и употребляют в дело. А если намечают окрасить в какой-либо цвет, который желают (получить) — в ту расплавленную массу бросают (соответствующие составы) — и получается чистый и приятный цвет.

Способ получения цветов

Желтый цвет. (Берут) один асар с четвертью (пау)[32]) свинца (сурб), четверть асар'а олова (арзиз) и восьмую часть (асар'а) растертого и просеянного красного камня (санги-сурх)[33]). Изготовив из глины тигель, прежде всего в него бросают свинец и олово, кладут в печь и смешивают ковшом до тех пор, пока все не превратится в золу[34]). Во второй раз ту золу кладут в печь и разводят резкий огонь, чтобы она сделалась красной. Затем растертый красный камень бросают туда же и от простого бросания (его) упомянутая зола делается подобной мягкому клею. Потом двигают ковшом вниз и вверх, пока все, хорошо смешавшись, не превратится в единую массу. Сняв с огня — (где нибудь) сохраняют. На один асар стеклянной массы бросают один чхатанг[35]) этого (состава для получения) желтого цвета. Вся стеклянная масса делается желтой подобно желтому цвету дерева.

Способ получения зеленого цвета

Смешивают вместе один асар медных опилок и одну восьмую часть асар'а намаки-шур — оба в сухом виде — и, бросив в тигель, кладут внутрь печи, где (продолжительностью) до 12 часов поддерживают огонь. Когда (смесь) превращается в золу — снимают и, хорошо охладив, — мелко растирают, просеивают и во второй раз кладут внутрь печи на время до двух часов, разведя сильный огонь. Благодаря резкости огня вся медная зола превращается в черные шарики. После этого сняв (с огня) — (где нибудь) сохраняют. Когда хотят окрасить в зеленый цвет — на один асар расплавленной стеклянной массы бросают два фулуса той медной золы — и получается изумрудно-зеленый цвет.

Способ получения красного цвета

(Берут) один асар с четвертью асар'а свинца (сурб), четверть асар'а олова (арзиз) и восьмую часть (асар'а) джасад (джасд?)[36]). Из олова и свинца упомянутым выше путем получают золу и (где-нибудь) сохраняют. После этого таким же способом отдельно превращают в золу джасад и вынимают из печи. Затем золу джасад'а смешивают с той золой (олова и свинца), которая была получена раньше и, хорошо тонко растерев, все это просеивают и в тигле кладут внутрь печи, поддерживая резкий огонь втечение трех часов. Получается красный цвет подобный цвету кирпича. Вытащив из печи (этот состав где нибудь) сохраняют. На один асар расплавленной стеклянной массы бросают его в количестве одной восьмой части (асар'а) и вся стеклянная масса делается красной.

Способ получения голубого цвета

Один из источников голубого цвета — песок, который привозят с берегов «Джахан-джанэ» и продают по дорогой цене, достигающей четырех рупий за один асар. Бывает (он) в лавках стеклоделов. И так, берут один асар упомянутого песка, бросают в воду и хорошо промывают, чтобы удалить пыль и сор, так что остаются зернышки чистого песка. Затем высушивают на солнце и, в тигле положив в печь, хорошо прокаливают и держат в печи до тех пор, пока от упомянутого песка не поднимается дым. А когда дым прекращается — вынимают из печи. Цвет его делается черным подобно сурьме. На один асар расплавленной стеклянной массы бросают его мелко растертым в количестве двух фулусов, и получается весьма приятный чистый голубой цвет.

Способ получения фиолетового (баданджани) цвета

Имеется камень, известный под названием «анджани» (антимония, сурьма). Находится в Фирузабаде, который отстоит от Агры на расстоянии 12 курух'ов[37]) к востоку. Достают его по весьма дорогой

цене в лавках стеклоделов. Итак, тот камень вроде сурьмы (сармэ), тонко размельчив и просеяв, (где нибудь) сохраняют, и на один асар расплавленной стеклянной массы бросают его в количестве трех фулусов и промешивают ковшом, не прекращая огня до тех пор, пока все как следует одно с другим не смешается. Когда (состав), превратится в единую массу — убирают, и получается весьма хороший, приятный и чистый фиолетовый цвет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Lamm, C. J. Glass and hand stone vessels. A Survey of Persian Art. Ed A. U. Pope. London—New-Jork, 1936—1939. Vol. III, p. 2593.
2. A Survey of Persian Art. Vol. VI, pl. 1443 A.
3. Lamm, C. J. Das Glas von Samarra. Berlin, 1928, S. 10.
4. Жуков, В. Д. Археологическое обследование в 1937 году дворца термезских правителей. Труды АН УзССР. Серия I, история, археология. ТАКЭ, т. II. 1945, стр. 140, 158.
5. Вяткин, В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Археологический очерк. Самарканд—Ташкент, (1927), стр. 61.
6. Glück, H. und Diez, E. Die Kunst des Islam, S. 85, 581, Abb. 434.
7. Lamm, C. J. Das Glas von Samarra..., S. 10.
8. Lamm, C. J. Glass and hand stone vessels..., p. 2599 и сл.
9. Lamm, C. J. Das Glas von Samarra..., S. 10.
10. Lamm, C. J. Glass and hand stone vessels..., p. 2599, pl. 1445 сл.
11. Вязьмітіна, М. (И.). Мистецтво країн ісляму. Каталог. Київ, 1930, стр. 100.
12. Mez, A. Die Renaissance des Islam. Hedelberg, 1922, S. 438.
13. Вяткин, В. Л. Цит. раб., стр. 62.
14. Насири Хусрау. Сафар-намэ. Книга путешествий. Пер. Е. Э. Бертельса. М.—Л. 1933, стр. 125.
15. Автор относит ее вместе с другими экземплярами к группе персидского домонгольского средневекового стекла, декорированного в простейших случаях желобками и решетками, в более сложных даже изображением животных и фигурами людей, причем декорация эта литая в форму (is moulded), что подчеркивается даже в надписях под иллюстрациями. Последнее кажется очень сомнительным. Вероятно, автор подразумевал не литье в форму, а лишь формование, употребление формы, так как даже на фотографиях в отношении некоторых сосудов можно с уверенностью говорить о выдувании в форму. Тем более, что в другой работе среди стекла Самарры он выделяет целую группу изделий, декорированных выдуванием в форму.

В. Л. Вяткин (цит. раб., стр. 62) явно ошибается, считая выдутые в форму сосуды изготовленными техникой литья в форму.

16. Lamm, C. J. Das Glas von Samarra..., S. 39.
17. Шур, И. С. Производство столовой стеклянной посуды. М.—Л. 1940, стр. 14—16.
18. Lamm, C. J. Das Glas von Samarra..., S. 125—128.
19. Strzygowski, J. Asiens bildende Kunst in Stichproben, ihr Wesen und ihre Entwiklung. Augsburg, 1930, S. 437, Abb. 444, 456.
20. Sefer Nameh. Relation du voyage de Nassiri Khosrau. Publie, traduit et annote par. Ch. Schefer. Paris, 1881, текст стр. 73.
21. Сухарев, И. А. Комната XII в. на площади II Приамударьинской части городища Термеза. Труды УзФАН, серия I, вып. II. ТАКЭ. 1936 г. Т. 1940, стр. 201—204.

Жуков, В. Д. Развалины ансамбля дворцовых зданий в пригороде средневекового Термеза. Там же, стр. 181.

22. Вяткин, В. Л. Цит. раб., стр. 17, 61.
23. Для приготовления плоского стекла в современном производстве применяется так называемый «способ холявы» — расправление выдутого цилиндра (с разреза-

нием в длину) в прямоугольник или квадрат достаточно больших размеров. Применявшийся раньше способ расправления в диск выдутого пузыря из-за ряда недостатков теперь оставлен.

24. Lamm, C. J. Das Glas von Samarra..., S. 125, 127—128.

25. Тизенгаузен, В. О мечети Алишаха в Тебризе. ЗВО, т. I, вып. II. СПб. 1886, стр. 117.

26. Lamm, C. J. Das Glas von Samarra..., S. 125.

27. Kisa, An. Das Glas im Altertum. Leipzig, 1908, B. I, стр. 12—14, 86,, B. II стр. 363—366.

28. Некоторым намеком на то, что и в Нисе, возможно, применялись двойные решетки для получения сложного и мелкого мозаичного узора, может послужить фрагмент оконной решетки XV века, обнаруженный в комплексе XV в. на городище Новой Нисы (фрагмент имел прямоугольный или квадратный просвет, размеры которого не выясняются). Интересно, что эта решетка со всех сторон (и с внутренней) была покрыта голубой поливой, так что не оставалось гнезда для непосредственного вставления стекла. Очень вероятно, что панджара таким образом оформлялась именно потому, что стеклышки предварительно заключались в алебастровую основу. Между прочим, группа «С» оконных стекол Самарры, возможно, дает аналогичный случай употребления двойных решеток, и обнаруженный там маленький фрагмент гипсовой решеточки с гнездами для стекла подобно термезским решеточкам скорее всего вставлялся предварительно в большую оконную панджару.

29. Как пример, можно привести анализы стекла Самарры (IX в.). См. Neumann, B. Antike Gläser, II. Zeitschrift für angewandte Cnemie. Berlin, 1927, Nr. 34, стр. 965.

30. «Хаки-шур» — солончаковая почва, солончак. Между прочим, из другой главы того же сочинения Ваджид Алихана следует, что из «Хаки-шур» добывают два вида солей — поваренную соль — «намак», а при меньшей засоленности почвы — другую соль — «шурэ». Таким образом «Хаки-шур» естественным образом включает в свой состав необходимые для производства стекла соли натрия и, возможно, калия. Одно из значений термина «риэ», приравниваемого в тексте к «Хаки-шур», — песок. Поэтому можно предполагать, что под «Хаки- шур» подразумевается именно засоленный песок — готовое естественное сырье, содержащее одновременно оба основных компонента, необходимых при производстве стекла: и песок, и соли, дающие щелочи. И дальнейшее описание процесса приготовления и варки шихты только из «Хаки-шур», без каких-либо существенных добавок, убеждает, что здесь подразумевается именно готовое комплексное сырье, а отнюдь не один какой-нибудь элемент отдельно (соль, или песок и т. д.). Добавляемая уже в расплавленную шихту — как следует из текста несколько ниже — чистая соль «шурэ» в очень небольшом количестве (около 1,25%) входит в ее состав поэтому не как основной компонент, а уже лишь как добавка для улучшения качества стекла. Химический состав соли «шурэ» точно установить пока не представляется возможным. Ясно только из вышеизложенного, что это не поваренная соль. Не исключена возможность, что здесь подразумевается селитра, поскольку именно в этом смысле термин «шурэ» употребляется в современном таджикском языке. А добавка селитры в состав стекла, именно в таком небольшом количестве, может считаться очень полезной и удачной.

31. Термин «асар» означает меру веса, равную сир'у, что приведено в Толковом словаре «Гиас-ал-лугат» (пер. Семенова, А. А.) и в словаре Платтса (см. John T. Platts. A Dictionary of Hindu), где сир к тому же приравнен двум фунтам.

32. Термин «пау», все время фигурирующий в этом тексте, означает на языке хинду «четверть», «четвертую часть» чего-либо. Частное значение его — вес, равный четверти сир'а, т. е. полуфунту (см. упом. словарь Платтса). В современных индийских мерах веса «пау» фигурирует именно как четверть сир'а (см. Семенов, А. А. Хронология и метрология восточных народов.). Как наименование меры веса, «пау» употребляется до настоящего времени и в Афганистане, где в разных районах отношения сир'а и «пау» — различные: например, кабульский сир равняется 16 пау, а сир мейменинский содержит 64 пау. (Страны Востока. Экономический справочник. Издательство Всесоюзно-Восточной Торговой Палаты. М. 1929).

В данном случае, как и ниже, термин «пау» поэтому, хотя за ним и не следует слово «асар», переводится именно как «четверть» асар'а. Здесь такая же форма употребления дробной величины в $^1/_4$, как в среднеазиатских документах другой дробной величины «данг» в $^1/_6$, где очень часто наименование величины пло-

щади, веса или длины приводится только один раз, при целых числах, а при дробных лишь подразумевается (например: «ду джариб панж данг», т. е. два джариба и пять дангов ($^5/_6$) [джариба]).

33. Значение термина «санги-сурх» в словарях найти не удалось (в словаре Платтса говорится только, что это «Red sandstone»). Можно поэтому только предположить, что здесь подразумевается гематит (красный железняк), представляющий собой окись железа и употребляемый для окраски стекла в желтый цвет. Это тем более вероятно, что красный железняк в растертом состоянии (в каковом он и упоминается в тексте), а некоторые виды его даже в естественно-кристаллическом, действительно имеют красный цвет, что соответствует прямому смыслу термина «санги-сурх» — «красный камень».

А. Умаров, правда, сообщил, что в Афганистане этим термином обозначают красную кровяную соль, т. е. другое, но все же также железистое соединение.

34. Здесь употреблено слово «хак». В дальнейшем в этой связи используется слово «хакастар», почему оба термина одинаково переводятся, как «зола», что, возможно, должно подчеркнуть порошкообразное состояние пережженного состава.

35. «Чхатанг» — единица веса, сохранившаяся в современной метрической системе Индии, где она равняется $^1/_{16}$ части сир'а (см. упом. словарь Платтса; Семенов, А. А. Метрология).

36. Значение термина джасад (джасд?) в подходящем для данного текста смысле не удалось выяснить ни по одному из простых и толковых словарей на разных восточных языках, где оно встречается.

37. Курух — дорожная мера длины.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

ГЛАЗУРОВАННАЯ КЕРАМИКА НИСЫ XV—XVI в.в.

Среди подъемного и раскопочного керамического материала Новой Нисы значительный процент составляет группа фрагментов белой посуды с синей подглазурной росписью. Керамика эта в прежних определениях фигурировала, как «сефевидская», причем по существовавшей среди археологов Туркмении шкале исторического бытия этого городища наличие данного «сефевидского» слоя (XVI—XVII в.в.) наблюдалось, якобы, сразу за «хорезмшахским» (XII начала XIII в.в), то есть с огромным перерывом времени бытования города на протяжении почти трех столетий[1]).

Нечеткость существовавших доныне представлений о типах керамики Северного Хорасана поставила перед ЮТАКЭ неотложную задачу выявления основных существовавших здесь керамических групп, являющихся в практической работе археолога незаменимыми хронологическими индикаторами; в частности, это касалось и указанной, так называемой «сефевидской» группы. Сопоставление с керамикой Ирана эпохи сефевидов с одной стороны[2]) и с хорошо выявленной рядом наших специальных работ керамикой Самарканда XV в., с другой[3]), обеспечило тот сравнительный базис, который позволил составить настоящий очерк, ставящий целью дать предварительную характеристику и систематизацию керамики Нисы XV—XVI в.в.

При изучении был использован, кроме обширных сборов ЮТАКЭ, массовый материал других находок из Нисы. Нами была привлечена небольшая группа объектов, собранная в 1930 г. энтомологом П. П. Архангельским и хранящаяся в Самаркандском музее, несколько предметов из коллекции проф. Е. А. Сукачева и ряд экземпляров из коллекции № 16, 38, 153 Туркменского музея Краеведения. Музейные коллекции № 16 и 38 заключают подъемный материал, поступивший в разное время от разных лиц, а коллекция № 153 происходит из раскопок на Новой Нисе, проводившихся в 1930 г. Следует, однако, оговорить, что все эти материалы частных и музейных коллекций не имеют какой-либо достоверной паспортизации и не только не уточнены стратиграфически, но и территориально — в пределах их местонахождении на обширных городищах Нисы.

При работах ЮТАКЭ 1946 г. интересующая нас керамика была заключена в верхних (сильно перемешанных) слоях раскопов отряда № 2 — на стене «шахристана» и у некрополя «красных камер». Древний, хронологический единый комплекс мусорной ямы, вскрытой на территории Новой Нисы, также содержал несколько экземпляров ее. Что касается подъемного материала, то он широко встречался почти на всем горо-

дище, причем особенно обильный сбор дал обширный жилой квартал, располагавшийся вдоль ЮВ фаса у городской стены «шахристана» Нисы. Наконец, отдельные фрагменты попадались и на территориях рабада и в Старой Нисе. Общее число зарегистрированных экспедицией объектов превышало две сотни.

Прежде, чем перейти к характеристике и классификации объектов, мы должны оговорить, что поскольку в работах ЮТАКЭ 1946 г., за исключением упомянутой мусорной ямы, ни один комплекс XV—XVI вв. не был объектом специального археологического вскрытия (ряд весьма интересных объектов из раскопов отряда № 2 на Новой Нисе происходит из верхних мешанных слоев, давно уже прорезанных при разрушении городища), основным методом, избранным в настоящей работе послужат данные сравнительного анализа. А это обязывает нас к предельной осторожности в части конечных выводов, так как хорошо известно, каким ненадежным, в ряде случаев, критерием является «стиль».

Не желая загромождать работу массовым описанием предметов, мы включаем в настоящий очерк лишь некоторые, руководствуясь принципом отбора наиболее типичного, характерного и лишь в известных случаях — уникального. Последнее оговаривается; для остального мы не приводим специальной «статистики», ибо весь этот материал — массовый, буквально попираемый на Новой Нисе ногами, ибо разрушение городища (особенно цитадели) к настоящему времени уже «дошло» до культурных слоев XV и даже XIV столетия.

При характеристике материала, мы должны, прежде всего, отвергнуть ходячее мнение, будто всякая белая с синей подглазурной росписью посуда является типично «сефевидской». Как удалось установить на основании исследования Самаркандской керамики эпохи Тимура и Улугбека (конец XIV—первая половина XV вв.), уже в эту эпоху в Средней Азии широко были рапространены местные имитации фарфора типа «кобальт». Указания на ввоз в Самарканд китайского фарфора содержатся не только в письменных источниках[4]), но и подтверждаются археологическими находками ранне-минских фарфоров, как например, маркированного иероглифами императора Ионг-Ло (1403—1424) дна чаши в Тимуридской цитадели Самарканда. Подобные находки имели место и на Нисе. До полутора десятков фрагментов фарфора типа «кобальт» иного, безукоризненно тонкого, с белым просвечивающим черепком, с нанесенным под глазурью процарапанным орнаментом, собрано было в упомянутом богатом квартале шахристана. Особенный интерес представляет донце чашечки (d=5 *см*, сеч.=0.5 *см*) с шестью синими иероглифами, заключающими традиционную марку династии Минг с именем императора Ченг-Хоа (1465—1487). Это уже указание на определенную дату ввоза драгоценной китайской посуды в Хорасан[5]). В письменных источниках зарегистрированы факты обмена рядом посольств, привозивших обычно богатые дары, между столицей Хорасана—Гератом и Китаем в XV в. Но наряду с дипломатическими посольствами существовал и прямой торговый обмен; во всяком случае, китайцы указывают на распространенность в XV в. среди жителей Герата фарфоровой посуды[6]). Несомненно при этом, что китайскими купцами ввозились не древние керамические раритеты, но изделия «свежей» продукции императорских мастерских Чинг-те-чена. Весьма характерно полное отсутствие в находках на Нисе как 1946 г., так и предшествующих лет, фарфоров иных, кроме

двух упомянутых типов. А между тем, именно в сефевидскую эпоху, с XVI века, можно было бы уже ожидать притока полихромных фарфоров с росписью красным, группы «зеленого семейства», и др., которые к этому времени становятся в китайском керамическом экспорте не менее распространенными, чем фарфор типа «кобальт».

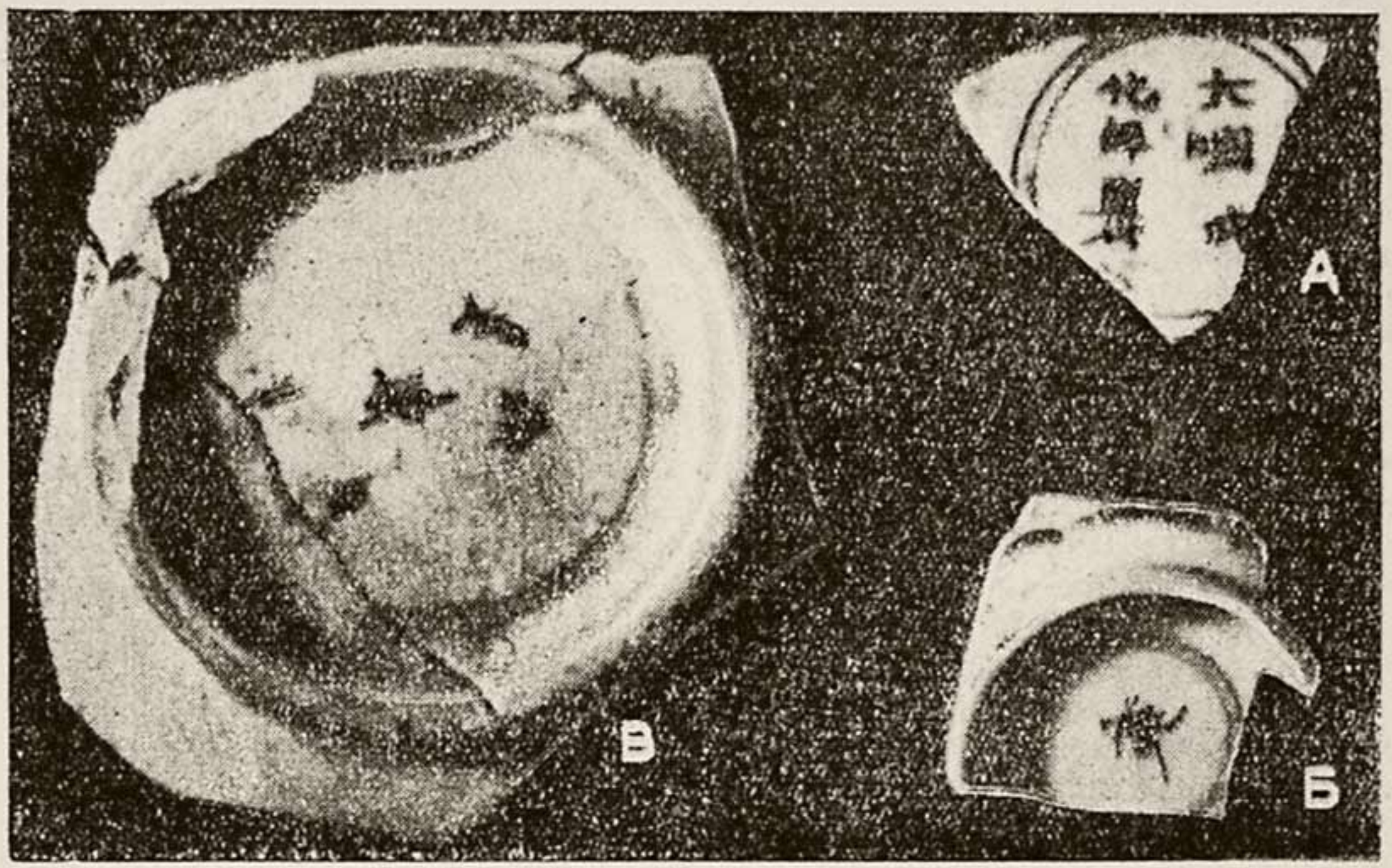


Рис. 1. А и Б—марки на китайском фарфоре из „тимуридского квартала" Новой Нисы. В—имитация „цинь-хао" на местном изделии.

Увлечение при Тимуре и тимуридах фарфоровой посудой, ценившейся почти на вес золота, привело к возникновению в Средней Азии местных керамических имитаций. Правда, секрет фарфора, «звонкого как нефрит, превосходившего блеском иней и снег», никогда ни на Среднем ни на Ближнем Востоке так и не был открыт, но даже в письменных источниках засвидетельствован факт об опытах по изготовлению фарфора, проводившихся в Герате во второй половине XV в. Ходжи-Мухаммадом, увенчавшихся лишь относительным успехом, так как его изделия уступали фарфоровым чистотою цвета[7]). Хорошо известна «китаеобразная» посуда Ирана XVI—XVII вв., столь искусно имитировавшая китайскую, что еще в начале XVII в. один голландский купец закупил в Исфахане целую серию подобных подделок, приняв их за подлинный минский фарфор[8]). Однако, появление такого рода изделий восходит ко времени значительно более раннему. В археологически точно датированных слоях Самарканда эпохи Улугбека (в пределах второго — четвертого десятилетий XV в.), за последние годы найдено большое количество великолепной керамики типа «кобальт» местного изготовления, являющей иногда подражание китайским образцам, но в подавляющем большинстве случаев — радикальную переработку китайских мотивов в местной «мавераннахрской» интерпретации.

Материалом этой керамики служила иногда простая глина, покрытая белым ангобом, на котором наносилась подглазурная кобальтовая роспись, но чаще так называемый «кашин». Кашин—особая светлая силикатная масса, весьма пористая, роспись на нем наносится обычно без ангоба. Пористая структура благоприятствует глубокому проникновению красок и глазури в черепок, чем достигается играющая мягкими бликами «фарфорообразная» поверхность. Самаркандские керамисты иногда заменяли в росписях кобальт темнозеленой краской, а позднее—лиловато-бурой.

Интересующая нас группа керамики из Нисы, как правило, кашинная. Самое название «кашин», хорошо известное и поныне среднеазиатским керамистам, давно утратившим, однако, старинные секреты его производства, связывается с крупным центром керамического производства в Иране — г. Кашаном[9]), прославленная люстровая продукция которого особенно широко экспортировалась в XII—XIV в.в. Как показали работы ЮТАКЭ 1946 года, облицовочные люстровые плитки, близкие по типу к датируемой 1267 г. серии подобных, кашанской школы, изразцов, украшали одно из богатых зданий Новой Нисы. Однако, совершенно независимо от иранской продукции кашин, как материал керамического теста, широко употреблялся в местной высокосортной посуде уже по крайней мере с XII столетия. Это наглядно подтвердили вскрытия трех керамических комплексов в Новой Нисе и в рабаде, один из которых точно датирован монетами хорезмшахов Текеша и Мухаммеда. Все они содержали фрагменты тонкостенных чаш молочно-белой и яркоголубой поливы, на твердой кашинной основе, причем некоторые орнаментированы в технике ажурного узора—дырочек, просверленных в черепке и залитых просвечивающей глазурью[10]). Подобная тонкостенная кашинная керамика XII—нач. XIII вв.—белая и голубая—была зарегистрирована М. Е. Массоном и в других пунктах Южного Туркменистана — в Мешхеди-Мисриане и в области Джурджан[11]).

Кашинной является, в подавляющем большинстве, и керамика рассматриваемой нами группы. Результаты химического и спектрального анализа показали, что в составе кашина преобладает кремнезем (92.36%), с незначительными добавками окисей аллюминия (4.1%), кальция (2.08%), железа (0.3%) и магния (0.2%). Глазури по большей части—бессвинцовые. Красителем служили соли кобальта и меди, различное содержание которых очевидно и обуславливало разнообразие оттенков — от голубоватого до интенсивно-синего.

На основании сравнения с датированным самаркандским материалом, мы считаем возможным отнести к I половине XV в. ряд предметов. Среди них особенно типична фрагментированная чаша из коллекции проф. Е. А. Сукачева, найденная им на Новой Нисе. Материал черепка — мягкий сероватый кашин. Прозрачная глазурь: роспись кобальтом, с несколько растекающимися контурами. Профиль стенки — выпуклый внизу, спрямляющийся вверху, с легким отгибом закраины наружу; кольцевая ножка; дно с некоторым утолщением посередине; диаметр=13.2 *см*, сечение 0.2—0.5 *см*. Композиция орнамента внутри центральная: на дне 8-конечная звездочка в 8-лепестковой розетке, от которой исходит на стенку плетенка из замысловатых фигур, заключающих внутри заштрихованные сеточкой отсеки; по краю—полоса с растекаю-

щимися вертикальными и горизонтальными мазками. Снаружи — в широкой полосе светлые, расплывчатые завитки.

Материал чаши — мягкий кашин, роспись сочным, слегка растекающимся кобальтом, профиль сечения, композиция орнамента на внутренней поверхности — все поразительно напоминает чашку из раскопок 1943 г. на Гури-Мире, датируемую не позднее 1424 г., где в подобной же композиции от 8-лепестковой розетки исходят симметричные фигуры, заключающие штриховую сетку.

Можно указать на ряд подобных по сечению профиля донышек чаш, материалом которых служит также мягкий, чуть сероватый кашин. Композиция росписи иногда центральная, иногда отвесная. Таково донышко, в круге которого бледным кобальтом нанесен пучек исходящих от края пяти длинных зубчатых листов со стилизованными бутонами на тонких стеблях между ними. Характерное сечение верха, с легким отгибом наружу закраины, отмечаем также на ряде фрагментов мягкого сероватого кашина. В них кобальтовая роспись распределяется в кайме по краю нередко в духе самаркандских чаш начала XV в.: например, с мотивом меандра, побега, диагональной штриховой сеткой на внутренней поверхности и веточкой завитков или колечек на внешней.

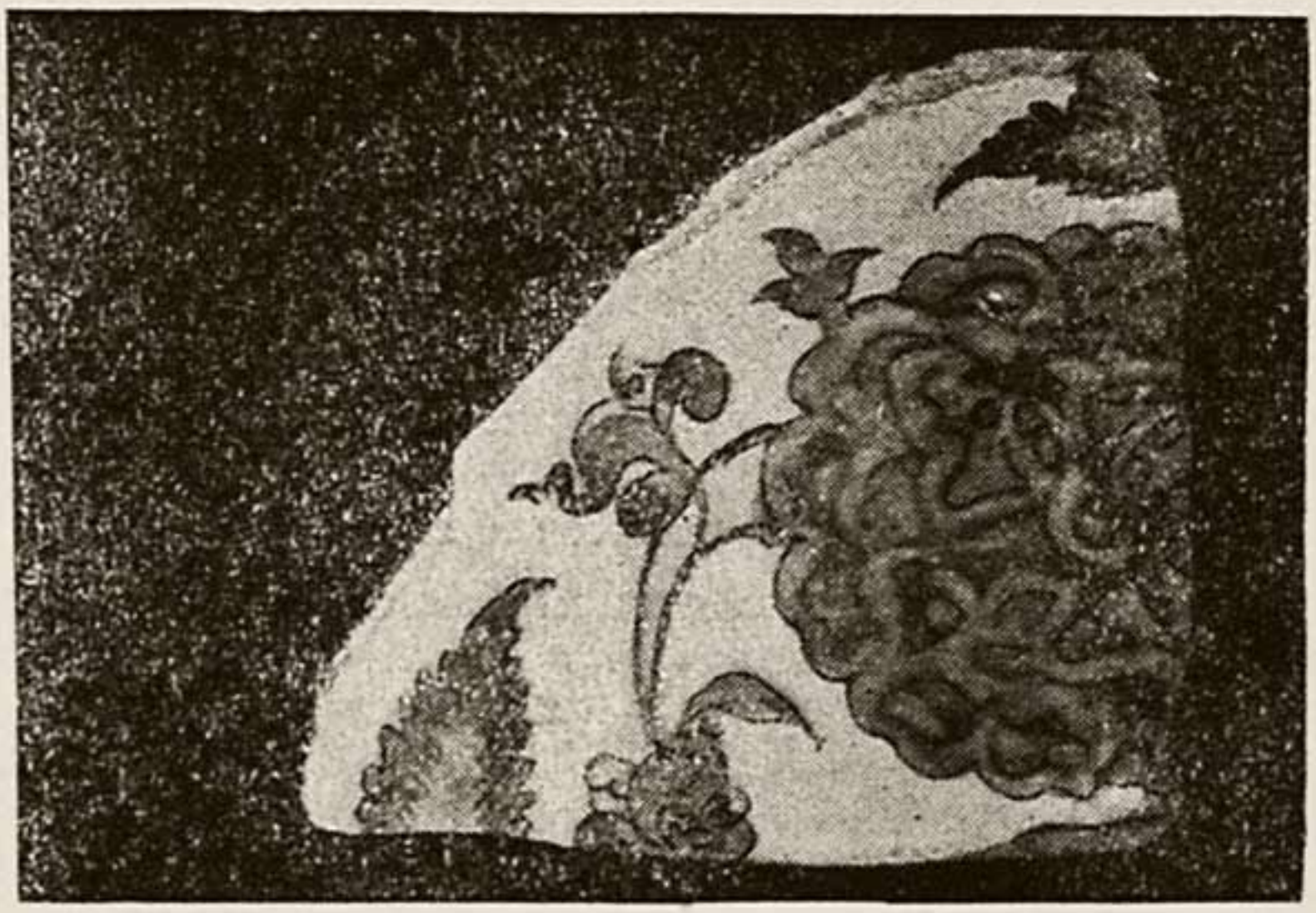


Рис. 2. Часть дна блюда XV в.

Аналогичные росписи отмечены и на фрагментах закраин некоторых блюд. Даем описание характерного экземпляра. Материал—мягкий сероватый кашин; роспись ярким кобальтом «в резервах»[12]). Края оттянуты в форме отлогих фестонов, борт блюда отогнут, закраина с выпуклостью вверх; диаметр 34 *см*, сечение 0.5—0.6 *см*. Орнаментация: волнистый побег с 6-лепестковыми цветочками, с вычурной листвой.

Почти идентичный мотив росписи «в резервах» отмечен на плитках из раскопа дворца Улугбека Чинни-хана в Самарканде (20-е—30-е годы XV в.). В Самаркандском музее хранится часть блюда (инв. № 49—672) первой половины XV в. из мягкого светлого кашина, также с близким фрагменту из Нисы сюжетом «резервированной» орнаментации, имеюще-

го аналогичный фестончатый контур края[13]). Здесь, несомненно, наличествуют элементы подражания китайской керамике — в мотивах и в форме. В сборах ЮТАКЭ содержится еще три подобных фестончатых закраины отогнутых бортов крупных блюд.

Пока полностью профиль блюд восстановить по имеющимся фрагментам невозможно. Представление о форме и принципе украшения дна может дать типичный экземпляр, изображенный на рис. 2. Материал—мягкий сероватый кашин; роспись ярким кобальтом, на ангобе. Низкая, широкая кольцевая ножка (Д=26 *см*), плавно переходящая к отлогой линии стенки и с легкой выемкой—ко дну утолщающемуся к середине (сеч.=1.3—1.8 см). В свободной композиции, в кругу дна—пышный стилизованный цветок (роза?) с завитками и усиками на стебле; на обороте—окамляющая поддон полоса. Здесь опять материал, профиль, самый мотив пышного цветка находят параллели в ряде блюд первой половины XV в. блестящей керамической школы тимуридского Самарканда.

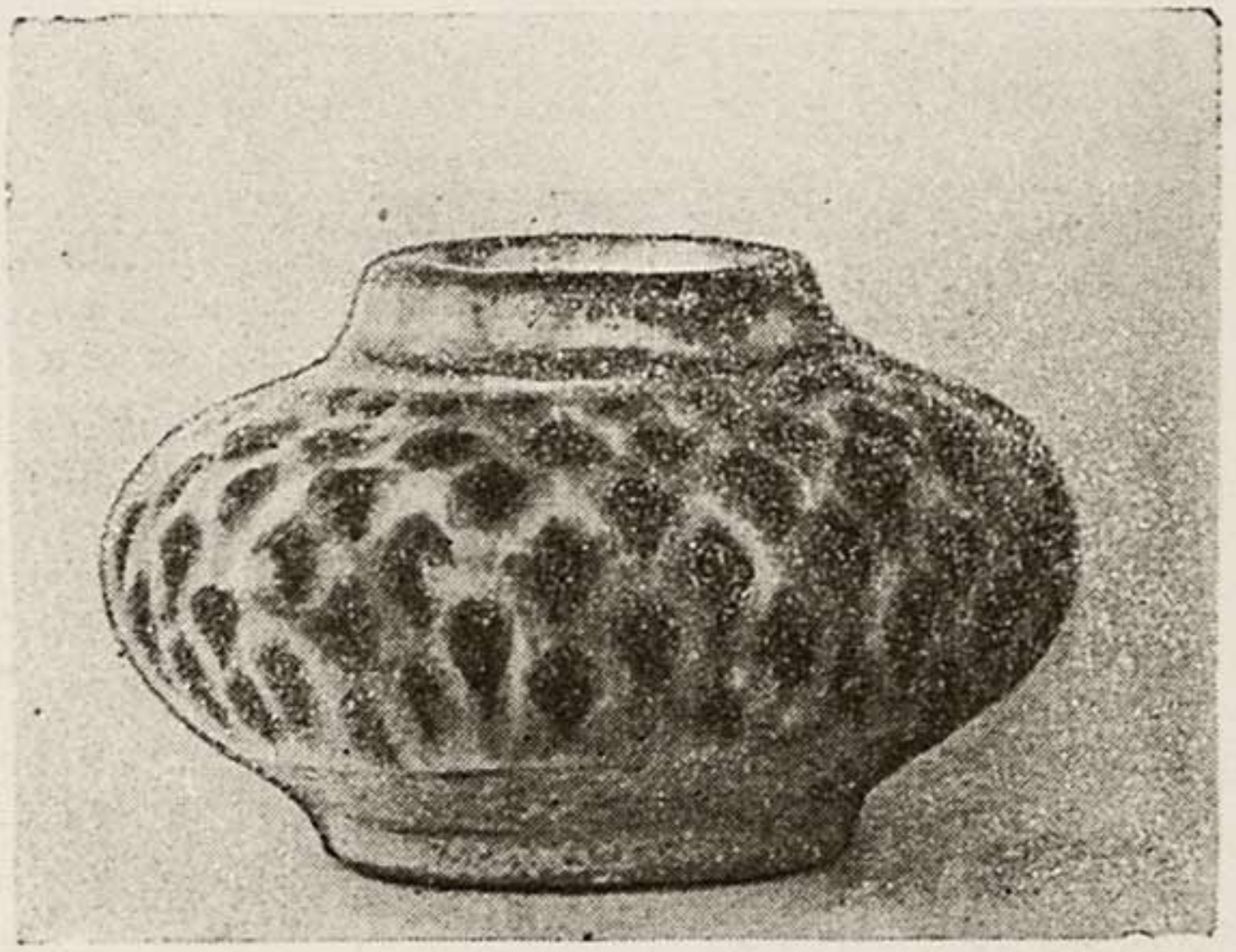


Рис. 3. Сияхдон XV в.

О том, что стиль последней был известен в Нисе, свидетельствует интересный предмет — флакон или кувшинчик, переделанный в сияхдан (чернильницу), путем спиливания горловины и кольцевой ножки. Материал его — мягкий, слегка розоватый кашин; роспись темнозеленой по белому фону. Выпуклое, почти сферическое тулово (д — 6.8 *см*) несет орнаментацию в виде волнистого стебля с гибкими побегами, листиками и завитками; у горловины имитация венчика лотоса. Нам кажется, что этот предмет смело может быть признан привозным. Подобная роспись зеленой краской необычна для огромного сбора керамики из Нисы; между тем и черепок, и цвет, и мотив орнаментации сближает этот объект с целой группой аналогичной керамики Самарканда XV столетия. Но зато совершенно в духе массового нисийского материала — по характеру

черепка, кобальтовой росписи — подлинный сияхдон из Новой Нисы (рис. 3). Он имеет невысокую горловину, выпуклое тулово, маленький кольцевой поддон; высота—3.5 *см*, диам.—6 *см*. Роспись яркосиним, растекающимся кобальтом; у закраины 3 концентрических полосы; на тулове 6 рядов густо расположенных в шахматном порядке овальных пятнышек.

Характерная особенность керамики Нисы: глазурь покрывает поверхность чаш и блюд сплошь, за исключением постава кольцевого поддона; между тем, на чашах Самарканда XV века глазурь снаружи едва доходит до поддона, а на блюдах покрывает стенку не далее середины.

Дальнейшую технологическую и стилевую эволюцию тимуридской керамики Нисы иллюстрируют близкие к вышеописанным керамические объекта из комплекса № 1 в Новой Нисе, зажатые в пределах одного хронологического отрезка. Приведем описание заключенных в ней предметов интересующей нас группы.

1. Блюдо; часть дна и стенки (2 фрагмента). Мягкий, крупнозернистый, белый кашин, небольшая выемка у перехода к плоскому дну. (Д=22 *см*, сеч. 0.7 *см*). В широком, переходящем на стенки круге днища — линзовидные фестончатые картуши (их было 8), заключающие мотив стилизованных стеблей и листов; пространство между картушами заполняют гирлянды с крупным 6-ти лепестковым цветком посередине и свисающими на веточках округлыми бутонами или листиками, то сплошь залитыми краской, то заштрихованными.

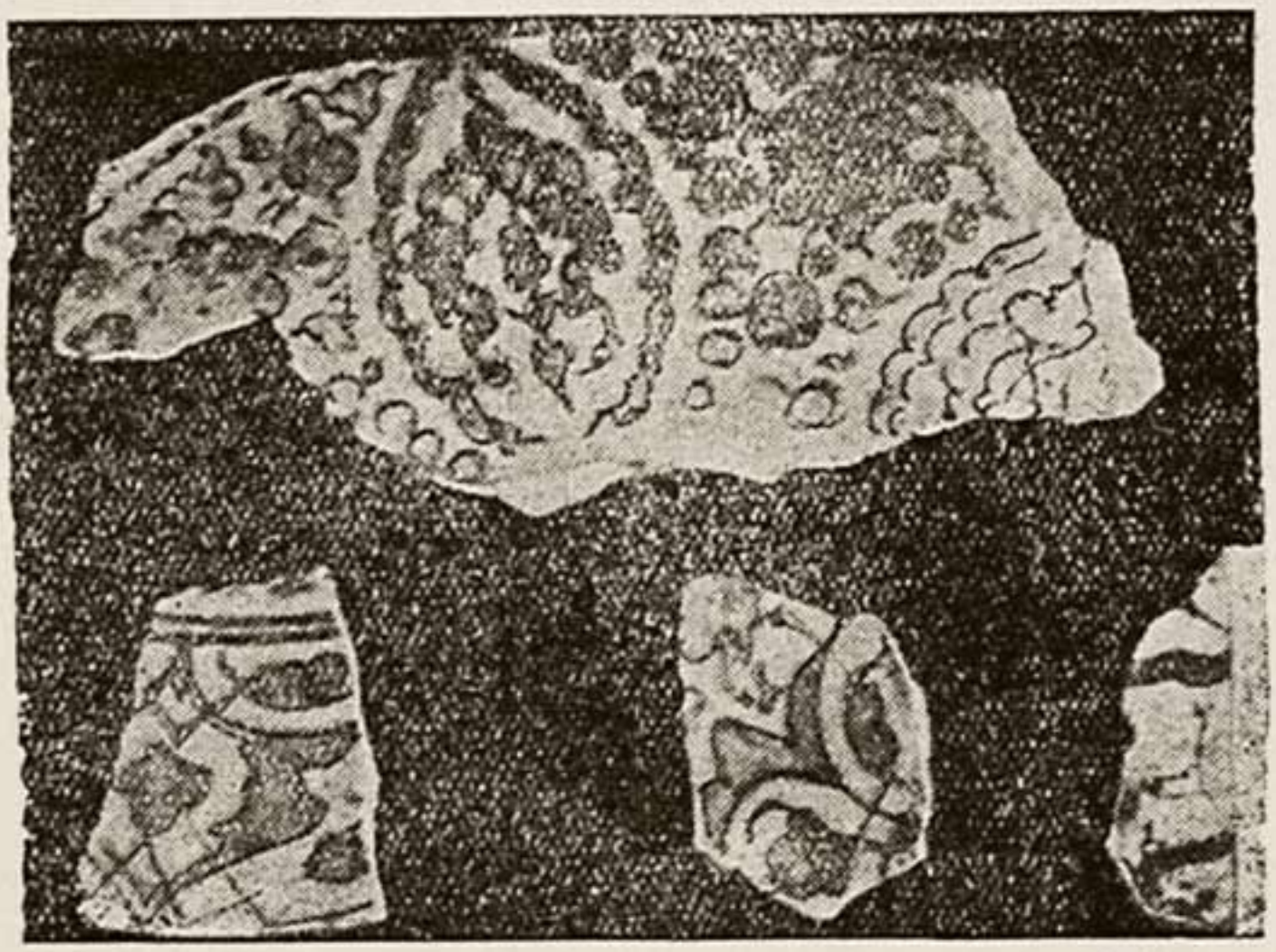


Рис. 4. Мотивы орнаментации на чашах второй половины XV в.

2. Часть стенки блюда. Мягкий белый кашин, роспись кобальтом. Стенка выпуклого профиля, борт отогнут, у закраины утолщение; Д—30 *см*, т—0.5—0.7 *см*. По борту—волнистый побег с листиками и округлыми бутонами; на стенке—широко известный в среднеазиатском архитектурном орнаменте мотив стилизованных листов, образующих ряд картушей, с исходящими от центрального цветка стеблями, листочками, бутонами. Снаружи стенку опоясывает ветка с листьями в виде завитков.

3. Часть дна и стенки чаши. Мягкий сероватый кашин, роспись бледным кобальтом и черной. Кольцевая ножка (Д=7.8 *см*), дно с утолщением в середине. В голубом кольце, отчеркивающем дно, — часть 16-лепестковой розетки: голубыми линиями оконтурены лепестки, образующие

Рис. 6. Блюдце с изображением баклана
(конец XV — нач. XVI в.).

черную по контуру, с голубым пятнышком в центре, сердцевину. На стенке — остатки обведенных черным медальонов, заключавших 5-лепестковые венчики.

4. 10 мелких фрагментов блюда. Мягкий, крупнозернистый сероватый кашин; прозрачная, очень блесткая глазурь, приближающая фактуру изделий к фарфоровой; роспись сочным кобальтом. Борт отогнут; Д=34 *см*, сеч. 0.5—0.7 *см*. По борту S-образные завитки, побеги, лепестки; на стенке завитки растений (преобладает фон); дно, отделенное двумя концентрическими линиями, несет растительную орнаментацию.

5. Множество фрагментов небольшой чашки. Мягкий, розоватый кашин; ангоб цвета «какао с молоком»; прозрачная полива, снаружи не доходящая до поддона, но покрывающая дно; роспись белым и «горчичным» цветом. Выпуклая стенка, с легким отгибом края наружу; кольцевая ножка; дно с утолщением посередине. Д=12.8 *см*; сеч. стенки 0.3 — 0.5 *см;* сеч. дна 0.4 — 0.9 *см*. Роспись внутри: в отчеркнутом двумя темными линиями круге дна — чашечка белого 8-лепесткового цветка, между лепестками зеленоватые трилистники; на стенке неопределенные остатки росписи белым; борт выделен внутри и снаружи концентрическими зеленоватыми линиями.

6. Фрагмент закраины блюда. Мягкий белый кашин; голубая блестящая глазурь; черная роспись. Борт отогнут, закраина с утолщением у контура; сеч. 0.5 *см*. Орнаментация — ланцетовидные листы, или просто штрихи.

Глазурованные предметы данного комплекса отличаются от вышеописанных известными технологическими достижениями: не сероватый, но чисто белый, какой-то «сахарный» в изломе кашинный черепок, очень блесткая глазурь, предельно приближающая фактуру изделия к фарфоровой. Однако, профили почти такого же характера, как и в группе предыдущей (форма дна, кольцевой ножки, закраин чаш, борта блюд и проч.). Что касается орнаментации, то для нее мы уже не могли бы указать прямых параллелей в Самаркандском материале. В ней наблюдается отход к более сильно стилизованным мотивам, аналогии которым дают не столько сюжеты керамического, сколько архитектурного растительного орнамента. Так, фигурные фестончатые картуши и их заполнение близки к таковым же в мозаиках мавзолея Ишрат-Хана в Самарканде (1464 г.)[15]). Широко распространен в тимуридской архитектурной орнаментике и мотив стилизованных листов — картушей[16]). Орнаментация черным и белым на дне чаши № 3 находит аналогии в керамике Мавераннахра XV — начала XVI в. (Ташкент, Отрар). Все эти данные позволяют рассматривать керамический комплекс № 1, как дальнейшую эволюцию керамики первой половины XV века и сдвинуть ее датировку ко второй половине этого столетия.

Принципиально новым является наличие в описанном комплексе чашки розовато-коричневого цвета. Здесь, видимо, какой-то интересный технологический опыт по созданию нового типа керамики. Эта чашка, еще XV века по форме (профиль) и материалу черепка (мягкий кашин), стилистически уже примыкает к большой группе чаш и блюд из Нисы, видимо значительно более поздних, в окраске которых применены различные оттенки светлокоричневого—«бежевого» цвета: бледнокофейный, коричневато-лиловый, розовато-шоколадный. Материал черепка их, как привило, — очень плотный сероватый кашин. Глазурь очень

прозрачная, стекловидная, но имеет чуть зеленоватый оттенок, который мы бы сравнили с цветом плохого оконного стекла. Роспись сосредоточена обычно на внутренней поверхности и выполнена черно-серой краской, в то время, как снаружи изделие окрашено упомянутым бежевым цветом — сплошь или радиально идущими от поддона полосами. В некоторых случаях он вводится и в украшения внутренней поверхности сосуда: то в виде выпуклых рельефных розоватых точек, то заливкой фона росписи «в резервах». Даем описание одного из типичных объектов этой группы.

Фрагмент дна чаши. Плотный сероватый кашин, чуть зеленоватая глазурь. Кольцевая ножка, дно с резким уступчатым утонением посередине; Д. дна = 9 *см*, сеч. 1.2 — 0.6 *см*. Роспись черно-серой (контуры) и светлосерой (заливка; на дне фестончатая, фигурная виньетка, заключающая стилизованные растения, перевитые лентами. На обороте стенка залита светлокоричневым тоном (рис. 5).

Рис. 5. „Виньетка" на дне чаши.

Этот фрагмент имеет ряд типологически близких вариантов донышек с рисунком аналогичной изящной виньетки. Одно из таких донышек окрашено снаружи не бежевой, но светлосиней краской. В дополнение к этому укажем на ряд черепков, белых внутри, светлосиних снаружи. Здесь наличествуют, видимо, дальнейшие поиски новых приемов раскраски керамики. Известно, что керамика Ирана XVI—XVII вв. отличается как раз большим разнообразием общетоновых покрасок: серых, синих, «кофе с молоком», зеленоватых и др.[17]).

Среди донышек, украшенных фестончатой виньеткой, в виде букетов стилизованных цветов и трав, перевитых внизу широкой лентой, очень любопытно одно, отличающееся от остальных плоским, а не уступчатым сечением дна, на реверсе которого — своеобразная марка. Близкую ей

параллель находим в одной из так называемых марок Караманиии, XVII в.[18]). Следует оговорить, что условность принятой музейной классификации персидских фаянсов ни в какой мере не дает оснований принимать на веру ни данное хронологическое, ни территориальное определение, нередко связанное не с местом находок, но с местом покупки музейного объекта. Мы считаем, что наоборот, именно наш предмет из Нисы позволяет уточнить место производства и датировку керамики с такими марками: Северный Хорасан, а не Керман; XVI столетие скорее, чем XVII.

На одном из фрагментов дна чаши той же группы — аналогичного по материалу черепка, типу глазури, уступчатой форме сечения и орнаментации в виде изящной виньетки, заливка черных контуров рисунка выполнена не серым, но индигово-синим тоном (безусловно не кобальт). Этот фрагмент подводит нас к другому, подобному же по материалу, сечению и расцветке, но отличному по мотивам орнаментации фрагменту дна. Здесь нанесены синей, с сильно растекающимися контурами, краской пучки густо сплетенных четырехлепестковых цветочков, распределенных большой охапкой в центре и небольшими—вокруг. Подобный мотив пышных пучков мелких цветочков— двух, трех, четырехлепестковых отмечен на множестве других фрагментов из Нисы. Один, между прочим, содержит изображение птички в куще таких цветов; другой дает представление о профиле стенок тарелок с подобной орнаментацией, отлогих, с легким загибом небольшой закраины. Последняя радикально отлична от резко выраженного отгиба борта тарелок и блюд начала XV века.

При раскопках 2-го отряда ЮТАКЭ в комплексе с подобной керамикой были найдены тонкостенные тарелки своеобразного типа. Приведем описание двух из них, наиболее сохранных.

1. Тарелка. Очень плотный белый кашин; прозрачная, чуть зеленоватая глазурь; роспись синей (тон «индиго»), с расплывающимися контурами. Прямое дно; кольцевая ножка; стенка плавно переходящая от дна, круто выпуклая в верхней части, с сильно выраженным отгибом, Д = 23 *см,* сеч. 0.3—0.7 *см.* Орнаментация внутри: участок «почвы», поросший травами, какая-то кочка; свободно произрастающий гибкий цветущий куст. Снаружи—три неопределенных пятна—род венчиков цветка.

2. Блюдце. Д=14 *см,* сеч.=0.2—0.6 *см.* Материал, глазурь, цвет росписи, сечение те же самые. В круге дна, оконтуренного 14 вдавленными фестонами—два перистых деревца, длинноклювый баклан, хватающий рыбу. Снаружи на стенке—тот же мотив, что и на предыдущем объекте.

Массовость описанной группы объектов является в известной мере показателем местного их происхождения, что убедительно подтверждается находкой подобных бракованных экземпляров, которые едва ли стали бы ввозить издалека. Хронологически она должна быть отнесена ко времени около конца XV—XVI столетию. Наличие «бежевых» окрасок совпадает с распространением с XVI в. керамики Китая, именуемой «лакированно-коричневой»[19]). Кашинный черепок совершенствуется, значительно отличаясь от черепка XV в. плотностью структуры. Вместе с тем, яркие четкие кобальтовые росписи уступают место более сумрачным серым или индигово-синим тонам с расплывчатыми контурами. Характерно, что тот же процесс замены привозного кобальта иной, менее эффектной, синей или черно-серой краской

наблюдается в Мавераннахре XVI в. Отказ от превосходного по своим технологическим и художественным качествам кобальта, видимо, был связан с прекращением его подвоза и необходимостью перехода к местным заменителям.

Описанная керамика Нисы, как в общей фактуре, так и в мотивах орнаментации имеет очень мало общего с той иранской, считающейся типично-сефевидской, которая широко представлена в мировых музейных собраниях. Характерно, вместе с тем, появление на некоторых из нисийских объектов этой более поздней группы подражаний „ниен-хао“—китайским маркам. Известно, что в Иране подобные псевдо-иероглифы появляются не ранее XVI—XVII в.в. В материалах ЮТАКЭ, кроме описанного выше дна блюда, подобные „марки“ имеются еще на трех объектах. На одном сохранилась половинка квадратной марки, на другом (фрагмент чашечки)—два изящных, но абсолютно нечитаемых иероглифа; на третьем—пять неопределенных мазочков (ср. ниже).

Рис. 7. Изображение феникса.

Рассмотрим некоторые типы керамики из Нисы, в которых налицо подражание китайским изобразительным сюжетам. Они составляют единый стилевой, но не хронологический комплекс, так как подобные подражания имели место и в XV и в XVI в. Так, очевидно к XV веку может быть отнесена часть стенки блюда с отогнутым бортом; черепок—мягкий белый кашин, глазурь голубоватая, роспись кобальтом. Внутри на белом фоне разбросаны различные китайские фигуры: ромб с отходящими от него лентами, 6-лепестковые цветы; на обороте — свободно брошенные веточки в китайском же стиле. Интересны фрагменты двух блюд. Материал мягкий сероватый кашин, роспись кобальтом «в резервах»: изображение лотоса и остроконечного листа. Мотив этот отмечается на керамике Самарканда XV столетия, равно как и другие, встречающиеся на нисийской керамике мотивы: меандр, «облака», китайского типа побег с крупными листьями «в резервах», побеги, усики, завитки.

Другая группа «китаеобразных» предметов — по материалу черепка

(твердый кашин), типу зеленоватой глазури, цвету росписи (серая, индигово-синяя), форме профилей и по сюжетам должна быть отнесена к XVI в. Здесь интересен ряд объектов с пейзажами, копирующими китайские образцы. Такого донце чашечки, сохранившее в круге дна изящный пейзаж: холм с деревцами у реки, а на обороте—окаймление в виде венчика лотоса и два „псевдо-иероглифа" (видимо их было 4). На другом фрагменте в круге дна изображена двухъярусная пагода среди округлых холмов, с деревцом на вершине одного из них; по типу сюжет этот напоминает пейзаж фарфорового блюда эпохи Ван-Ли (1573 — 1619)[20]. Аналогичны пейзажные мотивы на дне трех других чашечек и двух блюд, несущих на обороте у дна лепестки венчика лотоса. Так фрагмент блюда содержит часть пейзажа с угловатыми скалами, листвой бамбука и крылами летящей птицы.

Рис. 8. Фрагмент чашки.

На грани XV—XVI вв. стоит по стилю фрагмент днища блюда с изображением феникса среди китайских облачков. Фрагмент наш близок по стилю к «самаркандским» фениксам—на чаше XV в. из Самаркандского музея (инв. № 5 — 122) и на фрагменте блюда XVI в. Археологического кабинета САГУ. Трактовка сюжета и мотив облаков очень напоминают вазу эпохи Ван-Ли[21]), однако роспись последней полихромна, между тем как сами мотивы в китайском изобразительном искусстве весьма архаичны, восходя еще к эпохе Хань.

Остановимся на интересном фрагменте дна чашки с зооморфным сюжетом. Материал его — плотный, тонко отмученный сероватый кашин; прозрачная глазурь. Роспись — черные контуры, светлосиняя (лиловатая) заливка. В круге дна — забавный вороненок с поднятой лапкой, на холмике, под веткой с перистой листвой. На обороте дна — имитация китайской марки в виде неопределенных серых штришков — мазочков (рис. I, В.). Подобные 5 мутных пятнышек с неопределенным росчерком псевдо-иероглифов характерны для марок Кашана XVI в.[22]). Рисунок на дне, выполненной с большим юмором, может быть, иллюстрация какой-нибудь басни, необычен для известной нам по массовому просмотру

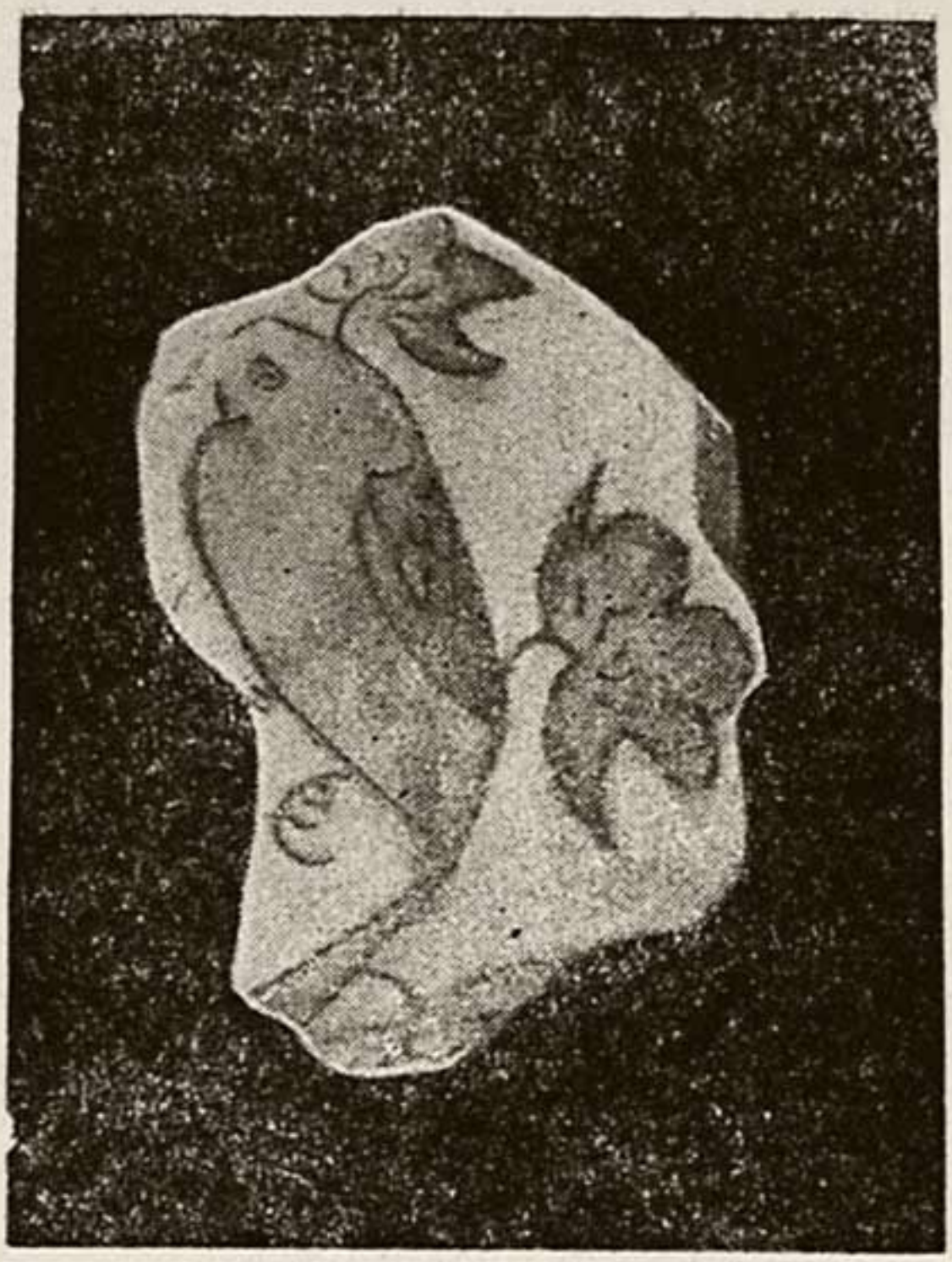


Рис. 9. Птичка.

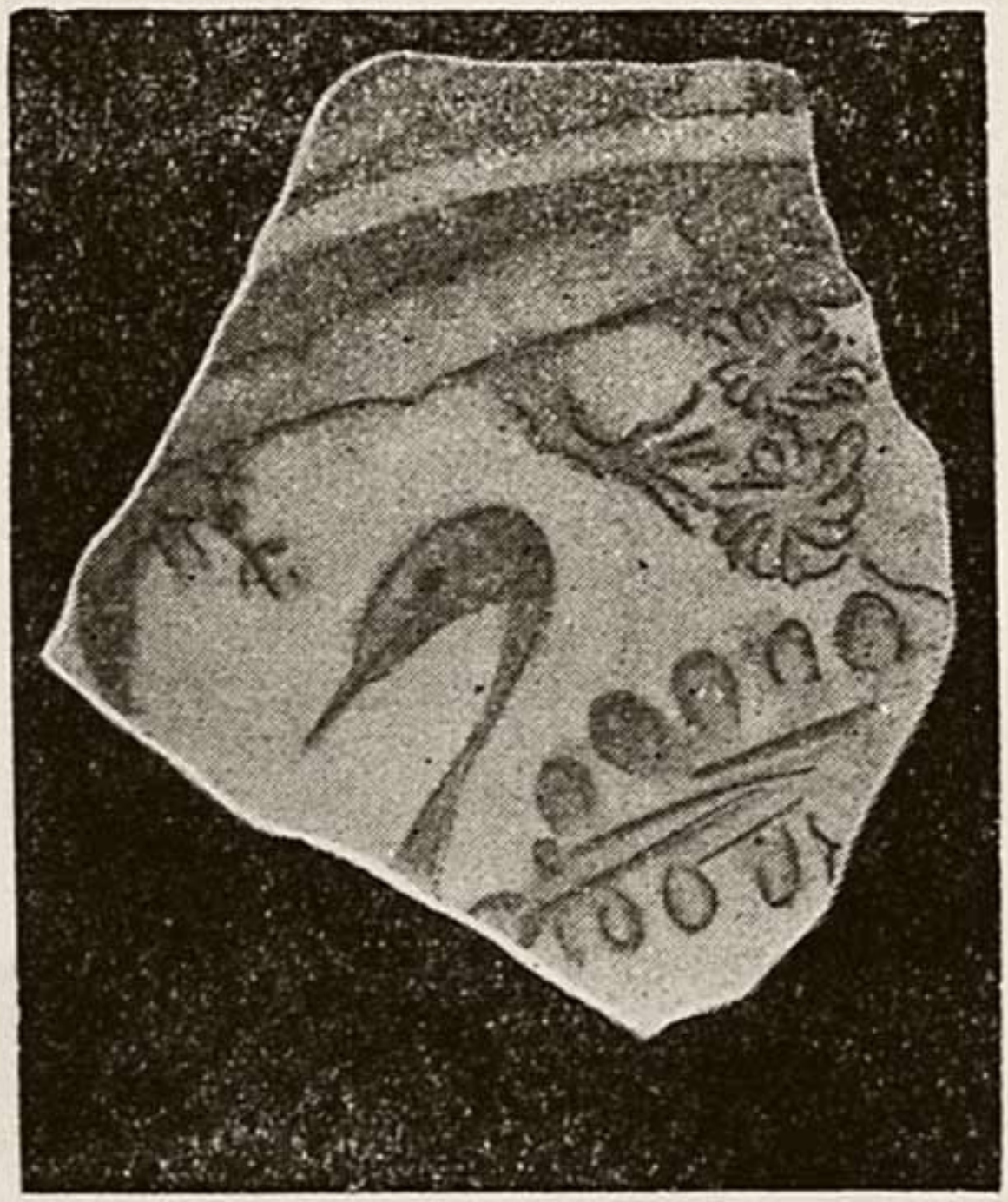


Рис. 10. Цапля среди кустов.

керамики Нисы. Возможно, что чашка эта — не местного изготовления, а привозная.

Вообще же Нисийская керамика с зооморфными сюжетами представлена в материалах ЮГАКЭ целой серией фрагментов. Мы уже упоминали об изображении птички в пышных зарослях цветов и о фениксе. В коллекции Е. Г. Сукачева есть дно блюда из Нисы с кобальтовой росписью, с изображением цапли в полете, среди густых переплетений различных растений, стилистически примыкающее к керамике XV в. По сюжету и деталям орнаментации оно близко к блюду с темой летящей цапли, именуемому в музейном определении „вераминским“, но принадлежащему, по мнению Дж. Рейтлингера, к той пока невыясненной группе керамики XV в., которая могла производиться в таких тимуридских центрах, как Герат и Мерв[23]). Изображение цапли на фоне пейзажа с деревцами и кустами есть на фрагменте дна блюда из Новой Нисы, которое по материалу, профилю, росписи может быть отнесено к концу XV — началу XVI вв. Любопытно, что рисунок здесь частично выгравирован на черепке, причем затеки кобальта дают ему темносиние контуры. В подобной же технике выполнена роспись на фрагменте крупного блюда, где сохранился круп сидящей под кроной дерева тонконогой козочки. Совершенно очаровательно расписанное в подобной же манере блюдо из коллекции Е. Г. Сукачева с идиллическим пейза-

жем: на берегу реки, поросшем деревьями и кустами, лежит лань, а напротив стоит, чутко приподняв голову, козлик. Тема лани, в покое или в беге, в материалах ЮТАКЭ представлена еще тремя экземплярами, найденными в тимуридском квартале шахристана Новой Нисы.

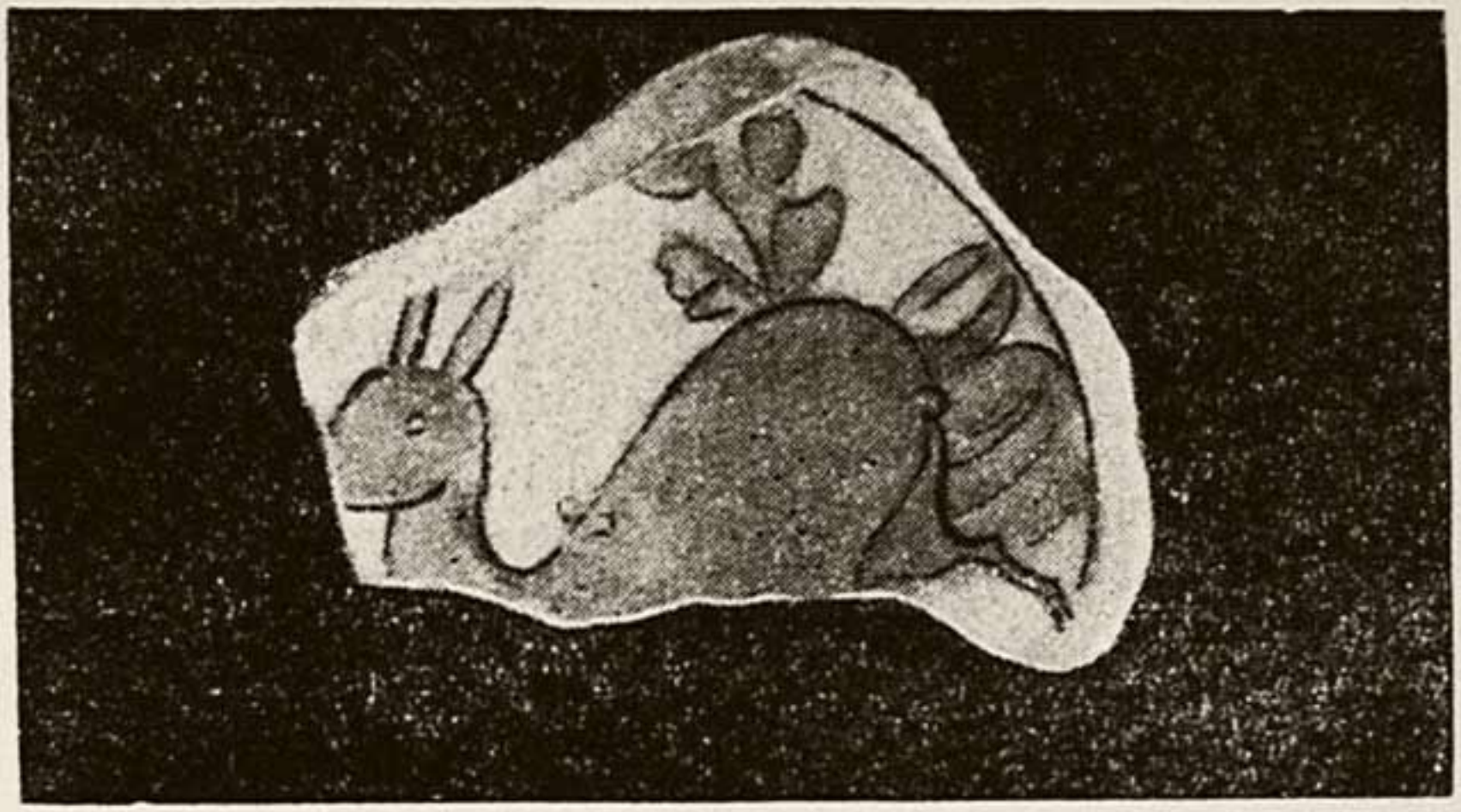


Рис. 11. Лань.

В группе твердокашинных фаянсов XVI в., с росписью чёрно-серым и серо-синим, (но иногда — кобальтом) содержится несколько изображений птичек: соколиной породы (раскоп стены Новой Нисы, Нз И6—1), дрофы, кеклика, певчей птицы среди листвы.

Изучение материала дает известную наметку к классификации большой керамической группы из Нисы, хронологически обнимающей около двух столетий (XV и XVI вв.), в эволюции которой может быть отмечено по меньшей мере три этапа. В заключении попытаемся вкратце сформулировать те основные наблюдения, на основании которых определилась эта классификация.

I. Керамика первой половины XV века

Материал черепка — мягкий, хрупкий, сероватый, иногда почти белый кашин. Глазурь — прозрачная, играющая мягкими бликами. Роспись кобальтом — светлым и сочным; контуры несколько расплывчаты; нередко роспись « в резервах». Сечение чаш: стенка — выпуклая у основания, с легким отгибом закраины; невысокая кольцевая ножка; дно с выпуклостью посередине. Сечение блюд: стенки с отогнутым бортом, с утолщенной закраиной; низкая, широкая кольцевая ножка; плоское дно с выемкой у поддона. Орнамент — стилизованно-растительный и отвлеченный; штриховые сетки; иногда использование отдельных мотивов китайской орнаментики (лотос, побегун, завитки, меандр, «облака»). Композиция орнамента—центральная или свободная. Орнаментация чаш: внутри — в круге дна и у закраины, или же по всей поверхности; снаружи — полосою легких завитков, побегов. Орнаментация блюд — только внутри: в широком круге днища, в концентрических полосах — на стенке и отогнутом борте.

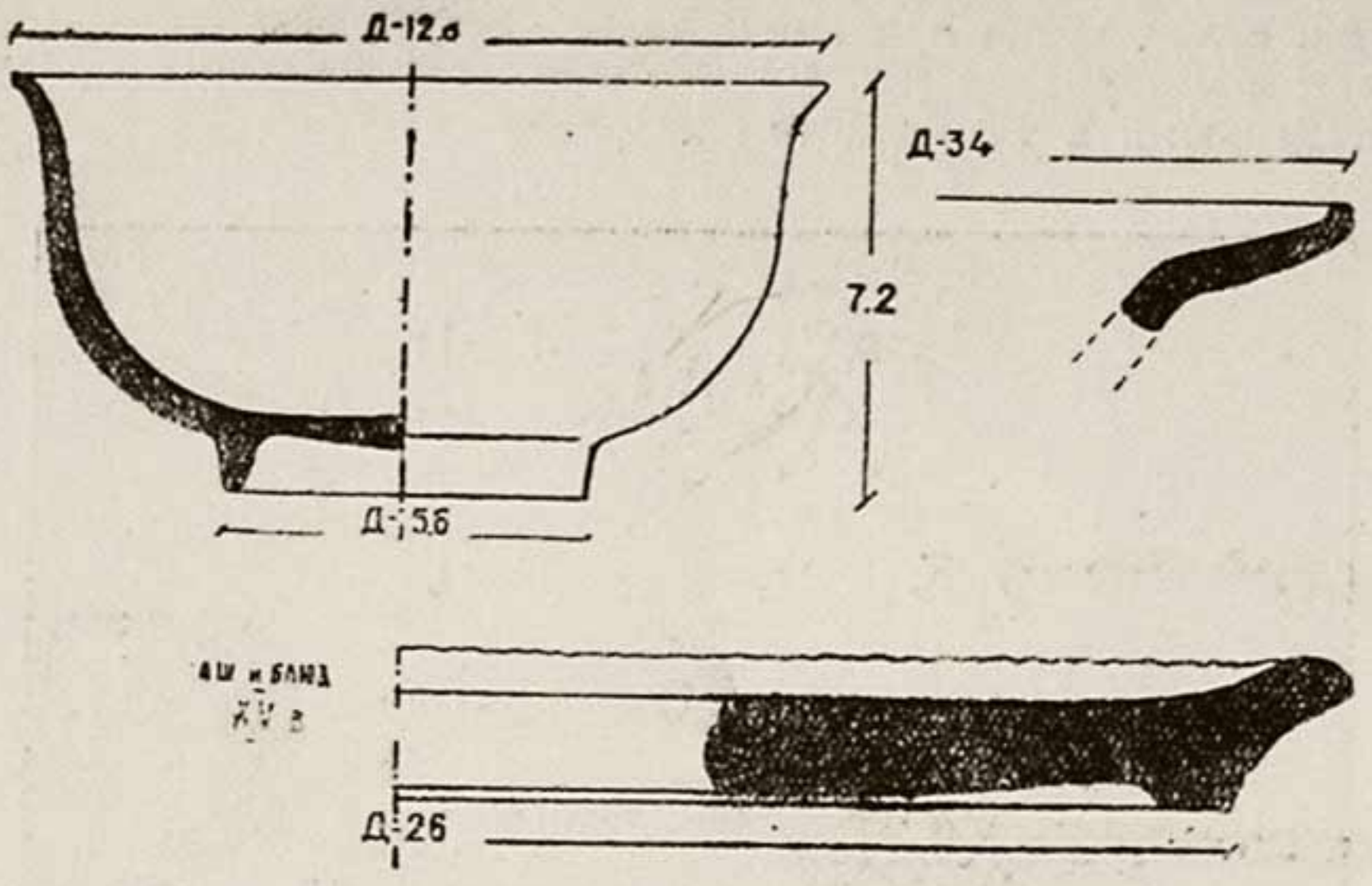


Рис. 12. Сечение чаш и блюд первой половины XV в.

II. Керамика второй половины XV века

Материал черепка — мягкий, плотный, снежно-белый, иногда чуть сероватый кашин. Глазурь прозрачная, играющая мягкими бликами; фактура близка к фарфоровой. Роспись ярким кобальтом или светлым кобальтом в сочетании с черной. Иногда детали рисунка выгравировываются по черепку и затеки краски делают контуры его более темными.

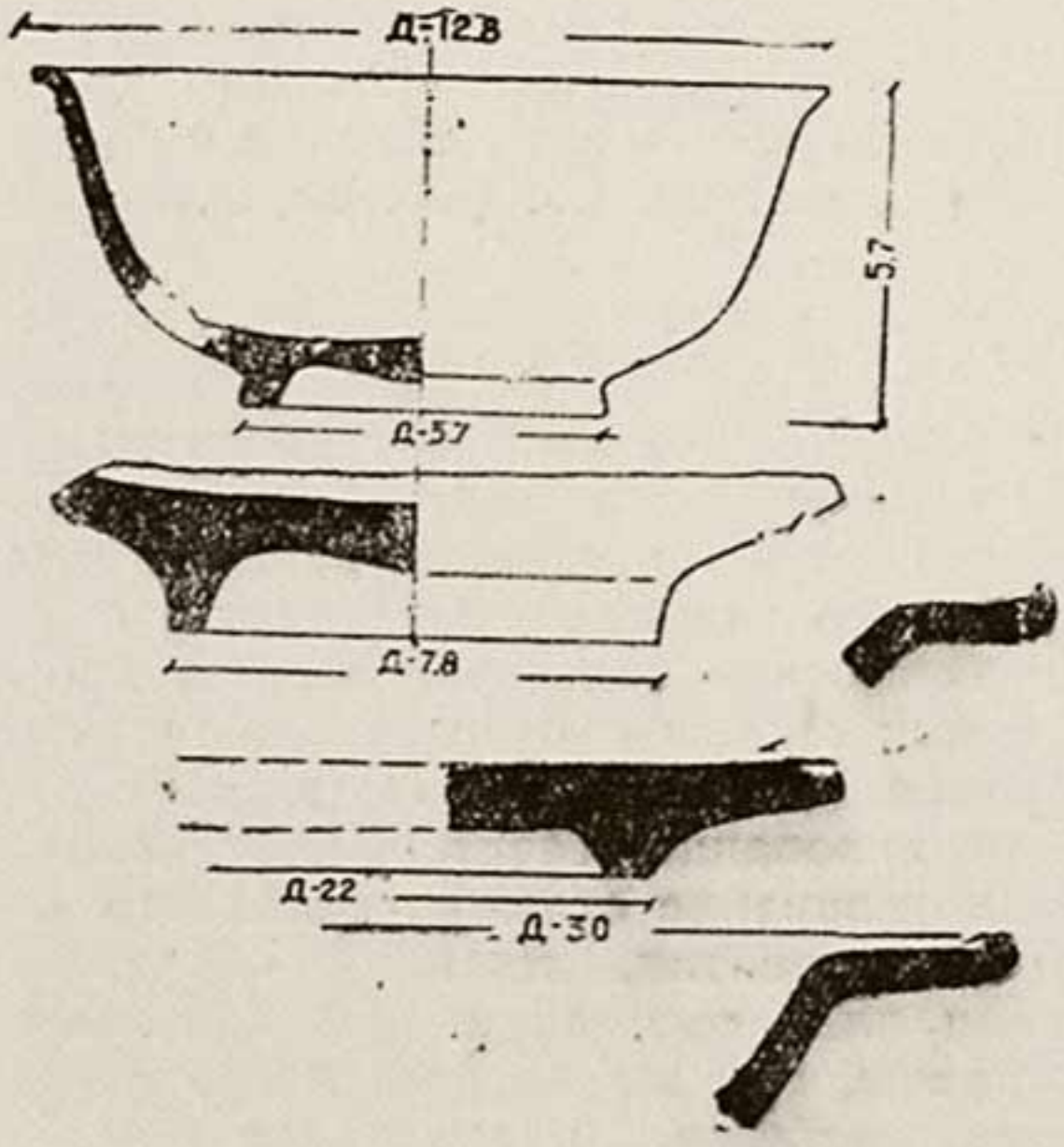


Рис. 13. Сечение чаш и блюд второй половины XV в.

Наблюдается введение светло-шоколадной окраски изделия. Сечения чаш и блюд—почти те же, что и в предыдущей группе. Орнамент: стилизованный, растительный, приближающийся к стилю мотивов среднеазиатских архитектурных орнаментов XV века; пейзажные композиции с зооморфной тематикой, приближающиеся по стилю к китайским; просто зооморфные сюжеты—птицы, лани. Размещение орнамента на чашах и блюдах—как в предыдущей группе. Композиция орнамента в круге дна—центральная или отвесная: в последнем случае—почти картина, у которой есть верх и низ, начало и конец.

III. Керамика XVI века

Материал черепка — плотный, очень крепкий, сероватый, иногда белый кашин. Глазурь — чуть зеленоватая, очень глубокая. Роспись черно-и светлосерой, темно-и светлосиней (тон «индиго»), последняя — с сильно растекающимися контурами. На внешней поверхности сосуд иногда покрыт под глазурью краской различных светло-коричневых или светло-синих оттенков. Сечение чаш — округлое, без отгиба закраины; кольцевая ножка; дно с резким уступчатым утонением к середине или

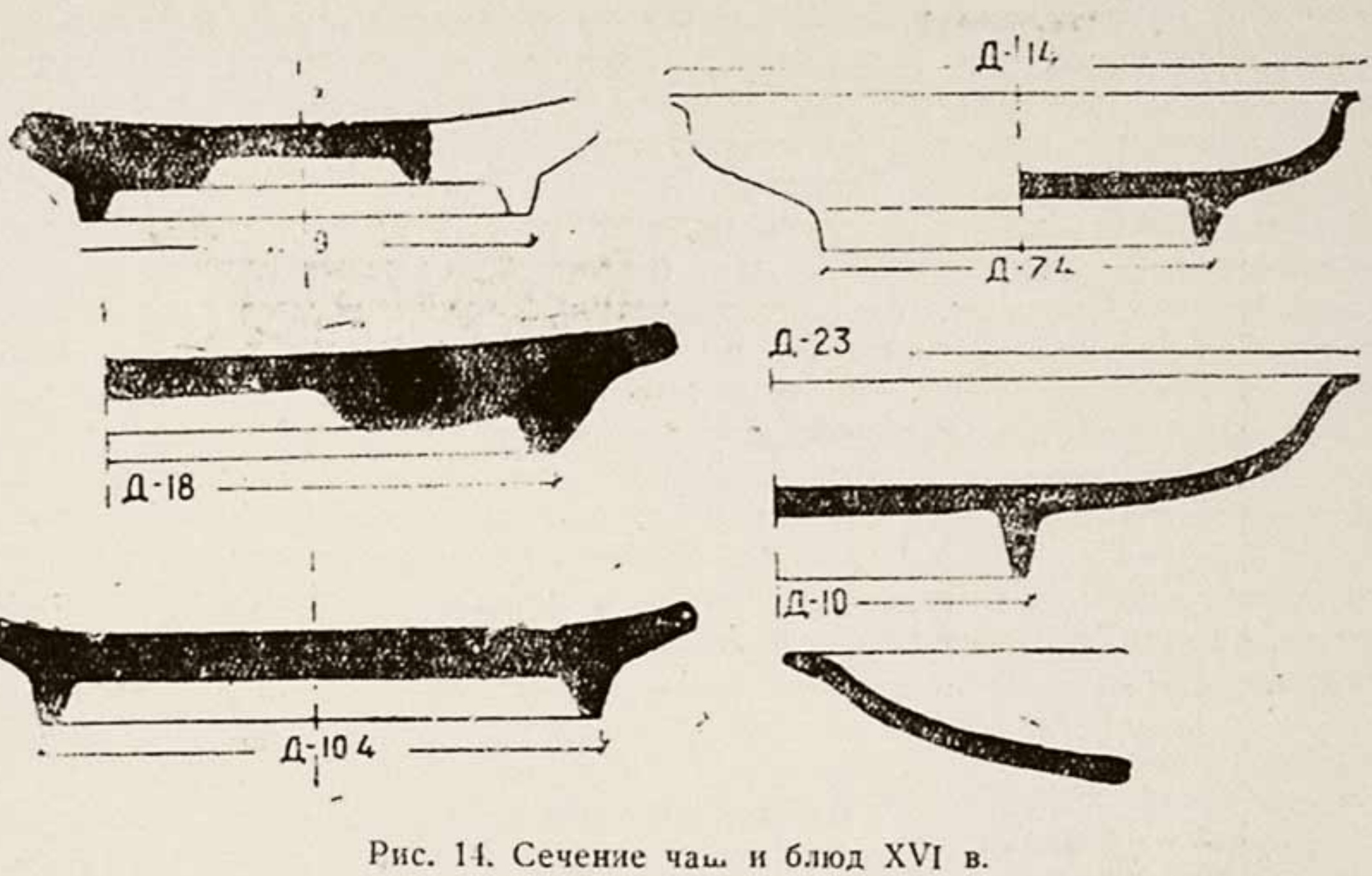


Рис. 14. Сечение чаш и блюд XVI в.

прямое. Сечение блюд — стенка отлогая, с легким отгибом закраины; кольцевая ножка; дно — как у чаш. Сечение особо-изысканных экземпляров тарелок и блюдец: стенка — с сильно выраженным отгибом закраины, выпуклая вверху, плавно спрямляющаяся ко дну; высокая, тонкая кольцевая ножка; плоское дно. Роспись сосредоточена на внутренней поверхности. Орнамент растительный; зооморфные сюжеты; иногда подражательные китайские мотивы и китайские пейзажи. Композиция: отвесная, центральная свободно-живописная. Появление на обороте дна псевдо-иероглифов в подражание китайским маркам.

Таковы некоторые данные о керамике Нисы XV — XVI вв. Стиль ее, несомненно связанный с широким проникновением китайских фарфоров эпохи Минг на Средний и Ближний Восток, характеризуется, однако, не столько прямыми заимствованиями китайских образцов, сколько общей манерой, определившей сложение качественно нового стиля. Это, прежде всего, монохромность — ограниченность росписи одной—двумя красками, при наличии определенных градаций их оттенков; это — особая, присущая и самаркандской керамике XV — XVI вв., роль гладкого белого фона, как активного элемента орнаментальной композиции; это — живописное распределение узора и динамика его построения; это — тонкое «импрессионистическое» ощущение живой природы, которое, пройдя

в изображении фазу определенной стилизации, не утрачивает своей реальной сущности. Несмотря на известный провинциализм нисийской керамики в сравнении с роскошной керамикой тимуридского Самарканда, она предстает перед нами как очень интересное явление местного художественного производства. Вместе с тем, исследование ее вносит нечто принципиально новое в существующие представления о так называемых персидских фаянсах. Изучение последних до настоящего времени велось почти исключительно по музейным коллекциям, в полном отрыве от конкретных территориальных и хронологических данных. Вот почему, несмотря на детально разработанную по формальному признаку классификацию типов так называемой сефевидской керамики, невозможно сколь-нибудь уверенно говорить о месте их производства, хотя есть прямые письменные известия об изготовлении превосходных фаянсов в Исфахане, Кашане, Иезде, Зардане, Кермане, Мешхеде и Ширазе.[24]) Теперь мы вправе констатировать наличие особой «северно-хорасанской» керамической группы XV—XVI в.в., о которой в письменных источниках данных нет. Стиль ее, охарактеризованный выше, весьма своеобразен: для XV в. он несколько похож, но больше не похож на керамику мавераннахрскую; для XVI в.—почти не похож на иранскую. Пока невозможно сказать, является ли подобная керамика типичной только для Нисы и близлежащих городов Хорасана XV—XVI вв. (например, судя по подъемному материалу, Анау или, как показали сборы Б. А. Литвинского, Дуруна и Языра), или характеризуют северно-хоросанскую керамическую школу в целом. Ответ на этот вопрос дадут очередные изыскания Южно-Туркменистанской Археологической Комплексной Экспедиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Марущенко, А. А. Краткий отчет о работе кабинета археологии Туркменского Государственного Института Истории за первую половину 1936 г. Материалы ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949, стр. 182.

2. В основу нами положена последняя монументальная сводка по персидской керамике: Pope, A. U. The ceramic Art in Islamic Times. A History. The Safavid Period. A Survey of Persian Art, vol. 11. London—New-Jork, 1939, p.p. 1646—1664; vol. V, pl. 782—811.

3. Пугаченкова, Г. А. Типы художественной керамики эпохи Тимура и Улугбека из раскопок Гури-мира 1943 г. Ее же. Зооморфные элементы в тимуридской керамике Самарканда. Ее же. Керамика Самарканда эпохи Тимура и тимуридов в собраниях Самаркандского музея. Аннотации в Бюллетене САГУ, вып. 23. Ташкент, 1945 г., стр. 184.

4. Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 г.г. Пер. И. И. Срезневского. Сборник отделения русского языка и словесности АН, т. XXVIII, СПб, 1881, стр. 252.

Среди находок фарфора из упомянутого квартала шахристана Нисы весьма интересно донце крошечной чашечки (Д = 4 *см*, сеч. = 0.2 *см*) с сочной кобальтовой росписью, розочкой на внутренней поверхности, а на внешней — с особой, неизвестной по доступным нам определителям, китайской маркой, может быть, XVIII в.

6. Bretschneider, M. D. Chinese intercourse with the countries of Central and Western Asia during the XV Century. The China Review, 1876, p. 158.

7. Бартольд, В. В. Мир-Али-Шир и политическая жизнь. Сборник «Мир-Али-Шир». Л., 1928, стр. 160.

8. Jacquemart, A. Histoire de la ceramique. Paris, 1873, p. 161.

9. Butler, A. J. Islamic Pottery. London, 1926, p. 79—80. Белогородский А. А. Географические имена в персидских названиях предметов материальной культуры. ЗИВ АН СССР, IV, 1937, стр. 101.

10. Вопреки существующему мнению, о, якобы, подражании подобной керамики, известной в литературе под наименованием «фаянсов Гомруна» (по названию южноиранского порта — ныне Бендер-Аббаса), китайским фарфорам «grain de riz», вошедшим в моду в XVIII в (Кубе, А. Н. История фаянса. Берлин, 1923, стр. 31), находки в Нисе, имеющие принципиальную важность благодаря точной их датировке, показывают, что подобный прозрачный ажурный фаянс не только «был стариннейшим производством Персии» (Карбоньер, А. А. Каталог предметов глиняного, фаянсового и майоликского производств. СПб, 1899, стр. 29—30) и может быть даже оказал влияние на керамическое производство Китая (Jean, J. Les arts de la terre. Paris, 1911, p. 48). Работами ЮТАКЭ устанавливается один из пунктов его производства в Северном Хорасане, а также впервые уточняется время появления здесь, в конце XII—начале XIII вв., т. е. задолго до распространения его в китайском производстве.

11. К этой керамике близки знаменитые китайские чай-яо — тончайшие фарфоры, которые сами китайцы называли «голубыми, как небо, ясными, как зеркало, тонкими, как бумага, звонкими, как музыкальный камень — нефрит» (Bushell, S. W. L'art chinois. Trad. par H. D'Ardenne de Tizac. Paris, 1910, p. 207).

12. Роспись «в резервах», т. е. с закраской синим цветом фона и оставлением рисунка белым.

13. Отгиб борта является характерной особенностью самаркандских блюд XV в.

14. Мы опускаем описание попавших в этот комплекс двух более ранних, типологически восходящих еще к XIV столетию, неопределенной формы глазурованных фрагментов, а также несколько безглазурных объектов (два кувшина, «симобкузача» — так называемый сфероконический сосуд), число которых пока слишком незначительно, чтобы возможно было составить суждение о характере неполивной керамики Нисы XV столетия.

15. Денике, Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.—Л., 1939, рис. 171, 173 — ср. украшения портала.

16. Мавзолей Туман-Ака 1405 г. (цит. соч., рис. 156); медресе Улугбека 1417—1424 г.г. (цит. соч., рис. 168—170); мавзолей Ишрат-хана 1464 г. — мозаики на барабане купола.

17. Pope, A. U. Цит. соч., II, p. 1647.

18. Карбоньер, А. А. Цит. соч., стр. 25, № 401 и стр. 59.

19. Bushell. Цит. соч., p. 211.

20. Bushell. Цит. соч. Fig. 125.

21. Bushell. Цит. соч. Fig. 117.

22. Карбоньер. Цит. соч. Фиг. 25, стр. 30, 47.

23. Reitlinger, G. The Interim Period in Persian Pottery; an Essay in Chronological Review. Ars Islamica, vol. V, pt. I, 1938, p. 178. Fig. 35.

24. Pope, A. U. Цит. соч., vol. II, p. 1646.

Л. Т. ГЮЗАЛЬЯН, М. М. ДЬЯКОНОВ

НАДПИСИ НА ЗВЕЗДЧАТЫХ ИЗРАЗЦАХ XIII в. С ГОРОДИЩА НОВАЯ НИСА

1. Восьмиконечная люстровая звезда с изображением в центре сидячей фигуры бородатого мужчины с цветком в правой руке.

По борту довольно свободным почерком насх записаны персидские стихи. В сравнении с другими подобными записями, в подавляющем случае вполне корректными, эта запись содержит повторения и неточности. Это и служит основанием попытки «исправить» ее, пользуясь в одном случае аналогичными записями, в другом — общим смыслом.

1. Начало от нижнего левого луча. Четверостишие:

مر ا تو کی عشق جاوه انی دارم * یك مهر مراد مهربانی دارم

نا مر صما چو زندگانی یکی * من نیز ترا نوع زندگانی دارم

«Так как я с тобой связан навеки,
Надеждой на любовь (твою) мне служит один лишь калым.
Если ты, о идол (красавица), станешь жить со мною,
Я с тобой достигну зрелости в жизни (т. е. не расстанусь
с тобой никогда)».

В записи три начальных слова четвертого полустишия даны с искажениями, почему они не вяжутся ни с размером, ни со смыслом.

2. Продолжение от среднего правого луча. Четверостишие, местами запись плохо различима, но по аналогичным записям восстанавливается легко.

یادم چو ازین عزم سفر می اید * بر من همه خوش دلی بسر می اید

کلگون سرشکم که حوا بست روان * از گرم روی بروی در می اید

«Память, от которой во мне возникает желание путешествовать,
Мне всегда доставляет радость.
Мои слезы цвета розы, что текут как вода,
От (своего) обилия заливают мне лицо».

В записи в конце третьего полустишия, то ли по забывчивости писца, то ли с целью исправления неточности, повторена вторая половина пос-

ледней фразы, а в трех начальных словах последнего четверостишия допущена просто ошибка.

3. Непосредственно вслед за вторым четверостишием, без каких либо разделительных знаков, следует бейт в размере мутакариб, очень часто встречающийся в записях на изразцах.

نگه دار باد اجهان افرین * بهرجا کباشد خداوند این

«Да будет оберегать творец мира этого
Владетеля (государя), где бы он ни находился».

4. После двух разделительных палочек начата запись даты, для которой нехватило места: «ба-тарихи» — «в летоисчисление...»

II. Восьмиконечная люстровая звезда с изображением юноши, сидящего на берегу пруда. (Один луч звезды отбит).

Читать следует, начиная с центра луча, находящегося над головой юноши:

زلفت کی دلم درخم آویخته بست * خون دل عاشقان بسی ریخته است

جائیست خطرناک ریغاکه دراو * بیچارهٔ دلم بموی آویخته است

نگه دار باد اجهان آفرین * بهر آن کباشد خداوند این

بکام تو باد ا همه کار تو * . . . . . .

. . . . . فی ماه ربیع الآخر

(Руба'и)
«Локон твой сердце мое запутал (в свой) завиток,
(Это) опасное место, увы! так как в нем
Кровь сердца многих влюбленных пролита.
Бедное сердце мое повисло на волоске».

(Месневи)
«Хранителем да будет создатель миров
Каждого, кто будет хозяином этой (вещи),
По желанию твоему да будет всякое твое дело.
...(отломан луч) в месяце раби II».

См. это же четверостишие у M. Bahrami, Le problème des ateliers des étoiles de faience lustrée Revue des Arts Asiatiques. t. X-4, Dec. 1936, pl. LX (центральная звезда в верхнем ряду), LXII (левая, верхняя звезда). Первая звезда находится в музее Декоративных искусств в Париже, вторая в Берлине. Обе те звезды датированы мартом-апрелем 1267 г. и происходят из Имам-заде в Дамгане. Это здание середины XIV в., но звезды ранее были на другом, повидимому, светском здании.

В. Н. КОНОНОВ

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ТКАНИ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА НИСА 1946 г.

При осмотре бронзовой крышки из археологического комплекса IX—X вв. на одной стороне ее края было обнаружено небольшое утолщение из продуктов коррозии ярко зеленого цвета и довольно твердых. В этом утолщении можно было заметить маленькие обрывки ниток. При осторожном воздействии струи водяного пара на утолщение удалось его отделить от крышки, при этом оно расслоилось, и в общей массе продуктов коррозии отчетливо выявились фрагменты ткани. Отделенный от крышки материал был помещен в сильно разбавленную соляную кислоту, в которой продукты коррозии полностью растворились. В прозрачном, зеленого цвета (соединения меди) растворе были обнаружены фрагменты белой ткани. Фрагменты были извлечены из раствора, промыты дистиллированной водой, перенесены на стекла, где были расправлены, высушены, затем закрыты другим стеклом и заклеены между этими стеклами. О количестве, форме и структуре фрагментов можно судить по прилагаемой фото-проекции с них. Фото-проекция выполнена так: на фотобумагу накладывались фрагменты на стеклах и освещались, фото-бумага проявлялась и фиксировалась. В результате было получено негативное изображение фрагментов.

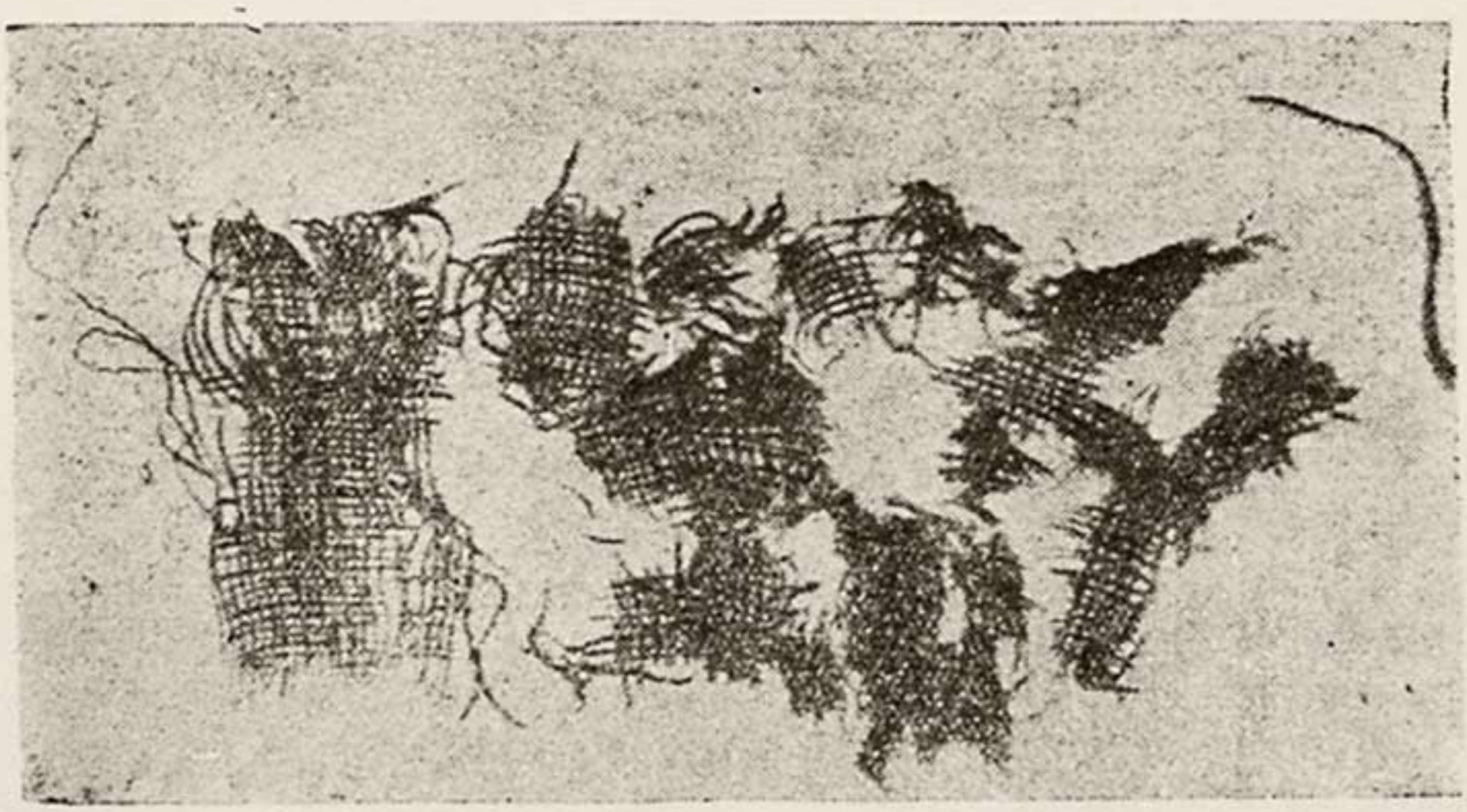


Рис. 1. Вид ткани в увеличении.

Была сделана также фото-проэкция фрагментов и на фотопластинке. С полученного негатива прилагается позитивное увеличение. Как на самих, очищенных от загрязнений фрагментах, так и на негативной фотопроэкции и увеличении отчетливо видно переплетение ткани—простое полотняное и достаточно плотное. Наблюдая ткань под микроскопом, при малом увеличении, удалось установить число нитей в ткани на один квадратный сантиметр в двух направлениях, т. е. по основе и утку, а именно 32 × 32 (средние данные). Величина фрагментов не позволяет определить особо нити утка и основы. Нити в ткани крученые, крутка справа налево. Толщина нитей изменяется в пределах 0.090 *мм* — 0.180 *мм* (90 *μ* — 180 *μ*).

Природа волокон устанавливалась микроскопическим исследованием и в водной среде. Природа волокон—лен. Под микроскоп были видны характерные, гладкие, элементарные волокна льна-долгунца с веретенообразно заостренными концами, имеющие значительную толщину стенок, малый внутренний просвет, продольную штриховатость, поперечные сдвиги. Средняя толщина элементарных волокон колеблется в пределах 0.015 *мм*—0.017 *мм* (15 *μ* — 17 *μ*). Количественные показатели получены при измерениях, сделанных под микроскопом при помощи окулярного микрометра, цена делений которого устанавливалась по шкале, объект микрометра — 1/100 *м/м*.

Из сделанного обследования фрагментов ткани можно сделать следующий вывод: само сырье—лен высокого качества, техническая обработка его, производство пряжи и ткани указывают, что этими процессами мастера владели в совершенстве.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Е. Массон — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 года. 5
М. Е. Массон — Городища Нисы в селении Багир и их изучение. 16
I. Наименование. 16
II. Научные представления о положении города Ниса. 22
III. История изучения Нисы в археологическом отношении: 24
А) Изучение за дореволюционное время. 24
Б) Изучение за время советской власти. 28
IV. Прошлое Нисы в свете работ ЮТАКЭ 1946 года. 36
V. Хронологическая таблица к истории Нисы. 107
С. А. Ершов — Археологические исследования на городище Старая Ниса в 1946 году. 116
В. А. Левина — Стена и башня «Старой Нисы». Археологическое вскрытие 1946 года. 133
М. И. Вязьмитина — Археологическое изучение городища Новая Ниса в 1946 году. 147
В. Д. Жуков — Изучение пригорода Нисы в 1946 году. 170
Е. А. Давидович — Исследование вала к юго-западу и западу от Новой Нисы. 191
Г. А. Пугаченкова — Архитектурные памятники Нисы. 201
I. Памятники античности 202
1) Старая Ниса 202
2) Новая Ниса 230
II. Памятники средневековья 241
1) Баня в цитадели 241
2) Намазгох 247
3) Элементы архитектурного декора. 251
С. А. Вязигин — Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы. . . 260
Б. А. Литвинский и В. Г. Мошкова — Изучение Така — Языра, Дуруна. 276
К истории вопроса 277
Городище Дурун 294
Городище Гёк-Тепе 299
Городище Шехр-Ислам 301
Характеристика подъемного материала городища Шехр-Ислам. 308
Силуэты прошлого Шехр-Ислама. 311
Так-Языр и Дурун. 319
А. П. Окладников — Древние каменные изделия с городища Новая Ниса (сборы 1946 года). 326
Л. И. Рempель — Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. 332
Е. А. Давидович — Стекло из Нисы. 373
Г. А. Пугаченкова — Глазурованная керамика Нисы XV—XVI в.в. . . 400
Л. Т. Гюзальян и М. М. Дьяконов — Надписи на звездчатых изразцах XIII в. с городища Новая Ниса. 418
В. Н. Кононов — Технологическое обследование ткани из раскопок городища Новая Ниса 1946 года. 420

Техредакторы: *Л. Т. Петрова* и *А. О. Васильев*.
Корректоры: *Л. Т. Петрова* и *В. А. Комарова*.

Подписано к печати 2/III—1950 г. Печ. лист. 27. Формат 72×105. Зак. 219.
Тираж—3.000 экз. И—03716

Ашхабад, ул. Энгельса, № 90. Типография Туркменского филиала Академии наук СССР.